A17 4 Cb / 30

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

кн. С. С. Кудашева.

А 17 4 соо
30

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Отечественная война).

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. № 5
1912

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

кн. С. С. Худашева.

4 скб
А17/30

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Отечественная война).

1891

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. № 5
1912

Инв. № 428846
8. X 1937

НѢСКОЛЬКО ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Третья часть Исторіи Императора Александра Павловича входитъ въ составъ пяти частей этой исторіи, написанной между 1898 и 1904 годами и задержанной печатаніемъ вслѣдствіе личныхъ моихъ обстоятельствъ. Наступившая годовщина доблестнаго и незабвеннаго 1812 года и желаніе внести свою лепту въ чествованіе его вызвали печатаніе этой части, за которымъ послѣдуетъ изданіе предыдущихъ и послѣдующихъ частей.

С. К.

„Я не положу оружія, доколѣ не единаго вооруженнаго воина не останется въ царствѣ Моемъ".

Слова въ рескриптѣ Государя Салтыкову.

Предсмертныя судороги союза съ Наполеономъ.

Послѣ долгихъ колебаній и недоразумѣній, въ особенности со стороны Россіи, франко-русскій союзъ получилъ въ Вѣнскомъ мирѣ тотъ толчокъ, послѣ котораго его распаденіе должно было случиться при первомъ между союзниками затрудненіи. Причина неизбѣжнаго распаденія гнѣздилась глубоко въ нравахъ обоихъ императоровъ и въ совершенно противоположной судьбѣ ихъ. Творецъ собственнаго величія, нагроможденнаго неусыпной предпріимчивостью, захватывающій всякое сподручное орудіе для своего возвеличенія, не могъ итти рука объ руку съ какимъ бы то ни было союзникомъ, не соблазняясь желаніемъ обратить его въ слѣпое орудіе, и тѣмъ болѣе при сближеніи съ государемъ, взгляды котораго не имѣли корня въ прочныхъ стремленіяхъ, а какъ бы истекали изъ разговорныхъ увлеченій, а рѣшенія часто запутывались въ податливости свѣтскаго, *слишкомъ любезнаго*, человѣка. Въ тильзитскомъ союзѣ, кромѣ свойственнаго всѣмъ житейскимъ договорамъ направленія,—желанія каждой стороны перетянуть себѣ всю пользу, была еще та особенность, что къ этому стремленію примѣнялись далеко не равныя силы, и что одинъ изъ союзниковъ къ громадной волѣ приносилъ въ содѣйствіе безстыдную и наглую лживость, допускающую его безнаказанно опьянять своего противника самыми заманчивыми видѣніями блестящихъ плодовъ союза, тогда какъ Александръ, поддавшись очарованію, соблазнившись тще-

славіемъ и запутавшись въ слишкомъ любезныхъ обѣщаніяхъ, легко срываемыхъ въ свѣтскомъ обхожденіи, если и раскаивался въ нихъ, то, по своимъ прочно укоренившимся привычкамъ *порядочности*, не могъ находить такъ же легко исхода изъ своихъ обязательствъ, какъ это удавалось геніальному проходимцу.

Во время войны и мирныхъ переговоровъ, оба императора дѣйствовали согласно со своими нравами и способностями. Александръ, уклоняясь, крадучись, отъ нежелательныхъ послѣдствій обязательствъ своего союза съ Наполеономъ, надѣялся избѣгнуть послѣдствій этого уклоненія усугубленіемъ любезности передъ французскимъ императоромъ, который въ это время, сосредоточивая, по своей привычкѣ, все вниманіе и силу воли на преслѣдованіи самой существенной части своего предпріятія, временно не показывалъ даже особеннаго вниманія къ нѣкоторой недобросовѣстности своего союзника. Присылаемыхъ къ нему адъютантовъ съ обѣщаніями, поздравленіями и тому подобными любезностями онъ задерживалъ и оставлялъ письма Александра безъ отвѣтовъ до тѣхъ поръ, пока рѣшительный успѣхъ при Ваграмѣ не убѣдилъ его, что дѣло приближается къ развязкѣ, которая коснется Россіи. Тогда стали отправляться адъютанты обратно съ отвѣтами, чтобы настроить благопріятно Александра къ заключенію мира. Не совсѣмъ правый передъ союзникомъ, онъ, растерявшись, поспѣшилъ помочь миру. За эту услугу, въ которой онъ могъ отказать только при болѣе опредѣленныхъ взглядахъ на положеніе дѣлъ и при болѣе рѣшительномъ нравѣ, Александръ, полагаясь на дѣйствительность своего любезнаго обхожденія, сталъ требовать обезпеченія отъ возможнаго возбужденія польскаго вопроса, или, по крайней мѣрѣ, прибыльнаго участія въ его возбужденіи. Но Наполеонъ еще во время веденія войны высказалъ Коленкуру, что однѣми любезностями онъ не удовлетворится, и доказалъ это тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ онъ отнесся къ требованіямъ слишкомъ любезнаго, но не довольно исполнительнаго союзника.

Сооружалъ ли онъ постепенно возобновленную Польшу, какъ мечтали поляки, или заботился исключительно объ усиленіи своего передового охраннаго отряда противъ

Россіи, не только трудно, но и праздно рѣшать, не имѣя на то вѣрныхъ данныхъ; но ясно, что немедленно послѣ исполненія своего желанія удвоенія Варшавскаго герцогства, подъ условіемъ удвоенія этимъ послѣднимъ своихъ военныхъ силъ, Наполеонъ началъ принимать мѣры, чтобы успокоить ожидаемое негодованіе Александра. Еще до подписанія мирнаго договора, но уже извѣщенный о размѣрахъ вожделѣній союзника при раздѣлѣ Галиціи, онъ не стѣсняется совершеннымъ невниманіемъ къ его требованіямъ, но спѣшитъ отправить къ нему съ любезнымъ письмомъ Чернышева, въ которомъ старается помирить русскаго императора съ ожидающимъ его разочарованіемъ. Объявляя ему о близкомъ заключеніи мира, онъ его увѣряетъ, «что сберегъ его интересы, насколько онъ бы самъ это сдѣлалъ, согласуя все съ тѣмъ, что требовала *честь* отъ него самого».

Такого рода успокоеніе, конечно, не могло быть дѣйствительнымъ, когда стали извѣстны Александру условія мира. Коленкуру пришлось испытать небывалую холодность государя, не пожелавшаго даже выслушать всѣ оправданія и успокоенія, которыми французское правительство старалось загладить обидное пожалованіе *чего-то*, т.-е. Тарнопольскаго округа. Съ той же стремительностью, съ которой Наполеонъ преслѣдовалъ совершеніе начатаго дѣла, онъ потомъ расточалъ успокоительныя увѣщанія, въ которыхъ высказывались его южная природа и привычка не стѣсняться данными обѣщаніями. Предлагали устранить всѣ тѣ дурныя послѣдствія недосмотровъ тильзитскаго договора, которыя вызвали много затрудненій и опасное самообольщеніе поляковъ. Такимъ образомъ, полагалось воспрещеніе литовцамъ служить въ герцогствѣ, и обратно, устранялось двойственное подданство (въ Россіи и герцогствѣ) и проч. Все это было поручено Коленкуру сообщить для успокоенія гнѣва государя, а чрезъ нѣсколько дней послѣ этого пришло письмо отъ Шампаньи къ Румянцеву, обѣщанія котораго были еще положительнѣе, упоминая не только объ обязательствахъ, которыми будетъ связанъ Саксонскій король, чтобы препятствовать всякому вредному вліянію проникать изъ герцогства къ сосѣдямъ, но и о томъ, что самъ французскій императоръ будетъ объ этомъ имѣть попеченіе

и что онъ, наконецъ, желаетъ, чтобы самыя имена полякъ и Польша исчезли не только изъ политики, но даже изъ исторіи.

Но эти увѣренія и обѣщанія не могли устранить разочарованія ни Александра ни Румянцева, которые оба ожидали болѣе существеннаго приращенія владѣній, о которомъ упомянулъ первый съ свойственной ему щепетильностью, а второй, послѣ возвращенія изъ Фридрихсгама, до сообщенія мирныхъ условій Коленкуромъ, неоднократно и рѣчисто преслѣдовалъ этого посла съ подробнымъ изложеніемъ, чего и почему нужно было ждать Россіи въ Галиціи по Вѣнскому миру. Кромѣ обидной неудачи для обоихъ представителей французскаго союза лично для себя, являлось не менѣе тягостное сознаніе передъ враждебнымъ къ этому союзу общественнымъ мнѣніемъ, которое оказалось правымъ, и стало высказываться еще положительнѣе.

Измѣнить вѣнскихъ мирныхъ условій не было никакой возможности, и потому государь съ канцлеромъ стали придумывать способъ огражденія Россіи отъ крайнихъ послѣдствій этого договора. Успокоительныя увѣренія французскаго правительства не признали достаточнымъ обезпеченіемъ, и стали домогаться заключенія *договора* между Франціей и Россіей, въ которомъ бы были обусловлены порядки третьей *независимой* державы, и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно и пророчески предсказано, что не существующая болѣе держава не возникнетъ снова. Договоръ не осуществился и едва ли могъ имѣть не только значеніе, но и смыслъ. Договариваются объ условіяхъ существованія, о сношеніяхъ и ихъ измѣненіяхъ наличныя державы, но условливаться, что государство, не существующее въ настоящемъ, не должно появиться въ будущемъ, по крайней мѣрѣ странно. Такимъ договоромъ только удостовѣрили бы нежеланіе возрожденія въ настоящемъ означеннаго государства, но какъ можно удостовѣрять, что этого возрожденія не будетъ или что оно не сдѣлается желательнымъ?

При домогательствѣ заключенія подобнаго договора, вызванномъ посулами Наполеона, повторились тѣ же явленія примѣненія послѣдствій его обѣщаній, которыя были уже испытаны неоднократно послѣ Тильзита. Александру указывались въ добычу Дунайскія княжества въ утѣшеніе утраченнаго вліянія на Западѣ и для поощренія его вра-

ждебнаго усердія противъ Англіи и Швеціи, но когда онъ протягивалъ къ княжествамъ руку, отъ него потребовали сначала Силезіи, а окончательно выговорили за эти, покуда недающіяся княжества, союзъ противъ Австріи. Въ настоящемъ случаѣ, повидимому, такъ усердно и безкорыстно предлагаютъ оградить Россію отъ новыхъ польскихъ осложненій, а когда дойдетъ до подписанія такого безплоднаго уговора, цѣной его окажется рука русской великой княжны, которой предлагалась честь замѣнить на французскомъ престолѣ Жозефину, бывшую до брака съ Бонапартомъ на содержаніи у директора Французской Республики Бараса. Первыя успокоительныя увѣренія, передаваемыя Коленкуромъ, могли быть выражены Наполеономъ безъ задней мысли, съ единственнымъ желаніемъ загладить невниманіе къ просьбамъ Александра относительно Галиціи, но послѣ его возвращенія въ Парижъ эти попытки возстановить наружное, дружественное согласіе съ русскимъ императоромъ связались съ попыткой придать этому союзу большую прочность и большій почетъ для императора французовъ родственной связью съ русскимъ дворомъ.

Способъ и цѣна за обезпеченіе отъ возрожденія Польши.

Напряженіе и жертвы, которыя вызывались ненасытнымъ честолюбіемъ и вызываемыми имъ войнами, стали не только утомлять сподвижниковъ Наполеона, но и подрывать обаяніе побѣдъ и сглаживать признательность страны за водворенный стройный порядокъ управленія. Франція все болѣе стала тяготиться этими тревогами, войнами и истребленіемъ молодого своего поколѣнія, усыпавшаго своими костями поля половины Европы, и эта усталость и охлажденіе всегда явственнѣе и тревожнѣе проявлялись во время отсутствія Наполеона, и вызывали толки о правительственныхъ измѣненіяхъ въ случаѣ его смерти или даже совершеннаго пораженія въ сраженіи. Такіе толки возникали послѣ Египта, во время его испанскаго похода и, наконецъ, послѣ неудачи подъ Эслингомъ. Тревога Франціи приписывалась Наполеономъ въ такихъ случаяхъ охотнѣе отсутствію обезпеченія *продолженія* установленнаго имъ порядка вещей, бездѣтности его и отсутствію прямого наслѣдника, нежели главной причинѣ такихъ тревогъ—непрочности самаго порядка, постоянно подвер-

гаемаго испытаніямъ самыхъ смѣлыхъ и вызывающихъ общую вражду предпріятій. Вслѣдствіе такого желанія упрочить свой престолъ рожденіемъ наслѣдника, во всѣхъ такихъ случаяхъ являлась у французскаго императора мысль о неизбѣжности развода и вызывала намеки въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ на его желаніе развестись съ Жозефиной и породниться съ императоромъ Александромъ, какъ объ этомъ было упомянуто прежде.

Сватовство Наполеона на Аннѣ Павловнѣ.

Послѣ его возвращенія изъ Вѣны въ Парижъ, мысль о такомъ способѣ устраненія тревогъ и поддержанія прочности престола нашла сочувствіе въ его совѣтникахъ, и начались одновременныя попытки склонить Жозефину дать добровольное согласіе на разводъ, а Александра—на бракъ Наполеона съ младшей сестрой государя Анной Павловной, расчитывая на усердіе и близость отношеній Коленкура къ императору. Передъ приходомъ этого щекотливаго порученія, переданнаго ему шифрованной въ Парижѣ самимъ министромъ депешей, расшифрованіе которой ему было вмѣнено въ личную обязанность, Коленкуръ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе требованія русскаго правительства замѣнить простыя увѣренія о невозстановленіи Польши положительнымъ договоромъ, на который онъ не имѣлъ полномочія. Изъ Парижа было изготовлено министромъ Шампаньи новое успокоительное сообщеніе Румянцеву, въ то время когда Наполеонъ узналъ (10/22 ноября), что Коленкуръ не рѣшается подкрѣпить письменнымъ сообщеніемъ словесныя обѣщанія относительно Польши, и, не колеблясь, разрѣшилъ это Коленкуру, сначала въ видѣ сообщенія, а когда выяснилось, что требованіе относится къ положительному договору, не остановился и предъ этимъ требованіемъ. Желаніе его получить согласіе на бракъ съ великой княжной требовало съ его стороны спѣшной предупредительности, тѣмъ болѣе, что въ это время ему уже было извѣстно неудовольствіе Александра, на жалобы котораго онъ отвѣчалъ въ декабрѣ успокоительнымъ письмомъ.

Исключительное могущество и мощь самой личности французскаго императора ставили его союзниковъ и соперниковъ въ то связанное положеніе, въ которомъ въ частной жизни находятся люди, не обезпеченные при сношеніи

съ богачами: всегда приходится чего-то ждать и чего-то опасаться отъ нихъ, что поневолѣ навязываетъ людямъ, не стойкимъ въ своемъ сознаніи и съ податливой нравственностью, какое-то уничижительное искательство. У Александра, вообще слишкомъ обходительнаго, это отнимало много бодрости и лишало прямоты въ сношеніяхъ съ союзникомъ, а въ данномъ случаѣ, когда произошло столкновеніе сватовства со счетами по польскимъ дѣламъ и съ мнительнымъ ожиданіемъ пользы отъ союза при пріобрѣтеніи Дунайскихъ княжествъ, его сношенія съ Наполеономъ до того спутались и лишились прямоты и достоинства, что, не успѣвши ничѣмъ оградить государственную пользу Россіи, послужили только къ усиленію раздраженія между союзниками.

Путанное веденіе Александромъ сватовства.

Въ порученіи Коленкуру заключалась только предварительная попытка освѣдомиться у русскаго императора, можетъ ли французскій разсчитывать на согласіе въ случаѣ сватовства на великой княжнѣ, и этотъ способъ самъ по себѣ заключалъ причину промедленія въ ходѣ переговоровъ, которые еще болѣе затянулись вслѣдствіе поѣздки государя въ Москву, изъ которой онъ вернулся 14/26 декабря въ Петербургъ, гдѣ въ это время его ожидалъ Коленкуръ съ разрѣшеніемъ Наполеона на заключеніе договора и съ порученіемъ сватовства. Въ Парижѣ полагали, что все было сдѣлано относительно Россіи для обезпеченія успѣха этого сватовства, помимо мѣръ, принятыхъ для обезпеченія развода съ Жозефиной. Русскому послу кн. Куракину стали оказывать еще болѣе вниманія и почета; при открытіи Наполеономъ засѣданій Законодательнаго Корпуса, было имъ выражено сочувствіе пріобрѣтенію Россіей Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ и проч. и удостовѣрено, что къ увеличенію могущества знаменитаго (illustre) ея государя и друга не питаютъ никакой зависти. Рѣчь эту велѣно было отправить съ находящимся въ Парижѣ русскимъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Горголи въ Петербургъ, а министру внутреннихъ дѣлъ приказано въ годовомъ отчетѣ объявить, что французскій императоръ не имѣетъ намѣреній возстановлять Польшу. Всѣ эти любезности не скоро достигли Петербурга, гдѣ переговоры о сватовствѣ неожиданно затянулись на 40 дней, вмѣсто

двухъ сутокъ, предназначенныхъ Наполеономъ для полученія отвѣта Александра, несмотря на то, что три недѣли послѣ перваго, нѣсколько неопредѣленнаго порученія, Коленкуромъ было получено дополнительное разрѣшеніе дѣйствовать болѣе явно и настоятельно въ дѣлѣ сватовства.

Въ перекрестныхъ двухъ переговорахъ, сватовства со стороны Франціи и договора о Польшѣ со стороны Россіи, встрѣтились два совершенно противоположныя теченія, въ которыхъ каждая изъ сторонъ надѣялась получить удовлетвореніе по своему требованію отъ предупредительности другой стороны, не только не спѣша ее удовлетворить, но сохраняя за собой право вовсе отъ взаимной уступки уклониться. Было ли при этомъ у Наполеона такое же твердое намѣреніе не подчиниться требованію русскаго правительства, какъ нужно полагать, что оно несомнѣнно было со стороны Александра относительно сватовства, не совершенно ясно; но что можно съ достовѣрностью утверждать, это, что при взаимой ихъ неполной добросовѣстности, со стороны русскаго государя она была еще унижена нѣкоторымъ малодушіемъ.

Договоръ о Польшѣ былъ подписанъ 23 дек. (4 янв.) и отправленъ для ратификаціи въ Парижъ, заключая въ I статьѣ изреченіе, „что Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено, что имена Польша и полякъ навсегда исчезнутъ изъ общественныхъ актовъ“; затѣмъ слѣдовало уничтоженіе польскихъ орденовъ, двойного подданства и проч. Договоръ долженъ былъ сдѣлаться обязательнымъ для Саксонскаго короля, устраненнаго отъ переговоровъ, и по своему смыслу, если бы и былъ приведенъ въ исполненіе, не имѣлъ бы болѣе значенія по главному вопросу о возстановленіи королевства, чѣмъ пресловутое выраженіе *вѣчный* при заключеніи мирнаго договора, а относительно остальныхъ условій онъ подлежалъ соглашенію съ Саксонскимъ королемъ. Поэтому совершенно непонятно, почему государь и канцлеръ придавали ему такое суевѣрное значеніе, и усматривали въ немъ охрану противъ польскихъ увлеченій и броженія. Связать же волю Наполеона противъ соблазна еще разъ употребить Польшу орудіемъ борьбы, если бы она находилась на пути его предначертаній, было дѣтскимъ самообольщеніемъ, достой-

нымъ верхоглядства Румянцева! Тѣмъ не менѣе, изъ-за преслѣдованія этой *тѣни*, государь рѣшился подвергнуть 40-дневному испытанію терпѣніе и болѣзненно возбужденное сватовствомъ тщеславіе геніальнаго проходимца, для котораго отказъ сдѣлался язвительнѣе послѣ долгаго ожиданія, и терпѣніе котораго не отличалось выносливостью и имѣло для вымещенія своихъ взрывовъ такія грозныя и испытанныя средства вообще, а въ данномъ случаѣ еще вызывалось при самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ.

Въ дѣлѣ развода съ Жозефиной и брака съ великой княжной Анной Павловной, нетерпѣливая и настойчивая воля французскаго императора была возбуждена не только видами упроченія Имперіи и Династіи, которые сознавалъ онъ самъ и на которые указывали самые благоразумные совѣтники, Камбасересъ, Талейранъ и Фушэ, но и несомнѣнной тщеславной надеждой породниться съ царствующимъ домомъ необъятной Россійской Имперіи. Тщеславіе, любовь къ торжественному выставленію величія и стремительная воля увлекли Наполеона къ пышнымъ и торжественнымъ обрядамъ развода и оглашенію намѣренія сочетаться новымъ бракомъ, котораго общественное мнѣніе, согласно съ тайнымъ порученіемъ, даннымъ Коленкуру, ожидало съ русской великой княжной. Не скрывая своего нетерпѣнія и оправдывая его увѣреніями, что будто бы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, рожденіе наслѣдника престола не терпѣло отлагательства (вслѣдствіе этого Коленкуру было приказано узнать, дозрѣла ли великая княжна для немедленнаго дѣторожденія), онъ торопилъ своего посла, такъ что нетерпѣніе его немедленно извѣститься о согласіи Александра было послѣднему ясно.

Это нетерпѣніе вселило въ государѣ надежду, что его союзникъ, отвѣтившій ему предупредительными и настойчивыми успокоеніями относительно невозстановленія польскаго королевства, и поспѣшившій разрѣшеніемъ своему послу подписанія договора въ этомъ смыслѣ, не остановится передъ ратификаціей посланнаго ему договора, не ожидая полученія согласія на бракъ. Румянцевъ, устраненный отъ брачныхъ переговоровъ, напрягалъ все свое докучливое краснорѣчіе для убѣжденія Коленкура, что только подписаніе договора можетъ успокоить общественное мнѣ-

ніе Петербурга и Москвы (которому онъ придавалъ преувеличенное значеніе) и поставить русское правительство въ положеніе, въ которомъ оно будетъ имѣть возможность оставаться союзникомъ французскаго императора, осыпая при этомъ послѣдняго упреками за распредѣленіе Галиціи. Государь, оберегая собственное достоинство, остерегался упрековъ, но не скрывалъ свое *разочарованіе* въ дружбѣ Наполеона и обнаруживалъ неудовольствіе холодностью.

Подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній, въ Петербургѣ упустили, такъ сказать, изъ вида, съ кѣмъ имѣли дѣло, если государь надѣялся легко обойти прозорливость Наполеона предлогами и ухищреніями, которыми онъ старался оправдать проволочки, и которыя могли, сопровождаемыя ласковою любезностью, годиться для Коленкура; а Румянцевъ принималъ за признакъ согласія на самое связывающее обязательство ту поспѣшность, съ которой предлагалось *успокоеніе* русскаго правительства, подъ давленіемъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ заботой, съ которой носился Румянцевъ, сдѣлать французскій союзъ угоднымъ общественному мнѣнію Россіи. Оба они упустили изъ виду нетерпѣливую и своенравную волю французскаго императора, избалованнаго успѣхомъ и страхомъ, вселяемымъ въ Европѣ.

Александръ, вмѣсто того чтобы откровенно выразить передъ Коленкуромъ малую надежду на согласіе вдовствующей императрицы на бракъ, и сослаться на извѣстное Наполеону по эрфуртскимъ объясненіямъ обстоятельство, что его собственное согласіе подчиняется согласію матери, имѣющей исключительное право распоряжаться въ дѣлѣ замужества дочерей, предпочелъ, въ надеждѣ увлечь союзника на желаемую предупредительность, усложнять переговоры способомъ, болѣе согласнымъ съ свойственнымъ ему недостаткомъ рѣшительности и суетной надеждой обойти Наполеона, предложивши освѣдомиться о мнѣніи вдовствующей императрицы, не выдавая ей тайны, что это дѣлается по его порученію. Вмѣсто предложенныхъ нетерпѣливымъ женихомъ двухъ дней на размышленіе, государь потребовалъ десять, и при наступленіи каждаго изъ этихъ сроковъ и возобновленіи настояній французскаго посла, три раза возобновлять отсрочку, и

кончилъ отклоненіемъ съ оговоркой вѣроятнаго согласія (котораго, впрочемъ, не удостовѣрялъ) и двухлѣтней отсрочки, вслѣдствіе нѣжнаго, едва 15-лѣтняго возраста великой княжны. Отсрочка оправдывалась естественнымъ опасеніемъ вдовствующей императрицы подвергнуть младшую дочь той же опасности, за которую поплатились жизнью ея двѣ старшія, умершія отъ родовъ послѣ очень раннихъ браковъ. Возмущаться такимъ поводомъ отказа не могъ даже своевольный побѣдитель континента, но перенести 40-дневную проволочку, подъ разными дѣтскихитрыми предлогами объ охранѣ его самолюбія тайной отъ императрицы, съ разными подробностями о томъ, какъ ее исподволь приготовляютъ къ этому рѣшенію, все это могло быть по плечу Коленкуру, но не Наполеону! Нетерпѣливое желаніе брака послѣдняго съ русской княжной было способно побудить его къ нескромной и даже неблаговидной торопливости, склонить его на усердную предупредительность въ обѣщаніяхъ, которыми онъ вообще не стѣснялся, и потому на нихъ не скупился; но ни ослѣпиться своимъ желаніемъ ни сдѣлаться близорукимъ и непонятливымъ онъ не былъ способенъ, и хитрость русскаго государя была напрасно потрачена. Наполеонъ не повѣрилъ, что Александру нужно было столько времени, чтобы выяснить, согласится ли его мать на этотъ бракъ или нѣтъ. Ни вопросъ возраста ни брезгливое отношеніе къ неравному браку съ ненавистнымъ проходимцемъ не требовали долгаго времени для объясненія. Страхъ передъ вдовствующей императрицей, довольно властной, не могъ итти въ сравненіе со страхомъ оружія французскаго императора; подлежали обстоятельному обсужденію только соображенія, относящіяся къ государственной безопасности, которыя, въ крайнемъ случаѣ, могли бы побудить государыню пожертвовать своими чувствами и предубѣжденіемъ. Но и въ этомъ случаѣ не было необходимости въ долгихъ толкованіяхъ между матерью и сыномъ, такъ какъ, повидимому, ихъ взгляды на этотъ вопросъ могли въ началѣ 1810 года такъ же расходиться, какъ это случилось въ 1807 г. Александръ уже испыталъ тщету наполеоновскихъ посуловъ, и если и сохранилъ нѣсколько малодушное ожиданіе *нажить* что-нибудь смиреніемъ передъ такимъ могуществомъ

(какъ бѣднякъ на всякій случай ухаживаетъ за богачемъ), и въ немъ не изгладился страхъ отъ понесенныхъ пораженій, то всѣ эти вліянія не настолько его порабощали, чтобы онъ не сознавалъ, что еще могущественный и опасный союзникъ своимъ непомѣрнымъ и безразсуднымъ расширеніемъ предпріятій самъ себѣ роетъ яму, и что потому *терпѣть* отъ него приходится поневолѣ, но связывать еще болѣе свою судьбу съ его судьбой теперь представлялось неблагоразумнымъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, спорить на этомъ основаніи сыну съ матерью не было причинъ; могло быть только то разногласіе, которое истекало изъ положенія государя и матери—первый стоялъ ближе къ государственнымъ соображеніямъ, вторая къ семейнымъ, но оба были враждебны Наполеону.

Отклоненіе Александромъ сватовства Наполеономъ ратификаціи договора.

23 янв. (4 февр.) государь сообщилъ, наконецъ, Коленкуру свою мнимую неудачу въ переговорахъ съ вдовствующей императрицей, съ вышеупомянутыми оговорками и съ выраженіемъ самаго горькаго сожалѣнія, вынесеннаго изъ неуспѣха, въ утѣшеніе котораго онъ надѣялся воспитать въ младшихъ братьяхъ преданныхъ союзниковъ Наполеону. Рядомъ съ этимъ ему подробно сообщалось, что вдовствующая императрица высказывала восторженное мнѣніе о военныхъ и государственныхъ дарованіяхъ французскаго императора, и что ея пламенное желаніе клонится къ тому, чтобы воспитываемые ею сыновья хотя бы отчасти были на него похожи. Опозданіе ратификаціи договора о Польшѣ и настоянія Коленкура вынудили сообщить ему этотъ отвѣтъ до полученія извѣстія о договорѣ. Два дня послѣ сообщенія въ Петербургѣ французскому послу отклоненія предполагаемаго брака, въ Парижѣ было рѣшено, предугадывая это рѣшеніе, замѣнить его бракомъ съ австрійской эрцгерцогиней, и въ то же время (6 февраля) польскій договоръ, отложенный безъ разсмотрѣнія, былъ потребованъ Наполеономъ, признанъ въ предложенномъ изложеніи неисполнимымъ, и такимъ образомъ оба императора, не зная еще объ отвѣтѣ другъ друга, рѣшились на отказы, но, вѣроятно, не на одинаковомъ основаніи. Александръ долженъ былъ предполагать, что договоръ уже ратификованъ, и что потому ему нечего жертвовать сестрой, а Наполеонъ, рѣшившись на австрійскій бракъ;

считалъ себя въ правѣ расплатиться за уязвленное тщеславіе.

Бракъ съ эрцгерцогиней— предвѣстникъ войны съ Россіей.

Въ тотъ самый промежутокъ времени, который былъ потраченъ въ Петербургѣ на болѣе или менѣе искренніе переговоры между Александромъ и Коленкуромъ, и первымъ и вдовствующей императрицей, въ Парижѣ, кромѣ необходимыхъ мѣропріятій для узаконенія развода и торжественнаго обсужденія причинъ и желательности его, произошло, больше для видимости, торжественое совѣщаніе членовъ царствующаго дома и первыхъ сановниковъ о выборѣ невѣсты; были толки, опредѣленныя сочувствія въ пользу двухъ болѣе вѣроятныхъ изъ нихъ, русской великой княжны и австрійской эрцгерцогини. Всѣ прекрасно понимали, что совѣщанія, совѣты и общественное мнѣніе останутся безъ отраженія на рѣшеніи Наполеона, и что у него оно вызовется тщеславіемъ, какъ это уже выяснилось равнодушіемъ, которое онъ обнаружилъ къ выбору саксонской принцессы, дочери вѣрнаго и почтеннаго его союзника, изъ древняго царственнаго дома, и съ несомнѣнными личными качествами, но не представлявшей, какъ союзъ, достаточное торжество для его тщеславія. Въ парижскихъ и придворныхъ толкахъ и пристрастіяхъ отражались два главныхъ теченія общественнаго мнѣнія — охранительно-монархическое и охранительно-политическое. Во главѣ перваго направленія стоялъ Талейранъ, всегдашній ходатай союза съ Австріей, въ которой онъ признавалъ самый прочный оплотъ охранительно-монархическихъ началъ и единственную преграду противъ непрестанно возрастающаго могущества Россіи; и на этихъ основаніяхъ онъ утверждалъ, что австрійскій бракъ и вызываемое имъ сближеніе съ Австріей послужитъ болѣе прочному водворенію во Франціи монархическихъ началъ и упроченію династіи, и поможетъ вмѣстѣ съ этимъ устраненію того, по его мнѣнію, опаснаго направленія, въ которое союзъ съ Россіей вовлекъ Восточный вопросъ. Въ видахъ Камбасереса и его пособниковъ было устраненіе болѣе настоятельной опасности, вызываемой тѣмъ безразсуднымъ расширеніемъ и усложненіемъ пред-

пріятій, въ которыя совершенно утратившее всякую мѣру честолюбіе Наполеона вовлекло Францію, грозя ему самому неизбѣжнымъ крушеніемъ. По его мнѣнію, за австрійскимъ бракомъ долженъ былъ слѣдовать разрывъ и война съ Россіей, которую онъ полагалъ самымъ опаснымъ испытаніемъ для прочности имперскаго правительства во Франціи. Тщеславіе Наполеона было на сторонѣ русскаго брака, но его честолюбіе стояло, такъ сказать, внѣ соображеній обоихъ направленій, такъ какъ оно, несомнѣнно, угрожало сдѣлать тщетными ожиданія обѣихъ партій: ни русскій ни австрійскій союзъ не могъ служить охраной въ то время, когда его честолюбіе стремилось поглотить весь континентъ Европы, подъ предлогомъ обузданія Англіи.

Пристрастіе Наполеона къ русскому браку усугубило разочарованіе.

Коленкуръ подробно доносилъ въ Парижъ не только всѣ свои разговоры съ государемъ, но и всѣ свѣтскіе толки о гатчинскихъ переговорахъ съ вдовствующей императрицей, съ видимымъ убѣжденіемъ въ подлинности сообщаемыхъ извѣстій. Послѣднія съ жадностью и нетерпѣніемъ читались Наполеономъ: сильное желаніе русскаго брака до ночи съ 5 на 6 февраля новаго стиля вынудило его терпѣть возмущающія его проволочки. Но полученное въ эту ночь повтореніе легковѣрнымъ Коленкуромъ тѣхъ же надеждъ, основанныхъ на усердіи и искренности Александра, остающихся якобы безсильными передъ нерѣшительностью вдовствующей императрицы, окончательно его убѣдили, что Коленкура *водятъ* въ Петербургѣ, и что онъ поддается этому; и Наполеонъ немедленно рѣшился на австрійскій бракъ, почва къ которому была подготовлена усердіемъ австрійской дипломатіи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ французскихъ дѣятелей, желающихъ прислужиться. Во главѣ австрійской дипломатіи, послѣ заключенія Вѣнскаго мира, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ явился тотъ же самый Меттернихъ, который, будучи посломъ въ Парижѣ, своими донесеніями питалъ увлеченіе и надежду Стадіона на успѣхъ борьбы съ Наполеономъ, но сдѣлался послѣ неудачи Стадіона не только самымъ усерднымъ поборникомъ скорѣйшаго примиренія съ Франціей, но и руководителемъ новаго направленія австрійской политики. Онъ надѣялся придать ей облегченіе отъ давленія Наполеона и исходъ къ новымъ полезнымъ для возстановленія ея мо-

гущества сдѣлкамъ, при помощи заискиванія союза съ Франціей. Эти происки начались еще въ Альтенбургѣ и выражались, главнымъ образомъ, въ стремленіи замѣнить Россію въ *близости* къ Франціи и помѣшать осуществленію нежелательныхъ для Австріи послѣдствій эрфуртскаго соглашенія. Помимо общихъ видовъ международной политики, нужно полагать, что въ усердіи Меттерниха противъ Россіи отражалось также раздраженіе за ея слабое, но возмутившее австрійское правительство, участіе въ послѣдней войнѣ Наполеона. Такіе виды Меттерниха побудили представителя Австріи въ Парижѣ кн. Шварценберга ухватиться, такъ сказать, на лету за предложеніе Наполеона брака съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой, и подчиниться торопливости не уважающаго ни чужого достоинства ни приличія мстительнаго корсиканца. Немедленно послѣ этого рѣшенія, послѣдовалъ новый ночной совѣтъ во дворцѣ, придавшій торжественность самому рѣшенію, и въ теченіе слѣдующаго дня договоръ съ Шварценбергомъ былъ составленъ, подписанъ, и такимъ образомъ дочь гордаго и чопорнаго Габсбургскаго рода связана брачнымъ обязательствомъ съ неуважительной поспѣшностью, не свойственной величію ея рода, и болѣе свойственной разбойничьей пещерѣ, нежели дворамъ двухъ могущественныхъ монарховъ.

Кромѣ обычнаго слѣдствія слишкомъ властной воли, въ этой поспѣшности Наполеона, несомнѣнно, высказалось нетерпѣніе отомстить оскорбительнымъ отступленіемъ отъ сдѣланнаго имъ предложенія, не дожидаясь отвѣта, чтобы предупредить ожидаемый отказъ и этимъ удовлетворить досаду за то, что осмѣлились его *водить*, и потѣшить свое тщеславіе мыслью, что онъ самъ отказался отъ предложенія, которое не сумѣли оцѣнить. Неумѣлое веденіе этихъ переговоровъ Александромъ, подъ вліяніемъ недостатка рѣшимости и съ видами почти дѣтской хитрости, было, конечно, непростительной ошибкой въ сношеніяхъ съ такимъ опаснымъ и неразборчивымъ союзникомъ, но способъ, принятый Наполеономъ, чтобы развязать затянувшіеся переговоры, до того грубъ и оскорбителенъ, что онъ возстановилъ этимъ самымъ ихъ взаимныя положенія—зазнавшагося проходимца и безукоризненнаго свѣтскаго человѣка. Что-

бы дать явственнѣе почувствовать этому послѣднему, что его хитрость разгадана, и что все будетъ сдѣлано, чтобы усугубить оскорбительность спѣшнаго выбора австрійскаго брака, Наполеонъ 7-го же февраля принимаетъ, съ совершенно несвоевременною поспѣшностью, рѣшеніе отвергнуть договоръ о Польшѣ. Какъ истый корсиканецъ, онъ вонзилъ и повернулъ въ ранѣ ножъ. Послѣ такого исхода сватовства, казалось бы, что подорванный въ корнѣ франко-русскій союзъ, продолжая существовать только по имени, не могъ болѣе служитъ препятствіемъ къ желаемому Меттернихомъ сближенію и союзу Франціи съ Австріей, но въ дѣйствительности оказалось, что австрійскій министръ, хвалившійся впослѣдствіи въ своихъ запискахъ, что онъ всегда предугадывалъ виды французскаго императора и, такъ сказать, видѣлъ его насквозь, въ этомъ случаѣ совершенно ошибся, и ничего не выгадалъ у него для облегченія и усиленія Австріи.

Бракъ съ эрцгерцогиней не приноситъ большой пользы Австріи.

Значительно уменьшенной отторженіемъ земель, истощенной напряженіемъ войны и связанной не исполненными еще денежными обязательствами передъ Франціей. Положеніе Австріи было не только тяжелымъ, но и опаснымъ, передъ несомнѣнной наклонностью Наполеона тѣснить и обирать безпощадно побѣжденнаго врага, выжимая изъ него, какъ онъ дѣлалъ въ Пруссіи, послѣдніе жизненные источники. Передъ такой опасностью пришлось, заискивая союза съ Франціей, подчиниться съ оскорбительно спѣшной предупредительностью браку эрцгерцогини съ императоромъ; а, вслѣдъ за исполненіемъ его, явиться на нѣкоторое время самому Меттерниху въ Парижъ, подъ предлогомъ руководства юной императрицы на ея новомъ поприщѣ, но въ дѣйствительности, чтобы выслѣдить возможность на развалинахъ русскаго союза создать австрійскій, изъ котораго прежде всего можно было, по мнѣнію Меттерниха, извлечь нѣкоторое облегченіе условій вѣнскаго договора, а потомъ попасть, такъ сказать, въ слѣдъ могучаго корабля въ его побѣдоносное теченіе... Вскорѣ пришлось ему удостовѣриться въ своей ошибкѣ; ни уступокъ, ни союза въ желаемомъ значеніи не произошло; вся милость ограничилась снятіемъ съ Австріи обязательства не содержать болѣе 150.000 войска, которое произошло

при отъѣздѣ Меттерниха обратно въ Вѣну, но значеніе его было болѣе *нравственное*, нежели государственное, такъ какъ состояніе австрійской казны не дозволяло ей содержать болѣе этого числа! Объ облегченіи же казны, обремененной обязательствами къ побѣдителю, объ улучшеніи границъ, лишенныхъ морского берега и достаточнаго отдаленія на западъ отъ Вѣны, не произошло никакого соглашенія. Взамѣнъ положительнаго успѣха въ своихъ домогательствахъ, Меттерниху пришлось удовольствоваться тѣмъ отрицательнымъ успѣхомъ, который происходилъ отъ возрастающаго охлажденія между Россіей и Франціей, которому онъ, съ своей стороны, способствовалъ своими происками. Въ продолжительныхъ своихъ разговорахъ съ Наполеономъ, которымъ онъ умѣлъ придавать особенную прелесть, не только необыкновенно ловкой и скрытой лестью, которую въ немъ Талейранъ называлъ умѣніемъ гладить львиную гриву, но еще болѣе искусствомъ вызывать неистощимую словоохотливость императора о *злобахъ дня*, Меттернихъ очень искусно наводилъ рѣчь на затрудненія съ Россіей, на требовательность послѣдней, на опасность ея расширенія къ Дунаю и проч. Наполеонъ, всегда склонный увлекаться собственной предпріимчивостью и возбужденіемъ воли въ борьбѣ, не былъ чуждъ увлекаемости подъ опьяненіемъ своего словоохотливаго краснорѣчія, и частыя возобновленія толковъ, неблагопріятныхъ Россіи, несомнѣнно оставляли нѣкоторые слѣды въ его намѣреніяхъ. Пребывающій въ Парижѣ русскій посолъ кн. Куракинъ, тяжелый и пошловатый, не могъ оказывать никакого противовѣса обаянію остроумнаго и ловкаго Меттерниха. Вскорѣ къ тому же онъ тяжело заболѣлъ отъ ожоговъ, полученныхъ на пожарѣ, случившемся на балѣ кн. Шварценберга, данномъ по случаю австрійскаго брака, и вынужденъ былъ почти совершенно отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей. Присланный для поздравленія отъ имени государя новобрачныхъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Алексѣй Куракинъ (братъ посла) исполнялъ чисто обрядную должность и не имѣлъ никакого значенія для устраненія обострившихся препирательствъ между союзниками. Причины, вызвавшія ихъ, были до того ѣдкаго свойства, что

Нѣкоторое обаяніе Меттерниха и отсутствіе его у Куракина.

едва ли и болѣе искусные переговорщики, нежели братья Куракины, могли бы ихъ устранить.

Безвыходность изъ Тильзитскаго соглашенія ослабляется.

По случаю эрфуртскаго свиданія было указано, что Александръ значительно *извѣрился* въ пользѣ французскаго союза, увлеченіе которымъ продолжалось гораздо менѣе, нежели путы, наложенныя имъ, вынуждавшія его не только продолжать предпринятыя войны и преслѣдовать предназначенныя за нихъ вознагражденія, но и принимать личину убѣжденія въ несомнѣнной пользѣ союза. Заключенный взамѣнъ ожидаемыхъ тяжкихъ мирныхъ условій, какъ послѣдствіе фридландскаго пораженія, его *призрачныя* выгоды и отсутствіе нарушенія нашихъ границъ, вмѣстѣ съ увлеченіемъ сближенія съ грознымъ императоромъ, могли на первое время совершенно обольстить Александра, а когда чадъ разошелся, остались не только путы, которыми его связали мощныя руки побѣдителя, но и препятствія тщеславія и самолюбія, которыя мѣшали признанію, что союзъ былъ несознаннымъ рабствомъ, а прославленный безущербный миръ, тяжелымъ бременемъ для государства. Этихъ причинъ было достаточно, чтобы затруднять выходъ Александра изъ принятаго умышленнаго прославленія тильзитскаго соглашенія; къ нимъ примѣшивалась привычная преувеличенная любезность, которая лишала государя спокойнаго дѣлового обсужденія въ переговорахъ, увлекая его постоянно къ рисовкѣ прекрасными намѣреніями и къ слишкомъ любезному преувеличенію обѣщаній. Ко всему этому не могло не примѣшиваться нежеланіе подчинить свою державную волю общественному мнѣнію, и по всѣмъ вѣроятіямъ, не легко ему было заглушить страхъ грознаго и счастливаго полководца. Такія сложныя побужденія насильно его увлекли къ безцѣльному и совершенно нелестному участію въ войнѣ 1809 года, къ принятію жалкой добычи этой войны, и ввели въ неискренніе и опасные, по неловкости своей, переговоры о бракѣ Наполеона съ великой княжной, оставаясь по наружности такимъ усерднымъ, сердечнымъ и убѣжденнымъ союзникомъ и другомъ, несмотря на ненависть и негодованіе, вызываемыя невыносимымъ бременемъ. Раздѣлъ Галиціи вызвалъ явный ро-

потъ, навстрѣчу которому поспѣшилъ Наполеонъ самыми усердными обѣщаніями загладить обиду, и государь повѣрилъ искренности обѣщанія и дѣйствительности придуманной съ Румянцевымъ мѣры, можетъ быть, потому, что сознавалъ всю свою несостоятельность въ истекшей войнѣ и опасался разрыва. Въ сватовствѣ Наполеона онъ слишкомъ легкомысленно усмотрѣлъ ловушку, въ которой онъ вынудилъ у него, безъ вознагражденія, согласіе на пресловутый договоръ (отчасти подсказанный обѣщаніями сообщеній Шампаньи, данными по приказанію его повелителя), и этой уловкой, не соразмѣренной съ искусствомъ противника, вызвалъ неожиданное оскорбленіе, давшее рѣшительный толчекъ его отношеніямъ къ союзнику и избавившій его отъ унизительной угодливости и податливости.

Для историческаго облика Александра, конечно, не особенно лестно, что источникомъ предѣла его колебаній и недоразумѣній послужило не сознаніе общественнаго блага, счастливо сочетавшееся съ его личнымъ достоинствомъ, но уязвленная гордость и утомленіе отъ тщетнаго ожиданія тѣхъ благъ, которыя въ Тильзитѣ онъ вообразилъ зарученными его очарованіемъ Наполеона. Но то же самообольщеніе, которое его склонило легковѣрно увлечься обѣщаніями и разсчитывать на внушенную дружбу, сдѣлало его воспріимчивымъ къ личной обидѣ, и настолько послужило его отрезвленію, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его взгляды, разсужденія и споры, относящіеся къ франко-русскимъ обязательствамъ, принимаютъ такую твердость, ясность и послѣдовательность, что вся личность государя выдѣляется въ совершенно новомъ свѣтѣ, какъ бы предупреждая исторію о тѣхъ блестящихъ страницахъ, которыя онъ ей готовитъ въ годину Отечественной войны.

Первые шаги по этому новому направленію не могли имѣть той твердости, которую постепенно пріобрѣли, тѣмъ болѣе, что они совпали съ самымъ ѣдкимъ разочарованіемъ: Наполеонъ предупредилъ отказъ выборомъ Маріи Луизы, о чемъ было растерянно сообщено Коленкуромъ государю; а чрезъ два дня послу пришлось явиться съ другимъ недобрымъ извѣстіемъ, что договоръ о Польшѣ

не удостоился утвержденія Наполеона. Упреки, сдѣланные по этому случаю государемъ, отличались сдержанностью и достоинствомъ, но были бы еще умѣстнѣе, если бы къ нимъ не примѣшивались нареканія за непризнанныя усердіе и дружбу. Очень вѣско замѣчаніе о положеніи, въ которомъ оказалась бы великая княжна и ея семья, если бы было принято сватовство, въ то время, когда въ Парижѣ выборъ уже остановился на Маріи-Луизѣ. Не лишены были основанія упреки за промедленіе отвѣта о договорѣ, и можно было прибавить, за совершенное неприличіе присылки отказа непосредственно послѣ сообщенія о выборѣ Маріи Луизы. Дальнѣйшіе переговоры объ этомъ злосчастномъ договорѣ, вскорѣ, впрочемъ, прекращенные, были напрасной тратой времени, преслѣдуя съ русской стороны совершенно призрачное обезпеченіе, данное, такъ сказать, сгоряча французскимъ императоромъ, когда онъ попытался загладить оскорбительное невниманіе къ требованіямъ Александра, обѣщавъ обезпечить Россіи болѣе, нежели желалъ и могъ сдѣлать; и потому привели, послѣ торжественныхъ обѣщаній и не менѣе торжественныхъ заявленій во французскомъ Законодательномъ Корпусѣ, къ тѣмъ обычнымъ изворотамъ, которыми обыкновенно оправдывалъ Наполеонъ свои отказы, ссылаясь на свою *честь*, всегда чуткую къ его желаніямъ.

Напрасная погоня за замѣной выраженія въ договорѣ, оспариваемой Наполеономъ.

Попытки согласовать недоразумѣнія, относящіяся до выраженій договора, были тѣмъ болѣе напрасны, что въ сущности императоръ явно отказывался отъ своего обѣщанія, такъ какъ самымъ существеннымъ его доводомъ противъ принятія *положительныхъ* обязательствъ было то соображеніе, что они могли его обязать усмирять своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ-поляковъ, возставшихъ для обрѣтенія независимости, что противно его *чести*, т.-е. желаніямъ и видамъ. Вслѣдствіе этого онъ оставилъ безъ отвѣта попытку новаго изложенія, присланнаго изъ Петербурга послѣ того, какъ онъ отвергъ первоначальный договоръ 23 дек. (4 янв.), а въ Петербургѣ не согласились принять его изложеніе, въ которомъ первая, самая существенная, статья излагалась въ смыслѣ обязательства не способствовать возстановленію, но умалчивала о противодѣйствіи въ какомъ бы то ни было видѣ такому возстановленію.

Эти ухищренія и споры не имѣли, конечно, значенія, въ смыслѣ обезпеченія безопасности Россіи отъ возможныхъ осложненій, которыя могли вызвать возбуждаемые и поощряемые Наполеономъ поляки; въ нихъ могло только высказаться расположеніе Наполеона успокоить своего союзника насчетъ бережливаго отношенія Франціи къ безопасности Россіи въ этомъ вопросѣ, высказанное послѣ вѣнскаго договора въ очень положительныхъ обѣщаніяхъ, и шумно и рѣзко спутанное въ отвѣтахъ послѣ рѣшенія австрійскаго брака, для того, чтобы обрушиться наконецъ въ презрительное молчаніе, что указываетъ размѣры этой заботы. Въ этомъ переходѣ, важно не отношеніе къ польскому вопросу, въ которомъ, въ сущности, союзники были настоящими соперниками, какъ и въ большинствѣ вопросовъ, вызывающихъ недоразумѣніе, но заслуживаетъ вниманія пробуждаемое въ обоихъ взаимное недоброжелательство, высказываемое у французскаго императора вспышками крикливыхъ и хвастливыхъ выраженій, отъ которыхъ онъ потомъ отступался, и которыя долженъ былъ искупать, когда приходилось основательнѣе цѣнить взаимныя недоразумѣнія; русскій же государь, во время обсужденія въ переговорахъ и перепискѣ этихъ вопросовъ, не покидалъ принятой личины доброжелательности къ своему союзнику и вѣрности къ обязательствамъ союза, отстаивая стойко и послѣдовательно собственную работу и обличая очень сдержанно несправедливость французскаго правительства.

Узнавши неудовольствіе Александра двойственностью переговоровъ сватовства, которая могла подвергнуть Анну Павловну, при согласіи, обидному положенію, Наполеонъ съ шумнымъ негодованіемъ отвергалъ эту двойственность, несомнѣнно, тянувшуюся болѣе трехъ недѣль въ Парижѣ при посредствѣ г-жи Меттернихъ и другихъ лицъ относительно Маріи-Луизы, и хвастливо объявлялъ, что такая двойственность недостойна его при его могуществѣ. Точно такъ же, когда очередь дошла до упрековъ относительно его снисхожденія къ Варшавскому герцогству, онъ рѣзко отрицалъ свою виновность, обвиняя Александра въ томъ, что онъ вызвалъ всѣ польскія затрудненія своимъ *безцвѣтнымъ* поведеніемъ въ войнѣ 1809 года, но эти

вспышки и рѣзкости или вовсе не достигали Петербурга, или доходили охлажденными, стараніями Шампаньи и Коленкура. Онъ самъ сознавалъ, что не былъ совсѣмъ правъ, и не желалъ послѣ новаго брака, упрочивши свое могущество, какъ ему казалось, новымъ устоемъ, растравлять безъ того неизбѣжно ухудшающіяся отношенія съ Россіей. Непродолжительное время, послѣ очень пышнаго отправленія свадебныхъ торжествъ, было у него даже нѣкоторое расположеніе къ болѣе мирному направленію своего честолюбія. Поѣздки съ молодой императрицей на сѣверъ Франціи, въ Бельгію, торжества, предполагаемыя улучшенія и поощренія въ осматриваемыхъ странахъ, даже начало попытки мирныхъ переговоровъ съ Англіей чрезъ посредство голландскаго банкира Лабушера въ угоду своему брату Людвигу, все указывало, что наступала болѣе мирная полоса его царствованія. Завоеванныя у Австріи страны онъ поспѣшилъ подѣлить между своими вассалами, взыскавши съ нихъ за эту милость возможно большее количество денегъ, и выкроивши изъ нихъ большія имѣнія для своихъ слугъ: другіе признаки какъ будто тоже указывали, что тревогамъ Европы наступаетъ перерывъ. Но точно такъ же, какъ его мирныя занятія и заботы о денежныхъ затрудненіяхъ, вызываемыхъ возвращеніемъ во Францію части войскъ, живущихъ на счетъ Германіи, поѣздка въ Антверпенъ и благоустройство сѣверной части имперіи не отклоняли его совершенно отъ мысли сосредоточенія на берегу Ламанша значительныхъ силъ въ угрозу Англіи, и не давали возможности упускать изъ вида во время посѣщенія Антверпена принятія мѣръ для усиленія флота противъ той же Англіи; точно такъ же болѣе сдержанныя сношенія и объясненія Наполеона съ Александромъ чрезъ возвращающихся въ Россію присланныхъ къ нему кн. Алексѣя Куракина и полковника Чернышева, хотя и были излагаемы въ видахъ возможнаго устраненія недоразумѣній и были чужды тѣхъ вспышекъ и рѣзкостей, которыя приходилось сглаживать Шампаньи и Коленкуру, не были однако свободны отъ укоризнъ и изложенія причинъ неудовольствія. Такимъ образомъ, при отправленіи Куракина, удостовѣряя его, что подозрѣніе Россіи о его стремленіи возстановить Польшу, вызванное

Признаки мирнаго настроенія Наполеона.

увеличеніемъ герцогства Варшавскаго, совершенно имъ незаслужено, что у него скрытыхъ видовъ противъ Россіи въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть, и что происки недостойны такихъ могущественныхъ владыкъ, каковы онъ и его союзникъ, и проч.; онъ при этомъ не скрылъ, что считаетъ виновникомъ неблагопріятнаго раздѣла Галиціи русскаго государя, которому нужно было самому поспѣшнѣе ее занять. Въ заключеніе высказалъ, что война съ Россіей потребовала бы 400.000 войска и была бы безцѣльна и безполезна, какъ былъ суворовскій походъ въ Италію, и что если она произойдетъ, то это случится противъ его желанія. Такимъ образомъ онъ какъ бы оправдывался и успокаивалъ относительно своихъ намѣреній, но вопросъ возможности войны не оказался обойденнымъ.

Съ кн. Александромъ Куракинымъ особенно значительныхъ разговоровъ въ это время не происходило; этотъ собесѣдникъ, чопорный, вычурный и безсодержательный, не вызывалъ въ Наполеонѣ тѣхъ словоохотливыхъ изложеній его видовъ и притязаній, которыми онъ нерѣдко увлекался съ болѣе пріятными собесѣдниками. Таковымъ въ его глазахъ былъ государевъ адъютантъ полковникъ Чернышевъ, необыкновенно ловкій офицеръ, близко ему знакомый, соратникъ его по войнѣ 1809 г., и котораго онъ намѣревался отправить обратно въ Петербургъ съ письмомъ къ государю, изложивши ему предварительно на словахъ все то, что не могло удобно помѣститься въ письмѣ. Это послужило поводомъ двухъ продолжительныхъ разговоровъ французскаго императора съ Чернышевымъ.

Разговоры Наполеона съ Чернышевымъ.

Въ первомъ разговорѣ, происходившемъ на балу въ императорскомъ загородномъ дворцѣ Фонтенебло, объявляя Чернышеву о его отправленіи съ письмомъ къ русскому императору, Наполеонъ изложилъ ему тѣ словесныя объясненія, которыми онъ желалъ дополнить свое письмо. Обсуждая русскія военныя дѣйствія на Дунаѣ и опасенія, которыя они вызываютъ въ Австріи, онъ настаивалъ на своемъ искреннемъ желаніи присоединенія Дунайскихъ княжествъ Россіей, утверждая, что будто съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы Порта согласилась на это присоединеніе. Слухи о его, будто бы мнимомъ, противодѣйствіи этому присоединенію называлъ ложными, объявляя

себя слишкомъ могущественнымъ, чтобы прибѣгать къ подобнымъ способамъ. Если бы онъ не желалъ присоединенія къ Россіи Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ, онъ бы не только это объявилъ явно, но и поддерживалъ бы свое нежеланіе всѣми своими силами. Это вопросъ австрійскій, а не французскій,—добавилъ онъ:—мои воды туда не доходятъ. Онъ утверждалъ, что если императоръ Александръ неослабно будетъ держаться союза съ нимъ, то царствованіе его сдѣлается самымъ славнымъ, когда-либо видѣннымъ Россіей. Что его *романъ*, это—даровать Россіи Финляндію и Дунайскія княжества, и вскорѣ получить морской миръ. Что для этой послѣдней цѣли нужно было принять тѣ мѣры, которыя онъ указывалъ относительно 600 англійскихъ кораблей, которые искали въ Россіи пріюта и сбыта своимъ товарамъ. Увѣрялъ въ своей дружбѣ и привязанности къ Александру и въ томъ, что Россія отъ рожденія географическій другъ Франціи и, оставаясь таковымъ, будетъ непрестанно расти и способствовать скорому возстановленію всеобщаго мира... но если она удалится отъ этого пути, то подвергнется большимъ случайностямъ. Сознавался, что при возобновленіи войны съ Россіей, Франція подверглась бы также опасностямъ, такъ какъ война между двумя имперіями нанесла бы ущербъ побѣдителю и побѣжденному.

Чрезъ два дня послѣ этого разговора, 23 окт., вручая Чернышеву письмо для государя, Наполеонъ вступилъ во второй, еще болѣе продолжительный разговоръ съ отъѣзжающимъ адъютантомъ, возобновляя свои увѣренія въ сохраненіи привязанности къ государю и Россіи; увѣрялъ, что распространяемые въ Германіи слухи о будущемъ разрывѣ — *вздоръ*, разглашаемый желающими этого разрыва, и что онъ неоднократно приказывалъ «Монитёру» ихъ опровергать. Что благоразумнѣе не обращать вниманія на нихъ, но (опять но!), къ несчастію, нельзя утаить, что съ нѣкотораго времени между Россіей и Франціей появилось охлажденіе, и что ихъ сношенія не столь откровенны и дружественны, какъ это было бы желательно. Причина тому неутвержденіе договора о Польшѣ, которое произошло по причинамъ, неоднократно изложеннымъ Наполеономъ. Онъ могъ обязаться не способствовать возстановле-

нію Польши, но не можетъ ни прозрѣвать будущее, ни обезчестить себя, гласно назвавшись врагомъ наро-да, давшаго столь великія доказательства своей преданности, добавляя при этомъ, что онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что въ Петербургѣ болѣе не придаютъ большого значенія этому договору. Сознаваясь въ своемъ сожалѣніи о присоединеніи части Галиціи къ герцогству Варшавскому, какъ о причинѣ охлажденія, онъ утверждалъ, что былъ вынужденъ обстоятельствами, которыя Россія могла бы предупредить собственнымъ занятіемъ этой области. На ея мѣстѣ онъ бы далъ крутой оборотъ войску, занимавшему Дунайскія княжества, и, вступивши со 100.000 человѣкъ въ Венгрію, предписалъ бы воюющимъ сторонамъ условія мира. Теперь онъ не упрекаетъ Александра за его образъ дѣйствія во время войны, какъ и тогда не упрекалъ, сознавая прекрасно, что Александръ могъ не только отказаться отъ участія, но даже объявить себя его противникомъ, что поставило бы его въ жестокое затрудненіе. Взамѣнъ этого онъ, чтобы не смущать Россію, изъ щепетильности отказался отъ уступки Галиціи въ полномъ составѣ, предлагаемой Австріей взамѣнъ адріатическаго прибрежья. Отрицая всякое участіе въ избраніи Бернадота наслѣдникомъ шведскаго престола, выразилъ желаніе снабженія русскаго посла полномочіями, которыя представили бы возможность договариваться въ Парижѣ—средоточіи всѣхъ дѣлъ. Повторялъ, что морской миръ зависитъ отъ мѣръ, которыя предприметъ Александръ противъ англичанъ, указывая на самую дѣйствительную, по его мнѣнію, пропускъ и захватъ правительствомъ ихъ товаровъ въ гаваняхъ, отъ продажи которыхъ, подобно Франціи, можно выручить много милліоновъ.

За собой онъ не признавалъ никакой вины передъ Россіей, и утверждалъ, что увѣреніе австрійскаго правительства о существованіи между нимъ и французскимъ правительствомъ враждебнаго Россіи договора разглашается, если это произошло, для введенія послѣдней въ заблужденіе. Если Франція рѣшится на войну съ Россіей, она выступитъ безъ союзниковъ, разочаровавшись въ дѣйствительности союзовъ. Финляндію и Дунайскія княжества онъ признаетъ русскими областями, и только два обстоятель-

ства могутъ нарушить согласіе обѣихъ имперій, это заключеніе Россіей отдѣльнаго мира съ Англіей или распространеніе завоеваній за Дунай, русло котораго должно оставаться границей Турціи, существованіе которой слишкомъ важно для благополучной политики Европы.

Онъ сознался, что согласился въ Эрфуртѣ на присоединеніе Дунайскихъ княжествъ изъ ненависти къ Австріи, чтобы ее поставить въ непримиримую враждебность къ Россіи, съ которой ему всегда желательно оставаться въ мирѣ, и потому онъ всегда къ ней первой обращался во всякомъ случаѣ. Онъ началъ тѣмъ, что просилъ у Александра руки его сестры, но вдовствующая императрица воспрепятствовала, и герцогу Винценскому давали нѣсколько десятидневныхъ отсрочекъ. Убѣдясь, что дѣло затягивается, и сомнѣваясь, что Александръ заговоритъ съ матерью какъ государь, онъ обратился къ Австріи, и окончилъ съ Шварценбергомъ дѣло брака съ эрцгерцогиней въ нѣсколько часовъ, и потому его напрасно заподозрилъ Румянцевъ, что онъ велъ рядомъ оба переговора — это не въ его правилахъ. Сознался, что сожалѣетъ о случившемся, но, спохватившись, добавилъ: «впрочемъ, мнѣ нечего жаловаться на случившееся, мнѣ моя жена угодна... Вы ее видѣли, но такъ какъ политика у державныхъ особъ должна вступать всюду, то я сознаюсь, что вашъ союзъ мнѣ подходилъ болѣе». Въ добавленіе онъ утверждалъ, что Австрію легко склонить на участіе въ войнѣ противъ Россіи, но что онъ этого не желаетъ, чувствуя, что, несмотря на бракъ, австрійцы не только его не любятъ, но даже ненавидятъ, и что иначе быть не можетъ, такъ какъ онъ отобралъ у нихъ слишкомъ много областей и причинилъ слишкомъ много зла, тогда какъ ничто не препятствовало Франціи и Россіи пребывать въ мирѣ и въ взаимной дружбѣ. Но что это совершенно зависитъ отъ исполненія императоромъ Александромъ его просьбы, отказавшись отъ всѣхъ полумѣръ, которыя, протомивши годъ или два отношенія обѣихъ имперій, приведутъ ихъ къ ссорѣ. Но если Александръ останется непоколебимымъ въ системѣ союза и поразитъ, согласно просьбѣ Наполеона, не обращая вниманія на крики торговцевъ, торговлю англичанъ, морской миръ будетъ заключенъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Передъ отпускомъ

Чернышева, онъ опровергалъ приписываемое ему намѣреніе водворить Мюрата на польскомъ престолѣ, не понимая, что могло вызвать эту болтовню, въ то время, когда онъ не имѣлъ ни души французскихъ войскъ въ Варшавскомъ герцогствѣ. Чернышевъ позволилъ себѣ замѣтить, что водвореніе главнаго управленія германской арміи въ Гамбургѣ могло вызвать толки, что серьезныя военныя приготовленія съ этой стороны могли быть направлены только противъ Россіи, на что Наполеонъ возражалъ, что съ 60 батальонами нельзя угрожать Россіи. Указывалъ на воздвигаемыя укрѣпленія у Риги и на лѣвомъ берегу Двины, признавая, впрочемъ, за каждымъ правительствомъ право приводить въ порядокъ свои твердыни, и упоминалъ, что поляки то же дѣлаютъ въ Прагѣ. Но когда Чернышевъ сослался на это обстоятельство, какъ на источникъ возникающихъ слуховъ, Наполеонъ сталъ утверждать, что на этотъ счетъ можно быть покойнымъ, что ему не зачѣмъ итти въ польскіе льды или украинскія степи; что это было бы согласно съ честолюбіемъ Александра Македонскаго, но не въ его духѣ;—что ему близка только морская война, и что всѣ его желанія ограничиваются возсозданіемъ внушительнаго флота; что Россія можетъ безопасно обратить всѣ свои силы противъ Турціи и сберечь большіе расходы, отказавшись отъ ненужныхъ новыхъ наборовъ, такъ какъ онъ, съ своей стороны, не сдѣлаетъ призыва конскрипціи 1811 года.

Эти болѣе откровенныя и полныя, съ точки зрѣнія Наполеона, перечисленія причинъ недоразумѣній, вставленныя между увѣреніями желанія сохраненія дружбы и союза и угрозами войны, и выраженныя съ развязной откровенностью и рѣзкостью выраженій, свойственными ему въ болтливыхъ его откровеніяхъ, появились къ серединѣ лѣта (чрезъ Куракина) и осенью при отправкѣ Чернышева, какъ бы заключеніе тѣхъ препирательствъ, которыя тянулись уже нѣсколько мѣсяцевъ между Шампаньи и Александромъ Куракинымъ въ Парижѣ, и Румянцевымъ (государь отклонялъ личное свое участіе въ нихъ) и Коленкуромъ въ Петербургѣ. Явнымъ предлогомъ ихъ былъ все тотъ же злосчастный польскій вопросъ и изрѣдка прорывающійся откликъ взаимной обиды неудачнаго сватовства. Но истин-

ная причина обострившихся отношеній лежала глубже. Александръ и Румянцевъ окончательно убѣдились, что союзъ обращается въ иго безъ возмездія, и искали способа ослабить связывающія ихъ путы, а Наполеонъ, чувствуя, что Россія напрягаетъ усилія, чтобы прекратить жертвы, приносимыя его видамъ, негодовалъ и поочередно разражался то доказательствами своей прямоты и доброжелательности, то угрозами, которыя, противъ собственнаго его желанія, обнаруживали дѣйствительный смыслъ союза, немыслимаго ему безъ полнаго подчиненія его волѣ.

Несомнѣнная враждебность Наполеона въ польскомъ вопросѣ.

Волнуясь и негодуя подъ предлогомъ, что договоромъ, въ этомъ видѣ, даже нѣсколько измѣненномъ въ сравненіи съ предъявленнымъ, Россія не столько искала своего огражденія отъ угрожающаго ея безопасности и цѣлости расширенія Польши, сколько его личнаго униженія и обезчещенія предательствомъ поляковъ,—утверждая это, Наполеонъ зналъ, что онъ самъ съ излишнимъ усердіемъ выдвинулъ успокоительныя предложенія въ слишкомъ положительныхъ выраженіяхъ и поспѣшилъ съ ними, потому что онъ первый *явно* выступилъ противъ безопасности своего союзника, этимъ расширеніемъ герцогства Варшавскаго въ то время, когда союзникъ едва отважился на менѣе искреннее исполненіе своихъ обязанностей. Точно такъ же, оправдывая спѣшность австрійскаго сватовства неискренностью переговоровъ Александра, Наполеонъ не могъ не сознавать, что если его *союзникъ и другъ* поступилъ не совсѣмъ согласно съ этимъ двойнымъ званіемъ, то все же его нельзя было ни въ чемъ упрекнуть относительно соблюденія приличій, которыя съ его стороны были пренебрежены съ наглой развязностью. Эти соображенія связывали его въ нападеніяхъ на Александра, котораго онъ рѣшался упрекать только въ слабости и въ безцвѣтности его дѣятельности, но обрушивался всѣмъ своимъ негодованіемъ на Румянцева, какъ бы выдѣляя его притязанія изъ международныхъ отношеній Франціи и Россіи. Ему онъ приписывалъ нежелательное изложеніе договора, жалобы на нерадѣніе французскаго правительства въ обузданіи польскаго броженія, угрожающаго изъ Варшавы безопасности сосѣдей; его же измышленіемъ обзывалъ

укоренившееся въ Петербургѣ мнѣніе, что французское давленіе въ Константинополѣ въ пользу уступки княжествъ было мнимое, и что все содѣйствіе Франціи ограничивается тѣмъ, что допускаетъ только то, чему не можетъ помѣшать. Эти отзывы Румянцева, рядомъ съ его требованіями къ Коленкуру о подписаніи договора, который онъ объявлялъ *залогомъ* союза, и доходящія изъ Вѣны сообщенія о попыткахъ русскихъ представителей, проѣзжаго (онъ былъ назначенъ въ Неаполь, но умышленно задержанъ въ Вѣнѣ) Алопеуса, личнаго врага Наполеона, Поцо ди Борго, и впослѣдствіи самого посла графа Шувалова, установить сближеніе и соглашеніе съ австрійскимъ правительствомъ относительно общаго расширенія предѣловъ обоихъ государствъ на счетъ Турціи, и въ ущербъ сближенія Австріи съ Франціей, — всѣ эти причины негодованія Наполеона противъ Румянцева были довольно основательны; но не онѣ его возмущали, такъ какъ онъ прекрасно зналъ, что канцлеръ не обладалъ ни достаточнымъ вліяніемъ ни довольно выдающимися дарованіями, чтобы создать прочныя преграды его видамъ и начинаніямъ. Его смущалъ признакъ, что русское правительство, задѣтое его распоряженіемъ Галиціей, ищетъ исхода изъ подчиненія, старается найти опору внѣ его доброжелательства; и что даже искательный и льстивый Румянцевъ какъ бы утратилъ способность заслуживать исполненіе просьбъ потокомъ увѣреній усердія и преданности, осмѣливаясь переходить къ нареканіямъ и требованіямъ. Это естественно не только его смущало, но и возмущало, и вызывало требованія къ Коленкуру заговорить *рѣзко* (parler raide...), и къ немалому изумленію, онъ получилъ отзывъ, что Румянцевъ отвѣчаетъ такимъ же способомъ, а государь вовсе уклоняется отъ дѣловыхъ разговоровъ съ нимъ, ограничиваясь невозмутимо любезными и свѣтскими разговорами. Такіе явно неблагопріятные признаки вскорѣ подтвердились, когда за окончаніемъ *изморомъ* польскихъ переговоровъ и естественно сдѣлавшагося неумѣстнымъ напоминанія о сватовствѣ, выдвинулся тотъ вопросъ, который, сильнѣе и искреннѣе нѣсколько напускнаго гнѣва на Румянцева, въ дѣйствительности обращалъ требовательность Наполеона къ Россіи въ настоятельную и страстную, въ которой

надежда уступокъ вызывала съ его стороны увѣренія дружбы и хвастливыя исчисленія услугъ, выраженныя небрежно для достоинства союзника (слѣды *воспитанія*), а опасенія отказа — угрозы военнаго выскочки, который не можетъ воздержаться отъ бряцанія мечомъ. Этимъ вопросомъ было болѣе широкое примѣненіе его *системы*, со всѣми стѣсненіями и насиліями, которыя были неизбѣжными спутниками всѣхъ мѣропріятій Наполеона, въ его своеобразномъ покореніи Англіи побѣдами на континентѣ, истощаемомъ истребленіемъ наростающихъ поколѣній, и посягательствомъ на естественное теченіе хозяйственныхъ отправленій, въ которыхъ его континентальная система, съ вызвавшей ее враждою къ Англіи, и болѣе всего честолюбіемъ, граничащимъ съ умопомѣшательствомъ, войнами, кровопролитіями и разореніями—выступала все съ новыми и съ болѣе невыносимыми требованіями ко всѣмъ государствамъ европейскаго континента.

Послѣ польскаго вопроса, континентальная система.

Эта требовательность Наполеона, явившаяся вскорѣ послѣ краткаго успокоенія его въ правительственныхъ занятіяхъ и въ тщеславномъ самодовольствіи родственной связью съ Габсбургами, вѣроятно, была отчасти возбуждена тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ долженъ былъ вынести изъ поверхностной и неудачной попытки мирныхъ переговоровъ съ Англіей чрезъ посредство банкира Лабушера о совершенной неподатливости англійскаго правительства къ его притязаніямъ и требованіямъ. Сопоставляя это упорство съ тѣми стѣсненіями и жертвами, которыя испытывала Англія вслѣдствіе борьбы съ нимъ въ Испаніи, и съ крайнимъ стѣсненіемъ его системой ея торговыхъ сношеній съ Европой, вызывавшимъ несомнѣнныя затрудненія въ сбытѣ ея промышленныхъ и колоніальныхъ произведеній, Наполеонъ предполагалъ ее наканунѣ хозяйственной и денежной несостоятельности, и надѣялся новыми утѣсненіями ея сношеній съ континентомъ заставить ее покориться, передъ неизбѣжнымъ разореніемъ. Не входя въ обсужденіе основательности этой надежды, требующее слишкомъ сложныхъ соображеній и гадательныхъ предположеній, можно только замѣтить, что Англія, преобладая на морѣ, *исключительно* пользовалась всѣми торговыми сношеніями съ другими частями свѣта, и была избавлена отъ

тѣхъ разореній, грабежей и поборовъ, которыми послѣдовательно *возрождали* (régénérer) французы Италію, Германію, Польшу и Испанію, а что взаимныя блокады Англіей и континентомъ другъ друга были обоюдоострымъ орудіемъ, уязвляющимъ обѣ стороны... и потому, оставляя этотъ вопросъ открытымъ, можно съ увѣренностью утверждать, что въ своевременности предъявленія къ Россіи требованій усугубленія своей системы французскій императоръ несомнѣнно ошибся.

Отношеніе его къ самолюбію Александра, какъ личности, и поведеніе относительно самодержавнаго главы могущественнаго царственнаго дома, которое онъ себѣ дозволилъ въ дѣлѣ сватовства, вскорѣ послѣ показаннаго полнаго невниманія къ его настояніямъ, при порученіи Наполеону договора за Россію, объ обезпеченіи ея отъ расширенія Польши въ Вѣнскомъ мирѣ, сгладили безслѣдно всѣ послѣдніе слѣды того обаянія и той почти женской подчиненности, которыя вызвали въ немъ страхъ могущества Наполеона послѣ пораженій и ослѣпленіе его геніальными способностями, къ которымъ примѣшались обольщенія неистощимаго изобразителя своихъ бывшихъ успѣховъ, необъятныхъ предпріятій, увлекательныхъ обѣщаній, совершенно заслонившихъ кроющагося въ великомъ человѣкѣ наглаго обманщика!

До этого времени, среди взаимныхъ любезностей и изліяній, требовательность Наполеона и податливость Александра какъ бы твердо установили подчиненность послѣдняго. Въ 1810 году, когда Наполеонъ сталъ требовать для своей системы новыхъ жертвъ Россіи, не стѣсняясь угрозами въ поддержаніе своихъ требованій, Александръ, впервые послѣ Тильзита, вмѣсто готовности и любезной предупредительности, заговорилъ языкомъ независимаго владѣльца, опирающагося на свои права, руководствующагося точными указаніями договора и потребностями своей родины, для которой своеволіе союзника переставало служить закономъ.

Несмотря на то, что этому подъему духа могли способствовать довольно узкія личныя побужденія, это не умаляетъ заслуги Александра въ томъ, что со времени этого перелома онъ съ честью охранялъ достоинство и

права Россіи и отвѣчалъ на назойливыя требованія Наполеона твердымъ и послѣдовательнымъ отпоромъ на его посягательство и ясными доводами своей правоты и рѣшимости. Это было время усиленныхъ его занятій и сближенія съ Сперанскимъ, бесѣды съ которымъ не ограничивались обсужденіемъ преслѣдуемыхъ преобразованій, но, кромѣ того, обогащались тѣми свѣдѣніями и занятіями, которыя вызывались любознательностью государя, и питались необыкновенной быстротой, съ которой ихъ усвоялъ Сперанскій, и той увлекательной легкостью, съ которой ихъ излагалъ своему царственному собесѣднику. Насколько совпаденіе подъема духа и достоинства послѣдняго было въ связи съ его сближеніемъ съ самымъ одареннымъ по способностямъ и возвышеннымъ по стремленіямъ сотрудникомъ, нѣтъ прямыхъ указаній, но нѣкоторымъ освѣщеніемъ такого проявленія въ сношеніяхъ съ Франціей достоинства царя, перваго слуги своего отечества и выразителя оскорбленнаго Наполеономъ народнаго чувства, можетъ послужить сравненіе съ его политическими и дипломатическими попытками, относящимися ко времени, когда не существовало еще сближенія, послѣдовавшаго въ разгаръ преобразовательнаго сотрудничества со Сперанскимъ, и которыя не представляли ни ясности взгляда, ни послѣдовательности дѣйствій, дававшихъ ему твердую опору въ этой дѣятельности во время этого сотрудничества.

По случаю участія въ войнѣ 1809 года, было указано, что встрѣчаемыя Александромъ препятствія при осуществленіи его стремленій расширенія границъ къ Вислѣ и Дунаю какъ бы напрашивались къ возможному разрѣшенію тѣми средствами, которыя предлагала навстрѣчу этихъ стремленій Австрія, въ уплату участія Россіи въ ея борьбѣ съ Наполеономъ. Въ то время, когда того же участія ждала Пруссія, чтобы примкнуть къ союзу, Александръ по нерѣшительности остановился на полумѣрѣ, не удовлетворившей ни одну изъ воюющихъ сторонъ и вызвавшей не только ихъ общее недоброжелательство, но и тотъ *призракъ* возрожденія Польши, который дѣлался яблокомъ раздора съ Франціей. Предложенія, передаваемыя Шварценбергомъ отъ Стадіона объ условіяхъ соглашенія расширенія границъ, остались безъ отклика точно такъ же, какъ донесе-

нія Голицына о предложеніи нѣкоторыхъ магнатовъ удостоились только уклончиваго отзыва. Причиной уклончивости выставлялась преждевременность попытки явной борьбы съ грознымъ Наполеономъ, несмотря на такую *готовность* къ борьбѣ у Австріи, какую она ни прежде ни послѣ не проявляла, на несомнѣнное сочувствіе Пруссіи, и на то обстоятельство, что борьба была неизбѣжна, какъ искупленіе отъ ига, и потому разразилась три года спустя, и тогда Австрія и Пруссія вынуждены были стоять не рядомъ съ нами, а противъ насъ. Послѣ же рѣшенія отстаивать свои права независимаго владыки, у Александра является бодрость возбуждать тѣ же самые вопросы соглашенія съ Австріей подъ вліяніемъ Румянцева, при содѣйствіи пребывающихъ въ Вѣнѣ Алопеуса, Поцо ди Борго и посла гр. Шувалова, не оставшихся безъ отклика Меттерниха-отца, замѣняющаго своего сына во время пребыванія послѣдняго въ Парижѣ, гдѣ онъ усиленно подкапывался подъ франко-русскій союзъ и уговаривалъ Наполеона выступить съ явнымъ противодѣйствіемъ присоединенію княжествъ къ Россіи; тогда какъ его отецъ могъ склониться на ихъ раздѣлъ между двумя имперіями, которыя должны были или отдѣлить Валахію по Ольту для Австріи, или предоставить ей Сербію, но, что еще важнѣе, согласиться на сближеніе съ Россіей для будущей борьбы съ Франціей. Возвращеніе сына въ Вѣну положило предѣлъ этимъ попыткамъ, сдѣлавшимся напрасными при несомнѣнной рѣшимости послѣдняго выслуживать милости у Наполеона всѣми возможными угожденіями. Упустивши благопріятный случай во время подавленности воли опекой Наполеона, Александръ, ободрившись, приступилъ къ попыткѣ достигнуть соглашенія, когда было слишкомъ поздно, и естественно ничего не достигъ.

Попытка Александра привлечь поляковъ къ совмѣстной борьбѣ противъ Наполеона.

Точно такъ же поступилъ онъ съ Польшею. Не рѣшившись открыто выступить въ 1809 году съ своими притязаніями, остерегаясь Наполеона, Александръ въ слѣдующему году вступилъ снова въ переговоры съ возвратившимся въ Петербургъ Чарторійскимъ о возможности вызвать въ герцогствѣ Варшавскомъ сочувствіе къ сближенію съ Россіей, въ надеждѣ, что подъ однимъ скипетромъ съ самодержавной имперіей оно возродится съ самостоя-

тельными учрежденіями, купивши это право участіемъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Чарторійскій, сдѣлавшійся болѣе осторожнымъ послѣ разочарованія 1805 года, и зная, насколько скромное участіе польскихъ войскъ въ громкихъ успѣхахъ тогдашняго бога войны вскружило имъ головы и возбудило ихъ надежды достигнуть полнаго возстановленія родины, не только помимо участія Россіи, но въ ущербъ этого исконнаго врага, отвѣчалъ уклончиво, и неохотно составилъ для государя записку по этому предмету. Чарторійскаго крайне изумило, что способъ, къ которому полагалъ прибѣгнуть Александръ, не заключался въ какихъ-либо соображеніяхъ добиваться соглашенія съ Наполеономъ и поляками путемъ договоровъ, а въ явной борьбѣ съ первымъ, при участіи въ ней его соотечественниковъ.

Воспоминаніе 1805 года, увѣренность въ обаяніи французскаго вліянія въ герцогствѣ, наконецъ, неопредѣленность условій, предлагаемыхъ Александромъ, колеблящимся между желаніемъ и опасеніемъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи присоединенія къ предполагаемому королевству бѣлорусскихъ и юго-западныхъ губерній, все побуждало Чарторійскаго не подавать положительныхъ надеждъ на возможность вызвать общее сочувствіе въ пользу обсуждаемаго въ запискѣ возстановленія, противъ котораго въ это же самое время Александръ велъ переговоры съ Наполеономъ. Эти переговоры, оказавшіеся довольно неожиданными для Чарторійскаго и недостаточно обоснованными государемъ, послужили только первымъ шагомъ къ другимъ переговорамъ между тѣми же лицами, еще разъ возобновившимся до Отечественной войны, оставшимся и въ слѣдующій разъ безъ всякихъ послѣдствій.

Объ безплодныя попытки найти самостоятельно точки опоры противъ угрожающей войны съ Наполеономъ, не отличающіяся ни особенно удачнымъ выборомъ, ни искусствомъ ихъ веденія, знаменательны только какъ признакъ отрѣшенія государя отъ смиренной податливости передъ Наполеономъ и стойкой рѣшимости не поступаться правами, нуждами и достоинствомъ государства, предпочитая опасность угрожающей страшной борьбы тому невыносимому гнету, при которомъ постоянно возрастающая требовательность французскаго императора обращала жизнь

мнимо независимаго государства въ беззащитную жертву своеволія ненасытнаго честолюбія, обратившагося въ душевное разстройство, мѣтко названное нѣмцами «Cäsarenwahnsinn!»

Взаимное неудовольствіе союзниковъ прорывается наружу.

При сохранившихся внѣшней дружелюбности и взаимномъ неудовольствіи, недоброжелательство не могло оставаться долго нѣмымъ, безъ внятнаго проявленія. Неискренность и слабость поддержки Наполеона въ пріобрѣтеніи Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ, сопоставленныя съ надменно-хвастливыми напоминаніями объ этихъ *пожалованіяхъ*, понижали полезное значеніе союза, сдѣлавшагося въ глазахъ Александра издѣвательствомъ при поощреніи расширенія польскихъ владѣній. Наполеонъ, съ своей стороны, остался недовольнымъ слабыми военными дѣйствіями русскихъ войскъ въ Галиціи, недостаткомъ предупредительности и отказомъ въ дѣлѣ брака, и той настойчивостью, съ которой требовали исполненія данныхъ Александру успокоительныхъ обѣщаній относительно Польши. При существованіи означенныхъ причинъ неудовольствія, продолжали оберегать, какъ бы по взаимному соглашенію, внѣшній обликъ союза и дружбы до тѣхъ поръ, пока новыя требованія Наполеона относительно его континентальной системы и твердый отпоръ, данный Александромъ этимъ требованіямъ, не привели союзниковъ къ тому рубежу, на которомъ еще разъ должна была проявиться подчиненность одного изъ нихъ или произойти совершенный разрывъ.

Выше было указано на нѣкоторые несомнѣнные признаки затрудненій, въ которыхъ оказались промышленныя и денежныя дѣла Англіи, сдѣлавшіеся въ виду расширенія ея промышленныхъ предпріятій и торговли какъ бы ея исключительнымъ достояніемъ, вслѣдствіе Берлинскаго эдикта Наполеона и кабинетскаго приказа Англіи, даннаго ему въ отвѣтъ. Это поставило Англію съ континентомъ во взаимную блокаду и предоставило ей всемірную торговлю, такъ что, расширяя ее за океаномъ, Англія пришла въ затрудненіе сбывать накопляющійся товаръ, при строгой замкнутости континента, оберегаемой импера-

торомъ французовъ. Недостатокъ сбыта, несмотря на возможно дѣятельную скрытую торговлю (контрабанду), неумолимо преслѣдуемую французскими таможенниками, вызвалъ нагроможденіе запасовъ, несвоевременность денежныхъ расчетовъ, стѣсненіе банковъ, и вслѣдствіе этого паденіе курса бумажныхъ цѣнностей. Наполеонъ, тщетно пытавшійся изгнать изъ Испаніи англійскія войска, усмотрѣлъ неожиданную побѣду въ денежно-хозяйственныхъ затрудненіяхъ Англіи, и надѣялся новыми преслѣдованіями ея торговли и промышленности довести ее до крайности и необходимости просить пощады и заключенія мира.

Для достиженія этой цѣли, нужно было достигнуть еще болѣе дѣйствительной замкнутости всѣхъ гаваней континента, не только для англійскаго флота, но и для нейтральныхъ флотовъ, которые, подчиняясь по необходимости требованію англійскаго кабинетскаго приказа, заходили въ Англію для полученія права свободнаго плаванія. Миланскимъ эдиктомъ Наполеонъ приравнялъ такихъ нейтральныхъ къ англійскимъ судамъ и требовалъ ихъ захвата, и продажи или истребленія ихъ товаровъ. Такія требованія, стѣсняющія жизненныя отправленія образованныхъ странъ, невозможныя безъ торговли и общенія между собой, приводили ихъ въ отчаяніе и въ необходимость обходить всѣми возможными средствами эти стѣсненія, когда правительства ихъ, изъ страха или изъ угодливости, были вынуждаемы подчиняться требованіямъ французскаго правительства. Невозможность достигнуть отъ мнимо-независимыхъ правительствъ такого же точнаго исполненія преслѣдованія англійской и той нейтральной торговли, которую миланскій эдиктъ объявлялъ утратившей свою національность (dénationalisée), привела Наполеона къ новымъ захватамъ государствъ и къ безчисленнымъ и разнообразнымъ насиліямъ.

Обогащенная торговлею Голландія, значительно изсякшія отъ прекращенія свободныхъ морскихъ сообщеній богатства которой обращались на исключительное служеніе военнымъ и военно-морскимъ цѣлямъ Наполеона, попыталась было отстаивать, при содѣйствіи своего короля Людовика Бонапарта, источникъ своего благосостоянія, морскую торговлю, и была присоединена

къ французской имперіи; а ея король, отрекшись отъ престола въ пользу малолѣтняго сына, скрылся бѣглецомъ изъ своей державы. Несогласіе главы католической церкви стать въ воинственныя отношенія къ Англіи (папа Пій VII отговорился тѣмъ, что духовному владыкѣ не подобаетъ вести войну) послужило поводомъ къ захвату его владѣній и къ его плѣненію въ Савонѣ и цѣлому ряду насилій надъ высшимъ духовенствомъ, созваннымъ впослѣдствіи на Соборъ, надъ которымъ высшею властью, вмѣсто папы, оказался министръ полиціи Савари, герцогъ Ровиго. Кромѣ этихъ насилій, въ тѣхъ же видахъ были поглощены ненасытной имперіей Этрурія (Тоскана), кантонъ Валисъ въ Швейцаріи и побережье Германіи до границы Мекленбурга, не исключая богатыхъ Ганзейскихъ городовъ, Бремена, Гамбурга и Любека.

Въ самой Франціи и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ вынуждены были подчиняться его требованіямъ, кромѣ напоминаній съ угрозами объ исполненіи его берлинскаго и миланскаго эдиктовъ, онъ требовалъ исключительныхъ мѣръ обнаруженія тѣхъ товаровъ англійскаго происхожденія, которые могли проникнуть окольными путями (чрезъ Гельголандъ, Голштинію, шведскую Померанію, Швецію и Россію) на континентъ, и взысканія 50% ихъ стоимости, кромѣ англійскихъ мануфактуръ, безпощадно истребляемыхъ; и этимъ способомъ и допущеніемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ матеріаловъ для мануфактуръ континента, при оплатѣ той же высокой пошлиной, полагалъ нанести сокрушительный ударъ англійской торговлѣ и благосостоянію. Эти мѣры, восхваляемыя нѣкоторыми французскими писателями, нельзя признать исключительнымъ плодомъ политическихъ соображеній и видовъ Наполеона; несомнѣнно, что желаніе и отчасти необходимость увеличенія денежныхъ средствъ правительства, обремененнаго содержаніемъ непомѣрныхъ вооруженій, побуждали его прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, которую онъ съ этой точки зрѣнія представлялъ заманчивой полунезависимымъ правительствамъ, которымъ этотъ поборъ былъ предоставленъ. Въ Швейцаріи и Пруссіи захваты были сдѣланы, въ первой безмездно, а во второй съ зачетомъ въ счетъ долга военнаго вознагражденія. Съ тѣмъ, что этотъ тя-

желый поборъ обрушился исключительно на благосостояніе Англіи, понижая будто бы на столько цѣнность ея товаровъ, сколько взыскивали съ него правительства,—съ этимъ мудрымъ мнѣніемъ потому трудно согласиться, что потребитель платой за товаръ оплачиваетъ всю цѣну, распредѣленіе которой, при произволѣ и насиліяхъ, осуществляется, самымъ неожиданнымъ образомъ, совершенно несогласно съ намѣреніями тѣхъ *просвѣщенныхъ* правительствъ, которыя къ нимъ прибѣгаютъ.

Въ своихъ преслѣдованіяхъ англійской торговли и товаровъ, Наполеонъ не могъ упустить изъ вида, что для полной ихъ дѣйствительности участіе Россіи дѣлалось настоятельнымъ. Среди запутанности торговыхъ отношеній, вызванныхъ наполеоновскими и англійскими распоряженіями, родилось еще новое усложненіе, вызванное отношеніемъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ къ торговому мореплаванію. Не желая подчиниться англійскому требованію для свободы плаванія, повѣрки и одобренія англійскими властями мореходныхъ бумагъ, правительство Штатовъ объявило *амбарго* своимъ мореплавателямъ, чтобы они не подчинялись унизительнымъ англійскимъ требованіямъ. При такомъ положеніи оказывалось, что англичанамъ былъ запрещенъ входъ въ континентальныя гавани, континентальнымъ судамъ выходъ изъ гаваней подъ страхомъ каперства противной стороной, а американскимъ судамъ ихъ же правительство запрещало плавать въ моряхъ, подверженныхъ такимъ порядкамъ. Такія невыносимыя стѣсненія вызвали самые разнообразные обходы ихъ, и та часть морской торговли, которая переживала всѣ эти невзгоды каперства, войны съ таможенниками и произвольныхъ поборовъ, была обязана имъ распространившимся обычаемъ прикрываться подложными мореходными бумагами, предъявляемыми въ гаваняхъ. Значительная часть такихъ мореплавателей принадлежала Америкѣ, такъ какъ многіе изъ ея судовладѣльцевъ, не желая подчиниться требованію своего правительства, продолжали плавать въ качествѣ нейтральныхъ между гаванями разныхъ странъ, не заходя въ отечественныя, чтобы ихъ неповиновеніе не было обнаружено. Это обстоятельство, рядомъ съ вызваннымъ стѣсненіями обычаемъ поддѣльныхъ морскихъ бумагъ, послужило поводомъ

Наполеону утверждать, что нейтральныхъ флаговъ нѣтъ, что всѣ плавающія суда принадлежатъ англичанамъ, если они не подъ флагомъ воюющихъ съ Англіей державъ, такъ какъ эти суда или потеряли, по смыслу его миланскаго эдикта, свою національность, подчинившись англійскимъ требованіямъ, или, что еще вѣроятнѣе, это англійскія суда подъ чужимъ флагомъ.

Этими уловками нейтральныхъ и мнимо нейтральныхъ мореплавателей пользовалась русская торговля, чтобы отчасти возмѣстить убытки, которые ей были причиняемы прекращеніемъ торговыхъ сношеній съ Англіей, вызваннымъ обязательствомъ тильзитскаго договора и войной съ ней, навязанными Наполеономъ и его системой. До прекращенія сношеній съ Англіей, почти вся ввозная и вывозная торговля Россія была въ ея рукахъ; сбытъ русскаго сырья и ввозъ мануфактуръ и полуденныхъ произведеній производился на англійскихъ судахъ, на англійскія деньги и ихъ же конторами. Прекращеніе этихъ сношеній вызывало оскудѣніе страны крайнимъ стѣсненіемъ сбыта ея произведеній, вздорожаніемъ привозныхъ товаровъ и отливомъ денежныхъ знаковъ, до этого привлекаемыхъ сбытомъ сырья въ Англію. Если съ этими весьма тягостными обстоятельствами сопоставить тѣ жертвы государственнаго казначейства, которыя вызывались непрестаннымъ увеличеніемъ военныхъ силъ, почти удвоенныхъ съ начала царствованія, и тѣми непрерывными войнами, которыя велись Александромъ, вначалѣ, чтобы установить преграду потоку французскаго владычества въ Европѣ, а послѣ Тильзита въ погонѣ обольщенія раздѣла этого владычества, то должна ясно представиться вся тягость того положенія, въ которое была поставлена Россія примѣненіемъ къ ней континентальной системы. Кромѣ неизбѣжныхъ болѣзненныхъ послѣдствій состоянія страны, лишенной естественныхъ хозяйственныхъ условій обмѣна избытка своихъ произведеній на произведенія, которыя она могла получать только путемъ международной торговли, Россія въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ еще терпѣла отъ установившагося у нея бумажнаго денежнаго обращенія. Правительственные расходы расли, достатки народные не только рядомъ съ этимъ не расли, но даже

сокращались подъ давленіемъ стѣсненія торговли. При этихъ условіяхъ расходы, несмотря на суровые способы взиманія налоговъ, не могли покрыться доходами. Свободныхъ накопленій капиталовъ, которые могли бы привлекаться путемъ займовъ для нуждъ казны, въ бѣдной странѣ не оказывалось, и правительству не оставалось другого способа покрывать свои расходы, кромѣ выпуска бумажныхъ денегъ, которыя вслѣдствіе этого неизбѣжно и быстро падали въ цѣнѣ. Это естественное послѣдствіе такого худшаго изъ всѣхъ займовъ, *займа насильственнаго*, само собой неизбѣжно сопровождаемаго паденіемъ цѣнности бумагъ, которыми правительство расплачивается или обѣщаетъ расплатиться позже, при чемъ бумаги теряютъ послѣдовательно свою цѣнность при быстромъ увеличеніи денежныхъ знаковъ, безъ соотвѣтственнаго роста произведеній, которыя могли бы на нихъ обмѣниваться, усугубляемое при стѣсненіи внѣшней торговли и упадкѣ цѣнъ на произведенія страны, дѣлалось еще болѣе чувствительнымъ и наглядно замѣтнымъ паденіемъ такъ называемаго *курса*, т.-е. отношенія цѣны бумажныхъ денегъ къ цѣнѣ денегъ изъ золота и серебра, на которыя цѣнились привозные товары.

При такихъ послѣдствіяхъ, вызванныхъ главнымъ образомъ тѣмъ направленіемъ государственныхъ и международныхъ отношеній, которое было плодомъ выступленія Александра на борьбу съ Наполеономъ, послѣдовавшее вслѣдствіе неудачъ тильзитскаго соглашенія тяжелое состояніе народнаго хозяйства и казны вызывало особенное и неотложное попеченіе объ его облегченіи, возможнымъ ослабленіемъ, безъ *явнаго* нарушенія обязательствъ тильзитскаго договора, континентальной системы; и первымъ послѣдствіемъ этой заботы было снисходительное отношеніе государя къ нейтральнымъ флагамъ, доставляющее не только нѣкоторое облегченіе международной торговлѣ Россіи, но вызвавшее даже довольно значительное передвиженіе, ея вывозомъ, товаровъ чрезъ Россію къ ея сосѣдямъ.

Послабленіе Россіей континент системы.

Эти послабленія, которыя не могли оказать значительнаго вліянія на преслѣдуемую Наполеономъ цѣль, вообще малоосуществимую, вызвали въ немъ упорныя и настойчи-

выя домогательства чрезъ Коленкура, представлявшаго одно сообщеніе за другимъ, содержащія эти требованія, и ими же заключались разговоры его съ Чернышевымъ передъ отправленіемъ его съ письмомъ къ Александру. Кромѣ всего, что выше было изложено объ этомъ разговорѣ, нужно еще упомянуть, что Наполеонъ, въ своемъ страстномъ преслѣдованіи сокрушенія могущества и благосостоянія Англіи, которое въ его сношеніяхъ съ Россіей выставлялось какъ бы несомнѣнная и желанная цѣль всѣхъ стремленій послѣдней (несмотря на безцѣльность для нея этого крушенія), поручилъ Чернышеву передать государю его просьбу увѣщаніями и угрозами понудить свою сосѣдку Швецію къ болѣе дѣйствительному примѣненію *системы*, которую Швеція дѣйствительно очень небрежно примѣняла, будучи къ тому вынуждена крайней нуждой. Ея морскія сношенія были въ зависимости отъ послабленій Англіи, достигаемыхъ взаимностью, а безъ самыхъ сношеній, при ея суровомъ климатѣ и скудныхъ произведеніяхъ, ея нищета достигла бы крайнихъ предѣловъ.

Поводомъ особенныхъ настояній Наполеона осенью 1810 года, кромѣ его взгляда на близкую неизбѣжность рѣшительнаго оборота въ судьбѣ Англіи, вслѣдствіе испытанныхъ ею затрудненій въ народномъ хозяйствѣ, послужили его свѣдѣнія о послабленіяхъ въ русскихъ гаваняхъ къ нейтральнымъ судамъ, признаваемымъ имъ мнимо-нейтральными, и его убѣжденіе, что изгнанныя его стѣсненіями на германскомъ побережьѣ изъ гаваней, занятыхъ его войсками, или закрытыхъ подъ угрозой такого же занятія въ Пруссіи и Мекленбургѣ, англійскія суда, числомъ до 600, нагруженныя товаромъ, который имъ нужно было немедленно сбыть, чтобы облегчить крайнія затрудненія ихъ рынка,—что эти предполагаемые 600 кораблей, помѣщеніе которыхъ въ его обычныхъ преувеличеніяхъ изображалось, какъ вопросъ: *быть или не быть* благосостоянію Англіи, направились въ Швецію и Россію подъ чужими флагами, и захваченные тамъ должны были довершить пророчествуемое имъ ея разореніе. (Несмотря на то, что эти 600 кораблей едва ли шли тогда въ Россію, что ихъ захватъ не могъ рѣшить судьбы Англіи, что страстное увлеченіе Наполеона ослѣпляло его насчетъ же-

лательности этого бѣдствія врага Наполеона, и побуждало его забывать, что этотъ врагъ былъ много разъ союзникомъ Россіи и Швеціи и тѣсно съ ними связанъ вѣковыми торговыми сношеніями). Его злорадное ожиданіе гибели Англіи не вызвало никакого сочувствія въ Петербургѣ, и, что было знаменательнѣе, получило роковое значеніе въ его судьбѣ, вызвавши, наконецъ, въ русскомъ государѣ достойную, истинную оцѣнку самодержца великаго народа, радѣтеля его хозяйственныхъ нуждъ и оберегателя его народной гордости. Повидимому, надломленный неуспѣхами и опасеніями настолько же, насколько онъ былъ увлеченъ превосходствомъ дарованій и воли Наполеона, любезно обворожительный Александръ, ограждающій себя отъ давленія его желѣзной руки сговорчивостью, угожденіемъ и неизсякаемыми потоками изліяній и обѣщаній, теперь, не покидая совершенно этихъ обычныхъ своихъ пріемовъ, воспрянулъ духомъ и заговорилъ со стойкимъ достоинствомъ и сознаніемъ своего права. Наглая требовательность и грубая небрежность къ достоинству союзника повидимому излѣчили его отъ почти женственной податливости.

Требованія Наполеона главнымъ образомъ заключались въ непризнаніи различія между англійскимъ и нейтральнымъ флагами, въ допущеніи въ гавани тѣхъ и другихъ, чтобы ихъ захватить въ свою пользу, въ преслѣдованіи всѣхъ морскихъ торговыхъ сношеній, въ угрозахъ Швеціи, чтобы вынудить и ее къ тому же самому, и проч. Основательность такихъ требованій подкрѣплялась смысломъ его берлинскаго и миланскаго эдиктовъ, а цѣлесообразность тѣмъ, что исполненіе ихъ должно повлечь паденіе Англіи. Послабленіе же этой послѣдней объяснялось какъ стремленіе заключенія съ нею мира, помимо Франціи, что повлекло бы съ его стороны объявленіе войны Россіи.

Александръ въ опроверженіе отвѣчалъ, что онъ точно исполнялъ и исполняетъ всѣ обязательства тильзитскаго договора, несмотря на всѣ жертвы, которыя ихъ исполненіе потребовало отъ Россіи, что свои союзныя обстоятельства онъ готовъ исполнять и впредь, но что исполненіе наполеоновскихъ эдиктовъ, изданныхъ безъ его участія и согласія, онъ не признаетъ обязательнымъ, и не станетъ

ихъ исполнялъ, когда они грозятъ совершеннымъ разоренiемъ его народу. Что онъ военное отношеніе къ Англіи поддерживаетъ; судовъ подъ ея флагомъ въ свои гавани не допускаетъ; происхожденіе нейтральныхъ строго провѣряетъ, и когда они оказываются скрытыми англійскими, подвергаетъ ихъ захвату. Такова была сущность неоднократныхъ его объясненій съ Коленкуромъ, которому приходилось опирать настоянія Наполеона не на правотѣ его требованій, а на той, съ точки зрѣнія французовъ, благой цѣли, которая только при примѣненіи безпощадной блокады и преслѣдованій и истребленій англійской торговли и ея произведеній дѣлалась достижимой—разоренія Англіи и покоренія ея французскому императору. Этой цѣли императоръ Александръ никогда не преслѣдовалъ, съ Англіей же враждовалъ вслѣдствіе требованій тильзитскаго договора, а сокрушеніе послѣдняго оплота противъ своеволія Наполеона, проявившагося въ теченіе 1810 года безчисленными захватами въ Италіи, Германіи и въ присоединеніи Голландіи, считалъ не только не желательнымъ, но и опаснымъ для будущности Европы. Самое могущество Франціи, съ тѣхъ поръ какъ опытъ доказалъ, что Россія неискренно была призвана къ его раздѣленію, перестало имъ цѣниться въ духѣ тильзитскаго *дѣла*, подчинившись русскому взгляду на безопасность и достоинство государства. Вслѣдствіе такого подчиненія народному чувству своего взгляда на французскій союзъ, сдѣлавшагося ему болѣе доступнымъ послѣ испытанныхъ имъ обидъ, Александръ нашелъ бодрость отвѣчать положительнымъ отклоненіемъ тѣхъ требованій Наполеона, которыя превышали обязательства тильзитскаго договора, и слишкомъ напоминали тотъ духъ *подчиненія*, которымъ былъ проникнутъ означенный договоръ, но котораго ни онъ ни Румянцевъ долго не *сознавали*... или только не *признавали*. Въ такомъ смыслѣ было имъ написано письмо въ концѣ декабря въ отвѣтъ на письма, привезенныя Алексѣемъ Куракинымъ и Чернышевымъ отъ императора французовъ.

Благодаря въ немъ своего союзника за выраженные въ означенныхъ письмахъ политическіе взгляды и дружественныя чувства, согласныя съ его собственными, Александръ удостовѣряетъ свою приверженность къ союзу и

заботу объ исполненіи всѣхъ истекающихъ изъ него обязательствъ. «Россія, по заключеніи мира съ Турціей, на условіяхъ, извѣстныхъ Его Величеству (подразумѣвается французскому), ничего не пожелаетъ. Мѣры противъ англійской торговли принимаются сильныя, чему свидѣтельствомъ могутъ служить многочисленныя конфискаціи. Въ послѣднее время едва 60 судовъ другихъ народностей вошли въ гавани, и мало вѣроятія, что ихъ еще много войдетъ, такъ какъ нѣкоторыя гавани замерзли; а тѣ, которыя появятся, будутъ подвергнуты прежнему строгому осмотру и, такимъ образомъ, тѣ 600 судовъ, о которыхъ сообщило мнѣ Ваше Величество, возвратятся въ Англію. Тревожные слухи, разглашаемые нѣмецкими политиками для внушенія опасеній, мнѣ не внушаютъ никакого довѣрія, такъ какъ я вполнѣ полагаюсь на ваши увѣренія. Письмо это посылаю съ полковникомъ Чернышевымъ, успѣвшимъ, повидимому, заслужить одобреніе Вашего Величества. Я его направлю на Стокгольмъ, чтобы онъ увѣдомилъ шведское правительство, что Ваше Величество выразило желаніе моей поддержки его представленій о разрывѣ Швеціи съ Англіей, уже совершившемся по моимъ свѣдѣніямъ. Чернышевъ будетъ имѣть возможность дать отчетъ Вашему Величеству о положеніи вещей въ Швеціи и проч.».

Письмо это свидѣтельствуетъ, что безусловная предупредительность и преимущественное изображеніе дружественнаго усердія уступили мѣсто болѣе дѣловому и опредѣленному изображенію дѣла, безъ всякаго заискиванія и выставленія своихъ заслугъ. Исполненія же порученія Наполеона о настояніяхъ передъ шведскимъ правительствомъ о болѣе строгомъ соблюденіи *блокады* шведскихъ гаваней отъ англійской торговли послужило случаемъ войти въ сношенія съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ, бывшимъ наполеоновскимъ маршаломъ Бернадотомъ, имѣвшія большое значеніе въ годину Отечественной войны и въ послѣдовавшихъ за нею переворотахъ.

Бернадотъ наслѣд. принцъ Швеціи.

Избраніе французскаго маршала въ наслѣдники престола, съ которымъ этотъ офицеръ не имѣлъ ничего общаго, ни по происхожденію ни по своимъ заслугамъ, составляетъ одно изъ своеобразнѣйшихъ явленій того времени. Старый и болѣзненный шведскій король Карлъ XIII, воцарившійся послѣ сверженія Густава IV, будучи бездѣт-

нымъ и не считая возможнымъ усыновить сына сверженнаго короля по тому недоброжелательству, которое вселилось въ странѣ ко всей его семьѣ, усыновилъ принца Аугустенбургскаго, родственника датскаго короля; но принцъ вскорѣ внезапно скончался, что вызвало народное волненіе и звѣрское убійство барона Ферзена, безпричинно заподозрѣннаго въ смерти, случившейся на глазахъ войска отъ удара. Старому королю пришлось пріискивать другого наслѣдника; вліянія и искательства родили несогласія и нерѣшительность, при чемъ былъ въ виду то датскій король (нелюбимый за суровый нравъ), то другой принцъ Аугустенбургскій, наслѣдникъ датскаго престола, но эти искательства находили отпоръ вслѣдствіе дурной памяти, оставленной объединеніемъ скандинавскихъ державъ по Кольмарской уніи.

Бернадотъ, очень искательный, привѣтливый и велерѣчивый южный французъ, сдѣлавшійся генераломъ при революціи, бывшій военнымъ министромъ и посломъ въ Вѣнѣ, несомнѣнно одаренный и бравый военный, но не болѣе какъ *заурядъ* хорошій генералъ, считалъ себя глубоко обиженнымъ судьбой, потому что генералъ Бонапартъ, бывшій поручикомъ, когда онъ уже выдвинулся на службѣ въ первый рядъ, обошелъ его, сдѣлался его повелителемъ и, что обиднѣе, благодѣтелемъ. Злобно завидуя Наполеону, онъ *скромно* увѣрялъ, что Наполеонъ завидуетъ его, Бернадота, славѣ! Одаренный императоромъ французовъ, пожалованный маршаломъ, княземъ Понте-Корзо, женатый на сестрѣ жены Іосифа Бонапарта, слѣдовательно родственникъ царствующаго дома, онъ не могъ помириться съ возвышеніемъ этого рода, которымъ пользовался самъ. Этотъ маршалъ начальствовалъ надъ французскими войсками, занимавшими шведскую Померанію, и, будучи вообще любезнымъ, болтливымъ и заискивающимъ, успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую довольно лестную извѣстность между шведскими офицерами, которой, вѣроятно, способствовало роскошное гостепріимство, которымъ могли щеголять нѣкоторые изъ маршаловъ Наполеона, обогащенные имъ или собственнымъ грабительствомъ.

Въ числѣ разныхъ соображеній и предположеній, въ Стокгольмѣ являлись сторонники мысли, что нужно вос-

пользоваться пріисканіемъ наслѣдника шведскому престолу, чтобы заслужить покровительство всемогущаго императора французовъ, получа, такъ сказать, наслѣдника изъ его рукъ, и вмѣстѣ съ этимъ надежду, что Швеція будетъ вознаграждена за потерю Финляндіи. Родились и развивались запутанные и темные происки, начатые какимъ-то поручикомъ Мёрнеромъ, втянувшимъ въ нихъ шведскаго консула въ Парижѣ Синьёля и чрезвычайнаго шведскаго посланника, пріѣхавшаго поздравлять Наполеона съ бракомъ, барона Вреде; глашатые стали увѣрять, что избраніемъ Бернадота сдѣлаютъ угодное Наполеону (мало расположенному вообще, а послѣ Ваграма, сурово относившемуся къ нему); въ то же время въ Швеціи тѣ же самые слухи разглашалъ какой-то французскій проходимецъ Фурнье. Несмотря на такія скромныя начинанія, на отсутствіе дѣйствительной поддержки со стороны Наполеона, отнесшагося нѣсколько пренебрежительно къ этому выбору, и на отсутствіе поддержки со стороны французскаго посольства въ Стокгольмѣ, въ которомъ налицо былъ секретарь онаго Дэзожье, самъ не знавшій, каково мнѣніе его правительства объ этомъ избраніи,—несмотря на все это, старый король, общественное мнѣніе и самый сеймъ, собранный въ Орёбро, были обойдены, и избраніе Бернадота въ наслѣдники шведскаго престола состоялось 9/21 августа 1810 года.

Наполеонъ не только не воспротивился этому избранію, но даже снабдилъ своего маршала и свойственника милліономъ франковъ на подъемъ, и потому въ Европѣ распространилось мнѣніе, что новый наслѣдникъ *ставленикъ* императора французовъ и будетъ его слѣпымъ орудіемъ. Едва ли самъ императоръ раздѣлялъ это мнѣніе, зная, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, и не довѣряя его личности; но вѣроятно, что о Бернадотѣ и его покорности онъ былъ такого же мнѣнія, къ которому его пріучили успѣхи и покорность Европы; однако, и въ этой мѣрѣ покорности, въ данномъ случаѣ, вскорѣ пришлось ему разочароваться, и конецъ 1810 и 1811 годъ начали ему наглядно обличать, съ легкой руки Александра, что Европа не въ состояніи болѣе таить возмущенія, вызываемаго его насиліями, точно такъ же, какъ Франція стала явно роптать про-

тивъ безпощаднаго истребленія нарождающихся поколѣній и грубаго произвола правительства. Государственныя тюрьмы были переполнены узниками, произвольно заключенными, а въ лѣсахъ скрывалось до 60.000 уклоняющихся отъ военной службы, преслѣдуемыхъ, какъ дикіе звѣри, подвижными колоннами, въ то же самое время, когда родные этихъ бѣглецовъ разорялись поборами и постоями.

Сближеніе Чернышева съ Бернадотомъ.

Направленный въ концѣ 1810 года чрезъ Стокгольмъ въ Парижъ полковникъ Чернышевъ былъ, по своимъ частымъ поѣздкамъ и долгимъ пребываніямъ среди французовъ, хорошо знакомъ съ Бернадотомъ, имѣвшимъ большое вліяніе въ шведскомъ правительствѣ при дряхломъ и болѣзненномъ королѣ. Словоохотливый и любящій себя выставить и прихвастнуть, онъ воспользовался пребываніемъ Чернышева въ Стокгольмѣ, чтобы его убѣдить въ своей полной независимости отъ гнета Наполеона, ибо сдѣлался якобы усерднымъ шведомъ, преданнымъ своему новому отечеству, польза котораго несогласна съ требованіями французскаго правительства, причемъ не скрывалъ недоброжелательства и зависти къ французскому императору и своей полной свободы отъ всякихъ узъ съ Франціей. Съ этимъ послѣднимъ заявленіемъ, въ смыслѣ нравственныхъ узъ, къ стыду Бернадота, нужно вполнѣ согласиться, не находя во всемъ послѣдующемъ его поведеніи и участіи въ борьбѣ континента съ его бывшимъ отечествомъ и прославившимъ его императоромъ тѣни стѣсненія прежней привязанностью, связями, воспоминаніями, чувствомъ чести; все оставалось глухо въ столкновеніи съ честолюбіемъ, самомнѣніемъ и упорнымъ недоброжелательствомъ къ Наполеону, своему воображаемому сопернику, котораго онъ мечталъ замѣнить на французскомъ престолѣ.

Съ Чернышевымъ, во время его пятидневнаго пребыванія въ шведской столицѣ, онъ обошелся не только съ той заискивающей, даже нѣсколько навязчивой любезностью, которая ему была свойственна, и въ данномъ случаѣ оправдывалась ихъ знакомствомъ, но постарался изъ встрѣчи съ нимъ и изъ объясненій, которыя были поручены

государемъ Чернышеву, сдѣлать исходную точку установленія прочныхъ и безопасныхъ для Швеціи отношеній съ ея могущественнымъ сосѣдомъ. Вслѣдъ за обычными изліяніями относительно цѣны, приписываемой снисхожденію русскаго императора, желанія заслужить его благосклонность и вселить въ немъ довѣріе къ твердой рѣшимости не посягать ни при какихъ обстоятельствахъ на обратное отторженіе Финляндіи, объ утратѣ коей скорбѣлъ, но почиталъ ее окончательно вошедшей въ составъ могущественной сосѣдки, борьба съ которой была бы безразсудна, Бернадотъ утверждалъ, что, вселивши въ Россіи довѣріе къ искреннему и незыблемому рѣшенію шведскаго правительства заслужить ея дружбу и поддержку обезопасеніемъ ея сѣверо-западныхъ границъ при всѣхъ возможныхъ осложненіяхъ, Швеція могла ожидать ея признательности въ видѣ содѣйствія возстановленію могущества Швеціи присоединеніемъ къ ней Норвегіи.

Для вселенія въ Чернышевѣ бо́льшаго довѣрія къ его искренности по поводу отношеній къ Наполеону и твердой своей рѣшимости заслужить дружбу и покровительство Александра, Бернадотъ пустился въ откровенности относительно алчной и гнетущей требовательности Наполеона, требующей разоренія скудной Швеціи, и его личной недоброжелательности и зависти къ нему, наслѣдному принцу, котораго, вмѣсто поддержки въ его первыхъ правительственныхъ шагахъ на новомъ поприщѣ, онъ своимъ требованіемъ немедленнаго разрыва съ Англіей поставилъ въ тяжелое положеніе въ его новомъ отечествѣ, которое онъ намѣренъ отстаивать съ отчаяніемъ, какъ новую Испанію, и проч. Доходя до такихъ крайнихъ выводовъ, онъ все-таки упоминалъ, что Швеція недоступна французамъ безъ участія Россіи, и хвалился, что французскія войска, если бы проникли въ Швецію, едва ли пошли бы противъ хорошо имъ извѣстнаго и ими цѣнимаго Бернадота. Заносчивость и самохвальство этихъ рѣчей покрывали здравое, но *не прямодушное* рѣшеніе наслѣднаго принца опереться, для упроченія своего положенія въ Швеціи, на того изъ могущественныхъ соперниковъ, который вѣрнѣе обезпечитъ его безопасность, потребуетъ менѣе жертвъ и предложитъ наибольшее воз-

награжденіе. Среди искательствъ и порывистыхъ обѣщаній преданности обоимъ императорамъ, онъ какъ бы вызвалъ между ними негласное состязаніе (au plus offrant), которое не прекращалось до самаго открытія военныхъ дѣйствій въ 1812 году, несмотря на заключенный 24 марта (5 апр.) союзъ съ Александромъ.

Сосѣдство и могущество Россіи заставляли его отклонять предлагаемое Наполеономъ возсоединеніе Финляндіи, въ награду за неумолимое исполненіе блокады береговъ, конфискацію англійскихъ товаровъ и содѣйствіе 40.000-нымъ войскомъ противъ Россіи въ случаѣ предполагаемаго разрыва съ нею. Бернадотъ считалъ пріобрѣтеніе не безопасной отъ Россіи Финляндіи не заслуживающимъ такой дорогой цѣны; просилъ вмѣсто нея Норвегію, 20.000.000 фр. на военныя издержки и избавленія отъ конфискаціи англійскихъ товаровъ, не согласной съ законами и нравами шведовъ и способной вызвать возмущеніе. Норвегію Наполеонъ не желалъ отторгать у своей вѣрной союзницы Даніи; 20.000.000 фр. предлагалъ шведскому правительству добыть путемъ конфискаціи, отъ которой оно отказывалось; и сдѣлавшись скупымъ, кромѣ для наградъ своимъ соратникамъ, французскій императоръ слишкомъ сжился съ кондотьерскимъ обычаемъ добывать деньги войной, а не тратить ихъ для нея, чтобы согласиться на субсидію. Кромѣ того, онъ признавалъ требованія Бернадота заносчивыми и относился къ нимъ пренебрежительно; и къ его несчастью, ему въ этомъ подражалъ его представитель въ Стокгольмѣ Алькье, относящійся къ Бернадоту, судя по его отзывамъ передъ Чернышевымъ, съ надменнымъ снисхожденіемъ.

Александръ старается привлечь Бернадота, который пытается больше извлечь у Наполеона.

Рѣшившійся на болѣе стойкое отношеніе къ посягательствамъ Наполеона на его независимость, Александръ отнесся несравненно бережнѣе къ тщеславію и честолюбію наслѣднаго шведскаго принца, въ чемъ ему не мало содѣйствовала изворотливая ловкость Чернышева, успѣвшаго вывѣдать все, что могло способствовать соглашенію съ Швеціей отъ словоохотливаго Бернадота, и изобразить государю вѣрную картину положенія, стремленій и самой личности принца. Союзъ состоялся болѣе года послѣ свиданія съ нимъ Чернышева, и осуществленію и прочности его мы нѣсколько обязаны слишкомъ высоко-

мѣрнымъ отношеніямъ французскаго императора къ своему бывшему маршалу, котораго Александръ обласкалъ, закрѣпилъ въ свой союзъ противоположнымъ къ нему отношеніемъ; но вмѣстѣ съ этимъ, съ свойственнымъ ему *разгономъ* любезностей, непомѣрно поощрилъ его честолюбіе и завлекся въ обѣщанія, совершенно несоразмѣрныя съ заслугами и дарованіями Бернадота, оцѣненными со словъ хвастливаго гасконца, и которыхъ не могъ исполнить.

Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній принца, у котораго онъ завтракалъ и обѣдалъ, выслушивая его изліянія, Чернышевъ получилъ отъ него письмо къ Наполеону и его сестрѣ Паулинѣ (ихъ общей пріятельницѣ) и, снабдившись донесеніемъ Алькье въ Парижѣ, куда не безъ затрудненій добрался 23 дек. 1810 (4 янв. 1811) года, вслѣдъ за этимъ представилъ французскому императору тотъ отвѣтъ Александра, о которомъ было упомянуто выше, успѣвши доставить изъ Стокгольма не только донесеніе о своемъ свиданіи съ королемъ и шведскимъ принцемъ, но и копію съ писемъ, довѣренныхъ послѣднимъ.

Наполеонъ захватываетъ Ольденбургское герцогство.

Начало сближенія съ Бернадотомъ совпало съ тѣмъ временемъ, въ которое мѣропріятія Наполеона, направленныя къ обезпеченію блокады береговъ, приняли одновременно видъ наибольшаго насилія и непослѣдовательности. Ганзейскіе города не только были заняты французскими войсками, но и обращены во французскіе департаменты. Этой же участи подверглось Ольденбургское герцогство, владѣніе близкаго родственника государя, а Мекленбургскіе герцогства избѣгали той же участи только самымъ неумолимымъ исполненіемъ всѣхъ французскихъ требованій блокады, исполненныхъ подъ угрозой немедленнаго лишенія владѣній. Рядомъ съ этими насиліями и захватомъ товаровъ, обложеніемъ ихъ огромными пошлинами, являлись не вяжущіяся съ ними послабленія торговыхъ сношеній съ Англіей, получаемыя по такъ называемымъ licences, разрѣшеніямъ, достигаемымъ большей частью путемъ подкупа, по которымъ разрѣшался ввозъ опредѣленнаго количества англійскаго товара, признавае-

маго полезнымъ для французской промышленности, подъ непремѣннымъ условіемъ вывоза соотвѣтствующаго количества французскихъ произведеній. Это мудрое правило, кромѣ того, что оно усугубило безъ того дошедшую до крайности запутанность торговыхъ сношеній, вызывало нерѣдко такое явленіе: англійское судно привозило свой товаръ, продаваемый по непомѣрнымъ цѣнамъ, и, нагрузившись обязательнымъ французскимъ товаромъ, котораго не имѣло возможности ввезти въ Англію, бросало его въ море. Несмотря на подобныя послѣдствія упорнаго преслѣдованія Наполеономъ его системы, нѣкоторые французскіе историки стараются подыскать ей оправданія, увлекаясь громадностью затѣи, насилующей хозяйственныя отправленія народовъ, подрывающей ихъ благосостояніе и подвергающей ихъ безчисленному ряду жестокихъ притѣсненій, съ единственнымъ человѣконенавистническимъ оправданіемъ, что зло, причиняемое тѣмъ, кому правительство клятвой обязано покровительствомъ и попеченіемъ, должно въ концѣ цѣпи золъ, испытанныхъ ими, отразиться на *врагѣ*. Замѣчательно, что у самого Наполеона были по этому вопросу проблески просвѣтлѣнія, въ чемъ можно удостовѣриться въ отчетѣ Чернышева о его первомъ свиданіи съ императоромъ, послѣ возвращенія въ Парижъ съ письмами Александра и Бернадота.

Занятые войсками Ганзейскіе города были явно, сенатскимъ постановленіемъ 1/13 дек. 1810 года, для большаго удобства наблюденія исполненія требованій, навязываемыхъ французскимъ правительствомъ, блокады морского побережья, обращены во владѣнія французской имперіи, и подъ тѣмъ же предлогомъ было позже включено въ составъ имперіи Наполеона герцогство Ольденбургское, родовое владѣніе русскаго царственнаго дома. Въ это время въ Парижѣ было извѣстно несогласіе Александра подчиниться французскимъ требованіямъ относительно торговли подъ нейтральнымъ флагомъ, хотя письмо государя, порученное Чернышеву, не успѣло еще прибыть въ Парижъ, и нужно полагать, что это обстоятельство отказа преслѣдованія нейтральныхъ не осталось чуждымъ рѣшенію Наполеона относительно герцогства Ольденбургскаго. Такимъ образомъ, причины неудовольствія между двумя императорами

умножились еще однимъ крайне вызывающимъ, по своему самоуправству, поступкомъ французскаго императора, предложившаго вознаградить впослѣдствіи лишеннаго герцога оставшимся никому не пожалованнымъ, при образованіи новыхъ германскихъ государствъ, городомъ Эрфуртомъ, съ небольшимъ его округомъ. Нѣсколько дней послѣ этого возмутительнаго насилія и предлагаемаго какъ бы въ издѣвательство жалкаго вознагражденія, Александръ, еще не извѣщенный объ этихъ новыхъ подвигахъ своего союзника, съ своей стороны, сдѣлалъ новый шагъ въ смыслѣ болѣе заботливаго и самостоятельнаго направленія хозяйственныхъ нуждъ государства, своимъ указомъ 19/31 декабря 1810 года, устанавливающимъ новые таможенные порядки и пошлины, вызванные крайне стѣсненнымъ состояніемъ страны вслѣдствіе прекращенія торговыхъ сношеній съ Англіей. Совпаденіе крайнихъ посягательствъ со стороны Наполеона съ принятіемъ со стороны Александра необходимыхъ мѣръ для огражденія падающаго благосостоянія страны, безъ всякаго вниманія къ неудовольствію, которое эти мѣры могли вызвать въ грозномъ союзникѣ, ясно указываютъ, что союзъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ понимался и примѣнялся этимъ послѣднимъ, сдѣлался не только невыносимымъ бременемъ для Россіи, но казался также французскому императору напраснымъ, хотя и ничтожнымъ для него стѣсненіемъ, и оба союзника, какъ бы сознательно, спѣшили его разорвать.

Захватъ Ольденбурга Наполеономъ и таможенныя пошлины Александра.

Въ новыхъ таможенныхъ пошлинахъ, объявленныхъ въ вышеупомянутомъ указѣ, преслѣдовалось сокращеніе ввоза предметовъ роскоши, которые, при крайнемъ стѣсненіи вывоза сырья изъ Россіи вслѣдствіе разрыва съ Англіей, оплачиваясь металлическими деньгами, увеличивали оскудѣніе страны этими послѣдними, безъ того постоянно отливающими изъ Россіи, вслѣдствіе вывоза ихъ на оплату военныхъ расходовъ шведской и турецкой войнъ. Отсутствіе свободы торговыхъ сношеній и вывозъ металлическихъ денегъ заграницу, рядомъ съ усилившимися выпусками бумажныхъ денегъ, вынужденными недостаткомъ средствъ казны для покрытія расходовъ, растущихъ рядомъ съ численностью вооруженій и непрестанными войнами, внушили правительству желаніе поставить преграду отплы-

тію металлическихъ денегъ и паденію цѣнности бумажныхъ, такими таможенными правилами, которыя удалили бы ввозъ предметовъ роскоши и вызвали въ самой странѣ поощреніе развитія промышленности. Новыя пошлины и мѣры преслѣдованія ввоза тѣхъ предметовъ роскоши, которые считались самыми разорительными, должны были неблагопріятно отразиться на торговыхъ сношеніяхъ съ Франціей и стояли въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ обязательствами тильзитскаго договора. Въ послѣднемъ было выговорено, что вслѣдствіе наступающаго срока прекращенія торговаго договора 1787 года, онъ долженъ, впредь до заключенія новаго торговаго договора между Россіей и Франціей, оставаться въ силѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новые таможенные порядки, не нарушая никакихъ положительныхъ торговыхъ условій, за отсутствіемъ существованія договора, нарушали установившіеся между двумя странами торговые порядки и данное въ тильзитскомъ договорѣ обѣщаніе ихъ соблюдать до заключенія новаго торговаго договора.

Вскорѣ послѣ обнародованія новаго таможеннаго устава, уже по извѣщеніи объ окончательномъ захватѣ Ганзейскихъ городовъ, но до того, какъ ему стало извѣстно насиліе надъ герцогствомъ Ольденбургскимъ, явились признаки яснаго сознанія со стороны Александра, что на ослабленіи узъ союза не остановится *охлажденіе* между нимъ и Наполеономъ. Онъ зналъ по опыту, что послѣдній не поступится своей требовательностью подчинять всѣ дѣйствія союзника своимъ исключительнымъ видамъ, и не остановится ни передъ какимъ насиліемъ для достиженія своей цѣли; что вслѣдствіе этого, при той рѣшимости, которая въ немъ окрѣпла, избавить Россію отъ подчиненной союзности, охлажденіе неизбѣжно приведетъ къ явному разрыву. Это опасеніе побудило его возобновить сношенія и переписку съ Чарторійскимъ, пытаясь одновременно устранить опасность съ той стороны, съ которой онъ болѣе всего предполагалъ возможность нанести ущербъ неприкосновенности государства, расчлененіемъ его оружіемъ Наполеона въ союзѣ съ возбужденнымъ народнымъ польскимъ чувствомъ; и, вмѣстѣ съ удаленіемъ опасности, приблизиться къ давно гнѣздящемуся въ немъ желанію—возстановить ли искренно

Польшу или завладѣть ею въ полномъ составѣ, — мы не беремся этого рѣшить относительно начала 1811 года, когда мечтательное безкорыстіе Александра давно уступило мѣсто положительнымъ проявленіямъ завоевательныхъ вожделѣній.

Возобновленіе сношеній съ Чарторійскимъ.

Въ этихъ возобновленныхъ переговорахъ съ Чарторійскимъ, оставшихся безплодными, такъ какъ послѣдній не могъ обезпечить Александру, что обѣщаніе полякамъ возстановленія ихъ отечества, по возможности въ близкомъ къ прежнему, составѣ, не только разорветъ ихъ связь съ Наполеономъ, но и вызоветъ ихъ участіе въ борьбѣ Александра съ нимъ, всѣ увѣщанія и подробное изложеніе соображеній государя не могли поколебать недовѣріе Чарторійскаго къ успѣшности переговоровъ съ этой цѣлью съ вліятельными личностями среди поляковъ. Благоразумная сдержанность бывшаго руководителя русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ этомъ случаѣ оказала существенную услугу нашему отечеству, охладивши Александра къ опасному предпріятію — выступленія зачинщикомъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, наступая черезъ Польшу въ Германію, съ надеждой поднять и ту и другую на непримиримую борьбу съ утѣснителемъ Европы. Онъ разсчитывалъ на ослабленіе послѣдняго испанскими затрудненіями и войной, забывая, что они существовали во время австрійской борьбы при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, когда не требовалось гадательнаго единодушнаго ополченія поляковъ и нѣмцевъ; и вычислялъ Чарторійскому, насколько со стороны русскихъ и ихъ союзниковъ окажется численное превосходство надъ французами, отвлеченными Испаніей, повторяя исчисленія и соображенія Меттерниха въ 1809 г. Разница была въ томъ, что Меттернихъ не разсчитывалъ на поляковъ, но надѣялся на пробужденіе Россіи и Пруссіи отъ оцѣпенѣнія страха передъ Наполеономъ; а Александръ легковѣрно включалъ поляковъ въ свои освободительныя дружины, но въ этой ошибкѣ не поддержалъ его бывшій другъ юношества, и этимъ избавилъ его отъ большой опасности.

Слабость основныхъ соображеній Александра.

Приходится останавливаться на всѣхъ обстоятельствахъ возрожденія народнаго достоинства Россіи, въ ея сношеніяхъ съ Франціей, начиная съ 1810 года, и при

этомъ исторія должна платить дань признательности Александру за избавленіе своего отечества отъ унизительной подчиненности Франціи. Но это не должно ослѣплять ее въ отношеніи оцѣнки его предположеній и попытокъ приведенія ихъ въ исполненіе, которыя ни по выбору пріемовъ, ни по прямотѣ и достоинству нѣкоторыхъ дѣйствій, далеко не стояли на высотѣ тѣхъ благородныхъ побужденій, которыя должны были оправдывать передъ отечествомъ вызываемую борьбу нежеланіемъ признать ни за кѣмъ, даже за геніальнымъ владыкой Европы, права унижать Россію. Присматриваясь къ пріемамъ Александра и знакомясь съ изложеніемъ въ его письмахъ политическихъ видовъ, приходится признать его прославленныя дипломатическія способности столь же преувеличенными, насколько сомнительны ясность и твердость его государственныхъ соображеній, и поверхностны его знакомство и оцѣнка сотрудниковъ и соперниковъ.

Кромѣ отказа, при исполненіи блокады англичанъ, слѣдовать указаніямъ Наполеона до послѣдней крайности *системы*, Александру пришлось высказать свое мнѣніе и заявить свое неудовольствіе, когда стало извѣстно въ Петербургѣ, около половины января, завладѣніе французскими войсками герцогствомъ Ольденбургскимъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ его укорахъ и опроверженіяхъ, преобладали привычка и намѣреніе утопить, такъ сказать, дѣловыя выраженія въ неисчислимыхъ любезностяхъ и увѣреніяхъ преданности союзу и желанія мирныхъ отношеній. Но такое наглое нарушеніе владѣтельныхъ правъ близкаго родственника и владѣнія, почитаемаго родовымъ достояніемъ императорскаго дома, не могло остаться безъ всякаго положительнаго выраженія неудовольствія. Объясненія съ Коленкуромъ, несмотря на вызванное этимъ обстоятельствомъ нѣкоторое временное охлажденіе слишкомъ ласковаго отношенія къ послу, все-таки сохранили много прежняго, почти что элегическаго настроенія, но Куракину было поручено представить въ Парижѣ ноту, въ которой, среди пожеланій охраны союза, находились довольно сильныя выраженія, указывающія, что это дѣло оскорбляетъ всякую справедливость и нарушаетъ самыя незыблемыя права Россіи и проч. Ноту эту предупре-

женный французскій министръ не согласился принять, и Куракину пришлось ее оставить нераспечатанной на столѣ Шампаньи. Для приданія большей силы и огласки выраженію своего неудовольствія, Александръ приказалъ сообщить содержаніе ноты другимъ дворамъ.

Неизбѣжность войны.

Такимъ образомъ, несогласіе между двумя союзниками приняло очень опредѣленный видъ, и соглашеніе для устраненія его, съ самаго начала 1811 года, нужно было признать невозможнымъ, такъ какъ источникомъ несогласія были не тѣ столкновенія, насилія и оскорбленія, которыя былъ въ правѣ каждый изъ союзниковъ выставлять на видъ другому, но та постановка союзныхъ отношеній, которой Александръ рѣшился болѣе не подчиняться, а Наполеонъ считалъ единственной согласной съ его политическими видами, или, вѣрнѣе, съ его цезарскимъ бредомъ.

Французскіе историки, признавая, что вызванная этимъ несогласіемъ война 1812 года была причиной паденія Наполеона и непрочнаго величія *великой націи*, напрягаютъ свои разсужденія надъ разгадываніемъ празднаго вопроса, кто изъ двухъ соперниковъ былъ болѣе виноватъ въ столкновеніи, и была ли возможность устранить такое міровое бѣдствіе, каковымъ было крушеніе угнетенія Европы Франціей, *возрождающей* народы континента. Для насъ, русскихъ, этотъ вопросъ незагадоченъ и рѣшается нашимъ сознаніемъ, что посягающій на нашу независимость народъ не правъ, что единственный источникъ такого призванія чужого возрожденія — преступное честолюбіе, терпящее за него законно возмездіе.

Историки подвергали своимъ обсужденіямъ обстоятельства, почему рѣшенная война не объявлялась въ теченіе 16 мѣсяцевъ, и какимъ образомъ, несмотря на мнимое нежеланіе обоихъ императоровъ, они вовлеклись въ одну изъ самыхъ кровопролитныхъ войнъ исторіи; наконецъ, явились разсказчики, утверждающіе, что Александръ испытывалъ настоящій трепетъ передъ ней, выражающійся въ потерянномъ взглядѣ, le regard d'Austerlitz, какъ объясняетъ Чарторійскій. Съ этимъ мнѣніемъ также нельзя согласиться. Наполеонъ былъ страстный воинъ, страстный, какъ игрокъ (c'est mon métier, какъ онъ выражался), и чѣмъ ставка была больше, и игра больше усложнялась, тѣмъ послѣдняя становилась для него

привлекательнѣе. Но проигрывать онъ не любилъ, и, какъ всѣ игроки, не признавалъ своей вины въ случаѣ проигрыша. Самолюбіе и честолюбіе Александра поставили его въ упоръ передъ выборомъ между дальнѣйшимъ и углубляющимся униженіемъ предъ Наполеономъ или рѣшающей борьбой съ грознымъ противникомъ, и онъ въ началѣ же 1810 года рѣшился на борьбу, и въ этомъ рѣшеніи показалъ стойкость и послѣдовательность, какихъ мы не встрѣчаемъ ни прежде ни послѣ этихъ самыхъ яркихъ годовъ его царствованія—10, 11 и 12. Рѣшившись на эту борьбу, оба императора не могли не сознавать всей ея неизбѣжной тяжести и готовились къ ней 16 мѣсяцевъ. Была ли какая-нибудь необходимость, при взаимномъ желаніи довести свои вооруженія до крайняго напряженія, прибѣгать къ тѣмъ переговорамъ, письменнымъ изліяніямъ и происками, которые ознаменовали эти 16 мѣсяцевъ, и служили какъ бы занавѣсомъ, за которымъ *ковали булатъ*, не беремся рѣшать, и приступаемъ съ довольно тяжелымъ чувствомъ къ краткому изложенію этихъ мало-доблестныхъ подвиговъ, предшествовавшихъ нашей, несомнѣнно, доблестной, Отечественной войнѣ.

Безплодные переговоры.

Съ обѣихъ сторонъ напрягали все свое искусство, чтобы ввести въ обманъ противную сторону, прекрасно сознавая, что обманъ не удастся. Наполеонъ, точно такъ же, какъ Александръ, ясно сознавалъ истинную и неустранимую причину столкновенія, но по неискореняемому человѣческому самообольщенію оба пытались нащупать ахиллесову пяту у соперника, забывая про свою собственную. Наполеонъ послалъ въ октябрѣ Чернышева къ Александру съ увѣщеваніями, не имѣвшими никакого успѣха, а Александръ, отсылая его обратно, приказываетъ ему заѣхать въ Стокгольмъ, положить тамъ основаніе соглашенія съ Бернадотомъ противъ Наполеона, къ которому Чернышевъ возвращается съ отвѣтомъ, но вмѣстѣ съ этимъ, *съ пустыми руками*. Чернышеву приходится передавать много лишняго и неискренняго о вѣрности его государя союзу, рядомъ съ такими же увѣреніями отъ лица Бернадота, и прійти къ заключенію отъ имени обоихъ, что ни

тотъ ни другой не могутъ исполнить во всемъ размѣрѣ требованій Наполеона относительно блокады, угрожающей окончательнымъ разореніемъ точно такъ же Швеціи, какъ и Россіи. Это вызываетъ со стороны французскаго императора замѣчаніе, что они правы, что отъ этого приходится всѣмъ терпѣть, и ему такъ же, какъ другимъ, прибавивши шопотомъ про себя, «что если англичане продержатся еще нѣкоторое время, то онъ не знаетъ, что изъ этого выйдетъ, и какъ поступить?...» Кромѣ этого, невольно сорвавшагося замѣчанія, и другого весьма основательнаго, что ни въ отвѣтѣ Александра, ни въ объясненіяхъ Чернышева онъ не находитъ ничего удовлетворительнаго, остальной разговоръ могущественнаго императора съ отмѣнно ловкимъ адъютантомъ истекъ въ препирательствахъ и взаимныхъ упрекахъ о вооруженіяхъ обѣихъ имперій, и въ разсужденіяхъ Наполеона объ истинной причинѣ разстройства русской казны, происшедшей, по его мнѣнію, отъ неразсчетливаго веденія войнъ, съ честно оплачиваемыми расходами вмѣсто хищеній побѣжденныхъ, о турецкой войнѣ и Каменскомъ, о томъ, что Александръ не сумѣлъ воспользоваться его тильзитскими предложеніями, и проч. Все это не касалось настоящаго дѣла, о которомъ уже сложилось у Наполеона до того ясное убѣжденіе, что ничего нельзя достигнуть дальнѣйшими домогательствами, что онъ какъ бы помирился съ этимъ, высказывая мнѣніе, что Россія и Швеція нѣкоторымъ образомъ правы, не соглашаясь въ угоду ему на конечное разореніе государства. Все остальное было разговоромъ, но не переговорами.

У Чернышева же оказалось, кромѣ словопренія съ Наполеономъ, настоящее дѣло у Талейрана, оказывающаго далеко небезкорыстныя услуги императору Александру разными извѣщеніями и совѣтами.

Сумѣвшій угодить Наполеону, состоя при немъ въ военное время въ 1809 году и исполняя между нимъ и своимъ государемъ поѣздки съ письмами, всегда сопровождаемыми многорѣчивыми объясненіями французскаго императора, свѣтскій, видный и вкрадчивый Чернышевъ не терялъ времени, когда его удерживали въ Парижѣ, несмотря на разсѣянный образъ жизни. Свѣтскія связи съ сановни-

ками и съ *доступными* великосвѣтскими барынями (какъ' напримѣръ, съ сестрой императора, прекрасной Паулиной Боргезе) равно служили Чернышеву, чтобы обогащаться свѣдѣніями, справками и слухами, которые дополнялись подкупомъ мелкихъ чиновниковъ военнаго министерства для полученія болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній относительно этого вѣдомства. Такого рода болѣе нежели двусмысленная дѣятельность, достовѣрно извѣстная Александру, вначалѣ подозрѣваемая Наполеономъ, а потомъ и ему извѣстная, не вызывала ни брезгливости перваго, ни сдержанности въ своихъ изліяніяхъ второго, называющаго иногда Чернышева „cher ami", дравшаго его ласково за уши и проч. Объ отмѣнной ловкости этого свѣтскаго *соглядатая* можетъ свидѣтельствовать его умѣніе проникать какъ бы подъ особенное попеченіе министра полиціи Савари, обязаннаго за нимъ слѣдить, и проникновеніе въ кругъ ближайшихъ знакомыхъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ Марэ, герцога Бассано. Эта ловкость, въ придачу къ способности читать бумаги въ чужихъ кабинетахъ и быстро ихъ списывать, была несомнѣнна.

Съ этимъ же Чернышевымъ Наполеонъ отправляетъ письмо 16/28 февр., въ которомъ слѣдовали дополненія и разъясненія тѣхъ жалобъ и требованій, которыя были вызваны новымъ таможеннымъ положеніемъ Россіи, сдѣлавшимся извѣстнымъ Наполеону послѣ его разговора съ Чернышевымъ въ январѣ. Въ нотѣ настаивали на оскорбительности для Франціи таможеннаго порядка, стѣснительность котораго, по мнѣнію Наполеона, была оскорбительна не только для страны, но и для него лично. Въ разговорѣ, со свойственною ему непринужденностью выраженій, онъ увѣрялъ, что предпочелъ бы оплеуху этому указу. Требованія объ отмѣнѣ новаго устава, какъ относящагося къ внутреннему управленію государства, нота не предъявляла, но предлагала заключеніе торговаго договора, который, сохраняя запретительное направленіе, исключилъ бы изъ примѣненія устава все, что придавало ему враждебный Франціи обликъ. Письмо, поручаемое Чернышеву, шире обнимало накопляющіяся недоразумѣнія, но оцѣнивало ихъ не съ точки зрѣнія взаимныхъ правъ и обязанностей со[illegible]зниковъ, но съ болѣе *чувствительной*, въ расчетѣ на

податливость Александра на эту приманку, и съ щекотливой, не сознаваемой мѣщански неразборчивымъ Наполеономъ настойчивостью, напоминало союзнику его тяжелое положеніе въ Тильзитѣ, и всѣ мнимыя благодѣянія, оказанныя ему въ ущербъ исконныхъ союзниковъ Франціи, Швеціи и Турціи.

Начиная съ почти трогательныхъ укоризнъ за явные признаки охлажденія дружбы, Наполеонъ жалуется на укоризны и затрудненія, творимыя ему изъ-за Ольденбурга (вопросъ этотъ, какъ крайне щекотливый, тщательно обходился въ нотѣ и официальной перепискѣ), несмотря на его предложеніе вознагражденія, и указываетъ на новый таможенный уставъ, имѣющій столь явно враждебный Франціи смыслъ, что его появленіе вселило въ Англіи и Европѣ убѣжденіе, что союзъ между ними болѣе не существуетъ, а такое убѣжденіе уже составляетъ зло, „если даже онъ столь же проченъ въ сердцѣ Вашего Величества, какъ въ моемъ“. Затѣмъ слѣдуетъ перечень пріобрѣтеній Россіи послѣ Тильзита и опроверженіе опасеній относительно возстановленія Польши, которое ему было доступно послѣ Фридланда и въ 1810 году, когда турецкая война поглощала всѣ военныя силы Россіи. „Тѣмъ, что я не воспользовался этими удобными случаями, подтверждается мое нежеланіе перемѣнъ въ Польшѣ, дающее мнѣ право требовать, чтобы никто не мѣшался въ то, что я дѣлаю за Эльбой. Но этого не желаютъ наши враги, и тому служатъ доказательствомъ укрѣпленія на Двинѣ, укоризны за Ольденбургъ и новый указъ“. Въ заключеніи письма, онъ проситъ принять его въ самомъ благопріятномъ смыслѣ, и если Александръ не стремится разорвать тильзитскаго договора и примириться съ Англіей, что неизбѣжно бы вызвало войну съ Франціей, содѣйствовать устраненію недовѣрія и вызываемаго имъ напряженія силъ обѣихъ имперій, и возстановленію того тѣснаго союза, который осчастливилъ ихъ въ теченіе почти четырехъ лѣтъ.

Это письмо Наполеона вызвало весьма обстоятельный и подробный отвѣтъ Александра, замѣчательный не только по искусству изложенія и сдержанному отстаиванію своего достоинства, но и по твердому указанію нежеланія подчинять себя болѣе служебному положенію въ прославляемомъ

союзѣ. Сравнивая это письмо со многими предыдущими, кромѣ облегченія не читать тѣхъ преувеличенныхъ изліяній усердія къ угнетающему союзу, которыя роняли достоинство этихъ писемъ, нельзя не замѣтить, сколько силы и достоинства придаетъ ему постановка обсуждаемыхъ отношеній на почву здраво-государственную, покидая свѣтско-угодливыя отношенія. Слишкомъ длинное для приведенія его цѣликомъ, оно слѣдуетъ въ сокращеніи.

Отвѣтъ Александра на письмо Наполеона.

Начинается сожалѣніемъ объ отозваніи Коленкура и благодарностью за обѣщанную присылку на его мѣсто генерала Лористона, сопровождаемыми обычными любезностями. Затѣмъ, извѣщая его, что Чернышевъ исполнилъ возложенное на него порученіе, государь выражаетъ сѣтованіе за обвиненіе его въ отступленіи отъ союза, приписываемомъ, напротивъ, Наполеону, которому онъ желаетъ отвѣчать вполнѣ откровенно. Упрекъ за выраженное неудовольствіе по поводу присоединенія Ольденбурга признаетъ незаслуженнымъ, вслѣдствіе его права не подчиняться безмолвно явному нарушенію обязательства тильзитскаго договора, обезпечившаго существованіе герцогства. Въ способѣ, которымъ было дано напоминаніе этого права, соблюдено внимательное отношеніе къ союзницѣ. Точно такъ же, совершенно напрасно предположеніе, что новый таможенный уставъ направленъ противъ Франціи. Цѣлью его было оградить страну отъ наплыва дорогихъ товаровъ сухимъ путемъ, въ то время, когда вывозъ затрудненъ стѣсненіемъ морской торговли и высокими французскими пошлинами. Этой мѣрой, рядомъ съ стѣсненіемъ англійской торговли, поощрялась торговля американцевъ, способная оживить вывозъ моремъ громоздкихъ русскихъ товаровъ, не окупающихъ перевозки сухимъ путемъ; и стѣснить привозъ этимъ путемъ дорогихъ товаровъ, вызывающихъ вывозъ металлическихъ денегъ, который вліяетъ на упадокъ цѣнности бумажныхъ. Этотъ тарифъ не болѣе враждебенъ Франціи, нежели остальному континенту, и не противорѣчитъ континентальной системѣ. Замѣчаніе, что онъ введенъ безъ предварительнаго соглашенія съ союзникомъ, Александромъ признается неумѣстнымъ, ибо относится къ его чисто-внутреннему распоряженію, между тѣмъ какъ Наполеонъ принималъ такимъ же образомъ мѣры, относящіяся

не къ одной Франціи, но ко всей Европѣ, и отразившіяся многочисленными банкротствами въ Россіи, тогда какъ его распоряженія несравненно менѣе отразятся во Франціи. Вообще же Россія исполняла добросовѣстнѣе обязательства тильзитскаго договора, нежели Франція, и укоризны въ несвоевременномъ очищеніи Дунайскихъ княжествъ не основательны, такъ какъ причиной тому было нарушеніе турками неприкосновенности ихъ границъ. Къ тому же Эрфуртское соглашеніе вполнѣ устанавливаетъ отношеніе Россіи къ этому вопросу. Что касается завоеванія Финляндіи, оно было предпринято не по направленію русской политики, но вслѣдствіе континентальной системы, и обязано успѣху русскаго оружія, точно такъ же, какъ неуспѣхъ могъ бы лишить Россію собственныхъ областей, «поэтому и въ этомъ случаѣ я считаю себя правымъ. Если же указывать выгоды, извлеченныя изъ союза, то не слѣдуетъ забывать тѣ, которыя Франція пріобрѣла въ Италіи, Голландіи, Германіи и проч. Неподатливость свою наущеніямъ съ цѣлью насъ разсорить я доказалъ неоднократно тѣмъ, что сообщалъ всѣ эти попытки В.В., полагаясь на его дружбу, но когда дѣйствія начали подтверждаться тревожными слухами, не могъ не принять предосторожностей. Вооруженія въ Варшавскомъ герцогствѣ приняли несоразмѣрное развитіе, рядомъ съ выдвигаемыми укрѣпленіями, мои же укрѣпленія на Двинѣ и Днѣпрѣ, находясь отъ границы на такомъ же разстояніи какъ Страсбургъ отъ Парижа, имѣютъ исключительно оборонительное значеніе. Мои вооруженія не что иное, какъ лучшее образованіе уже существующихъ полковъ, которое сдѣлалось для меня обязательнымъ тѣмъ, что происходило въ Варшавскомъ герцогствѣ, и все возрастающимъ количествомъ войскъ В. В. въ сѣверной Германіи; они не доказываютъ моей склонности къ нападенію. Тарифъ установленъ на одинъ годъ, исключительно для исправленія курса, а протестъ вызванъ долгомъ чести передъ страной, нарушеннымъ явнымъ посягательствомъ на обязательства тильзитскаго договора, заключая, однако, доказательства моего желанія сохранить союзъ. Такимъ образомъ, вмѣсто заподозрѣванія меня въ желаніи измѣнить *системѣ*, если бы Ваше Величество пожелало быть справедливымъ, то

признало бы безукоризненность ея исполненія мною. Не желая расширенія земель, можетъ быть, уже слишкомъ обширныхъ, зачѣмъ мнѣ желать войны, затрудненія которой мнѣ извѣстны, и нарушенія союза, съ которымъ связано мое самолюбіе, и изъ-за котораго мнѣ приходилось бороться съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи; если Вашему Величеству эта война не болѣе желательна, нежели мнѣ, то ея, конечно, не будетъ. Чтобы представить тому доказательство, предлагаю Вашему Величеству, ставши на мое мѣсто, опредѣлить, чего бы оно пожелало, чтобы загладить Ольденбургское дѣло? Имѣя средства все устроить такъ, чтобы еще тѣснѣе связать обѣ имперіи и сдѣлать разрывъ навсегда невозможнымъ, найдете меня готовымъ этому содѣйствовать. Повторяю, если случится война, то это потому, что Вашему Величеству это будетъ угодно, а я, сдѣлавши все возможное для ея избѣжанія, сумѣю дорогою цѣною искупить свою гибель. Но если, и проч...»

Въ этомъ письмѣ впервые данъ отзывъ, исполненный достоинства, на то мѣщанское самохвальство Наполеона своими отрицательными дарами, которые заключались въ совѣтѣ пріобрѣтенія на чужой счетъ и безъ помощи его силъ; ясно указано, что въ примѣненіи *системы* Александръ имѣлъ право принимать въ соображеніе потребности своего государства, и въ отвѣтъ на жалобы противъ отношенія его къ Ольденбургскому дѣлу предложилъ Наполеону стать на его мѣсто. Нарывавшіяся неоднократно угрозы войной, первый разъ Александръ рѣшается отозваться, что если будетъ война, то это произойдетъ не по его винѣ, но дорого обойдется Франціи.

Стойкій отвѣтъ Александра совпалъ съ неудачей Массены въ Португаліи.

Въ то время, когда это письмо было отправлено въ Парижъ, настроеніе значительно измѣнилось, вслѣдствіе крайне неблагопріятнаго исхода португальскаго похода Массены противъ Велингтона, отъ котораго Наполеонъ ожидалъ гибели англійскаго войска и благопріятнаго оборота борьбы на Пиринейскомъ полуостровѣ, но который окончился отступленіемъ Массены и почти совершенной гибелью его 80.000-наго войска. Эта неудача склонила Наполеона поспѣшить отправленіемъ въ Россію новаго посла Лористона, задержаннаго во время разгара неудовольствія за

проявленія неподатливости Александра, высказавшейся въ вопросѣ о нейтральномъ флагѣ, въ тарифѣ, поднятомъ въ Россіи на французскіе товары какъ только таковые были подняты на русскіе товары во Франціи, наконецъ, въ гласномъ проявленіи неудовольствія по случаю захвата Ольденбурга. Въ то время писалось укоризненное письмо съ угрожающимъ заключеніемъ; Коленкура отзывали, считая его слишкомъ податливымъ къ русскимъ толкованіямъ и къ очарованію Александромъ, Лористона задерживали, а полякамъ въ Парижѣ оказывали явное предпочтеніе передъ русскими и дѣятельно поддерживали вооруженіе и возбужденіе Варшавскаго герцогства.

Нѣкоторое успокоеніе Наполеона и новый пріѣздъ Чернышева.

Происшедшая неудача и обмѣнъ писемъ о рожденіи римскаго короля, т.-е. сына Наполеона, настолько смягчили рѣзкость сношеній съ его стороны, что въ письмѣ, даннomъ Лористону при его отправленіи, укоризны приняли болѣе дружественную окраску, призывающую къ прежнимъ отношеніямъ, а пріѣздъ Чернышева ожидался съ такимъ нетерпѣніемъ, что объ его проѣздѣ чрезъ французскую границу было сообщено Наполеону телеграфомъ, и по прибытіи въ Парижъ онъ немедленно былъ имъ принятъ и встрѣченъ вопросомъ: «чему вѣрятъ у васъ, войнѣ или миру?»

Разговоръ былъ очень продолжителенъ, какъ и всѣ подобные разговоры Наполеона; въ составъ его вошли разсужденія о военныхъ дѣлахъ и о распоряженіяхъ въ международныхъ дѣлахъ Александра; осужденіе ослабленія войска на Дунаѣ и усиленія на западной границѣ; неумѣніе его достигнуть быстраго разрѣшенія предпріятій на Дунаѣ, раздражая Австрію и самого Наполеона и проч. Существенная сторона разговора состояла въ томъ, что ему желательно было знать, насколько великъ въ Петербургѣ страхъ разрыва съ нимъ, и есть ли надежда устранить всѣ недоразумѣнія способомъ, въ которомъ ни его требованіямъ, ни его тщеславію не пришлось бы понести малѣйшей жертвы. При этомъ были пущены въ ходъ и увѣренія доброжелательности и усердія ко благу русскаго государя, которому, въ лицѣ молодого адъютанта, давались благіе совѣты объ охранѣ своего благополучія исполненіемъ воли Наполеона; срывались крикливыя угрозы, а потомъ

являлись капральскія шутки дранія за уши, еле переносимыя Чернышевымъ.

Онъ старался доказать, что свои вооруженія, которыя онъ не отрицалъ, но подробно и самодовольно излагалъ, онъ началъ вслѣдствіе недоброжелательства и недовѣрія, показаннаго ему въ тарифѣ, въ Ольденбургскомъ дѣлѣ и въ передвиженіяхъ и усиленіяхъ войскъ на границѣ герцогства Варшавскаго, что было имъ признано сходомъ съ прямого пути планеты Россіи (предполагалось, вѣроятно, *спутника* Франціи), и вызвало его недовѣріе. Права же Россіи на недовѣріе и на самозащиту онъ точно такъ же не допускалъ, какъ не признавалъ за ней права оскорбляться его наглымъ нарушеніемъ независимости родственнаго государя, говоря, что соглашеніе невозможно, если *ничтожному* дѣлу придаютъ большое значеніе и т. под. Допытываясь, какъ можно это загладить, и услышавши намекъ, что можно это сдѣлать одновременно съ успокоеніемъ русскаго правительства насчетъ польскаго вопроса, взявши предлагаемое вознагражденіе за Ольденбургъ изъ состава Варшавскаго герцогства, онъ разразился гнѣвомъ и дерзкими угрозами. Требовать часть того, что имъ дано,—невыносимое оскорбленіе, которымъ Россія можетъ навлечь войну и поплатиться не только своими польскими владѣніями, но и Крымомъ. Успокоенный Чернышевымъ, старавшимся его увѣрить, что онъ самъ вѣроятно не сумѣлъ ни понять ни передать взглядъ канцлера на этотъ вопросъ, Наполеонъ все-таки пришелъ къ заключенію, что честь не позволяетъ ему уступить ни пяди польской земли взамѣнъ Ольденбурга.

Жалуясь на Россію, которая, мнимо пребывая въ союзѣ, прибѣгаетъ къ неблагопріятнымъ и угрожающимъ ему мѣрамъ, и не показываетъ склонности устранить всѣ недоразумѣнія, заключивъ въ Парижѣ договоръ (подъ его давленіемъ), онъ какъ бы не сознавалъ въ своемъ самозабвеніи разнузданнаго честолюбія, что онъ самъ высказывалъ невозможность другого соглашенія, кромѣ покорнаго подчиненія его волѣ. Увѣряя, что возстановленіе Польши послѣдняя его забота (le cadet de mes soucis), онъ тутъ же нагло приставалъ съ капральскими шутками дранія ушей, съ вопросомъ, дѣйствительно ли боятся въ Пе-

тербургѣ его намѣренія этого возстановленія, увѣряя при этомъ, что Александръ самъ стремится ее поглотить. Возмущаясь неправильнымъ дѣйствіемъ *сшедшей съ пути планеты*, озабочивающейся о своей безопасности, онъ подробно излагалъ, сколько самъ онъ собираетъ, помимо войскъ, направляемыхъ въ Испанію, новыхъ вооруженій, предусматривая разрывъ съ Россіей, за которой не признаетъ права ни передвигать свои войска внутри государства, ни преобразовывать ихъ. Такимъ образомъ онъ ждалъ отвѣта Александра съ нетерпѣніемъ, но призналъ его неудовлетворительнымъ, не найдя въ немъ требуемой подчиненности!

Безплодность переговоровъ.

Въ перепискѣ, въ предложеніяхъ Наполеона проглядывали попытки соглашенія, которыя не остались бы безъ отклика со стороны Александра, если бы разногласіе между соперниками возникало по какимъ-нибудь опредѣленнымъ и устраняемымъ обстоятельствамъ, а не лежало въ самомъ основаніи союза и въ личныхъ наклонностяхъ союзниковъ. Въ перепискѣ, исходящей изъ Парижа, шла рѣчь о континентальной системѣ, о русскомъ тарифѣ 1811 года, о вооруженіяхъ Россіи, о рѣзкомъ осужденіи захвата Ольденбурга и недоброжелательныхъ происках русскихъ, проживающихъ въ Вѣнѣ; въ отвѣтъ ей шли укоризны за начинанія возстановленія Польши и отказъ оградить Россію прочнымъ обязательствомъ отъ дальнѣйшаго развитія этихъ начинаній; шли жалобы на угрожающее увеличеніе французскихъ вооруженій въ сѣверной Германіи, и рѣзко высказывалась обида, испытанная въ Ольденбургскомъ дѣлѣ. Но если бы при самомъ твердомъ желаніи примиренія, съ обѣихъ сторонъ пытались найти возможность соглашенія путемъ необходимыхъ уступокъ, то при открытіи переговоровъ въ Парижѣ, какъ того требовалъ Наполеонъ, невозможность соглашенія могла бы только болѣе ярко обнаружиться, и повести къ немедленному разрыву.

Наполеонъ упорствовалъ въ преслѣдованіи разоренія Англіи, цѣной стѣснительныхъ и разорительныхъ мѣръ, насильственно навязываемыхъ всему континенту, и, находя

нѣкоторый отпоръ своимъ требованіямъ въ Александрѣ, пришелъ, такъ сказать, въ сугубое негодованіе за ущербъ, приносимый его самовластію и системѣ. Его привычка неусыпнаго воителя вызывала въ немъ потребность держать подъ рукой наготовѣ боевыя средства для пораженія державы, дѣлающейся неизбѣжно *врагомъ*, какъ только она пыталась не повиноваться его волѣ, и такія средства представилъ соблазнъ постепеннаго возстановленія Польши, вызванный пораженіемъ Пруссіи и оплошностью Александра, начиная съ 1807 до 1810 г. Съ 1810 г. Александръ началъ возмущаться направленіемъ этого острія клина на его владѣнія для расчлененія ихъ, а Наполеонъ не соглашался выпустить изъ своей желѣзной руки клина и молота, угрожающихъ безопасности Россіи. Всѣ остальныя недоразумѣнія могли почитаться второстепенными, доколѣ они не имѣли неразрывной связи съ краеугольнымъ камнемъ отношеній двухъ имперій, основанныхъ на *подчиненіи политики Россіи требованіямъ политики Наполеона* до той грани, на которой они вызывали польскую опасность. Будя ее, Наполеонъ обострялъ побужденія Александра свергнуть гнетъ тильзитскаго соглашенія. Въ этомъ настроеніи, соглашеніе сдѣлалось невозможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Александръ сталъ отстаивать честь и независимость своего отечества, встрѣчая со стороны Наполеона ту мнимую сговорчивость на словахъ, которая потомъ съ негодованіемъ отвергала на дѣлѣ тѣнь уступки, такъ какъ всякая уступка провозглашалась французскимъ императоромъ посягательствомъ на его честь, даже тогда, когда только такой уступкой и могла загладиться кровная обида союзника. При такихъ условіяхъ, переговоры и переписка служили только отводомъ рѣшимости искать преслѣдуемой цѣли силою оружія, которая была ясна обоимъ союзникамъ, и привела постепенно къ нѣкоторому перерыву ихъ. Взамѣнъ преслѣдованія неразрѣшимой задачи, стали съ напряженными усиліями развивать свои вооруженія и искать опоры въ союзахъ. Но въ этой дѣятельности, обѣ имперіи были стѣснены тѣми войнами, которыя каждая ихъ нихъ вела на своемъ югѣ, съ Испаніей и Турціей, и сверхъ того затрудненіями, испытываемыми Россіей въ скудости денежныхъ и техническихъ средствъ

для быстраго увеличенія и оборудованія своихъ вооруженій. Положеніе французской имперіи, болѣе населенной, развитой и снабженной особенными, громадными денежными средствами, накопленными Наполеономъ изъ военныхъ поборовъ, было несравненно благопріятнѣе. Но обѣ имперіи нуждались въ продолжительномъ срокѣ, Россія, чтобы успѣть избавиться отъ затянувшейся турецкой войны и произвести передвиженія войскъ и запасовъ къ западной границѣ; а Франція, потерявшая надежду на близкое окончаніе испанской борьбы, нуждалась въ продолжительномъ времени, чтобы успѣть передвинуть огромныя свои вооруженія и запасы на сѣверо-востокъ Германіи и въ Польшу. И потому оба императора, будучи убѣждены въ неизбѣжности столкновенія, Александръ, потому что сознавалъ, что Наполеонъ не примирится съ его попытками независимости, а Наполеонъ потому, что эти попытки признавались имъ началомъ освободительнаго движенія континента, однако, не высказывались откровенно. Александръ упорно утверждалъ, что горячо преданъ сохраненію мира, и ни въ какомъ случаѣ не будетъ зачинщикомъ войны, чему отчасти противорѣчили его заигрыванія чрезъ Чарторійскаго съ Польшей. Съ своей стороны, Наполеонъ заявлялъ не меньшее миролюбіе, но еще съ меньшей искренностью, нежели Александръ. Послѣдній, испытавшій неудачи и убѣждавшійся въ несомнѣнномъ воинскомъ превосходствѣ Наполеона, встрѣчалъ надвигающуюся войну со страхомъ грознаго испытанія, но съ отчаянной рѣшимостью, не лишенной, впрочемъ, нѣкоторой надежды не только на возрожденіе своего положенія, но и вѣроятное его возвышеніе. Наполеонъ объявлялъ, что, несмотря на свое желаніе мира, онъ не можетъ уклониться отъ войны, какъ только Россія проявитъ наклонность къ замиренію съ Англіей, утверждая, что онъ видитъ руку послѣдней во всѣхъ затрудненіяхъ съ Россіей, и потому считаетъ войну съ послѣдней неизбѣжной, несмотря на то, что самъ ея не желаетъ и вѣрилъ, что въ Россіи ея также опасаются. Несомнѣнно, что и самъ онъ ее считалъ трудной и опасной, по отдаленности страны, по ея протяженію, климату и испытанной стойкости ея войскъ. Эти послѣднія обстоятельства вызывали въ немъ

только болѣе обширныя и продолжительныя приготовленія, но не могли отклонить его отъ предпріятія, въ которомъ онъ усматривалъ увѣнчаніе всѣхъ своихъ успѣховъ и сокрушеніе послѣдней преграды своему самовластію. Къ тому же онъ разсчитывалъ на мягкость и непослѣдовательность Александра; на то обаяніе, которое онъ ему нѣкогда внушилъ и которымъ такъ искусно пользовался; вѣроятно, какъ счастливый доселѣ игрокъ, разсчитывалъ на блестящіе *ходы* и скорую развязку громаднаго предпріятія, увѣнчаннаго всеобщимъ порабощеніемъ. Онъ забывалъ, какъ баловень судьбы, что его успѣхи искупились тяжелыми испытаніями его жертвъ, и что его радости оставляли горечь у другихъ; что жертвами, которыми онъ вырывалъ успѣхи, онъ истощилъ терпѣніе народовъ, что обаяніе потеряло свою силу, заслоненное наглымъ самовластіемъ — однимъ словомъ, что и для счастливаго игрока можетъ послѣдовать тяжелая расплата. Упорное человѣческое себялюбіе, покуда испытываетъ успѣхъ, пользуется имъ подобно прекрасной и обожаемой женщинѣ, терзающей свои жертвы, не признавая ихъ горя, потому что онъ заслонено ея личнымъ торжествомъ, до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ мстителя.

Одно было совершенно общее желаніе у обоихъ, ничѣмъ не схожихъ, соперниковъ: оба они стремились оградить успѣхъ борьбы привлеченіемъ союзниковъ. Но, несмотря на громадность разразившейся борьбы, союзы и союзники не получили въ ея рѣшеніи большаго значенія. Это зависѣло отчасти отъ слабости государствъ, оставшихся независимыми послѣ пораженія ихъ Наполеономъ, и отъ того принужденія и стѣсненія, съ которымъ они принимали участіе въ грозной борьбѣ, отъ исхода которой многое должно было измѣниться въ судьбѣ Европы; отчасти отъ того, что на благопріятность исхода для Россіи было мало надежды, къ тому же не совершенно свободной отъ *опасенія* усиленія Россіи въ случаѣ ея успѣха, а сочувствія къ успѣху Франціи не было вовсе!

Затрудненіе заключенія союзовъ.

Успѣшности заключенія союзовъ, кромѣ запутанности международныхъ отношеній, порожденной насиліями Наполеона, мѣшалъ еще тотъ способъ, съ которымъ приступали оба императора къ соглашеніямъ съ союзниками. И тотъ и другой старались сохранить какъ можно долѣе тайну, что принуждало Наполеона къ крайней осторожности, а въ Александрѣ обратилось въ попытку заговора.

Выше было упомянуто, что онъ завелъ переписку съ Чарторійскимъ, съ цѣлью испытать склонность вліятельныхъ поляковъ примкнуть къ наступающей русской арміи съ вооруженіемъ всего герцогства, дабы усердно участвовать въ борьбѣ противъ господства Наполеона, и заслужить этой услугой право на самостоятельное и либеральное правленіе подъ державой Александра, возрожденной въ прежнихъ предѣлахъ Польши. Имъ было указано на многочисленность собственныхъ силъ, на готовность всей Германіи возстать противъ ненавистнаго французскаго ига; на малочисленность французскихъ войскъ (въ началѣ 1811 г.) въ Германіи, которыя при дружномъ содѣйствіи поляковъ, легко можно будетъ оттѣснить за Одеръ до полученія ими подкрѣпленій, и этимъ развязать руки нѣмецкимъ вожделѣніямъ попытать еще разъ счастія противъ французскихъ насильниковъ. Александръ повидимому вполнѣ забылъ свои увлеченія и обѣщанія 1805 года въ обществѣ Чарторійскихъ и ихъ присныхъ въ Пулавѣ, и легкость, съ которой онъ пожертвовалъ обѣщаніями и собственнымъ тогдашнимъ, привитымъ очарованіемъ пулавскаго общества, горячимъ сочувствіемъ возрожденію чужого отечества; но поляки не могли забыть этой легкости его забвенія. Не болѣе значенія, чѣмъ своей тогдашней нестойкости, придавалъ онъ обостренію отношеній въ 1809 году между войсками кн. Голицына и Понятовскаго, но послѣдній сохранилъ о краковскихъ столкновеніяхъ злую память. Чарторійскому было разрѣшено предварительно совѣщаться только съ самыми выдающимися личностями и съ самой большой осторожностью, и нужно полагать, что имъ была соблюдена она вполнѣ при выборѣ лицъ, болѣе склонныхъ довѣриться возможности успѣха Александра и прочности даваемыхъ имъ обѣщаній; и, несмотря на это, предложеніе русскаго императора, судя по отвѣту, данному на

январьское письмо Александра, на которое послѣдній ссылается въ позднѣйшей перепискѣ, не вызвало никакого сочувствія поляковъ, и было выдано Понятовскимъ французамъ, хотя, повидимому, не вселило въ Наполеонѣ особенной вѣры, вслѣдствіе обилія измышленій и преувеличеній поляками всякихъ происшествій и слуховъ. Такимъ образомъ отпадалъ у Россіи союзникъ, котораго Александръ считалъ вѣроятнымъ и очень полезнымъ; но эта потеря была исключительнымъ благополучіемъ для него, отклоняя исполненіе намѣренія наступательной войны, которая могла подвергнуть судьбу рѣшительной борьбы большой опасности, не оправдавъ ожиданія мудрыхъ совѣтниковъ въ родѣ молодого Чернышева, предлагавшаго государю изъ Парижа такое веденіе войны съ Франціей. Нужно полагать, что ловкому адъютанту была извѣстна склонность Александра къ наступательной войнѣ, о которой свидѣтельствуетъ сдѣланная государемъ надпись противъ вышеупомянутаго предложенія Чернышева: «отчего нѣтъ у меня много такихъ министровъ, какъ этотъ молодой человѣкъ?» (pourquoi n'ai-je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme!)

Сочувствіе прусскаго правительства и народонаселенія борьбѣ Россіи съ Франціей было горячее и искреннее, но участіе въ ней было подчинено увѣренности въ участіи Австріи, безъ которой умаленная, разоренная и трепетная Пруссія не могла посягнуть на борьбу, угрожающую ей неминуемой гибелью.

Почва для союзнаго соглашенія съ Швеціей была подготовлена во время поѣздки Чернышева въ декабрѣ 1810 г. въ Стокгольмъ, но переговоры имѣли видъ обмѣна любезностей и общихъ обѣщаній служить другъ другу, чему отчасти была причиной двусмысленная игра Бернадота съ Александромъ и Наполеономъ, въ погонѣ за болѣе выгоднымъ предложеніемъ. Пріѣхавшая къ нему жена и желаніе извлечь изъ Франціи всѣ тѣ денежныя средства, которыми его положеніе и милость Наполеона его тамъ обогащали, вынуждали Бернадота искать союза съ Франціей, но невыносимая требовательность относительно стѣсненія торговли Швеціи, и непремѣнное условіе войны съ Россіей для возсоединенія Финляндіи охлаждали усердіе Бернадота

къ прежнему отечеству, повелитель котораго относился не достаточно бережно къ строптивому самолюбію бывшаго своего марщала. Переговоры не приводили ни къ чему, но были основанія полагать, что они придутъ къ благопріятному для Россіи исходу, потому что Бернадотъ несомнѣнно опасался борьбы съ нею изъ-за Финляндіи, а эта борьба ставилась непремѣннымъ условіемъ французскаго союза, отвергающаго его просьбу замѣны Финляндіи Норвегіей.

Переговоры съ Австріей.

Гораздо труднѣе и сложнѣе были переговоры съ Австріей, благодаря усложненію ихъ преслѣдуемымъ Россіей присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ, и тѣмъ отношеніямъ, которыя были вызваны войной 1809 г. и ея послѣдствіями. Упомянутыя выше домогательства Алопеуса, Поццо ди Борго и Шувалова не оставались совершенно безплодными, какъ уже было сказано, до возвращенія Меттерниха-сына изъ Парижа; но пріѣхавши онъ немедленно возстановилъ свое вліяніе на императора Франца (начинавшаго склоняться къ русскимъ предложеніямъ) и тѣсную связь съ Франціей, которую считалъ слишкомъ опаснымъ раздражать, при несомнѣнной слабости и изнуреніи Австріи. Но Румянцевъ не вѣрилъ стойкости и послѣдовательности меттерниховской политики, и взамѣнъ этого твердо вѣрилъ въ дѣйствительность длинныхъ и вычурныхъ инструкцій для обращенія австрійскаго министра, при помощи краснорѣчія нашего новаго посланника въ Вѣнѣ, (дѣйствительно рѣчистаго) на путь нашей политики относительно Франціи и Турціи. Рядомъ съ этой политикой, посланнику барону Стакельбергу было поручено государемъ, въ тайнѣ отъ Румянцева, приготовить почву для тѣхъ соглашеній, которыя могли истекать изъ тайныхъ видовъ Александра на Польшу. Румянцевъ преслѣдовалъ соглашеніе относительно раздѣла съ Австріей нѣкоторыхъ частей Турціи, а государю было желательно провѣдать, можно ли разсчитывать на обмѣнъ съ Австріей оставшейся за ней части Галиціи на значительную часть Дунайскихъ княжествъ. Меттернихъ, несмотря на склонность къ свѣтской, нѣсколько распущенной и легкомысленной жизни, увлекающійся княгиней Багратіонъ, домашними спектаклями, и не охотникъ усидчивыхъ занятій, былъ необыкновен-

но проницательный наблюдатель и несомнѣнно ловкій и мѣткій противникъ въ переговорахъ, которымъ для внушительности придавалъ рѣшительный, наставнически-увѣренный оборотъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ въ опасности для Австріи расширенія русскихъ владѣній на Дунаѣ; въ нежелательности такихъ раздѣловъ съ Россіей, въ которыхъ бы первая заслоняла Австріи своими пріобрѣтеніями доступъ къ Черному морю и Константинополю; и, въ придачу къ этимъ взглядамъ, раздѣляемымъ эрцгерцогомъ Карломъ и большинствомъ государственныхъ людей Австріи, Меттернихъ не питалъ никакого довѣрія къ стойкости и послѣдовательности Александра. Онъ считалъ опаснымъ вступать въ сложныя предпріятія совмѣстно съ русскимъ государемъ, котораго не считалъ способнымъ обезпечить этимъ предпріятіямъ благополучный исходъ, а по самомнѣнію считалъ униженіемъ для себя слѣдовать плану, не ему принадлежащему, и потому не заслуживающему его содѣйствія. Не могъ онъ, кромѣ этого, забыть въ началѣ 1811 г. отношенія Россіи къ отчаянной борьбѣ Австріи въ 1809 г., и потому не только отвергъ, послѣ возвращенія изъ Парижа, всякія соглашенія относительно Турціи, но при первыхъ намекахъ Стакельберга относительно Галиціи опредѣленно заявилъ, что всякое нарушеніе границъ Австріи вызоветъ съ ея стороны военныя дѣйствія, а сосредоточеніе русскихъ войскъ на границѣ Галиціи и Буковины заставитъ его правительство стянуть свои войска къ той же границѣ. Такимъ образомъ, надежда на союзъ германскихъ государствъ рушилась; оставалось въ виду только возможное соглашеніе съ Швеціей, и твердая увѣренность въ возобновленіи прежняго союза съ Англіей при первыхъ проявленіяхъ разрыва съ Франціей, которыя ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ англійскимъ правительствомъ.

Виды на Турцію и на походъ къ Адріатическому морю.

Послѣ успѣха Кутузова на Дунаѣ при заключеніи мира съ Турціей, императоромъ было выражено желаніе привлеченія Турціи въ союзъ противъ Франціи; но это легкомысленное желаніе, поручаемое не менѣе легкомысленному Чичагову (homme de tête, по отзыву государя въ письмѣ къ Бернадоту), не могло получить никакого исполненія. Во-

влечь Турцію въ опасную и безплодную для нея борьбу съ Наполеономъ, въ благодарность за шестилѣтнюю кровопролитную войну и отторженіе у нея Бессарабіи, было уже довольно смѣлымъ предположеніемъ; но съ такимъ увлекающимся сотрудникомъ, каковъ былъ Чичаговъ (съ которымъ были обдуманы эти предложенія), этого было недостаточно. Предполагалось, рядомъ съ вовлеченіемъ Турціи въ борьбу, предпринять возмущеніе славянъ въ австрійскихъ предѣлахъ и въ новыхъ владѣніяхъ Франціи на Адріатическомъ морѣ, направивъ туда подъ начальствомъ адмирала Чичагова бывшую Дунайскую армію, полагая этимъ отвлеченіемъ силъ Франціи и ея союзницы Австріи вселить существенную тревогу вторгающемуся въ Россію Наполеону. Эта безразсудная затѣя, отвлекающая часть защитниковъ въ торжественную годину грознаго вторженія въ отечество, къ счастью для послѣдняго была еще въ апрѣлѣ 1812 г. покинута Александромъ, отнесшимся къ ней вначалѣ съ такимъ увлеченіемъ, что онъ ей какъ бы гордился въ своемъ письмѣ къ Бернадоту и въ сообщеніи, предназначенномъ англійскому правительству.

Союзники Наполеона. Со стороны Наполеона, привлеченію союзниковъ, кромѣ осторожнаго и напраснаго опасенія огласки этими союзами своихъ воинственныхъ намѣреній, безъ того хорошо извѣстныхъ Александру прежде завершенія военныхъ приготовленій, не мало мѣшало то надменное отношеніе, въ которое онъ себя поставилъ ко всѣмъ другимъ государствамъ. Онъ не только не просилъ, и даже не предлагалъ союзовъ, но милостиво *дозволялъ* или не дозволялъ ихъ, и въ случаѣ милостиваго дозволенія, союзнику оказывалась *честь* губить свои войска рядомъ съ наполеоновскими полчищами. Находящаяся между молотомъ и наковальней Германія, въ предѣлахъ Рейнскаго союза, была въ его безотчетномъ распоряженіи; въ обнищалой и униженной Пруссіи навязывалось на союзъ ея растерявшееся правительство, трепетавшее, что малѣйшимъ неудовольствіемъ Наполеона оно вызоветъ свой смертный приговоръ, и навязывалось, не взирая на всеобщую ненависть пруссаковъ къ Франціи. Вполнѣ увѣренный въ обезпеченности этого союза Наполеонъ не спѣшилъ съ его заключеніемъ, чтобы поддержаніемъ неизвѣстности ея участи

вынудить въ Пруссіи больше усердія и меньше вымогательствъ о вознагражденіи за подневольную службу. Наполеонъ протерзалъ негодующую Пруссію и трепещущее ея правительство до февраля 1812 года, когда желательное ей обезпеченіе союза съ Австріей, которымъ, какъ сказано выше, обусловливался союзъ съ Россіей, было, послѣ тщательныхъ переговоровъ и напрасной посылки Шарнгорста въ Австрію, отвергнуто австрійскимъ правительствомъ, руководимымъ осторожнымъ, неспособнымъ болѣе увлекаться, какъ въ 1809 г., Меттернихомъ. Прусскому правительству не оставалось другого исхода, кромѣ преданія себя на полную волю Наполеона, чтобы не быть имъ уничтоженнымъ по пути въ Россію. Во время колебаній и поѣздокъ Шарнгорста въ Россію и Австрію, при двуличномъ и колеблющемся поведеніи прусскаго правительства, единодушнаго народу въ ненависти къ французамъ, и преувеличенно усерднаго въ лицѣ Гарденберга къ союзу съ ними, Пруссія дѣйствительно была на краю гибели, подвергаясь опасности внезапнаго нападенія стотысячнаго войска Даву, которому было отдано приказаніе быть наготовѣ вступить въ ея предѣлы (крѣпости ея уже были отчасти заняты имъ), обезоружить ее и завладѣть правительствомъ. Замѣчательно, это этотъ несомнѣнно доблестный и даровитый сподвижникъ Наполеона, отчасти даже его соперникъ въ разгромѣ Пруссіи и Австріи своими подвигами при Ауерштетѣ и Экмюлѣ, оказался въ этомъ случаѣ настоящимъ соперникомъ Наполеона проявленіемъ полнаго отсутствія гражданской доблести и всякой жалости. Въ отвѣтъ на предупрежденіе Наполеона о возможности порученія ему окончательнаго устраненія независимости Пруссіи, онъ представилъ ему предложеніе исполнить это грозное порученіе, для большей вѣрности, подъ личиной низкаго и наглаго обмана приговореннаго правительства. Самый приговоръ вызывался тѣмъ упорствомъ, съ которымъ Пруссія увеличивала и упражняла свои войска, то подъ предлогомъ опасности вторженія англійской высадки, то подъ видомъ приготовленія себя къ достойному сотрудничеству въ союзѣ съ Наполеономъ, что казалось послѣднему слишкомъ подозрительнымъ и вызвало у него строгія внушенія прусскому правительству, а нѣкоторое

время даже соблазняло его поручить Даву разомъ покончить съ ней. Когда же неудача поѣздки Шарнгорста въ Россію (въ октябрѣ 1811 г.), у которой просили въ случаѣ опасности со стороны Франціи вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Пруссіи, по требованію ея властей, на что Александръ не рѣшился согласиться, и совершенная невозможность увлечь Австрію стали извѣстны прусскому королю послѣ поѣздки туда того же Шарнгорста, несчастному Фридриху-Вильгельму пришлось испытать двойное униженіе покорности Наполеону и посланныхъ Александру уничижительныхъ писемъ отъ 19/31 января и 19/31 марта 1812 г., съ извиненіями въ вынужденной и неискренней противъ него враждебности.

Заключеніе союза Наполеона съ Австріей подверглось также умышленнымъ проволочкамъ, но обошлось безъ униженій и страховъ, которымъ подверглась Пруссія. Не только родство съ французскимъ императоромъ оградило Австрію отъ этого, но ей помогли и ея относительное значеніе, какъ державы, и несомнѣнное умѣніе и самообладаніе Меттерниха, искусно *ласкающаго гриву льва*, въ чемъ заносчивый и страстный слуга своего отечества Гарденбергъ не могъ соперничать съ столь же хладнокровнымъ какъ и бездушнымъ австрійскимъ министромъ. Выше было упомянуто, какъ во время пятимѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ Меттернихъ пытался достигнуть, пользуясь своимъ сближеніемъ съ Наполеономъ, его положительнаго обѣщанія, что онъ воспрепятствуетъ обѣщанному и нежелательному Австріи присоединенію къ Россіи Дунайскихъ княжествъ. Позже, когда успѣшное уничтоженіе войска Верховнаго Визиря обезпечило Россіи заключеніе благопріятнаго мира съ Турціей, Наполеонъ попытался вызвать сопротивленіе Австріи выгодамъ Россіи, чтобы прочнѣе разъединить эти державы, но Меттернихъ оказался въ этомъ дѣлѣ столь же осторожнымъ, какъ Наполеонъ показалъ себя въ Парижѣ. Этимъ Меттернихъ ясно ему обнаружилъ, что служить ему изъ одного усердія онъ не согласенъ. Вмѣстѣ съ этимъ поддерживались имъ на всякій случай переговоры съ Пруссіей, для того, чтобы не уронить цѣну союза съ Австріей. Когда повинная и со-

трудничество Пруссіи стали обезпечены Наполеону, онъ рѣшился объявить австрійскому послу кн. Шварценбергу 5/17 дек. 1811 года, что пора покинуть разговоры и приступить къ договору. Такимъ образомъ, въ теченіе зимы, предшествующей войнѣ, Франціей были заключены соглашенія съ Австріей и Пруссіей объ участіи ихъ въ походѣ противъ Россіи вспомогательными войсками,—первой въ 30.000 чел., а второй въ 22.000. Австрія выговорила себѣ возвращеніе Иллиріи въ случаѣ отторженія остальной Галиціи къ Польшѣ, прирѣзку отъ Дунайскихъ княжествъ и улучшеніе западной границы. Намекалось, что въ случаѣ гибели Пруссіи, ей достанется Силезія.

Но эти соглашенія, почти неизбѣжныя, осуществившіяся въ положительныхъ договорахъ въ концѣ февраля 1812 г., перестали подвергаться опасности не состояться, только когда стало несомнѣннымъ, что Австрія не рѣшится поддаться вліянію Россіи и настояніямъ Пруссіи и не выступитъ на открытую борьбу съ Франціей. Преобладающее и еще не потрясенное могущество Франціи и положеніе всей Германіи, непрерывно наводняемой въ концѣ 1811 и началѣ 1812 гг. войсками Наполеона, въ виду все возрастающаго *молота*, вынудили Австрію и Пруссію, несмотря на отсутствіе широкаго поощренія со стороны французскаго правительства, посторониться отъ *наковальни* и пристроиться къ молоту. Относительно этихъ двухъ союзниковъ, пренебрежительная небрежность Наполеона осталась покуда безнаказанной, но по отношенію двухъ другихъ государствъ, болѣе слабыхъ и испытавшихъ въ теченіе послѣднихъ годовъ обиды, притѣсненія и отторженіе областей по его же настоянію, самоувѣренное обольщеніе Наполеона, что онъ можетъ ихъ привлечь къ дѣятельному содѣйствію въ его походѣ противъ Россіи, получило заслуженный урокъ. Съ Швеціей и Турціей онъ полагалъ, какъ съ слабѣйшими державами, возможнымъ еще менѣе стѣсняться, нежели съ Пруссіей. Сначала Бернадотъ не отклонялся отъ союза съ Франціей, но старался при этомъ обезпечить свои денежныя дѣла и оградить новое отечество отъ крайняго разоренія уничтоженіемъ морской торговли, и равно отъ грозной опасности борьбы съ Россіей изъ-за Финляндіи. Выше сказано, ка-

кимъ образомъ Наполеономъ были отклонены условія присоединенія Норвегіи, 20.000.000 денежнаго пособія, и проч. Французскому императору требовательность его бывшаго маршала казалась нахальствомъ, и онъ не допускалъ мысли, что такой заносчивый на словахъ и склонный къ *завирательству* южанинъ, какъ Бернадотъ, могъ, какъ многіе его земляки, разметавши свое легкомысліе въ хвастливомъ пустословіи, сохранить на дѣлѣ весь свой запасъ здраваго смысла. У самого Наполеона, какъ у южанина, несравненно болѣе одареннаго, нежели Бернадотъ, эта смѣсь назойливой болтливости съ запасомъ лукавой сдержанности для обхода противника существовала еще въ большей степени, но успѣхъ и опьяненіе величіемъ почти совершенно лишали его возможности пользоваться своимъ ловкимъ коварствомъ. Онъ указывалъ путь, на которомъ можно было ему служить и угодить, не допуская, чтобы союзникъ могъ также выражать собственное мнѣніе о способѣ, которымъ онъ согласенъ служить, ни о вознагражденіи, которое ему желательно за услугу. Оглушительные успѣхи и вселенный ими страхъ, устраняющіе сопротивленіе его затѣямъ, вселили въ немъ кичливое самомнѣніе, что препятствія устраняются величіемъ его предначертаній, въ которыхъ какъ бы осуществляется призваніе вѣка, въ которомъ онъ призванъ властвовать. Препятствіе его волѣ подлежало ломкѣ, а не обходу, а собственное отступленіе считалось потерей чести. Единственная уступка, которая допускалась Наполеономъ, это его снисхожденіе къ многословнымъ пререканіямъ, въ которыхъ этотъ отрицатель всякихъ нравственныхъ побужденій въ человѣческихъ и правительственныхъ дѣлахъ, порицаемыхъ имъ кличкой *идеологіи*, не признававшій въ жизни народовъ тѣхъ теченій, въ которыхъ осуществлялся ихъ просвѣтительный ростъ и значеніе среди другихъ народовъ, прибѣгалъ для поддержанія убѣдительности своихъ доводовъ къ избитымъ, хлесткимъ общимъ мѣстамъ; какъ, напримѣръ, объ угрожающихъ Европѣ и просвѣщенію ея *варварахъ* сѣвера, о возрожденіи Италіи и Испаніи при помощи тѣхъ французскихъ грабительствъ, насилій и разстрѣливаній, которыми ознаменовались ихъ нашествія, о географическихъ врагахъ и друзьяхъ; онъ полагалъ, что ими возможно убѣдить, точно такъ

же, какъ считалъ нравственное достоинство и величіе вполнѣ замѣнимымъ мишурой нарядовъ и пышныхъ представленій въ духѣ Рима временъ упадка.

Считаться съ Бернадотомъ онъ полагалъ для себя унизительнымъ и потому не допускалъ, чтобы съ противной стороны проявлялась требовательность, тогда какъ Бернадоту въ пору было считать честью для себя служить наполеоновскимъ видамъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться тѣмъ опасеніемъ, которое Бернадотъ раздѣлялъ съ большинствомъ своихъ современниковъ, что борьба съ Наполеономъ окажется непосильной для Россіи, и отнестись съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ слабостямъ своего стараго сослуживца и съ должнымъ вниманіемъ къ его просьбамъ пощадить его новое отечество, Наполеонъ, когда вліяніе жены Бернадота и неувѣренность въ успѣхѣ Россіи склоняли послѣдняго къ переговорамъ о союзѣ, допустилъ своего представителя барона Алькье вступать въ раздражительныя препирательства съ наслѣднымъ принцемъ и правителемъ государства, передавать и осмѣивать всѣ его хвастливыя и неосторожныя выходки, и этимъ возмутить Наполеона непокорностью его бывшаго маршала. Несмотря на то, что самого Алькье пришлось отозвать изъ Стокгольма за его рѣзкое и вызывающее поведеніе, все же послѣдовало распоряженіе его преемнику, французскому повѣренному въ дѣлахъ, совершенно запрещающее вступать въ сношенія съ наслѣднымъ принцемъ, ограничиваясь одними сношеніями съ его министромъ. Такое отношеніе къ правителю Швеціи могло найти оправданіе только въ рѣшимости совершенно пренебречь содѣйствіемъ ея, признавая слабость государства и легкомысліе его правителя достаточными причинами, чтобы не принимать вовсе такого союзника въ расчетъ, при взвѣшиваніи условій предпринимаемой борьбы. Но, не желая сдѣлать требуемыхъ за содѣйствіе Швеціи пожертвованій, Наполеонъ не рѣшался помириться съ отсутствіемъ содѣйствія на крайнемъ сѣверо-западѣ Россіи, точно такъ же, какъ онъ сдѣлалъ передъ началомъ войны неудачную попытку вовлечь въ борьбу Турцію на ея юго-востокѣ. Дѣятельное отвлеченіе въ этихъ направленіяхъ русскихъ оборонительныхъ средствъ было для него болѣе суще-

ственно, нежели участіе въ наступленіи Пруссіи и Австріи, войска которыхъ, такъ сказать, исчезли среди его громадныхъ полчищъ, снабженіе которыхъ даже безъ нихъ представлялось крайне затруднительнымъ. Участіе германскихъ державъ было ему необходимо, чтобы обезпечить свой тылъ, а отвлеченіе силъ Россіи на окраины могло поставить ее въ почти беззащитное положеніе передъ французскимъ нашествіемъ.

Изложенныя подробности относительно соглашеній Наполеона съ своими союзниками и соображенія о его тогдашнемъ ослѣпленіи своимъ всемогуществомъ представлены здѣсь передъ началомъ рѣшительной борьбы потому, что эти обстоятельства, несомнѣнно, повліяли на ея судьбу.

Сопоставленіе настроенія Наполеона и Александра.

Александръ показалъ себя послѣдовательнѣе и искуснѣе Наполеона въ привлеченіи содѣйствія Швеціи, а успѣшная военная дѣятельность и нѣкоторая рѣшительность Кутузова, не остановившагося на пути уступокъ туркамъ за собственный страхъ, во-время умиротворили Порту. Наполеонъ же придавалъ значеніе такимъ доводамъ, какъ, напр., *географическій врагъ*, чтобы доказать Бернадоту, что призваніе Швеціи заключается въ отпорѣ *сѣверному колоссу*, напирающему со временъ Петра на открытіе себѣ дальнѣйшаго пути на западъ чрезъ Балтійское море; но легкомысленный на видъ, но осторожный Бернадотъ прекрасно сознавалъ, что вопросъ о преобладаніи на сѣверѣ безповоротно рѣшенъ въ пользу Россіи, и что оставаться подъ прикрытіемъ Ботническаго залива полезно для безопасности Швеціи, точно такъ же, какъ ея расширенія на счетъ Даніи болѣе вѣроятно расширенія на счетъ колосса. Къ тому же, представители послѣдняго обходились съ нимъ бережно, и облегчали ему сближеніе и соглашеніе, тогда какъ французское правительство, кромѣ постоянныхъ требованій, губительныхъ для шведской торговли и благосостоянія, не упускало случая давать ему сознавать свою незначительность и безсиліе. Его содѣйствію ставили низкую цѣну, и потому не соглашались уплатить за него *коварнымъ* отторженіемъ Норвегіи у вѣрной союзницы Даніи: *коварное* обездоленіе союзниковъ (Испаніи, Португаліи, Тосканы и проч.) было львинымъ правомъ Наполеона, а къ Бернадоту примѣняли замѣчаніе героя извѣстной комедіи «не по чину, братъ, берешь!»

Кичливая и самоувѣренная пренебрежительность *бредящаго кесаря* разрѣшила вопросъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ для Франціи,—тѣснымъ союзомъ Швеціи съ Россіей,—и рѣшительный толчокъ къ заключенію этого союза въ мартѣ 1812 года далъ самъ обезумѣвшій кесарь своими насиліями. Въ то время (февраль 1812 г.), когда французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Бассано, велъ переговоры съ проживающей во Франціи наслѣдной шведской принцессой объ участіи Швеціи въ походѣ противъ Россіи, предлагая 12.000.000 франковъ на военныя издержки и присоединеніе Финляндіи, Наполеонъ уже успѣлъ сдѣлать невозможнымъ соглашеніе, занявши своими войсками шведскую Померанію, подъ предлогомъ прекращенія производящейся тамъ торговли съ англичанами и происшедшей драки между французскими матросами и туземцами, въ которой поплатились французы. Занятіе Помераніи вызвало немедленное заключеніе русскаго союза.

Попытка привлеченія Турціи приготовлялась издалека милостивымъ указаніемъ ей чрезъ Латуръ Мобура (французскаго повѣреннаго), что султанъ можетъ обращаться съ письмами къ Наполеону, заискивать его дружбу; но это ни къ чему не послужило, такъ какъ цѣна этой дружбы послѣ Тильзита и Эрфурта была хорошо извѣстна въ Стамбулѣ. Передъ самымъ началомъ борьбы, не только его представители, но и самъ французскій императоръ обратился къ султану съ *огненнымъ* посланіемъ (какъ выражаются французы), приглашая его поднять знамя пророка, чтобы громить Россію, обѣщая ему отторженіе у нея не только послѣднихъ завоеваній, но и Крыма. Ни Наполеонъ, ни его совѣтники не постигали, насколько казавшійся имъ увлекательнымъ призывъ ислама на борьбу съ Московіей звучалъ въ ушахъ мусульманъ жалкимъ скоморошествомъ, исходя отъ героя Каира, Акры и Тильзитско-эрфуртскихъ соглашеній! Не ему было вызывать исламъ на священную борьбу, и не на голосъ латинской вычурной риторики могла откликнуться накипѣвшая вражда противъ гяуровъ, изъ которыхъ онъ былъ худшимъ!

Нерѣшимость Наполеона и Александра признать расторженіе союза.

При несомнѣнно опредѣлившейся несовмѣстимости противорѣчивыхъ условій соглашенія между Александромъ и Наполеономъ, рядомъ съ непрекращавшимися во все продолженіе 1810 и 11 годовъ напряженными усиліями обоихъ императоровъ создать прочную опору для своихъ требованій въ развитіи боевыхъ средствъ и въ обезпеченіи союзовъ, ни тотъ ни другой не рѣшались снять личину дружескаго расположенія и гласно признать совершенно потерявшій свой смыслъ союзъ отошедшимъ въ вѣчность. Не одно желаніе заслонять за этой личиной громадныя военныя заготовленія, не открывать своей игры, покуда, такъ сказать, козыри не взяты въ руки, было тому причиной. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ожидаемая борьба представлялась обоимъ соперникамъ столь же неизбѣжной какъ и рѣшительной, и что ни Наполеонъ ни Александръ не сомнѣвались въ ея грозномъ значеніи, и потому одинаково торопѣли передъ починомъ. При рѣшимости Наполеона не допустить Александра свергнуть ярмо подчиненія видовъ и потребностей Россіи видамъ и *системѣ континентальной*, рядомъ съ окрѣпшимъ сознаніемъ Александра, что согласованіе государственныхъ нуждъ отечества не мыслимо при непрерывномъ ростѣ своевольныхъ требованій Наполеона, стремящагося обратить весь континентъ въ орудіе своей борьбы съ Англіей, оба императора въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжали неискренніе и лишенные опредѣленныхъ основъ переговоры, въ нерѣшимости произнести роковое слово разрыва. Насколько грозно оно представлялось имъ обоимъ, могутъ служить доказательствами колебанія Наполеона и настойчивое утвержденіе Александра, что онъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ почина (что оказывается несогласнымъ съ мелькнувшей надеждой вовлечь Польшу въ наступательную войну); но когда настало время положить предѣлъ колебаніямъ, починъ въ этомъ естественно сдѣлался достояніемъ сильнѣйшей личности, вооруженной дѣятельнѣйшей волей, и разразился, какъ слѣдовало ожидать, многорѣчивой, заносчивой и хвастливой рѣчью дурно воспитаннаго императора французовъ.

Разгромъ Куракина Наполеономъ 15 августа 1811 года.

Эта выходка Наполеона на торжественномъ пріемѣ во дворцѣ 15 августа 1811 г. въ свое тезоименитство, должна почитаться его предварительнымъ манифестомъ о войнѣ 1812 года, и напоминала своей обстановкой подобныя же выходки передъ разрывами съ Англіей и Австріей, получивъ въ разговорѣ съ хилымъ и растерянным русскимъ посломъ кн. Куракинымъ, благодаря разросшейся съ годами заносчивости и хвастливости Наполеона, болѣе наглый и еще менѣе царственный обликъ, нежели предыдущія пресловутыя выходки.

Передъ окончаніемъ торжественнаго пріема, въ присутствіи другихъ представителей, Наполеонъ разразился предъ Куракинымъ длинною и стремительною обвинительной рѣчью, въ которой порицалъ образъ дѣйствій русскаго правительства, издѣваясь надъ его малоуспѣшностью, неосторожностью и отсутствіемъ ясныхъ и опредѣленныхъ началъ, и рядомъ съ этимъ выставлялъ громадность своихъ боевыхъ и денежныхъ средствъ и мнимую готовность устранить всѣ недоразумѣнія, которою будто бы Россія уклоняется воспользоваться. Началъ онъ съ пренебрежительной оцѣнки Кутузовскаго сраженія подъ Рущукомъ, приписывая его отступленіе мнимому пораженію, а самое пораженіе обезсиленію Дунайскаго войска передвиженіемъ части его на польскую границу. Это привело его къ оцѣнкѣ затрудненій по Ольденбургскому и польскому вопросамъ, обращая первый въ вздорную причудливость и приписывая всю ѣдкость второго неискреннему поведенію Россіи въ послѣдней австрійской войнѣ, послужившему росту какъ Польши, такъ и самаго польскаго вопроса. Онъ утверждалъ, что самъ Александръ вызвалъ угрозу со стороны Польши, что онъ имѣетъ болѣе опредѣленные и честолюбивые виды на нее, нежели Франція, что ему же принадлежитъ починъ вызывающихъ вооруженій и скопленія военныхъ силъ на польской границѣ, что французскія вооруженія служили только отвѣтомъ на русскія и проч. Это послужило поводомъ ему хвастливо исчислять свои громадныя средства и перейти къ угрозамъ, въ которыхъ русское правительство представлялось въ растерявшемся головокруженіи (vertige), подобно Пруссіи и Австріи передъ ихъ пораженіями, или зайцу, получившему зарядъ въ голову (sic), и пр.

Наговоривши въ теченіе часа, среди рѣзкаго, а еще болѣе неумѣстнаго, много мѣткаго и вѣрнаго относительно Польши несчастному и растерянному Куракину, не отличавшемуся вообще особенной находчивостью, а въ настоящемъ случаѣ еле стоявшему на больныхъ подагрой ногахъ, и съ трудомъ улучающему мгновеніе для безхитростной вставки слова среди потока наполеоновскихъ обвиненій и порицаній,—французскій императоръ выразилъ въ заключеніе свою готовность устранить всѣ недоразумѣнія особымъ договоромъ, если русское правительство снабдитъ своего представителя въ Парижѣ надлежащимъ полномочіемъ, не скрывая однако, что мало надѣется на успѣхъ своего предложенія.

Не говоря уже о томъ, насколько были неумѣстны рѣзкія порицанія, уничижительныя оцѣнки и наглыя угрозы при малѣйшемъ желаніи умиротворенія, нельзя упустить изъ виду, что при оцѣнкѣ ольденбургско-польскаго затрудненія Наполеонъ не допускалъ никакого послабленія въ угрожающемъ положеніи, въ которомъ онъ выставилъ Польшу на русской границѣ. Точно такъ же въ попыткахъ Александра облегченія, при помощи нейтральнаго флага, невыносимаго хозяйственнаго состоянія государства, Наполеонъ признавалъ руку Англіи и склонность Александра перейти изъ боевого отношенія къ послѣдней къ заключенію съ ней мира. Изъ сохраненія Польши неприкосновенной и во всеоружіи Наполеонъ создалъ вопросъ *чести*; изъ болѣе мирныхъ отношеній Александра къ Англіи онъ выводилъ неизбѣжность войны съ Россіей; разжать тиски, въ которые попала Россія въ Тильзитѣ, онъ считалъ столь же невозможнымъ, насколько пребываніе въ нихъ оказывалось для Россіи невыносимымъ.

Разговоръ 15 августа, по всѣмъ вѣроятіямъ помимо воли Наполеона, принялъ болѣе заносчивый характеръ, вслѣдствіе соблазна пощеголять своей грозной силой и насладиться хотя бы косвеннымъ униженіемъ выходящаго изъ-подъ его начала союзника. Хотѣлъ ли онъ при этомъ случаѣ испытать силу и дѣйствительность своихъ угрозъ, или просто придать болѣе опредѣленное теченіе своему столкновенію съ Александромъ — трудно разгадать, такъ какъ нельзя допустить, что грубая заносчивость и несдер-

жанность выраженій имѣли единственной цѣлью восторжествовать въ слишкомъ легкой и неравной словесной побѣдѣ надъ Куракинымъ? Знаменательно, что на другой день послѣ этого разговора онъ потребовалъ изъ министерства всѣ данныя о русскомъ столкновеніи, и сталъ разрабатывать этотъ вопросъ для выясненія возможнаго исхода, котораго, по его мнѣнію, не оказывалось иного, кромѣ подчиненія Россіи, его требованіямъ, или войны съ нею. Кромѣ несвоевременности такого разсмотрѣнія *послѣ* выходки 15 августа, знаменательно то усердіе, съ которымъ онъ ищетъ подтвержденія предвзятаго мнѣнія.

Разговоръ съ министромъ и составленныя на его основаніи записки послѣдняго (Марэ, герцога Бассано), получаютъ значеніе для освѣщенія того твердо установившагося взгляда Наполеона на его отношенія къ Александру, оправдывающаго послѣдовательную твердость послѣдняго въ огражденіи безопасности и независимости государства. Въ упомянутыхъ французскихъ запискахъ ясно высказано, что требованія Россіи обезопасить ее отъ угрозы возстановленія Польши отторженіемъ нѣкоторой ея части для вознагражденія герцогства Ольденбургскаго обозначало бы поворотъ отъ возстановленія ея къ окончательному расчлененію, т.-е. равносильно было капитуляціи въ польскомъ вопросѣ, признаваемой Наполеономъ *безчестіемъ*, которому онъ предпочитаетъ войну. Точно такъ же во всякомъ ослабленіи торговли Россіи въ отношеніи нейтральнаго флага, внѣ условій, указанныхъ наполеоновскими декретами и распоряженіями, Наполеонъ признавалъ начало теченія къ совершенному освобожденію отъ путъ континентальной системы, которому онъ готовъ былъ противоставить самыя рѣшительныя военныя мѣры. Такимъ образомъ, имъ опредѣленно былъ указанъ выборъ: терпѣть Россіи разрастающуюся угрозу вооружаемой Польши, опирающейся на многочисленныя французскія войска въ Пруссіи, и изнывать въ хозяйственномъ отношеніи отъ невыносимыхъ и произвольно отягощаемыхъ путъ континентальной системы, или готовиться къ отраженію нашествія полчищъ *двунадесяти языкъ*. Съ 1810 года стало ясно, что Александръ не будетъ долѣе терпѣть посягательствъ Наполеона на его независимость, а послѣдній въ своей рѣчи 15 августа

1811 года не менѣе опредѣленно указалъ, какія послѣдствія должна повлечь такая рѣшимость Александра.

Приготовленія къ войнѣ.

Неизбѣжность войны и огромное напряженіе обоихъ соперниковъ для умноженія и сосредоточенія небывалыхъ доселѣ вооруженныхъ силъ, не ослѣпляли ихъ относительно грознаго значенія предпринимаемой борьбы. Наполеонъ считалъ необходимымъ привести въ движеніе всѣ пружины своего властнаго и стройнаго правительства; пустить въ оборотъ запасы своей военной и завѣтной казны, которую онъ исчислялъ въ 300.000.000 франковъ *въ наличности* (оказавшихся большей частью въ обязательствахъ французскаго и прусскаго казначействъ); и началъ взыскивать разновидными *конскрипціями* и вспомогательными войсками такой *налогъ кровью* (impôt du sang, по оцѣнкѣ французовъ), что къ открытію военныхъ дѣйствій у него оказалось 1.200.000 человѣкъ подъ ружьемъ. Александръ, съ своей стороны, при помощи разумнаго и дѣятельнаго военнаго министра Барклая де-Толли, неусыпно стремился къ развитію и умноженію обороны государства. Во Франціи, кромѣ очередныхъ наборовъ (конскрипцій), прибѣгали къ призыву національной гвардіи, часть которой обратили въ дѣйствующее войско, къ обращенію таможенной стражи въ охрану государства, и къ тому подобнымъ мѣрамъ. Въ Россіи пришлось, кромѣ послѣдовательныхъ слѣдующихъ одинъ за другимъ наборовъ, обратиться къ гарнизоннымъ войскамъ, къ поспѣшному обученію рекрутовъ въ запасныхъ войскахъ, и къ образованію новыхъ дивизій, по мѣрѣ накопленія рядовыхъ вновь обученныхъ и изъятыхъ изъ гарнизоновъ, составляемыхъ такимъ образомъ поспѣшно изъ менѣе пригоднаго состава. Такой напряженной дѣятельностью къ марту 1812 года численность русскихъ войскъ была доведена до 600.000-наго состава, т.-е. до половины войскъ, подначальныхъ Наполеону.

Условія напряженныхъ вооруженій сторонъ.

Нужно замѣтить, что съ обѣихъ сторонъ приблизительно половина вооруженій приняла участіе въ роковой борьбѣ: 600.000 со стороны французовъ и 300.000 со стороны русскихъ. Такимъ образомъ, Россія выдержала грозное нашествіе въ борьбѣ съ двойною силой, выступающей въ

первую половину похода на оба войска Барклая и Багратіона, два на одного. Ни Наполеонъ ни Александръ не могли сдвинуть бо́льшаго количества людей на мѣста, предназначенныя для борьбы и для сосредоточенія подкрѣпленій; остальныя войска остались для огражденія отъ другихъ враговъ, для безопасности государствъ и для образованія и препровожденія подкрѣпленій. Французскіе писатели превозносятъ геніальныя предусмотрительность и распорядительность Наполеона, сумѣвшаго стройно сплавить и снабдить всѣмъ необходимымъ такое громадное войско, приведенное въ прекрасномъ состояніи со всѣхъ концовъ Европы на границу Россіи. Нельзя не оговорить преувеличенности этихъ похвалъ. Не мало пресловутыхъ распорядковъ осталось существующими только на бумагѣ, какъ, напримѣръ, доставленіе продовольствія водой по Вилейкѣ (несудоходной) въ Вильну; сохраненіе сухарей въ фурахъ и ранцахъ до начала военныхъ дѣйствій (питаніе исключительно поборами и *обезпеченіе* продовольствія лошадей подножнымъ кормомъ погубили обозы и конницу), для котораго было отсрочено начало похода до половины іюня. На этихъ всѣхъ мѣрахъ прежде всего отразилось коренное заблужденіе прямолинейнаго наполеоновскаго ума, строящаго предположенія по геометрическимъ чертежамъ и цифрамъ, упуская всѣ нравственныя и житейскія побужденія и вліянія. Для успѣха необходимо было численное превосходство, и чтобы его обезпечить, онъ не усомнился двинуть непомѣрное количество людей и лошадей, не обезпеченныхъ продовольствіемъ въ скудной странѣ, и долженствующихъ съ первыхъ шаговъ похода, первые грабить, вторыя довольствоваться подножнымъ кормомъ. Люди отъ этого ударились въ побѣги и мародерство, а изнуренныя лошади тысячами погибали съ самаго начала похода, успѣхъ котораго при менѣе громадномъ числѣ войскъ былъ болѣе вѣроятенъ...

Но легкимъ онъ не представлялся ни Наполеону, ни Александру. Первый неоднократно высказывалъ убѣжденіе во всей трудности и громадности предпринимаемой борьбы, основывая ея успѣшность на громадности предназначенныхъ средствъ и на рѣшимости посвятить ея довершенію нѣсколько послѣдовательныхъ походовъ. Собственныя со-

мнѣнія онъ искалъ случая провѣрить въ неистощимыхъ разговорахъ съ своими приближенными, въ большинствѣ случаевъ слишкомъ склонными къ податливости или уклончивости, какъ напр., довѣреннѣйшій Камбасересъ. Рѣзкое исключеніе составлялъ бывшій петербургскій посолъ Коленкуръ, не скрывавшій передъ нимъ ни искренняго, по его мнѣнію, миролюбія Александра, ни опасностей и затрудненій нашествія на Россію, твердо рѣшившуюся на отчаянную и самоотверженную борьбу. Наполеонъ старался обращать въ шутку пристрастіе Коленкура къ Александру, хотя разговоры эти нѣсколько его смущали. Но нѣкоторымъ изъ его сподвижниковъ, какъ, напримѣръ, морскому министру Декрэ, его походъ въ Россію положительно представлялся плодомъ умопомѣшательства, въ которомъ онъ долженъ былъ сломать шею себѣ и своимъ сподвижникамъ.

Александръ не скрывалъ своихъ опасеній борьбы съ грознымъ соперникомъ, признавая его превосходство и разсчитывая на естественныя препятствія, представляемыя скуднымъ и необъятнымъ отечествомъ, готовымъ перенести всякія лишенія и жертвы для спасенія независимости и чести, и громко заявлялъ, что подастъ ему примѣръ самопожертвованія.

Марэ откровенно высказываетъ невозможность мирнаго соглашенія.

Несмотря на всеобщее убѣжденіе въ неизбѣжности войны, на неусыпныя и напряженныя увеличенія боевыхъ средствъ съ обѣихъ сторонъ, былъ ли это страхъ отвѣтственности за вызываемыя громадныя бѣдствія, или просто жуткость отъ ожидаемыхъ опасностей—но среди угрожающихъ заявленій неизбѣжно являлись въ заключеніе упомянутыя со стороны Александра и Наполеона предложенія устранить грозу мирнымъ соглашеніемъ, условія котораго, къ несчастію, оказывались неуловимыми. Такимъ увѣреніемъ заключилъ свою громоносную рѣчь Наполеонъ 15 августа, и такимъ же отзывомъ откликнулся Александръ въ своемъ сдержанномъ и исполненномъ достоинства сообщеніи 13/25 сентября, отрицая намѣренія посягательствъ и вожделѣній на какую бы то ни было часть Польши. Но слѣдующее за симъ сообщеніемъ предложеніе французскаго правительства условиться въ основаніяхъ соглашенія оказалось такимъ же безплоднымъ, какъ и предыдущія, и при-

чина невозможности такого соглашенія ярко выставлялась герц. Бассано въ его перепискѣ съ Лористономъ. Марэ откровенно и рѣзко выставлялъ, что даже улаженіе Ольденбурго-Польскаго затрудненія мало бы пособило дѣлу, указывая, что уклоненіе Россіи отъ континентальной системы составляетъ главную помѣху соглашенію, но что это препятствіе императоръ французовъ прійдетъ устранять во главѣ 450.000 человѣкъ вооруженныхъ. Трудно было ожидать пользы отъ переговоровъ Лористона при такомъ взглядѣ, сообщаемомъ ему, хотя и въ видѣ завѣтной тайны, его руководителемъ герцогомъ Бассано.

Еще менѣе пользы приносили сношенія съ послѣднимъ нашего посла кн. Куракина, обходимаго самимъ Александромъ при помощи переписки Нессельроде съ Сперанскимъ, покуда первый не былъ отозванъ въ Петербургъ, а въ теченіе послѣдняго года пребываніемъ Чернышева въ Парижѣ, и его донесеніями государю и Румянцеву. Черезъ Нессельроде, а потомъ Чернышева, государь получалъ извѣстія и указанія (не безкорыстныя) отъ измѣнника Талейрана, и съ основаніемъ придавалъ имъ болѣе значенія, нежели усердно-преданному (и этимъ щеголяющему) пустословію Куракина. Наполеонъ, съ своей стороны, предпочиталъ развязныя и пересыпанныя крупной солью свои разглагольствованія съ ловкачомъ-офицеромъ, съ которымъ не чинился, который ловко ловилъ и возвращалъ разговорный мячъ, томительному выслушиванію канителисто и вычурно безсодержательныхъ рѣчей наряднаго шута, русскаго посла. Марэ, зная ему цѣну и его безсиліе вліять на ходъ дѣла, тѣмъ смѣлѣе оставлялъ его въ пренебреженіи, что твердо зналъ, что его повелитель предпочитаетъ высказываться съ юркимъ адъютантомъ Чернышевымъ, а вести переговоры съ мягкимъ, проницательнымъ и крайне миролюбивымъ Нессельроде. При такихъ условіяхъ положеніе посла обращалось, по народному выраженію, въ «смѣхъ и горе» и, наконецъ, сдѣлалось безусловно смѣшнымъ, подъ конецъ его пребыванія въ Парижѣ, когда разыгралось преслѣдованіе сообщниковъ Чернышева, снабжавшихъ его свѣдѣніями о французскихъ военныхъ приготовленіяхъ, и Куракину было поручено сообщить отвѣтъ Наполеону на послѣднія его предложенія, посланныя въ

февралѣ 1812 г. съ Чернышевымъ въ Петербургъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Нессельроде въ Парижѣ.

Но передъ краткимъ изложеніемъ исхода годового пребыванія и дѣятельности Чернышева въ Парижѣ, и плачевнаго заключенія болѣе нежели трехлѣтняго посольства кн. Куракина, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о значеніи пребыванія Нессельроде въ Парижѣ, и о его попыткѣ въ октябрѣ 1811 года предупредить франко-русское столкновеніе изложеніемъ государю въ особой запискѣ, вызванной предварительнымъ съ нимъ разговоромъ, условій соглашенія, которымъ бы можно было устранить угрожающее столкновеніе.

Отправленіе Нессельроде въ составъ парижскаго посольства было вызвано желаніемъ государя дополнить недостаточныя и близорукія сообщенія Куракина болѣе живыми и проницательными наблюденіями, которыя ему желательно было получать безъ посредства канцлера гр. Румянцева, тяжелаго и слѣпого приверженца безусловнаго соглашенія съ Франціей. Выборъ палъ на Нессельроде, по совѣту Сперанскаго, оцѣнившаго этого мягкаго и ловкаго молодого человѣка, такого же почти мягкаго, какъ и самъ Сперанскій, почти столь же одареннаго способностями борзописца (только не по-русски), но стоящаго неизмѣримо ниже по самостоятельности и глубинѣ мышленія. Оба, какъ государственные дѣятели, владѣли необходимой въ самодержавномъ правительствѣ способностью угадывать мысли и желанія своего государя и блестяще ихъ излагать, но первый, перерабатывая ихъ, вносилъ въ нихъ яркость и широту—вкладъ своей даровитой природы; второй сглаживалъ и почти обезличивалъ ихъ своимъ *вылегченнымъ* (châtré), уклончивымъ международнымъ изложеніемъ, и своею способностью обезличиваться, проникаясь и вдохновляясь чужими мыслями, и окутывая ихъ въ шаблонно-благонамѣренныя сѣтованія объ опасностяхъ потрясеній и смутъ, сдѣлавшихся на долгое время обязательнымъ украшеніемъ русскаго (на французскомъ языкѣ) дипломатическаго краснорѣчія.

Нессельроде оправдалъ довѣріе государя и выборъ Сперанскаго, черезъ котораго онъ посылалъ свои донесенія, чтобы про нихъ ничего не знали его прямые началь-

ники, Куракинъ и Румянцевъ. Въ донесеніяхъ было несравненно болѣе наблюдательности и проницательности, нежели въ куракинскихъ; были въ нихъ довольно широкія соображенія о желательномъ для Россіи образѣ дѣйствій среди затрудненій и опасностей, вызываемыхъ все разрастающимися честолюбіемъ и властолюбіемъ Наполеона. Но хотя его наблюденія и соображенія могли восполнять недостаточность донесеній его начальниковъ, про нихъ нельзя сказать, чтобы наблюденія были болѣе трезвы, нежели прежняго посла гр. Толстого или Чернышева, а соображенія были только отголоскомъ мыслей и стремленій Талейрана, съ которымъ онъ не только часто совѣщался, но у котораго черпалъ мысли, выражаемыя этимъ магомъ дипломатіи сжато, мѣтко и остроумно, и передаваемыя юнымъ чиновникомъ нѣсколько молчалинскаго пошиба, хотя съ *умѣренной аккуратностью*, но достаточно расплывчато. У Талейрана былъ излюбленный пріемъ для умиротворенія и уравновѣшенія Европы, въ которомъ Австрія должна была служить краеугольнымъ камнемъ. Онъ его предлагалъ Наполеону, когда ему служилъ, совѣтуя послѣ пораженій Австріи ее щадить и ставить оплотомъ противъ угрожающаго роста Россіи; этотъ же способъ онъ предлагалъ Александру, когда измѣнялъ Наполеону, указывая на единеніе съ Австріей какъ на единственный способъ устоять противъ всепожирающаго изступленнаго честолюбія Наполеона. Мысль эта, имѣющая вѣрныя основанія, обнаружившіяся въ близкомъ будущемъ, была усвоена Нессельроде, какъ онъ все усваивалъ, огуломъ, безъ собственной переработки: на это у него не хватало смѣлости мысли и вѣрной оцѣнки гордости и даровитости Меттерниха, который предоставилъ *себѣ*, а не Нессельроде, выборъ времени и случая, которые должны были обезпечить Австріи всю пользу ея вмѣшательства въ франко-русское столкновеніе.

Въ своей августовской филиппикѣ, Наполеонъ высказывалъ сожалѣніе, что не присылали Нессельроде (очаровавшаго его въ предыдущее парижское пребываніе своею сговорчивостью) для улаженія договоромъ обостряющихся недоразумѣній; и это сожалѣніе, рядомъ съ впечатлѣніемъ, которое осталось у государя послѣ разговора, вѣроятно не осталось безъ вліянія на выборъ Александромъ

этого молодого чиновника для обсужденія франко-русскихъ затрудненій.

Слѣдствіемъ этого обсужденія была составленная въ октябрѣ 1811 года вышеупомянутая записка Нессельроде.

Начинается она сдѣлавшимися неизбѣжнымъ украшеніемъ русскихъ дипломатическихъ записокъ сѣтованіями о смутности времени, вызванной переворотами, потрясающими Европу съ 1792 года, и указываетъ на главную причину печальнаго исхода борьбы, вызываемой этими переворотами, — отсутствіе прочныхъ союзовъ и разрозненность противниковъ Наполеона. Это положеніе онъ считаетъ значительно обострившимся со времени Тильзитскаго и Эрфуртскаго договоровъ, и обращается вслѣдъ за этимъ къ главнымъ чертамъ затрудненій и къ способамъ ихъ устраненія. Затрудненія заключались: 1) въ захватѣ Ольденбурга, 2) въ сокращеніи нагроможденныхъ на границахъ вооруженій, 3) въ настоящемъ и будущемъ герц. Варшавскаго, 4) въ настоящемъ и будущемъ Пруссіи и 5) въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи.

Устраненіе этихъ затрудненій онъ полагаетъ возможнымъ достигнуть посылкой въ Парижъ вполнѣ довѣреннаго и способнаго человѣка (подразумѣвая себя); пользуясь мнимою склонностью Наполеона къ соглашенію, Нессельроде полагалъ необходимымъ помириться съ обездоленіемъ герцога Ольденбургскаго, считая возможнымъ достигнуть разоруженія границъ взаимно обязательнымъ соглашеніемъ съ Наполеономъ; точно такъ же, какъ полагалъ достижимымъ, при помощи увѣщаній, обезопасеніе сосѣдства герцогства Варшавскаго выводомъ изъ него французскихъ войскъ (договору о невозстановленіи Польши онъ справедливо не придавалъ значенія); точно такъ же, какъ этимъ же способомъ полагалъ возможнымъ необходимое для безопасности Россіи возстановленіе значенія Пруссіи постепеннымъ очищеніемъ ея (по мѣрѣ уплаты военныхъ обязательствъ) отъ занимающихъ ее французскихъ войскъ. Въ дѣлѣ торговыхъ сношеній, Нессельроде, согласно съ Государемъ, считалъ недостойнымъ подчиненіе Россіи крайнимъ требованіямъ континентальной системы, предпочитая войну такому униженію.

Излагались условія соглашенія въ многоярусныхъ вы-

раженіяхъ, затемненныхъ вставками и оговорками, придающими своими затемненіями особенное глубокомыслiе (по мнѣнію сихъ дѣлъ мастеровъ), и на которое, вѣроятно, разсчитывалъ Нессельроде, чтобы отвести глаза Наполеону на счетъ значенія требуемыхъ отъ него уступокъ. Юный дипломатъ забывалъ, что не ему было заговаривать затхлоудушливымъ краснорѣчіемъ проницательнаго и прямолинейно разъясняющаго свои мысли и требованія императора французовъ, которому достаточно было трехъ словъ, чтобы снести всю паутину нессельродовскаго празднословія. Съ какими бы оговорками ни предлагали ему выводить войска изъ сосѣдства Россіи, т.-е. обезоружить себя, въ то время, когда она посягала (и, по мнѣнію Нессельроде, должна быть посягать) на континентальную систему, судьба такихъ предложеній была несомнѣнна: *воля* Наполеона выставила бы его *честь* непреодолимымъ щитомъ. Въ этомъ отношеніи надежда Нессельроде на успѣхъ своего дарованія была дѣтскимъ самообольщеніемъ!

Не менѣе шаткой опорой его надеждамъ было его предложеніе сплотить ожидаемое соглашеніе поручительствомъ Австріи. Не говоря уже о легковѣсности въ глазахъ Наполеона такого поручительства и слабой опорѣ, которую могла бы дать умаленная и обезсиленная своими войнами и мирными договорами Австрія, запутанно изложенная мысль Нессельроде, что поручительство Австріи, сближая ее съ Россіей, доставитъ имъ возможность сблизиться и столковаться въ ущербъ Наполеона и придастъ имъ особенную силу, болѣе нежели странна послѣ сказаннаго въ началѣ записки о судьбѣ ихъ общей борьбы противъ Наполеона. Соглашеніе между Россіей и Австріей всегда было затрудняемо ихъ столкновеніемъ въ южно-славянскомъ вопросѣ, и въ 1811 году этотъ вопросъ былъ очень растравленъ шестилѣтней турецкой войной. Если въ 1809 году Россія осталась глухой къ призыву Австріи, согласной купить ея союзъ большими уступками въ восточномъ вопросѣ, то послѣ невольнаго сближенія Австріи съ Франціей и значительнаго ея умаленія послѣднимъ мирнымъ договоромъ, какое содѣйствіе и опору могла она принести Россіи, подъ зоркимъ взглядомъ и пятою Наполеона? Судьба не предназначала Нессельроде быть орудіемъ этого сбли-

женія; можно даже сомнѣваться, что онъ достаточно ясно и глубоко проникъ мысль Талейрана, такъ какъ между ними была та существенная разница, что у француза (по его собственному изреченію la parole est donnée pour masquer la pensée) слово служило къ сокрытію истинной мысли, а у русскаго чиновника слово болѣе служило сокрытію отсутствія мысли! Въ этомъ случаѣ мысль сдѣлалась достояніемъ единственнаго соперника Талейрана, Меттерниха, примѣнившаго ее, такъ сказать, по *своему усмотрѣнію*.

Доводы Нессельроде не вызвали болѣе дѣятельнаго проявленія миролюбія Александра, оттого ли, что онъ яснѣе представлялъ себѣ настоящее положеніе вещей, или оттого, что накипѣвшее злопамятство за всѣ разочарованія и уязвленія, причиненныя французскимъ союзомъ, разобщившимъ его съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и поставившимъ его въ подчиненное отношеніе, прямо отклоняли его отъ соглашенія, выяснить затруднительно. При его свѣтскомъ обычаѣ сглаживать свои доводы при оспариваніи ихъ собесѣдникомъ до ихъ обезличенія, трудно опредѣлить, какое онъ придавалъ значеніе собственному странному доводу, что онъ отклоняетъ новую попытку соглашенія, не желая лишить себя удобнаго повода открыть моря для всѣхъ флаговъ, болѣе извинительнаго при отсутствіи соглашенія. Нессельроде основательно опровергалъ этотъ доводъ увѣреніемъ, что съ Наполеономъ не нужно заботиться о сохраненіи искусственнаго повода для разрыва, такъ какъ онъ самъ всегда представляетъ своими поступками достаточные поводы для разрыва. Еще болѣе просто было бы указать, что способъ, предлагаемый Нессельроде, непримѣнимъ потому, что требовать отъ Наполеона уступокъ, сохраняя за собой нѣкоторыя отступленія отъ его системы, было пустой тратой времени, ибо узелъ затрудненія заключался въ рѣшимости Александра сбросить съ себя ярмо, тогда какъ Наполеонъ не допускалъ безъ боя избавленія Александра изъподъ его гнета; при такихъ условіяхъ попытка развязать узелъ нагроможденіемъ многоярусныхъ выраженій, надѣясь ими заслонить сущность дѣла — была праздной потѣхой, всегдашней наклонностью *дипломатовъ*. Если бы молодой и усердный Нессельроде успѣлъ въ своемъ предложеніи и

явился бы въ Парижъ для переговоровъ, много ли бы стоило труда Наполеону его сбить, опутать и вырвать у него въ кару за самомнѣніе, взамѣнъ просимыхъ уступокъ, новыя пожертвованія?

Разобла-ченіе соглядатайства Чернышева и выѣздъ его въ Петербургъ.

Ни угрозы Наполеона 15 августа, ни разсужденія Нессельроде въ слѣдующемъ октябрѣ не произвели никакого вліянія на умиротвореніе франко-русскихъ отношеній. Открытый разрывъ не произошелъ въ 1811 году, потому что ни дружное содѣйствіе поляковъ въ наступательной войнѣ русскихъ не оказалось вѣроятнымъ, ни попытки Шарнгорста увлечь одновременно Россію и Австрію въ содѣйствіе возстающей при этихъ условіяхъ Пруссіи не оказались осуществимыми. Вслѣдствіе неудачи предполагаемаго соглашенія для наступательной войны, Александръ началъ не только торжественно заявлять, что никогда не будетъ зачинщикомъ, но и упорно отрицать существованіе въ прошломъ такого намѣренія. Военныя приготовленія продолжались съ обѣихъ сторонъ и были извѣстны противной сторонѣ, и, несмотря на это, Наполеонъ и Александръ продолжали какъ бы играть *въ прятки*, напрасно преслѣдуя *тайну* своихъ вооруженій и сосредоточенія войскъ на границахъ. Кромѣ обыкновенныхъ способовъ извѣщаться чрезъ посольства и тайныхъ наблюдателей, съ русской стороны задержался въ Парижѣ съ апрѣля мѣсяца 1811 года адъютантъ и гонецъ государя, угодникъ императора французовъ и его красивой сестры Полины, членъ свѣтскаго веселящагося круга и руководитель тайныхъ вѣстовщиковъ русскаго посольства—блестящій и пронырливый полковникъ Чернышевъ. *Любознательность* этого свѣтскаго юноши стала извѣстна Наполеону, тревожила его министра полиціи Савари и вызвала мѣры со стороны французскаго правительства для обличенія и наказанія измѣнниковъ, снабжающихъ Чернышева копіями съ представляемыхъ подлинныхъ донесеній Наполеону о состояніи и передвиженіи французскихъ вооруженій. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ французовъ считалъ

умѣстнымъ удалить Чернышева изъ Парижа, чтобы избавиться одновременно отъ нескромнаго наблюдателя, затрудняющаго безуспѣшно преслѣдуемую тайну передвиженія войскъ, и затрудненія, которое бы вызвало присутствіе въ Парижѣ во время судебнаго разбирательства преступленія французовъ, предателей правительственныхъ тайнъ—ихъ руководителя, адъютанта русскаго императора и члена высшаго императорскаго кружка. Поводомъ удаленія послужила посылка новаго письма Александру отъ 13/25 февраля 1812 г., съ которымъ Чернышевъ отправился на другой же день въ Петербургъ.

На аудіенціи, при вручені краткаго письма къ русскому императору, произошелъ продолжительный разговоръ Наполеона съ молодымъ адъютантомъ, въ которомъ первый не скрывалъ, что ему извѣстна *любознательная* дѣятельность его собесѣдника (que vous soyez ici pour les renseignements militaires), не скрывалъ также своихъ военныхъ приготовленій, но при этомъ настойчиво утверждалъ, что предотвращеніе борьбы находится въ совершенной зависимости отъ русскаго правительства, упорно уклоняющагося отъ указываемаго ему соглашенія. Увѣрялъ, что его политика до того прямодушна (si ronde), что при желаніи Россіи онъ легко бы уговорился не только съ Нессельроде, но и съ нимъ, Чернышевымъ, и даже съ Морковымъ (ему завѣдомо ненавистнымъ), будь лишь у договаривающагося достаточное полномочіе. Главными чертами соглашенія были указаны: 1) Строгое соблюденіе Россіей континентальной блокады, исключеніе нейтральнаго флага и примѣненіе *разрѣшеній* (licences) по примѣру Франціи.

2) Торговый договоръ, сохраняющій русскій тарифъ, но устраняющій все обидное и непріятное для Франціи.

3) Соглашеніе по Ольденбургскому дѣлу, заглаживающее сдѣланный гласный протестъ отказомъ отъ всякаго для герцога вознагражденія, или принятіемъ такового, исключающаго во всякомъ случаѣ Данцигъ или какую бы то ни было часть герцогства Варшавскаго.

Въ объясненіе и дополненіе этихъ требованій, съ одной стороны, указывались Чернышеву громадныя военныя и денежныя средства, на которыя они опирались, а съ другой стороны выставлялись самые поводы раздора, незаслу-

живающіе борьбы двухъ великихъ народовъ, войны изъза дѣвичьихъ провинностей (des peccadilles de demoiselles).

Насколько была искренна такая легкомысленная оцѣнка затрудненій, истекающихъ изъ спора о зависимости или независимости теченія государственныхъ дѣлъ Россіи отъ своевольныхъ требованій Наполеона, лучшимъ истолкователемъ могъ служить слѣпой и увлеченный исполнитель всѣхъ политическихъ его предначертаній — Марэ, герцогъ Бассано. Вотъ что онъ писалъ того же 13/25 февраля Лористону въ Петербургъ. «Императоръ не заботится о свиданіи; онъ очень мало заботится о переговорахъ внѣ Парижа; не питаетъ никакого довѣрія къ переговорамъ, не опирающимся на 450.000 вооруженныхъ людей... которые склонили бы Россію искренно вернуться къ тильзитской системѣ и *вновь поставили ее въ приниженное положеніе, въ которомъ она тогда находилась*».

Ясно, что Чернышева высылали съ письмомъ, чтобы отъ него избавиться и лишній разъ выдвинуть ширму мнимо мирныхъ предложеній, чтобы по возможности заслонить военныя приготовленія. Если Марэ могъ съ ослѣпленной наглостью высказывать черезъ Лористона возстановленіе *приниженнаго* положенія Россіи, то изъ этого нельзя заключать, что Наполеонъ не видѣлъ, что узелъ затрудненій въ томъ заключался, что Александръ рѣшился не терпѣть болѣе этого *приниженнаго положенія*.

Чернышевъ, уѣзжая съ письмомъ и словесными указаніями Наполеона, и сжигая свои бумаги въ занимаемомъ имъ въ Парижѣ помѣщеніи, не сжегъ по недосмотру записки нѣкоего Мишеля, чиновника тамошняго военнаго министерства, которая попала при осмотрѣ полиціей бывшаго помѣщенія блестящаго молодого полковника въ ея руки и послужила руководящей нитью въ судебномъ разбирательствѣ преступленія предателей. Разбирательство произошло гласное, участіе Чернышева въ добываніи темными путями самыхъ сокровенныхъ свѣдѣній изъ военнаго министерства взошло въ составъ гласныхъ судебныхъ преній и укоризненныхъ разглагольствованій сторонъ,—однимъ словомъ, ничего не было сдѣлано, чтобы сгладить неудобную огласку темнаго дѣла, въ виду его международнаго значенія.

Тревоги Куракина вслѣдствіе разоблаченій.

Это безъ того весьма нелестное для русскаго посольства дѣло, неожиданное для Куракина, за спиною котораго текла дѣятельность политическая—высшая и низшая, сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе громкой огласки судебнаго разбирательства и крикливаго задора обвинительной власти, и принесло злосчастному послу огорченія, тревоги и униженія, обратившія его безъ того нѣсколько смѣшное положеніе въ какое-то смѣхотворное мученичество. Въ числѣ задержанныхъ по этому дѣлу лицъ, оказался привратникъ его посольства, пользующійся международнымъ правомъ неприкосновенности въ русскомъ посольствѣ (такъ называемой exterritorialité). Куракинъ началъ горячо и напрасно требовать его освобожденія (онъ былъ къ тому же австрійскій подданный), и когда, послѣ окончанія судебнаго дѣла и смертной казни главнаго виновника Мишеля, его Вустингеръ былъ освобожденъ, бѣдному Куракину не пришлось долго наслаждаться этимъ успѣхомъ, такъ какъ привратникъ былъ снова схваченъ и заключенъ на этотъ разъ въ государственную тюрьму, въ качествѣ политическаго узника. Послѣ окончанія судебнаго разбирательства, посолъ старался добиться, чтобы въ вознагражденіе за огласку были представлены извиненія, но его старанія оказались столь же тщетными, какъ были безполезны жалобы на незаконное задержаніе привратника посольства. Возмущенный посолъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы повліять на возстановленіе своего достоинства, и думалъ уже объ отъѣздѣ изъ Франціи, когда ему пришлось испытать новыя треволненія и униженія при попыткахъ доставленія по назначенію полученнаго 12/24 апрѣля сообщенія русскаго правительства, имѣющаго значеніе ультиматума.

Присылка въ Парижъ ультиматума.

Стойкость и положительность порученныхъ ему требованій, послѣ продолжительнаго безучастія въ сношеніяхъ Россіи съ Франціей, конечно, польстили самолюбію посла, но вмѣстѣ съ этимъ вовлекли его въ новыя треволненія и униженія. Ему поручено было передать французскому правительству, что непремѣннымъ условіемъ всякаго соглашенія должно было служить предварительное очищеніе Пруссіи отъ французскихъ войскъ, и предупредить, что Россія не поступится торговлей подъ нейтральнымъ флагомъ, необходимой для благосостоянія государства.

Эти требованія, сдѣлавшись извѣстными Наполеону, вызвали въ немъ взрывъ негодованія, обрушившійся, въ свиданіи его съ кн. Куракинымъ 15/27 апрѣля, на голову злосчастнаго, дряблаго стараго неудачника-дипломата. Гнѣвъ императора французовъ усиливался опасеніемъ, что такія рѣзкія и положительныя требованія служили предвѣстникомъ наступательныхъ дѣйствій Александра, которыми разстроилась вся стройность французскаго наступленія, назначеннаго на половину іюня, ко времени обильнаго подножнаго корма для лошадей. Послѣ потока укоризнъ, въ которыхъ выставлялись неосновательность и оскорбительность такихъ требованій, не опиравшихся ни на какіе успѣхи Россіи, въ особенности по сравненію ихъ съ умѣренностью его послѣ блестящей фридландской побѣды, указанное опасеніе привело Наполеона къ предложенію перемирія, за которое напрасно ухватился Куракинъ, такъ какъ вслѣдъ за нимъ не послѣдовали переговоры, на которые разсчитывалъ русскій посолъ. Слабая надежда Наполеона на упадокъ рѣшимости Александра и на его склонность къ уступчивости, и въ особенности потребность оттянуть тѣнью переговоровъ начало военныхъ дѣйствій до намѣченнаго срока, побудили его сдѣлать новую попытку переговоровъ; но при этомъ случаѣ Куракинъ былъ несомнѣнно обойденъ, и на его долю выпала унизительная и напрасная погоня за свиданіями и объясненіями съ французскимъ министромъ, которая довела его въ минуту отчаянія и страха остаться покинутымъ безъ всякаго отзыва въ Парижѣ уѣзжающими императоромъ и министромъ — до неожиданно рѣзкой и несогласной съ его уклончивымъ нравомъ выходки требованія паспортовъ, что не безъ основанія послужило поводомъ французскому правительству заявлять, что объявленіе войны послѣдовало съ русской стороны.

Вмѣсто переговоровъ съ русскимъ посломъ, на долю котораго выпали только рѣзкія укоризны при свиданіи 15/27 апрѣля и отчаянное и безполезное преслѣдованіе Марэ для объясненій и переговоровъ, французскимъ императоромъ былъ избранъ для непосредственныхъ переговоровъ съ русскимъ самодержцемъ самый блестящій, свѣтскій и остроумный адъютантъ перваго, графъ Нарбоннъ, бывшій

министромъ Людовика XVI, и употреблявшійся въ настоящее время для наблюденія въ Берлинѣ за исполненіемъ Пруссіей условій заключеннаго съ нею договора. При этомъ назначеніи Нарбонна для посылки въ Россію, Наполеонъ прибѣгнулъ къ довольно мелочной уловкѣ въ огражденіе своего уязвленнаго апрѣльскимъ сообщеніемъ самолюбія: онъ приказалъ выслать своему адъютанту для доставленія Александру письмо, помѣченное числомъ раньше полученія русскаго, сочтеннаго оскорбительнымъ, сообщенія. Но французское самолюбіе ничего не выгадало этимъ дѣтскимъ ухищреніемъ, и поѣздка Нарбонна, безплодная для данныхъ ему порученій военныхъ наблюденій и мирныхъ переговоровъ, не могла польстить французскому самолюбію. Принятый со свойственной Александру ласкательной вѣжливостью, Нарбоннъ не былъ принятъ, такъ сказать, въ *сурьезъ*; переговоровъ съ нимъ не заводили, а отъ возможной его наблюдательности отдѣлались, выпроводивши его вскорѣ послѣ его прибытія въ Вильну, въ которой тогда находился русскій императоръ. Весь плодъ наблюдательности его, привезенный Наполеону въ Дрезденъ, заключался въ повтореніи того, что неоднократно ему сообщали Коленкуръ и Лористонъ. Нарбоннъ, подобно предшествующимъ наблюдателямъ, могъ засвидѣтельствовать, что не нашелъ у русскихъ и ихъ государя никакой заносчивости или самонадѣянности, но несомнѣнную и непоколебимую рѣшимость на отчаянную и самоотверженную борьбу. Но подобныя увѣренія не имѣли вѣса для исключительно математически точнаго ума императора французовъ. Для него средствами признавались исключительно цифры людей и денегъ, механически привлекаемыя къ участію въ его предначертаніяхъ. Возбужденіемъ людей должно руководить поощреніе ихъ низменныхъ побужденій, а награждать польщенное тщеславіе — цифры въ основаніи, яркія цирковыя представленія въ вѣнцѣ; ничего кромѣ этого не допускалъ этотъ хулитель идеаловъ.

Такимъ образомъ всѣ попытки предотвратить столкновеніе, которое съ обѣихъ сторонъ считали грознымъ и рѣшительнымъ, остались тщетными. Винить въ этой неудачѣ посредниковъ было бы несправедливо, такъ какъ съ ихъ стороны не произошло ни грубыхъ ошибокъ, ни

вызывающихъ выходокъ. Бездарный Куракинъ былъ до того безобиденъ, что не могъ внести разъѣдающей розни въ франко-русскія отношенія; дѣятельность Нессельроде и Чернышева была скорѣе соглядатайская, нежели дипломатическая, а французскіе представители Коленкуръ и Лористонъ убѣжденно работали на умиротвореніе этихъ отношеній. Личныя отношенія двухъ императоровъ и ихъ стремленія, конечно, оказали вліяніе на рѣшительность и непримиримость борьбы; но и болѣзненно развившееся честолюбіе Наполеона и злопамятное уязвленное самолюбіе Александра потому только были приведены къ потрясшему Европу столкновенію, что они оказались руководителями двухъ народовъ во время непомѣрнаго развитія стремящейся за предѣлы страны дѣятельности французскаго народа, взволнованнаго внутренними потрясеніями, дѣятельности, набѣжавшей своими, до того неудержимыми потоками, на русскій народъ, во время его быстраго роста, вслѣдъ за непрерывными успѣхами осьмнадцатаго вѣка. При первыхъ столкновеніяхъ, дарованія Наполеона и легкомысліе Александра дали явный перевѣсъ французамъ, съ которымъ свѣжая и бодрая русская народность не могла помириться. Поэтому страна почувствовала обиду и возмутилась *приниженнымъ* положеніемъ прежде, нежели уязвленное самолюбіе воспитало непримиримое злопамятство у Александра, а возникшее стремленіе къ прекращенію *приниженнаго* положенія Россіи не могло и не желало найти почвы для примиренія. Понятно, что этого французы не понимали тогда и не понимаютъ до сихъ поръ, но странно, что теперь находятся русскіе писатели, непонимающіе этого!

Исключительное, роковое значеніе войны 1812 г. невольно приковываетъ пристрастіе историка не только къ событіямъ, которыми она ознаменовалась и разрѣшилась, но и ко всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ и вліяніямъ, которыя имъ предшествовали и отразились въ событіяхъ борьбы. Невольны также желаніе ничего не упустить изъ означенныхъ вліяній, и сопряженная съ этимъ опасность повтореній. Не нужно забывать, что до наступленія нашествія на Россію, народное чувство Россіи было уже задѣто Тильзитскимъ соглашеніемъ. Причины несогласій французскаго

и русскаго правительства имѣли такую связь съ основными потребностями этихъ странъ и стремленіями ихъ правителей, что условія соглашенія не отыскались и не могли обнаружиться, и легкомысленный отзывъ Наполеона, что борьба должна произойти изъ-за вздорной распри, подобной спору дамъ о цвѣтѣ ленточки, былъ, конечно, отзывъ напускного легкомыслія. Правительствамъ не оставалось другого исхода, какъ напряженно готовиться къ борьбѣ, заслоняясь изъ осторожности мнимыми усиліями соглашенія и упорными заявленіями миролюбія. Въ такой двойственной игрѣ, конечно, была доля коварства, хотя не очень опаснаго, такъ какъ оно никого не вводило въ заблужденіе; отрицаніе Александромъ существованія когда бы то ни было наступательнаго замысла столь же мало заблуждало Наполеона, которому была сообщена неудачная попытка его соперника вовлечь поляковъ въ такой замыселъ, какъ и увѣренія Наполеона въ склонности къ уступчивости не вселяли никакого довѣрія въ русскомъ царѣ.

Судя по тому, что Александръ не пренебрегъ для возбужденія общественнаго мнѣнія принести ему въ жертву даровитѣйшаго изъ своихъ сотрудниковъ, не щадя при этомъ ни своего нравственнаго чувства, ни даже достоинства самодержца (проливая слезы въ объятіяхъ человѣка, коварно приносимаго въ жертву),—нужно было ожидать, что имъ будутъ напряжены всѣ пружины государственнаго строя, чтобы встрѣтить угрожающую борьбу во всеоружіи многочисленныхъ войскъ и напряженіи народнаго чувства...*)

Приготовленіе къ столкновенію. Приданію болѣе страстнаго возбужденія этому послѣднему послужили манифесты, воззванія, увѣщанія духовенства и примѣръ самого государя, неоднократно высказывавшаго свою рѣшимость вести борьбу рѣшительно, не щадя никакихъ жертвъ (какъ показалъ примѣръ напрасной жертвы Сперанскимъ), придавая войнѣ еще до начала ея значеніе, по народному выраженію, борьбы не на животъ, а на смерть.

Личныя побужденія Александра. Въ сознаніи этого значенія борьбы, въ рѣшимости перенести всѣ неизбѣжныя испытанія грознаго столкновенія со всемогущимъ Наполеономъ, состоитъ громадная за-

*) Паденіе Сперанскаго изложено во второй части.

слуга Александра, заслуга не только государственная, но и народная, ибо въ этой борьбѣ рѣшалась не только судьба соперничества двухъ могущественнѣйшихъ императоровъ Европы, но и судьба неприкосновенности, независимости русской государственности, получившей въ XVIII столѣтіи широкое развитіе, и насилуемой Наполеономъ для служебной подчиненности его видамъ, въ ущербъ не только ея развитія, но и въ явное оскудѣніе ея благосостоянія. Двухлѣтніе безплодные переговоры обнаружили непримиримость требованій *владычества* Наполеона и охраны независимости и развитія русской государственности. Ни честолюбіе Наполеона ни народная гордость Россіи не сочли жертву самой сокрушительной борьбы превышающей цѣну, для перваго,—преслѣдованія всемірнаго преобладанія, для второй—сохраненія неприкосновенности своей независимости. Александръ накликалъ на свое отечество неисчислимыя жертвы и бѣдствія своимъ вначалѣ добровольнымъ и не лишеннымъ легкомыслія вмѣшательствомъ въ борьбу Франціи съ сосѣдями. Но въ рѣшительномъ переломѣ этой борьбы, какъ искупленія несомнѣннаго несогласія его тщеславія и непосильнаго стремленія къ руководству судьбой сосѣднихъ государствъ съ дѣйствительными, несомнѣнными потребностями Россіи,—когда борьба, произвольно вызванная, привела роковое послѣдствіе нашествія на его отечество, — тогда, по счастливому совпаденію, уязвленное тщеславіе и мстительное озлобленіе за презрительное пренебреженіе Наполеона къ требованіямъ его честолюбія сдѣлали Александра, до того охотно щеголявшаго передъ иноземцами своимъ *просвѣщеннымъ* пренебреженіемъ къ своимъ соотечественникамъ, *сыномъ отечества*, озлобленнымъ поруганіемъ его, и придали ему стойкость и рѣшительность, на которыя его современники не считали его способнымъ до начала роковой борьбы. Вѣроятность, даже достовѣрность, если бы она могла быть установлена, что личныя чувства и побужденія, а не безкорыстная любовь къ родинѣ, служили государю главными опорами его рѣшимости, не могутъ лишить его права на признаніе той заслуги, которая украшаетъ его какъ руководителя въ роковой борьбѣ отечества за честь и независимость, борьбѣ, приве-

денной, хотя бы цѣной самыхъ тяжелыхъ жертвъ, къ исходу, въ которомъ и честь и независимость не потерпѣли ни малѣйшаго ущерба. Грозная и роковая година 1812 года, вмѣстѣ со славой счастливаго исхода борьбы съ могущественнѣйшимъ и даровитѣйшимъ завоевателемъ ряда вѣковъ, была знаменательна для Россіи тѣмъ сердечнымъ и кровнымъ единодушіемъ съ своимъ государемъ, которое составляетъ одну изъ свѣтлѣйшихъ страницъ ея судьбы, но вмѣстѣ съ этимъ вызываетъ сожалѣніе, что эта година стоитъ въ этомъ отношеніи какъ бы въ одиночествѣ среди почти 25-лѣтняго царствованія Александра. Какимъ образомъ этотъ государь, оказавшійся на высотѣ призванія среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ отчаянной борьбы не *на животъ, а на смерть*, могъ до этой борьбы и по окончаніи ея, въ началѣ своего царствованія, предаваться несостоятельнымъ и не достаточно оправданнымъ необходимостью попыткамъ борьбы съ сильнѣйшимъ и одареннѣйшимъ противникомъ, а по окончаніи борьбы съ нимъ, малодушно предать судьбу отечества въ недостойныя и опозоренныя неисчислимыми жестокостями руки Аракчеева, можетъ только объяснить знакомство со слабой, себялюбивой и непослѣдовательной природой человѣческой, способной совмѣщать мелкое самолюбіе и себялюбіе съ упорнымъ преслѣдованіемъ видовъ, случайно совпадающихъ съ общественнымъ благомъ. Этимъ свойствомъ отчасти вознаграждается общество за всю напрасную растрату добрыхъ намѣреній и безплодныхъ и безкорыстныхъ усилій благонамѣренныхъ неудачниковъ. Послѣднимъ всегда измѣняетъ *случай*, и только рѣдкимъ счастливцамъ не только ихъ дарованія, но и самые недостатки служатъ *вѣрой и правдой*. Если сопоставить одаренность и могущество двухъ соперниковъ, невозможно повидимому отрицать несомнѣнное преобладаніе Наполеона надъ Александромъ, и съ этой точки зрѣнія исходъ борьбы представляется отрицаніемъ правъ дарованій, ума и предусмотрительности. Но если, съ другой стороны, обратить вниманіе на то, что обладатель этихъ качествъ, искусно пользуясь умѣніемъ распоряжаться средствами подчиненныхъ народовъ, и искусно направлять всѣ низменныя побужденія своихъ подчиненныхъ, дошелъ до безусловнаго пренебреженія ко всѣмъ высшимъ

побужденіямъ человѣчества, и что въ борьбѣ съ Россіей онъ былъ не только зачинщикомъ, но являлся, такъ сказать, хищникомъ, и что слабѣйшій и менѣе послѣдовательный Александръ оказался въ данномъ случаѣ представителемъ законнѣйшаго и благороднѣйшаго призванія главы государства,—защиты его независимости отъ похитителя,—тогда весь смыслъ и ходъ борьбы принимаетъ другое значеніе для чести и достоинства человѣчества. Александръ былъ слабой, но вмѣстѣ съ этимъ правой стороной.

Наполеонъ истощилъ терпѣніе Европы.

Наступающая война несомнѣнно имѣла значеніе рѣшительнаго столкновенія послѣдней волны, выплеснувшей изъ поколебленной народнымъ потрясеніемъ Франціи на остальной континентъ Европы, не только потому, что въ ней должна была разрѣшиться борьба между напоромъ взбаламученнаго французскими завоеваніями и преобразованіями моря и русскимъ государствомъ, менѣе всѣхъ другихъ дозрѣвшимъ для воспріятія французскихъ новшествъ, и народъ котораго также менѣе другихъ европейскихъ народовъ склоненъ былъ перенести со смиреніемъ униженіе подчиненія французскому игу,—но главнымъ образомъ потому, что въ этой послѣдней волнѣ обнаружилось изнеможеніе потрясенной Франціи, и эта борьба потому должна была сдѣлаться рѣшительной, что ей приходилось вслѣдствіе изнеможенія быть послѣдней. Жертвы и напряженіе всѣхъ средствъ борьбы дошли до тѣхъ предѣловъ, за которыми не только слѣдуетъ ропотъ, давно уже гласный въ Европѣ, но когда злоупотребляющую долготерпѣніемъ и самопожертвованіемъ народовъ власть должно было сломить отчаяніе.

Признаки негодующаго переутомленія народовъ вызываемыми и вынуждаемыми жертвами рѣзко проявлялись не только тамъ, гдѣ неудачи борьбы придавали особую горечь безплоднымъ жертвамъ, а бѣдствія французскихъ нашествій вызывали непримиримую злобу; нѣтъ, утомленіе выражалось еще громче у торжествующаго народа, нежели

въ странахъ, попранныхъ его побѣдами. Прямолинейный чуждающійся всякихъ соображеній нравственнаго свойства умъ Наполеона неизбѣжно долженъ былъ привести къ полному разладу его стремленій съ народными побужденіями. Его представленія величія неизбѣжно выражались въ числовыхъ данныхъ, скрашиваемыхъ пышными представленіями, и вознагражденіи исполнителей его предначертаній насыщеніемъ тщеславія и корыстолюбія. При такомъ взглядѣ на государственныя и международныя усложненія, разрѣшеніе затрудненія сводилось къ правилу *умноженія средствъ*—владѣній, денегъ, людей, вооруженій и всякихъ продовольствій. Залогъ успѣха обезпечивался соотвѣтствіемъ цифры съ величіемъ предпріятія, не обращая никакого вниманія на то, что логическимъ пріемомъ простого умноженія внушительная цифра иногда совершенно теряла однородность и способность сплотиться, объединиться и дѣйствовать по *общему* закону, не успѣвшему привиться къ единицамъ, насильственно вовлеченнымъ въ образованную умноженіемъ цифру.

Весь ростъ размѣровъ борьбы и мѣропріятій Наполеона грѣшитъ этимъ направленіемъ его ума, чуждаго соображеній, не истекающихъ изъ математически точныхъ пріемовъ. Для противодѣйствія упорству Англіи и сочувствію континента послѣдней, когда онъ убѣдился, что побѣды и выгодные договоры не успѣли окончательно склонить въ желаемомъ ему направленіи ни Англію, ни континентъ, Наполеонъ не искалъ причинъ, вызывающихъ у его противниковъ новыя жертвы, въ нежеланіи или даже невозможности подчиниться навязываемому имъ строю международныхъ отношеній; его прямолинейному уму вопросъ представлялся разрѣшимымъ простымъ умноженіемъ собственныхъ средствъ, безъ всякаго вниманія къ тому, что новыя средства составлялись изъ враждебныхъ его цѣли единицъ. Умноженіе владѣній, умноженіе усилій, умноженіе новобранцевъ и денегъ представлялось ему достаточнымъ залогомъ успѣха, какъ бы ни были чужды или даже враждебны преслѣдуемой цѣли составныя части тѣхъ внушительныхъ цифръ, которыми онъ ублажалъ себя и угрожалъ противникамъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ его умъ для поддержанія и возбужденія того *духа* во французскомъ вой-

скѣ, которымъ онъ развилъ кичливость и тщеславіе въ большинствѣ, и алчность и суетность въ предводителяхъ. По мѣрѣ требованія новыхъ подвиговъ, онъ умножалъ награды и расточалъ лесть для поощренія рядовыхъ, и обогащалъ начальниковъ, разукрашенныхъ пышными званіями и громкими именами. Ему не удалось при этомъ во-время осмотрѣться и убѣдиться, что расчисленія по разнымъ разрядамъ гвардіи, умноженіе украшеній нарядовъ, *декорацій* и напыщенныхъ воззваній, теряло свое обаяніе по мѣрѣ утомленія солдатъ безконечными войнами и утраты его войскомъ исключительно французскаго военнаго духа, по мѣрѣ наплыва въ составъ его новобранцевъ изъ вновь присоединенныхъ, если не враждебныхъ, то во всякомъ случаѣ чуждыхъ французскому духу странъ. Умноженіе способовъ поощренія уронило ихъ цѣну; умноженіе площади наборовъ уничтожило однородность состава, а умноженіе требованія бо́льшаго числа новобранцевъ, сравнительно съ численностью народонаселенія, вызвало не только отчаяніе въ немъ, но и прямое сопротивленіе.

Пріемъ простого умноженія богатствъ и отличій начальствующихъ лицъ оказался также несостоятельнымъ, какъ только онъ переступилъ извѣстную границу. Примѣненный вначалѣ къ бѣдствующимъ, и въ большинствѣ случаевъ хищнымъ и темнымъ личностямъ, онъ оказался сильнымъ рычагомъ для возбужденія ихъ усердія. Но вскорѣ выяснилось, что вызванныя потребности роскоши и тщеславія до того легло привились бывшимъ рядовымъ, контрабандистамъ (Массена), трактирнымъ слугамъ (Мюратъ), и прочей челяди, превращенной въ милліонщиковъ, герцоговъ, князей и королей, что ихъ уже нечѣмъ было манить, кромѣ трона, къ которому неудачно стремились Сультъ въ Португаліи, суровый Даву въ Польшѣ, и которымъ временно потѣшился Мюратъ въ Неаполѣ, а отмѣнно льстивый и изворотливый Бернадотъ успѣлъ прочно за собой укрѣпить въ Швеціи. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи пріемъ умноженія богатствъ и отличій оказался не вполнѣ состоятельнымъ: у Наполеона стало не хватать средствъ для удовлетворенія имъ же поощренныхъ алчности и тщеславія, и это привело его

сподвижниковъ къ предпочтенію наслаждаться нажитыми почестями и богатствами, не подвергая себя новымъ трудамъ и опасностямъ, которые не могли имъ болѣе ничего принести!

Утомленіе безпрерывными войнами и безпрестанно растущими наборами, съ алчностью и поспѣшностью выгребающими все возростающую долю подростающихъ поколѣній, не дожидаясь закономъ установленнаго возраста, вызвало въ низшихъ слояхъ войска не менѣе рѣшительное противодѣйствіе, соотвѣтственное ихъ положенію. Низшіе искали избавленія отъ непрерывно возрастающаго *налога кр°вью* (impôt du sang), въ укрывательствѣ отъ наборовъ и бѣгствѣ со службы. До какихъ размѣровъ дошло это сопротивленіе наполеоновскимъ требованіямъ тягостнаго умноженія военныхъ средствъ, можетъ указать число лицъ, укрывавшихся отъ наборовъ въ 1812 году въ предѣлахъ французской имперіи, и солдатъ, покинувшихъ знамена среди войскъ *великой арміи* за одинъ мѣсяцъ послѣ ея вступленія въ предѣлы Россіи: оба разряда уклоняющихся отъ *поля чести* по странной случайности опредѣлялись въ 60.000 человѣкъ каждый. Борьба съ этимъ зломъ побѣговъ, разъѣдающимъ питающій войско источникъ, и подрывающимъ его духъ, вызывала суровыя мѣры, обрушивавшіяся на мирныхъ жителей имперіи (постои, подвижныя за бѣглецами колонны и проч.), и увеличивавшія ропотъ и отвращеніе къ вѣчнымъ войнамъ Наполеона, которые онъ оставлялъ за собой въ отечествѣ, выступая на новыя военныя предпріятія; тогда какъ повальное дезертирство въ его войскахъ сопровождало его нашествіе грабежомъ и разореніемъ страны, на которую направлялось нашествіе, и въ которой сѣяло отчаяніе и жажду мщенія.

Другого средства противъ непреодолимаго сопротивленія Испаніи его завоеванію, а Россіи—его посягательству держать ее *въ подчиненности* (по выраженію его министра Бассано), не могло родиться въ рѣшеніи ума, который, убѣдившись въ *недостаточности* средствъ, примѣненныхъ для достиженія цѣли, допускалъ лишь одинъ способъ—преодоленіе затрудненія (но ни въ какомъ случаѣ *обходъ* его) путемъ умноженія средствъ, не взирая на то, какимъ бременемъ они лягутъ на его собственное отечество, и насколько они отвратятъ отъ него народную привязанность.

Въ начальственныхъ слояхъ войска, среди выдающихся и преуспѣвшихъ сподвижниковъ Наполеона, ропотъ принялъ своеобразный оборотъ, когда стало несомнѣннымъ рѣшеніе вести наступательную войну въ предѣлы Россіи. Тѣ самые люди, которые пользовались его успѣхами и дарованіями безъ всякой оглядки на поводы страшныхъ и безпрестанныхъ кровопролитій, пока этимъ путемъ наживали отличія и богатства, и восторженно провозглашали своего повелителя величайшимъ геніемъ—отяжелѣвшіе отъ полученной или *нахватанной* добычи, избалованные почестями, возмущались, что ихъ предводитель лишаетъ ихъ возможности мирно наслаждаться плодами пережитыхъ опасностей, подвергая ихъ новымъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ менѣе прибыльнымъ, въ отдаленной и суровой Россіи, и въ числѣ ихъ находились личности, которыя рѣшились провозглашать нѣкогда величайшаго генія безразсуднымъ... умалишеннымъ!

Такимъ образомъ, Франція, источникъ всѣхъ потрясеній и военныхъ бѣдствій, начала проявлять признаки крайняго утомленія отъ безпрестанно изливаемыхъ на Европу бѣдственныхъ потоковъ — источникъ видимо началъ изсякать!

Во всѣхъ странахъ, пострадавшихъ отъ наполеоновскихъ войнъ, несмотря на безчисленность жертвъ и бѣдствій, утомленіе и отвращеніе отъ борьбы съ Франціей не могли не только проявляться, но и испытываться съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и единодушіемъ, какъ въ послѣдней. Необходимость сверженія ига и жажда возмездія заставляли не только мириться съ понесенными жертвами, но вызывали усердіе къ новымъ, вящшимъ жертвамъ; повсюду это усердіе должно было вызвать хотя бы непомѣрныя, но послѣднія жертвы, — таково было изнеможеніе всей Европы.

Сравненіе средствъ.

Продолжительность и напряженность приготовленій были одинаковы со стороны Александра и Наполеона, но средства и способы соперниковъ далеко отличались размѣрами и удобствами, и всѣ преимущества были на сторонѣ Наполеона. Съ его стороны было преобладаніе на-

родонаселенія, лучшее, болѣе сгущенное расположеніе послѣдняго; преимущество денежныхъ избытковъ (пресловутый trésor Наполеона) большаго довольства странъ и просвѣщенія ихъ народонаселенія; и надъ всѣми этими преимуществами высилась несомнѣнная даровитость распорядителя этихъ средствъ, неусыпно дѣятельнаго Наполеона. Всѣ его приготовленія къ войнѣ приняли вслѣдствіе этихъ особенностей правильное, связное теченіе, благопріятствуемое изобиліемъ средствъ, удобствомъ сообщеній, изобиліемъ и производительностью странъ снабженія и прохожденія передвигаемыхъ и размножаемыхъ войскъ, часть которыхъ находилась въ Пруссіи, богатыхъ ганзейскихъ городахъ и въ герцогствѣ Варшавскомъ. На полпути была богатая, густонаселенная и подчиненная прирейнская Германія; въ узлѣ приготовленія нашествія, въ Гамбургѣ, находился лучшій руководитель и непреклоннѣйшій исполнитель изъ наполеоновскихъ маршаловъ, Даву; на порогѣ угрожаемой нашествіемъ страны, въ герцогствѣ Варшавскомъ, размножались и воодушевлялись вооруженія, стремящіяся и надѣющіяся возродить родину — подъ начальствомъ лихаго и увлекательнаго Понятовскаго. Казна Наполеона, хотя не была столь изобильна, какъ онъ ее выставлялъ въ угрозахъ или порывахъ самохвальства, все же располагала *сокровищемъ*, отчасти *наличнымъ*, отчасти состоящимъ изъ обязательствъ прусскаго, австрійскаго и французскаго казначействъ (послѣднему *нуждающемуся* были сдѣланы ссуды изъ наполеоновскаго сокровища), которыми облегчались вооруженія войскъ и ихъ передвиженія среди покорныхъ и задолженныхъ ему странъ. Эти послѣднія облегчали своей промышленностью исполненіе нужныхъ поставокъ, а изъ накопленной побѣдами военной добычи пополнялись вооруженія и боевые запасы. При этихъ условіяхъ, несмотря на отвлекающую и поглощающую, какъ бы въ бездну, боевыя средства Франціи Испанію, приготовленія первой могли разрастаться стройно, послѣдовательно—какъ постепенно сгущаются пары въ воздухѣ въ тучу до разряженія грозой. Новобранцы набирались (и разбѣгались) во Франціи и подчиненныхъ странахъ, быстро обучались, и въ составѣ маршевыхъ полковъ постепенно передвигались на Востокъ,

включались по батальонамъ въ полки, расположенные на границѣ Франціи, на Рейнѣ, на Балтійскомъ побережьѣ и въ Пруссіи. Сначала полки, такъ сказать, раздувались до пятибатальоннаго состава, потомъ расчленялись; образовывались не только новые полки, но и дивизіи и корпуса, и все это происходило безъ излишней поспѣшности, послѣдовательно, въ порядкѣ, исходящемъ отъ неусыпнаго и требовательнаго правителя, обладающаго огромными средствами и соразмѣрной дѣятельностью. Но предѣлы его власти и признаки ея обезсиленія начали обозначаться болѣе явно, нежели до этого времени, вызвавшаго своими непомѣрными требованіями признаки сопротивленія и распущенности. *Уклоняющихся* (réfractaires) отъ военной службы приходилось брать въ плѣнъ и содержать на пустынныхъ островахъ, на которыхъ ихъ обучали военному строю, и оттуда доставлять въ дѣйствующія войска, со строгими предосторожностями, какъ бы съ военно-плѣнными, несмотря на то, что это были несомнѣнные, и даже бравые французы. Эти же предосторожности оказывались нерѣдко необходимыми съ частями союзныхъ войскъ, особенно ганзейскихъ. Распущенность и наклонность къ бродяжничеству проявлялись въ цѣлыхъ корпусахъ, и одинъ только корпусъ могъ считаться вполнѣ безупречнымъ въ этомъ отношеніи, это корпусъ Даву, образцовая распорядительность и бдительность котораго поддерживались неумолимой до жестокости требовательностью; корпусъ же Нея, котораго французы величали званіемъ *храбраго изъ храбрыхъ* (le brave des braves), ознаменовалъ себя многочисленными безчинствами въ Германіи.

Покуда стягиваніе французскихъ войскъ производилось съ извѣстной осмотрительностью и безъ особенной поспѣшности, порядокъ въ надвигаемыхъ къ Востоку войскахъ могъ до извѣстной степени сохраняться; но когда вся громада полумилліоннаго войска начала надвигаться какъ туча къ нашимъ границамъ, ни усилія Наполеона обезпечить ея снабженіе всѣмъ необходимымъ, ни средства проходимыхъ странъ не оказались достаточными для обезпеченія правильнаго, безъ угнетенія жителей, продовольствія. Войска стали прибѣгать къ насиліямъ и грабежамъ, отчасти вынужденнымъ требованіемъ, чтобы загото-

вленныя продовольствія и средства передвиженія были прибережены для похода въ предѣлахъ Россіи, стараясь довольствоваться у проходимыхъ союзниковъ средствами страны. Болѣе всего пострадала несчастная Пруссія, до этого истощенная военными поборами, и чрезъ которую весною 1812 года прошли главныя силы *великой арміи*, забирая насильно скотъ, подводы, проводниковъ и продовольствіе. Наполеонъ, догоняя свои войска на границѣ Пруссіи и Россіи, воочію могъ удостовѣриться въ ужасныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ имъ у подневольной союзницы.

Несмотря на нѣкоторые безпорядки и безчинства наступающей на Россію *великой арміи*, все же ея составъ, численность, снабженность вооруженіемъ, снарядами, лошадьми и средствами продовольствія, представляли никогда не виданную до нашествія Наполеона въ Россію громаду вооруженныхъ людей, приведенныхъ въ стройномъ, даже блестящемъ видѣ, къ условленному времени, въ маѣ 1812 г., на границу угрожаемой страны. 450.000 войска стояло на готовѣ вступить изъ Пруссіи, Варшавскаго герцогства и Галиціи въ наши предѣлы; 150.000 человѣкъ стояли позади, или заготовлялись для поддержки нашествія. Въ составъ этой 600.000-*ной великой арміи* входило 1242 полевыхъ орудія; и вся эта грозная громада была исключительно направлена на наше отечество, снабженная всѣмъ необходимымъ, съ примѣрной предусмотрительностью, лучшимъ и неутомимѣйшимъ распорядителемъ своего времени. Цѣлью грознаго нашествія было сломить сопротивленіе Россіи требованіямъ грознаго завоевателя, сдѣлать изъ нея слѣпое орудіе въ борьбѣ его за преобладаніе на сушѣ и на морѣ, съ которымъ не мирилась Англія и перестала мириться Россія. Если при этомъ представить себѣ средства, которыми располагалъ Наполеонъ, его геніальныя дарованія, обаяніе его непобѣдимости, испытанность его войскъ и сподвижниковъ... угроза независимости нашему отечеству представлялась тѣмъ неотразимѣе, а бодрость, съ которой она была встрѣчена войскомъ, народомъ и царемъ—заслуживающей тѣмъ большее удивленіе!

Слабая сторона могущества Наполеона.

Надвигая громадныя силы на насъ, Наполеонъ не прекращалъ кровопролитную и изнурительную борьбу въ Испаніи; не оставлялъ безоружной Францію въ громадномъ ея тогдашнемъ объемѣ, и продолжалъ содержать войска въ Германіи и на пути своихъ сообщеній между наступающими войсками и французской имперіей. Эти дополнительныя вооруженія составляли почти такую же силу, какъ та, которая была надвинута на границу Россіи, и дополняли картину могущества въ началѣ 1812 года бывшаго поручика артиллеріи Бонапарта. Но достичь такого величія ему удалось не только своими дарованіями, смѣлостью, вѣрою въ свою звѣзду, но и безжалостной требовательностью къ обольщенному французскому народу и къ насилуемой Европѣ, вызывая во всѣхъ подвластныхъ странахъ такое напряженіе, которое не могло долго продержаться, питая ненависть и озлобленіе всѣхъ насилуемыхъ.

Громадная сила нашего противника, направленная на наше обездоленіе, была скована желѣзной волей геніальнаго человѣка, но почерпнута насиліемъ надъ значительнѣйшей долей образованнѣйшаго человѣчества, сознававшаго, что оно приносится въ жертву ненасытному честолюбію одного человѣка, и потому жаждавшаго избавленія отъ ненавистнаго ига. Это способствовало обращенію нашей борьбы, несомнѣнно правой и священной, какъ всякая защита отечества, въ борьбу, достойную сочувствія нашихъ временныхъ враговъ, но бывшихъ и будущихъ союзниковъ. Кромѣ того, самая громадность наступающей силы, какъ плодъ усилія математически дѣйствующаго ума, стянула, снабдила и стройно направила вооруженную громаду, не принявши въ соображеніе тѣхъ жизненныхъ условій, среди которыхъ она была предназначена продолжать свое опустошительное наступательное движеніе. Дальнѣйшая судьба его не разрѣшалась простой математической выкладкой; не на черной доскѣ или бѣломъ листѣ бумаги она должна была разрѣшаться, а среди малоизвѣстной страны и противъ недостаточно испытаннаго народа, среди которыхъ грозное орудіе ихъ разгромленія само разлетѣлось прахомъ! Ни численныя выкладки математическаго ума, ни навыкъ обойти, разбить, торжественно, на римскій ладъ, войти побѣдителемъ въ чужую столицу, и потомъ *даровать* по-

бѣжденному миръ, ничто не нашло здѣсь обычнаго примѣненія. Громадная наступающая *великая армія* обрушилась, вмѣсто поприща для торжествъ, на скудную, самоотверженную страну, смѣло жертвующую жизнью и очагомъ, чтобы погубить своего врага, предпочитающую гибель позорной покорности, и среди которой, чѣмъ многочисленнѣй была наступающая *великая армія*, тѣмъ вѣрнѣе была ея гибель! Ничего этого не предусмотрѣлъ слишкомъ точный умъ Наполеона; всѣ вопросы народной чести и независимости причислялись къ области идеологіи, несмотря на недавній опытъ въ Испаніи, повидимому, не требующій грознаго подтвержденія въ Россіи. Если Наполеонъ допускалъ въ своемъ умѣ затрудненія движенія и снабженія своего полумилліоннаго войска при углубленіи въ Россію, то полагалъ возможнымъ ихъ устранить заготовленіемъ въ Данцигѣ достаточныхъ запасовъ на такое количество людей и на 100.000 лошадей, упуская изъ вида не только затрудненіе передвиженія этихъ громадныхъ запасовъ среди неизмѣримыхъ пространствъ Россіи, но и тѣ препятствія, которыя долженъ былъ встрѣтить среди враждебнаго населенія, уже испытанныя имъ въ Испаніи, и погубившія тамъ громадное количество французскихъ силъ.

Прославленная французами его предупредительность, отсрочившая начало военныхъ дѣйствій до половины іюня, чтобы воспользоваться для лошадей подножнымъ кормомъ, взамѣнъ затруднительнаго снабженія ихъ сухимъ кормомъ, не могла устранить гибели большинства лошадей, если ихъ работа должна была соперничать съ работой лошадей противника, получающихъ сѣно и овесъ. И здѣсь логика и математика забыли сложныя житейскія условія.

Къ счастію и спасенію Россіи, всѣ послѣднія были на ея сторонѣ, и безъ ихъ союза съ одними средствами вооруженія возможнаго по числу народонаселенія и скудости денежныхъ средствъ числа людей, несомнѣнно недостаточнаго для обезпеченія успѣха въ борьбѣ съ Наполеономъ, несмотря на безотвѣтное усердіе и покорность народа, на стремленіе высшихъ сословій къ пожертвованіямъ — борьба была бы неравной!

Заочный разсчетъ Наполеона (qui compte sans son hôte compte deux fois).

Численная недостаточность средствъ Россіи исключительно принималась Наполеономъ въ соображеніе, сообразно складу его ума, и потому для обезпеченія успѣха онъ обратилъ главное вниманіе на умноженіе своего преобладанія численныхъ силъ, которыя въ качествѣ дѣятельнаго и осмотрительнаго правителя онъ неторопливо и послѣдовательно снабжалъ всей необходимой обстановкой военныхъ, продовольственныхъ и передвижныхъ пособій, понуждая снабженіе своей громады средствами правительствъ и промышленности всей подначальной ему части Европы. Историки не безъ основанія превозносятъ его успѣшную дѣятельность въ этомъ двухлѣтнемъ приготовленіи полумилліонной громады, надвинутой въ блестящемъ видѣ на границу угрожаемаго нашествіемъ края. Не довольствуясь стройностью, съ которой осуществилось такое небывалое до того предпріятіе, Наполеонъ попытался пощеголять *тайной* исполненія, конечно, невозможной при очевидности передвиженія такихъ многочисленныхъ войскъ и всѣхъ необходимыхъ имъ снабженій. Притязаніе на *тайну* было вызвано, какъ сказано выше, отчасти опасеніемъ, что Александръ разстроитъ наступательными дѣйствіями (въ дѣйствительности предполагавшимися въ связи съ поднятіемъ Польши) намѣченный имъ ходъ и порядокъ нашествія, успѣху котораго долженъ былъ способствовать подножный кормъ лошадей; но еще болѣе соображеніемъ, что успѣхъ предпріятія неизбѣжно обезпечивался громаднымъ численнымъ превосходствомъ войска, ударъ котораго долженъ послѣдовать съ математической точностью, чтобы оправдать математическій расчетъ. Средства и соображенія великаго полководца оказались дѣйствительными для сооруженія невиданной тяжести *молота*, ударъ котораго долженъ былъ раздробить могущество Россіи... если бы она согласилась поставить его на ту *наковальню*, которую Наполеонъ представлялъ себѣ въ *рѣшительномъ* сраженіи, неизбѣжно имъ выигранномъ. Но могущество и судьба народа оказались задачей неразрѣшимой однимъ математически разсчитаннымъ ходомъ, и неизмѣримая Россія слишкомъ обширной площадью для изображенія шахматной доски...

Несомнѣнно, что ходы были повидимому разсчитаны

безошибочно, и для исполненія ихъ войска Наполеона пришли къ русской границѣ въ числѣ слишкомъ 440.000 человѣкъ, въ слѣдующемъ порядкѣ. Ядро *великой арміи*, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, подошло въ числѣ 220.000 человѣкъ къ Пильвишкамъ противъ Ковно. Другая часть ея, подъ начальствомъ вице-короля Италіи, предназначенная разобщенію двухъ русскихъ западныхъ войскъ, была расположена, въ числѣ 80.000, правѣе и нѣсколько позади у Маріамполя и Кальвари. Такая же сила въ 80.000 была поставлена впереди Пултуска подъ начальствомъ вестфальскаго короля Іеронима, съ той же самой цѣлью разъединенія тѣхъ же двухъ западныхъ армій, успѣшность которой требовала не единовременнаго появленія предназначенныхъ для этой цѣли 160.000 ч., которое могло вызвать поспѣшное соединеніе русскихъ войскъ. Кромѣ этихъ трехъ громадныхъ отдѣловъ войска, изъ Галиціи надвигался кн. Шварценбергъ съ 30.000 австрійцевъ къ Дрогочину на Бугѣ, а на сѣверѣ къ Тильзиту двигался другой 30.000-ный корпусъ изъ пруссаковъ и французовъ, подъ начальствомъ маршала Макдональда.

Вооруженія и средства Россіи. Усилія и приготовленія со стороны Александра были столь же напряженны и упорны, какъ и тѣ, которыя создали пресловутую *великую армію*, но средства Россіи далеко не достигали тѣхъ громадныхъ средствъ, которыми располагала Франція 1810—1812 годовъ. Ни народонаселеніе, ни производительность страны не могли входить въ сравненіе со средствами, которыми располагала Франція и зависимыя отъ нея страны. У Наполеона, кромѣ обычныхъ источниковъ французской казны, былъ значительный запасъ (самохвально имъ преувеличиваемый) въ золотѣ въ подвалахъ Тюльерійскаго дворца, накопившійся изъ военныхъ поборовъ среди побѣжденныхъ странъ. Въ Россіи, вслѣдствіе безпрестанныхъ и отчасти неудачныхъ войнъ, денежныя средства не соотвѣтствовали вооруженіямъ, и никакихъ источниковъ ихъ усиленія, кромѣ увеличенія податной тягости и выпуска новыхъ бумажныхъ денегъ, не было въ распоряженіи правительства. Рѣшимость избавиться отъ унизительной зависимости отъ Наполеона и сознаніе опасности борьбы съ нимъ, вынудили для пополненія значи-

тельно разросшагося состава русскаго войска, при необходимости имѣть въ тылу его постоянные запасы обучаемыхъ для пополненія его новобранцевъ — произвести нѣсколько послѣдовательныхъ рекрутскихъ наборовъ, обрушившихся страшной тяжестью и неменьшимъ горемъ на часть народонаселенія, подлежащую этимъ наборамъ. При произвольномъ распредѣленіи рекрутовъ на мѣстѣ при поборахъ, которые сопровождали ихъ сдачу властямъ, и той огромной убыли, которой сокращалось число поставляемыхъ людей, въ сравненіи съ солдатами, поступающими въ дѣйствующія части, можно себѣ представить громадность жертвъ, вызываемыхъ увеличеніемъ средствъ обороны государства. Проводъ чрезъ неизмѣримыя пространства, при недостаточной внимательности къ нуждамъ людей, и при чрезвычайной требовательности къ ихъ обязанностямъ, вызывалъ такую непроизводительную растрату рекрутовъ, что ихъ набирали вдвое больше, нежели ихъ поступало въ ряды войска. Кромѣ этого прискорбнаго препятствія, задерживающаго быстрое развитіе военныхъ силъ, недостатокъ денежныхъ средствъ, производства вооруженій и необходимаго снабженія новыхъ частей, служили не малою помѣхой для согласованія дѣйствительнаго состоянія войска съ тѣмъ, который представлялся въ исчисленіяхъ, основанныхъ на *бумажныхъ* свѣдѣніяхъ. Кромѣ исчисленныхъ препятствій, нельзя упускать изъ вида, что при тогдашнемъ взглядѣ на *военную выправку*, на обученіе новобранцевъ, непроизводительно тратилось много времени для достиженія преувеличенной стройности, совершенно непримѣнимой на войнѣ, которая задерживала ихъ лишнее время въ мукѣ и наукѣ своею неумолимой строгостью, вызывающей новую убыль численнаго состава новобранцевъ... Этимъ объясняется, почему, несмотря на послѣдовательные наборы, на настойчивыя усилія Александра и на несомнѣнную добросовѣстность и усердную дѣятельность военнаго министра Барклай де-Толли, Россія могла выставить на своей западной границѣ къ веснѣ 1812 года, въ составѣ двухъ западныхъ и резервной арміи,—лишь немного болѣе 200.000 чел. и 960 орудій, которымъ предстояла трудная задача вынести ударъ болѣе 400-тысячной наступающей *великой арміи*.

Взятіе паспортовъ Куракинымъ. Разрывъ.

Выше было изложено, съ какимъ упорствомъ и развязностью Марэ, по приказанію Наполеона, уклонялся отъ настоятельствъ Куракина, желавшаго завязать переговоры объ устраненіи недоразумѣній, и какимъ образомъ, съ французской стороны, посылкой графа Нарбонна къ Александру пытались одновременно оттянуть начало военныхъ дѣйствій, въ ожиданіи подножнаго корма и въ надеждѣ узнать при посредствѣ этого ловкаго и проницательнаго царедворца дѣйствительное состояніе вооруженій и настроеніе умовъ въ русскомъ станѣ. Исходной точкой явно враждебныхъ отношеній между Россіей и Франціей нужно считать вызванную отчаяніемъ и униженіемъ безуспѣшности попытокъ добиться отъ Марэ вниманія, на которое Куракинъ въ качествѣ посла имѣлъ неотъемлемое право, просьбу выдачи паспортовъ, и поспѣшность, съ которой, несмотря на привѣтливый пріемъ Нарбонна въ Вильнѣ, поспѣшили его оттуда выпроводить съ увѣреніями непоколебимой рѣшимости не начинать войны, но отражать ее, не щадя никакихъ усилій и жертвъ. Въ ожиданіи неизбѣжнаго разрыва, оба императора выѣхали изъ своихъ столицъ, Александръ въ Вильну 9/21 апрѣля, куда пріѣхалъ 14/26, а Наполеонъ нѣсколько позже—въ Дрезденъ, 4/16 мая, чтобы оставить за Александромъ починъ появленія среди сосредоточеннаго на границѣ войска.

Личныя приготовленія Александра къ войнѣ.

Въ этой поѣздкѣ, сближающей императоровъ съ войсками, сосредоточенными для предстоящей борьбы, высказалось ихъ убѣжденіе готовности къ предстоящей войнѣ. Кромѣ напряженнаго умноженія и сосредоточенія военныхъ силъ и попытокъ обезпечить союзы и сочувствіе спорныхъ польскихъ странъ, Александромъ были еще предприняты особаго рода приготовленія, состоящія въ попыткахъ лично усвоить и развить въ себѣ научнымъ способомъ военныя способности, и привлечь на русскую службу иностранныхъ предводителей, въ которыхъ онъ признавалъ болѣе даровитости и на которыхъ возлагалъ больше надежды, нежели на сподвижниковъ Суворова и учениковъ этихъ сподвижниковъ. Опытъ съ Вейротеромъ и урокъ Аустерлица не успѣли его разочаровать въ пользѣ *гастролирующихъ* героевъ. Личное образованіе государь надѣялся пріобрѣсть при помощи познаній и уроковъ прус-

скаго полковника Пфуля, сухого и угловатаго обладателя военной премудрости, у котораго, по народному выраженію, умъ сошелся клиномъ, и къ тому же не одареннаго ни краснорѣчіемъ, ни убѣдительностью, но котораго поддерживалъ другой пришлый нѣмецъ, полковникъ Вольцогенъ, очень ловкій и рѣчистый, который, конечно, не принесъ никакой существенной услуги ни государю, ни государству, но не преминулъ впослѣдствіи приписать своему *плану* благополучный исходъ нашей отечественной войны: этотъ спаситель, въ числѣ многихъ другихъ, заявившихъ то же притязаніе, считаетъ себя изобрѣтателемъ спасительнаго отступленія, несомнѣнно оказавшагося *вынужденнымъ* огромнымъ превосходствомъ наступающихъ войскъ. Пфуль преподавалъ и навязывалъ *свой* образъ веденія угрожающей войны, въ которомъ, какъ во всякомъ совѣтѣ ограниченнаго ума, проявлялось суевѣрное пристрастіе къ случайному способу, оказавшемуся дѣйствительнымъ въ умѣлыхъ рукахъ Велингтона, примѣнившаго его съ успѣхомъ въ Торесъ-Ведрасъ, и достигнувшаго имъ безуспѣшности нашествія Массены на Португалію. Пфулю было достаточно этого благопріятнаго случая, чтобы создать *законъ*, и носиться съ нимъ, подобно Вейротеру съ его обходнымъ движеніемъ, и тому подобными *панацеями*, которыми тупицы мнятъ замѣнить творческое дарованіе и находчивость въ огнѣ. Уроки Пфуля повели къ расчлененію безъ того недостаточно многочисленнаго русскаго войска, и къ созданію безполезнаго и явно слабаго Дрисскаго лагеря, жалкаго подражанія Торесъ-Ведрасу.

Кромѣ неудачныхъ уроковъ Пфуля и изобрѣтателей разныхъ плановъ, у Александра, передъ началомъ борьбы съ Наполеономъ, проявлялась явная наклонность оказывать излишнее снисхожденіе разнымъ искателямъ счастья, въ родѣ итальянскаго самозваннаго маркиза Паулуччи, никогда ничѣмъ себя не ознаменовавшаго, и ему подобныхъ личностей, включительно до приглашенія несомнѣнно почтеннаго и даровитаго бывшаго прусскаго министра барона Штейна, которому, вслѣдствіе его совершеннаго незнанія страны и ея языка, ничего нельзя было ни поручить, ни довѣрить въ Россіи, и вся дѣятельность

котораго ограничивалась сношеніями съ высокопоставленными лицами и полученіемъ не менѣе высокаго оклада. Насколько въ этомъ слишкомъ широкомъ гостепріимствѣ иностранцевъ мнимо полезныхъ (какъ Винценгероде) и явно безполезныхъ, какъ Пфуль, и многихъ другихъ, проявлялась наклонность Александра подкупать общественное сочувствіе западныхъ странъ, и насколько въ немъ высказывалось недовѣріе къ своимъ соотечественникамъ, трудно рѣшить, но еще труднѣе русскому народному чувству помириться съ этими явленіями. Въ то время, когда Сперанскій подвергался гоненіямъ, а Кутузовъ, такъ сказать, держался *въ черномъ тѣлѣ*, государь выписывалъ ни къ чему не примѣнимаго барона Штейна, и предлагалъ предводительство русскихъ войскъ, въ роковую годину, угрожающую гибелью отечеству, наслѣдному шведскому принцу (въ письмѣ 17 іюня 1812 г.), не отличавшемуся, въ качествѣ маршала Бернадота, особенными военными дарованіями, ни вѣрностью къ своему бывшему отечеству, въ качествѣ шведскаго принца. Это предложеніе было не первымъ; прежде него Александръ желалъ поручить предводительствованіе русскихъ войскъ извѣстному французскому генералу и изгнаннику Моро.

Пребываніе въ Вильнѣ. 14 апрѣля государь пріѣхалъ въ Вильну, въ которой власти и мѣстное дворянство сдѣлали ему торжественную и пышную встрѣчу, и среди которой, благодаря присутствію управленія собранныхъ въ краѣ войскъ, и вниманію, оказываемому Александромъ мѣстному польскому дворянству, установился оживленный и свѣтскій образъ жизни. Здѣсь сосредоточивалось главное управленіе 1-ой западной арміи, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая де-Толли,—самой многочисленной изъ трехъ армій, предназначенныхъ для отраженія наполеоновскаго нашествія, состоящей изъ 120.000 чел. Вторая армія, подъ начальствомъ князя Багратіона, имѣла менѣе 40.000 чел., а третья резервная Тормасова нѣсколько болѣе этого числа. Повидимому, Александръ не имѣлъ достаточно точныхъ свѣдѣній о численности наполеоновскихъ войскъ, или не довѣрялъ этимъ свѣдѣніямъ, такъ какъ ни изъ распоряженій его во время, предшествующее началу военныхъ дѣйствій, ни въ его образѣ жизни въ Вильнѣ, нельзя усмотрѣть той

неизбѣжной озабоченности, которую должно было вызвать наступленіе войска вдвое сильнѣйшаго нашего, предводимаго первымъ полководцемъ новѣйшихъ временъ.

Довольно долговременное—двухмѣсячное пребываніе государя въ Вильнѣ, въ средоточіи войскъ, предназначенныхъ для отраженія французскаго нашествія, не только не имѣло большаго значенія для установленія твердаго взгляда на руководство и образъ веденія войны, но даже на выясненіе въ глазахъ Александра достоинствъ и недостатковъ его сподвижниковъ, въ виду ожидаемыхъ отъ нихъ боевыхъ подвиговъ, или подготовленности войска въ томъ же боевомъ отношеніи. Смотры и парады служили для оцѣнки *выправки* и стройности частей, и если государь провозгласилъ 3-ю дивизію, Коновницына, лучшею во всемъ войскѣ, то это только значило, что она болѣе всего отличалась въ *парадированіи*. Проявленіе гатчинской *муштры* поглощало Константина Павловича въ духѣ майскаго парада передъ борьбой съ Наполеономъ, какъ это съ нимъ случалось передъ смотромъ на Царицыномъ лугу. Свѣтская жизнь, привлеченіе польскаго общественнаго мнѣнія и любезности съ польскими дамами, вмѣстѣ съ парадами, значительно заслоняли тяжелую торжественность наступающаго испытанія. Двѣ опорныя точки несомнѣнно были незыблемо усвоены Александромъ: онъ твердо рѣшился истощить всѣ средства борьбы и не терпѣть дальнѣйшаго униженія отъ возмутившаго его гордость и растерзавшаго его самолюбіе Наполеона. Но твердаго и сознательнаго взгляда на способъ веденія войны, на приспособленность войска и его предводителей къ опредѣленному способу, наконецъ, на согласованіе всѣхъ приготовленій къ такъ называемому плану—ничего этого нельзя обнаружить въ распоряженіяхъ государя. Приписываемой ему рѣшимости ослабить и истощить наступающую громаду продолжительнымъ отступленіемъ и разоренiемъ края противорѣчатъ всѣ заготовленія продовольствія, нагроможденныя въ западномъ краѣ, а также неоднократно повторенныя напоминанія Барклаю о принятіи рѣшительнаго сраженія.

Отсутствіе руководства Александра

Нельзя также придавать большого значенія его довѣрію къ дѣйствительности Пфулевской затѣи Дрисскаго укрѣпленнаго (но не крѣпкаго) лагеря, и къ возможности поставить наступающихъ въ затруднительное положеніе отступленіемъ главныхъ силъ передъ этимъ лагеремъ, сохраняя противъ его праваго крыла угрожающаго ему Багратіона съ незначительными силами. Въ исканіи болѣе *просвѣщенныхъ* совѣтовъ и совѣтниковъ среди пришельцевъ, Александръ могъ временно поддаваться обаянію просвѣщенныхъ увѣщаній, при помощи своей свѣтской податливости и малодушной готовности уничиженія своихъ соотечественниковъ; но тѣ же слабости, которыя дѣлали его доступнымъ этой заразѣ, оставляли ее поверхностной: ни Дрисскій лагерь, ни Пфулевская стратегія не заслужили его упорной защиты, и были легко принесены въ жертву. Въ этомъ направленіи, нѣсколько поверхностное отношеніе государя къ выбору рѣшительныхъ пріемовъ защиты отечества не имѣло пагубнаго дѣйствія на ходъ дѣла; въ вопросѣ же выбора верховнаго предводителя всего ополченія, противоставленнаго нашествію, благоразумная осторожность Бернадота, отклонившая незаслуженную *любезность* Александра, а впослѣдствіи слишкомъ явно высказавшееся общественное мнѣніе, оградили Россію отъ послѣдствій пристрастія государя къ пришельцамъ и его нежеланія признанія туземныхъ дарованій и ихъ приспособленности къ тѣмъ услугамъ, которыхъ у нихъ требовали условія страны и народные нравы.

У Александра не только не было дарованія отмѣчать способности въ зародышѣ и способствовать развитію полезной дѣятельности даровитыхъ людей, у него не было даже умѣнія уживаться съ ними и руководить ихъ дѣятельностью; такихъ людей онъ склоненъ былъ строже судить за ихъ недостатки, нежели мерзости или пошлости людей менѣе одаренныхъ. Слабости Кутузова, заносчивость Сперанскаго не могли искупиться ихъ исключительными умами и заслугами, а нагло самодурныя выходки Ростопчина и заносчивыя бредни Чичагова находили въ немъ сочувствіе. Этимъ объясняется его склонность искать предводителя въ народной войнѣ въ сугубомъ иноземцѣ, шведскомъ французѣ, въ хвастливомъ и лукавомъ Бернадотѣ, съ которымъ онъ воспроизводилъ басню Крылова Кукушки и Пѣтуха,

въ то время когда въ рядахъ русскихъ войскъ были такіе одаренные предводители, какъ свѣтлый умомъ Кутузовъ, самоотверженно-дѣятельный и твердый рыцарь Барклай, находчивый и прозорливый Бенингсенъ и зоркій орелъ въ опасномъ бою—Багратіонъ. На время прославившійся своимъ счастіемъ и дарованіями Доврэ и Дибича Витгенштейнъ не успѣлъ еще выдвинуться, но не могъ равняться своими дарованіями ни съ однимъ изъ названныхъ выше генераловъ.

Наполеонъ въ Дрезденѣ.

Въ то время, когда Александръ любовался стройной выправкой своихъ войскъ и очаровывалъ въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ поляковъ и полекъ, твердо рѣшившись не поддаваться ненасытной требовательности честолюбія Наполеона, но вполнѣ сознавая опасность своего сопротивленія (за исключеніемъ провѣрки численности враговъ, на счетъ которой онъ заблуждался), его соперникъ наслаждался въ Дрезденѣ, среди трудовъ и заботъ приготовленій къ походу въ Россію, нѣсколько театральнымъ изображеніемъ величія и всемогущества, въ которомъ этотъ точный и положительный геній искалъ какъ бы свидѣтельства своего величія. Среди пышнаго гостепріимства, оказываемаго въ дворцѣ добродушнаго и податливаго саксонскаго короля, Наполеонъ, сопровождаемый Маріей-Луизой и чествуя австрійскую императорскую чету, старался не только изображать повелителя вселенной, какимъ его можно себѣ представить въ духѣ латинскихъ преданій, и какого онъ изображалъ обычно въ Тюльери, но еще и благовоспитаннаго и любезнаго хозяина, обратившаго саксонскій дворъ въ собственный. Этотъ непривычный ему подвигъ былъ вынужденъ въ немъ желаніемъ не уронить себя передъ умной, тонкой, хилой и отзывчивой австрійской императрицей, ради которой его угрюмость въ свѣтскомъ обществѣ и рѣзко повелительные пріемы уступали мѣсто любезностямъ, которыми онъ хвалился, утверждая, что они достойны обворожительнаго Нарбонна. Это позднее испытаніе кесаря, выдвинувшагося изъ скромныхъ рядовъ войска, въ способности изображать кровнаго и не сомнѣвающагося въ своемъ обаяніи властелина, не опасающагося его уронить излишней любезностью (Людовикъ XIV снималъ шляпу при встрѣчѣ всякой женщины), это позднее испытаніе незыблемо установившагося

величія было, по злой игрѣ судьбы, первымъ и послѣднимъ его несомнѣннымъ проявленіемъ. Въ Дрезденъ явились на поклоненіе Наполеону властители половины Европы, но это торжество было послѣднимъ его торжествомъ, вслѣдъ за которымъ послѣдовалъ рядъ испытаній и неудачъ, въ концѣ котораго торжествователю, пышно вступавшему побѣдителемъ въ большинство столицъ Европы, угрожала пустынная и опаленная знойнымъ солнцемъ скала среди безбрежнаго океана!..

Когда къ торжествующему въ Дрезденѣ Наполеону явился Нарбоннъ съ отвѣтомъ Александра, обнаруживающимъ несомнѣнную рѣшимость (подтвержденную объясненіями Нарбонна) предпочесть отчаянную борьбу уступчивости требованіямъ своего соперника, Наполеонъ воскликнулъ: «хотятъ войны, я буду воевать» (on veut la guerre—je la ferai) и отправился 16/28 мая въ Позенъ для ускоренія ея. Здѣсь онъ занялся возбужденіемъ польскаго народнаго чувства, оставаясь загадочно сдержаннымъ въ смутныхъ обѣщаніяхъ, относящихся къ будущей судьбѣ мечтающаго о всецѣломъ своемъ возрожденіи народа, а оттуда направился чрезъ Данцигъ въ Кенигсбергъ для приведенія въ движеніе наступающаго полумилліоннаго войска. Въ Данцигѣ были заготовлены огромные запасы для продовольствія этого войска, и отсюда предполагалось ихъ направлять воднымъ путемъ до Вильны, потому только что послѣдній городъ находился на несудоходномъ притокѣ Нѣмана, а въ соображеніяхъ Наполеона карты точно такъ же, какъ цифры, приводили къ прямолинейнымъ, безусловнымъ заключеніямъ.

Начало наступленія Наполеона.

Въ своихъ предположеніяхъ, императоръ французовъ разсчитывалъ нагрянуть на Россію всею громадой надвинутыхъ къ ея предѣламъ войскъ, обильно снабженныхъ и оборудованныхъ, не растративши тщательно накопленныхъ заготовленій, предоставляя проходящимъ чрезъ союзныя страны войскамъ жить на счетъ страны (vivre au dépens du pays) по его живописному выраженію. Войскамъ приходилось проходить чрезъ изнуренныя и обглоданныя его же непомѣрными требованіями мѣста, и потому снабженіе всѣмъ необходимымъ осуществлялось не безъ труда, насилій и обидъ; жители страны, давно воз-

бужденные, приводились въ крайнее ожесточеніе противъ французовъ, въ то время какъ послѣдніе привыкали къ распущенности и насиліямъ, вызываемымъ этой *хищнической* жизнью.

Наполеонъ, несравненно точнѣе Александра извѣщенный о численности и расположеніи войскъ своего противника, направлялъ свои войска уступами, идя во главѣ передового и сильнѣйшаго на Ковно, и назначая слѣдующіе два, нѣсколько отстающіе на юго-западѣ, 80.000-ые уступы вице-короля Евгенія Богарнэ и короля Вестфальскаго Іеронима, для разъединенія частей русскаго войска, находящагося подъ начальствомъ Барклая и Багратіона, которыя такимъ образомъ должны были оказаться каждая отдѣльно охваченной вдвое сильнѣйшими французскими силами, которыя такимъ превосходствомъ должны были неизбѣжно достигнуть рѣшительной поверхности. Удачей этихъ соображеній предполагалось разрѣшить задачу однимъ сокрушительнымъ ударомъ, обезоруживъ сопротивленіе Россіи, вынужденной безусловно подчиниться требованіямъ побѣдителя. Предположенія эти опирались на правильной оцѣнкѣ невыгоднаго расположенія слишкомъ вдвое слабѣйшаго русскаго войска, предназначеннаго исполнять своеобразныя предположенія Пфуля отступленія Барклая въ мнимо неприступный Дрисскій лагерь, въ то время какъ Багратіонъ, съ войскомъ въ нѣсколько кратъ слабѣйшимъ двухъ вторыхъ уступовъ французскаго нашествія, долженъ былъ *угрожать* ему нападеніемъ.

Ни предусмотрительная распорядительность Наполеона, ни распоряженія, вызванныя ослѣпленіемъ относительно численной силы наступающаго врага, ни дѣйствительность произвольно придуманнаго, на основаніи узкихъ соображеній скудоумнаго Пфуля, хода военныхъ дѣйствій—ничего этого не осуществилось—и борьба Россіи за независимость приняла Промысломъ предназначенное теченіе, отстоявшее ея честь и величіе и сокрушившее могущество Наполеона.

Средства обороны Россіи.

Въ ожиданіи нашествія, русскія войска, отчасти по неизвѣстности, откуда именно оно нагрянетъ, были очень растянуто расположены вдоль западной границы, отъ Рос-

сіенъ до Минска, на протяженіи 500 верстъ. Главные два отдѣла, такъ называемыя 1-я и 2-я западныя арміи, въ числѣ около 160.000 человѣкъ, которымъ собственно было предназначено исполненіе Пфулевскаго предначертанія, находились между Россіенами и Новымъ Дворомъ, на разстояніи 300 верстъ, и такимъ образомъ находились противоставленными тремъ главнымъ отдѣламъ *великой арміи*, самого Наполеона въ 220.000, Евгенія въ 80.000 и въ 80.000 Іеронима. Такое явное превосходство его силъ и рядъ блестящихъ для него и сокрушительныхъ для враговъ успѣховъ могутъ служить объясненіемъ, если не оправданіемъ тому самохвальному и самонадѣянному объявленію Наполеона своимъ войскамъ, которымъ сопровождался переходъ черезъ Нѣманъ его главныхъ силъ 12/24 іюня 1812 г. у Понѣмуни противъ Ковно.

Начало наступленія было рѣшено въ Дрезденѣ, но по пути къ границѣ было получено извѣщеніе о непринятіи французскаго посла Лористона въ Вильнѣ, куда онъ намѣревался отправиться для дальнѣйшихъ объясненій съ государемъ, что рядомъ съ настоятельнымъ требованіемъ Куракинымъ въ Парижѣ паспортовъ послужило для императора французовъ предлогомъ признать русскихъ зачинщиками, и провозгласить о своемъ нашествіи въ слѣдующихъ кичливыхъ выраженіяхъ, которымъ исходъ этого нашествія далъ такое ѣдкое для Наполеона и утѣшительное для Россіи опроверженіе. «Солдаты! Вторая польская война началась! Первая кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила эту клятву! Она отказывается объяснить свои странныя дѣйствія, пока французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, предоставя ей въ жертву нашихъ союзниковъ. Россія увлечена рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Она предлагаетъ намъ безчестіе либо войну: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ впередъ! Перейдемъ чрезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи. Вторая польская война будетъ славна для Франціи столько же, сколько и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ полувѣковое кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

Въ то время когда французами наводились мосты на Нѣманѣ, и начался переходъ ихъ главныхъ силъ чрезъ границу, подъ Вильной, въ загородной усадьбѣ ген. Беннингсена, Закретѣ, праздновался балъ, даваемый русскими генералъ-адъютантами государю, которому среди пляса было сообщено, въ ночь съ 12 на 13 число, министромъ полиціи генераломъ Балашевымъ, роковое извѣстіе объ этомъ переходѣ, началѣ Отечественной войны. По желанію государя, это извѣстіе было скрыто отъ веселящихся на праздникѣ, въ которомъ онъ продолжалъ принимать участіе, сохраняя по внѣшности соотвѣтствующее настроеніе, послѣ чего возвратился въ Вильну, гдѣ посвятилъ бо́льшую часть ночи на принятіе необходимыхъ мѣръ, вызванныхъ нашествіемъ.

Вильна во время перехода французовъ чрезъ Нѣманъ.

Первымъ и самымъ неотложнымъ распоряженіемъ было данное отдѣльнымъ корпусамъ Барклаева войска приказаніе отступленія и сосредоточенія по направленію къ Дрисскому лагерю въ Свенцянахъ. Этими корпусами начальствовали, 1-мъ графъ Витгенштейнъ, 2-мъ Багговутъ, 3-мъ Тучковъ, 4-мъ гр. Шуваловъ, замѣненный впослѣдствіи гр. Остерманомъ, и 6-мъ Дохтуровъ. Сосредоточеніе представляло значительное затрудненіе по разсѣянности корпусовъ, въ особенности для двухъ крайнихъ изъ нихъ, Витгенштейна и Дохтурова. Перечисляя имена этихъ генераловъ, невольно вызываются въ памяти потомства воспоминанія о беззавѣтной, самоотверженной службѣ высокому призванію защиты отечества и громкихъ воинскихъ подвигахъ, и потому ему невольно кажется несправедливымъ то недовѣріе къ дарованіямъ своихъ сподвижниковъ, которое не разъ высказывалось у Александра. Въ арміи Багратіона корпусами начальствовали Бородинъ и Раевскій, изъ которыхъ только второму удалось пріобрѣсть заслуженную извѣстность. Начальники конныхъ корпусовъ не могли вліять на рѣшительный успѣхъ военныхъ дѣйствій, и главная ихъ заслуга поневолѣ ограничивалась вначалѣ стойкимъ отпоромъ и стройнымъ отступленіемъ передъ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ.

Начало отступленія и сосредоточенія войска.

Въ этихъ первыхъ распоряженіяхъ государя какъ бы проявлялось еще желаніе примѣненія пфулевскаго *плана*, въ томъ отношеніи, что войскамъ Барклая было указано

отступленіе къ Дриссѣ, а Багратіоновскимъ и казачьимъ полкамъ Платова предписывалось ударить въ сторону наступающимъ французамъ, что явно доказываетъ, что у него не было вѣрныхъ свѣдѣній о силѣ наступающаго непріятеля.

Отправка Балашова къ Наполеону.

Одновременно съ распоряженіями о первоначальномъ направленіи войскъ передъ нашествіемъ, государь какъ бы сдѣлалъ попытку его остановить. Говоримъ, какъ бы сдѣлалъ, потому что трудно вѣрить, чтобы этой попыткѣ придавалось какое-нибудь другое значеніе, кромѣ тѣхъ свѣтскихъ оговорокъ, очень любезныхъ по внѣшности, которыми сопровождаются, по принятому обычаю, ни въ чемъ несогласныя съ этими любезностями дѣйствія. Отправляя Балашова къ Наполеону, послѣ отказа принять Лористона, съ порученіемъ устранить войну согласіемъ отступленія французовъ обратно за Нѣманъ, Александръ не могъ придавать этой попыткѣ никакого вѣроятія успѣха, точно также какъ было неосновательно высказанное имъ Балашову предположеніе, что такимъ *несообразнымъ* съ положеніемъ и нравомъ Наполеона предложеніемъ онъ ярко засвидѣтельствуетъ передъ Европой свое миролюбіе.

Поѣздка министра полиціи въ лагерь наступающаго французскаго императора была сопряжена съ немалыми затрудненіями и со всѣми особенностями той обстановки, которыя неизбѣжно нужно было испытать во французскомъ станѣ: ему удалось увидѣть Наполеона, послѣ нѣсколькихъ дней скитаній съ французами, только 18-го въ Вильнѣ, въ томъ же самомъ кабинетѣ, въ которомъ его наряжалъ въ эту поѣздку Александръ. До вступленія императора французовъ въ покинутую русскими литовскую столицу, Балашову пришлось находиться у суроваго Даву, повстрѣчаться съ неаполитанскимъ королемъ Мюратомъ и наслушаться его столь же любезной, какъ и легкомысленной болтовни, и только отъ Наполеона выслушать что-нибудь, относящееся къ цѣли его поѣздки; но все сказанное Наполеономъ было исполнено такимъ высокомѣріемъ и такою увѣренностью въ успѣхѣ, что не могло быть тѣни сомнѣнія въ совершенной безполезности его посылки во французскій станъ. Наполеонъ старался

доказать, что вся слава царствованія Александра была въ связи съ согласіемъ и союзомъ съ нимъ; что всѣ успѣхи этого царствованія были плодомъ милостей, оказанныхъ французскимъ императоромъ... Были также настойчивыя указанія на его точное знакомство съ несомнѣннымъ численнымъ недостаткомъ русскаго войска, противоставленнымъ его 550.000-ой великой арміи; но объ отступленіи ея, конечно, не могло быть рѣчи, и самое предложеніе его справедливо было оцѣнено Наполеономъ, замѣтившимъ, что такое предложеніе было бы умѣстнымъ только послѣ одержанія рѣшительной надъ нимъ побѣды. Онъ строго порицалъ Александра за доступность его всякимъ иностраннымъ проходимцамъ, за вмѣшательство его въ руководство военными дѣйствіями, и вмѣстѣ съ этимъ старался увѣрить Балашова въ своемъ личномъ расположеніи и благожелательствѣ къ его государю, о которомъ онъ сожалѣлъ, считая его подъ вліяніемъ недостойныхъ пришельцевъ совѣтниковъ, которые ведутъ его не по направленію народныхъ сочувствій, и подвергаютъ его всѣмъ опаснымъ послѣдствіямъ негодованія соотечественниковъ, испытаннымъ его предшественниками.

Несомнѣнно, что охотно-многорѣчивый Наполеонъ наговорилъ много безполезнаго и неумѣстнаго Балашову, который ни въ какомъ случаѣ не могъ служить дѣйствительнымъ проводникомъ того вліянія, которое онъ какъ бы старался воскресить надъ Александромъ; и въ этомъ случаѣ онъ впалъ въ ту же ошибку какъ и его соперникъ, невольно ставя такую сомнительную и подначальную личность какъ Балашовъ какъ бы судьей ихъ недоразумѣній съ Александромъ. О двухъ разговорахъ посланца Александра съ императоромъ французовъ, кромѣ донесеній Балашова, имѣются указанія французскаго историка Вандаля, заимствованныя изъ неизданныхъ записокъ Коленкура, и вполнѣ подтверждающія ту горячность и пристрастіе, съ которыми Наполеонъ излагалъ передъ Балашовымъ неосновательность и гибельную опасность сопротивленія Александра его требованіямъ. Эта заносчивость вызвала со стороны нашего министра полиціи, по его увѣреніямъ, два очень мѣткихъ и язвительныхъ отвѣта: на удивленіе Наполеона многочисленности церквей въ Москвѣ, не соот-

вѣтствующей всеобщему современному охлажденію къ церкви, онъ мѣтко ему указалъ на Испанію, въ которой усердіе къ церкви такъ же мало охладѣло какъ и въ Россіи; а на распросы Наполеона о пути въ Москву, онъ отвѣтилъ, что дорогъ много, и что Карлъ XII пошелъ на Полтаву... Такіе отвѣты, если они не были придуманы послѣ разставанія съ императоромъ французовъ (что у послѣднихъ называется — esprit de l'escalier), несомнѣнно свидѣтельствуютъ о смѣлости и находчивости Балашова, но конечно ни къ чему не могли служить въ его безцѣльномъ порученіи, и тѣмъ менѣе способствовать податливости Наполеона. Объ этихъ отвѣтахъ нѣтъ слѣдовъ во французскихъ источникахъ. Послѣ пріема, обѣда у него и послѣ-обѣденнаго новаго разговора, русскаго генерала отправили обратно съ письмомъ, ни къ чему не послужившимъ какъ и свиданіе, ибо въ обоихъ представился лишь новый случай къ многорѣчивымъ разглагольствованіямъ повелителя *великой арміи* и болѣе или менѣе вѣроятному отпору, данному русскимъ посланцемъ его нападеніямъ на нашего государя!

Впередъ можно было предсказать, что поѣздка Балашова къ Наполеону не произведетъ никакого вліянія на наступательное движеніе французскихъ войскъ, дѣйствіе которыхъ замедлялось собственной громадой, не соразмѣрной со средствами, которыя могли доставляться и собираться въ проходимомъ краѣ для нуждъ такихъ непомѣрныхъ полчищъ. Русскія заготовленія истреблялись при отступленіи, потому французское войско, вскорѣ послѣ вступленія въ наши предѣлы, испытало лишенія, вызвавшія замедленіе его наступленія, и побудившія искать удовлетворенія потребностей войска мародерствомъ, послужившимъ источникомъ упадка порядка и поводомъ разброда значительной части его состава. Дождливая погода увеличила затрудненіе наступленія, которое было задерживаемо не только этими обстоятельствами, но и заботами Наполеона о привлеченіи Литвы къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, и о водвореніи у нея мѣстнаго правительства подъ надзоромъ французскихъ чиновниковъ, при помощи которыхъ онъ разсчитывалъ извлечь изъ возставшаго бы противъ чествуемаго наканунѣ Александра

края, хлѣба и новобранцевъ для усиленія тяжести наступленія. Заботы объ упорядоченіи обезпеченія наступающаго войска и о вовлеченіи поляковъ въ нашествіе, безъ обезпеченія имъ исполненія всѣхъ ихъ желаній и требованій, какъ въ этомъ пришлось убѣдиться явившейся къ нему въ Вильну изъ Варшавы депутаціи, удержало Наполеона въ столицѣ Литвы 18 дней, и это промедленіе значительно ослабило дѣйствительность удара, который могло бы нанести войско, направленное противъ вдвое слабѣйшаго Барклая. Отсутствіе французскаго императора въ лагерѣ первое время наступленія, и неизбѣжное, вслѣдствіе этого, отсутствіе его властнаго и бдительнаго руководства для согласованія дѣйствія всѣхъ наступающихъ частей, много послужило благополучному отступленію и соединенію разсѣянныхъ частей Барклаева войска, изъ котораго только одинъ конный отрядъ ген. Дорохова не могъ примкнуть къ своему корпусу (гр. Витгенштейна), но все же успѣлъ пробраться среди наступающихъ французскихъ отрядовъ до войска Багратіона, съ которымъ благополучно соединился. Большое затрудненіе испыталъ крайній на южной оконечности корпусъ Дохтурова; но этотъ примѣрно исполнительный начальникъ успѣлъ настоящимъ *суворовскимъ маршемъ* обойти непріятельскіе отряды и примкнуть къ остальнымъ частямъ 1-ой западной арміи.

Такимъ образомъ, исполненіе перваго передвиженія нашихъ войскъ передъ угрожающимъ превосходствомъ наступающаго врага произошло стройно, безъ опасныхъ ошибокъ ихъ предводителей, предполагаемыхъ государемъ уступающими въ дарованіяхъ французскимъ маршаламъ, которые нигдѣ не показали бо́льшей находчивости или распорядительности, нежели наши корпусные начальники.

Прежде нежели перейти къ изложенію хода военныхъ дѣйствій, слѣдуетъ сообщить, въ какомъ настроеніи и въ какой обстановкѣ приступилъ Александръ къ борьбѣ, къ которой онъ готовился и которой опасался, считая ее въ то же время неизбѣжной.

Временное единеніе Александровскаго честолюбія съ народнымъ.

Въ рѣшительную борьбу съ Наполеономъ, Александръ несомнѣнно вносилъ свои личные съ нимъ счеты и свое мстительное, уязвленное самолюбіе; но вслѣдствіе установленныхъ тильзитскимъ соглашеніемъ отношеній между Франціей и Россіей, пытаясь выместить личныя обиды и униженія, онъ невольно сдѣлался защитникомъ независимости и потребностей своего отечества. Для успѣха борьбы, угрожающаго значенія которой онъ не могъ не признавать, наученный горькимъ опытомъ, Александръ считалъ необходимымъ вызвать самое горячее и завѣтное сочувствіе народнаго сознанія и усердія въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ. Для склоненія общественнаго мнѣнія, онъ не усомнился пожертвовать Сперанскимъ и назначить на его мѣсто Шишкова, стараго адмирала, ничѣмъ себя не ознаменовавшаго въ качествѣ моряка, но выставившаго себя особымъ ревнителемъ условной чистоты русскаго языка въ церковно-славянскомъ оттѣнкѣ, послѣдователемъ исключительно старо-русскаго направленія въ сочувствіяхъ и взглядахъ,—нѣчто въ родѣ общественнаго старовѣра, воюющаго за русскую исключительность, но женатаго на англичанкѣ, и болѣе близкаго, по образу жизни, цѣлямъ словеснаго, нежели общественнаго движенія. Шишковъ былъ несомнѣнно честный и правдивый человѣкъ, и если выборъ его государственнымъ секретаремъ и не былъ вполнѣ удачнымъ, такъ какъ онъ никогда не исполнялъ дѣйствительныхъ обязанностей своей должности, то рядомъ съ этимъ несомнѣнно, что его пребываніе въ Вильнѣ и Дриссѣ оказалось полезнымъ, вслѣдствіе его участія въ ободреніи народнаго настроенія и совѣта, даннаго государю, удалиться изъ лагеря и примѣнить свое обаяніе и приверженность своихъ подданныхъ для возбужденія народнаго духа и усердія.

Назначеніе Шишкова и его вліяніе.

Образъ дѣйствій государя во все теченіе послѣдней борьбы съ Франціей носитъ постоянное отраженіе его пристрастія къ дѣятельности *для* Европы и *передъ* Европой, и умѣнія подкупать нѣкоторыми внѣшними пріемами восторженное сочувствіе своихъ соотечественниковъ, соблюдая обрядную сторону своихъ царственныхъ обязанностей. Отъѣзжая въ Вильну къ дѣйствующему войску, Александръ присутствовалъ при напутственномъ молебствіи

митрополита Амвросія въ Казанскомъ соборѣ, но взялъ съ собой Армфельда, Штейна, Пфуля и нѣсколько нѣмецкихъ принцевъ въ составъ сопровождавшихъ его лицъ въ дѣйствующее войско. Въ Вильнѣ, кромѣ смотровъ и увеселеній и безплоднаго пріема Нарбонна, онъ былъ повидимому менѣе озабоченъ уясненіемъ размѣра угрожающаго ему войска и опасности, нежели сближеніемъ съ польскимъ обществомъ и очарованіемъ его представителей, и въ особенности представительницъ. Во все это время, ничего не было сдѣлано для выясненія цѣлесообразности пресловутаго пфулевскаго плана, или замѣны его въ случаѣ необходимости соображеніями объ иномъ направленіи способа веденія войны. Такое безпечное, исключительно *представительное* отношеніе къ грозной злобѣ дня продолжалось до роковой ночи, когда веселящійся на балѣ государь узналъ отъ Балашова о переходѣ французами Нѣмана. Немедленно по полученіи этого извѣстія, одновременно съ посылкой Балашова во французскій лагерь и распоряженіями о сосредоточеніи по направленію къ Дриссѣ разсѣянныхъ корпусовъ, было поручено Шишкову составленіе приказа по войскамъ и рескрипта петербургскому главнокомандующему, фельдмаршалу графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы. Знаменательно, что въ этихъ двухъ сообщеніяхъ, кромѣ призыва къ усердію, находились нѣкоторыя объясненія отношеній къ Наполеону и его ничѣмъ не вызваннаго нападенія, какъ бы призывая войска и подданныхъ въ судьи правоты своей. Для приданія большей торжественности этимъ воззваніямъ, Шишковъ включилъ въ ихъ составъ нѣсколько торжественныхъ возгласовъ на условно славянскомъ языкѣ. Въ заключеніи приказа сказано: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ объ ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ!» Въ рескриптѣ къ Салтыкову, кромѣ ссылки на безпричинность французскаго нападенія и призванія народа къ твердой и мужественной оборонѣ отечества, въ заключеніи имѣются тѣ знаменательныя слова, которымъ вполнѣ соотвѣтствовала послѣдующая дѣятельность государя, составляющая

неопровержимую его заслугу передъ народомъ и потомствомъ. Вотъ это заключеніе: «Охраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ не единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Точно также какъ Шишкову принадлежатъ честь и заслуга найти тѣ выраженія и тѣ пріемы, которые должны были привести государя къ сближенію и единенію съ народнымъ чувствомъ, послужившимъ возбужденію его рѣшимости къ величайшимъ жертвамъ и непреклонной борьбѣ, ему же повидимому нужно приписать заслугу внушенія Александру безполезности его пребыванія въ отступающемъ войскѣ, среди котораго его присутствіе стѣсняло самостоятельность распоряженій начальствующихъ лицъ и озабочивало ихъ опасеніемъ о безопасности государя.

Шишковъ нашелъ способъ провести свою смѣлую, достойную истиннаго *сына отечества*, мысль, и обезпечить ея успѣхъ, воспользовавшись сдѣланнымъ императоромъ предложеніемъ совѣщаться съ Аракчеевымъ и Балашовымъ, оказывая имъ этимъ исключительную довѣренность. Во время пребыванія въ дрисскомъ лагерѣ, Шишкову стало яснымъ, что пребываніе государя и его окружающихъ представляетъ особое стѣсненіе для главнокомандующаго, и онъ при помощи Балашова попытался повліять на Аракчеева, чтобы вызвать его сочувствіе къ необходимости удаленія государя изъ лагеря. Замѣчательно то отношеніе, въ которое тотъ поставилъ себя къ этому вопросу, выслушивая доводы Шишкова. Когда послѣдній взывалъ къ любви къ отечеству, къ необходимости сдѣлать все возможное для его спасенія, Аракчеевъ нагло отозвался, что ему нѣтъ дѣла до отечества; но что если его удостовѣрятъ въ томъ, что удаленіе государя необходимо для его личной безопасности, то онъ готовъ присоединиться къ ихъ мнѣнію, внушенному убѣжденіемъ, что всякая неудача въ присутствіи государя окажетъ бо̀льшее вліяніе на войско и народъ, нежели въ его отсутствіи, и что пребываніе его среди имперіи и мѣры, лично тамъ принятыя, должны возбудить къ общему вооруженію. Записка соотвѣтствующаго содержанія была представлена за подписью Шишко-

ва, Аракчеева и Балашова, и побудила Александра отправить въ Москву генералъ-адъютанта кн. Трубецкаго съ воззваніемъ къ Первопрестольной столицѣ и манифестомъ о всеобщемъ ополченіи, а самъ онъ отправился 7/19 іюля чрезъ Смоленскъ въ Москву. Въ Смоленскѣ, первомъ русскомъ городѣ по пути французскаго нашествія, государь успѣлъ въ одинъ день своего присутствія убѣдиться въ усердной готовности дворянства принести тяжелыя жертвы для защиты родины, когда чрезъ своего губернскаго предводителя Лесли оно заявило о желаніи выставить двадцать тысячъ и даже болѣе ополченія.

Государь покидаетъ лагерь, посѣщаетъ Смоленскъ.

Участіе Шишкова въ воззваніяхъ и въ склоненіи Александра къ отъѣзду изъ лагеря составляетъ единственную, но незабвенную заслугу Шишкова, во всю его службу въ должности государственнаго секретаря.

Немедленно послѣ сдѣланныхъ въ Вильнѣ распоряженій, государь выѣхалъ въ Свенцяны, въ которыхъ оставался четыре дня, въ то время когда корпуса Барклая отступали и сближались, а Багратіона и Платова получали предписаніе о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ, совершенно немыслимыхъ по ихъ численнымъ отношеніямъ. Часть русскаго войска оставалась подъ Вильной до 16 числа, когда приближеніе французскихъ отрядовъ побудило его отступленіе. Занятіемъ Вильны Наполеонъ оказался между войсками Барклая и Багратіона, и попытался воспользоваться этимъ для безвозвратнаго ихъ разобщенія. Не довольствуясь этимъ намѣреніемъ, онъ пытался также не допустить крайніе корпуса Барклая, Витгенштейна и Дохтурова, присоединиться къ нему. Для прегражденія пути Витгенштейну, была направлена конница Мюрата съ частью пѣхоты Даву; для задержанія Дохтурова была послана конница Нансути съ одной пѣхотной дивизіей. На перерѣзъ тому же Дохтурову направлялся Даву съ 50.000-нымъ корпусомъ, съ тѣмъ чтобы слѣдовать далѣе, соединиться съ войскомъ Вестфальскаго короля, направляющагося чрезъ Гродно, и дѣйствовать общими силами противъ Багратіона, противъ котораго Наполеонъ направлялъ еще Шварценберга, предписывая ему предоставить

Участіе государя въ походѣ.

отраженіеТормасова корпусу Ренье. На сѣверѣ, франко-прусскій корпусъ Макдональда былъ назначенъ для дѣйствій противъ Риги. Намѣреніе Наполеона отбросить Багратіона на югъ и истребить его малочисленное войско, высказанное имъ очень положительно (Barclay et Bagration ne se reverront plus), равно какъ и предположеніе ударомъ на лѣвое крыло Барклая оттѣснить его отъ сообщенія не только съ Багратіономъ, но и съ обѣими столицами, казалось, при огромномъ превосходствѣ его силъ и несомнѣнномъ превосходствѣ его дарованій надъ способностями Барклая, вполнѣ обезпеченнымъ; и несмотря на это ни одно изъ его предположеній и желаній не осуществилось, и заслуга этой неудачи несомнѣнно принадлежитъ преимущественно достоинству русскихъ войскъ и нѣкоторыхъ ихъ начальниковъ, но было облегчено той, небывалой для французскаго войска, малой подвижностью, которая обнаружилась въ походѣ на Россію (campagne de Russie) и была несомнѣннымъ слѣдствіемъ непомѣрнаго развитія его численности.

Первыя дѣйствія французовъ.

Наступающіе передовые отряды французовъ были удачно отражаемы у Витгенштейна Кульневымъ, у Дохтурова Бергомъ, и оба отдаленнѣйшіе корпуса успѣли сблизиться 19 іюня съ остальными около Свенцянъ. Исключеніемъ изъ этого удачнаго движенія составило невольное разъединеніе передового отряда корпуса Шувалова, который случайно не получилъ своевременно распоряженія, но благодаря распорядительности своего начальника генерала Дорохова успѣлъ проскользнуть среди наступающихъ французовъ и примкнулъ южнѣе у Воложина къ отряду Платова.

Громада наступающихъ французовъ начала настолько обнаруживаться во время ихъ напора на отступающее къ Свенцянамъ войско Барклая, что первоначальное намѣреніе наносить этой, еще не вполнѣ опредѣленной *громадѣ*, какія бы то ни было пораженія по пути ея наступленія войскомъ Багратіона, оказалось немыслимымъ, и пришлось поневолѣ отказаться отъ хитроумнаго пфулевскаго разъединенія двухъ армій, находящихся и безъ этого въ разъединеніи, и въ невыгодномъ численномъ отношеніи къ одной той части *наступленія*, которая находилась подъ личнымъ руководствомъ Наполеона. 20 числа войско Барклая про-

должало отступленіе къ Дриссѣ, а Багратіону съ Платовымъ было предписано направиться чрезъ Вилейку для соединенія съ первой арміей.

При передвиженіи къ Дриссѣ, благополучному отступленію русскихъ благопріятствовала знойная и дождливая погода, послужившая большимъ затрудненіемъ наступающему врагу, конница котораго не могла сберечь дурно содержанныхъ лошадей и потеряла ихъ огромное количество. Кромѣ этого неудобства, императоръ французовъ усложнилъ задачу наступленія и обхода, поручивши лѣвому крылу наступающихъ, подъ начальствомъ маршала Удино, взять крѣпость Динабургъ, неоконченную и невооруженную, и потому не заслуживающую отвлеченія силъ и вниманія отъ главной цѣли—обхода Барклая. Передовыя силы французовъ подъ начальствомъ Мюрата должны были довольствоваться тѣмъ, что войско Барклая, отступая къ Двинѣ у Дриссы, отдалялось отъ войска Багратіона, который не могъ съ своей стороны свободно дѣйствовать по указанному ему направленію, имѣя постоянную борьбу съ напирающими на него французами подъ начальствомъ Даву, вслѣдъ за которымъ, для его подкрѣпленія, былъ направленъ Іеронимъ Вестфальскій. Совокупность этихъ силъ настолько превосходила численностью войско Багратіона, что Александру слѣдовало бы цѣнить заслугу предводителя, спасшаго свое войско отъ возможнаго совершеннаго пораженія, и приведшаго его большимъ обходомъ въ Смоленскъ, а не порицать его передъ англичаниномъ Вильсономъ за то, что соединеніе произошло не по указанному имъ пути.

Дрисскій лагерь.

27 іюня 1-я западная армія вступила въ тѣсный, слабо укрѣпленный Дрисскій лагерь, угрожаемый близъ лежащими лѣсами, удобными для укрытія непріятеля, и еще болѣе угрожаемый неудобнымъ крутымъ отступленіемъ къ берегу Двины, на которой находились мосты, недостаточные для удобнаго отступленія, тогда какъ сама рѣка не лишена была близъ лежащихъ бродовъ, которыми могли бы воспользоваться превосходныя силы французовъ, чтобы окружить Барклая.

Жалкое исчадіе скудоумія Пфуля и пристрастія государя къ иноземнымъ совѣтникамъ не признавалось достаточнымъ оплотомъ, чтобы служить опорой русскимъ вой-

скамъ при защитѣ отечества ни Барклаемъ, ни другими генералами, и вышучивалось временнымъ начальникомъ штаба, маркизомъ Паулуччи. Всѣ сознавали, что пародія Торесъ-Ведраса могла обратиться въ западню, но никто не рѣшался сказать и доказать это Александру, до тѣхъ поръ покуда на это не рѣшился перешедшій на русскую службу сардинскій ниженерный полковникъ Мишо, доказавшій прежде свои военныя способности въ послѣдней турецкой войнѣ. Удостовѣрившись осмотромъ въ совершенной непригодности пфулевскихъ Ѳермопилъ, Мишо рѣшился доложить про это государю чрезъ князя Волконскаго. Одновременно съ этимъ донесеніемъ, вызвавшимъ личный осмотръ лагеря Александромъ, въ сопровожденіи Пфуля и другихъ приближенныхъ лицъ, который убѣдилъ его въ непригодности пфулевскихъ затѣй, государь, къ тому же побуждаемый дошедшими свѣдѣніями о движеніи значительныхъ силъ въ обходъ этого лагеря, собралъ военный совѣтъ, въ которомъ не преминулъ участвовать alter ego Пфуля Вольцогенъ, но гдѣ тѣмъ не менѣе было рѣшено покинуть Дрисскій лагерь, выступая къ Витебску.

Проявленія недовѣрія и довѣрія Александра.

Это рѣшеніе, которое послужило избавленіемъ хода военныхъ дѣлъ отъ направленія *школьной указкой* скудоумнаго нѣмца учителя, могло бы конечно съ легкостью предупредиться своевременнымъ осмотромъ лагеря въ досужее время, потраченное въ Вильнѣ на парады, ухаживанія и балы; но хотя и поздно предпринятое, все же оно должно быть съ благодарностью упомянуто признательнымъ потомствомъ, ибо избавило русское войско отъ вѣроятной гибели. Но нельзя вспомнить безъ сожалѣнія той придворной обстановки, при которой всякое правдивое и нѣсколько смѣлое сообщеніе легче и съ большимъ вѣроятіемъ достигало вниманія у государя, если оно исходило отъ иноземца. Это не было конечно правиломъ безъ исключія, но несомнѣнно одно, что личная гордость и самолюбіе Александра были въ немъ щекотливѣе, нежели народныя гордость и чувство, и потому онъ болѣе возмущался прямодушнымъ заявленіемъ правды вѣрноподданнымъ, нежели обнаженіемъ отечественныхъ язвъ передъ иноземцемъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ оставался подъ гнетомъ избалованнаго самолюбія, и во всю жизнь не

избавился отъ слабости Нарциза, любующагося самимъ собой; и потому, даже тогда, когда вызывалъ *возможную* передъ царемъ откровенность, онъ разрѣшалъ ее не тѣмъ лицамъ, неподкупная правдивость и безхитростный нравъ которыхъ ручались не только за истинность откровенныхъ сообщеній, но и за чистоту побужденій, но преимущественно лицамъ, умѣвшимъ угодить ему лично, потворствомъ его слабостямъ. Этимъ объясняется огромное вліяніе Аракчеева, а во время Отечественной войны то полномочіе, которое онъ далъ ген. Ермолову, назначенному начальникомъ штаба у Барклая де-Толли, обращаться къ государю со всякими сообщеніями помимо своего начальника.

Такое полномочіе было вторымъ случаемъ порученія государемъ подчиненному генералу наблюденія надъ руководствомъ его прямого начальника надъ войскомъ, въ составѣ котораго находился самъ наблюдатель. Во время прусскаго похода, такимъ правомъ и обязанностями былъ облеченъ графъ П. А. Толстой, и это исключительное довѣріе находило оправданіе въ несомнѣнной правдивости Толстого и въ вѣскихъ основаніяхъ, имѣвшихся Александромъ сомнѣваться въ безусловной благонадежности Бенингсена. Но во время начальствованія надъ 1-ой западной арміей военнаго министра, рыцарски прямодушнаго и самоотверженно-неустрашимаго предводителя Барклая де-Толли, поощреніе Ермолова въ его наклонности язвительно разрушать, своими письмами къ государю и толками въ самомъ войскѣ, добрую славу своего начальника, было несомнѣннымъ поощреніемъ смуты среди начальствующихъ въ дѣйствующихъ войскахъ. Такого сопоставленія одного къ другому не заслуживали ни главнокомандующій ни начальникъ его штаба. Если Ермоловъ, по своимъ яркимъ, бьющимъ на вниманіе способностямъ, превосходилъ своего начальника, то Барклай на столько же превосходилъ своего начальника штаба честной прямотой въ личныхъ отношеніяхъ и совершенной неспособностью затемнять сущность дѣла какимъ бы то ни было *подкупающимъ* представленіемъ. Барклай по своей рыцарской прямотѣ былъ неспособенъ не только вести подкопы подъ добрую славу соперника, но даже выражать мнѣніе, въ чемъ бы то ни было несо-

гласное съ правдою, и потому не терпимое его совѣстью; мнѣнія же Ермолова несомнѣнно подвергались давленію его честолюбія, недоброжелательства ко многимъ лицамъ, а, можетъ быть, даже вообще его повальному недоброжелательству ко всѣмъ генераламъ, кромѣ генерала Ермолова... Въ то время, когда государь разрѣшилъ писать къ нему обо всемъ, онъ не успѣлъ еще ознаменовать себя ничѣмъ другимъ, кромѣ необыкновенно исправнаго начальствованія гвардейской пѣхотной дивизіей, т.-е. доблестью строевою, столь любезной императору; и надъ которой не безъ основанія пришлось впослѣдствіи неоднократно издѣваться Ермолову. Въ запискахъ послѣдняго, обнаруживающихъ его всеобщую недоброжелательность, въ ознакомленіи съ личностями его, Барклая, Кутузова и другихъ предводителей, рѣшительно нельзя найти оправданія дарованія ему столь щекотливаго довѣрія, отзывающагося обиднымъ и незаслуженнымъ недовѣріемъ къ Барклаю. Если нѣтъ основанія отрицать въ числѣ побужденій Ермолова, склонившихъ его къ яростнымъ нападеніямъ на добрую славу своего доблестнаго начальника, наболѣвшее оскорбленное народное чувство, вслѣдствіе уклончиваго образа дѣйствій передъ наступающими французами, то кажется, что это искреннее чувство раздѣлялось всѣми предводителями, и не давало ему исключительнаго права не гнушаться клеветой...

Отступленіе Барклая. Движеніе Барклая правымъ берегомъ Двины по направленію къ Полоцку началось 4/16 іюля, но корпусъ гр. Витгенштейна былъ имъ оставленъ сзади для прикрытія мѣстности между Двиною и Новгородомъ. Предположеніе Ермолова направить остальные корпуса, переправивши ихъ на лѣвый берегъ Двины, навстрѣчу Багратіону болѣе краткимъ путемъ на Оршу, не могло привестись въ исполненіе вслѣдствіе отсутствія продовольствія по этому пути, замѣненному продолженіемъ движенія на Витебскъ. Это передвиженіе совпало съ наступленіемъ Наполеона, предположившаго, что Дрисскій лагерь будетъ упорно остаиваться русскими, судя по тому отпору, который испыталъ его

конный отрядъ Сенъ-Женьи отъ ген. Кульнева, взявшаго его, будучи во главѣ гродненскихъ гусаръ, въ плѣнъ, при чемъ французы потеряли 400 человѣкъ—и рѣшившаго вслѣдствіе этого предположенія, что лагерь защищенъ, поставить русское войско въ безвыходное положеніе въ Дриссѣ обходнымъ движеніемъ. Затруднительность собственнаго наступленія, вслѣдствіе всѣхъ прежде изложенныхъ причинъ, которыя лишали французское войско его обычной подвижности, и быстрота передвиженія Барклая къ Витебску (111 верстъ въ трое сутокъ) не допустили исполненія перваго сокрушительнаго намѣренія Наполеона. 16 іюля 1-ая западная армія находилась у Витебска, въ то время какъ главныя силы французовъ едва достигли Бѣшенковичей, въ 60 верстахъ отъ Витебска. Стремясь къ соединенію съ Багратіономъ, Барклай долженъ былъ ограждать свое движеніе упорнымъ сопротивленіемъ своего тылового отряда наступающему передовому французскому отряду. 13-го числа Остерманъ доблестно отражалъ въ Островнѣ наступающихъ подъ начальствомъ Мюрата въ превосходныхъ силахъ французовъ. Смѣненный на другой день Коновницынымъ, вслѣдствіе огромной потери людей отъ огня французскихъ пушекъ, Остерманъ прославилъ свое сопротивленіе спартанскимъ отвѣтомъ на вопросъ подчиненныхъ, требующихъ указанія, какъ поступать въ томъ крайне опасномъ положеніи, въ которомъ находился его отрядъ. На вопросъ: „Что дѣлать?“ — онъ отвѣчалъ: „Стоять и умирать!“ Коновницынъ со своей 3-й дивизіей отбивался цѣлый день (14 числа) противъ двойныхъ силъ Мюрата, но къ ночи былъ вынужденъ отступить къ рѣкѣ Лучасѣ. На другое утро приступилъ къ Витебску Наполеонъ съ частью своего войска, котораго онъ успѣлъ стянуть около 100.000 человѣкъ противъ 85.000 находящихся здѣсь русскихъ подъ начальствомъ Барклая. Послѣдній намѣревался принять сраженіе, несмотря на неравенство силъ, но былъ отклоненъ отъ этого намѣренія полученнымъ въ это время извѣстіемъ, что Багратіонъ, не успѣвши пробить себѣ пути чрезъ Могилевъ, направился къ Смоленску. Осторожный Барклай собралъ военный совѣтъ, на которомъ восторжествовало мнѣніе Ермолова, предложившаго отступленіе, и поручивъ вслѣдствіе этого

гр. Петру Петровичу Палену замедлять движеніе наступающаго непріятеля, отвелъ войска чрезъ Порѣчье къ Руднѣ. Паленъ настолько удачно исполнилъ данное ему порученіе, что не только вынудилъ французовъ потерять цѣлый день на приготовленіе къ ожидаемому сраженію, но и успѣлъ разбить ихъ напирающій на него конный отрядъ. Отступленіе русскихъ и разстройство собственныхъ войскъ и ихъ снабженія заставили Наполеона остановиться въ Витебскѣ, чтобы возстановить порядокъ въ войскѣ, обезпечить его продовольствіе, и этимъ положить предѣлъ бродяжничеству, въ которое успѣло до этого времени укрыться отъ исполненія своихъ обязанностей около 50.000 человѣкъ его войска.

Походъ Багратіона. Невозможность для второй арміи слѣдовать чрезъ Могилевъ, о которой сдѣлалось извѣстнымъ первой арміи въ Витебскѣ, была вызвана направленіемъ противъ Багратіона, кромѣ корпуса Даву, превосходящаго численностью 2-ую Западную армію, всѣхъ наступающихъ черезъ Гродно войскъ подъ начальствомъ вестфальскаго короля Іеронима Бонапарта. Несмотря на то, что въ отмѣну перваго распоряженія, даннаго въ обольщеніи относительно размѣра силъ нападающаго непріятеля, о предполагаемомъ нападеніи на французовъ Платова, поддержаннаго Багратіономъ, послѣдовало приказаніе присоединиться къ 1-ой арміи чрезъ Вилейку, которое прибыло во 2-ую армію 18/30 іюня,— исполненіе этого приказанія было затруднено громаднымъ превосходствомъ наступающихъ непріятелей. Направившись по указанному направленію, 2-ая армія, начавшая 22 іюня переправляться чрезъ Нѣманъ въ Николаевѣ, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о наступленіи вице-короля Евгенія Богарнэ изъ Вильны, Іеронима изъ Гродна (въ которое онъ вступилъ 18/30 іюня) и, наконецъ, корпуса Даву, направляемаго, для преграждения ей пути соединенія съ 1-ой арміей, на Минскъ—вынуждена была отступить на юго-востокъ въ Несвижъ, куда была приведена Багратіономъ, крайне изнуренной большими переходами въ теченіе 10 дней по пескамъ и болотамъ, 26 іюня. Здѣсь былъ ей данъ 3-дневный отдыхъ, но въ это время стали напирать на Платова передовые отряды войскъ короля Іеронима, съ которыми вполнѣ успѣшно боролся первый въ окрестностяхъ мѣстечка Миръ.

Изъ Несвижа Багратіонъ направился еще восточнѣе, въ новоустроенную крѣпость Бобруйскъ, не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы подвергнуться одновременной борьбѣ съ силами Іеронима и Даву. Это передвиженіе, въ виду подавляющаго превосходства непріятеля, онъ произвелъ крайне осторожно, уклоняясь южнѣе на Слуцкъ и Глускъ, что удлиняло его путь въ Бобруйскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдаляло отъ Даву. Послѣдній воспользовался этой осторожностью Багратіона, чтобы безпрепятственно завладѣть 26 іюня Минскомъ и установить тамъ франкопольское правленіе, недѣлей раньше введенное Іеронимомъ въ Гроднѣ: въ обоихъ случаяхъ съ торжественностью, а въ Гроднѣ даже съ шумными пирами. Эти пиры Іеронима, задержавшіе его нѣсколько дней, и его обида за подчиненіе его, по волѣ Наполеона, маршалу Даву, который неосторожно проявилъ *королю* свою непреклонную волю, привели къ разладу среди предводителей многочисленныхъ войскъ, наступающихъ на Багратіона, и не менѣе его осторожности послужили спасенію отъ вѣроятной гибели предводительствуемой имъ арміи. Государь былъ недоволенъ неисполненіемъ его приказаній, въ особенности второго, требующаго занятія Минска, которое дѣйствительно случайно оказывалось возможнымъ, но лишь только вслѣдствіе *случайной* неурядицы между Даву и Іеронимомъ и крайне медленнаго наступленія послѣдняго. Хотя вѣроятность этихъ несогласій не могла предусмотрѣться Багратіономъ, между тѣмъ какъ подавляющее численное превосходство французовъ было несомнѣнно, однако Александръ, въ своихъ требованіяхъ отъ предводителей нашихъ войскъ не признавалъ значенія многочисленности непріятеля. Въ этомъ удостовѣряютъ его требованія къ Бенингсену (въ прусскую войну), къ Барклаю и Кутузову (въ 1812 г.), несправедливость которыхъ ему слѣдовало бы признать очевидной послѣ Люцена, Бауцена и Дрездена, когда онъ принималъ болѣе личное участіе въ борьбѣ съ многочисленнымъ, а въ послѣднемъ случаѣ только болѣе распорядительнымъ непріятелемъ. Если неумѣренная требовательность государя можетъ служить Багратіону извиненіемъ въ неисполненіи слишкомъ смѣлыхъ, недоступныхъ его средствамъ предпріятій, то ничто

не избавляетъ его отъ осужденія не за осторожность, можетъ быть преувеличенную, но несомнѣнно способствовавшую спасенію его арміи, но за тотъ способъ сообщенія государю своихъ намѣреній и извиненій, въ которыхъ несравненно менѣе прямоты и достоинства, нежели въ перепискѣ Кутузова, столь язвительно укоряемаго Ермоловымъ (всю жизнь ползалъ на брюхѣ, а мертвый лежитъ на спинѣ въ Казанскомъ соборѣ); а между тѣмъ въ льстивомъ искательствѣ Багратіонъ превосходилъ Кутузова, а въ хитрыхъ подвохахъ Ермоловъ не уступалъ Кутузову, отставая отъ него оба лишь въ широтѣ и ясности государственныхъ соображеній.

Достигнувши 6-го іюля Бобруйска, достаточно въ то время достроеннаго, чтобы доставить временную охрану утомленному и нуждающемуся во многомъ войску Багратіона, 2-ая армія нашла здѣсь возможность пополнить убыль людей изъ состава находящихся здѣсь резервныхъ баталіоновъ, и вообще могла воспользоваться дѣятельностью и распорядительностью тамошняго коменданта генер. Игнатьева, обезпечившаго ей по пути способы передвиженія отъ Слуцка, значительно облегчившіе походъ въ Бобруйскъ. Оправившаяся здѣсь армія направилась 8-го къ Могилеву, но и здѣсь была предупреждена Даву, вступившимъ туда того же 8-го іюля, несмотря на безнадежную попытку властей защищать городъ малочисленной внутренней стражей. Послѣ занятія города французами, ими былъ посланъ отрядъ навстрѣчу Багратіону, обѣщавшему въ своемъ донесеніи государю отъ 6-го іюля пораженіе непріятеля, для предупрежденія его въ Оршѣ и Смоленскѣ. Попытка Багратіона пробиться къ Смоленску, предупрежденная выступленіемъ на его встрѣчу Даву съ той частью его корпуса, которая успѣла достигнуть Могилева, вызвала довольно упорное и кровопролитное сраженіе 11-го числа въ Солтановкѣ между французскимъ отрядомъ и корпусомъ Раевскаго, при почти равныхъ силахъ и одинаковомъ упорствѣ и стремительности съ обѣихъ сторонъ; тѣмъ не менѣе, прибывшему къ мѣсту дѣйствія Багратіону пришлось убѣдиться въ безуспѣшности попытки пробиться, которой онъ не возобновлялъ, справедливо расчитывая, что привлеченіе по прибытіи на мѣсто сраженія другого

его корпуса, Бороздина, не увеличило бы вѣроятія успѣха надъ Даву, имѣющимъ такую же возможность усилиться прибывающими подкрѣпленіями. Эта неудачная попытка, доказавшая, что требованіе государя отъ Багратіона болѣе смѣлаго образа дѣйствія въ дѣйствительности не соотвѣтствовало его средствамъ, и одна ссылка на храбрость и усердіе нашихъ войскъ, которыя ихъ неустрашимый предводитель охотно выставлялъ съ нѣсколько восточной цвѣтистостью выраженій и нѣкоторой льстивостью передъ царемъ, тѣмъ болѣе не могли измѣнить условія борьбы, что опытъ прежнихъ войнъ не давалъ повода сомнѣваться ни въ храбрости французскихъ войскъ ни въ доблести маршала Даву.

Неудачный опытъ 11 іюля вынудилъ Багратіона податься нѣсколько назадъ для перехода черезъ Днѣпръ въ Быховъ, гдѣ 12-го были наведены мосты. Для прикрытія своего движенія на Пропойскъ и Чериковъ къ Смоленску, Багратіонъ направилъ Платова чрезъ Старый Быховъ, Чаусы и Горки, и такимъ образомъ могъ считать свой путь обезопасеннымъ отъ французовъ, и въ этомъ отношеніи былъ совершенно правъ, такъ какъ подвижность казаковъ одинаково служила охранѣ своихъ и постоянной тревогѣ непріятелей. Необходимаго Багратіону Платова настоятельно требовалъ въ это время Барклай чрезъ Ермолова въ 1-ую армію, къ которой Платовъ, продолжая заслонять отъ французовъ своими казаками войска Багратіона, подошелъ, перейдя Днѣпръ въ Дубровнѣ, и сталъ въ передовой отрядъ соединенныхъ войскъ обѣихъ армій, продолжая для всѣхъ войскъ ту же полезную службу, которой онъ облегчилъ второй арміи благополучный исходъ изъ крайне опаснаго положенія.

Значеніе отступленія и заслуга его исполненія.

Первыя шесть недѣль борьбы русскихъ войскъ не ознаменовались никакими выдающимися дѣйствіями, заключаясь главнымъ образомъ въ удачныхъ отраженіяхъ нашей конницей французскихъ и польскихъ отрядовъ, когда они неосторожно подавались впередъ, и въ неусыпной развѣдочной службѣ казаковъ; и только въ тѣхъ случаяхъ, когда насту-

пленія Мюрата на Островно и Раевскаго на Солтановку вызывали борьбу цѣлыхъ дивизій и корпусовъ, стойкость нашей пѣхоты подъ начальствомъ Остермана, Коновницына, Паскевича, Раевскаго и Витгенштейна доказала не только ея достоинства, но и умѣлое ея руководство ближайшими начальниками. Не только второстепенные генералы, но и руководители корпусовъ, Витгенштейнъ, Дохтуровъ при сборѣ первой арміи, а первый, сверхъ того, блестящимъ отраженіемъ части корпуса Удино при Клястицахъ и пораженіемъ дивизіи Вердье при Головчинѣ, Платовъ же при охранѣ второй отъ наступающихъ съ двухъ сторонъ французовъ, равно какъ и сами главнокомандующіе двухъ армій, нигдѣ не показали оплошности и не способствовали успѣху сокрушительныхъ для нихъ предначертаній своего грознаго противника. Отступленіе изъ разсѣяннаго на 200 верстъ расположенія и благополучное соединеніе главныхъ силъ подъ Смоленскомъ, имѣя, такъ сказать, на рукахъ войско болѣе нежели вдвое многочисленное, предводимое первымъ полководцемъ многихъ вѣковъ, и не позволивши ему исполнить затѣваемыхъ имъ расчлененій и обходовъ русскихъ войскъ—составляло несомнѣнный и единственно возможный, при разительномъ неравенствѣ силъ и дарованій, успѣхъ. Обезпеченный бдительностью русскихъ предводителей и несоразмѣрной со средствами и опасной по отдаленности источниковъ грузностью *великой арміи*, потерявшей въ этихъ условіяхъ свою неоцѣненную и необходимую для успѣха наполеоновскихъ соображеній подвижность—этотъ первый, вызванный необходимостью отрицательный успѣхъ, все же былъ *успѣхомъ;* плодъ не глубокомысленныхъ, охотно приписываемыхъ себѣ разными иноземцами *плановъ*, а силы обстоятельствъ — онъ обозначилъ естественное теченіе борьбы русскихъ противъ нашествія, въ которой бдительно, стойко и самопожертвованно, защищаясь шагъ за шагомъ и не жалѣя ни себя ни имущества, они способ ствовали тому *растлѣнію*, которому обрекъ Наполеонъ свою *великую армію;* между тѣмъ какъ негостепріимная Россія лишила ее средствъ, необходимыхъ ея обычнымъ привольнымъ завоеваніямъ, въ то время когда ея несообразная многочисленность и непомѣрное отдаленіе отъ собственныхъ средствъ уподобляли ее кора-

блю, переполненному сверхъ своей емкости экипажемъ, и этимъ самымъ обреченному на гибель!.. Такой исходъ нашествія, требуя не только многочисленныхъ жертвъ людьми и имуществомъ, усугублялъ его горечь обиднымъ для народной гордости оборонительнымъ образомъ веденія войны, *неумышленнымъ и никѣмъ не рѣшеннымъ*, кромѣ необходимости, и потому вызывавшимъ строгую и незаслуженную оцѣнку Александромъ своихъ генераловъ, конечно не уступавшихъ толковостью своихъ дѣйствій наполеоновскимъ маршаламъ, еще менѣе ихъ способнымъ руководить многочисленными войсками (за исключеніемъ отсутствующаго Массены) и вызывавшихъ своимъ хищничествомъ ропотъ общественнаго мнѣнія. Неисчислимыя бѣдствія французскаго нашествія, поднявши народное чувство до высокаго уровня, вызвавшаго подвиги и самоотверженныя жертвы, вмѣстѣ съ этимъ возвысили требовательность общественнаго мнѣнія къ предводителямъ русскихъ войскъ, жертвой которой сдѣлался безукоризненно и самоотверженно преданный своимъ обязанностямъ Барклай де-Толли.

Требовательность Александра и общественнаго мнѣнія къ русскимъ генераламъ.

Неопровержимымъ доказательствомъ той незаслуженной строгости, которой подвергалась въ это время дѣятельность русскихъ военачальниковъ, можетъ послужить сопоставленіе распоряженій и дѣйствій противопоставленныхъ другъ другу Багратіона и Даву, изъ которыхъ первый строго осуждался передъ англичаниномъ Вильсономъ за неисполненіе указаннаго ему *способа* соединенія съ первой арміей, а второй, прославившійся побѣдой при Ауэрштетѣ въ 1806 году надъ главными прусскими силами подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, кромѣ этого выдавался среди французскихъ маршаловъ своими правительственными способностями и непреклонной и суровой исполнительностью. Получивши поверхность надъ Раевскимъ въ Солтановкѣ, располагая послѣ удаленія Іеронима и его главнаго сотрудника генерала Вандама, кромѣ своего корпуса, тремя корпусами, бывшими въ подчиненіи у Іеронима и перешедшими подъ начальство маршала Жюно, Даву не воспользовался своимъ превосходствомъ надъ си-

лами Багратіона и не исполнилъ порученія Наполеона, рѣшившаго, что Барклай и Багратіонъ *больше не увидятся*. Послѣдній, уклонившійся вслѣдствіе неудачи подъ Солтановкой отъ могилевскаго направленія, достигъ 22 іюля, другимъ путемъ, Смоленска. Это было несомнѣннымъ успѣхомъ для русскихъ и неудачей для французовъ, которые сопоставляемъ для оцѣнки противниковъ.

Отношеніе двухъ соединившихся главнокомандующихъ.

Этотъ успѣхъ, несмотря на готовность, которую заявили оба предводителя къ устраненію всякаго соперничества и счетовъ старшинства между собой (готовность, которою не преминулъ похвалиться Багратіонъ въ своемъ донесеніи государю), не смягчилъ его осужденія. Багратіонъ былъ старше военнаго министра не только чиномъ, но, такъ сказать, *славой*, пользуясь громкой извѣстностью и приверженностью многихъ своихъ соратниковъ; Барклай же, кромѣ званія военнаго министра, главнаго распорядителя военныхъ дѣлъ, пользовался особеннымъ довѣріемъ государя, начальствовалъ до этого главными противоставленными Наполеону силами, что не могло однако затмить памяти участія Багратіона въ италійскомъ походѣ Суворова, Шёнграбенскаго сраженія и главно-начальствованія на Дунаѣ, въ противовѣсъ которымъ являлись заслуги Барклая въ Пруссіи и Финляндіи. Самыя личности обоихъ предводителей вызывали сочувствіе и уваженіе, но совершенно противоположными качествами. Багратіонъ, блестящій въ огнѣ, гостепріимный и привѣтливый въ личныхъ сношеніяхъ, увлекалъ и вселялъ къ себѣ пристрастіе, не обладая ни особеннымъ умомъ, ни военными познаніями, ни даже прямотой и искренностью, которыя предполагаются въ бравомъ и любимомъ военачальникѣ. Барклай, трудолюбивый, свѣдущій и добросовѣстный правитель, былъ вмѣстѣ съ этимъ благоразумнымъ и неустрашимымъ предводителемъ непоколебимой исполнительности, но не обладалъ тѣми увлекательными свойствами, которыя придавали Багратіону особое очарованіе и возможность увлекать войска, не только примѣромъ блестящей личной храбрости, но и вѣрой въ его военную находчивость. Затрудненіе безропотно подчиниться одному изъ двухъ другому еще увеличивалось тѣми недоразумѣніями, которыя водворились и поддерживались во время ихъ отдѣльнаго дѣйствія обѣими

арміями, тѣмъ представленіемъ, которое они себѣ составили о предназначеніи, каждый *своей* арміи, изображая его въ донесеніяхъ государю и во взаимной перепискѣ. Барклаю и Багратіону одинаково казалось, что самая трудная задача борьбы съ французами у него на рукахъ, и что начальникъ другой арміи не достаточно облегчаетъ своими дѣйствіями тяжелое положеніе той, въ которой онъ начальствуетъ. Барклай жаловался, что Багратіонъ, не пробиваясь настойчивѣе для соединенія съ нимъ, подвергаетъ его неизбѣжной опасности отъ подавляющаго превосходства силъ Наполеона, а Багратіонъ жаловался, что своимъ промедленіемъ наступленія на французовъ Барклай отдаетъ его въ жертву численнаго превосходства окружающихъ его французовъ. Жалобы и пререканія служили не мало къ возбужденію неловкаго отношенія почти равноправныхъ соперниковъ, и если оно было до извѣстной степени сглажено чувствомъ долга и любовью къ отечеству, требующихъ жертвы личныхъ счетовъ среди тяжелаго переживаемаго испытанія, то можетъ быть и искреннее намѣреніе Багратіона беззавѣтно подчиниться Барклаю е выдержало испытанія, которому подверглись его взгляды на ходъ дѣла, при столкновеніи съ крайне осмотрительнымъ и нерѣшительнымъ образомъ дѣйствія Барклая. Багратіонъ тѣмъ легче увлекся порицаніемъ распоряженій своего начальника, что своей безопасной смѣлостью взглядовъ, не вызывающей его на отвѣтственное исполненіе, которое не отъ него зависѣло, онъ удовлетворялъ не только собственному патріотическому чувству, но еще угождалъ настроенію окружающихъ, въ которыхъ увеличивалъ такимъ образомъ собственное обаяніе.

Смоленскъ и до Смоленска.

Соединеніе подъ Смоленскомъ двухъ главныхъ составныхъ частей дѣйствующихъ войскъ послужило началомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ главныхъ наступающихъ силъ, сохранявшихъ однако, благодаря численному превосходству послѣднихъ, вынужденное оборонительное ихъ веденіе. Вмѣстѣ съ этимъ подъ Смоленскомъ ярко обнаружилось неудобство двоеначалія двухъ главнокомандующихъ въ русскомъ лагерѣ, испытанное до того лишь у французовъ, въ тѣхъ войскахъ, которыя наступали на Баг-

ратіона подъ начальствомъ не согласныхъ между собой Іеронима и Даву, облегчившихъ своими несогласіями русскимъ достиженіе Смоленска.

Выше было упомянуто, что до соединенія Барклая и Багратіона въ Смоленскѣ, военныя дѣйствія русскихъ по необходимости ограничивались отраженіемъ наступающихъ французовъ, за исключеніемъ неудачнаго наступательнаго дѣйствія Раевскаго, подъ руководствомъ Багратіона, на Даву въ Солтановкѣ. Въ числѣ этихъ отраженій, въ которыхъ доблестная стойкость русской пѣхоты проявила себя блестящимъ образомъ, въ двухъ случаяхъ, благодаря мѣстностямъ, въ которыхъ она оборонялась, и необходимости ободрить народное чувство, подвергнутое французскимъ нашествіемъ тяжкому испытанію, этимъ отраженіямъ было придано особенное значеніе, требующее нѣсколько болѣе подробнаго изложенія, которое удобнѣе, соображаясь съ временемъ, когда они произошли, помѣстить прежде болѣе рѣшительныхъ дѣйствій подъ Смоленскомъ.

Витгенштейнъ, при выступленіи главныхъ силъ Барклая изъ Дрисскаго лагеря, былъ оставленъ на Двинѣ для огражденія сѣверо-запада государства отъ нашествія французовъ, которые располагали въ этомъ краѣ двумя корпусами, франко-прусскимъ, подъ начальствомъ Макдональда, находящимся на Двинѣ у Якобштата, и корпусомъ Удино, оставленнымъ въ окрестностяхъ Полоцка, съ порученіемъ дѣйствовать наступательно противъ Витгенштейна, угрожая нашествіемъ всему сѣверо-западу Россіи, довольно обнаженному въ это время отъ войскъ, но не въ такой степени, чтобы считать Витгенштейна единственной его охраной (кромѣ рижскаго гарнизона и отряда Гамена въ Динабургѣ, прибывали еще туда войска финляндскаго корпуса) и прославлять его спасителемъ *Петрограда*, за удачное дѣло въ Клястицахъ. Силы Удино и Макдональда были, конечно, недостаточны для завоеванія огромнаго края отъ Двины до Петербурга, въ которомъ, кромѣ гарнизоновъ, запасныхъ войскъ и ополченія, находились корпуса графа Витгенштейна и барона Штейнгеля, подоспѣвшаго нѣсколько позже.

Положеніе Витгенштейна несомнѣнно было вначалѣ крайне затруднительно, находясь въ Друѣ между двумя

наступающими французскими корпусами, Макдональда изъ Якобштата и Удино изъ Полоцка, направляющимися, по полученнымъ первоначальнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ глубь Витебской губ. на Люцинъ и Себежъ, чтобы обойти его и отрѣзать отъ Пскова и Петербурга. Въ дѣйствительности же оказалось, что сѣверо-западные французскіе корпуса испытывали тѣ же затрудненія въ отношеніи продовольствія по мѣрѣ углубленія въ край, которыми связывались остальныя части великой арміи, и Витгенштейнъ могъ удовольствоваться для обезопасенія себя со стороны Якобштата отъ Макдональда противоставленіемъ ему незначительнаго отряда русскаго генерала Гамена. Но наступленіе Удино, направляясь на Себежъ, въ которомъ сосредоточивались запасы Витгенштейна, имѣло болѣе угрожающее значеніе, и вынудило Витгенштейна, какъ только онъ удостовѣрился въ немъ изъ донесенія храбраго и бдительнаго своего начальника передового отряда, генерала Кульнева, олицетворявшаго въ своей личности беззавѣтную храбрость, безкорыстіе и добродушную простоту въ общежитіи, и оставившаго память истинно-русскаго витязя—поспѣшить на этотъ путь для отраженія Удино. Послѣдній при наступленіи оставилъ для своей безопасности въ тылу, въ Сивошинѣ, дивизію Мерля, наступая съ двумя другими своими дивизіями Леграна и Вердье, съ которыми Витгенштейнъ имѣлъ послѣдовательно сраженія 19 іюля въ Якубовѣ и Клястицахъ, въ которыхъ дрались упорно съ обѣихъ сторонъ, вынудившія отступленіе войскъ Удино къ Дриссѣ. Это удачное отраженіе наступающихъ французовъ, представленное Витгенштейномъ какъ блестящая побѣда (онъ хвалился взять Полоцкъ, итти для пораженія Макдональда и проч.) было громко прославлено и щедро награждено государемъ (большая пенсія, Георгій 2-ой ст. и проч.) и общественнымъ мнѣніемъ. Главное значеніе этого успѣха въ *утѣшеніи* скорбящаго народнаго чувства, такъ какъ для обезсиленія наступающаго непріятеля оно оказалось недостаточнымъ. Посланный 20-го іюля для преслѣдованія *разбитаго* непріятеля Кульневъ поплатился за это заблужденіе относительно его состоянія совершеннымъ пораженіемъ и жизнью. Объясненіемъ этой неудачи выставляютъ заносчивую смѣлость Кульнева, но нужно полагать, что это-

Якубовъ и Клястицы.

му еще болѣе способствовало преувеличенное мнѣніе о Клястицкой побѣдѣ. Отброшенный за Дриссу съ потерей нѣсколькихъ орудій отрядъ Кульнева (дѣло при Обоярщинѣ) былъ преслѣдуемъ дивизіей Вердье, повторившаго ошибку Кульнева. Подобно ему онъ вывелъ ошибочное заключеніе о состояніи войскъ Витгенштейна на основаніи разстроеннаго вида преслѣдуемаго отряда, и придя въ столкновеніе при Головчинѣ съ главными силами, въ свою очередь, потерпѣлъ пораженіе, вызвавшее 21 іюля отступленіе Удино подъ прикрытіе Полоцкихъ укрѣпленій.

Обоярщина и Головчина.

Не признавая своихъ силъ достаточными, чтобы пытаться вытѣснить Удино изъ занятаго имъ положенія, Витгенштейнъ подался по направленію къ Друѣ, опасаясь, что генералъ Гаменъ не будетъ въ силахъ задержать Макдональда на Двинѣ. Послѣдній, на основаніи повелѣній Наполеона, обратился на почти безоружную крѣпость Динабургъ, взялъ ее, истребилъ найденныя въ ней вооруженія, а отсюда долженъ былъ послѣдовать по направленію къ Ригѣ, которую ему было приказано осадить. Обратившійся было къ нему навстрѣчу Витгенштейнъ, получивъ въ Расицахъ извѣстіе о соединеніи войскъ Барклая и Багратіона подъ Смоленскомъ, и о прибытіи въ подкрѣпленіе Удино корпуса генерала Сен-Сира, справедливо заключилъ о возобновившейся опасности наступленія французовъ на сѣверо-востокъ, охрана котораго была главнымъ образомъ поручена ему. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ Витгенштейнъ, оставивъ конный отрядъ для наблюденія за дѣйствіями Макдональда у Динабурга, отправился съ главными силами навстрѣчу Удино и Сен-Сиру. Дальнѣйшія его дѣйствія будутъ изложены послѣ дѣйствій подъ Смоленскомъ.

Динабургъ.

Въ этой первой половинѣ борьбы съ однимъ Удино, но съ угрозой опасности со стороны Макдональда, нужно признать дѣйствія Витгенштейна успѣшными, вполнѣ доказывающими еще разъ, что начальствующіе нашими корпусами генералы не уступали въ большинствѣ случаевъ бдительности и распорядительности пресловутыхъ наполеоновскихъ маршаловъ. Онъ отразилъ нападеніе французовъ и этимъ обезпечилъ свое снабженіе и подкрѣпленіе, получаемыя изъ того края, куда Наполеонъ направлялъ Удино. Но

точно такъ же, какъ его отраженіе части корпуса послѣдняго не заслуживаетъ громкаго величанія побѣды, нельзя безъ натяжки приписывать ему честь спасенія Петербурга и безопасности всего края отъ Двины до Новгорода и Невы. Для Удино нашествіе въ глубь страны представляло не менѣе затрудненій на походѣ, нежели Макдональду, не уступающему ему въ боевыхъ способностяхъ и не успѣвшему исполнить требованій Наполеона: замѣнившій его Сен-Сиръ, болѣе одаренный двухъ первыхъ, могъ одержать частичные успѣхи, но какъ очень осмотрительный и осторожный предводитель никогда бы не призналъ возможнымъ углубиться съ однимъ корпусомъ въ дальній сѣверо-востокъ для завоеванія столицы. Заслуга Витгенштейна была несомнѣнна, заслужила справедливо признаніе и награды, но увлеченіе и прославленіе второстепеннаго успѣха послужило поводомъ его назначенія главнокомандующимъ въ 1813 году, потомъ производствомъ въ фельдмаршалы, и конечно ни то ни другое не соотвѣтствовало его скромнымъ дарованіямъ, не могущимъ итти въ сравненіе съ Ермоловскими, не доставившими ихъ обладателю утѣшенія выдвинуться и удержаться на такой высотѣ.

Неизбѣжность дѣйствій подъ Смоленскомъ.

Послѣ соединенія Барклая и Багратіона и полученія нѣкоторыхъ подкрѣпленій, соединенныя русскія силы достигали, подъ Смоленскомъ, 120.000-наго состава, составляющаго не только внушительную, но и грозную силу, успѣшное соединеніе которой на рубежѣ коренной Руси вызвало новый и болѣе могучій наплывъ народнаго негодованія противъ нашествія иноплеменниковъ. Это чувство не только выразилось въ пожертвованіяхъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, въ жестокой народной войнѣ, которая не замедлила разгорѣться, но вызвало еще громкій отголосокъ въ лагерѣ собравшихся подъ Смоленскомъ войскъ, и не осталось безъ вліянія на рѣшенія и на сопровождавшія и предшествующія имъ недоразумѣнія среди руководителей русскихъ войскъ. Утомительное и унизительное отступленіе, при вступленіи въ древне-русскій край, сопровождаемое присоединеніемъ войскъ, предводимыхъ Багратіономъ, прославленнымъ и любимымъ предводителемъ, почитаемымъ

носителемъ суворовскихъ преданій, замѣтно повліяло на нетерпѣливое желаніе войска перейти отъ скромнаго отступленія къ рѣшительному наступленію на враговъ. Это настроеніе войска поощрялось настоятельно выраженнымъ желаніемъ государя въ рескриптѣ къ главнокомандующему, въ которомъ онъ высказывалъ сожалѣніе, что отступленіе достигло предѣловъ коренной Руси, и выражалъ свою надежду на быстрый переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Кромѣ народнаго чувства, желанія государя и несомнѣннаго ропота войска, на которое не оставалось безъ вліянія господствующее неудовольствіе начальствующихъ лицъ, Барклай не могъ не обратить вниманія на то состояніе противоставленныхъ другъ другу войскъ, въ которомъ отразились выносливость и устойчивость порядка въ обоихъ. Русскія войска, кромѣ убыли въ дѣлахъ около 15.000 человѣкъ, не потеряли отсталыми болѣе 10.000 человѣкъ въ двухъ сошедшихся въ Смоленскѣ арміяхъ, что составляло вмѣстѣ менѣе $^1/_6$ числа наличныхъ людей въ началѣ похода. Французскія войска, подступающія къ Смоленску, не превышали, по самымъ благопріятнымъ исчисленіямъ, 200.000-наго состава, составляющаго остатокъ тѣхъ 300.000 человѣкъ, изъ которыхъ состояли корпуса, приближавшіеся подъ предводительствомъ Наполеона и Даву къ соединеннымъ войскамъ Барклая и Багратіона. Это состояніе французскихъ войскъ, растерявшихъ треть своего состава въ семинедѣльномъ походѣ до испытанія большихъ сраженій, извѣстное и преувеличиваемое въ русскомъ лагерѣ, служило возбужденію негодованія на несущаго чужеземное прозваніе главнокомандующаго и на стойкость и послѣдовательность послѣдняго при отстаиваніи своего осторожнаго образа дѣйствій, вынужденнаго относительной малочисленностью предводимыхъ войскъ, и убѣжденіемъ невозможности, въ случаѣ гибели ихъ, скорой замѣны другими войсками. Несмотря на неравномѣрную убыль двухъ сближающихся войскъ, Барклай не имѣлъ возможности противоставить 200.000 человѣкъ Наполеона болѣе 120.000. Но зная желаніе государя, испытывая тяжесть нареканій и ропота, Барклай сознавалъ, что порицающіе его за обидно осторожный образъ дѣйствія, не будучи облечены

ни властью ни отвѣтственностью, были этимъ самымъ поощряемы къ выраженію смѣлыхъ мнѣній, вызываемыхъ народнымъ чувствомъ, тогда какъ онъ, связанный совѣстью и отвѣтственностью, былъ этимъ обреченъ служить искупительной жертвой увлеченій. Единственнымъ исходомъ изъ недоразумѣній, водворившихся въ лагерѣ вслѣдствіе разномыслія, Барклай почиталъ обсужденіе будущаго образа дѣйствій на военномъ совѣтѣ, который былъ имъ созванъ 25 іюля. На немъ присутствовали, кромѣ обоихъ главнокомандующихъ, Константинъ Павловичъ, Ермоловъ и графъ Сен-При (начальники штабовъ армій), генералъ-квартирмейстеры Толь и Выстицкій и полковникъ Вольцогенъ. Полковникъ Толь предложилъ двинуться быстро и рѣшительно на Рудню въ Витебскъ, чтобы разобщить сходящіяся войска Наполеона и разбить ихъ по частямъ. Такое рѣшительное и опасное наступательное предпріятіе, вполнѣ соотвѣтствующее пылкому и рѣшительному нраву молодого полковника, не согласовалось ни съ осмотрительностью Барклая ни съ представленіемъ о находчивости и быстротѣ, съ которой Наполеонъ принималъ мѣры для устраненія искусно, или скорѣе искусственно придуманныхъ движеній, чтобы его обойти или разобщить на части: въ нашихъ штабахъ не слѣдовало бы забывать печальнаго исхода придуманнаго Вейротеромъ обхода при Аустерлицѣ, ни сокрушительныхъ послѣдствій попытки Бенингсена при Фридландѣ воспользоваться растянутостью идущихъ въ Кенигсбергъ наполеоновскихъ корпусовъ, для нападенія на казавшійся ему беззащитнымъ корпусъ Ланна. За исключеніемъ Вольцогена, всѣ высказались за наступательныя дѣйствія, и Барклай, послѣ трехдневнаго отдыха въ Смоленскѣ, рѣшился, скрѣпя сердце, перейти въ наступленіе, пользуясь двухнедѣльной неподвижностью Наполеона въ Витебскѣ, употребленной, какъ было упомянуто, во французскомъ войскѣ для обезпеченія продовольствія и водворенія нѣкотораго порядка, значительно разстатаннаго началомъ похода среди непредусмотрѣнныхъ лишеній. Но начавшееся разложеніе *великой арміи* не успѣло еще достаточно подточить ея численнаго превосходства надъ нашими войсками, и далеко не обезпечивало успѣха слишкомъ смѣлой затѣи пылкаго полковника Толя.

Военный совѣтъ Толь, попытка наступленія.

Расположеніе двухъсотътысячной наполеоновской арміи было несомнѣнно растянуто между Могилевымъ и Витебскомъ, но ея многочисленность и количество сохранившейся конницы (болѣе 20.000) доставляли ей возможность, заслонившись этой конницей, успѣть стянуть достаточныя силы для отраженія менѣе многочисленнаго русскаго войска. Лучшимъ доказательствомъ сознанія Барклая, что и послѣ соединенія съ Багратіономъ онъ оставался подъ угрозой подавляющаго превосходства Наполеона, служитъ настоятельность его просьбъ къ Тормасову задержать своими наступательными дѣйствіями напоръ на него главныхъ наполеоновскихъ силъ. Повторялось явленіе, испытанное во время разъединенія Барклая и Багратіона, когда каждый изъ нихъ признавалъ силу противоставленныхъ ему противниковъ непомѣрной опасностью, и призывалъ предводителя другой арміи на выручку — явное доказательство сознанія каждаго для своей части опасности отъ численнаго превосходства врага. Не при такомъ сознаніи и въ такихъ обстоятельствахъ смѣлое предпріятіе можетъ не удастся, и потому нѣтъ основанія строго порицать Барклая за нерѣшительность и мнительность, съ которыми онъ передвигалъ между 25 іюля и 1 августа съ мѣста на мѣсто войска между Днѣпромъ, Рудней и Порѣчской дорогой (по которой *опасался* наступленія Наполеона), невольно обличая, что чувствовалъ себя подъ *угрозой* наступленія, и опасался обхода и отчужденія отъ внутреннихъ губерній Россіи, первымъ ключемъ къ которымъ, по пути нашествія, нужно было признать Смоленскъ. Это придавало особенное значеніе оборонѣ этого прославившагося выдержанными осадами пограничнаго русскаго города, отдача котораго безъ обороны почиталась позоромъ. Затруднительность положенія при недостаточныхъ силахъ, отъ которыхъ народное чувство требуетъ одновременно смѣлой борьбы съ наступающимъ врагомъ и спасенія священнаго по преданіямъ города—повторилась два раза, подъ Смоленскомъ и Москвой. Оба раза Барклай и Кутузовъ, несмотря на противоположность свою какъ личности, подъ давленіемъ одинаковаго напора общественнаго мнѣнія, поступили одинаково: *обѣщали* сражаться подъ стѣнами священнаго города до послѣдней капли крови, и не допу-

стить его осквернить наглому пришельцу, и оба отступили безъ рѣшительнаго сраженія, покинувъ священный городъ на позорище этому пришельцу, не рѣшаясь положить у стѣнъ его единственныхъ вооруженныхъ наличныхъ защитниковъ, не только этого города, но и остального отечества. Значеніе уступки Смоленска, желаніе испытать удачу наступленія для предупрежденія оскорбительной для народной чести уступки этого города безъ сраженія, оправдываютъ до извѣстной степени требованіе предводителей русскаго войска наступленія на Рудню. Въ числѣ поборниковъ наступленія находился и Багратіонъ, который, какъ опытный и уважаемый полководецъ, могъ бы высказываться съ большей осмотрительностью, тѣмъ болѣе что при отвѣтственномъ начальствованіи, ни въ Турціи ни при отступленіи къ Смоленску, онъ не отличался неразумной смѣлостью. Послѣ соединенія съ Барклаемъ, кромѣ общаго всѣмъ русскимъ нетерпѣливаго стремленія къ возмездію поругателямъ своего отечества, онъ не остался чуждъ пристрастнаго осужденія дѣйствій Барклая и льстиваго угодничества передъ сильными міра сего, склонными въ это время къ поощренію наступательныхъ дѣйствій; и угодничество этого доблестнаго полководца не ограничивалось ловкими пріемами царедворца въ письмахъ къ государю, но не гнушалось самыхъ униженныхъ заискиваній въ письмахъ къ гнусному Аракчееву.

Наполеонъ стягиваетъ войска на лѣвый берегъ Днѣпра.

Во время безполезныхъ передвиженій русскихъ войскъ въ теченіе недѣли между Днѣпромъ, Рудней и Порѣчской дорогой, Наполеонъ началъ стягивать свои войска, ожидавшіяся Барклаемъ со стороны Порѣчья (на что его навело присутствіе въ Себежѣ передового отряда принца Евгенія Богарнэ), на лѣвый берегъ Днѣпра, въ намѣреніи предупредить русскихъ въ Смоленскѣ и этимъ отрѣзать имъ путь къ Москвѣ. Одновременно съ движеніемъ всѣхъ своихъ войскъ отъ Могилева до Витебска, Наполеонъ настоятельно требовалъ отъ Удино и Сен-Сира наступательныхъ дѣйствій противъ Витгенштейна; отъ Макдональда на Ригу и отъ кн. Шварценберга противъ Тормасова. Такимъ образомъ, оправивши двухнедѣльной остановкой въ Витебскѣ свои войска, Наполеонъ призналъ возможнымъ перейти въ наступленіе въ то же самое время, когда полковникъ Толь

счелъ это возможнымъ послѣ трехдневнаго отдыха русскихъ войскъ въ Смоленскѣ, оказавшагося дѣйствительно столь же достаточнымъ для нихъ, какъ двухнедѣльный для французскихъ.

Но этимъ удобствомъ, слѣдствіемъ условій движенія войскъ въ собственной странѣ, имѣя правительственныя учрежденія къ своимъ услугамъ, ограничивалась вся благопріятная сторона военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ. Наступать они должны были противъ болѣе многочисленныхъ враговъ, съ опасностью подвергнуть Смоленскъ своимъ удаленіемъ занятію безъ боя французами. Эта опасность едва не осуществилась во время безплодныхъ движеній передъ Рудней, но была предупреждена благодаря военной прозорливости Багратіона, ожидавшаго, несогласно съ мнѣніемъ Барклая, наступленія французовъ по лѣвому берегу Днѣпра на Красное, а не со стороны Витебска или Рудни, несмотря на появленіе французскихъ отрядовъ въ означенной мѣстности, изъ коихъ конный отрядъ генерала Себастіана потерпѣлъ при Спасъ-Куплѣ значительный уронъ отъ русскихъ. Для задержанія возможнаго наступленія французовъ черезъ Красное, въ немъ былъ оставленъ кн. Багратіономъ отрядъ генерала Невѣровскаго, оказавшаго незабвенную услугу своимъ стойкимъ, истинно молодецкимъ отступленіемъ отъ Краснаго къ Смоленску 2 и 3 августа, передъ превосходными силами Мюрата, располагавшаго большинствомъ наполеоновской конницы (15.000-ми всадниковъ) съ нѣкоторой частью пѣхоты и недостаточнымъ, впрочемъ, числомъ орудій. Отрядъ Невѣровскаго, отчасти состоящій изъ молодыхъ солдатъ 27-ой дивизіи, пользуясь защитой деревьевъ, посаженныхъ вдоль дороги и всякимъ встрѣчаемымъ по пути препятствіемъ—оврагомъ, строеніемъ—отступалъ отбиваясь, сначала сворачивая карре, наконецъ, въ нестройной толпѣ, но все время нанося тяжелый уронъ наступающимъ превосходнымъ силамъ французовъ. Незначительная часть конницы (харьковскіе драгуны и 3 казачьихъ полка), находящаяся въ составѣ отряда, значительно пострадала, и изъ 10 орудій, которыми располагалъ Невѣровскій, онъ потерялъ семь, что, вмѣстѣ съ выбывшими изъ строя около 2000 человѣкъ, представлялось начальнику отряда, несмо-

тря на всю стойкость обороны, тяжелымъ пораженіемъ, за которое онъ опасался отвѣтственности, не ожидая послѣдовавшаго громкаго прославленія его подвига.

Заслуга Невѣровскаго.

Въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ случайностяхъ войны, *слѣпая фортуна* языческой миѳологіи не осталась безучастной. Брошенный, отчужденный Днѣпромъ, не составляющимъ, впрочемъ, въ этой мѣстности непреодолимаго препятствія сообщенію съ остальнымъ русскимъ войскомъ, Невѣровскій съ честью выдержалъ напоръ передового отряда главныхъ силъ *великой арміи*, не давши себя въ полонъ многочисленной конницѣ Мюрата, огромное численное превосходство которой давало вполнѣ послѣднему возможность достигнуть этого. Такой неожиданно благополучный исходъ отступленія отчужденнаго русскаго незначительнаго отряда склонилъ самихъ французовъ оправдывать неумѣлость Мюрата исключительно доблестнымъ поведеніемъ войскъ, предводимыхъ Невѣровскимъ. На нашъ взглядъ, своимъ бравымъ отступленіемъ къ Смоленску, за 6 верстъ не доходя котораго было выслано ему подкрѣпленіе Багратіономъ, исправившимъ такимъ образомъ оплошность оставленія Смоленска съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ подъ угрозой наступленія главныхъ силъ Наполеона, Невѣровскій ознаменовалъ себя несомнѣнной заслугой участія въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ случаевъ Отечественной войны. Но этого не было бы, можетъ быть, достаточно для превознесенія этого въ общемъ довольно заурядnаго, но несомнѣнно храбраго генерала, не послужи ему будущій фельдмаршалъ Паскевичъ свидѣтелемъ и превозносителемъ его подвига, о которомъ, кромѣ кудреватыхъ разсказовъ этого мастера раздуть всякій военный успѣхъ (способствовавшій ему впослѣдствіи достиженія *степеней извѣстныхъ*), сохранились подробности у перваго историка Отечественной войны (Михайловскаго Данилевскаго), успѣшно украсившаго ими подвигъ Невѣровскаго со словъ Паскевича.

Добродѣтели и изъяны Барклая.

Какъ уже упомянуто выше, у стѣнъ Смоленска Отечественная война теряетъ свой обликъ нерѣшительнаго, слишкомъ осмотрительнаго для народнаго самолюбія отпора вражескаго нашествія: начиная съ первыхъ чиселъ августа, война перестала ограничиваться столкновеніями отря-

довъ враждующихъ войскъ, и настали кровопролитныя сраженія главныхъ воюющихъ силъ, въ которыхъ они усѣяли поля сраженій десятками тысячъ труповъ. Тщеславіе нѣсколькихъ пришельцевъ-совѣтниковъ и мудрость *заднимъ умомъ*, которая оказывается предусмотрѣвшей всѣ великія событія *послѣ* ихъ совершенія, придали для потомства этой первой половинѣ войны какой-то предумышленный, искусственный ходъ, который въ дѣйствительности образовался силою обстоятельствъ, независимо отъ мудрыхъ совѣтовъ и *запоздавшей* предусмотрительности самозванныхъ руководителей; точно такъ же, какъ ходъ ихъ мало подвергся вліянію Барклая де-Толли и его невольной осмотрительности, имѣющей очень мало общаго съ зрѣлымъ и глубоко-обдуманнымъ образомъ дѣйствій, которыя принято ему приписывать. Если выше было указано, что порицатели его, въ лицѣ Багратіона и Ермолова, не были не только безусловно правы, но даже искренни въ своихъ строгихъ осужденіяхъ его нерѣшительности, то этимъ не имѣлось въ виду доказать, что Барклай сознательно осуществлялъ обдуманный образъ дѣйствій. Честный, неустрашимый и распорядительный въ подробностяхъ, Барклай не обладалъ ни военнымъ чутьемъ и находчивостью въ огнѣ Багратіона, ни сообразительностью и умомъ Ермолова; но первый приносилъ беззавѣтно свои не особенно блестящія способности на службу государю и отечеству, а послѣдніе не забывали ими пользоваться помимо службы *царю и отечеству*, не только въ угожденіе собственному тщеславію, но и въ ущербъ своихъ соперниковъ. Но честность и прямота Барклая не обезпечивала ему яснаго и твердаго взгляда на военныя дѣйствія, которыми онъ былъ призванъ руководить. Вся его переписка съ государемъ и другими главнокомандующими во время пребыванія войскъ подъ Смоленскомъ ясно указываетъ, что ясный, опредѣленный взглядъ на желательный и полезный образъ дѣйствія въ отраженіи Наполеона, несомнѣнно, у него отсутствовалъ. Его колебанія подъ Рудней вызывались неумѣніемъ опредѣлить, возможно ли наступленіе и вѣроятенъ ли *прорывъ* въ средину расположенія наполеоновскихъ войскъ, или неумѣстна и непосильна такая слишкомъ смѣлая попытка противъ пре-

восходнаго во всѣхъ отношеніяхъ противника. Точно также, передъ ропотомъ народнаго самолюбія и явнымъ осужденіемъ и недоброжелательствомъ своихъ сподвижниковъ, онъ лишенъ опредѣленнаго взгляда въ выборѣ между защитой Смоленска и сбереженіемъ ввѣреннаго ему войска.

Вскорѣ послѣ Смоленска Барклай былъ устраненъ отъ главнаго руководительства дѣйствующими войсками, и это удаленіе его вліянія на ходъ борьбы съ нашествіемъ невольно вызываетъ желаніе выяснить достоинства и слабыя стороны этого несомнѣнно доблестнаго рыцаря, но не щедро одареннаго военачальника. Въ осужденіи его нерѣшительности и ненужной осторожности столько же пристрастной и, можетъ быть, умышленно-напускной недоброжелательности со стороны Ермолова и полу-*восточнаго человѣка* Багратіона, насколько невѣрна придуманная впослѣдствіи *легенда* глубокомысленныхъ и предусмотрительныхъ соображеній Барклая де-Толли. Нельзя ему отказать въ безусловномъ уваженіи, нужно преклоняться передъ его неустрашимостью, чуткою честностью, и можно имъ гордиться какъ однимъ изъ доблестнѣйшихъ рыцарей Отечественной войны. Но не имѣя дарованія руководить умомъ и волею подчиненныхъ, онъ этимъ самымъ обличалъ безсиліе своихъ личныхъ дарованій.

Настроеніе народа.

Въ то время когда подъ Смоленскомъ борьба съ нашествіемъ принимала болѣе рѣшительный и сугубо кровопролитный оборотъ, когда росли опустошенія и насилія всякаго рода, претерпѣваемыя отъ непомѣрно многочисленныхъ наполеоновскихъ полчищъ и отъ безчисленныхъ мародеровъ, съ трудомъ и насиліемъ добывающихъ необходимое продовольствіе — французы, проникнувши въ коренныя русскія земли, легли такой нестерпимой тяжестью на ихъ безопасность и благосостояніе, что нашествіе застало не только готовность къ самоотверженной и отчаянной оборонѣ, но и возбужденное народное чувство, готовое не только на всякія жертвы, но и на лютое возмездіе за поруганіе отчизны. Эти чувства въ раз-

личныхъ слояхъ народонаселенія видоизмѣнялись подъ вліяніемъ склада понятій о чести и достоинствѣ, и отраженія въ сердцахъ чувства привязанности къ оскверненнымъ пришельцами очагамъ и родной землѣ, но сверху до послѣднихъ слоевъ, эти чувства выражали *непримиримость* съ наглымъ нашествіемъ. Житейскія условія и преданія пережитаго столѣтія внесли свои вклады въ тѣ побужденія, которыя обострили народныя страсти и придали имъ отчаянную непримиримость. Дворяне и военные, воспитанные въ преданіяхъ побѣдъ, завоеваній и грознаго обаянія среди сосѣдей ихъ родины, не могли безъ негодованія оставаться свидѣтелями ея поруганія. Духовенство и народъ въ насильникахъ и обидчикахъ своихъ ненавидѣли и презирали иновѣрцевъ, осквернителей церковной, завѣтной святыни, полчища которыхъ въ ихъ представленіи являлись *басурманами*, а предводитель которыхъ, Наполеонъ, для многихъ считался Антихристомъ. Склонность народной исключительности и невѣжества къ такому взгляду на иноземцевъ была поощрена воззваніями 1807 года и новыми манифестами и воззваніями, читаемыми въ церквахъ, въ исключительно торжественной обстановкѣ. Если съ этимъ сопоставить всѣ тягости нашествія — повторяющіеся рекрутскіе наборы, съ сопровождающими ихъ горемъ и поборами, разоренія, пожары и всѣ страхи, разносимые стоустой молвой, то представленіе о глубокомъ потрясеніи народонаселенія сдѣлается наглядным, и его воинственное, не только геройское, но и *лютое* настроеніе представится естественнымъ.

Послѣ славныхъ петровскихъ и екатерининскихъ временъ, въ глазахъ военныхъ и дворянъ появленіе и проникновеніе въ глубь страны побѣдоносныхъ наполеоновскихъ войскъ представлялось чѣмъ-то чудовищнымъ. Среди народа, кромѣ горя и страха, оно еще потрясеніемъ существующаго порядка и устраненіемъ при появленіи нашествія правительственныхъ и помѣщичьихъ тисковъ, которыми онъ ограждался, вызывало проявленіе неизбѣжной разнузданности или просто отчаянія, которыя въ другихъ обстоятельствахъ причиняли уходъ въ *станичники*, въ пугачевщину; а лицомъ къ лицу съ пришельцами, позорящими родную мать-*Родину* — поощряли проявленіе

воинственнаго задора, жажды возмездія надъ обидчиками, порождавшихъ народныхъ витязей, дѣйствующихъ на свой страхъ или въ составѣ *партизанскихъ* отрядовъ, о дѣйствіяхъ которыхъ мудрѣйшій изъ мудрыхъ того времени, Кутузовъ, не даромъ отзывался, говоря о своемъ зятѣ, — «Кудашевъ опять гдѣ-то *разбойничаетъ* съ своимъ отрядомъ!»

Но всѣ проявленія народной нетерпимости къ нарушенію его независимости тѣмъ драгоцѣнны для памяти потомства, не взирая на рѣзкія ихъ черты, что этотъ таинственный незнакомецъ — душа народная — искренне и самозабвенно льнулъ къ тѣмъ, которые выше всего и непримиримѣе другихъ возносили знамя народной независимости! Заявляя неоднократно о своей рѣшимости не вступать въ мирные переговоры, доколѣ одинъ вооруженный врагъ будетъ находиться въ предѣлахъ отечества, Александръ послужилъ зычнымъ откликомъ *души народной*, и на время изъ обаятельнаго свѣтскаго человѣка, заискивающаго въ собесѣдникѣ, еще болѣе нежели въ общественномъ мнѣніи, поощренія своему прекраснодушію, обратился въ доблестнаго выразителя души народной, и потому ему принадлежитъ первое мѣсто въ этомъ славномъ движеніи, не только на основаніи облекавшей его власти, но и потому, что онъ сдѣлался достойнымъ представителемъ народнаго пробужденія!

Государю показалось или его увѣрили, что для гласнаго провозглашенія тѣхъ чувствъ, которыя должны были его объединить съ душою народною, его бывшій ближайшій сотрудникъ Сперанскій не только неудобенъ, но и опасенъ, по тому недоброжелательству, которое онъ возбуждалъ во многихъ современникахъ, и по тѣмъ подозрѣніямъ, которыя онъ самъ поощрялъ, чтобы жертвою этого опостылѣвшаго временщика, сдѣлавшагося ему обременительнымъ слишкомъ послѣдовательнымъ проведеніемъ преобразованій, въ отношеніи которыхъ Александръ предпочиталъ оставаться *вокругъ да около* — искупить накопляющееся недоброжелательство, и вызвать порывъ народной привязанности къ собственной личности. Думается, что незаслуженная жестокость къ Сперанскому

была вмѣстѣ съ этимъ совершенно напрасной жертвой, и народная любовь безъ этого сопровождала бы государя въ священномъ дѣлѣ самоотверженной защиты отечества. Взамѣнъ Сперанскаго призванъ былъ вице-адмиралъ Шишковъ, которому поручалось Александромъ изложеніе воззваній и манифестовъ, обращаемыхъ къ русскому народу для возбужденія его усердія къ оборонѣ государства. Шишковъ, ознаменовавшій себя до того главнымъ образомъ своимъ пристрастіемъ къ *старому слогу*, воспользовался этимъ торжественнымъ случаемъ, чтобы примѣнить свое пристрастіе. Не обладая никакими выдающимися дарованіями, но будучи человѣкомъ честнымъ и искренне преданнымъ своему отечеству, онъ исполнилъ это порученіе по своему крайнему разумѣнію, на искусственномъ, полу-славянскомъ и довольно безжизненномъ языкѣ, но это нельзя ему обратить ни въ укоръ ни въ заслугу, хотя нужно полагать, что Сперанскій былъ бы несомнѣнно болѣе краснорѣчивымъ выразителемъ того несомнѣннаго подъема чувствъ, которымъ воодушевлена была Россія. Высокое настроеніе и усердная отзывчивость русскаго къ воззванію своего Царя ставили, такъ сказать, краснорѣчіе въ тѣнь, и услуги Шишкова или Сперанскаго дѣлались почти безразличными. Но это не лишаетъ Шишкова его крупной заслуги передъ лицомъ отечества, когда онъ своимъ прямодушіемъ и смѣлостью способствовалъ въ Дриссѣ отъѣзду государя изъ лагеря.

Обстоятельства получили такое грозное и торжественное значеніе для судьбы народа, что ни ссылка Сперанскаго ни назначеніе Шишкова государственнымъ секретаремъ не могли замѣтно отразиться на ходѣ событій и на общественномъ настроеніи, надъ которыми господствовало угрожающее и вполнѣ достойное рѣшеніе государя, повелителя великаго народа, объявившаго непримиримую борьбу съ пришельцами. Для воспаленія воинственнаго духа, кромѣ самого Царя и отчасти духовенства, никто не оказалъ особеннаго вліянія до появленія во главѣ войскъ Кутузова; значеніе, приписываемое Ростопчину иностранцами, благодаря его крикливому и назойливому напоминанію о своемъ благотворномъ вліяніи въ Москвѣ на общественное настроеніе, добившемуся признанія самимъ Александромъ

этой заслуги, не болѣе какъ крупное недоразумѣніе, вызванное тѣмъ безпокойнымъ, вѣчно бьющимъ на озадаченіе современниковъ образомъ дѣйствій, которыми отличался этотъ хлесткій болтунъ, съ разговорными пріемами французскаго остряка и правительственными обычаями татарскаго баскака. Этотъ бывшій сподвижникъ и довольно удачный ученикъ Павла Петровича былъ въ особенности мастеромъ замѣнять послѣдовательное и благоразумное руководство правительственными распоряженіями выкидываніемъ какого-нибудь колѣнца, и принятіемъ произвольныхъ и жестокихъ мѣръ. Вмѣсто спокойнаго обсужденія, и въ случаѣ нужды заслуженнаго осужденія чужихъ мѣропріятій, онъ впадалъ въ праздное острословіе или даже въ наглую клевету. До полученія назначенія государемъ на мѣсто главнокомандующаго въ Москвѣ, онъ проводилъ время въ клубѣ въ злословіи и издѣвательствѣ надъ власть имѣющими, перемывая, по народному выраженію, косточки всѣмъ и каждому. При паденіи Сперанскаго, онъ разразился въ письмахъ къ государю бранью и клеветой на павшаго временщика, порываясь даже захватить его въ свои руки, чтобы дать надъ нимъ просторъ своимъ баскачьимъ пріемамъ. Когда подавленный горемъ и отвѣтственностью Кутузовъ уводилъ сквозь Москву свои войска, онъ съ пѣною у рта обрушился на незамѣнимаго, по обстоятельствамъ времени, избранника общественнаго мнѣнія, чтобы позорить заслуженнаго маститаго предводителя, и опять въ письмахъ къ государю спѣшилъ обвинять его и приписывать себѣ дѣйствительныя и небывалыя заслуги. Его татарскія выходки *торговыхъ* казней невинныхъ французовъ и народнаго растерзанія жалкаго Верещагина были способами ободрять настроеніе Москвы. Было бы униженіемъ для народнаго духа признавать такіе способы достойными торжественности переживаемыхъ событій. Не менѣе его татарскихъ правительственныхъ пріемовъ (о которыхъ можно узнать кое-что въ его перепискѣ съ его сотрудникомъ полицеймейстеромъ Брокеромъ, щеголяющей словомъ сѣки, сѣки...) возмутительно то краснорѣчіе его пресловутыхъ афишекъ, которымъ онъ предполагалъ вселить бодрость московскому населенію. Балагурство, напоминающее прибаутки «Петрушки», могло тѣшить

такую же рыночную, бродячую толпу, какъ и представитель народнаго, площаднаго остроумія; но допускать, что въ минуту, когда рѣшались безопасность очага и неприкосновенность народной святыни, «Петрушкины» прибаутки могли служить врачеванію сокрушительной заботы, было издѣвательствомъ надъ обрушившимся надъ родиной бѣдствіемъ. Изложенное можетъ быть окажется небезполезнымъ, чтобы устранить представленіе о значеніи Ростопчина въ подъемѣ настроенія Москвы, какъ сердца Россіи.

Заслуги Ростопчина въ незабвенную годину должны признаваться только въ предѣлахъ успѣха тѣхъ распоряженій, которыми были обезпечены спасеніе казеннаго имущества отъ захвата врагомъ (не вполнѣ имъ достигнутое), огражденіе мирныхъ обывателей отъ военныхъ бѣдствій, въ которомъ онъ оказался не чуждъ колебаній и противорѣчій, и наконецъ въ его участіи, которымъ онъ то тщеславился, то отрицалъ, въ *пожарѣ* Москвы; но признавать въ немъ одного изъ главныхъ руководителей народнаго настроенія, неразрывно связаннаго своими мыслями и чувствами съ духомъ народнымъ—совершенно незаслуженная честь для этого франко-татарскаго балагура-правителя. Воодушевленіе для борьбы съ пришельцами не нуждалось въ его поощреніи, имѣя болѣе дѣйствительныхъ двигателей въ своемъ источникѣ, а заслуга участія въ пожарѣ Москвы требуетъ выясненія *дѣйствительности* этого участія и *умѣстности* этой жертвы для спасенія отечества.

Жертвы народнаго настроенія. При проѣздѣ Александра изъ Дриссы въ Москву черезъ Смоленскъ, какъ уже было упомянуто, предводитель дворянства губерніи Лесли заявилъ отъ лица всего сословія самую щедрую готовность принять участіе въ вооруженіи и оборонѣ отечества. При существующемъ въ то время владѣніи дворянами крѣпостными людьми, первой и самой существенной жертвой являлась *поставка* этихъ людей, снаряженныхъ и обезпеченныхъ на нѣкоторое время продовольствіемъ. Но кромѣ этой чувствительной жертвы, слишкомъ наглядно обрушивавшейся, по тогдашнему строю общества, на жизнь и до-

статки крѣпостныхъ людей, рядомъ являлись болѣе непосредственныя жертвы, проявленіемъ усердія при заполненіи офицерскихъ должностей, пожертвованіемъ деньгами, оружіемъ, хлѣбомъ, лошадьми, и дѣятельнымъ участіемъ собственнымъ трудомъ въ образованіи и снабженіи этого ополченія. При стѣсненномъ состояніи государственной казны, отсутствіи предпріимчивости и средствъ для своевременнаго снаряженія и снабженія многочисленныхъ запасовъ войскъ и вновь образуемыхъ ополченій, непосредственное участіе дворянства въ дѣлѣ оборудованія обороны, которому оно само доставляло самые необходимые предметы для обезпеченія защиты, составляетъ дѣйствительную заслугу сословій, въ особенности дворянства, принявшаго участіе въ этомъ доблестномъ дѣлѣ. Устранивши этимъ способомъ участіе большинства обычныхъ поставщиковъ, алчныхъ людей *наживы*, строящихъ свое благосостояніе на общественномъ бѣдствіи, самоотверженное участіе сословій не только много облегчило дѣло государственной обороны, но и облагородило его уменьшеніемъ участія въ немъ безсовѣстныхъ подрядчиковъ и ихъ покровителей, подкупныхъ чиновниковъ, черезъ руки которыхъ обыкновенно проходятъ всѣ относящіяся до этой нужды сдѣлки.

Подъемъ духа, восторженный пріемъ Царя и готовность крупныхъ пожертвованій проявились во время его однодневнаго пребыванія въ Смоленскѣ, въ которомъ представитель дворянства предложеніемъ самыхъ щедрыхъ жертвъ далъ толчокъ тому неудержимому стремленію къ участію въ дѣлѣ обороны кровью и имуществомъ, которое отразилось во всей коренной Руси, какъ раскаты грозы... Починъ выпалъ на долю Смоленска, которому первому и послѣднему пришлось извѣдать бѣдствія нашествія, но самыя внушительныя проявленія готовности на самыя тяжелыя жертвы и преданности достойному выразителю и руководителю непримиримаго отношенія къ поруганію родины наглымъ нашествіемъ — Русскому Царю — выказала, какъ и слѣдовало ожидать, первопрестольная столица, средоточіе коренного великорусскаго племени и гнѣздо, въ которомъ ютилось родовое дворянство и зарождалось торговое и промышленное сословіе.

Государь въ Москвѣ.

Государь пріѣхалъ въ Москву въ ночь съ 11 на 12 іюля, и съ утра 12-го началось его общеніе съ народомъ, съ представителями сословій, предшествуемое, по завѣту предковъ, молитвою, благословеніемъ Архипастыря Августина и поклоненіемъ святынѣ. Восторженно умиленная встрѣча народомъ появившагося на Красномъ Крыльцѣ кремлевскаго дворца прекраснаго и величественнаго самодержца, сопровождавшагося шумнымъ обожаніемъ во время выхода и слѣдованія въ соборы, послужила предзнаменованіемъ того порывистаго стремленія къ пожертвованіямъ, которое проявили дворянство и купечество при представленіи государю въ Слободскомъ дворцѣ. Мы не беремся судить, насколько увѣщанія и краснорѣчіе Ростопчина приготовили почву къ проявленію готовности принесенія жертвъ, допуская вообще, что правительственное и довѣренное лицо, въ странѣ съ неразвитой самодѣятельностью, невольно должно было приложить руку, чтобы развязать *узлы*, которыми стѣснена самодѣятельность. Въ глазахъ исторіи, такое участіе не можетъ заслонять значенія увлеченія, которое господствуетъ въ странѣ переживающей потрясенія, подобныя обрушившимся на Россію, и въ которомъ подъемъ духа, самоотверженіе и единодушіе власти и сословій рѣшаютъ для народа роковой вопросъ: *быть или не быть*, два раза съ честью рѣшенный нашимъ отечествомъ—при Мининѣ и Пожарскомъ — Александрѣ и Кутузовѣ. Восторженность встрѣчи Александра представителями сословій и стремительный потокъ ихъ предложеній къ подножію престола, что въ переживаемыхъ торжественныхъ событіяхъ принимало несомнѣнное значеніе жертвы на *алтарѣ* отечества,— такъ наглядно объясняется торжественностью встрѣчи среди опасностей родины, прямымъ обращеніемъ Царя, привлекательнаго и умиленнаго, къ содѣйствію своихъ подданныхъ, что содѣйствіе франко-татарскаго краснорѣчія и калмыцкой привлекательности московскаго главнокомандующаго невольно представляется излишнимъ.

Восьмидневное пребываніе государя въ Москвѣ имѣло несомнѣнно благодѣтельное вліяніе на ходъ событій, въ томъ желательномъ смыслѣ, который былъ указанъ Александру въ Дриссѣ Шишковымъ, чутко сознающимъ, что въ годину испытанія мѣсто Русскаго Царя было среди

его народа, въ общеніи съ его горемъ и надеждами, а не среди происковъ иноземцевъ, стремящихся закабалить власть русскаго самодержца и средства его покорнаго народа для извлеченія западныхъ державъ изъ западни, въ которую ихъ повергли ихъ несогласія и алчность. Не только въ Москвѣ, въ порывахъ умиленія, вызваннаго успѣхомъ прямого обращенія къ представителямъ сословій, и невольнаго обольщенія тѣмъ *обожаніемъ*, съ которымъ его встрѣтило *сердце* Россіи, Александръ неоднократно высказывалъ значеніе *незабвенности* переживаемыхъ имъ впечатлѣній; но и по возвращеніи въ Петербургъ, въ тѣсномъ кругѣ придворныхъ приближенныхъ, онъ высказывалъ восторгъ, внушаемый ему *русскимъ народомъ*, его самоотверженіемъ, усердіемъ, и казалось, что онъ сознавалъ къ чему его обязываетъ такое беззавѣтное довѣріе и такая горячая преданность народа... Къ несчастію, не долго продержалась восторженная умиленность доблестями русскаго народа, и Александръ не замедлилъ отъ служенія русскаго престола русскому народу отвлечься служеніемъ русскаго народа нѣмецкимъ дѣламъ.

Тѣ послѣдствія пребыванія Александра въ Москвѣ, которыя выразились въ закрѣпленіи его единодушія съ народомъ, въ рѣшимости не поддаваться малодушному смиренію, несмотря на присутствіе врага среди отечества; въ готовности тяжелыхъ жертвъ и въ воинственномъ возбужденіи, увлекшемъ значительную часть мирныхъ обывателей Смоленской и Московской губерній къ непосредственному участію въ вооруженномъ сопротивленіи нашествію—несомнѣнно должны высоко цѣниться, точно такъ же, какъ умилительны и неоцѣненны жертвы при истребленіи имущества, чтобы не допустить пользоваться имъ врагу, или посвященіи его на содержаніе защитниковъ родины, или соотечественниковъ, удаляющихся изъ опустошаемаго врагомъ края. Такія жертвы приносило дворянство, снабжая войска своими достатками; то же самое дѣлали горожане и поселяне, давая пріютъ убѣгающимъ жертвамъ нашествія. Несравненно меньшую пользу оказали жертвы, принесенныя снаряженіемъ ополченія, услуги котораго въ дѣлѣ обороны нисколько не соотвѣтствовали той тяжести, которой онѣ легли на достатокъ, и той численности (око-

ло 200.000 чел.), которой удалось достигнуть съ большимъ ущербомъ для народнаго хозяйства и съ тяжелымъ гнетомъ надъ захваченными въ ополченіе людьми. Призванные для защиты отечества люди, по недостатку вооруженія, часть котораго осталась невывезеннымъ Ростопчинымъ въ Москвѣ, и погибла тамъ вмѣсто того, чтобы послужить вооруженію ополченія, не могли дѣятельно участвовать въ военныхъ событіяхъ, за исключеніемъ Петербургскаго ополченія, снабженнаго оружіемъ, и въ составъ котораго было зачислено много солдатъ изъ запасныхъ и гарнизонныхъ войскъ. Московское ополченіе и ополченіе всего Московскаго округа несло службу при обозахъ, при лазаретахъ и при уборкѣ раненыхъ на полѣ битвы, и вообще облегчало возможность располагать строевыми частями исключительно для боевой службы, избавляя ихъ отъ всѣхъ дѣйствій, отвлекающихъ обыкновенно часть строевого состава. Удовлетворительно вооруженное и обставленное, такъ сказать, рамками настоящихъ солдатъ (около $^1/_5$), петербургское ополченіе сражалось на ряду съ испытанными войсками Витгенштейна и вызвало похвалу противника послѣдняго, Гувіонъ де-Сен-Сира.

Усердіе и самоотверженіе жертвователей, поставившихъ ополченіе, вслѣдствіе недостатка готоваго оружія и времени оказалось безсильнымъ быстро возстановить равновѣсіе между воюющими сторонами боевыхъ ихъ составовъ; но это рвеніе возмѣстило то, чего не въ силахъ было создать, тѣмъ обиліемъ продовольствія, теплой одежды и обезпеченіемъ всѣхъ потребностей русскихъ войскъ, которыя придали имъ мало-по-малу перевѣсъ надъ французскими войсками, вынужденными продовольствоваться насиліями и опустошеніемъ края, создавая вокругъ себя озлобленную и почти безлюдную пустыню, среди которой скитались ихъ же мародеры и доведенные до неумолимой мстительности мѣстные жители.

Сраженія подъ Смоленскомъ.

Въ то время когда Невѣровскій отступалъ, отбиваясь отъ Мюрата, 2-ая армія тянулась въ противоположномъ направленіи на другомъ берегу Днѣпра, въ исполненіе тѣхъ нерѣшительныхъ передвиженій, которыми выразилось

несогласіе Барклая какъ бы съ самимъ собою (въ противорѣчіи обѣщаній наступленія и опасеній обхода со стороны Наполеона) и еще болѣе несогласіе его съ Багратіономъ и другими предводителями, щеголяющими своимъ нетерпѣніемъ навалить на французовъ. Послѣдніе спѣшили съ своей стороны стянуть войска къ Смоленску, чтобы предупредить русскихъ въ занятіи этого *ключа* коренной Руси, составляющаго устарѣвшую твердыню, обнесенную построенной Борисомъ Годуновымъ каменной стѣной, и нѣсколько усиленную закрытымъ земляным путемъ. Въ ночь со 2-го на 3-ье августа Невѣровскій отступилъ въ находящійся недалеко отъ смоленскихъ укрѣпленій оврагъ; перестрѣлка его отступленія доносилась до находящагося въ тылу Багратіоновской арміи корпуса Раевскаго, поспѣшившаго препроводить своему начальнику извѣстіе о наступленіи французовъ на Смоленскъ, которое привезъ ему посланный Невѣровскимъ офицеръ. Это вызвало распоряженіе Багратіона послать чрезъ Смоленскъ подкрѣпленіе Невѣровскому, которое примкнуло къ нему утромъ 3-го числа, въ мѣстности, къ которой его оттѣснилъ наступающій Мюратъ. Часть дня прошла спокойно, и весь корпусъ Раевскаго успѣлъ, пройдя Смоленскъ, занять расположеніе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, въ ожиданіи нападенія Наполеона. Къ вечеру передовая его конница показалась въ виду войскъ Раевскаго, въ то время когда остальныя войска Багратіона находились въ 30 верстахъ отъ него, а 1-ая армія еще на 10 верстъ далѣе. Такимъ образомъ, ошибочныя предположенія Барклая относительно направленія наступленія французовъ (которыхъ онъ ожидалъ между Витебскомъ и Смоленскомъ) не имѣли особенно неблагопріятныхъ послѣдствій, благодаря стойкости отступленія Невѣровскаго и быстротѣ, съ которой къ нему примкнуло подкрѣпленіе Паскевича, а также появленію корпуса Раевскаго между Смоленскомъ и наступающими французами. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, какъ въ надеждѣ безвыходнаго разрозненія 1-ой и 2-ой русскихъ армій, въ предположеніи обойти подъ Витебскомъ Барклая и отбросить его отъ московской дороги, Наполеонъ потерпѣлъ разочарованіе и въ предпринятомъ предупрежденіи русскихъ въ Смоленскѣ: во всемъ наступленіи ни

одно изъ его *соображеній*, столь охотно величаемыхъ его французскими историками *мудрыми* (savantes) не увѣнчалось успѣхомъ, въ чемъ онъ откровенно сознавался, говоря, что «рѣшено, что въ этой кампаніи мы дѣлаемъ только глупости» (il est décidé que nous ne faisons que des sottises dans cette campagne!) И несмотря на это сознаніе, французы упорно приписываютъ ея неудачу исключительно *явленіямъ природы*, которыя вѣроятно по ихъ понятіямъ должны были измѣнить свое теченіе въ угожденіе безразсудному предпріятію ихъ идола? Но если стойкость Невѣровскаго и бдительность Раевскаго и Багратіона лишили Наполеона плода его *мудраго* предположенія предупрежденія русскихъ въ Смоленскѣ, то ни подвиги русскихъ отрядовъ, ни распорядительность ихъ предводителей не принесли въ этомъ случаѣ никакихъ очевидныхъ плодовъ для обороны страны, вслѣдствіе отсутствія положительнаго рѣшенія со стороны Барклая, слѣдовало ли изъ обороны Смоленска сдѣлать рѣшительное испытаніе возможности преградить наступленіе Наполеона, или нужно рѣшиться имъ пожертвовать, чтобы уберечь войско, единственную ограду независимости государства, отъ вѣроятной гибели въ борьбѣ съ многочисленнѣйшимъ врагомъ? Испытывая, вѣроятно, томительныя колебанія (вопреки сложившейся легендѣ о его непоколебимой рѣшимости), ему приходилось еще ограждать себя отъ несогласій съ Багратіономъ и отъ подкоповъ другихъ недоброжелателей, руководимыхъ Ермоловымъ, Платовымъ и другими...

Въ ночь съ 3 на 4 августа, въ то время когда со стороны русскихъ соединялись подъ Смоленскомъ дивизіи Невѣровскаго, Паскевича и Бороздина и нѣсколько конныхъ полковъ подъ начальствомъ Раевскаго, Наполеонъ приближался во главѣ 180 или 190.000-наго войска. Подъ стѣнами города и за его оградами произошелъ упорный и кровавый бой, положившій около 20.000 человѣческихъ тѣлъ, и несмотря на это не имѣвшій рѣшительнаго вліянія на судьбу войны, вслѣдствіе того что произошелъ безъ предварительнаго рѣшенія, слѣдуетъ ли сдѣлать его рѣшающимъ, или благоразумнѣе уклониться отъ этого.

Наступленіе французовъ было начато войсками Нея, которыя были задерживаемы упорной защитой Паскевича,

и не успѣли захватить слабо вооруженную земляную цитадель крѣпости, именуемую королевскимъ бастіономъ.

Постепенно начала приближаться многочисленная великая армія, наступая на защитниковъ Смоленска, въ то время, когда съ другой стороны Днѣпра приближались войска Багратіона (по его запискѣ къ Раевскому: «не иду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья!») и вслѣдъ за нимъ Барклая.

Натиски французовъ и огонь многочисленныхъ орудій, обстрѣливавшихъ Годуновскія стѣны города, не произвели во весь день 4-го августа другого дѣйствія, кромѣ убыли изъ строя съ обѣихъ сторонъ, но болѣе значительной со стороны наступающихъ французовъ, не имѣющихъ возможности пользоваться, подобно русскимъ, по мѣрѣ отступленія, прикрытіемъ сначала гласиса, а потомъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ. Если бы войска Нея показали болѣе настойчивости въ приступѣ на слабый по профилю и вооруженію *королевскій бастіонъ*, день 4 августа могъ бы окончиться рѣшительнымъ успѣхомъ для Наполеона, занятіемъ Смоленска, стоящаго между русскими войсками и русской первопрестольной столицей. Упорная оборона войскъ Раевскаго до самаго вечера, когда почти одновременно начали появляться на правомъ берегу Днѣпра войска Багратіона и позже Барклая, а на лѣвомъ, передъ стѣнами Смоленска, громадная масса наполеоновскихъ войскъ, сдѣлала свое дѣло: задуманное Наполеономъ предпріятіе оказалось неудавшимся, благодаря рѣшительности Раевскаго, принявшаго не дрогнувши первые удары *великой арміи*, и быстротѣ, съ которой подоспѣлъ къ нему на выручку Багратіонъ и вслѣдъ за нимъ Барклай де-Толли.

Наполеонъ, при видѣ сосредоточивавшихся русскихъ войскъ на другомъ берегу Днѣпра, надѣялся, что они воспользуются прикрытіемъ смоленскихъ укрѣпленій, чтобы перейти Днѣпръ и принять рѣшительное сраженіе, опираясь на древнія городскія твердыни. Барклай не рѣшился подвергнуть свои войска случайностямъ рѣшительнаго сраженія противъ многочисленнѣйшаго непріятеля, но вмѣстѣ съ этимъ не желалъ придать своему передвиженію видъ немедленнаго отступленія подъ прикрытіемъ Смоленска. Рѣшено было, съ общаго согласія съ Багра-

тіономъ, послѣднему отступать по Московской дорогѣ, для обезпеченія свободнаго обладанія ею русскимъ войскамъ и отраженія французовъ отъ этого пути. При этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущихъ, успѣвая избѣгать крайнихъ послѣдствій соображеній Наполеона для русскихъ, Барклай ни разу не додумывался до самостоятельнаго соображенія и опредѣленнаго образа дѣйствій. Если онъ рѣшился не принимать сраженія подъ Смоленскомъ, зачѣмъ онъ погубилъ подъ стѣнами его столько же людей, сколько могло бы вывести изъ рядовъ его настоящее сраженіе, и простоялъ цѣлый день въ виду Смоленска, чтобы отступить потомъ, окольными путями, на ту же московскую дорогу, въ первый день совершенно свободную, а на другой день, если и *несовершенно* прегражденную французами, то только благодаря крайней оплошности полу-помѣшаннаго маршала Жюно?

Кромѣ отсутствія твердаго рѣшенія со стороны Барклая, несомнѣнно, что наши движенія терпѣли отъ двоеначалія. По той стремительности, съ которой Багратіонъ «летѣлъ» на выручку Смоленска, и по той увѣренности (искренней или лукавой?), съ которой онъ, при донесеніи государю о своемъ отступленіи, выражалъ надежду на *удержаніе* Смоленска военнымъ министромъ, нужно было предоставить защиту Смоленска, если бы на это рѣшились, Багратіону, а Барклаю заботиться о немедленномъ отступленіи своей болѣе многочисленной арміи. Но, вѣроятно, военному министру, угнетенному ропотомъ за отступленіе, *откровенное* его продолженіе казалось слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ, горечь котораго могла только усугубиться предоставленіемъ чести Багратіону, при болѣе торжественныхъ условіяхъ и величественныхъ размѣрахъ, обновить славу, озарившую его, на глазахъ всей Руси, за Шёнграбенскій подвигъ.

Такимъ образомъ, въ нерѣшительной *рѣшимости* Барклая было установлено, что Смоленскъ будетъ защищаемъ не всей Багратіоновской 2-ой арміей, а однимъ корпусомъ Дохтурова, исполнившаго это трудное порученіе съ тѣмъ самоотверженіемъ и стойкостью, которыя отличали этого доблестнаго и скромнаго военачальника. Въ подкрѣпленіе ему была дана дивизія Невѣровскаго, а въ теченіе за-

щиты, когда убыль доблестныхъ защитниковъ прославленныхъ смоленскихъ твердынь совершенно обезлюдила ихъ ряды, была прислана дивизія принца Евгенія Виртембергскаго (нѣкогда вѣроятнаго *наслѣдника* Павла Петровича), предводителя несомнѣнно блестяще храбраго, хотя и нѣсколько заносчиваго и *рисующагося*; но всѣ усилія защитниковъ и понесенныя при оборонѣ жертвы людьми остались безплодными, такъ какъ вся защита не имѣла болѣе опредѣленной цѣли, кромѣ доказательства, что наши войска не отступаютъ безъ боя.

Первая половина дня 5 августа прошла въ неоднократныхъ наступленіяхъ частей корпусовъ Нея, Даву и Понятовскаго, стоящихъ вокругъ предмѣстій Смоленска, почти кольцомъ, отъ западнаго его края у Днѣпра (Красненское предмѣстье) до восточнаго у Раченки, имѣя наполеоновскую гвардію въ своемъ тылу. Успѣхъ нападеній былъ нерѣшительный, благодаря упорному сопротивленію Коновницына и принца Виртембергскаго у Малаховыхъ воротъ (въ серединѣ укрѣпленій) и Невѣровскаго на восточной ихъ оконечности у Раченки. Повидимому, Наполеонъ еще надѣялся выманить Барклая на рѣшительное сраженіе, или найти бродъ восточнѣе города черезъ Днѣпръ, чтобы перерѣзать путь отступленія русскимъ по московской дорогѣ. Испытавъ неудачу въ обоихъ предположеніяхъ, онъ приказалъ усилить наступленіе и огонь противъ города. Это увеличило уронъ войскъ съ обѣихъ сторонъ, но нужно полагать, что несмотря на огромныя потери, понесенныя нами въ частяхъ Коновницына и принца Виртембергскаго у Малаховыхъ воротъ, потери французовъ были еще значительнѣе, такъ какъ они не пользовались прикрытіемъ стѣнъ какъ наши войска, и сверхъ того были громимы нашими орудіями, установленными на правомъ берегу Днѣпра. Защита Смоленска, стоившая такихъ тяжкихъ жертвъ (Барклай сознается въ убыли 4000 человѣкъ, приписывая 12.000 французамъ?), хотя и продолжалась безъ сдачи до поздняго вечера, оказалась подъ конецъ исключительно защитой однѣхъ обагренныхъ русской кровью ветхихъ стѣнъ его, такъ какъ городъ, объятый и почти истребленный огнемъ, былъ отчасти покинутъ своими жителями, отчасти наполненъ жертвами истре-

бительнаго огня французскихъ орудій. Отступающія войска и бѣгущіе смоляне не рѣшились, покидая пепелище города, оставить въ немъ чтимую икону Божіей Матери, которая сопровождала наши отступающія войска. Въ 1-мъ часу ночи было приказано защитнику города Дохтурову отступить на правый берегъ Днѣпра и сжечь за собой мостъ. Этимъ завершилась почти трехдневная борьба на лѣвомъ берегу Днѣпра, причинившая совершенное истребленіе города и разореніе его жителей. При отступленіи изъ города, войсками Дохтурова были завалены входы его, и оставлено на противоположномъ берегу нѣсколько орудій для обстрѣливанія французовъ послѣ ихъ вступленія, которое произошло 6-го утромъ, при чемъ Наполеонъ лично обозрѣвалъ пепелище города и распоряжался установкой орудій противъ огня русскихъ орудій, стрѣляющихъ съ праваго берега Днѣпра. Въ то же самое утро Барклай отступилъ на возвышенія праваго берега, на порѣчской дорогѣ, оставивши Коновницына и Корфа въ смоленскомъ предмѣстьи праваго берега, вскорѣ объятаго огнемъ зажженнаго моста. Здѣсь, кромѣ перестрѣлки, происходили стычки между наступающими французами и войсками Корфа и Коновницына. Въ полдень стало замѣтно передвиженіе французовъ лѣвымъ берегомъ нешироказо здѣсь Днѣпра, противъ пролегающей на другомъ берегу московской дороги, по которой двигались войска Багратіона, вслѣдъ за которыми должны были слѣдовать стоящія на порѣчской дорогѣ войска, послѣ безучастнаго двухдневнаго пребыванія свидѣтелями гибели Смоленска.

Барклаю пришлось рѣшиться перейти на московскую дорогу, послѣ утраты опоры Смоленска и 2-суточной потери времени, находясь подъ угрозой не только нападенія съ лѣваго берега Днѣпра, не безопаснаго и до утраты Смоленска, но и подъ угрозой нападенія въ тылъ, сдѣлавшійся легко доступнымъ французамъ съ паденіемъ города. Отступленіе сдѣлалось несравненно затруднительнѣе при этихъ условіяхъ, нисколько не оправдываемыхъ соображеніями, изложенными въ донесеніи государю отъ 9-го августа, въ которомъ главнокомандующій утверждалъ, что будто бы цѣль защиты 5-го августа была достигнута пріостановленіемъ намѣренія непріятеля двинуться на Ельню

и Дорогобужъ. Задержанъ былъ въ этомъ движеніи не столько Наполеонъ, сколько Барклай, которому слѣдовало немедля предупредить Наполеона въ этомъ движеніи, не задерживаясь два дня, чтобы быть свидѣтелемъ гибели Смоленска. Передвигаться открыто по этому направленію 6-го, когда французскія войска занимали городъ и предмѣстье праваго берега, сдѣлалось несравненно опаснѣе, и вынудило очень затруднительное и опасное передвиженіе на московскую дорогу, не только тѣхъ войскъ, которыя защищали городъ, но и свидѣтелей ихъ геройской защиты, сдѣлавшейся, вслѣдствіе нерѣшительности и неопредѣленности намѣреній Барклая, безплодной для безопаснаго отступленія другихъ частей арміи. Устранено было не только участіе Багратіона въ защитѣ Смоленска, но сдѣлана безплодной жертва положенныхъ въ стѣнахъ его защитниковъ, какъ бы для того, чтобы сдѣлать нагляднѣе, какъ можно сдѣлать безполезнымъ новый доблестный Шёнграбенъ!

Отступленіе отъ Смоленска.

Чтобы обезопасить свое передвиженіе на московскую дорогу, Барклай простоялъ до вечера противъ Смоленска, и ночью началъ переводить войска двумя кружными дорогами, мало приспособленными вообще для движенія войска, орудій и обозовъ, а ночью сдѣлавшимися еще болѣе затруднительными. Для облегченія этихъ затрудненій, войска были раздѣлены на двѣ части, пробиваясь кружно черезъ лѣса и овраги по проселочнымъ дорогамъ, каждая часть въ составѣ нѣсколькихъ корпусовъ, подъ начальствомъ: 1-я—ген. Тучкова 1-го, на Лубино къ Бредихину, и 2-я, подъ начальствомъ Дохтурова, на Сущево и Прудище. Въ этомъ очень сложномъ и опасномъ передвиженіи, гибель 1-ой арміи была избѣгнута благодаря предусмотрительной рѣшимости ген. Тучкова, и стойкости, съ которой наши войска задержали у Лубина наступающихъ французовъ; но нельзя не упомянуть при этомъ, что не будь несогласія французскихъ маршаловъ въ отсутствіи Наполеона, и слѣпого упорства полу-помѣшаннаго Жюно, ущербъ нашихъ войскъ при этомъ передвиженіи не ограничился бы тѣми тяжкими потерями, которыя они понесли при Лубинѣ.

Отступавшія по московской дорогѣ войска Багратіона

должны были оставить въ тылу отрядъ для обезпеченія свободы движенія 1-ой арміи по московской дорогѣ, но, повидимому, не было достаточно выяснено, какое мѣсто слѣдовало оградить, чтобы сдѣлать дорогу свободной для отступленія первой арміи, и до какого срока ее выжидать. Оставленный кн. Багратіономъ съ этой цѣлью передъ Лубинымъ на 5-ое и 6-ое число кн. Горчаковъ, замѣтивъ, что французы начинаютъ строить мостъ черезъ Днѣпръ и могутъ его отрѣзать отъ Багратіона, поспѣшилъ отступить 7-го числа, тѣмъ поспѣшнѣе, что ему стало извѣстнымъ, что отрядъ Тучкова 3-го вышелъ впереди предводительствуемыхъ его братомъ Тучковымъ 1-мъ войскъ на московскую дорогу. Тучковъ 3-й, вмѣсто того чтобы продолжать движеніе съ своимъ отрядомъ въ направленіи Москвы, обратилъ его на смоленскую дорогу, чтобы оградить выбивающіяся съ большими препятствіями и затрудненіями на московскую дорогу войска Тучкова 1-го отъ вѣроятнаго нападенія наступающихъ изъ Смоленска французовъ. Это рѣшеніе, принятое по собственному почину, оказало незабвенную услугу, не только отряду Тучкова 1-го, но и всѣмъ войскамъ Барклая, которыя предусмотрительностью молодого генерала были избавлены отъ опасности застать выходы изъ затруднительнаго своего кружного перехода загражденными французскими войсками.

Повернувъ по направленію къ Смоленску, Тучковъ засталъ оставленныхъ Горчаковымъ казаковъ Карпова, которые разъѣздами обнаружили приготовленія Жюно у Прудища для перехода черезъ Днѣпръ. Часть выступающихъ на московскую дорогу войскъ Тучкова 1-го была присоединена къ отряду его брата, преграждающаго смоленскую дорогу; но войска второй половины 1-ой арміи встрѣтили въ своемъ кружномъ движеніи еще болѣе препятствій, нежели первая половина, и потому опоздали выходомъ на московскую дорогу. Изъ числа этихъ войскъ, по невозможности одновременнаго слѣдованія по тѣсной и неудобной дорогѣ, отстали болѣе другихъ корпусъ Багговута и отрядъ Корфа, которые оказались съ разсвѣтомъ 7-го числа въ Гедеоновѣ, близъ Смоленска, въ сосѣдствѣ наступающаго Нея, въ то время, когда Наполеонъ, послѣ недоумѣнія, по какому направленію слѣдуетъ преслѣдовать

отступающаго Барклая, приказалъ Нею спѣшить по направленію къ Москвѣ. Нападенія послѣдняго, впрочемъ, не очень настойчивыя (Ней спѣшилъ на московскую дорогу), были успѣшно отражены ограждающимъ отступленіе Багговута и Корфа принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, доставившимъ всему корпусу возможность пробиваться окольными путями къ Лубину.

Сраженіе у Страгани и Лубина.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія, задолго до появленія войскъ Багговута и Корфа на московской дорогѣ передъ полуднемъ начали здѣсь появляться войска Нея и завязывать перестрѣлку съ отрядомъ Тучкова, и тѣснить его огнемъ орудій. Тучкову пришлось отступить за рѣчку Страгань и здѣсь упорно отстаивать занятое расположеніе, въ непосредственномъ тылу котораго находился выходъ изъ обходной дороги на московскую, на которомъ ожидались войска Багговута и Корфа. Здѣсь до поздняго вечера напирали войска Нея и прибывающіе чрезъ Прудище изъ-за Днѣпра французы, подъ начальствомъ Мюрата и Жюно. Въ упорномъ бою постепенно приняли участіе дивизія Коновницына и многочисленная конница, подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова, занимавшая мѣстность между Страганью и Заболотьемъ, гдѣ шли безпрестанныя стычки съ французскими войсками, выступающими изъ Прудища, откуда русскимъ угрожала опасность быть отброшенными отъ московской дороги. Здѣсь Мюратъ тщетно настаивалъ въ своихъ усиліяхъ вынудить переходъ Жюно черезъ Днѣпръ, чтобы натискомъ влѣво расположенія русскихъ на Страгани сдѣлать невозможной дальнѣйшую защиту выхода отрядовъ Багговута и Корфа на московскую дорогу; но защита этой мѣстности упорно продолжалась подъ руководствомъ главнокомандующаго, подкрѣпившаго Тучкова и Коновницына нѣсколькими гренадерскими полками изъ Бредихина, дававшими этимъ войскамъ твердую опору, благодаря запасамъ, расположеннымъ въ Лубинѣ. Войска Нея истощались въ кровопролитной борьбѣ на Страгани, и онъ настоятельно требовалъ подкрѣпленія, донося Наполеону, что противники его безпрестанно увеличиваются въ числѣ. Послѣдній, повидимому, не придавалъ достаточнаго значенія завязавшемуся бою, не поспѣшилъ на поле сраженія, но выѣзжалъ

на короткій срокъ на правый берегъ Днѣпра, не отдаляясь отъ Смоленска. Онъ довольствовался распоряженіемъ итти Даву на подкрѣпленіе Нея, полагаясь на исполненіе маршаломъ Жюно предписаннаго ему движенія въ тылъ отступающихъ русскихъ войскъ. Распоряженія Наполеона оказались недостаточными; Даву не спѣшилъ выручать Нея, считая вѣроятно опаснымъ совершенно оголять отъ войскъ мѣстность у Смоленска на правомъ берегу Днѣпра, и отправилъ на Страгань одну дивизію Гюденя, вступившую позднимъ вечеромъ въ кровопролитную борьбу съ русскими защитниками этой мѣстности, сдѣлавшуюся послѣдней попыткой отбросить ихъ на вытягивающіеся изъ проселковъ послѣдніе русскіе отряды на московскую дорогу; но этотъ послѣдній ударъ упорной борьбы, въ которомъ погибъ Гюденъ и былъ взятъ въ плѣнъ раненый Тучковъ, оказался напрасной жертвой бравыхъ противниковъ, продолжавшихъ съ обѣихъ сторонъ сражаться съ одинаковымъ упорствомъ, въ то время когда выходъ послѣдняго русскаго отряда бар. Корфа лишилъ попытку французовъ возможности достигнуть преслѣдуемой ими цѣли. Бой прекратился позднимъ вечеромъ: всѣ русскія войска вытянулись на московскую дорогу, избѣгнувши угрожающей опасности быть обойденными или отрѣзанными отъ части своихъ войскъ и обозовъ. Этимъ успѣхомъ они были обязаны распорядительности Тучкова 3-го, самоотверженному поведенію частей, отстаивающихъ расположеніе на Страгани; бдительности и находчивости предводителя участвующей въ дѣлѣ подъ Заболотьемъ нашей конницы, гр. Орлова-Денисова, и вмѣстѣ съ этимъ, несомнѣннымъ боевымъ качествамъ самого главнокомандующаго, примѣрнаго руководителя войскъ въ самыхъ грозныхъ опасностяхъ, которыя онъ не всегда умѣлъ устранить своею предусмотрительностью. Въ этомъ сраженіи, жертвами котораго были не менѣе 6000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя съ французской стороны, и вѣроятно столько же и у насъ, названномъ французами боемъ у Валутиной горы, упорство и стойкость сражающихся снова, какъ при борьбѣ у стѣнъ Смоленска, явно доказали Наполеону, что стяжаніе легкихъ и блестящихъ успѣховъ, вызывающихъ униженную податливость почти обезоруженнаго противника, не дава-

лось ему болѣе въ руки. Его предположенія разрозненія двухъ русскихъ главнокомандующихъ, обходъ Барклая подъ Витебскомъ, предупрежденіе его въ Смоленскѣ, наконецъ даже плодъ послѣдствій его несомнѣнной ошибки при выборѣ времени и способа отступленія отъ этого города,— всѣ эти *козыри* ускользали изъ рукъ игрока, потерявшаго удачу и ея неизбѣжную спутницу, *увѣренность*. 7-го числа онъ несомнѣнно не обнаружилъ той бдительности и неусыпной дѣятельности, которымъ преимущественно былъ обязанъ предшествующими успѣхами на полѣ сраженія. Во время кровопролитнаго боя онъ оставался въ Смоленскѣ, и явился на поле сраженія съ разсвѣтомъ 8-го числа, чтобы наградить и благодарить войска и отличившихся въ огнѣ людей и выразить все свое негодованіе почти невмѣняемому Жюно. Торжественное провозглашеніе успѣха въ бюллетенѣ и награды, необходимыя для общественнаго мнѣнія, менѣе нежели когда бы то ни было, были искреннимъ выраженіемъ впечатлѣній Наполеона отъ хода предпринятой имъ войны. Съ одной стороны, ему не давалось въ руки случая блестящимъ и удачнымъ ходомъ поставить противника въ настолько затруднительное положеніе, чтобы вызвать *розыгрышъ* партіи: противникъ и уклонялся и не дѣлалъ такихъ промаховъ, которыми можно было бы воспользоваться, чтобы его, такъ сказать, припереть къ стѣнѣ. Съ другой стороны, содержаніе слишкомъ многочисленнаго наступающаго войска, величаемаго побѣдоноснымъ, въ нѣкоторомъ порядкѣ и довольствѣ, въ краѣ скудномъ и малонаселенномъ, очевидно дѣлалось не только затруднительнымъ, но почти невозможнымъ, и *великая армія* неудержимо стремилась къ разложенію. Такой неожиданный и необычный ходъ дѣла для баловня судьбы, *звѣзда* котораго замѣтно стала блекнуть, умѣрилъ рѣшительность и предпріимчивость Наполеона, отразившись на исходѣ сраженія у «Валутиной горы», въ которомъ предоставленные собственной волѣ маршалы не показали ни согласія ни необходимой рѣшимости, и тѣмъ лишили Наполеона вѣроятнаго успѣха,—что несомнѣнно отразилось на немъ, на ряду съ безплодностью сраженій у Смоленска и Валутиной горы, унесшихъ изъ французскаго строя около 20.000 чел., и вызвало нѣкоторые признаки отрезвленія.

Упадокъ самонадѣянности Наполеона.

Въ Смоленскѣ впервые ему стала являться мысль, не лучше ли остановиться въ своемъ нашествіи и воспользоваться этой остановкой, чтобы упорядочить управленіе пройденнаго края, и опереть на немъ прочные способы снабженія войскъ и сообщенія съ покорными странами и самой Франціей. Наполеономъ были даже вызваны нѣкоторыя совѣщанія по этому случаю, но присмотрѣвшись къ вызванному имъ вопросу, онъ неизбѣжно признавалъ его празднымъ. Прочной точки опоры для продолжительной стоянки войска не представляли ни Смоленскъ со своими окрестностями, несмотря на мнимую оборонительную линію, которую, въ воображеніи французовъ, образовывали верховья Днѣпра и Двины, маловодныя лѣтомъ и покрытыя прочнымъ льдомъ зимой; ни польскій край въ тылу Смоленска, по своей неурядицѣ и малой способности удовлетворять требованія французовъ снабженія *великой арміи* людьми и хлѣбомъ. Герцогство Варшавское было значительно истощено предшествовавшими требованіями Наполеона, а новоучрежденное управленіе въ Вильнѣ, подъ руководствомъ герцога Бассано, не успѣло, конечно, довольно быстро принять настолько прочное устройство, чтобы обезпечить нѣкоторую безопасность края, совершенно нарушенную изгнаніемъ русскаго управленія и всюду разсѣявшимися французскими мародерами. Строгія карательныя мѣры противъ послѣднихъ не могли искоренить зла, пока главный источникъ его гнѣздился въ необезпеченности продовольствія въ краѣ мало обильномъ и лишенномъ прочнаго управленія. Сознавая, что продолжительное пребываніе въ Смоленскѣ мало послужитъ къ его собственному усиленію, но неизбѣжно доставитъ русскому правительству возможность усилить и усовершенствовать свои способы обороны, Наполеонъ, послѣ нѣкотораго колебанія и обмѣна мыслей съ довѣренными лицами, рѣшился продолжать наступленіе, не извѣрившись еще вполнѣ въ своей звѣздѣ, которая должна была снова навести на удобный случай одержать рѣшительный успѣхъ и повергнуть въ прахъ врага!

Если безплодное кровопролитіе подъ Смоленскомъ, увеличивающееся разстройство *великой арміи* и ненадежность опоры ея на средства возмущаемаго польскаго края и вызвали нѣкоторое колебаніе у французскаго полководца, то оно ограничилось его личной малодѣятельностью въ Лубинскомъ сраженіи и двухсуточнымъ перерывомъ, вслѣдъ за этимъ сраженіемъ, преслѣдованія отступающихъ русскихъ войскъ. Такимъ образомъ нашествіе продолжало свое движеніе въ прежнихъ разрушительныхъ для его успѣха условіяхъ, въ то время, когда Россія, возмущенная неиспытаннымъ ею болѣе вѣка оскверненіемъ своей земли всѣми сопровождавшими наступленіе французовъ ужасами, возстала ему навстрѣчу, не только вооруженіемъ ополченія, но и озлобленнымъ участіемъ въ защитѣ родной земли значительной части мирнаго населенія, въ мѣстахъ, въ которыхъ появлялись враги.

Движеніе французовъ среди враждебнаго населенія.

Это послѣднее обстоятельство, которое вѣроятно вовсе не было принято въ соображеніе, во время обсужденія въ Смоленскѣ выбора между остановкой или продолженіемъ похода, упоминается здѣсь потому, что начинающееся непосредственное участіе мирнаго населенія въ оборонѣ, и полная неурядица въ мѣстностяхъ, занятыхъ французскими залогами (которыми предполагалось достигнуть огражденія безопасности мирныхъ жителей), вполнѣ обнаружились въ это время въ мѣстностяхъ между Смоленскомъ и Витебскомъ, въ которыхъ произвелъ поискъ съ своимъ отрядомъ генералъ Винценгероде, посланный чрезъ Порѣчье въ Велижъ и Усвятъ, откуда возвратился въ Смоленскую губернію чрезъ Бѣлый, Сычевку и Гжатскъ. Въ этомъ поискѣ, причинившемъ тревогу среди французскихъ гарнизоновъ Витебска и Полоцка, Винценгероде убѣдился, что оставляемые въ краѣ французскіе залоги не достигали своего назначенія, не обезпечивая безопасности края отъ безчинствующихъ безчисленныхъ мародеровъ, которыхъ было захвачено его отрядомъ около 1000 человѣкъ. При обратномъ вступленіи въ Смоленскую губернію, Винценгероде вездѣ встрѣтилъ среди дворянъ, горожанъ и крестьянъ готовность жертвовать своимъ благосостояніемъ, чтобы не дать имъ воспользоваться врагу, рѣшаясь на истребленіе жилищъ и имуществъ, предпочитая укрывательство въ лѣ-

сахъ или бѣгство изъ родного села подчиненію врагу. Но этимъ не ограничивалась враждебность настроенія; рядомъ съ этимъ у многихъ являлась рѣшимость вооружаться чѣмъ попало, чтобы мстить грозному врагу, нарушителю безопасности очага, насильнику и грабителю, поругателю женской чести и осквернителю святыни.

Испытавши въ предыдущихъ своихъ завоеваніяхъ, предшествовавшихъ Испанской войнѣ, всѣ удобства занятія богатыхъ странъ, съ прочно установившимся туземнымъ управленіемъ, покорностью котораго онъ умѣлъ пользоваться, подчинивши его своимъ чиновникамъ или офицерамъ, и обуздавши въ случаѣ необходимости нѣсколькими разстрѣляніями упорныхъ,—Наполеонъ во время своего пребыванія въ Смоленскѣ не успѣлъ достаточно убѣдиться, что способы, оказавшіеся дѣйствительными въ большей части Европы, окажутся въ Россіи столь же безсильными какъ и въ Испаніи. Въ самомъ Смоленскѣ такое настроеніе населенія, которое сумѣло геройски претерпѣть смертную казнь (какъ это запечатлѣли своею жизнью разстрѣлянные французами Энгельгардтъ и Шубинъ), но считало крайнимъ позоромъ покорность осквернителю отечества, проявило себя такъ явственно, что среди его правителей, дворянъ и крестьянъ нельзя было ожидать орудій *использованія* средствъ края, но только враговъ и грозныхъ мстителей.

Отступленіе и виды на сраженія Барклая.

Нерѣшительностью и остановкой французовъ воспользовался Барклай для переправы черезъ Днѣпръ 8-го у Соловьева, и отправки обозовъ и раненыхъ чрезъ Духовщину въ Вязьму. 2-я армія 9-го подходила къ Дорогобужу; не доходя 8 верстъ до него, Барклай остановился на два дня и побудилъ Багратіона примкнуть къ его стану, намѣреваясь повидимому принять рѣшительное сраженіе съ Наполеономъ у Умолья. Въ этомъ смыслѣ было написано его отношеніе 10 августа къ Ростопчину, въ которомъ онъ одновременно излагаетъ необходимость и опасность рѣшительнаго сраженія, жалуется на малое содѣйствіе 3-ей арміи, которой, по его мнѣнію, слѣдовало *исполнить дѣятельную часть операцій*, оправдывая свое отсту-

пленіе многочисленностью непріятеля, и настаивая на скорѣйшемъ своемъ усиленіи московскими и калужскими подкрѣпленіями. Въ этомъ случаѣ, сознавая свое безсиліе, Барклай неизвѣстно на какомъ основаніи предполагаетъ 3-ью армію способною дать перевѣсъ силъ въ пользу русскихъ, и обѣщаетъ рѣшительную битву, не обладая самъ необходимою рѣшимостью. Относясь къ собственнымъ затрудненіямъ здорово и бодро, безъ малодушнаго ихъ преувеличенія, онъ однако не считалъ возможнымъ откровенно дѣлать выводъ изъ угнетенности этого положенія, обѣщая *рѣшительныя* сраженія, на которыя не рѣшался, и выражая неосновательныя жалобы и надежды на дѣйствія, сначала Багратіона, потомъ Тормасова, которые находились также въ положеніи, не дозволяющемъ перехода въ смѣлое наступленіе. Но своя забота всегда представляется тяжелѣе чужой.

Тормасовъ.

О положеніи и дѣйствіяхъ Витгенштейна до половины іюля было сказано выше, вслѣдствіе же нареканія на Тормасова слѣдуетъ здѣсь изобразить въ общихъ чертахъ положеніе, въ которомъ онъ находился съ ввѣреннымъ ему войскомъ.

Находящійся въ Луцкѣ при открытіи военныхъ дѣйствій съ такъ называемой 3-ей или Обсерваціонной арміей генералъ Тормасовъ долженъ былъ одновременно охранять весь юго-западъ, до появленія въ его предѣлахъ Дунайской арміи подъ начальствомъ Чичагова, не только отъ вторженія австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ кн. Шварценберга и саксонскихъ подъ начальствомъ французскаго ген. Ренье, но и отъ польскихъ возстаній, могущихъ быть возбужденными въ этомъ краѣ. Начальнику саксонскихъ войскъ было предписано Наполеономъ возбуждать эти возстанія, тогда какъ Александромъ предписывалось прекращать волненія строгими мѣрами. Силы Тормасова были приблизительно равны австро-саксонскимъ силамъ, и ему нельзя поставить въ упрекъ, что онъ не исполнилъ возложеннаго на него порученія, хотя дѣйствія его не ознаменовались никакимъ крупнымъ успѣхомъ, а общій ихъ благополучный исходъ не послужилъ предлогомъ къ

преувеличенному его превознесенію, какъ это посчастливилось Витгенштейну за Клястицы и 2-ое Полоцкое дѣло.

Кн. Шварценбергъ вступилъ 19 іюня въ Дрогочинѣ въ наши предѣлы, тогда какъ Ренье двигался со своими саксонцами изъ Бѣлостока на Слонимъ, имѣя въ виду вызвать возстаніе поляковъ на Волыни, въ то время какъ австрійцевъ (которыхъ Наполеонъ не желалъ оставлять вдали отъ себя, на польско-русской границѣ) направляли на Несвижъ, чтобы способствовать тому обложенію Багратіоновскихъ войскъ, вслѣдствіе котораго, по наполеоновскому выраженію, этотъ бравый генералъ не долженъ былъ болѣе увидѣться съ Барклаемъ. Но порученій своихъ ни Ренье ни Шварценбергъ не были въ состояніи исполнить, отчасти по тѣмъ же затрудненіямъ нашествія среди недостатка продовольствія, путей сообщенія и проч., которыя испытывали и остальныя наступающія войска, но еще болѣе вслѣдствіе удачныхъ распоряженій Тормасова. Онъ раздѣлилъ свои войска на нѣсколько отрядовъ, оставилъ одинъ изъ нихъ подъ начальствомъ ген. Сакена на юго-западѣ своего расположенія для сохраненія связи съ ожидаемой Дунайской арміей и обезпеченія спокойствія въ Подоліи на Волыни, а остальными войсками, въ нѣсколькихъ отрядахъ, подъ начальствомъ генераловъ Мелессино, графа Ламберта, Чаплица и кн. Щербатова, разсѣивая ихъ по разнымъ направленіямъ между Луцкомъ, Брестомъ и Пинскомъ, совершенно отвлекъ наступающія войска отъ движенія вслѣдъ за Багратіономъ и въ глубь Волыни и Подоліи. Въ этихъ передвиженіяхъ войскамъ Тормасова удалось обступить Кобринъ, занятый саксонскимъ отрядомъ ген. Кленгеля. Убѣжденный, что русскіе подъ начальствомъ Тормасова послѣ занятія Бреста кн. Щербатовымъ обратились къ Пинску, онъ потому полагалъ свой отрядъ въ совершенной безопасности со всѣхъ сторонъ, кромѣ со стороны Бреста; увидя наступленіе русскихъ, надѣялся пробиться на Пружаны, но встрѣтивши наступленіе со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ силъ подъ начальствомъ Тормасова, долженъ былъ положить оружіе послѣ упорной обороны и пожара города Кобрина. Въ этомъ дѣлѣ 15 іюля было взято 4 знамени, 8 орудій, болѣе 60 офицеровъ и 2200 нижнихъ чиновъ въ

плѣнъ. Государь щедро наградилъ этотъ успѣхъ Тормасова, обрадовавшій его во время его пребыванія въ Москвѣ среди всеобщаго одушевленія и усердія, вызывающихъ Россію на безпощадную борьбу съ нашествіемъ. Несмотря на то, что этотъ успѣхъ былъ одержанъ только надъ незначительной частью наступающихъ на нашъ Юго-Западъ войскъ, онъ не только обрадовалъ Москву, но вызвалъ также не одно лишь уныніе, но и паническій страхъ въ Варшавѣ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ французскія свѣдѣнія. Узнавши о разбитіи и плѣненіи части саксонскихъ войскъ, которыя, по связи Саксоніи съ герцогствомъ Варшавскимъ, поляки считали своей охраной (на доброжелательность австрійскихъ войскъ нельзя было полагаться) народонаселеніе герцогства со страхомъ ожидало вторженія русскихъ и въ особенности казаковъ. Генералъ Ренье счелъ кобринское дѣло достаточно угрожающимъ, чтобы настаивать на возвращеніи Шварценберга изъ Несвижа, для подкрѣпленія противъ ожидаемаго нападенія превосходныхъ силъ Тормасова. Послѣдній не показалъ достаточно предпріимчивости и рѣшимости, чтобы воспользоваться своимъ превосходствомъ до приближенія силъ Шварценберга, простоявъ три дня въ Кобринѣ, а потомъ въ Антополѣ до 22 іюля, дня соединенія Шварценберга съ Ренье и Багратіона съ Барклаемъ. Соединившись въ Слонимѣ, австро-саксонскія войска стали наступать на Пружаны, гдѣ стоялъ графъ Ламбертъ, и оттѣснили его до Городечны, куда пошелъ ему навстрѣчу Тормасовъ.

Сраженіе при Городечнѣ.

29 іюля наши войска заняли холмистое расположеніе противъ Городечны, отъ которой были отдѣлены болотистой мѣстностью, чрезъ которую, въ двухъ мѣстахъ, противъ Городечны и лѣвѣе противъ Поддубья, были устроены гати, служившія единственнымъ способомъ сообщенія между обѣими сторонами болота. Лѣсная мѣстность, изъ которой истекалъ образовавшій это болото ручей, не была тщательно осмотрѣна русскими, предположившими, что она также непроходима для войска, какъ и лежащее передъ нашимъ лагеремъ болото, на которомъ только узкія гати могли почитаться удобными для передвиженія войска.

30 іюля подошли къ противоположному берегу болота австрійскія и саксонскія войска, и расположились, первыя

у Городечны, а вторыя у Поддубья. Намѣреваясь произвести нападеніе на наши войска, союзники стали искать и нашли въ лѣсу дорогу, чтобы обойти наше расположеніе и не губить напрасно своихъ людей при нападеніи на нашъ лагерь по узкимъ гатямъ, по которымъ не могло двигаться болѣе 6 человѣкъ рядомъ. Исправивши найденную дорогу, Ренье предложилъ Шварценбергу занять доступъ къ обѣимъ гатямъ Городечны и Поддубья, и произвести по этимъ гатямъ попытки наступленій, чтобы отвлечь вниманіе и силы русскихъ отъ лѣсной мѣстности, чрезъ которую онъ намѣревался произвести внезапное нападеніе на войска Тормасова.

Появленіе утромъ 31 числа войскъ Ренье у выхода изъ лѣсной мѣстности сдѣлало непримѣнимымъ предположеніе Тормасова оставить часть войскъ для обороны гатей, а остальными частями направить ударъ на расположеніе врага, обходомъ его вправо отъ занятой мѣстности, такъ какъ это намѣреніе было предупреждено появленіемъ Ренье влѣво отъ нашего расположенія, угрожая нашему прямому пути чрезъ Кобринъ на Волынь. Тормасову вмѣсто наступательнаго движенія вправо пришлось передвигать большую часть войска навстрѣчу австро-саксонцамъ, появившимся влѣво и начинавшимъ подвигаться на наши сообщенія съ Кобринымъ. Посланные передовые легко-конные полки изъ отряда Ренье были удачно отражены и разсѣяны Павлоградскими и Александрійскими гусарами подъ предводительствомъ гр. Ламберта, и этимъ блестящимъ и своевременнымъ нападеніемъ одного изъ лучшихъ нашихъ предводителей конницы во главѣ прославившихся полковъ предупреждено опасное появленіе врага, наступающаго на наши сообщенія. Упорная оборона русскихъ противъ саксонцевъ, постепенно подкрѣпляемыхъ австрійцами, продолжалась до поздняго вечера, несмотря на удавшійся одному австрійскому полку переходъ чрезъ болото выше Поддубья, въ мѣстности, въ которой стала находиться правая оконечность русскаго стана, вслѣдствіе постепеннаго передвиженія русскихъ силъ влѣво, въ подкрѣпленіе кн. Щербатова, отражающаго наступленіе Ренье. Неожиданное нападеніе въ этой мѣстности вышеупомянутаго австрійскаго полка Колоредо, бы-

ло также удачно отражено Владимірскимъ полкомъ, какъ были бдительно, до конца дня, охраняемы гати и отражаемы нападенія саксонцевъ Ренье, подкрѣпленныхъ цѣлой дивизіей австрійцевъ. Успѣху отраженія много способствовалъ огонь нашихъ орудій, удачно расположенныхъ на склонахъ, преобладающихъ надъ мѣстами наступленія противниковъ. Послѣдніе, несмотря на сопротивленіе нашихъ войскъ до вечера, не безъ нѣкотораго основанія приписываютъ себѣ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ съ нашей стороны, не только Тормасовъ въ своемъ донесеніи къ государю, но и нѣкоторые историки приписываютъ конечный успѣхъ нашимъ войскамъ, отстоявшимъ за собой поле сраженія и свободный путь отступленія на Волынь. Невозможность достовѣрной повѣрки *численности* вступившихъ въ бой противниковъ и *потерь*, ими понесенныхъ, оставляетъ только одинъ способъ выяснить, заслуженно ли Наполеонъ приписывалъ *побѣду* Шварценбергу, котораго нужно было отблагодарить за готовность исполнить требованіе французскаго ген. Ренье, или вѣрны показанія Тормасова, что только затрудненія въ продовольствіи вызвали его отступленіе до самаго Луцка—это послѣдствія сраженія. Силы противниковъ были приблизительно равны, и назначенія ихъ имѣли опредѣленныя цѣли, не вполнѣ достигнутыя ни однимъ ни другимъ, но все же съ нашей стороны еще менѣе, нежели со стороны австро-саксонскихъ войскъ. Отступая въ глубь Волыни, мы не только перестали угрожать Варшавскому герцогству, границы котораго достигли до этого дѣла занятіемъ Бреста, но и развязали руки польскому движенію въ Гродненской губ., смутами которой довольно непослѣдовательно оправдывалъ свое отступленіе Тормасовъ. Такимъ образомъ оказалось, что не только предполагаемое наступленіе на австро-саксонцевъ вправо отъ Городечны было предупреждено по неосмотрительности съ русской стороны и вслѣдствіе распорядительности Ренье, но и было утрачено то преобладаніе русскихъ надъ войсками Ренье, которое выразилось угрозой Варшавскому герцогству и одержаннымъ подъ Кобринымъ успѣхомъ. Если при этомъ можно принять въ соображеніе, что желательное отвлеченіе Шварценберга отъ участія въ преслѣдованіи Багратіона было достигнуто, то нельзя не

замѣтить, что эта выгода потеряла свое значеніе, такъ какъ соединеніе австрійцевъ съ саксонцами произошло въ то время, когда соединеніе Багратіона съ Барклаемъ сдѣлалось уже обезпеченнымъ.

Въ заключеніе нужно признать, что распоряженія Ренье были удачнѣе тормасовскихъ, но что отвлеченіе войскъ Шварценберга отъ непосредственнаго участія въ дѣйствіяхъ *великой арміи* и подчиненія ея повелителю, такъ сказать «на глазахъ», много послужило къ разрозненію австрійцевъ съ французскими войсками и сближенію съ русскими, что не замедлило принести свои плоды во вторую половину войны 1812 года. Представленіе Наполеономъ Шварценберга къ производству австрійскимъ императоромъ въ фельдмаршалы за Городечненское сраженіе и присланные австрійцамъ подарки не могли отклонить естественнаго теченія ихъ отчужденія отъ французовъ и тяготѣнія къ русскимъ. Однако Ренье не былъ произведенъ въ *маршалы*, пользуясь у французовъ *только* хорошимъ мнѣніемъ за познанія и умъ и не будучи беззавѣтнымъ рубакой; точно также какъ Гувіонъ де Сенъ-Сиръ, котораго Наполеонъ неохотно произвелъ въ маршалы въ 1812 году, несмотря на то, что и Ренье и Сенъ-Сиръ давно начальствовали самостоятельно войсками въ Италіи, а нѣкоторые маршалы были только начальниками части гвардіи, не участвующей въ бояхъ. Вообще императоръ французовъ не охотно поощрялъ умныхъ и образованныхъ генераловъ, снисходя охотнѣе своимъ поощреніемъ къ грубымъ рубакамъ и даже къ наглымъ грабителямъ.

Отступленіе Тормасова.

Отступая постепенно до Луцка, чтобы не допустить себя отъ него *отрѣзать* (явное доказательство, что онъ не считалъ возможнымъ *угрожать* противнику), Тормасовъ перешелъ черезъ Стырь и остановился.

Здѣсь простояли нѣсколько недѣль въ бездѣйствіи войска Тормасова и Шварценберга, первыя въ ожиданіи Дунайской арміи, отозванной повелѣніемъ государя еще изъ Дрисскаго лагеря, вслѣдствіе разочарованія въ необдуманной затѣѣ Чичагова, замышлявшаго наступленіе на при-Адріатическія владѣнія французской имперіи, вмѣсто того, чтобы спѣшить на оборону отечества, въ сердце котораго въ это время проникало французское нашествіе.

Часть находившихся въ княжествахъ войскъ съ іюля мѣсяца двигалась на юго-западъ Россіи, вслѣдъ за ней слѣдовали войска, возвращаемыя изъ Сербіи, къ немалому смущенію послѣдней (вступившей въ рѣшительную борьбу подъ прикрытіемъ этихъ силъ) и такимъ образомъ, припертый за Стырь Тормасовъ выжидалъ появленія Чичагова, который долженъ былъ своимъ приближеніемъ дать русскимъ войскамъ рѣшительный перевѣсъ надъ наступающими въ нашъ Юго-Западъ врагами. Съ своей стороны Шварценбергъ, послѣ отдѣленія отряда ген. Мора противъ стоящаго въ Мозырѣ Эртеля, перешелъ въ совокупныя дѣйствія съ польскимъ генераломъ Домбровскимъ. Попытки этихъ отрядовъ противъ бдительнаго защитника Бобруйска, генерала Игнатьева, равно какъ и противъ Эртеля, не имѣли успѣха, но возбуждали польскія волненія въ краѣ, безпощадно усмиряемыя послѣднимъ генераломъ, который такъ же тщательно избѣгалъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нашествія (несмотря на призывы начальствующихъ въ этомъ краѣ генераловъ), какъ охотно принималъ участіе въ усмиреніяхъ волненій, прибѣгая къ безпощаднымъ истязаніямъ жителей, подобно тѣмъ, которыми онъ успѣлъ заслужить ненависть москвичей, будучи оберъ-полицеймейстеромъ при Павлѣ Петровичѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, ограждая спокойствіе на Юго-Западѣ и отвлекая изъ сердца Россіи войска Шварценберга, Ренье и Домбровскаго, войска Тормасова и Эртеля, до соединенія съ Чичаговымъ, поневолѣ не могли *исполнить дѣятельную часть операцій*, которую Барклай ставилъ имъ въ обязанность. Не менѣе былъ связанъ Витгенштейнъ подъ Полоцкомъ своей борьбой съ Удино, и впослѣдствіи съ Сенъ-Сиромъ.

Сраженіе подъ Полоцкомъ.

Послѣ успѣха надъ дивизіей Вердье, Витгенштейну пришлось при своихъ дѣйствіяхъ принимать въ соображеніе, что назначенный для осады Риги корпусъ Макдональда, взявши въ недалекомъ разстояніи отъ его расположенія неоконченную крѣпость Динабургъ, этимъ вынудилъ

бо́льшую осторожность въ дѣйствіяхъ противъ Удино. Послѣдняго Наполеонъ подкрѣпилъ присылкой въ Полоцкъ (25 іюля) баварскаго корпуса Сенъ-Сира. Это вынудило Витгенштейна, отдѣливши легкій отрядъ для наблюденія надъ Макдональдомъ, выступить 29-го навстрѣчу наступающему Удино. Передовыя войска послѣдняго, при столкновеніи съ нашими войсками при Свольнѣ, находящимися подъ начальствомъ начальника штаба ген. Довре (по случаю раны, полученной Витгенштейномъ подъ Клястицами), были отброшены и отступили до самаго Полоцка. Здѣсь 5 августа произошло сраженіе, не имѣвшее положительнаго исхода; нападенія съ обѣихъ сторонъ вечеромъ оказались отраженными къ ночи, и противники остались приблизительно въ прежнемъ положеніи. На другой день, вмѣсто раненаго Удино, склоняющагося къ отступленію, начальство надъ французами принялъ Сенъ-Сиръ, считавшій необходимымъ отбросить Витгенштейна, стѣсняющаго своей близостью посылку французскихъ отрядовъ для добыванія продовольствія. Съ своей стороны Витгенштейнъ, подобно Удино, собирался отступать 6 числа, но былъ остановленъ неожиданнымъ обстрѣливаніемъ русскаго лагеря огнемъ 60 орудій, изъ которыхъ одно успѣло послать ядро въ столовую, гдѣ обѣдалъ начальникъ русскаго войска, на которое единовременно было направлено Сенъ-Сиромъ нападеніе трехъ дивизій Вреде, Деруа (баварскія) и Леграна. Внезапность нападенія не разстроила русскія войска, которыя бодро и быстро стали въ ружье и отбивались, отступая въ порядкѣ, несмотря на прибытіе еще одной дивизіи (Вердье) и нападенія французскихъ кирасиръ. Нападенія конницы вызвали стремительный отпоръ нашей, не только произведшей сумятицу во французской, но подвергшей опасности самого Сенъ-Сира, вслѣдствіе испуга его лошадей (онъ, раненый, находился въ коляскѣ), увлеченныхъ натискомъ нашихъ кирасиръ. Но наступленіе преобладающихъ французскихъ силъ, послѣ перехода Пресменица изъ рукъ въ руки, окончилось отступленіемъ русскихъ въ Бѣлое и возвращеніемъ французовъ въ Полоцкъ. Послѣ этого ими была сдѣлана еще одна не упорная попытка наступленія, не имѣвшая особеннаго успѣха, но тѣмъ не менѣе Витгенштейнъ отступилъ

еще немного до Сивошина, и въ этомъ положеніи противники остались на своихъ мѣстахъ до начала октября. За дѣло 6 августа Сенъ-Сиръ былъ произведенъ въ маршалы, слѣдовательно, Наполеонъ призналъ отраженіе русскихъ подъ Полоцкомъ побѣдой. О томъ, какъ судилъ Витгенштейнъ о своемъ положеніи подъ Полоцкомъ, можно вывести заключеніе изъ его донесеній государю. Сообразуясь съ бо́льшей или меньшей удачей своихъ дѣйствій, онъ или обѣщалъ, что неизбѣжно вытѣснитъ французовъ изъ Полоцка, или что будетъ удерживать ихъ при наступленіи на Псковъ, подчиняя всякій разъ свои соображенія ожидаемымъ успѣхамъ главныхъ русскихъ силъ. Такимъ образомъ, изъ дѣйствій трехъ главныхъ частей защитниковъ государства и изъ мнѣнія ихъ предводителей невольно выводится заключеніе, что всюду, подавляемые многочисленными противниками, наши предводители, не признавая возможности опрокинуть противоставленнаго каждому изъ нихъ противника, ждали главнымъ образомъ улучшенія отъ успѣха одного изъ товарищей. Это настроеніе отвѣтственныхъ предводителей не вполнѣ раздѣлялось ихъ подчиненными, отчасти изъ народной гордости, отчасти изъ недоброжелательности къ начальнику, и повидимому не извинялось также государемъ, требовавшимъ, несмотря на несомнѣнность поразительнаго численнаго превосходства Наполеона, отраженія его въ рѣшительномъ сраженіи. Къ этому его вѣроятно побуждало естественное стремленіе ограничить предѣлы опустошаемой страны; не чуждо было этому требованію возмущеніе унизительностью своего положенія, какъ бы безпомощнаго самодержца, при непрерывномъ отступленіи передъ вражьимъ нашествіемъ, и это во всякомъ случаѣ указываетъ, что рѣшимость отступать до тѣхъ поръ, пока наступающіе враги не будутъ приведены этимъ отступленіемъ въ совершенное разстройство, не была болѣе непоколебимой у Александра, нежели у Барклая де-Толли, и что оба слѣдовали ей неохотно, подъ давленіемъ необходимости.

Кровопролитныя дѣла подъ Смоленскомъ, неравномѣрно ослабивши воюющія стороны, не оказали особеннаго влія-

нія на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій; колебанія Наполеона не привели его къ остановкѣ въ Смоленскѣ, а мнимая рѣшимость Барклая взывала къ болѣе *рѣшительному* образу дѣйствій Тормасова и Витгенштейна, колеблясь въ то же время между обѣщаніями государю сраженія и признаніями, что его войска, послѣ испытанныхъ въ предыдущихъ дѣлахъ утратъ не были въ состояніи противостоять превосходнымъ силамъ Наполеона. Послѣдній провелъ еще четыре дня неподвижно послѣ Валутинскаго дѣла, отрядивши Мюрата и Даву для преслѣдованія русскихъ, и занялся установленіемъ правительства въ занятыхъ мѣстахъ и распоряженіями для обезопасенія своего тыла привлеченіемъ въ оставляемыя мѣста корпуса Виктора, прибывающаго изъ Германіи; и вмѣстѣ съ этимъ настоятельно требовалъ отъ Шварценберга, Сенъ-Сира и Макдональда напрягать всѣ усилія, чтобы проникнуть первому до Кіева, второму черезъ Псковъ въ Петербургъ, а третьему приступить къ осадѣ Риги. Съ главными силами онъ продолжалъ наступленіе вслѣдъ за отступающимъ Барклаемъ. Численное превосходство позволяло ему, преслѣдуя русскихъ корпусами Даву, Нея, Жюно и гвардіей, направлять вице-короля сѣвернѣе главнаго пути, а Понятовскаго южнѣе, чтобы угрожать отступающимъ войскамъ обходомъ ихъ послѣдовательныхъ расположеній. Послѣднія отступили ночью съ 11 на 12 изъ Умолья къ Дорогобужу, но и здѣсь Барклай и Багратіонъ не сочли возможнымъ принять сраженія и 14 отступили въ Семлево, гдѣ воспользовались слабѣйшимъ натискомъ французовъ, чтобы здѣсь остановиться и послать Толя въ Вязьму для отысканія тамъ удобной мѣстности для рѣшительныхъ дѣйствій и для укрѣпленія ея. Въ своемъ донесеніи государю изъ Семлева, Барклай высказывалъ взглядъ, что въ виду замѣтнаго по мѣрѣ наступленія разстройства и ослабленія французовъ и приближенія русскихъ подкрѣпленій, онъ признаетъ время перехода къ наступательнымъ дѣйствіямъ наступившимъ, и излагалъ, какимъ образомъ онъ полагаетъ къ нимъ приступить подъ Вязьмой. Но по донесеніямъ Толя оказалось, что слѣдуетъ отступить за Вязьму, чтобы найти мѣстность, соотвѣтствующую намѣреніямъ главнокомандующаго. При от-

ступленіи къ Вязьмѣ, нашъ тыловой отрядъ подъ начальствомъ Платова съ трудомъ, при дружномъ участіи всѣхъ своихъ частей и орудій, отбивался отъ наступающихъ съ ежедневно возрастающимъ напоромъ французовъ. Стремительность ихъ нападеній вызывалась нетерпѣніемъ принудить отступающія войска къ рѣшительному дѣлу. Кромѣ того нетерпѣнія, которое испытывалъ Наполеонъ подвергнуть русскія войска случайностямъ рѣшительнаго столкновенія, при условіяхъ превосходства силъ и дарованія, которыя несомнѣнно были на его сторонѣ, французскія войска имѣли новый поводъ вызывать развязку нашествія, съ тѣхъ поръ какъ они подвигались среди крайне непріязненнаго настроенія Смоленской губерніи.

Народное бѣдствіе и возмездіе.

По всей полосѣ, по которой двигались наступающія войска и бродили отбивающіеся въ сторону мародеры, возгорѣлась народная война, со всѣми ужасами и со всею свирѣпостью подобной войны. Жители или бѣжали изъ Смоленской губерніи, истребивши огнемъ свои жилища и имущество, которое не успѣвали увезти, или оставаясь въ краѣ (по неимѣнію надежды найти пріютъ внѣ предѣловъ опустошаемаго края, который находили нѣкоторые крестьяне въ отдаленныхъ имѣніяхъ своихъ помѣщиковъ), укрывались въ лѣсахъ со всѣмъ тѣмъ, что могли съ собою забрать, и появлялись оттуда въ видѣ неумолимыхъ и жестокихъ мстителей за поруганіе разореннаго очага. Не только одинокимъ мародерамъ и отсталымъ, но и незначительнымъ партіямъ французовъ, ожесточеніе скрывающихся озлобленныхъ смолянъ дало себѣ знать безпощадно лютыми казнями. Съ своей стороны французы, не только бродяги, но и находящіеся въ строю, грабежами, насиліями и пожарами несомнѣнно вызывали, если не оправдывали, страшное возмездіе своего поведенія. При такихъ условіяхъ не было побужденій задерживать походъ, и вся *великая армія* съ нетерпѣніемъ ожидала его окончанія, надѣясь побѣдой и вступленіемъ въ столицу обезпечить себѣ болѣе привольное, не оскверняемое тѣми ужасами, которыми оно знаменовалось на походѣ, житье чествуемыхъ побѣдителей.

Наполеонъ пытается заговорить съ нами.

Нетерпѣніе покончить съ той обстановкой, которая затягивала разрѣшеніе борьбы и приводила его войско въ совершенное разстройство, высказывалось у Наполеона не только погоней за рѣшительнымъ дѣломъ, но и повторявшимися попытками вызвать переговоры съ Александромъ. Первымъ предлогомъ послужило ему свиданіе въ Смоленскѣ съ взятымъ въ плѣнъ при Лубинѣ Тучковымъ 3-мъ, чрезъ котораго онъ воображалъ возможнымъ довести до свѣдѣнія Александра свои разглагольствованія передъ Тучковымъ о своихъ правотѣ, миролюбіи и проч. Вторымъ предлогомъ послужило обратное отправленіе поручика Орлова въ русскій станъ, присланнаго къ французамъ для освѣдомленія объ участи Тучкова, и получившаго порученіе отъ императора французовъ передать увѣренія его уваженія и дружбы императору Александру, которому предлагалось оставлять своихъ представителей правленія въ занимаемыхъ французами мѣстахъ для сохраненія порядка... и подчиненія нашествію! При настроеніи всей Россіи и рѣшимости государя, попытки эти остались безъ всякаго отклика съ нашей стороны.

Продолженіе борьбы было не только неизбѣжно, но самая борьба принимала оборотъ, совершенно противоположный тому, который былъ желателенъ французамъ. Русскіе предпочитали самыя горькія утраты и бѣдствія уничижительному подчиненію требованіямъ и удобствамъ завоевателей, въ то время какъ предводители войска не спѣшили потерять партію на шахматной доскѣ, при первомъ требованіи слишкомъ испытаннаго противника разыграть ее. Не столько обдуманное рѣшеніе Александра и Барклая служило тому обезпеченіемъ, сколько теченіе событій и давленіе обстоятельствъ, среди которыхъ всякое промедленіе служило русскимъ и изводило французовъ...

Отступленіе подъ напоромъ Мюрата продолжалось за Вязьму чрезъ Ѳедоровское къ Цареву-Займищу, гдѣ предполагалось вступить въ рѣшительное сраженіе, въ признанной удобной мѣстности. Отступленіе ограждалось упорнымъ сопротивленіемъ Коновницына, замѣнившаго Платова, что дозволяло продолженіе движенія въ совершенномъ порядкѣ до самаго Царева-Займища, но не могло оградить Вязьму отъ разграбленія французами и пожара,

зажженнаго самими жителями. Прибывшій Наполеонъ пытался прекратить пожаръ и грабежъ, и расположился близъ города съ главными силами.

Вязьма и Царево-Займище, пріѣздъ Кутузова.

По прибытіи въ Царево-Займище, русскія войска стали укрѣпляться въ ожиданіи рѣшительнаго дѣла, на которое, судя по его письму отъ 17 августа къ государю, рѣшился повидимому Барклай де-Толли, но ему не представилось возможности исполнить свое обѣщаніе, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи русскихъ войскъ въ означенную мѣстность прибылъ туда и вновь назначенный главнокомандующій всей обороны государства, недавно возведенный передъ этимъ назначеніемъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго, старый генералъ Михайло Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. О качествахъ и недостаткахъ его можно было высказывать противорѣчивыя и строгія мнѣнія, но о свѣтломъ умѣ и внушаемомъ имъ къ себѣ довѣріи существовало только одно, подавляющее мнѣніе, сдѣлавшее его неизбѣжнымъ руководителемъ борьбы, въ которой отечество отстаивало не только свою военную славу и честь, но и тѣ завѣты народной независимости, въ искупленіи которыхъ всякія жертвы и страданія считаются несомнѣнно предпочтительными той податливости побѣдителю, которая временно смягчаетъ страданія народа, налагая на него клеймо неизгладимаго униженія!

Назначеніе Кутузова.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ, не взамѣнъ Барклая, но надъ Барклаемъ и другими главнокомандующими, было побѣдой общественнаго мнѣнія надъ личнымъ доброжелательствомъ къ Барклаю и предубѣжденіемъ противъ Кутузова Государя; побѣда, вызванная растущимъ въ русскомъ станѣ ропотомъ противъ невнушающаго довѣрія главнокомандующаго, донесеніями враждовавшаго съ нимъ Багратіона, и письмами неугоднаго главнокомандующему начальника штаба, ген. Ермолова, которому государь, при отъѣздѣ изъ дрисскаго лагеря, приказалъ извѣщать его обо всемъ томъ, что, по мнѣнію Ермолова, заслуживало особеннаго его вниманія. Несомнѣнно умный и язвительный Ермоловъ не стѣснялся въ сообщеніяхъ

государю о всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ неумѣлое, по его мнѣнію, руководство военными событіями Барклаемъ. Мнѣніе это раздѣлялось большинствомъ начальниковъ русскаго происхожденія, вымещавшихъ угнетеніе своей народной гордости и уныніе, неизбѣжно сопровождающее обидное отступленіе въ сердце Россіи, жалобами, доходившими до оклеветанія несомнѣнно прямодушнаго, преданнаго своему долгу и блестяще храбраго главнокомандующаго. Вся вина его заключалась въ томъ, что онъ начальствовалъ надъ не довольно многочисленнымъ войскомъ, чтобы стать твердо и успѣшно на пути вторгающагося все глубже въ страну врага, и не имѣлъ достаточнаго дарованія, чтобы ярко освѣтить передъ собою и своими непризнанными судьями *неизбѣжность* того образа дѣйствій, въ которое его насильно влекла сила обстоятельствъ (причиной его колебаній подъ Смоленскомъ была эта неясность взгляда), при чемъ всѣ эти невзгоды не искупались ни личнымъ обаяніемъ, ни достаточно блестящимъ военнымъ *именемъ*, на бѣду его звучащимъ какъ иностранное. Терзаемые въ своей гордости непрерывнымъ отступленіемъ предводители и Александръ тѣмъ менѣе могли утѣшиться качествами самоотверженнаго сопротивленія нашихъ войскъ противъ постоянно превосходящаго численно непріятеля, что эти качества признавались, такъ сказать, неотъемлемою принадлежностью русскаго войска, а потому неизбѣжность отступленія стали приписывать бездарности (если не измѣнѣ) Барклая, сдѣлавшагося такимъ образомъ злосчастнымъ козломъ отпущенія. Если безпристрастный взглядъ историка неизбѣжно приходитъ къ заключенію, что Кутузовъ, по своимъ способностямъ и по умѣнію своему вселить довѣріе странѣ и войску къ своему предводительству, стоялъ несравненно выше Барклая, и потому былъ несомнѣнно желательнымъ главнокомандующимъ, то тотъ же безпристрастный взглядъ не можетъ умолчать о недостойныхъ торжественности переживаемыхъ событій происках, которыми сопровождалось назначеніе новаго предводителя всѣхъ войскъ и ополченій, и о тѣхъ обидахъ, которымъ подверглась свѣтлая, хотя и мало одаренная личность Барклая.

Конечно, нѣкоторымъ извиненіемъ этимъ происками

можетъ, служить несомнѣнно искреннее огорченіе русскихъ предводителей неудачнымъ ходомъ событій, но это не вполнѣ объясняетъ такія громкія имена, какъ Багратіонъ, Ермоловъ и Платовъ, снизошедшихъ, такъ сказать, до травли доблестнаго главнокомандующаго, повиннаго только въ скромномъ размѣрѣ своихъ дарованій и въ нѣмецкомъ имени. Нельзя умолчать также о томъ, что императоръ Александръ, сумѣвши *пожертвовать* своимъ личнымъ расположеніемъ къ Барклаю въ минуту тягостную для него и сопровождаемую гоненіемъ общественнаго мнѣнія, несомнѣнно поощряемаго происками нѣкоторыхъ генераловъ, не сумѣлъ съ искренностью и самоотверженіемъ *пожертвовать* своимъ злопамятствомъ и предубѣжденіями при неизбѣжномъ, но ему лично непріятномъ, назначеніи Кутузова, такъ какъ при этомъ случаѣ онъ объявилъ, что выборъ навязанъ ему московскимъ дворянствомъ и что онъ *умываетъ себѣ руки*, по выраженію Понтія Пилата.

Кутузовъ былъ несомнѣнно человѣкомъ со слабостями, граничащими съ пороками, и искусствомъ, граничащимъ съ лукавствомъ, но онъ былъ столь же несомнѣнно личностью даровитою, обладающей свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ и мягкимъ, вкрадчивымъ обхожденіемъ, при чемъ слабости его нѣсколько рыхлой и склонной къ нѣгѣ природы столь же охотно примѣнялись имъ для обезпеченія своего обаянія, какъ и для заслоненія ошибокъ. Своими дарованіями и умѣніемъ выставлять ихъ въ самомъ выгодномъ освѣщеніи, онъ создалъ себѣ громкую извѣстность, какъ предводитель войскъ, дипломатъ и придворный, но добиваясь успѣха, однако, не жертвовалъ ему тѣмъ сознаніемъ своего ума и превосходства, которое мѣшало ему, несмотря на его несомнѣнную искательность, посвящать съ притворнымъ увлеченіемъ свой покой и природную безпечность проведенію въ управленіи и въ войскѣ тѣхъ нѣмецкихъ неумолимо-точныхъ пріемовъ, которые сдѣлались на долго въ Россіи наслѣдіемъ гатчинскаго вахтпарада и показнаго порядка. Его русская добродушная личность тяготилась этими убѣ-

жденно жестокими пріемами, а свѣтлый умъ брезгалъ суевѣрнымъ поклоненіемъ разнымъ измышленіямъ узкихъ, угловатыхъ нѣмецкихъ умовъ. Строго осужденный во мнѣніи Александра за нѣкоторую распущенность своего управленія въ бытность петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, и за тѣ попустительства въ Дунайскихъ княжествахъ, отъ которыхъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго страдали мѣстные жители, но зато русскіе солдаты менѣе терпѣли неумолимыхъ наказаній (которыхъ настоятельно требовалъ Александръ); осуждаемый за свои совсѣмъ не монашескія безнравственныя привычки, не уважаемый за свою искательность и слишкомъ успѣшную ловкость, Кутузовъ по всѣмъ вѣроятіямъ былъ еще болѣе непріятенъ государю тѣмъ несомнѣннымъ превосходствомъ своего ума, которое повидимому составляло гордость его сознанія, и которымъ, несмотря на всю свою нѣсколько преувеличенную житейскую мудрость, онъ не соглашался жертвовать даже *у ногъ* своего повелителя. Не даромъ про него сказалъ Суворовъ, — «помилуй Богъ! Михайло Илларіоновичъ умный человѣкъ, его самъ Де-Рибасъ (считавшійся большимъ хитрецомъ) не проведетъ!» Кутузову случилось быть правымъ при разногласіи передъ Аустерлицемъ и доказать неумѣстность увлеченія государя *человѣкомъ съ головой* (Чичаговымъ), присланнымъ въ Букарестъ для замѣщенія и посрамленія досаднаго медлителя Кутузова, однако успѣвшаго все благополучно окончить до пріѣзда пресловутой *головы*, которой оставалось только измышлять безразсудныя предположенія походовъ въ Константинополь, Иллирію и Австрію, чтобы сложить на берегахъ Березины незаслуженный отзывъ государя. Тщеславный Александръ не прощалъ проницательному уму, не умѣющему скрыть свою проницательность!

Кутузовъ въ Петербургѣ до назначенія.

Награжденный за успѣшное окончаніе Турецкой войны графскимъ титуломъ, Кутузовъ, несмотря на это, не могъ не сознавать, что замѣна его Чичаговымъ была слѣдствіемъ неудовольствія на него государя, и возвращался въ Петербургъ не торжествующимъ побѣдителемъ, а полуопальнымъ сановникомъ. Его медлительность и мягкость къ побѣжденнымъ и къ нѣкоторой распущенности подчиненныхъ заслоняли въ глазахъ Александра разумный вы-

боръ и окончательный успѣхъ мѣропріятій умнаго предводителя, уничтожившаго, несмотря на свое *скромное поведеніе*, турецкое войско и вынудившаго въ самое роковое для этой цѣли время миръ съ Турціей. Нѣкоторая уступчивость и человѣчность относительно послѣдней повидимому были неугодны государю, всегда относившемуся крайне сурово къ сдающемуся непріятелю. Опытный и сдержанный Кутузовъ прекрасно умѣлъ своими пріемами сначала обезоружить турокъ, а потомъ помирить ихъ съ послѣдствіями неудачи. Все это не нравилось государю, высоко цѣнившему трескучую дѣятельность Каменскаго, несмотря на образъ его дѣйствій, болѣе пагубной для его подчиненныхъ нежели для турокъ, и превозносившему умъ Чичагова, кромѣ сутолоки не успѣвшаго ничего создать ни въ морскомъ вѣдомствѣ, ни въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года. Явившись въ Петербургъ, сопровождаемый нѣкоторой *немилостью* Кутузовъ ни въ собственномъ, ни въ общественномъ мнѣніи ничего не терялъ отъ того, что мало уподоблялся Каменскому и Чичагову: за нимъ стояло долгое и доблестное служеніе отечеству на разнообразныхъ поприщахъ, ознаменованное мудрой проницательностью и умѣлымъ руководствомъ подчиненными. Устраненіе его отъ участія въ защитѣ отечества не было принято ни имъ, ни общественнымъ мнѣніемъ какъ заслуженное послѣдствіе неудовольствія государя; самъ Кутузовъ явно обнаруживалъ свое участіе въ народномъ сокрушеніи, и вращался въ обычныхъ ему высшихъ слояхъ общества, въ которыхъ его умъ и любезность, рядомъ съ его несомнѣнными заслугами, невольно привлекали всеобщее вниманіе и вселяли всеобщее довѣріе. Умный и ловкій старикъ, вмѣсто того чтобы сокрушаться незаслуженной немилостью, не только бодро ее переносилъ, но сумѣлъ сдѣлать изъ нея какъ бы новое отличіе, еще ярче выдвигающее его маститую старость и длинный рядъ государственныхъ заслугъ... Этимъ отношеніемъ къ своему положенію, Кутузовъ какъ бы подчеркивалъ, что всеобщее признаніе его значенія ставитъ его внѣ зависимости милостиваго или немилостиваго взгляда!

Первымъ откликомъ общественнаго довѣрія къ Кутузову было единогласное его избраніе петербургскимъ

дворянствомъ начальникомъ ополченія, къ которому онъ отнесся съ обычнымъ ему даромъ произвести сильное и трогательное впечатлѣніе, не упуская изъ вида дальновидной предусмотрительности. Явившись въ дворянское собраніе вслѣдствіе его выбора, старый прославленный полководецъ, вмѣсто ожидаемой рѣчи сказалъ растроганнымъ голосомъ: «господа, вы украсили мои сѣдины»; но потомъ добавилъ, что можетъ принять лестное избраніе только съ оговоркой, что, состоя на службѣ Его Величества, онъ можетъ начальствовать ополченіемъ только пока государю не будетъ угодно призвать его къ исполненію другихъ обязанностей... Вступивши въ исполненіе обязанностей начальника ополченія, онъ исполнялъ ихъ съ примѣрнымъ усердіемъ, продолжая участвовать въ обычныхъ народныхъ молитвахъ о спасеніи отечества, которыми тогда оглашались церкви, и не пренебрегая тѣми свѣтскими сношеніями, которыми освѣщалось вниманіе къ нему высшихъ сословій; въ этомъ направленіи онъ даже не отступилъ передъ посѣщеніемъ возлюбленной государя, Марьи Антоновны Нарышкиной. Если противъ возвратившагося съ Дуная генерала было въ дѣйствительности направлено недоброжелательное намѣреніе оставить его въ тѣни, то нельзя не признать за умнымъ старикомъ искуснаго отвода этого намѣренія: благодаря его ловкости и обаянію, вмѣсто положенія полу-опальнаго, онъ быстро сдѣлался предметомъ общаго вниманія и почитанія, и вызвалъ этимъ новое отличіе, данное ему государемъ, пожаловавшимъ его княжескимъ, съ титуломъ свѣтлости, званіемъ. Но ни всеобщее вниманіе, ни общее довѣріе общественнаго мнѣнія къ Кутузову не могли бы побѣдить предубѣжденій государя, если бы къ устраненію ихъ не способствовали исключительныя обстоятельства, сдѣлавшія невозможнымъ оставленіе власти главнокомандующаго въ рукахъ Барклая де-Толли.

Ропотъ и недовѣріе къ нему въ русскомъ лагерѣ перешли въ явныя жалобы, обращенныя къ государю и выражающія необходимость его смѣны. До этого крайняго заявленія, порученнаго англійскому генералу Вильсону, который прибылъ въ лагерь подъ Смоленскомъ, возвращаясь изъ Константинополя при его отъѣздѣ въ Петербургъ,

государю, кромѣ явно враждебныхъ Барклаю донесеній Ермолова, несомнѣнно стали извѣстны и произвели на него впечатлѣніе письма Багратіона къ Аракчееву, равно какъ и высылка изъ лагеря главнокомандующимъ великаго князя Константина Павловича. Послѣдній, подстрекаемый Ермоловымъ, выражалъ со смѣлостью своего исключительнаго положенія порицаніе дѣйствій Барклая, которому приписывали неудачныя передвиженія подъ Руднею и потерю Смоленска. Къ порицателямъ принадлежалъ доблестный Багратіонъ, заключившій свое очень заискивающее письмо къ Аракчееву, писанное послѣ отступленія отъ Смоленска и исполненное жалобъ противъ Барклая, слѣдующими выраженіями: «Воля государя моего, я никакъ вмѣстѣ съ министромъ не могу. Ради Бога пошлите меня, куда угодно, хотя полкомъ командовать... а здѣсь быть не могу, вся главная квартира нѣмцами наполнена такъ, что русскому жить невозможно и толку никакого нѣтъ».

Донесенія, ропотъ и жалобы, рядомъ съ угнетающимъ впечатлѣніемъ безостановочнаго отступленія Барклая, настолько успѣли подорвать довѣріе къ уважаемому министру, что до появленія у государя выразителя *желанія всей арміи*, какъ называлъ себя Вильсонъ, нѣсколько въ шутку обозванный Александромъ *посломъ бунтовщиковъ* (ambassadeur des rebelles), назначеніе новаго главнокомандующаго успѣло уже состояться, и самого государя не было въ Петербургѣ, по случаю его выѣзда въ Або для свиданія съ Бернадотомъ.

При замѣщеніи Барклая новымъ главнокомандующимъ, предположенія недовольныхъ послѣднимъ, что власть получитъ или Бенингсенъ или Багратіонъ, не оправдались. Впечатлѣнія общественнаго мнѣнія и народное довѣріе, подчиняющіяся обаянію стараго, набожнаго и усерднаго начальника петербургскаго ополченія, нашли отголосокъ въ томъ чрезвычайномъ комитетѣ, которому государемъ было поручено рѣшеніе избранія общаго главнокомандующаго для всего вооруженія, предназначеннаго оборонѣ отечества. Комитетъ, состоящій изъ графа Салтыкова (бывшаго воспитателя государя), ген. Вязмитинова, гр. Аракчеева, Балашова, кн. Лопухина и гр. Кочубея, въ засѣданіи 5 августа единогласно указалъ на Кутузова, которому пред-

полагалось исключительно предоставить власть, опредѣленную положеніемъ о большой дѣйствующей арміи и предписаніемъ начальникамъ губернскихъ ополченій объ успѣхѣ вооруженій. Александръ неохотно утвердилъ мнѣніе комитета, которое онъ объявилъ Кутузову, призвавши его къ себѣ 8 августа въ Каменноостровскій дворецъ. Въ дѣлѣ обороны государства онъ предоставилъ ему безграничное полномочіе, строго воспрещая ему вступать въ мирные переговоры съ Наполеономъ и внушая ему во время вступленія, въ случаѣ успѣха нашихъ войскъ, въ западныя наши губерніи, поступать кротко съ тѣми жителями, которые забыли долгъ вѣрноподданныхъ.

Значеніе Кутузова.

Назначая, такъ сказать, избранника Россіи начальникомъ ея обороны противъ своего желанія, не раздѣляя довѣрія страны къ дарованіямъ и личнымъ свойствамъ стараго полководца, Александръ неоднократно высказывалъ своимъ приближеннымъ, что этотъ выборъ ему навязанъ обществомъ (le public a voulu...) и не упускалъ ни одного случая для выраженія своего недоброжелательства. Иностранные свидѣтели нашей Отечественной войны, тѣ, которые приписываютъ *себѣ* незаслуженное значеніе (нѣмцы, Вильсонъ и проч.), равно какъ и французы, не допускающіе, что предусмотрительность и выборъ мѣропріятій Кутузова начали оказывать свое дѣйствіе *прежде*, нежели наступили морозы—всѣ они какъ бы вступили въ союзъ съ недоброжелательствомъ Александра, чтобы умалить заслуги Кутузова и развѣнчать сѣдую и умную голову избранника народнаго пристрастія. Исторія дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за то, что онъ недостаточно смѣло обнажалъ *истину*, когда она могла усиливать народное уныніе, умалять *благоволеніе* государя (завѣдомо шаткое), и наконецъ колебать бодрость защитниковъ! Онъ отрицалъ опасность и неизбѣжность тяжкихъ жертвъ до послѣдней крайности, и подалъ поводъ Александру и Ростопчину разразиться въ нареканіяхъ за сдачу Москвы! Но могъ ли первый, какъ глава государства, утверждать, что его предусмотрительность доставила Кутузову необходимыя средства, чтобы отстоять Москву, когда тотъ принялъ начальство надъ ея защитниками, оттѣсненными врагами на $^4/_5$ пути наступленія къ столицѣ? Какое право имѣлъ франко-татарскій балагуръ,

то тщеславившійся, то укрывавшійся отъ отвѣтственности *поджигателя* Москвы, обрушиваться съ наглой бранью и доносами государю на несомнѣнно заслуженнаго Кутузова за его неправдивость, когда онъ самъ *лгалъ*, что вывезъ все казенное имущество, оставивши французамъ въ Москвѣ огромную военную добычу, и поспѣшивши увезти пожарные обозы, оставленіе которыхъ не усилило бы французскія войска, но спасло бы много русскихъ имуществъ...

Несомнѣнно, что дряхлый, обрюзглый и лишенный одного глаза Кутузовъ, умудренный опытомъ и сознающій громадныя способности своего противника, не могъ съ его свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ, какъ какой-нибудь Горе-Богатырь Евгеній Виртембергскій или Милорадовичъ, надрываться, чтобы изображать героя, устремляющагося зажмуря глаза навстрѣчу врага! Проницательность и сознаніе отвѣтственности за исходъ роковыхъ для отечества событій не дозволяли ему, если бы даже погоня за показной славой его къ тому привлекала, гоняться за богатырскими подвигами; поэтому онъ ограничивалъ свое честолюбіе предѣлами того *скромнаго поведенія*, которымъ достигъ рѣшительнаго успѣха на Дунаѣ, и напрягая все свое вліяніе и обаяніе для обуздыванія нетерпѣнія своихъ сподвижниковъ, и сокрушительное остроуміе для опроверженія доводовъ непрошенныхъ совѣтниковъ, въ родѣ англичанина Вильсона, привелъ къ благопріятному исходу борьбу 1812 г.

Въ русскомъ лагерѣ и вслѣдъ затѣмъ въ отдаленномъ потомствѣ заслуга Кутузова была умалена его обезпечившимъ успѣхъ *скромнымъ поведеніемъ*, которое не соотвѣтствовало подъему духа и торжественности переживаемыхъ отечествомъ событій; уязвленная этимъ несоотвѣтствіемъ народная гордость обрушилась на заслуженнаго старца, выставляя на позорище всѣ его слабости, упуская изъ вида, что многія изъ нихъ оказались полезными, и что онѣ вознаграждались несомнѣнными заслугами. Еще болѣе отечественныхъ хулителей проявили старанія французы, чтобы умалить заслуги Кутузова. Ихъ народная гордость и пристрастіе къ человѣку, которому ихъ отечество было обязано краткимъ, но неоспоримымъ величіемъ, оста-

лись неизгладимо уязвленными тѣмъ рѣшительнымъ толчкомъ по пути къ паденію, который получилъ ихъ геній полу-богъ въ борьбѣ съ дряхлымъ, но умнымъ полководцемъ, простымъ *псковскимъ дворяниномъ*, сумѣвшимъ не только избѣжать съ своей стороны возможныхъ ошибокъ, но еще и *воспользоваться ошибками героя*, не гоняясь за *героизмомъ*, но преслѣдуя исключительно успѣхъ... Помириться съ мыслью, что скромный Кутузовъ одержалъ верхъ надъ громоноснымъ Наполеономъ, они не могутъ до сихъ поръ, и повидимому находятъ недостойное утѣшеніе въ той брани, которой (какъ, напр., ихъ лауреатъ-историкъ Вандаль) осыпаютъ память, заслуживающую вѣчной признательности русскихъ, не вполнѣ повидимому это сознающихъ.

Строгія сужденія и осужденія явились позже, не омрачивъ торжественнаго признанія выбора Кутузова чѣмъ-то какъ бы указаннымъ Провидѣніемъ, и его отъѣздъ изъ Петербурга, путешествіе въ дѣйствующія войска и прибытіе въ лагерь получили значеніе народнаго торжества, предвкушеніемъ побѣдоноснаго исхода изъ грозной борьбы, болѣе достойнаго наименованія первой побѣды надъ врагомъ, такъ недостойно, хотя и язвительно, примѣненнаго однимъ современникомъ Вигелемъ къ случаю гоненія на Сперанскаго.

Заботы государя о подкрѣпленіяхъ и ополченіи.

Дѣятельное участіе Александра въ правительственныхъ распоряженіяхъ, относящихся къ вооруженіямъ запасныхъ войскъ и ополченія, было не только постояннымъ, но и нѣсколько страстнымъ, по свойственному ему влеченію къ внѣшней, обстановочной сторонѣ военнаго дѣла. Благодѣтельное вліяніе торжественно и неоднократно выраженнаго имъ взгляда на невозможность безъ уничиженія допустить какія бы то ни было сдѣлки съ нашествіемъ, несомнѣнно, и составляетъ его личный вкладъ въ доблестную Отечественную борьбу. Попытки его руководить ходомъ военныхъ дѣйствій не оказали особеннаго вліянія на исходъ борьбы; настоянія о наступательныхъ дѣйствіяхъ оказались несоотвѣтствующими средствамъ военной обороны, а мнимо-умышленное поощреніе отступленія посто-

янно опровергалось съ одной стороны требованіями рѣшительныхъ дѣйствій, и оказалось съ другой несомнѣнно вынужденнымъ. Наконецъ, выборъ главнаго руководителя борьбой шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ и желаніемъ государя, который его утвердилъ, но не упускалъ никакого случая для выраженія своего неодобренія главнокомандующему. Ставши въ уровень съ подъемомъ народнаго чувства и сплотившись съ нимъ готовностью къ жертвамъ и лишеніямъ, выражая непоколебимую рѣшительность ограждать ревниво честь Родины, Александръ не проявилъ въ руководствѣ борьбы и въ выборѣ руководителей той государственной и военной даровитости, которой можно было желать и ожидать, цѣня его безукоризненное отношеніе къ требованіямъ достоинства государства и Родины. Гораздо доступнѣе его наклонностямъ были успѣхи въ переговорахъ и личныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ его любезность и свѣтскость находили возможность показаться во всемъ своемъ блескѣ, достигая иногда положительныхъ успѣховъ, если ему не противустояли такіе переговорщики какъ Наполеонъ, Меттернихъ и Талейранъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти свойства государя не заносили его до слишкомъ любезныхъ, нежелательныхъ, а иногда и прямо неисполнимыхъ обѣщаній...

Соглашеніе съ Бернадотомъ.

Такой случай представился ему непосредственно послѣ назначенія Кутузова главнокомандующимъ, какъ бы въ возмездіе за понесенную этимъ назначеніемъ жертву, въ его свиданіи съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ Бернадотомъ, навстрѣчу которому онъ пріѣхалъ въ Або 12 августа, куда его гость прибылъ тремя днями позже.

Цѣлью свиданія служила необходимость дальнѣйшаго соглашенія съ Швеціей, съ которой существовалъ союзъ, заключенный въ Петербургѣ 12/24 марта 1812 г., примѣненіе котораго, въ виду наступившихъ рѣшительныхъ обстоятельствъ, требовало разъясненій и дополненій. При заключеніи союза въ мартѣ мѣсяцѣ, состоявшемся благодаря пренебрежительному отношенію Наполеона къ Бернадоту, почвой для сближенія между новыми союзниками послужило общее имъ опасеніе послѣдствій всепоглощающаго честолюбія императора французовъ и непримиримая мстительность ихъ уязвленнаго самолюбія. Оба союзника

испытали опасность и безплодность соперничества съ неизмѣримо преобладающими дарованіями и волею—Бернадотъ, въ своихъ успѣхахъ на службѣ Франціи, а Александръ, въ своихъ попыткахъ сдѣлаться руководителемъ общаго направленія европейскихъ дѣлъ. Но положеніе ихъ было совершенно различнымъ. Наслѣдный шведскій принцъ, несмотря на новое полу-державное положеніе, оставался до нѣкоторой степени тѣмъ же юркимъ проходимцемъ, достигая успѣха происками и обольщая шведовъ предполагаемымъ желаніемъ Наполеона провести его на шведскій престолъ, которому предстояла настоятельная необходимость упрочить свое положеніе возстановленіемъ утраченнаго положенія Швеціи; а императоръ Александръ, переживая потрясающее испытаніе рѣшительнаго перелома въ вызванномъ имъ соперничествѣ съ Наполеономъ, оставался самодержавнымъ повелителемъ одной изъ могущественнѣйшихъ державъ вселенной, царемъ народа, самоотверженно преданнаго и ревниво чуткаго къ народной чести, совершенно чуждаго тѣмъ кознямъ, которыя разъѣдали прочность верховной шведской власти.

Ненависть къ Наполеону и опасеніе его честолюбія были равны у союзниковъ; но вклады ихъ въ общее дѣло были несоразмѣримо неодинаковы, состоя, съ шведской стороны, главнымъ образомъ въ личныхъ качествахъ ея наслѣднаго принца и въ необходимости для Россіи мирныхъ отношеній съ Швеціей, въ значительной степени обезпеченныхъ ея явнымъ безсиліемъ и отсутствіемъ денежныхъ средствъ для осуществленія вооруженій внушительныхъ размѣровъ. При такихъ условіяхъ, преувеличенныя заискиванія и обременительныя обѣщанія съ русской стороны не имѣли достаточныхъ основаній, и произошли вслѣдствіе ловкости и обаятельной любезности Бернадота, вызвавшихъ обычную въ Александрѣ податливость, расточавшую любезности и обѣщанія, какъ только отношенія дѣловыя переходили на почву свѣтскихъ сношеній... Французскому проходимцу нужно было упрочить за собой наслѣдіе шведскаго престола услугою передъ новой отчизной, и пріобрѣтеніемъ опоры среди лагеря противниковъ Наполеона, паденіе котораго, вслѣдствіи непомѣрности его предпріятій, казалось не только ему, но и многимъ другимъ французамъ, очень вѣроятнымъ. По мартовскому

договору, Швеціи было обезпечено пріобрѣтеніе Норвегіи и военное участіе Россіи въ ея завоеваніи, если Данія не согласится добровольно уступить ее взамѣнъ вознагражденій въ Сѣверной Германіи. Швеція съ своей стороны обязывалась, послѣ быстраго разгрома Даніи союзными войсками, произвести внезапное наступленіе въ тылъ Наполеону, обѣщая возмутить противъ него Сѣверную Германію и потрясти обаяніемъ и связями Бернадота прочность самой французской имперіи. Всѣ эти чудеса хвастливый сынъ трактирщика окрестностей По (въ Беарнѣ) долженъ былъ совершить при помощи 25.000-го вспомогательнаго русскаго войска, отрываемаго отъ защиты отечества въ роковомъ его испытаніи, и ничтожныхъ шведскихъ вооруженій, въ борьбѣ съ Даніей и съ французскими войсками, разсѣянными въ числѣ болѣе 150.000 человѣкъ въ Сѣверной Германіи. Такая постановка *основаній* союза достаточно обнаруживаетъ, что онъ не могъ осуществить своихъ предположеній, слишкомъ широко поставленныхъ свѣтской предупредительностью договаривающихся союзниковъ. Въ завязавшейся между ними перепискѣ, Бернадотъ не щадилъ совѣтовъ, указаній и даже поощреній, указывая на лучшіе способы борьбы съ Наполеономъ, на его недостатки и слабости, и получая взамѣнъ въ письмахъ Александра лестные отзывы, просьбы указаній, предложеніе начальствованія надъ русской обороной и полу-оправданіе не вполнѣ удачнаго начала борьбы. Во время этихъ любезныхъ сообщеній въ перепискѣ двухъ союзниковъ, шла упорная оборона передъ громаднымъ превосходствомъ наступающихъ силъ и напряженныя усилія русскаго правительства и общества достигнуть увеличеніемъ оборонительныхъ средствъ нѣкотораго равновѣсія между наступающими врагами и защитниками очага и народной чести. Эта послѣдняя, въ одномъ изъ самыхъ знаменательныхъ проявленій своего сознанія, *навязала* государю нелюбимаго имъ полководца, вслѣдъ за назначеніемъ котораго онъ отправился на свиданіе съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ въ Або.

Свиданіе въ Або.

Во всѣхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ переживаемой роковой годины, Александръ, постоянно уличаемый противниками въ двуличности, а своими историками и въ

неразгадываемыхъ противорѣчіяхъ, былъ повидимому вполнѣ послѣдователенъ и сообразенъ со своимъ нравомъ и со своими увлеченіями. Онъ всегда шелъ навстрѣчу положенія и проявленія намѣренія и чувствъ, которыя могли благопріятно освѣтить его личность; находилъ возможность использовать въ этомъ направленіи всѣ благопріятныя обстоятельства, чтобы увеличить обаяніе своей личности; но считать себя обязаннымъ къ упорному преслѣдованію государственнаго значенія широковѣщательныхъ своихъ намѣреній, изъ сознанія ихъ пользы и собственнаго долга, онъ не былъ склоненъ, не обладая ни способностью усваивать *существенную* сторону *красивыхъ* внѣшнихъ проявленій, ни тѣмъ призваніемъ къ дѣлу, которое сливается съ самой природой избранниковъ государственной дѣятельности, какъ художникъ сживается со своимъ искусствомъ... Этой опоры Александру недоставало, и потому онъ не былъ послѣдователенъ въ государственной дѣятельности, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ въ проявленіи своего нрава, когда его преобладающее свойство, *баловня* воспитанія, свѣтскихъ успѣховъ, самодержавной власти — его *тщеславіе* находило удовлетвореніе или уязвленіе, и въ обоихъ случаяхъ онъ бывалъ неизмѣнно послѣдовательнымъ!

Этимъ объясняется его способность вызывать и съ успѣхомъ выдерживать обмѣнъ мыслей и удачныхъ выраженій съ первой *говоруньей* своего времени, французской писательницей г-жей де-Стааль, (Александръ былъ несомнѣнно очень краснорѣчивъ въ свѣтскомъ отношеніи) и пощеголять передъ ней не только хлесткими выраженіями, но и вольнолюбивыми заявленіями, очень удачно отвѣтивъ на ея слишкомъ любезное замѣчаніе, что такой самодержецъ, какъ онъ, устраняетъ необходимость для государства всякихъ другихъ обезпеченій неприкосновенности законныхъ правъ и проч., хлесткимъ выраженіемъ: «но я только счастливая случайность». Отвѣтъ несомнѣнно остроумный, и даже очень милый, если бы онъ не исходилъ отъ того самаго лица, которое передъ этимъ не остановилось передъ произвольнымъ изгнаніемъ и гоненіемъ Сперанскаго, имъ же самимъ введеннаго въ самое сокровенное общеніе съ его мечтами, порывами и нерѣшимостью вступать въ

отвѣтственную преобразовательную дѣятельность; и за то лишь, что быстро возвеличенный самодержавнымъ увлеченіемъ поповичъ осмѣлился возмечтать о себѣ, что онъ имѣетъ право на сознаніе своего превосходства и достоинства. Пощеголять передъ знаменитой собесѣдницей широтой и свободолюбіемъ своихъ взглядовъ, лаская свое тщеславіе, было его обычнымъ занятіемъ, но эти свѣтскія упражненія не имѣли прочной связи съ его дѣятельностью, потому что служили канвой для пріятныхъ и лестныхъ для его тщеславія разговоровъ, а не устоями его дѣятельности. Устоять противъ соблазна такого развлеченія Александръ не могъ ни передъ фрейлиной Роксаной Стурдзой, ни передъ второстепеннымъ чиновникомъ при проѣздѣ чрезъ Гельсингфорсъ (Эрнстремомъ, завѣдующимъ распланировкой этого города), излагая имъ свои намѣренія, чувства и готовность къ величайшимъ жертвамъ, выставляя на показъ свою *обаятельную* личность, и вызывая этимъ способомъ восторгъ непризнанныхъ судей!

При свиданіи съ Бернадотомъ такая слабость представляла не только неудобство слишкомъ поверхностнаго отношенія къ достоинству своего сана, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, но могла бы повлечь тягостныя послѣдствія данныхъ въ любезныхъ порывахъ обѣщаній, если бы новый союзникъ не выказалъ болѣе сдержанности и предусмотрительности, нежели императоръ Александръ.

Показавши стойкость въ отказѣ возвращенія Аландскихъ острововъ, котораго домогался прибывшій въ Або 15 августа наслѣдный шведскій принцъ, Александръ, несмотря на расточаемыя любезность и привѣтливость, выказалъ на дѣлѣ всегда отрицаемую имъ на словахъ жажду расширенія своихъ владѣній. Но взамѣнъ этой неуступчивости, онъ показалъ въ заключенной 18/30 августа конвенціи необыкновенную щедрость въ увеличеніи до 35.000 человѣкъ вспомогательныхъ русскихъ войскъ, назначаемыхъ въ распоряженіе Бернадота для его военныхъ дѣйствій противъ Даніи и *диверсіи* въ Германіи. Кромѣ войска, ему была обѣщана ссуда въ полтора милліона рублей, но было выговорено согласіе Швеціи на расширеніе предѣловъ Россіи до Вислы. Въ отдѣльной тайной статьѣ конвенціи союзныя державы придавали договору значеніе *фамильнаго*

соглашенія, обязываясь, въ случаѣ враждебнаго покушенія какой-нибудь державы противъ Россіи или Швеціи, помогать другъ другу 15.000 чел. войска. Это послѣднее условіе, придавшее неприкосновенности права Бернадота одинаковое значеніе съ правомъ Александра на Всероссійскій престолъ, оказалось самымъ существеннымъ для наслѣднаго шведскаго принца, развязавши окончательно прочность его положенія отъ зависимости судьбы наполеоновскаго владычества, и избавило его отъ утраты своего положенія при паденіи французской имперіи.

Принятое этимъ условіемъ обязательство, устраняя возможность враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи на шведской границѣ, не могло считаться купленнымъ дорогой цѣной, и не вполнѣ удовлетворяло честолюбія и самолюбія Бернадота, расточавшаго передъ Александромъ всѣ свои чары блестящей и самохвальной болтовни. Болтовня эта перемежалась съ тонкой наблюдательностью и очень трезвыми совѣтами относительно желательнаго образа дѣйствій противъ Наполеона, котораго онъ полагалъ возможнымъ извести упорнымъ уклоненіемъ отъ открытаго и рѣшительнаго столкновенія и немедленнымъ преслѣдованіемъ послѣдствій первой его неудачи, столь же неизбѣжно вызывавшей въ первое время въ немъ растерянность, какъ неизбѣжно вскорѣ вслѣдъ затѣмъ возрождалась (если упускался благопріятный случай) неистощимая его изобрѣтательность, ставившая его снова на ноги. Блестящія остроуміе и любезность Бернадота, польза его руководства шведскими дѣлами, устраняющая опасность усложненій съ этой стороны, не казались Александру достаточно вознагражденными обезпеченіемъ ему наслѣдства шведскаго престола и увеличеніемъ его державы завоеваніемъ, при содѣйствіи русскихъ войскъ, Норвежскаго королевства. Обворожденный блестящимъ и хвастливымъ болтуномъ, Александръ увлекся состязаніемъ въ любезныхъ обѣщаніяхъ и восхваленіяхъ своего собесѣдника до крайне смѣлаго предположенія... въ случаѣ успѣшнаго исхода борьбы съ Наполеономъ, возможности предоставленія его наслѣдія *достойнѣйшему*, т.-е. самонадѣянному, хотя и ловкому проходимцу, не лишенному нѣкоторыхъ дарованій, оцѣнка которыхъ должна была тщательно уклоняться отъ сопоставленія рядомъ съ

громадными дарованіями Наполеона, чтобы не обратиться въ прахъ.

Къ счастью для Россіи и Александра, предусмотрительность Бернадота избавила ихъ обоихъ отъ немедленныхъ послѣдствій излишней податливости государя на неосуществимыя обѣщанія. Наслѣдный шведскій принцъ ясно видѣлъ, что при тогдашнемъ стѣсненномъ военномъ положеніи Россіи, громимой громадными силами Наполеона, отчужденіе отъ ея защиты тѣхъ 35.000 человѣкъ, которые предназначались расширенію его будущихъ владѣній, было бы непростительной ошибкой, послѣдствія которой должны были отразиться на упроченіи его собственной судьбы; и потому, расхваливши представленныхъ ему на смотру будущихъ своихъ сподвижниковъ, онъ самъ предложилъ отсрочить ихъ отправленіе въ его станъ до болѣе благопріятнаго времени, и немедленно ихъ присовокупить къ непосредственнымъ защитникамъ угрожаемой Россіи. Благоразумный и предусмотрительный отказъ Бернадота отъ немедленнаго исполненія условій союза, въ ущербъ вѣроятности благопріятнаго исхода всего предпріятія, былъ принятъ Александромъ съ сердечными изліяніями, и сопровождался обмѣномъ между союзниками самыхъ утонченныхъ любезностей. Такимъ образомъ, благоразуміе шведскаго наслѣднаго принца устранило самое опасное послѣдствіе тароватости русскаго государя. Три дивизіи, назначаемыя для дѣйствія въ Скандинавскомъ полуостровѣ и сѣверной Германіи, получили болѣе сообразное обстоятельствамъ назначеніе, и были отправлены моремъ въ прибалтійскія губерніи и вверхъ по Двинѣ для содѣйствія Витгенштейну.

Насколько повліяли на благоразуміе Бернадота различныя обстоятельства, трудно выяснить, но несомнѣнно, что одно изъ главныхъ соображеній должно было имѣть основаніемъ убѣжденіе въ невозможности для Наполеона оказать ему дѣйствительную поддержку, если бы онъ даже желалъ это сдѣлать, а такого желанія, при явно показанномъ къ нему пренебреженіи, Бернадоту нельзя было ожидать. Кромѣ того, онъ вѣроятно раздѣлялъ мнѣніе многихъ своихъ соотечественниковъ, что со времени испанскихъ дѣлъ звѣзда императора французовъ начала меркнуть, а

затѣя нашествія на Россію почиталась ими предпріятіемъ, ставившимъ судьбу его царствованія на карту... Къ тому же, все, что можно было предпринять враждебнаго противъ Наполеона, льстило мстительности Бернадота, который считалъ необходимымъ отложить свои завоевательныя предпріятія до времени, когда выяснятся обстоятельства, и для ускоренія этого увеличить число войскъ, непосредственно противоставленныхъ наступающимъ на Россію французамъ. Благоразумному рѣшенію Бернадота могло даже отчасти способствовать увлеченіе взаимными любезностями и предложеніями услугъ, въ которыхъ онъ состязался съ Александромъ; но какія бы побужденія ни обнаружились въ благоразумномъ предложеніи наслѣднаго шведскаго принца, въ числѣ ихъ не было трезваго сознанія *шведской* пользы и здравой оцѣнки международнаго положенія того времени: его самообольщеніе и самомнѣніе служили непреодолимымъ препятствіемъ такому благоразумію, и онъ не усомнился повѣрить возможности осуществленія легкомысленнаго обѣщанія Александра обезпечить французскій престолъ *достойнѣйшему*, и этимъ создалъ впослѣдствіи нѣкоторыя затрудненія своему союзнику, ловко разрѣшенныя въ Парижѣ Талейраномъ, не безъ нѣкотораго ущерба для достоинства императора Александра.

Подробности свиданія съ Вильсономъ.

При возвращеніи послѣдняго въ Петербургъ, 22 августа, его ожидало не малое огорченіе, вслѣдствіе привезенныхъ Вильсономъ изъ главнаго русскаго стана извѣстій и заявленій, о которыхъ уже было упомянуто, и которыя послѣдній считалъ себя уполномоченнымъ сообщить государю. Зная о несогласіяхъ между начальниками войскъ, послѣдній самъ вызвалъ англичанина на откровенность, которой тотъ воспользовался для произведенія сильнаго впечатлѣнія на своего слушателя, расчитывая вѣроятно вызвать въ государѣ распоряженія, болѣе рѣшительныя, или болѣе сообразныя со взглядами англійскаго правительства. Свѣдѣнія о свиданіяхъ и разговорахъ Вильсона съ государемъ перешли къ потомству изъ записокъ этого генерала, и не могутъ подвергнуться никакой повѣркѣ. Онъ заявилъ себя уполномоченнымъ *арміей* выразить государю ея желанія, но кто именно счелъ себя призваннымъ быть выразителемъ желаній и даже *требованій* всей арміи,

указаній у Вильсона нѣтъ и не могло быть. Въ числѣ требованій, было устраненіе Барклая де-Толли отъ начальствованія войсками, и одно это уже указываетъ, что изъ *всей* арміи нужно исключить ея главнокомандующаго, не послѣдняго же въ ней человѣка? Кто были глашатые ея? Багратіонъ, Ермоловъ или Платовъ (заявившій Барклаю, что послѣ Смоленска считаетъ стыдомъ носить русскій мундиръ!) или другіе второстепенные генералы, неимѣющіе возможности столковаться и прійти къ опредѣленному заключенію, и еще менѣе къ рѣшимости поручить иностранцу, съ которымъ многіе изъ нихъ не были знакомы и не имѣли возможности объясняться, предъявить государю опредѣленныя требованія? Вѣроятно, что нѣкоторые изъ начальниковъ выражали Вильсону мнѣнія о желательности смѣны Барклая, Румянцева, и непримиримой войны съ Наполеономъ, но мало вѣроятно, что среди этихъ начальниковъ оказались люди, принявшіе на себя званіе выразителей опредѣленно выраженнаго желанія *всей арміи*. Убѣжденіе государя въ существованіи такого рѣшительнаго настроенія войска было желательно для Англіи, считавшей, что для достиженія желательныхъ послѣдствій начатой борьбы нужно было, чтобы Россія *сожгла свои корабли*. Испытавши исключительную доступность Александра для иностранныхъ представителей, и легкость, съ которой онъ вовлекался свѣтской любезностью и потребностью пощеголять *прекраснодушіемъ* въ выслушиваніе несомнѣнно непріятныхъ обстоятельствъ и рѣчей, если выслушиваніе ихъ выставляло его съ великодушной и любвеобильной стороны, Вильсонъ воспользовался этими свойствами своего собесѣдника, чтобы заставить его выслушать все то, чего онъ наслушался въ русскомъ станѣ, *согласнаго съ англійскими видами*.

Несмотря на всѣ оговорки Вильсона, старавшагося оправдать *требованія* предводителей войскъ крайней опасностью государства и готовностью искупить свою смѣлость самой самоотверженной службой государю, впечатлѣніе отъ посланія, исходящаго отъ скрываемыхъ выразителей требованія всей арміи, было удручающимъ, и вызвало сначала рѣзкій отпоръ оскорбленнаго самодержца. Часть требованія была предупреждена назначеніемъ Кутузова, встрѣ-

ченнаго Вильсономъ во время его путешествія въ дѣйствующія войска, и съ которымъ онъ имѣлъ обстоятельное объясненіе, вызвавшее будто бы порученіе Кутузова *посланнику бунтовщиковъ* ничего не скрывать передъ государемъ. Насколько извѣстно, раздоры между генералами и неудовольствіе противъ Барклая были несомнѣнны; но что среди войска успѣли укорениться опасенія о заключеніи съ Наполеономъ несогласнаго съ достоинствомъ Россіи мира, нѣтъ никакого указанія, и тѣмъ менѣе вѣроятно, что среди начальствовавшихъ лицъ было единодушное и враждебное настроеніе противъ Румянцева, считавшагося слишкомъ благосклоннымъ къ французамъ, но не признаваемаго настолько вліятельнымъ, чтобы его сверженіе считалось необходимымъ для огражденія Россіи отъ постыднаго мира. Вильсонъ, принимая на себя порученіе посланника *бунтовщиковъ*, послѣ свиданія съ новымъ главнокомандующимъ Кутузовымъ, несомнѣннымъ пріятелемъ Румянцева, наврядъ ли имѣлъ право утверждать передъ государемъ, что удаленіе послѣдняго составляло единодушное желаніе *всей арміи*.

Если же цѣлью Вильсона было произвести извѣстное давленіе въ англійскомъ направленіи, не пренебрегая при этомъ нѣкоторыми натяжками въ изображеніи настроенія войска, и не брезгая возбужденіемъ въ государѣ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній изображеніемъ военной смуты, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Несмотря на высказанное Александромъ негодованіе на посягательство на неприкосновенность его самодержавной власти, на волненіе, охватившее его при изложеніи Вильсономъ того настроенія всей арміи, которое подвинуло ее поручить иноземному генералу напомнить Русскому Царю о его обязанности предъ отечествомъ — въ послѣдовавшихъ разговорахъ посланникъ бунтовщиковъ услышалъ необходимыя успокоительныя завѣренія Александра. Послѣдній получилъ еще разъ возможность подтвердить торжественное свое обѣщаніе, что онъ не заключитъ съ Наполеономъ мира, покуда хотя бы одинъ вооруженный французскій солдатъ оставался въ предѣлахъ его царства; вмѣстѣ съ этимъ, опровергая вкоренившееся мнѣніе, что Румянцевъ остается защитникомъ союза съ Франціей и

противникомъ упорной борьбы съ нашествіемъ, Александръ, выгораживая его въ этомъ отношеніи и превознося его за безкорыстіе и отсутствіе домогательствъ въ пользу близкихъ людей (онъ былъ богатъ и одинокъ), принималъ на себя ручательство, что упорство борьбы съ Наполеономъ совершенно ограждено отъ доброжелательства канцлера къ Франціи.

Съ этими успокоительными увѣреніями Вильсонъ былъ отправленъ въ русскій станъ, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ государемъ. Какая могла послѣдовать польза отъ сообщеній Вильсона для успокоенія умовъ въ дѣйствующихъ войскахъ, во главѣ которыхъ уже находился новый главнокомандующій, съ чрезвычайными полномочіями и со строгимъ запретомъ вступать въ мирные переговоры съ Наполеономъ — трудно себѣ представить. Удовлетворять праздному любопытству начальниковъ, жаждущихъ извѣститься о придворныхъ новинкахъ и лично ихъ услышать отъ прибывшаго вѣстовщика? — этимъ должно было ограничиться обратное посольство *посла бунтовщиковъ*: конечно все это посольство и переговоры были гораздо важнѣе для успокоенія общественнаго мнѣнія Англіи, нежели умовъ въ русскомъ войскѣ. Въ этомъ отношеніи, прибытіе новаго главнокомандующаго должно было оказать больше вліянія, нежели разсказы Вильсона.

Участіе Кутузова въ борьбѣ.

Съ прибытіемъ 17 августа князя Кутузова въ дѣйствующія войска, во время ихъ роздыха, начался рѣшительный оборотъ въ ходѣ Отечественной войны, не потому чтобы съ его прибытіемъ явился немедленно благопріятный переломъ отъ страдательнаго, вынужденнаго подавляющимъ численнымъ превосходствомъ врага отступательнаго ея веденія, къ наступательному и громящему надъ утратившимъ превосходство врагомъ. Конечно, прибытіе новаго и общаго надъ всей обороной главнокомандующаго не могло произвести этого чуда — ни дарованія его, не имѣющія ничего общаго со свойствами сказочнаго богатыря, ни находящіяся въ его распоряженіи средства не представляли возможности совершить это чудо: Кутузову

пришлось дѣйствовать среди условій, имъ застигнутыхъ, постепенно давая имъ болѣе благопріятный оборотъ своимъ непоколебимо, почти безукоризненно разумнымъ руководствомъ.

Довѣріе и увлеченіе общественнаго мнѣнія и войскъ, проявившія себя при его назначеніи, въ слѣдованіи къ мѣсту расположенія главныхъ силъ и при прибытіи въ Царево-Займище, нашли оправданіе въ томъ покойномъ и свѣтломъ превосходствѣ ума, военнаго и житейскаго опыта, которое придало власти обаяніе какого-то откровенія и устранило разноголосицу среди начальствующихъ лицъ, не только ослабляющую при Барклаѣ довѣріе къ главнокомандующему, но и поколебавшую всякую надежду на благопріятный исходъ борьбы. Изнемогающій передъ громадностью отвѣтственности, лично непоколебимо твердый Барклай не сознавалъ въ себѣ присутствія достаточнаго превосходства разума и свѣтлаго выясненія положенія обороны, чтобы внушительно изобразить побужденія и намѣренія своего образа дѣйствій. Какъ передъ государемъ, такъ и передъ Багратіономъ и прочими сослуживцами, ему приходилось отступать поневолѣ, обѣщая при этомъ переходъ въ наступленіе, не проявляя ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ сознательной воли. Съ прибытіемъ Кутузова, воля и взглядъ главнокомандующаго стали выражаться ясно и внушительно, несмотря на то, что онъ охотно совѣщался не только съ Бенингсеномъ, котораго удержалъ при себѣ въ качествѣ начальника своего штаба (онъ былъ высланъ изъ лагеря тяготившимся его присутствіемъ Барклаемъ), но и съ другими сослуживцами, между которыми высоко цѣнилъ Коновницына, Ермолова, Толя и др.; но допуская совѣтчиковъ, вызывая военные совѣты и горячія пренія среди ихъ, онъ ихъ только выслушивалъ, не вступая въ эти пререканія, и высказываясь въ заключеніе такъ рѣшительно и внушительно, что его слово звучало не только силой власти, но и несомнѣннымъ превосходствомъ свѣтлаго разумѣнія и предусмотрительной проницательности. Подчиненіе этому слову являлось не только по долгу службы, но и по власти несомнѣннаго превосходства, и внушительность его мнѣнія проявлялась еще болѣе въ содержаніи не-

жели въ выраженіяхъ, отражаясь потомъ въ донесеніяхъ къ государю, не лишенныхъ твердаго, нѣсколько сжатаго выраженія положительныхъ и опредѣленныхъ мнѣній, нерѣдко противорѣчащихъ распространенному представленію о придворно уклончивомъ его обхожденіи со старшими. Несмотря на такія рождающія обаяніе качества главнокомандующаго, они не устранили сужденія, что удачныя рѣшенія у него не проявлялись самостоятельно, а были подсказываемы даровитыми совѣтниками. Намъ кажется, что умѣлый начальникъ, если онъ хочетъ провѣрить и дополнить собственное мнѣніе, долженъ остерегаться высказывать его до выслушанія вызываемыхъ мнѣній, искренности которыхъ опасны и угодничество иныхъ и задоръ смутьяновъ; и потому неосновательно предполагать, что онъ не имѣлъ какого-нибудь мнѣнія, если онъ его не высказалъ прежде другихъ. Его мнѣніе — это рѣшающее распоряженіе.

Немедленно по вступленіи въ лагерь въ Царевомъ-Займищѣ, главнокомандующій громкимъ отзывомъ о молодцахъ рядовыхъ (при встрѣчѣ почетнаго караула), а также при обозрѣніи войскъ, встрѣчѣ съ частями и сношеніи съ главнокомандующими разныхъ отдѣловъ войскъ и ополченія Москвы, старался не только проявить предупредительную распорядительность, но и вселить бодрость и надежду на болѣе благопріятный оборотъ военныхъ дѣйствій. Настроеніе умовъ въ войскѣ и народѣ содѣйствовало мѣрамъ Кутузова, успѣвшаго вселить всеобщую вѣру въ спасительную силу его назначенія. Знаменіемъ такого вѣрованія нужно считать распространившійся тогда слухъ, что во время перваго его обозрѣнія войскъ въ Царевомъ-Займищѣ, надъ нимъ парилъ большой орелъ въ то время когда онъ объѣзжалъ войска. Такія повѣрья, плоды несомнѣннаго подъема духа, указываютъ на избранниковъ общественнаго мнѣнія, и придаютъ имъ нравственную опору.

Дряхлый главнокомандующій ободряетъ войско.

Отступающія войска были задержаны въ Царевомъ-Займищѣ въ предположеніи принять сраженіе, пользуясь узкой гатью среди болотистой мѣстности, способной значительно затруднить наступательныя дѣйствія французовъ. При сношеніяхъ Барклая и Багратіона, по поводу умѣстно-

сти и своевременности такого сраженія, проявилось обычное разногласіе, угрожающее неурядицей. Ставилось на видъ, что болото въ одну изъ сторонъ гати тянулось недалеко и потому легко могло быть обойдено, и тѣмъ подвергнуть обороняющихся большой опасности. Опасность обхода истекала не изъ одного размѣра болота, но еще болѣе изъ численнаго превосходства французовъ, облегчающаго отряженія значительныхъ отрядовъ въ обходъ отступающихъ войскъ. Несомнѣнно, что Кутузовъ засталъ таковое превосходство враговъ при Царевомъ-Займищѣ, и если оно даже не имѣло того размѣра, которое указано имъ въ донесеніи его государю отъ 19 августа (95.000 русскихъ и 165.000 французовъ), то все же было достаточнымъ, чтобы дозволять Наполеону отряжать цѣлые корпуса принца Евгенія и Понятовскаго на окольные пути, сохраняя достаточно войскъ, чтобы не утрачивать равновѣсія своихъ главныхъ силъ съ отступающими войсками Барклая и Багратіона. Эти два полководца сохранили начальствованіе надъ своими арміями; принявши общее начальство, Кутузовъ довольствовался общимъ руководствомъ, которое проявилось прежде всего отмѣной предполагаемаго сраженія и возобновленіемъ отступленія.

Въ выше упомянутомъ донесеніи новаго главнокомандующаго изложены истинныя причины этого рѣшенія.

Продолженіе отступленія. Русскія войска, кромѣ давленія постепенно уменьшающагося, но все еще очень опаснаго численнаго преобладанія французовъ, приблизительно на цѣлую треть, несомнѣнно также приходили въ разстройство отъ постояннаго отступленія чрезъ мѣстности, въ которыхъ не было заготовлено въ достаточныхъ размѣрахъ продовольствія, сосредоточеннаго главнымъ образомъ въ западныхъ губерніяхъ. Необходимость пополнять его по пути отступленія вызвала мародерство и бродяжничество, отъ котораго страдало, хотя и въ несравненно меньшей степени нежели французское, и русское войско. Желательность пополненія убыли прибывающими подкрѣпленіями, ожидаемыя пополненіе и упорядоченіе частей по мѣрѣ приближенія въ Москвѣ, въ то время когда у французовъ безостановочно продолжалось разложеніе и таяніе громадныхъ полчищъ, а также обнаруженныя неудобства выбран-

наго поля сраженія въ Царевомъ Займищѣ, хотя и одобреннаго Кутузовымъ при первомъ обозрѣніи, все вмѣстѣ побудило главнокомандующаго отказаться отъ попытки рѣшительнаго сопротивленія на мѣстѣ, не имъ избранномъ, и ничѣмъ особенно не отличающимся. Но убѣжденіе въ несомнѣнной пользѣ дальнѣйшаго отступленія и изложенные въ донесеніи 19 августа въ его пользу доводы не освобождали Кутузова отъ обязательствъ защитника не только независимости, но и чести отечества: чуткость военной чести требовала испытать доблесть русскихъ войскъ, хотя и при неравенствѣ силъ, до прибытія къ первопрестольной столицѣ, какъ только стало яснымъ, что истощеніе силъ французовъ и усиленіе русскихъ не подвигаются достаточно быстро, чтобы вполнѣ возстановить между ними равновѣсіе до прибытія къ стѣнамъ Москвы.

Присоединивши подкрѣпленія, прибывшія изъ частей, устраиваемыхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и часть Московскаго ополченія, мало обученнаго и еще менѣе вооруженнаго (большинство было безъ ружей, съ одними копьями), Кутузовъ рѣшилъ отступить до окрестностей Можайска и здѣсь принять сраженіе, располагая 120.000-нымъ войскомъ со включеніемъ ополченія, не имѣющаго настоящаго боевого значенія. Мѣстность для этого рѣшительнаго сраженія была пріискана не доходя Можайска, при селѣ Бородинѣ; избраніе ея приписывается разнорѣчиво генералу Вистицкому или полковнику Гартонгу, но во всякомъ случаѣ она была осмотрѣна и одобрена Бенингсеномъ, а самъ главнокомандующій прибылъ 22 числа въ Бородино для осмотра и распоряженій.

Бородино.

Кутузовъ, зная численное превосходство наполеоновскаго войска, приступающаго къ рѣшительному сраженію съ 130 или 140.000 испытанныхъ солдатъ (показанія французовъ разнорѣчивы и склонны къ умаленію), и не имѣя болѣе 120.000 человѣкъ, со включеніемъ казаковъ и ополченцевъ, изъ которыхъ послѣдніе не могли признаваться боевой силой—пытался вознаградить относительную слабость своихъ войскъ укрѣпленіемъ занятаго располо-

женія за селомъ Бородинымъ, по правому склону къ рѣкѣ Колочѣ, на лѣвомъ берегу которой находилось село, названіе котораго сдѣлалось однимъ изъ громкихъ именъ въ исторіи. Съ своей стороны Наполеонъ ожидалъ рѣшительныхъ дѣйствій русскихъ, узнавши о прибытіи Кутузова въ ихъ лагерь. Онъ обзывалъ его старымъ сѣвернымъ лисомъ (vieux renard du nord), и немедленно сдѣлалъ распоряженія для выясненія численности своихъ частей и приведенія ихъ въ возможные порядокъ и подвижность, устраненіемъ лишнихъ обозовъ, привлеченіемъ разбревшихся людей и необходимыхъ боевыхъ снарядовъ. Ему пришлось провести два дня въ Гжатскѣ для обезпеченія своихъ приготовленій; этимъ временемъ воспользовались въ русскомъ лагерѣ для возведенія нѣсколькихъ полевыхъ укрѣпленій (не вполнѣ оконченныхъ), которыми надѣялись увеличить силу сопротивленія русскихъ войскъ. Благоразумныя распоряженія Наполеона и Кутузова не могли измѣнить страстнаго значенія рѣшительнаго столкновенія враждующихъ войскъ, ожидавшихъ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ рѣшительной битвы, и вносящихъ въ эту битву исключительное воодушевленіе и рѣшительность. Съ русской стороны вносило исключительное озлобленіе оскорбленіе военной и народной чести; у французовъ, продолжительный, изнурительный и неожиданно безплодный походъ, вызвавшій не только охлажденіе главныхъ руководителей, но даже ихъ ропотъ, располагалъ искать развязки въ рѣшительномъ ударѣ, не щадя ни себя ни людей. При такихъ условіяхъ, рвеніе и озлобленіе исполнителей придаютъ такую силу столкновенію, что руководителямъ не приходится исправлять ихъ колебаній и оплошностей, ограничиваясь общимъ руководствомъ. Войска съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ и стойкостью и оставили потому также безпримѣрное количество жертвъ на полѣ сраженія; но главные предводители ихъ, ни прославленный военный геній, ни *старый сѣверный лисъ*, не ознаменовали этого страшнаго боя, въ которомъ оказалось около 90.000 человѣкъ пострадавшихъ (въ томъ числѣ болѣе 60 генераловъ), никакимъ отличительнымъ дѣйствіемъ или распоряженіемъ. Борьба явно шла между нашествіемъ и защитниками отечества, а не между Наполеономъ и Кутузовымъ!

Мѣстность, избранная для рѣшительнаго отраженія французовъ, состояла изъ холмистаго косогора лѣваго берега рѣки Колочи, недалеко отъ ея впаденія въ рѣку Москву, болѣе крутаго противъ Бородина и правѣе этого села, и постепенно дѣлающагося пологимъ лѣвѣе его, при чемъ болѣе пологая мѣстность этой стороны оказывалась поросшей лѣсомъ и кустарникомъ. Косогоръ этотъ прорѣзывался нѣсколькими оврагами, по которымъ протекали въ болотистую рѣку Колочу ручьи Стонецъ и Семеновскій, образуя холмы, которые были признаны, по своей крутизнѣ, удобными для обороны и затруднительными для наступленія, почему и были избраны для рѣшительнаго сраженія. Слабой стороной, не безъ основанія, признавалась мѣстность лѣвѣе отъ оврага и села Семеновскаго, пологая и лѣсистая, и потому облегчающая скрытый обходъ занятой русскими мѣстности. Для ослабленія этого неудобства было немедленно приступлено къ сооруженію укрѣпленія передъ лѣвой пологой мѣстностью недалеко отъ деревни Шевардино, и, кромѣ этого укрѣпленія, наскоро было насыпано три небольшихъ люнета по скатамъ лѣвѣе Семеновскаго, одинъ болѣе значительный редутъ на холмѣ между Семеновскимъ и Горицкимъ оврагами, и три люнета впереди деревни Горки, на скатѣ холма между Горицкимъ оврагомъ и рѣкой Колочей. Этими наскоро насыпанными полевыми укрѣпленіями, снабженными крупными орудіями, но спѣшно и весьма несовершенно сооруженными, не могли успѣшно устраниться всѣ несовершенства мѣстности, и тѣмъ болѣе вознаградиться численный недостатокъ русскаго войска, часть котораго состояла изъ полуобученныхъ рекрутовъ, приведенныхъ Милорадовичемъ изъ Калуги, и изъ 10.000 ополченцевъ крестьянъ-лапотниковъ.

Приступающія 130 или 140.000 наполеоновскихъ солдатъ составляли, такъ сказать, *отборъ*, образовавшійся растратой большинства слабыхъ и ненадежныхъ людей, покинутыхъ и разбревшихся въ мародерствѣ. Кромѣ прочности и испытанности людей, воодушевленныхъ долгимъ рядомъ успѣховъ, на ихъ сторонѣ было нетерпѣніе добиться быстраго исхода похода, сдѣлавшагося невыносимо тягостнымъ. Это послѣднее чувство въ равной степени овла-

дѣло всѣми, начиная съ доблестнѣйшаго изъ маршаловъ и кончая послѣднимъ изъ барабанщиковъ, сознающими, что они зашли такъ далеко, что кромѣ рѣшительнаго успѣха, не оставалось никакого исхода.

Отступленіе наше продолжалось 23 и 24 числа, охраняемое упорными боями при Гридневѣ и Колоцкомъ, стойко выдержанными тыловыми войсками, предводимыми замѣнившимъ Платова Коновницынымъ. Наконецъ, 24 числа были заняты нашими войсками холмы за Бородинымъ, и войско стало готовиться къ рѣшительному сраженію, не только неизбѣжными въ такомъ случаѣ распоряженіями и предосторожностями, но и тѣми теплыми молитвами, которыми русскій человѣкъ освящаетъ всѣ торжественныя явленія своей жизни. Точно также какъ и во французскомъ лагерѣ всѣ, отъ маршала до барабанщика, сознавали, что неизбѣжно нужно выставить всѣ *козыри* въ предстоящемъ кровавомъ розыгрышѣ, точно также съ русской стороны, отъ дряхлой, сѣдой и мудрой головы *Свѣтлѣйшаго*, до послѣдняго и простодушнѣйшаго ополченца, всѣ сознавали торжественность и святость предстоящей для спасенія отечества жертвы... Спасенная изъ Смоленска высоко чтимая икона Матери Божіей Одигитріи послужила приданію особенной теплоты и умиленія возносимымъ молитвамъ, въ торжественныхъ молебнахъ и крестныхъ ходахъ съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, въ которыхъ равно приняли участіе главнокомандующій и послѣдній обозный (*фурлейтъ*).

Первоначальное расположеніе русскихъ войскъ было нѣсколько ошибочно, какъ бы предусматривая возможность вовлечь Наполеона въ сосредоточеніе главныхъ усилій на самую сильную часть нашего расположенія, на крутыхъ холмахъ противъ Бородина и правѣе его, на которыхъ, и въ тылу которыхъ, были расположены главныя силы русскихъ. Съ цѣлью уклоненія по этому направленію былъ построенъ Шевардинскій редутъ, въ 2 верстахъ впереди лѣваго, пологаго и лѣсистаго края нашего расположенія, но ни это укрѣпленіе, ни значительность стянутыхъ на холмахъ правой стороны силъ не оказали никакого вліянія на направленіе наступленія Наполеона. Если въ передвиженіяхъ и переговорахъ Кутузовъ могъ надѣяться не только

не поддаться обману хитраго корсиканца, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ обойти и *провести его*, то на полѣ сраженія его здравая предусмотрительность и неспѣшная распорядительность не могли соперничать съ быстротой соображеній и стремительностью исполненія Наполеона. Нагроможденіе на правыхъ высокихъ и болѣе безопасныхъ буграхъ всѣхъ войскъ Барклая, болѣе нежели вдвое превосходящихъ войска Багратіона, расположенныхъ на лѣвой покатости, было причиной быстраго истребленія этой части войска, и передвиженія части войскъ Барклая на лѣвую покатость въ самый разгаръ сраженія.

Шевардино. Наступательныя дѣйствія французовъ начались 24 числа, немедленно послѣ отступленія Коновницына отъ Колоцкаго монастыря, нападеніемъ на Шевардинское укрѣпленіе, на которое были направлены три дивизіи корпуса Даву и кавалерійскіе корпуса Нансути и Монбрёна, имѣющіе къ тому же возможность опираться на слѣдующій лѣвѣе ихъ (смотря съ нашей стороны) по старой Смоленской дорогѣ корпусъ Понятовскаго, направленный на Утицу для обхода насъ по лѣсной, менѣе безопасной для русскихъ, мѣстности.

Охрана Шевардина была поручена старому сподвижнику Суворова кн. Горчакову, имѣющему въ своемъ распоряженіи дивизію Невѣровскаго, одинъ егерскій полкъ и нѣсколько конныхъ полковъ, которые были вытѣснены дивизіями Компана и Морана. На смѣну Невѣровскому прибыли въ 8-мъ часу гренадерскія дивизіи принца Карла Мекленбургскаго и графа Воронцова. Борьба изъ-за редута, переходившаго нѣсколько разъ отъ французовъ къ русскимъ, была упорная и кровопролитная, при чемъ русскимъ кирасирамъ удалось завладѣть французской батареей и Дорониным. Несмотря на это и на занятіе Шевардинскаго укрѣпленія позднимъ вечеромъ Невѣровскимъ, оно было снова занято ночью французами, и главнокомандующій, пріѣзжавшій къ руководящему этимъ боемъ Багратіону, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго кровопролитія для удержанія этого слишкомъ выдвинутаго, почти совершенно разрушеннаго укрѣпленія, разрѣшилъ прекратить его оборону и отвести значительно потерпѣвшія при ней части за расположеніе силъ Багратіона.

Взятіемъ Шевардинскаго укрѣпленія французами была ослаблена наша безъ того слабѣйшая лѣвая сторона, и стало ясно, что Наполеонъ не намѣренъ соображаться съ предположеніями Кутузова, напрягая свои наступательныя дѣйствія на возвышенные бугры, на которыхъ были стянуты главныя русскія силы. Вслѣдствіе этого пришлось перевести корпусъ Тучкова къ деревнѣ Утицѣ на старую Смоленскую дорогу, чтобы оградить себя отъ обхода этой лѣсной мѣстностью, способствующей такому дѣйствію. Для этого перваго передвиженія, сдѣланнаго уменьшеніемъ оставленныхъ главнымъ запасомъ войскъ (3-го и 5-го гвардейскаго корпусовъ) воспользовались 25 числомъ, проведеннымъ мирно въ обоихъ лагеряхъ. Послѣ этого передвиженія, правая сторона оставалась все-таки болѣе вооруженной, сохраняя, кромѣ накопленія въ тылу конницы и орудій, корпуса Багговута, Остермана, Дохтурова и Лаврова (гвардейскій), тогда какъ средоточіе и лѣвая сторона оборонялись лишь тремя корпусами Раевскаго, Бороздина и Тучкова, и имъ пришлось отражать самыя упорныя наступленія и потерпѣть самыя громадныя потери.

Роздыхъ 25 числа послужилъ приготовленіямъ къ наступающему рѣшительному дню, которыя, какъ сказано выше, съ русской стороны освятились молитвами и сознаніемъ торжественности переживаемаго народнаго испытанія.

Наполеонъ объявилъ о наступленіи рѣшительнаго сраженія, о которомъ на зарѣ 26 числа былъ прочитанъ слѣдующій приказъ: «Солдаты! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомянетъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой!»

Порядокъ наступленія заключался въ первоначальномъ наступленіи лѣваго французскаго крыла принца Евгенія Богарнэ на Бородино, которое должно было вестись не особенно упорно до тѣхъ поръ, пока войска Даву и Нея не успѣютъ

сбить войска Багратіона, на которыя направлялось рѣшительное нападеніе. Кромѣ войскъ означенныхъ маршаловъ и большей части предводимой Мюратомъ конницы, это движеніе подкрѣплялось корпусомъ Жюно, обходнымъ движеніемъ Понятовскаго на Утицу, и имѣло за собой въ запасѣ у Шевардина и Доронина гвардію и большое количество конницы и орудій. Этимъ грознымъ силамъ были противопоставлены съ русской стороны нѣсколько егерскихъ полковъ, гренадерскія дивизіи принца Мекленбургскаго и Воронцова и дивизія Невѣровскаго, съ нѣсколькими конными полками въ тылу.

Въ 6-мъ часу утра, дѣйствія начались огнемъ орудій русскихъ укрѣпленій и тѣхъ, которыя выдвинули французы съ своей стороны. Наступленіе на Бородино, послѣ перехода отъ русскихъ егерей къ французскимъ и подкрѣпленія послѣднихъ конницей Орнано, увѣнчалось успѣхомъ, но не вызвало немедленнаго продолженія наступленія, которое въ это время приняло упорный и кровопролитный видъ противъ люнетовъ, занятыхъ гренадерами графа Воронцова. Здѣсь вводились послѣдовательно въ дѣло войска Даву, Нея, Жюно и конница Мюрата, и навстрѣчу имъ, когда истреблялись русскіе защитники этой части поля сраженій, приводились новыя части, отдѣляемыя сначала отъ корпусовъ Раевскаго и Тучкова, а потомъ отъ передвинутаго съ праваго крыла корпуса Багговута. Конные полки съ обѣихъ сторонъ производили нападенія съ перемѣнной удачей, врываясь глубоко въ ряды противниковъ, при чемъ Наполеонъ восторгался громаднымъ наступательнымъ передвиженіемъ французской конницы, руководимой едва не попавшимъ въ плѣнъ русскимъ кирасирамъ Дуки Мюратомъ, и эти дѣйствія конницы придавали знаменательную особенность упорства и стремительности борьбѣ, въ которой пало небывалое число рядовыхъ и ихъ предводителей, въ особенности въ части отъ люнетовъ до окрестностей Семеновскаго. Эта убыль вынудила подкрѣпленія нашихъ войскъ частью гвардейскихъ и настоятельныя требованія новыхъ подкрѣпленій со стороны Мюрата и Нея, ставившихъ этимъ на очередь также участіе въ дѣлѣ гвардіи, которую Наполеонъ не рѣшился выдвинуть. Объ упорствѣ и опасностяхъ боя можетъ свидѣтельствовать необыкно-

венная численность раненыхъ и убитыхъ генераловъ, въ особенности многочисленная съ наступающей французской стороны, потерявшей въ самомъ началѣ сраженія нѣсколькихъ начальниковъ дивизій и бригадъ, и лишившейся на время руководства выбывшаго изъ строя тяжело контуженнаго Даву. Съ нашей стороны понесена была невознаградимая потеря тяжелой раной кн. Багратіона, отъ которой онъ скончался нѣсколько дней позже, смертью двухъ Тучковыхъ (въ томъ числѣ корпуснаго начальника), начальника артиллеріи графа Кутайсова и другихъ доблестныхъ начальниковъ, въ числѣ которыхъ были ранены Ермоловъ, Коновницынъ, графъ Воронцовъ и другіе. О томъ самоотверженіи и геройской твердости, съ которой исполняли свой долгъ русскія войска и ихъ предводители, можетъ свидѣтельствовать напоминающая прославленныхъ героевъ Греціи сдержанность и краткость, съ которой они о ней выражаются. Говоря о своей защитѣ люнетовъ противъ самыхъ стремительныхъ нападеній доблестныхъ французскихъ маршаловъ, гр. Воронцовъ писалъ: «мое сопротивленіе продолжалось недолго, но прекратилось почти совершеннымъ истребленіемъ моей дивизіи»,—что невольно напоминаетъ Грецію и Ѳермопилы!

Потери и жертвы.

По мѣрѣ истощенія защиты и истребленія новыхъ прибывающихъ силъ на нашемъ лѣвомъ крылѣ, наступленіе французовъ на средоточіе нашего расположенія и на его ключъ — укрѣпленіе, занятое Раевскимъ, начало переходить въ болѣе упорный натискъ и распространило кровопролитіе и истребленіе людей на обширное пространство. Упорство сопротивленія, отстаивающаго всякій шагъ, и самоотверженіе, съ которымъ при самой безвыходной опасности плѣну предпочиталась вѣрная смерть на отстаиваемомъ мѣстѣ (вызвавшія въ Наполеонѣ, когда ему послѣ Шевардина было доложено, что русскіе умираютъ, но не сдаются, восклицаніе: eh bien nous les tuerons!)— были причиной, что искусными передвиженіями ничего нельзя было достигнуть, и взамѣнъ ихъ явилось болѣе густое скопленіе орудій и боевыхъ частей на близкомъ разстояніи, усугубившее смертельность огня и ускорившее гибель участниковъ въ борьбѣ. Это состояніе обозначилось при невольной потерѣ положенія, занимаемаго Ба-

гратіоновскими войсками, оттѣсненными за Семеновское, что допустило приближеніе французскихъ орудій на близъ лежащія возвышенія, откуда ихъ огонь получилъ сокрушительное дѣйствіе на стѣсненное расположеніе другихъ частей русскаго войска, съ приближавшимися запасными частями. На этомъ пространствѣ гремѣлъ огонь семисотъ орудій, сливавшійся въ непрерывный грохотъ. Въ это время натискъ вице-короля на батарею Раевскаго сдѣлался настолько стремительнымъ, при послѣдовательномъ участіи всѣхъ частей его корпуса и возобновляющемся нападеніи его конницы, что получаемыя покрѣпленія дѣлались недостаточными, и батарея переходила неоднократно во власть французовъ. Въ возвращеніи ея въ нашу власть, въ самую тяжелую минуту, приняли участіе случайно прибывшіе въ эту мѣстность ген. Ермоловъ, посланный Кутузовымъ для распоряженій на лѣвомъ крылѣ, и начальникъ артиллеріи графъ Кутайсовъ. Удостовѣрившись въ угрожающихъ послѣдствіяхъ совершенной утраты ключа всего расположенія, эти генералы поспѣшно ободрили подавленныхъ численнымъ превосходствомъ наступающихъ защитниковъ батареи, собрали отступающихъ, привлекли новыхъ защитниковъ и вновь завладѣли батареей, но поплатились за свой подвигъ, Кутайсовъ жизнью, а Ермоловъ раной въ шею. Здѣсь среди самой угрожающей опасности и непрерывнаго кровопролитія, въ самый разгаръ сраженія, чаще всего появлялся Барклай, ободряющій своей истинно богатырской неустрашимостью и невозмутимымъ присутствіемъ духа, бдительно напрягая стараніе къ устраненію своими распоряженіями угрожающихъ послѣдствій подавляющаго напора французовъ. Барклай не только исполнялъ блестящимъ образомъ свои тяжелыя обязанности, но явно искалъ случая ознаменовать это исполненіе жертвою своей жизни, тѣмъ упорствомъ, съ которымъ онъ шелъ навстрѣчу опасности. Но смерть щадила неустрашимаго предводителя, какъ бы въ назиданіе его легкомысленнымъ клеветникамъ.

Сраженіе продолжалось уже нѣсколько часовъ, въ дѣло были введены почти всѣ французскія войска (за исключеніемъ гвардіи), а съ нашей стороны только часть гвардіи, егерей и нѣсколько конныхъ полковъ на пра-

вомъ крылѣ не находились среди тѣсноты непрерывныхъ свалокъ отъ Утицы до Горокъ, и не испытывали того убійственнаго огня орудій, который въ одинъ часъ сокращалъ составъ полка до размѣровъ роты. Въ это-то время, т.-е. около полудня, Мюратъ и Ней въ сотрудничествѣ съ Даву, положивши по пути своего наступленія значительную часть своихъ людей и предводителей, благодаря своей неустрашимой настойчивости и увлекаемости французскихъ войскъ, настолько протѣснились на возвышенности расположенія русскихъ, увѣнчивая ихъ своими орудіями, что вообразили, что рѣшительный успѣхъ окажется въ ихъ рукахъ, при подкрѣпленіи обезлюденныхъ ихъ частей свѣжими войсками, и стали настойчиво и учащенно требовать подкрѣпленія у Наполеона. Послѣдній наблюдалъ за ходомъ сраженія изъ Шевардинскаго укрѣпленія, нѣсколько разстроенный нездоровьемъ, и повидимому не раздѣлялъ увѣреннаго взгляда своихъ маршаловъ и не спѣшилъ исполненіемъ ихъ просьбы. Французскіе писатели приписываютъ эти колебанія угнетенному его состоянію разстройствомъ здоровья, упуская изъ вида всѣ тѣ впечатлѣнія и испытанія, которыя начали отражаться въ его намѣреніяхъ еще въ Смоленскѣ, и невольно отвлекали его проницательность и предусмотрительность отъ шахматной доски разыгрываемой партіи—сраженія, къ общимъ болѣе глубокимъ соображеніямъ, отъ которыхъ должна была зависѣть не только судьба слишкомъ смѣлаго похода, но вѣроятно и судьба его величія... Въ Бородинѣ, еще болѣе, чѣмъ подъ Смоленскомъ, упорное самоотверженіе русскихъ дѣлало тщетными тѣ военныя ухищренія, которыми должны были достигаться оглушительные успѣхи (при достаточной несообразительности предводителей противной стороны), — несомнѣнно, что самоотверженіе войска и прозорливость Кутузова уменьшали вѣроятіе такого рѣшающаго успѣха. Жертвовать же послѣднимъ запасомъ безъ увѣренности въ такомъ успѣхѣ было настолько же недостойно предусмотрительности Наполеона, какъ были понятны его колебанія послѣ испытанной въ Смоленскѣ и при Валутиной горѣ стойкости русскихъ. Съ тѣхъ поръ, онъ испытывалъ разрушительное дѣйствіе на его войска углу-

бленія въ чисто русскій край, непримиримо и самоотверженно враждебный... Эти соображенія даютъ болѣе вѣскія основанія его рѣшенію не ставить послѣднюю ставку, свою гвардію, нежели *насморкъ*, которымъ онъ страдалъ и на который ссылаются нѣкоторые французскіе писатели, и не трудно понять, почему онъ не рѣшался «démolir sa garde à huit cents lieues de Paris» (сокрушить свою гвардію за 800 льё отъ Парижа) и не спѣшилъ исполнять просьбу Мюрата, не вселявшаго ему особеннаго довѣрія своей предусмотрительностью. Повидимому онъ сталъ склоняться на жертву дивизіи Рогэ молодой гвардіи, для *сокрушенія* ея рядомъ съ полу-сокрушенными корпусами Даву, Нея, Жюно и конницей Мюрата, когда неожиданная сумятица на его крайнемъ лѣвомъ крылѣ, въ тылу расположенія вице-короля, заставила его воздержаться отъ расходованія послѣдняго запаса, въ ожиданіи выясненія значенія происшедшей тревоги.

Наѣздъ Уварова и Платова.

Причиной столь своевременно происшедшей остановки рѣшительныхъ распоряженій Наполеона было появленіе конницы Уварова (1-й кавалерійскій корпусъ) въ тылу корпуса принца Евгенія Богарнэ у Беззубова, и нападеніе казаковъ Платова на французскіе обозы, въ то время когда сраженіе начало истощать силы русскихъ и вытѣснять ихъ изъ занятаго расположенія. Стоявшей праздно на крайнемъ нашемъ правомъ крылѣ, за Колочею, недалеко отъ ея впаденія въ Москву-рѣку, конницѣ дано было Кутузовымъ приказаніе сдѣлать обходное движеніе за лѣвое крыло французовъ, чтобы потревожить ихъ и по возможности отвлечь отъ упорныхъ ихъ наступательныхъ дѣйствій на наши лѣвое крыло и середину. Распоряженіе, судя по разсказамъ, было вызвано не самостоятельнымъ соображеніемъ главнокомандующаго, но настоятельными предложеніями окружающихъ его лицъ, среди которыхъ указываютъ на полковника Толя, заслужившаго довѣріе князя Кутузова своей сообразительностью и горячимъ отстаиваніемъ своего мнѣнія. Къ нему былъ присланъ съ предложеніемъ ординарецъ Платова, усмотрѣвшаго своими разъѣздами, что лѣвое крыло французовъ, плохо охраняемое, можетъ легко подвергнуться тревогѣ, если произвести на него нападеніе своими казаками и

полками Уварова. Главнокомандующій разрѣшилъ этотъ поискъ около 10 часовъ утра, но самое движеніе, кружное съ переходомъ чрезъ Колочу и овраги, затянулось до полудня, когда нападеніе нашей конницы на вице-короля и произвело ту сумятицу, которая задержала рѣшающее усиліе Наполеона. Нападеніе одной конницы, казачья часть которой обратилась преимущественно на обозы, не могло сбить французскія войска съ занятой ими мѣстности, тѣмъ болѣе, что здѣсь находилась одна изъ пѣхотныхъ дивизій принца Евгенія, оправляющаяся послѣ своихъ наступленій на редутъ Раевскаго. Совокупными усиліями этой дивизіи (Дельсона) и конницы Орнано были отражены нападенія Платова и Уварова, но непрерывность усиливающагося натиска французовъ была задержана, и угрожающій рѣшительный перевѣсъ борьбы въ ихъ пользу былъ устраненъ.

Во время отвлеченія части войскъ принца Евгенія для отбоя нападенія Платова, среди котораго принцъ лично подвергался опасности, Барклай де-Толли успѣлъ придвинуть корпусъ Остермана и часть гвардіи къ мѣстности, угрожаемой совокупными нападеніями Евгенія, Мюрата и приблизившимися мимо Семеновскаго войсками Нея и Даву, что вызвало неизбѣжное нагроможденіе для обороны большей части русскаго войска на тѣсномъ пространствѣ, на которое приблизившіеся французы имѣли возможность направить огонь многочисленныхъ орудій, и этимъ производить огромное опустошеніе въ нашемъ войскѣ. Не довольствуясь сокрушительнымъ дѣйствіемъ своихъ орудій, французы производили непрерывныя нападенія своей конницей, вынудившія введеніе въ огонь отборныхъ гвардейскихъ полковъ, и обратившія всю мѣстность между Семеновскимъ, Горками и Князьковымъ въ непрерывное побоище, правильно названное однимъ изъ блестящихъ нашихъ генераловъ, принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, путемъ въ преисподнюю (ein Schritt in die Hölle). Это не было обычное истребленіе оплошавшаго и отступающаго войска, слѣдствіе явнаго превосходства одной изъ сторонъ. Подъ Бородинымъ войска вели себя одинаково доблестно, и ни одинъ изъ полководцевъ не ознаменовалъ своихъ распоряженій особеннымъ даро-

ваніемъ, или уронилъ успѣхъ сраженія своею оплошностью. Если равновѣсіе не могло остаться не нарушеннымъ между воюющими войсками, причиной тому было численное превосходство французовъ и боевая испытанность всего ихъ состава, въ сравненіи съ нѣкоторыми недочетами въ численности и пестротой въ составѣ русскаго войска, пополняемаго новобранцами, казаками и лапотниками-мужиками. Тѣмъ съ большимъ сознаніемъ незыблемаго сохраненія народной чести и военной славы должно цѣнить потомство поведеніе Бородинскихъ витязей, проливавшихъ кровь, не дрогнувши, цѣлый безконечный лѣтній день, беззавѣтно и свято исполняя свой долгъ передъ родиной, согласно выраженію Лермонтова «И умереть мы обѣщали,

И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой!»

Но какъ сказано выше, равновѣсіе должно было медленно, но неудержимо нарушиться въ пользу французовъ, не по оплошности одного изъ противниковъ, но вслѣдствіе его численнаго истощенія. Въ первую половину сраженія, лѣвое наше крыло было оттѣснено вслѣдствіе его почти поголовнаго истребленія, согласно выраженію графа Воронцова относительно его дивизіи. Вслѣдъ за этимъ борьба въ серединѣ расположенія долго его отстаивала за нами, но между 2 и 4 часами, усиленныя наступленія всѣхъ французскихъ частей и сокрушительный огонь ихъ орудій стали оказывать свое дѣйствіе надъ обезлюдѣвшими рядами русскихъ, оттѣснивши ихъ на пушечный выстрѣлъ отъ Семеновскаго и редута Раевскаго. На крайнемъ лѣвомъ крылѣ, борьба между Понятовскимъ и Тучковымъ, пока часть войскъ послѣдняго была отряжена на защиту Багратіоновскихъ люнетовъ, первое время склонялась въ пользу Понятовскаго, оттѣснившаго русскихъ за Утицу; но вслѣдъ за прибытіемъ одной изъ дивизій Багговута, Тучковъ снова успѣшно отбросилъ Понятовскаго, но заплатилъ за успѣхъ, какъ сказано выше, жизнью. Такимъ образомъ передъ вечеромъ, когда наступленія прекратились и огонь сталъ стихать, русскія войска образовали ломаную линію между Утицей и Горками, значительно вогнутую за Семеновскимъ и по обѣимъ его сторонамъ. Сраженіе прекратилось изморомъ, послѣд-

ними его вспышками была перестрѣлка между егерями въ лѣсу между Семеновскимъ и Утицей...

Исходъ сраженія.

Чѣмъ же кончилось безпримѣрно упорное и кровопролитное сраженіе, въ которомъ участвовало не менѣе четверти милліона сражающихся, потратившихъ милліоны ружейныхъ зарядовъ и сотню тысячъ орудійныхъ снарядовъ? Жертвами кровопролитія были около ста тысячъ человѣкъ; но были ли между ними побѣдители и побѣжденные? Имѣлъ ли Наполеонъ или Кутузовъ право объявить себя побѣдителемъ, безъ нѣкотораго посягательства на истину?

Когда кровопролитіе и огонь прекратились, воюющія стороны оказались въ положеніи двухъ борцовъ, истерзанныхъ, истекающихъ кровью отъ взаимныхъ уязвленій, но оба стоящихъ на ногахъ, съ трепещущими отъ возбужденія и напряженія членами, и готовыхъ послѣ передышки на новую схватку. Если русскій борецъ былъ болѣе истерзанъ, то у него взамѣнъ было больше выносливости и самоотверженія, и если не вполнѣ справедливо выраженіе ген. Ермолова, что французская армія *разбилась* о русскую въ Бородинѣ, то все же несомнѣнно, что она тяжело *ушиблась*, такъ тяжело, что не считала удобнымъ сохранить взятыя съ бою высоты, и отступила въ прежнее свое расположеніе.

Можетъ ли Наполеонъ или Кутузовъ тщеславиться своими распоряженіями при Бородинѣ? Кажется, что нѣтъ! Послѣ самыхъ общихъ указаній своимъ сподвижникамъ и выбора Кутузовымъ расположенія войскъ, не безошибочнаго, но постепенно исправленнаго въ теченіе боя, оба полководца какъ бы сложили всю тяжесть руководства ходомъ борьбы на своихъ главныхъ сподвижниковъ, и сподвижники вполнѣ оправдали ихъ довѣріе, подавая очень рѣдко поводъ личнымъ распоряженіямъ главнокомандующихъ. Со стороны Кутузова, эта осторожность могла имѣть основаніемъ не только вполнѣ заслуженное довѣріе къ Барклаю и Багратіону, а послѣ выхода Багратіона изъ строя къ замѣнившему его Дохтурову, но и несомнѣнное сознаніе невозможности *властно* направлять ходъ дѣла передъ такимъ противникомъ какъ Наполеонъ, довольствуясь бдительнымъ устраненіемъ и пре-

дупрежденіемъ могущихъ произойти крупныхъ ошибокъ, вполнѣ полагаясь на устраненіе мелкихъ сподвижниками, сознавая безсиліе вызвать среди боя ошибки у Наполеона. Послѣдній не разсчитывалъ также на такія упущенія со стороны Кутузова, которыя могли бы дать неожиданный оборотъ сраженію, и ограничился упорнымъ нападеніемъ на слабѣйшее лѣвое крыло русскихъ, отклонивши болѣе смѣлое предложеніе Даву сдѣлать болѣе кружный обходъ этого крыла своими пятью завѣдомо самыми стойкими дивизіями всей арміи, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ отрѣзать отступленіе Кутузову. Наполеонъ не упустилъ изъ вида, что благопріятныя случайности такого обхода русскихъ войскъ были сопряжены съ опасностью для французовъ быть застигнутыми Кутузовымъ во время разсѣянности своихъ силъ, и предпочелъ этому смѣлому пріему менѣе сложное веденіе наступленія, успѣхъ котораго зависѣлъ болѣе отъ стойкости предводителей и увлекаемости войскъ, нежели отъ сложныхъ соображеній и движеній. Точно также какъ Кутузовъ смѣло могъ полагаться на главнокомандующихъ, корпусныхъ начальниковъ и начальника артиллеріи гр. Кутайсова, Наполеонъ былъ увѣренъ въ стойкости Даву и выносливости его корпуса, рядомъ съ которымъ неустрашимый Ней несомнѣнно долженъ былъ увлекать *ярость* французовъ (furie française), а Сорбье умѣло и смѣло поддерживать наступленіе своими орудіями, точно также какъ Мюратъ приводить громады французской конницы въ шумные потоки, наводняющіе поле сраженія... но съ обѣихъ сторонъ борьба сводилась къ громадной и сокрушительной свалкѣ двухъ войскъ, олицетворяющихъ совокупностью всѣхъ силъ нашествіе и защиту отечества, и борьба эта сама собой велась такъ упорно и заносчиво, что предводителямъ приходилось присутствовать при ней болѣе въ качествѣ свидѣтелей и судей, нежели руководителей!..

Оба они находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ поля сраженія, Кутузовъ въ Татариновѣ, а Наполеонъ въ Шевардинѣ. Кутузовъ подъѣзжалъ къ Горкамъ и одно время подвергался непріятельскому огню, точно также какъ Наполеонъ временно отлучался изъ Шевардинскаго редута для обозрѣнія, но участіе обоихъ предводителей

въ направленіи хода дѣла было мало-дѣятельно, несмотря на свою разумность. Подкрѣпленіе слабѣющихъ частей и поискъ Платова на лѣвое французское крыло были своевременно предписаны Кутузовымъ, точно такъ же, какъ первоначальныя нападенія на люнеты были согласованы Наполеономъ съ рѣшительнымъ нападеніемъ на батарею Раевскаго. Но ни Кутузовъ не успѣлъ замѣнить своею распорядительностью недостаточное использованіе своихъ многочисленныхъ орудій, часть которыхъ осталась въ бездѣйствіи у Псарева, жалуясь на смерть Кутайсова, помѣшавшую повліять на ходъ сраженія нашимъ превосходствомъ числа орудій, ни Наполеонъ не нашелъ возможнымъ своевременнымъ введеніемъ въ дѣло гвардіи рѣшить судьбу сраженія, предоставляя, нѣкоторымъ образомъ, враждующимъ потокамъ сражающихся рѣшить взаимнымъ истребленіемъ, за кѣмъ останется поле сраженія.

Когда окончательно затихло побоище, и Барклай старался привести въ порядокъ разстроенныя и обезлюденныя части, ему пришлось убѣдиться не только въ утратѣ прежняго расположенія частей, но и въ громадной численной ихъ убыли. Для сообщенія этого тяжелаго положенія кн. Кутузову имъ былъ посланъ Вольцогенъ, донесшій удручающее извѣстіе въ видѣ, вызвавшемъ горячее опроверженіе, въ которомъ огорченіе главнокомандующаго отразилось скорѣе со старческой причудливостью, нежели съ самообладаніемъ опытнаго и прозорливаго военачальника. Выразивъ свое неудовольствіе Вольцогену, онъ увѣренно добавилъ: «что касается сраженія, то ходъ его извѣстенъ мнѣ, какъ нельзя лучше. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ. Завтра погонимъ его изъ священной земли русской!»

Кутузовъ гнѣвно отрицаетъ потерю сраженія.

Въ этомъ восклицаніи Кутузова не только отразилось негодованіе, вызванное гласнымъ оповѣщеніемъ тягостныхъ послѣдствій боя, отъ котораго Россія ожидала благопріятнаго оборота въ своей борьбѣ съ нашествіемъ, при чемъ это оповѣщеніе поручалось одному изъ тѣхъ самозванныхъ нѣмцевъ руководителей, съ присутствіемъ которыхъ русскіе военачальники не могли примириться, возмущаясь надменной самоувѣренностью постоянно побѣждаемыхъ Наполеономъ чужеземцевъ, но имѣлось вѣроятно въ виду желаніе повліять

на настроеніе своихъ соратниковъ, опроверженіемъ нѣмецкой оцѣнки послѣдствій доблестныхъ усилій русскихъ войскъ противъ превосходныхъ силъ Наполеона. Но рѣзкое опроверженіе вывода, сдѣланнаго нѣмцами изъ вынесенной борьбы, не могло помѣшать болѣе спокойной оцѣнкѣ положенія русскаго войска, вслѣдствіе огромной потери, понесенной въ Бородинскомъ сраженіи.

Лицомъ къ лицу съ Вольцогеномъ Кутузовъ могъ, одобряя распоряженія Барклая, приступившаго къ исправленію полевыхъ укрѣпленій у Горокъ и занявшаго покинутую французами батарею Раевскаго, объявить о возобновленіи военныхъ дѣйствій на слѣдующій день, но благоразуміе заставило, до возобновленія сраженія, поспѣшить повѣрить, съ какими силами онъ могъ бы къ нему приступить. Посланный послѣ возвращенія Кутузова въ Татариново къ замѣнившему во 2-ой арміи Багратіона ген. Дохтурову, полковникъ Толь удостовѣрился въ страшномъ уронѣ, понесенномъ этой арміей, въ которой изъ 34.000 человѣкъ выбыло изъ строя 20.000. Въ первой арміи выбыло изъ строя до 38.000, но въ числѣ тѣхъ и другихъ было до 10.000 человѣкъ, разсѣявшихся во время сраженія и потомъ возвратившихся въ войско. Но это не могло измѣнить впечатлѣнія отъ потерь подъ Бородинымъ, послѣ которыхъ батальоны не насчитывали въ среднемъ болѣе 200 человѣкъ въ своихъ рядахъ, а гренадерская дивизія гр. Воронцова изъ 3000 человѣкъ сохранила въ рядахъ около 300. Слѣдствіемъ знакомства главнокомандующаго (недостаточно сознававшаго, при пребываніи въ Горкахъ и Татариновѣ, какой цѣной поддерживалось упорное сопротивленіе) съ размѣромъ понесенныхъ потерь явилась необходимость отступленія, и въ полночь было дано приказаніе немедленно вытягиваться на Можайскъ.

Это распоряженіе являлось признаніемъ, что упорное сраженіе не установило болѣе выгоднаго отношенія между воюющими сторонами, но напротивъ сдѣлало его еще болѣе опаснымъ для русскаго войска. Уронъ его въ дни 24 и 26 превышалъ потерю 50.000 человѣкъ, тогда какъ уронъ французовъ, при опредѣленіи его сравненіемъ ихъ численности до и послѣ этихъ двухъ дней (изъ 140—130 тысячъ осталось отъ 90 до 100) вѣроятно достигалъ не менѣе

40.000 человѣкъ, а не 20.000, какъ утверждаютъ французскіе источники. Тѣмъ не менѣе отступленіе сдѣлалось необходимымъ, когда Кутузовъ удостовѣрился, что могъ противоставить 90—100 тысячамъ французовъ около 50.000 съ небольшимъ своихъ войскъ. Такое нарушеніе равновѣсія воюющихъ сторонъ оправдывало отступленіе, но не служило доказательствомъ *пораженія*, которое Кутузовъ былъ въ правѣ отрицать, въ особенности передъ назойливыми, самонадѣянными и бездарными нѣмецкими совѣтниками. Въ этомъ отрицаніи его оправдываетъ не одна забота объ огражденіи общественнаго настроенія и бодрости войска отъ подавляющаго сознанія безсилія передъ нашествіемъ и необходимость огражденія собственнаго положенія и довѣрія къ себѣ государя, недоброжелательство котораго ему было хорошо извѣстно, но и сознательная увѣренность, что безпримѣрно настойчивое и кровопролитное наступленіе всей отборной части наполеоновскихъ войскъ было отражено, если и не безъ потери пяди земли, какъ онъ невѣрно доносилъ, то несомнѣнно съ такимъ разстройствомъ наступающихъ, что они не могли удержать завоеванныхъ неисчислимыми жертвами укрѣпленій, и немедленно слѣдовать за отступающими русскими. Недаромъ Наполеонъ неоднократно выражался о Бородинскомъ боѣ: „изъ всѣхъ моихъ сраженій, самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“.

Если Наполеонъ могъ высказывать подобныя сужденія, когда онъ не прибѣгалъ къ обычной шумихѣ своихъ бюллетеней, предназначаемыхъ раструбить, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, отголоски его славы, то справедливы ли послѣдовавшія рѣзкія укоризны императора Александра и оскорбительныя осужденія французскихъ историковъ, обзывающихъ Кутузова лжецомъ и обманщикомъ за нижеслѣдующее его донесеніе государю.

Донесеніе государю.

„Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24 числа производилъ атаку важными силами на лѣвый флангъ нашей арміи, 25 число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа съ разсвѣтомъ, направилъ

всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи, потеря съ обѣихъ сторонъ велика; уронъ непріятельскій, судя по упорству его атакъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрной храбростью, батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель не выигралъ ни на шагъ земли съ превоеходными своими силами. Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская армія не могли не разстроиться, и за потерею сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстною, а потому когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ, и собравъ разстроенныя баталіей войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля. Къ сожалѣнію кн. Петръ Ивановичъ Багратіонъ раненъ въ лѣвую ногу; генералъ-лейтенанты Тучковъ и кн. Горчаковъ, генералъ-маіоры Бахметевы, гр. Воронцовъ, Кретовъ — ранены. У непріятеля взяты плѣнные и пушки, и одинъ бригадный генералъ; теперь ночь и не могу разобраться, есть ли съ нашей стороны такая потеря».

Можно ли упрекать Кутузова за самохвальство въ одержанной побѣдѣ и не согласиться, что при соблюденіи необходимой осторожности относительно общественнаго мнѣнія и недоброжелательности государя, донести послѣднему въ ночь послѣ сраженія болѣе осторожно и наглядно о понесенныхъ доблестно сражавшимися войсками утратахъ и о неизбѣжномъ послѣдствіи этихъ утратъ, дальнѣйшемъ отступленіи, было невозможно? Не понять истиннаго смысла этого донесенія, подъ предлогомъ, что въ немъ заключались слова «что непріятель не выигралъ ни шагъ земли», могъ только тотъ, кто самъ желалъ обольщаться для собственнаго ободренія или под-

нятія общественнаго настроенія, признавая эту необходимость, и этимъ самымъ и достоинство искуснаго донесенія Кутузова. Торжественнымъ оглашеніемъ въ Александро-Невской Лаврѣ чрезъ военнаго министра Горчакова, 30 августа при празднованіи своего тезоименитства, всѣхъ болѣе благопріятныхъ частей донесенія и пропускомъ менѣе благопріятныхъ, Государь не только призналъ необходимость представленія ихъ въ извѣстномъ свѣтѣ, но и сдѣлался самъ сообщникомъ Кутузова въ томъ, за что впослѣдствіи рѣзко осуждалъ его какъ обманщика. Въ оправданіе такого отношенія Александра къ донесенію Кутузова, представляется только выборъ между признаніемъ отсутствія проницательности или добросовѣстности!

Отступленіе къ Москвѣ.

Русскія войска начали отступать въ ночь съ 26 на 27, начиная со второй арміи, болѣе потерпѣвшей во время сраженій 24 и 26. Барклай де-Толли, соображаясь съ первоначальнымъ распоряженіемъ Кутузова, распоряжался возобновленіемъ укрѣпленій и занялъ покинутую французами батарею Раевскаго, и рѣшился на отступленіе только по удостовѣреніи въ томъ, что вторая армія находится уже на пути къ Можайску, и къ утру на полѣ сраженія остался лишь отрядъ Платова, въ этотъ день въ послѣдній разъ охраняющій отступленіе. Съ французской стороны, первые признаки движенія появились около 8 часовъ утра, но новое наступленіе послѣдовало только въ полдень: несомнѣнный признакъ изнуренія и упадка духа. Русскія войска въ этотъ день отступили за Можайскъ, оставивши охрану въ Можайскѣ, не доходя котораго расположились главныя силы Наполеона, имѣющія Мюрата впереди, и отряды принца Евгенія сѣвернѣе, по направленію къ Рузѣ, а Понятовскаго южнѣе, по направленію къ Борисову. Русскіе немедленно отступали, въ заботѣ о спасеніи своихъ раненыхъ, и охранный отрядъ задержалъ за собой Можайскъ въ ночь съ 27 на 28. На слѣдующій день наше отступленіе продолжалось, но натискъ наступающихъ французовъ, успѣвшихъ отчасти устранить разстройство, въ которомъ они наступали наканунѣ послѣ безпримѣрно кровопролитнаго сраженія, сдѣлался настойчивѣе и обнаружилъ не-

достаточность бдительности и распорядительности Платова при охранѣ нашего отступленія, что вызвало его замѣну Милорадовичемъ, безупречно исполнившимъ свое назначеніе.

Въ то время когда продолжалось движеніе обѣихъ сторонъ къ Москвѣ, въ Петербургѣ было получено 30 августа упомянутое первое донесеніе Кутузова, оглашенное какъ положительная побѣда, вызвавшее всеобщее ликованіе и щедрыя награды войскамъ. Кутузовъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы и получилъ крупный денежный подарокъ. Кн. Багратіонъ получилъ также денежный подарокъ, но въ меньшемъ размѣрѣ, а Барклай Георгія 2-й степени. Кромѣ этого было пожаловано много наградъ начальствующимъ и по 5 рублей каждому рядовому. Щедрость наградъ вполнѣ соотвѣтствовала достоинству Русскаго Царя, хотя и награждала не *блестящій успѣхъ*, котораго нельзя было усмотрѣть въ первомъ донесеніи главнокомандующаго, но несомнѣнно доблестное поведеніе войскъ на Бородинскомъ полѣ. Но въ дѣйствительности, увлеченіе Александра *успѣшнымъ* отраженіемъ не соотвѣтствовало ни легко уловимому смыслу донесенія, ни положенію, въ которомъ находилась война. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить, 1) посланное въ лагерь вмѣстѣ съ наградами за Бородино подробное указаніе для Кутузова и другихъ главнокомандующихъ о способѣ заполоненія Наполеона при его отступленіи, и 2) посланное въ Берлинъ (30 августа) по приказанію государя письмо графа Ливена къ прусскому министру барону Гарденбергу, старому пріятелю бывшаго въ Берлинѣ посланникомъ Ливена, для возобновленія сношеній и подготовленія новаго союза съ Пруссіей и Австріей, съ цѣлью достиженія *паденія Наполеона и свободы Европы*. Несомнѣнно, что донесеніе Кутузова не достаточно звучало *побѣдой*, чтобы торопиться распоряженіями объ обезпеченіи плѣна Наполеона при его отступленіи, и спѣшить съ союзными предложеніями державамъ, войска которыхъ еще участвовали въ нашествіи и разореніи Россіи. Довольно легкомысленный оборотъ отъ рѣшимости бороться, отступая при неудачѣ за Волгу и принося самыя тяжелыя жертвы, къ внезапной надеждѣ на плѣненіе Наполеона и иско-

реніе его владычества, послѣ первыхъ извѣстій о Бородинскомъ сраженіи, грѣшитъ не только внезапностью, но и совершеннымъ несоотвѣтствіемъ съ вызвавшими его обстоятельствами. Безпристрастіе требуетъ признать неосновательнымъ обвиненіе Кутузова въ обманѣ государя изображеніемъ успѣха обороны подъ Бородинымъ, которое самъ Александръ принялъ и огласилъ въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ. Слѣдующее донесеніе отъ 29 числа можетъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Въ этомъ донесеніи сказано между прочимъ: «Баталія 26 числа была самая кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, которыя въ новѣйшихъ временахъ извѣстны. Мѣсто баталіи нами одержано совершенно, и непріятель ретировался тогда въ ту позицію, изъ которой пришелъ насъ атаковать. Но чрезвычайная потеря и съ нашей стороны сдѣланная, особливо тѣмъ, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дорогѣ. Сегодня нахожусь въ деревнѣ Нарѣ, и долженъ отступать еще, потому что ни одно изъ тѣхъ войскъ, которыя ко мнѣ для подкрѣпленія слѣдуютъ еще не сблизились и проч.». На другой день, когда праздновалось въ Петербургѣ извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, продолжалось отступленіе, достигнувшее 31 августа Мамонова, находящагося въ одномъ переходѣ отъ Москвы.

Второе донесеніе о Бородинѣ.

Ростопчинъ и Кутузовъ.

Ни донесенія государю, ни непрерывное отступленіе къ Москвѣ не давали повода предполагать, что Кутузовъ разсчитываетъ на быстрый и благопріятный оборотъ борьбы: онъ не скрывалъ, что его войско понесло огромныя потери и настоятельно нуждается въ подкрѣпленіи, но отступалъ въ порядкѣ, не подвергая людей лишеніямъ, и собирая тѣхъ, которые разсѣялись во время сраженія. Слѣдуетъ ли при этомъ его упрекать за умолчаніе о томъ, что при невозмѣщенномъ составѣ почти половины убывшаго войска при Бородинѣ и послѣдовавшемъ отъ этого усиленіи численнаго превосходства французовъ, немедленное возобновленіе рѣшительнаго сраженія было невозможно? Слѣдовало ли предводителю главныхъ силъ сообщать о несомнѣнной ихъ недостаточности для рѣшительнаго отраженія нашествія главнокомандующему въ Москвѣ гр. Ростопчину, отъ котораго поступали завѣдомо недостаточныя

для этой цѣли подкрѣпленія, и вмѣсто посильнаго ободренія чрезъ его посредство жителей угрожаемой столицы, поспѣшить объявленіемъ, что ея защита невозможна? Тяжесть такого признанія могла отчасти устраняться смутно сохраняемой надеждой внезапнаго благопріятнаго оборота, но если бы и не было ея, то крикливый и самохвальный Ростопчинъ, непостыдившійся рядомъ съ грубой бранью противъ Кутузова величать себя въ письмахъ къ государю спасителемъ отечества, долженъ былъ самъ сообразить, что отступающее немедленно послѣ Бородина войско имѣло для такого дѣйствія болѣе настоятельную причину, нежели желаніе сразиться съ французами въ виду первопрестольной. Приближеніе къ послѣдней само собой указывало на угрожающую опасность и на необходимость мѣръ предосторожности, не ожидая тягостнаго для главнокомандующаго сознанія въ своемъ безсиліи. Но для того чтобы руководиться предусмотрительностью и чувствомъ долга, прозорливо соображать дѣйствительное положеніе дѣлъ и обязанности изъ него истекающія, нужно было болѣе разума и менѣе безпокойнаго желанія рисоваться и бахвалиться, нежели это было свойственно Ростопчину.

Кутузова не безъ основанія обвиняютъ въ томъ, что у него не хватило откровенности и смѣлости заблаговременно объявить Ростопчину и предводимому войску, что новое и рѣшительное отраженіе французовъ, не допуская ихъ до Москвы, ему непосильно. Связала ли его тяжесть такого признанія, или мудрый старикъ считалъ болѣе благоразумнымъ не лишать преждевременно бодрости народа и его защитниковъ оглашеніемъ тяжкаго испытанія неизбѣжной потери первопрестольной столицы,— не вполнѣ ясно; но продолжая успокаивать Ростопчина своими увѣреніями, что онъ не допуститъ враговъ въ Москву безъ рѣшительнаго сраженія, Кутузовъ на пути отступленія продолжалъ дѣятельно заниматься устройствомъ и пополненіемъ потерпѣвшаго въ Бородинѣ войска, то-есть исполнялъ свои обязанности военачальника. Отступая въ порядкѣ, оно подступило 1-го сентября къ Москвѣ и расположилось въ двухъ верстахъ отъ Дорогомиловской заставы.

Наканунѣ въ Мамоновѣ главнокомандующимъ было объявлено въ приказѣ, что: «не безызвѣстно каждому изъ начальниковъ, что армія россійская должна имѣть рѣшительное сраженіе подъ стѣнами Москвы». Этому приказу предшествовала посылка писемъ и довѣренныхъ офицеровъ (кн. Кудашева и гр. Апраксина), съ просьбами способствовать поспѣшнымъ доставленіемъ всего необходимаго пополненію недостатка въ людяхъ, снарядахъ и проч. 30 августа было сообщено Ростопчину, что Бенингсенъ отправился подъ Москву для отысканія удобной *позиціи*, которой не оказалось подъ Вязьмой, откуда отправился Бенингсенъ.

Москва. Возлагалъ ли главнокомандующій какую-нибудь надежду на слишкомъ сомнительное вѣроятіе какой-нибудь оплошности Наполеона (въ родѣ раздробленія силъ), или откладывалъ до послѣдней крайности слишкомъ тяжелое для доблестнаго русскаго полководца признаніе о неизбѣжной жертвѣ первопрестольной столицы,—но до самыхъ стѣнъ ея онъ никому не далъ повода предугадать свое рѣшеніе. Опередивши приближающіяся войска, Кутузовъ прибылъ на мѣсто, избранное Бенингсеномъ для предположеннаго сраженія, между Москвой и Воробьевой горой, и собралъ вокругъ себя главныхъ начальниковъ войска, къ которымъ присоединился Ростопчинъ. Въ этомъ совѣщаніи несомнѣнно выразились разногласія, происходившія не только отъ различныхъ взглядовъ, отъ потребности выставить себя въ лучшемъ свѣтѣ, но и отъ степени отвѣтственности за послѣдствія рѣшенія; но никакихъ *вполнѣ* достовѣрныхъ показаній объ этомъ совѣщаніи не сохранилось, кромѣ записокъ Ростопчина. Послѣдній увѣряетъ, что разгадалъ намѣреніе удрученнаго этимъ рѣшеніемъ главнокомандующаго покинуть Москву и сталъ высказывать благопріятное этому рѣшенію мнѣніе, оспариваемое противъ собственнаго убѣжденія Кутузовымъ. Московскій главнокомандующій будто бы увѣрялъ, что непріятель ничего важнаго не пріобрѣтетъ занятіемъ почти опустѣлой Москвы, изъ которой вывезена большая часть казеннаго и частнаго имущества, добавляя, «что пожаръ отстоитъ Москву, какъ нѣкогда отстоялъ ее Пожарскій». Эти отзывы мало вяжутся съ нареканіями

и обвиненіями, съ которыми впослѣдствіи обрушился Ростопчинъ на Кутузова, но не нужно забывать тѣхъ умѣренныхъ требованій, которыя возможно предъявлять къ правдивости и послѣдовательности этого своеобразнаго государственнаго дѣятеля.

Во всякомъ случаѣ, это первое совѣщаніе и осмотръ мѣстности, избранной Бенингсеномъ для предполагаемаго сраженія (мѣстности, перерѣзанной глубокими оврагами и примыкающей тыломъ къ крутому берегу Москвы-рѣки), не привели ни къ какому заключенію, вслѣдствіе сдержанности главнокомандующаго, не рѣшившагося до склона дня и появленія облаковъ пыли, предвѣщавшихъ приближеніе войска, высказаться объ этомъ важномъ вопросѣ открыто. Судя даже по приписываемой ему выходкѣ противъ ген. Ермолова, высказавшагося о невозможности сопротивленія французамъ на избранной мѣстности, у котораго онъ будто бы началъ щупать пульсъ, чтобы удостовѣриться не въ бреду ли онъ говоритъ, нужно полагать, что Кутузову было желательно тщательно скрыть свою рѣшимость отступленія.

Было ли это слѣдствіемъ тяжелой внутренней борьбы, или желанія вызвать болѣе оживленное и откровенное обсужденіе рѣшенія, отъ котораго должна была зависѣть судьба всей войны, трудно рѣшить, не имѣя другихъ данныхъ, кромѣ преданія и частныхъ записокъ, всегда грѣшащихъ заботой пишущаго о благопріятномъ освѣщеніи собственной личности. Большая вѣроятность клонится къ предположенію, что Кутузова подавляла принимаемая отвѣтственность и ѣдкая скорбь о неизбѣжности громадной жертвы при потерѣ Москвы.

Несомнѣнно, что такое колебаніе служило только къ увеличенію его отвѣтственности, задерживая необходимыя послѣдствія распоряженія Ростопчина, который долженъ былъ или приберечь остающіяся въ Москвѣ продовольственныя и боевыя средства для стоящихъ у ея стѣнъ защитниковъ, или поспѣшно ихъ истребить, чтобы не оставить ихъ въ распоряженіи французовъ. Продолжавшимся до поздней ночи колебаніемъ Кутузовъ отнялъ цѣлый день у Ростопчина для приведенія въ исполненіе необ-

ходимыхъ мѣръ, и далъ ему поводъ разразиться упреками и обвиненіями, граничащими съ клеветой, которые успѣли въ глазахъ государя и отчасти потомства набросить нѣкоторую тѣнь на память главнаго орудія нашего избавленія отъ грознаго нашествія.

Помрачить заслуги Кутузова въ глазахъ Александра юркому, хвастливому и остроумному Ростопчину помогало несомнѣнное нерасположеніе государя къ спокойно-увѣренному и опасно-проницательному полководцу, стойко и кратко отстаивающему свои рѣшенія, вмѣсто того чтобы восторженно превозносить прекраснодушныя заявленія и широкія, но не зрѣлыя начинанія своего государя. Для современниковъ Кутузовъ оказался *нужнымъ человѣкомъ*, и это ограждало его слабости и недостатки отъ слишкомъ строгихъ сужденій, но для потомства и нѣкоторой части сподвижниковъ его разумная и покойная дѣятельность и личность не представлялись довольно яркими и не соотвѣтствовали величію руководимыхъ имъ событій — подъемъ настроенія требовалъ сказочнаго витязя, и потому нѣсколько брюзгливо отнесся къ несомнѣнно мудрому, но отчасти тяжелому *боярину-воеводѣ*. Если такой воевода былъ слишкомъ грузенъ тѣломъ и сдержанъ въ расходованіи своей несомнѣнной мудрости, чтобы вызывать восторженное сочувствіе, то другой, выдвинутый на видъ во время жертвы Москвой, вмѣсто недостатка яркости, грѣшилъ скудостью содержанія.

Остроумный и свѣтскій Ростопчинъ, сдѣлавшійся во время долгаго пребыванія безъ службы въ Москвѣ, до назначенія въ ней главнокомандующимъ, однимъ изъ записныхъ говоруновъ ея *англійскаго клуба*, несомнѣнно пользовался нѣкоторымъ обаяніемъ у знатныхъ Москвичей, что облегчило ему руководство горячимъ пріемомъ и склоненіе ихъ къ пожертвованіямъ во время пріѣзда государя въ Москву. Но вліяніе его на подъемъ духа всѣхъ истинно русскихъ людей въ это знаменательное время, и самое роковое значеніе пожара Москвы, въ которомъ онъ то принималъ, то отрицалъ званіе руководителя поджигателей, было измышлено его безпокойной и довольно грубой суетливостью, и тѣмъ оглушительнымъ впечатлѣніемъ, которое произвело на Европу и въ особенности

на Англію паденіе баснословнаго могущества Наполеона, породившее суевѣрія и поклоненіе временнымъ идоламъ, въ родѣ франко-татарскаго остряка Ростопчина и нетрезваго и въ сущности лукаваго льстеца донскаго казака Платова. Совершенно отрицать распорядительность Ростопчина при вывозѣ казеннаго имущества нѣтъ основанія, но пріемы его ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ тому времени пріемовъ произвола и суровыхъ взысканій. О вліяніи же его на духъ народный, на его ободреніе, путемъ легкомысленныхъ и неудачныхъ опытовъ съ воздушнымъ шаромъ и его пресловутыхъ *афишъ*, которыя могли развлекать праздношатающихся на рынкахъ своимъ краснобайствомъ, напоминающимъ рыночныхъ же *Петрушекъ*, довольно неумѣстно настоятельно толковать. Его обѣщаніе повести москвичей на Три Горы, чтобы обратить въ прахъ *поджарыхъ* французовъ, въ то время когда всякое русское сердце щемило тяжкое горе, представлялось легкомысленнымъ ёрничествомъ, грубо противорѣчащимъ тому сердечному сокрушенію, соединенному съ умилительной покорностью волѣ Божіей, которыми ознаменовалъ себя среди испытаній въ тяжелую годину простой русскій народъ. Но и не одинъ *простой* народъ былъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, оно проникло и въ высшіе его слои и отразилось даже на несомнѣнно легкомысленныхъ его членахъ. Въ семейныхъ преданіяхъ пишущаго эти строки сохранилось воспоминаніе о родственникѣ семьи кн. Цицiановъ, довольно легкомысленномъ клубномъ балагурѣ, позволявшемъ себѣ частыя уклоненія отъ истины. Этому Цицiанову случилось узнать прежде другихъ и принести въ клубъ какую-то важную новость, относящуюся къ тогдашнимъ потрясающимъ событіямъ, и когда его новость была встрѣчена съ обычнымъ недовѣріемъ къ его разсказамъ, этотъ легкомысленный человѣкъ разрыдался какъ ребенокъ, при мысли, что его считаютъ способнымъ продолжать шутить, когда рѣчь идетъ о судьбѣ отечества. Но это чувство, присущее всему народу въ своей непосредственности, было чуждо исковерканной личности Ростопчина, завершившаго свои празднословныя попытки надъ *духомъ народнымъ* такими позорными угожденіями его подонкамъ, какъ торговыя казни (нака-

заніе кнутомъ на площади) ничѣмъ не повинныхъ французовъ (въ томъ числѣ своего повара, погрозившаго непослушному повареику Наполеономъ), и отдача на растерзаніе пьяной и обезумѣвшей толпѣ юнаго купеческаго сына Верещагина, провинившагося переводомъ съ нѣмецкаго какой-то нѣмецкой прокламаціи Наполеона къ его союзникамъ. До этого заключенія своей дѣятельности въ Москвѣ, Ростопчинъ, кромѣ полезнаго участія въ вооруженіи ополченія, препровожденія въ дѣйствующія войска снабженія и подкрѣпленій, принималъ необходимыя мѣры для высылки изъ Москвы казеннаго имущества, по мѣрѣ приближенія къ столицѣ отступающихъ отъ Смоленска войскъ. Но эта обязательная и полезная его дѣятельность не только не отвлекала его отъ причудливаго руководства общественнымъ настроеніемъ, въ заботѣ о спокойствіи населенія, но вызывала постоянныя донесенія государю объ охраняемомъ имъ примѣрномъ настроеніи жителей Москвы, напыщенно превозносимомъ ея главнокомандующимъ. Но ни заботы послѣдняго о сохраненіи бодрости ея жителей, ни извѣстныя москвичамъ обѣщанія Кутузова о недопущеніи враговъ въ первопрестольную столицу, не могли удержать отъ бѣгства, по мѣрѣ приближенія къ ней французовъ, всѣхъ тѣхъ, кому доставляли убѣжище внѣ стѣнъ ея, и кто обладалъ средствами передвиженія.

Москва опустѣла до прибытія Кутузова.

Такимъ образомъ, когда на Поклонной Горѣ шла рѣчь о защитѣ Москвы, она уже была покинута значительнымъ числомъ своихъ жителей и очищена отъ большей части своего казеннаго имущества.

Но обсуждая ея сдачу безъ боя врагамъ, нельзя было упустить изъ вида значенія для всей Россіи ея памятниковъ и святыни, и покинутая большей частью своихъ жителей Москва оставалась обширнымъ селищемъ, въ которомъ не только отражалась и била ключемъ насиженная многими поколѣніями народная жизнь, но высились памятники, свидѣтели роста народнаго величія. Значеніе Москвы для Россіи сознавалось всѣми, и потому произнесеніе надъ нею приговора составляло такое тяжелое признаніе безсилія, на которое не стало духа у участниковъ совѣщанія на

Поклонной Горѣ, разъѣхавшихся не рѣшившись произнести рокового слова сдачи.

Совѣщаніе послужило Кутузову къ знакомству съ мѣстностью расположенія войскъ, дѣйствительнымъ состояніемъ Москвы, мнѣніемъ тѣхъ предводителей, которые считали возможнымъ наступленіе на французовъ (Бенингсенъ), тѣхъ, которые обсуждали отступленіе на Калугу (Ростопчинъ, Ермоловъ и проч.), и къ болѣе ясному представленію, какъ можетъ отразиться на главныхъ его сподвижникахъ неизбѣжная жертва; но ни совѣщанія съ другими, ни собственныя колебанія не заглушили въ немъ сознанія, что на немъ одномъ лежитъ тяжкая отвѣтственность произнести роковое слово, и потому, удаляясь въ приготовленное ему помѣщеніе въ деревнѣ Фили, онъ сказалъ на ухо принцу Евгенію Виртембергскому: «здѣсь моя голова, хороша ли, плоха ли, должна сама себя выручать» (ici ma tête, fût-elle bonne ou mauvaise, ne doit s'aider que d'elle même!). Передъ отъѣздомъ Ростопчинъ высказался тому же принцу словами: «если бы спросили меня, что дѣлать, я отвѣтилъ бы: разрушить столицу прежде, нежели уступить ее непріятелю; таково мое мнѣніе какъ графа Ростопчина, но какъ губернаторъ... не могу высказать такого мнѣнія».

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

Совѣщаніе на Поклонной Горѣ было только преддверіемъ къ военному совѣту, который собралъ у себя въ Филяхъ главнокомандующій въ пять часовъ пополудни того же дня. Какая была цѣль Кутузова въ собраніи военнаго совѣта, въ которомъ выражаемыя мнѣнія могли только завѣдомо служить исходомъ личныхъ настроеній и заботы выставить себя въ извѣстномъ свѣтѣ, не обѣщая никакихъ полезныхъ указаній, которыми могли бы освѣтиться высказанныя уже на Поклонной Горѣ мнѣнія,—нѣтъ никакихъ слѣдовъ, и потому нужно полагать, что кромѣ огражденія своей отвѣтственности въ рѣшеніи такой исключительной важности, имъ руководило желаніе высказаться предъ главными своими сподвижниками, принимая на себя отвѣтственность за рѣшеніе, отъ котораго зависѣла судьба отечества.

Въ бѣдной избѣ деревни Фили, въ присутствіи Бенингсена, Барклая де-Толли, Дохтурова, Уварова, гр. Остермана, Коновницына, Ермолова, Кайсарова и Толя, обсуждались

и горячо оспаривались два противоположныя мнѣнія, о защитѣ и оставленіи Москвы, которымъ былъ данъ толчокъ прибывшимъ позже другихъ Бенингсеномъ, высказывавшимъ необходимость защищать ее до послѣдней крайности, между тѣмъ какъ Барклай доказывалъ увѣренность въ безуспѣшности такой попытки, отъ которой должно было погибнуть войско, и совѣтовалъ отступленіе на Нижній. Главнокомандующій предложилъ обсуждать этотъ вопросъ въ опредѣленныхъ границахъ: «ожидать ли нападенія въ невыгодной позиціи или уступить непріятелю Москву?» Кутузовъ при этомъ изложилъ свой взглядъ на неудобства занятой мѣстности на Воробьевыхъ горахъ, замѣчая, что пока сохранена армія, до тѣхъ поръ остается надежда успѣшно окончить войну. Мнѣнія членовъ совѣта, къ которымъ предъ концомъ его присоединился ген. Раевскій, разбились на два лагеря, на выборъ котораго вліяло не столько убѣжденіе, сколько забота объ общественномъ мнѣніи, или безотчетное влеченіе личной храбрости. При этомъ не обошлось безъ уязвленій личнаго самолюбія, Бенингсеномъ Кутузова и обратно. Первый доказывалъ необходимость сраженія подъ Москвой, чтобы избѣжать косвеннаго сознанія въ *потерѣ* Бородинскаго сраженія, а второй, обсуждая предлагаемыя передвиженія, язвительно намекнулъ на Фридландское пораженіе Бенингсена... Но нужно полагать, что послѣдній точно такъ же какъ Ермоловъ, сознавалъ невозможность отпора подъ самой Москвой, хота они не могли устоять передъ соблазномъ порисоваться въ своей безпредѣльной преданности отечеству... въ ущербъ принятаго не любимымъ ими Кутузовымъ *скромнаго поведенія*. Они увлекли своимъ примѣромъ такихъ безусловныхъ храбрецовъ, какъ Дохтуровъ, Коновницынъ и Уваровъ, такъ что на сторонѣ благоразумнаго и твердо убѣжденнаго Барклая остались Остерманъ, Раевскій, Толь и, что несомнѣнно ожидалось, самъ Кутузовъ, заключившій совѣтъ словами: «я чувствую, что мнѣ прійдется за это поплатиться, но жертвую собой для блага отечества. Приказываю отступить». (Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite).

Несмотря на предшествовавшія двукратныя обсужденія

необходимости этого рѣшенія, оно произвело на всѣхъ участвовавшихъ въ совѣтѣ самое удручающее впечатлѣніе: они разошлись, упавъ духомъ, стыдясь глядѣть въ глаза другъ другу, до того *преданіе* Москвы, при обаяніи ея для каждаго русскаго, казалось почти святотатственной жертвой. Она была всего тяжелѣе для принявшаго это рѣшеніе и отвѣтственность стараго главнокомандующаго, не удержавшагося, по свидѣтельству находившихся при немъ неотлучно въ эту ночь офицеровъ, отъ слезъ, при мысли о приносимой отечествомъ жертвѣ.

Выступленіе изъ Москвы русскихъ.

Исполненіе ея было сопряжено съ большими затрудненіями, не только потому, что передвиженіе войска по тѣснымъ московскимъ улицамъ, съ орудіями и обозами, представляло значительное затрудненіе и опасность въ такомъ близкомъ разстояніи отъ приближающихся враговъ, но и потому, что въ городѣ оставалось большое количество раненыхъ и огромное военное и казенное имущества, своевременный вывозъ которыхъ не представлялся возможнымъ. Даже истребленіе 150 орудій, 80.000 ружей, 60.000 холоднаго оружія, 20.000 пудовъ пороха, 27.000 снарядовъ и продовольственныхъ запасовъ на 1.500.000 руб. оказывалось невозможнымъ въ такой короткій срокъ. Взрывъ отчаяннаго негодованія Ростопчина, когда поздно вечеромъ въ краткой запискѣ Кутузовъ потребовалъ отъ него полицейскихъ офицеровъ для того, чтобы провести чрезъ городъ отступающія на Коломенскую дорогу войска, былъ естественъ, и отчасти искупленъ той быстрой распорядительностью, съ которой онъ исполнилъ все возможное, при такомъ позднемъ объявленіи тщательно до этого скрываемаго рѣшенія. Въ дѣйствительности, вопреки его донесенія государю, гласящему, что все казенное имущество вывезено, его много оставалось въ Москвѣ, хотя не по винѣ Ростопчина, сохранявшаго его для нуждъ приступающихъ войскъ и ожидаемой обороны столицы. Вина въ этомъ случаѣ была общая — государя, народа и Кутузова, поддавшихся упорному самообольщенію возможности отстоять столицу, не руководствуясь военными соображеніями, но горячимъ пристрастіемъ къ средоточію русской жизни и памятнику ея прошлаго. Необходимость сдачи ея захватила всѣхъ врасплохъ.

Въ то время когда шли совѣщанія объ отступленіи отъ Москвы, въ городѣ среди оставшихся немногочисленныхъ ея жителей происходили волненія, которымъ способствовали приближеніе опасности отъ враговъ, оставленіе города наиболѣе благонадежными и зажиточными обывателями, и возбужденіе, которое вызывалъ самъ Ростопчинъ своими пресловутыми афишами, то возбуждавшими легкомысленное презрѣніе къ поджарымъ французамъ, то сулившими идти вмѣстѣ съ народонаселеніемъ города на Три Горы для истребленія ихъ. Возбужденіе, начавшееся еще ранѣе при появленіи безчисленныхъ раненыхъ, жертвъ Бородинскаго сраженія, постепенно смѣнило молитвенное и смиренное настроеніе, вызываемое приближеніемъ опасности, въ которомъ поддерживало народъ духовенство, и которому не былъ чуждъ престарѣлый глава его, митрополитъ Платонъ. 1-го сентября, когда послѣ дешевой продажи оружія началась даровая его раздача и наконецъ расхищеніе—волненіе обратилось въ шумное и буйное, отъ котораго Ростопчинъ не нашелъ лучшаго способа отдѣлаться, какъ отдачей на растерзаніе судившагося за переводъ воззванія Наполеона къ нѣмцамъ купеческаго сына Верещагина, и поспѣшилъ скрыться заднимъ ходомъ и быстрымъ отъѣздомъ окольными путями изъ города.

Послѣднія распоряженія Ростопчина.

Получивши записку Кутузова о рѣшенномъ отступленіи на Коломенскую (Рязанскую) дорогу, онъ принялъ доступныя въ короткій промежутокъ времени мѣры для удаленія незначительной части плѣнныхъ, истребленія казеннаго вина, заготовленій продовольствія и увода пожарнаго обоза. Истребленіе полезныхъ для содержанія врага запасовъ было несомнѣнно желательной мѣрой, хотя и сопровождалось разбитіемъ бочекъ съ виномъ (вызвавшимъ пьянство, буйство и пожары), потопленіемъ и поджогомъ запасовъ, но уводъ пожарныхъ обозовъ, подъ предлогомъ, что они составляли *казенное имущество*, представляетъ двусмысленное распоряженіе, въ особенности потому, что Ростопчинъ не рѣшился откровенно высказаться, принимаетъ ли онъ отвѣтственность за поджогъ Москвы, или ее отрицаетъ. Принимать же на свой счетъ геройское самоотверженіе при гибели Москвы (ему ввѣренной для охраны

а не для истребленія), и въ то же время отзываться съ негодованіемъ о соучастіи въ поджогѣ, рисуетъ изломанную личность Ростопчина, тщеславную и непослѣдовательную. Если онъ считалъ настолько существеннымъ спасеніе пожарныхъ лошадей въ качествѣ казеннаго имущества, то не могъ не сознавать, что передъ государемъ и отечествомъ заслуга спасенія пожарныхъ лошадей приняла бы большій блескъ, если бы онъ на нихъ вывезъ возможное число раненыхъ, вмѣсто пустыхъ бочекъ и пожарныхъ трубъ.

Относительно же его участія въ пожарѣ Москвы, въ виду противорѣчивыхъ его отзывовъ, показаній одного полицейскаго чиновника, оставленнаго будто бы съ этой цѣлью въ Москвѣ, и возможной умышленности увоза пожарныхъ обозовъ, сопоставленныхъ съ его заявленіями при совѣщаніи на Трехъ-Горахъ,—возможно допустить, что онъ желалъ его въ качествѣ *сына отечества*, негодующаго на оскверненіе нашествіемъ *матери-родины*, и потому не только предпочелъ гибель Москвы ея обладанію врагомъ, но и сдѣлалъ спѣшно и непослѣдовательно кое-какія распоряженія для ея поджога. Но вмѣстѣ съ этимъ не лишено вѣроятія, что эти распоряженія дѣлались вскользь, какъ срывается бранное слово въ порывѣ нетерпѣнія, почти безсознательно и безъ особенной надежды на ихъ исполненіе. Оставленный безъ властей, охраны и противопожарныхъ средствъ, съ самыми неблагонадежными изъ жителей, большой и бóльшей частью деревянный городъ несомнѣнно подвергался опасности выгорѣть, которой *можетъ быть* способствовалъ кто-нибудь по порученію Ростопчина, если его личные виды къ тому побуждали, но это никакъ не позволяетъ заключить, что несомнѣнно оплошная, даже въ присутствіи взыскательнаго начальства, тогдашняя полиція сдѣлалась изумительно исполнительной, съ опасностью жизни, внѣ понужденія и охраны этого начальства! Не только тяжесть отвѣтственности за такое общественное бѣдствіе, какъ гибель столицы, но еще болѣе тщеславіе и празднословіе Ростопчина послужили затемнѣнію вопроса, былъ ли дѣйствительно прямой виновникъ въ поджогѣ Москвы, и кто онъ?

Виновникомъ же внезапнаго оставленія Москвы, какъ Ростопчинъ, негодующій равно за гибель *первопрестольной*

и за тѣ непреодолимыя затрудненія, которыя представляло спѣшное ея оставленіе, такъ и большинство начальствующихъ лицъ одинаково признавали главнокомандующаго; но осуждали его не потому, чтобы сами были твердо увѣрены въ возможности избѣжать такую горькую жертву, а вслѣдствіе его продолжительнаго и упорнаго отрицанія, что онъ согласится на эту жертву.

Свидѣтельство Шнейдера и Кайсарова, состоявшихъ при немъ и проведшихъ ночь послѣ совѣта въ свиданіяхъ съ Кутузовымъ, неопровержимо доказываетъ, что необходимая жертва вызвала въ немъ горькія слезы и глубокое сокрушеніе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы рѣшеніе не было внезапнымъ, и чтобы онъ могъ обвинять себя за тѣ затрудненія, которыя неминуемо слѣдуютъ на войнѣ при внезапной перемѣнѣ ея направленія, а тѣмъ менѣе въ *обманѣ* Ростопчина и государя, впослѣдствіи обвинявшихъ его въ этомъ.

Нельзя отрицать права отвѣтственнаго главнокомандующаго внезапно измѣнять направленіе войны, если того требуетъ избавленіе предводительствуемаго войска отъ пораженія и гибели. Оглашать такое рѣшеніе напередъ, съ опасностью вызвать препятствія къ его исполненію, конечно было бы неблагоразумно, и изобличало бы страхъ главнокомандующаго передъ отвѣтственностью за самостоятельно принятое рѣшеніе. Къ тому же для Москвы и Ростопчина это предупрежденіе было лишнимъ, такъ какъ зажиточные обыватели безъ того *благоразумно* (вызывая отчасти этимъ ропотъ народа) заблаговременно покидали столицу, точно также какъ Ростопчинъ употреблялъ съ такимъ усердіемъ всѣ перевозныя средства крестьянскихъ телѣгъ на вывозъ казеннаго имущества, что давалъ ему преимущество передъ вывозомъ раненыхъ. Можно, конечно, считать Кутузова виновнымъ передъ государемъ въ томъ, что онъ не предупредилъ его заблаговременно о возможности оставленія Москвы, настаивая на своей надеждѣ ее отстоять. Такое обвиненіе было бы безусловно справедливымъ, если бы были вѣрныя данныя, чтобы опредѣлить, когда именно созрѣла рѣшимость Кутузова, и если бы онъ могъ вполнѣ быть увѣреннымъ въ возможности убѣдить Александра въ основательности своего рѣшенія, которое могло бы сокру-

шиться передъ положительнымъ приказаніемъ государя сражаться у стѣнъ Москвы. Увѣренный въ неблагосклонности Александра, въ его нетерпѣливомъ ожиданіи несозрѣвшаго еще благопріятнаго перелома въ борьбѣ, благоразумный и предусмотрительный главнокомандующій имѣлъ достаточно гражданскаго мужества (вопреки обвиненію недоброжелателей въ лукавой уклончивости), чтобы воспользоваться полученными отъ государя полномочіями въ самомъ широкомъ смыслѣ, и принять передъ нимъ и потомствомъ всю тяжесть отвѣтственности за роковое рѣшеніе. Увѣренный въ невозможности спасти Москву, которую горько оплакивалъ, онъ направилъ всѣ старанія на спасеніе войска, увѣренно настаивая, что только этимъ войскомъ можно спасти отечество. Сурово его осуждать за то, что онъ считалъ себя настолько правымъ въ этомъ рѣшеніи, могъ одинъ Барклай, заслужившій рѣшительностью и прямотой большаго довѣрія и дружбы, но оцѣнка этого рыцаря невольно затемнялась соперничествомъ между старымъ и новымъ главнокомандующими, въ которомъ умственное превосходство постоянно оставалось за Кутузовымъ, точно также какъ доблестное самоотверженіе и прямота за Барклаемъ.

Прохожденіе войска чрезъ Москву.

Въ ночь послѣ военнаго совѣта были сдѣланы распоряженія главнокомандующаго объ обезпеченіи продовольствія войска на коломенской дорогѣ и о проводѣ его по этому направленію, чрезъ Москву. Движеніе началось еще ночью и продолжалось съ большимъ стѣсненіемъ и затрудненіемъ на слѣдующій день 2-го сентября. Затруднительность перехода чрезъ городъ отъ Дорогомиловской заставы до Рязанской дороги увеличивалась тѣмъ, что изъ города по тѣснымъ улицамъ старались также пробираться запоздавшіе жители Москвы, и что къ противоположной окраинѣ города начали приближаться французы передового отряда, съ затрудненіемъ удерживаемые переговорами Милорадовича, угрожавшаго всѣми послѣдствіями борьбы въ тѣсныхъ улицахъ города, если русскимъ войскамъ помѣшаютъ прослѣдовать черезъ нихъ въ порядкѣ. За порядкомъ слѣдилъ и поддерживалъ его неутомимый и самоотверженный Барклай, проведшій 18 часовъ на конѣ, напрягая всѣ усилія, чтобы достигнуть благополучнаго перевода

войска чрезъ Москву на Коломенскую дорогу. Въ этомъ случаѣ, какъ и подъ Бородинымъ, главнокомандующій воспользовался трудами и распорядительностью своего предшественника и обличилъ ту же дряхлость и неспособность къ возбужденной и ускоренной дѣятельности, столь необходимой въ рѣшительныхъ явленіяхъ войны, и давно у него изсякшей отъ упадка силъ и утраты довѣрія къ плодотворности безпокойной предпріимчивости. Онъ приказалъ себя перевезти окольными путями чрезъ принесенный имъ въ жертву городъ, избавляясь отъ тягостныхъ впечатлѣній и встрѣчъ. Но одной и самой непріятной встрѣчи онъ не избѣгнулъ, увидѣвши у Яузскаго моста Ростопчина, осыпавшаго его рѣзкими укоризнами со свойственной ему заносчивостью, повидимому неудовлетворенной его верещагинскимъ *подвигомъ*, затмившимъ вѣроятно въ его глазахъ мудрую рѣшимость Кутузова, безукоризненно исполняемую Барклаемъ, въ то время когда покинутая своимъ начальникомъ Москва дѣлалась жертвой грабителей и разоренія.

Первые безпорядки въ Москвѣ.

Причиной этихъ безчинствъ былъ отчасти составъ оставшихся жителей, несомнѣнно самыхъ неблагонадежныхъ, грабежу которыхъ не препятствовали владѣльцы имуществъ и товаровъ, считая ихъ обреченными на гибель въ виду приближенія враговъ. Въ этомъ расхищеніи, отчасти поощряемомъ самими владѣльцами, принимали участіе войска, и всеобщій безпорядокъ увеличился разбитіемъ кабаковъ, пьянствомъ и расхищеніемъ части хранящагося въ Кремлѣ оружія.

По мѣрѣ перехода черезъ городъ, войска располагались приваломъ на Коломенской дорогѣ, пользуясь нѣкоторой обезпеченностью отступленія, благодаря усиліямъ и переговорамъ Милорадовича съ Мюратомъ, получившимъ одобреніе Наполеона, который разсчитывалъ на торжественное вступленіе въ Москву и на покойное обладаніе ея удобствами и богатствами.

Дальнѣйшее движеніе русскихъ войскъ было отчасти предусмотрѣно въ совѣщаніяхъ передъ Москвой. Можно видѣть къ тому указаніе въ предположеніи Толя принять сраженіе, располагаясь между Воробьевыми горами и старой Калужской дорогой, и отступить по этой послѣдней въ случаѣ неудачи, а также указаніе Бенингсена на путь,

на которомъ находятся заготовленія для войска и проч. Но благоразумная осторожность Кутузова отклонила опасность предварительнаго своего ослабленія сраженіемъ съ Наполеономъ или явнымъ отступленіемъ передъ нимъ по этому пути, представляющему опасность привлечь его главныя силы на себя, не препятствуя ему занять въ то же время какимъ-нибудь отрядомъ Москву. Кутузовъ, какъ указываетъ недавно оглашенная его семейная переписка, предусматривалъ заранѣе военныя дѣйствія по пути къ Калугѣ, и осторожно воздержался обнаружить это подъ Москвой французамъ. Въ ночь передъ отступленіемъ, отдавая приказанія главному интенданту его войска Ланскому, объ обезпеченіи продовольствія на Коломенской дорогѣ, онъ воздержался отъ рѣшительныхъ распоряженій, на вопросъ Ланскаго, что нужно дѣлать съ заготовленіями Калужскаго пути, какъ бы удерживая эти средства въ видахъ будущаго.

Несмотря на крайне тревожное настроеніе столицы и ея окрестностей, на безначаліе и грабежи въ городѣ и отчасти объятыхъ пламенемъ ближнихъ селеніяхъ, и громадный пожаръ, объявшій самую столицу, Кутузовъ имѣлъ возможность двумя небольшими переходами перейти по Рязанской дорогѣ за Москву-рѣку и расположить 4-го сентября свои войска у селеній Боровскаго моста и Кулакова. На слѣдующій день фельдмаршалъ началъ то движеніе, которое можно признать началомъ рѣшительнаго оборота въ судьбѣ войны и вмѣстѣ первымъ шагомъ къ истребленію полчищъ и могущества Наполеона.

Покинутая Москва.

Въ то время, когда благодаря находчивости Милорадовича и податливости Мюрата, русскія войска и безчисленные обозы могли съ большими затрудненіями отъ тѣсноты и поспѣшности, но безъ тревоги отъ огня наступающихъ передовыхъ французскихъ отрядовъ, вытягиваться по направленію Коломенской дороги: между тѣмъ какъ въ городѣ производились попытки истребленія, по приказанію Ростопчина, вина разбиваньемъ бочекъ, хлѣба и другихъ запасовъ, поджогомъ суденъ, на которыхъ они находились,—

среди неизбѣжныхъ безчинствъ безначальнаго города, въ которомъ оставалось много имущества и всего около 10.000 жителей, среди которыхъ преобладали наименѣе благонадежные русскіе, лицомъ къ лицу съ беззащитными иностранцами,—Наполеонъ приблизился около 2 часовъ къ городу, который сталъ обозрѣвать съ Поклонной Горы. Не только онъ, но и сопровождающее его войско было радостно настроено: императору представлялся торжественный и рѣшительный ходъ на шахматной доскѣ, доселѣ ему не дававшійся, а войску—покойная и роскошная стоянка. Впечатлѣніе отъ вида на обширный и живописный городъ, украшенный многочисленными золотыми главами его церквей, выразилось восклицаніемъ: «Такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ! Наконецъ-то!» (la voilà donc enfin cette fameuse ville! il était temps!) Въ войскахъ это чувство выразилось радостными кликами. Но послѣднимъ, ожидавшимъ съ нетерпѣніемъ приказанія вступленія въ желанную цѣль похода, приходилось повременить, покуда *маленькій капралъ*, но великій императоръ, успѣетъ продѣлать обычные обряды торжествующаго побѣдителя, къ ногамъ котораго повергается столица побѣжденнаго! Постоявши на горѣ и осмотрѣвши издали городъ, онъ подалъ сигналъ вступленія въ него, встрѣченный радостными восклицаніями войска—vive l'empereur! и самъ направился къ Дорогомиловской заставѣ, у которой сталъ ожидать представителей города съ его ключами. Ожиданіе его оказалось напраснымъ—возвратившіеся изъ города его ординарцы доложили ему, что городъ опустѣлъ. Онъ не захотѣлъ этому вѣрить и приказалъ графу Дарю (извѣстному утѣснителю Пруссіи) отправиться въ городъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Москва опустѣла! какое невѣроятное событіе! Нужно въ нее проникнуть! Ступайте и приведите мнѣ бояръ!» (Moscou déserte! quel évenement invraisemblable. Il faut y pénétrer. Allez et amenez moi les boyards!)

Вступленіе Наполеона изъ величественнаго въ смѣшное.

Повидимому, Наполеонъ еще не сознавалъ, что вырвавшееся у него три мѣсяца спустя въ Варшавѣ восклицаніе: «du sublime au ridicule—il n'y a qu'un pas! (отъ величественнаго къ смѣшному—одинъ шагъ!) было уже умѣстнымъ у Дорогомиловской заставы, у которой имъ былъ переступленъ этотъ шагъ!

Усердный Дарю, вмѣсто *бояръ*, могъ только представить какихъ-то иностранцевъ, удостовѣрившихъ опустѣніе Москвы и не удостоенныхъ ни единымъ словомъ разочарованнаго императора: торжественное вступленіе въ столицу торжествующаго побѣдителя разлетѣлось прахомъ; ему пришлось вмѣсто этого переночевать въ какомъ-то постояломъ дворѣ предмѣстья.

Между тѣмъ городъ былъ занятъ гвардіей, а остальные корпуса расположились въ предмѣстьяхъ. Наполеонъ назначилъ своихъ генераловъ на разныя должности, а должность губернатора (intendant) поручилъ бывшему французскому консулу въ Петербургѣ Лесепсу. 3-го числа французскій императоръ въѣхалъ въ городъ и помѣстился въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Пожаръ Москвы.

Надежды французовъ найти увѣнчаніе ихъ похода въ Москвѣ среди покойной и роскошной стоянки немедленно по вступленіи въ нее исчезли: начались пожары въ разныхъ частяхъ города, принявшіе, при усилившемся вѣтрѣ, въ ночь съ 3-го на 4-ое число угрожающіе размѣры. Значительная часть города была объята пламенемъ, съ которымъ не могли справиться попытки тушенія французовъ, не имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи никакихъ противопожарныхъ снарядовъ, и пламя начало угрожать Кремлю и жилищу Наполеона. Здѣсь опасность увеличивалась скопленіемъ 400 зарядныхъ ящиковъ и появившимся въ конюшняхъ и въ арсенальной башнѣ огнемъ. Съ трудомъ уговорили Наполеона удалиться въ Петровскій дворецъ, куда онъ былъ проведенъ окольными путями среди пылающей Москвы. Въ продолженіе двухъ сутокъ свирѣпствовалъ пожаръ, обратившій $^4/_5$ города въ прахъ и развалины и окончательно обездоливший оставшихся въ немъ жителей, лишавшихся крова и имущества не только отъ огня, но и отъ усилившихся при этомъ бѣдствіи со стороны побѣдителей и побѣжденныхъ грабежей и насилій. Жалобы оставшихся въ городѣ иностранцевъ передъ Петровскимъ дворцомъ не могли ихъ избавить отъ бѣдствій, принявшихъ неслыханные размѣры и обратившихъ городъ въ *геену огненную*. Когда пожаръ началъ стихать, и Кремль оказался избѣгнувшимъ его, Наполеонъ поспѣшилъ возвратиться туда 6-го сентября.

Пожаръ Москвы, по размѣрамъ этого бѣдствія и по тому вліянію, которое приписывалось этому неожиданному для французовъ разочарованію, лишившему ихъ большей части ожидаемыхъ отъ ея занятія плодовъ — вызвалъ настолько страстныя и пристрастныя оцѣнки этого происшествія, что причины и слѣдствія его значительно затемнены. Безпристрастное изученіе всѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ произошелъ, не допускаетъ ни признанія его возможнымъ слѣдствіемъ самоотверженной рѣшимости ея жителей, принесшихъ Москву въ жертву, чтобы погубить врага; ни прямымъ послѣдствіемъ распоряженій Ростопчина, *если даже они дѣйствительно были даны*, не только потому, что исполненіе такихъ распоряженій ничѣмъ не было обезпечено, но и потому, что эта порывистая, суетная и непослѣдовательная личность равно была способна приписать себѣ небывальщину изъ бахвальства, какъ и отречься отъ своего дѣянія передъ предъявленной отвѣтственностью— хотя бы одного общественнаго мнѣнія. Какую при такихъ условіяхъ можно придавать вѣру его свидѣтельствамъ, показаніямъ настоящихъ или мнимыхъ поджигателей, увѣряющихъ, что дѣйствуютъ по приказанію *отсутствующей* полиціи, и отвѣчающихъ подъ угрозами и страхомъ возмездія? Единственное показаніе какого-то темнаго полицейскаго чиновника, которому будто бы поручилъ поджогъ Ростопчинъ, самъ бѣжавшій безъ оглядки изъ Москвы—невѣроятно, въ смыслѣ *порученія* сжечь городъ; но что этому чиновнику (приставу Вороненкѣ) было поручено сжигать комисаріатскіе запасы и нагруженныя всякими припасами барки на Москвѣ-рѣкѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Что болѣе всего способствовало распространенію бѣдствія, поджоги ли Вороненки, безчинство грабителей русскихъ и французскихъ, или нѣкоторые единоличные поджоги домохозяевъ, приведенныхъ вступленіемъ врага въ изступленное отчаяніе—невозможно сознательно рѣшить, если отрѣшиться отъ пристрастнаго сужденія, вѣроятно родившагося въ порывѣ гнѣва или соблазна самохвальнаго, вымышляемаго подвига.

Наполеонъ и французы не могли жечь до выступленія, безъ явнаго умопомѣшательства, свое убѣжище и добычу.

Бѣжавшій безъ оглядки изъ Москвы Ростопчинъ не могъ

ее сжечь распорядительностью одного Вороненки, спѣшно примкнувшаго въ ночь съ 2-го на 3 къ отступающимъ русскимъ войскамъ.

Наконецъ, многочисленные владѣльцы имуществъ не могли ихъ сжигать, по той причинѣ, что большинство спѣшно и заблаговременно удалились изъ города. О французскомъ обвиненіи нѣкоего Лешиха, неудачно соорудившаго воздушный шаръ, которому московскія власти легкомысленно придавали значеніе при оборонѣ города, и отъ сооруженія котораго остались кой-какія горючія вещества, едва ли стоитъ упоминать. Но нельзя совершенно умолчать о томъ, что въ своихъ донесеніяхъ государю 1/13 сентября и 13 окт. Ростопчинъ, жалуясь на Кутузова за несвоевременное его извѣщеніе объ оставленіи Москвы, настаиваетъ на томъ, что зная это *зажегъ бы его* (т.-е. городъ). Но для того, чтобы оцѣнить по достоинству такое смѣлое заявленіе, нужно его сопоставить съ отвѣтомъ (2 декабря) на письмо государя отъ 6 сентября, написанное до полученія извѣстія объ участи Москвы, заключающее одобреніе его дѣйствій вообще, но осуждающее его расправу съ Верещагинымъ; и съ письмомъ, посланнымъ имъ къ государю 1-го сентября.

Въ письмѣ 2 декабря, послѣ подробностей объ убійствѣ Верещагина, онъ пишетъ (по-французски): «я всегда жаждалъ одного вашего довѣрія. Я имъ былъ облеченъ и *спасъ* государство. Полагаясь на вашу справедливость, несмотря на испытываемое несчастіе вашего неудовольствія, остаюсь увѣреннымъ въ вашемъ уваженіи, потому что Бонапартъ удостаиваетъ меня своею ненавистью». Въ письмѣ 1-го сентября сказано: «Адъютантъ кн. Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ о сдачѣ города, въ которомъ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміей. Я все вывезъ. Мнѣ остается плакать объ участи отечества».

Изученіе писемъ, въ которыхъ Кутузовъ объявляется губителемъ, а Ростопчинъ спасителемъ государства, гдѣ

въ отвѣтъ на упрекъ кровавой и произвольной расправы съ Верещагинымъ, послѣдній нагло утверждаетъ, что увѣренъ въ уваженіи государя, потому что заслужилъ ненависть Наполеона, даетъ основаніе предполагать, что такая заносчивая увѣренность, ставящая себя въ личные счеты съ Александромъ и Наполеономъ, и презрительно отзывающаяся о Кутузовѣ, способна была приписать себѣ всякую небылицу, въ томъ числѣ и рѣшеніе судьбы первопрестольной *(я бы сжегъ)*, не имѣя на то полномочія государя, и приписать это себѣ изъ тщеславія и своеобразнаго франко-татарскаго трескучаго суесловія.

Слѣдствія пожара Москвы. Пожаръ Москвы, погубившій большую часть запасовъ и добычи, на которые разсчитывалъ Наполеонъ, вызвалъ въ немъ порывъ негодованія и очень рѣзкіе отзывы о русскихъ, чему конечно нельзя удивляться и придавать значенія, тѣмъ болѣе, что это бѣдствіе не мало послужило къ усиленію разложенія великой арміи. Вызванный пожаромъ грабежъ сдѣлался обычнымъ способомъ снабженія войска, шарившаго по подваламъ и уцѣлѣвшимъ постройкамъ, изъ нужды, такъ какъ правильнаго продовольствія невозможно было установить, и по распущенности, вслѣдствіе возможности вмѣстѣ съ хлѣбомъ насущнымъ воспользоваться иногда богатой добычей. Эти поиски вызывали между шарящими споры и драки; находки вина поощряли пьянство, а награбленныя деньги и цѣнныя вещи обременили отступающихъ французовъ и способствовали ихъ гибели. Попытки внести какой-нибудь порядокъ въ разыскиваніе добычи для продовольствія частей войска не могли имѣть большого успѣха, хотя несомнѣнно, что крайнее безчинство пожарныхъ и слѣдующихъ за ними дней нѣсколько было укрощено строгими мѣрами, изъ коихъ самая жестокая обрушилась на дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ поджигателей, многихъ изъ которыхъ особенная военно-судная комиссія разстрѣляла.

Наполеонъ въ Москвѣ. Кромѣ заботы о возстановленіи порядка среди войска, неизбѣжной гибели вслѣдствіе безкормицы большинства лошадей и послѣдовавшаго разстройства конницы и артиллеріи; текущихъ заботъ управленія отдаленной имперіи, съ которой Наполеонъ пытался установить постоянныя сообщенія; кромѣ всѣхъ этихъ трудовъ, на немъ тяготѣло

недоумѣніе о томъ, что ему слѣдуетъ далѣе предпринять. Установленный имъ порядокъ побѣдоносныхъ нашествій былъ совершенно сбитъ съ пути дикими и свирѣпыми скиѳами, т.-е. русскими, обзываемыми такимъ именемъ въ собственное утѣшеніе императоромъ французовъ, и его столь изобрѣтательный умъ какъ бы изсякъ отъ изумленія, что всѣ бутафорскія принадлежности псевдо-римскаго тріумфа (въ томъ числѣ везомые имъ въ обозѣ наряды для коронованія себя императоромъ Востока) остались непримѣнимыми. Ни одно изъ предположеній *разъединенія, обхода, разбитія на голову* — не удалось; но что обиднѣе всего, ожидаемое торжественное вступленіе побѣдителемъ въ столицу непріятеля — также осѣклось. Оставался еще одинъ не пройденный, заключительный шагъ предыдущихъ войнъ: появленіе побѣжденнаго съ повинной, или, что еще красивѣе, великодушный первый шагъ побѣдителя къ заключенію мира. Ничто не давало повода Наполеону надѣяться, что это заключительное дѣйствіе произойдетъ согласно его желанію, но затруднительность выбора другого образа дѣйствій и необходимость оправиться послѣ изнурительнаго похода и негостепріимной встрѣчи Москвы поневолѣ остановили его намѣренія на осуществленіи этой менѣе героической развязки всего предпріятія: миръ оказывался болѣе чѣмъ желательнымъ, хотя побѣдителю не приставало признать его необходимымъ, и это послѣднее обстоятельство много послужило безплодному продолженію пребыванія Наполеона въ Москвѣ.

Настроеніе народа, неудовольствіе государя.

Оставленіе и пожаръ Москвы произвели самое потрясающее впечатлѣніе во всей Россіи, и много содѣйствовали обостренію и оживленію борьбы съ пришельцами, принимающей все болѣе и болѣе видъ озлобленнаго и непрестаннаго ихъ преслѣдованія и истребленія. Осторожное и уклончивое отношеніе къ врагамъ вызывало явный ропотъ въ народѣ, преслѣдовавшемъ укоризнами и насмѣшками не только удаляющихся изъ столицы дворянъ, но не пощадившемъ въ этомъ отношеніи и епископа Августина, когда онъ появился среди удаляющейся изъ Москвы толпы.

Печальное извѣстіе объ оставленіи столицы стало извѣстно государю изъ письма Ростопчина, и вызвало посылку кн. Волконскаго для выясненія причинъ, которыя могли побудить фельдмаршала къ отступленію вообще, и отступленію по Рязанской дорогѣ. Чрезъ Волконскаго было послано государемъ письмо къ главнокомандующему съ довольно сухимъ изложеніемъ цѣли посылки кн. Волконскаго, укоряющее Кутузова за молчаніе, сопровождавшее его *столь несчастную рѣшимость* — оставленія Москвы. Но молчаніе фельдмаршала было непродолжительно — 9 числа прибылъ съ его донесеніемъ полковникъ Мишо, пьемонтскій выходецъ, оказавшій услуги въ послѣднюю Турецкую войну, передавшій впослѣдствіи довольно подробно первому историку этого смутнаго времени Михайловскому-Данилевскому разговоръ, происшедшій по этому случаю между государемъ и имъ.

Мишо у государя съ донесеніемъ Кутузова.

Такіе разговоры, происходящіе при особенно торжественныхъ случаяхъ и переданные однимъ изъ участниковъ, въ особенности если онъ ловкій придворный, невольно подчинены потребности удовлетворить одновременно требованіямъ придворнымъ и *приспособленію* для передачи потомству. Государь уже зналъ по письму Ростопчина, что Москва покинута, Мишо могъ донести только о причинахъ, побудившихъ Кутузова пожертвовать безъ борьбы городомъ, въ увѣренности, что борьба погубила бы войско и не спасла бы города. Рядомъ съ этимъ Мишо старался выяснить виды главнокомандующаго на благопріятный оборотъ войны и наконецъ заключилъ потрясающимъ сообщеніемъ, что столица сдѣлалась жертвой пламени, вызвавшимъ слезы въ глазахъ государя. Въ передачѣ разговора полковникомъ Мишо получается та странность, что самое оставленіе Москвы, несомнѣнно извѣстное государю, вызываетъ въ немъ удивленіе, что указываетъ, что передача свиданія, или можетъ быть самое свиданіе, подверглось умышленной поддѣлкѣ (самимъ Александромъ или Мишо) для большей трогательности. Но сомнѣваться въ огорченіи государя при извѣстіи о пожарѣ Москвы нѣтъ ни малѣйшаго основанія, и это обстоятельство служитъ новымъ доказательствомъ, что пожаръ былъ для него печальной неожиданностью, подтверждающимъ,

что похвальба Ростопчина, что онъ *бы ее сжегъ*, была только дерзкимъ самохвальствомъ.

Въ остальной части переданнаго пьемонтцемъ разговора имѣются подробности объ опасеніи войска, что государь склонится подъ гнетомъ народнаго бѣдствія къ уступчивости и къ мирнымъ переговорамъ съ Наполеономъ, и этимъ лишитъ готовое на крайнія жертвы войско и народъ возмездія за поруганіе Родины, и гордый отвѣтъ государя, перечислившаго лишенія, на которыя онъ обрекъ страну и себя, чтобы не подписать *стыдъ своего отечества*, заключивъ свою горячую рѣчь торжественнымъ объявленіемъ: «Не забудьте, что я теперь вамъ говорю: Наполеонъ или я, я или онъ — но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня».

Несомнѣннымъ выводомъ изъ подробностей этого свиданія является увѣренность въ непоколебимой рѣшимости довести борьбу съ Наполеономъ до крайняго напряженія, не щадя ни Россіи ни себя (послѣднее въ смыслѣ временнаго униженія) въ жаждѣ достиженія окончательнаго разрѣшенія борьбы съ сдѣлавшимся ненавистнымъ — нынѣ соперникомъ, но нѣкогда покровителемъ. Рядомъ съ этимъ господствующимъ настроеніемъ, отчасти выясняется, что у Александра не было никакого предвзятаго рѣшенія пожертвовать Москвой, и что среди самыхъ тяжелыхъ заботъ и огорченій, его свѣтская и мстительно-самолюбивая природа осталась себѣ вѣрна. Въ свиданіи съ несомнѣннымъ иностранцемъ, хотя и заслуженнымъ офицеромъ русской службы, онъ подъ вліяніемъ свѣтскаго обмѣна съ нимъ изліяній о русскомъ народномъ горѣ, просьбъ и обѣщаній возмездія за это горе, не преминулъ придумать утонченно-свѣтское вознагражденіе ловкому полковнику за испытанное имъ огорченіе отъ передачи печальныхъ извѣстій о Москвѣ: Кутузову было приказано первое благопріятное донесеніе прислать къ нему чрезъ того же Мишо. По отношенію къ главнокомандующему, горе котораго отъ народнаго бѣдствія и самоотверженно несомой имъ отвѣтственности за это бѣдствіе передъ царемъ и отечествомъ, имѣло болѣе глубокіе корни, нежели чувствительно-свѣтскій обмѣнъ любезностей, Александръ не былъ

ни свѣтскимъ ни любезнымъ, оставаясь строгимъ судьей и взыскательнымъ повелителемъ.

Донесеніе Кутузова принято не милостиво.

На обстоятельное и осторожное донесеніе фельдмаршала, единственной слабой стороной котораго можно признать его упорство величать кровопролитное и доблестное Бородинское сраженіе *побѣдоноснымъ*, государь не обратилъ особенно милостиваго вниманія, не заботясь объ ослабленіи сухости своего рескрипта, посланнаго съ Волконскимъ. Между тѣмъ, донесеніе содержало ясное изложеніе всѣхъ причинъ, побудившихъ Кутузова не подвергать своего войска вѣроятному истребленію безъ основательной надежды спасти *первопрестольную*; а также исчисленіе средствъ и указаніе на бодрое и безкорыстное настроеніе всѣхъ сословій, которыя должны привести условія борьбы къ благопріятному перевѣсу въ нашу пользу, при неизбѣжно ухудшающемся положеніи французовъ отъ продолженія борьбы въ сердцѣ Россіи, въ то время когда наши войска проникали на Западъ и угрожали ихъ безопасности; указывая, главнымъ образомъ, что только сохраненіемъ войска могла поддержаться надежда благопріятнаго оборота войны, и что потеря Москвы, потеря возвратная, не есть потеря отечества и была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ потери Смоленска.

Все, что можно было сказать умному и предусмотрительному главнокомандующему среди переживаемыхъ отечествомъ горестныхъ испытаній, ясно и послѣдовательно имъ изложено, но конечно было бы достойнѣе воздержаться отъ жалобъ на распоряженія и дѣйствія начальниковъ другихъ армій, столь недавно ему подчиненныхъ, и не упоминать о потерѣ Смоленска Барклаемъ, послѣ услугъ его подъ Бородинымъ и въ Москвѣ. Это донесеніе не сгладило неблагопріятнаго впечатлѣнія отъ порывистаго донесенія Ростопчина, но послужило своимъ содержаніемъ источникомъ торжественнаго всенароднаго объявленія о потерѣ Москвы и о намѣреніяхъ и видахъ правительства для упорной борьбы съ нашествіемъ, во всей той части этого объявленія, которая касалась насущныхъ нуждъ отечества. Все же относящееся собственно до враждебной дѣятельности Наполеона, необходимости съ нимъ борьбы: примѣра Испаніи и проч. конечно не было почерпнуто изъ доне-

сенія Кутузова, не выступившаго въ своихъ разсужденіяхъ за предѣлы своихъ обязанностей. Личныя объясненія Мишо, на которыя ссылался въ своемъ донесеніи Кутузовъ, въ надеждѣ, что онѣ до нѣкоторой степени изгладятъ неблагопріятное впечатлѣніе его рѣшимости оставленія Москвы, оказались для этого недостаточными, послуживши исключительно поводомъ своеобразнаго вниманія къ *огорченію* Мишо. Если бы главнокомандующій обладалъ въ полной степени той искательностью, которую ему приписывали, и писалъ бы льстивыя письма Аракчееву (какъ въ данномъ случаѣ это сдѣлалъ Бенингсенъ съ обвиненіями Барклая и фельдмаршала), то нужно полагать, что онъ достигъ бы болѣе снисходительной оцѣнки государя.

Опасенія Александра за Петербургъ.

Несмотря на рѣшимость послѣдняго продолжать борьбу съ Наполеономъ, не щадя ничего, впечатлѣніе отъ гибели Москвы до того было удручающимъ, что Александръ счелъ необходимымъ не ограничиваться привлеченіемъ къ защитѣ Петербурга всѣхъ силъ, которыя могли только быть направленными къ этой цѣли, но рѣшился принимать заблаговременно всѣ мѣры для усиленія укрѣпленій Кронштата и для заготовленія огромнаго числа подводъ и барокъ для вывоза изъ столицы всего казеннаго достоянія, воспитанниковъ казенныхъ заведеній (что отчасти было исполнено) и вообще для очищенія ея.

Письма Бернадоту и Гарденбергу.

Кромѣ вышеупомянутаго объявленія, предназначеннаго для успокоенія и ободренія народа послѣ потери Москвы, Александръ написалъ съ этой же цѣлью письмо къ наслѣдному шведскому принцу и приказалъ Ливену написать письмо къ Гарденбергу, воспроизведеніе которыхъ можетъ болѣе наглядно послужить освѣщенію его взглядовъ и намѣреній, нежели его трогательныя изліянія передъ Мишо объ отпущеніи бороды по поясъ, удаленіи въ Сибирь, питаніи картофелемъ и проч.

Вотъ письмо къ Бернадоту: «Потеря Москвы тяжела, но она чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ. Она даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости въ борьбѣ противъ угнетателя царствъ. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Повторяю В. К. В.

торжественное увѣреніе, что нынѣ болѣе, нежели когда-либо, я и народъ, во главѣ котораго я нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттилою нашего времени» и проч.

Въ письмѣ къ Гарденбергу сказано: «Наступаетъ время для Пруссіи вооружиться противъ общаго врага и склонить къ тому же Австрію. Императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того, чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ. Для такой цѣли необходимо, чтобы генералъ Іоркъ былъ снабженъ на всякій случай надлежащими инструкціями».

Сопоставленіе высказаннаго передъ фрейлиной Стурдзой умиленія преданностью и самоотверженіемъ сословій въ столицахъ и губерніяхъ въ іюлѣ, и трогательное выраженіе скорби, вызываемой сообщеннымъ полковникомъ Мишо бѣдствіемъ, съ проявляющейся въ этихъ письмахъ рѣшимостью не ограничиваться тѣми жертвами и бѣдствіями восхваляемаго народа, которыя необходимы для его спасенія, но требовать новыхъ жертвъ для *возстановленія германскихъ государствъ*, въ то время когда широкая полоса Россіи отъ границы до Москвы лежала выжженная и обезлюденная, невольно вызываетъ нѣкоторую осмотрительность при оцѣнкѣ *красивыхъ* порывовъ Александра.

Императрица Елизавета. Но если приходится осторожно относиться къ прочности и послѣдовательности чувствъ послѣдняго, зато слѣдуетъ преклоняться передъ ясностью и прямотой чувствъ и мыслей, выражаемыхъ императрицей Елисаветой, какъ въ придворномъ кругу, такъ и въ ея перепискѣ, и отдать полную справедливость ея теплому участію къ бѣдствіямъ отечества и твердой вѣрѣ, что оно съ достоинствомъ вынесетъ тяжелое испытаніе; а также высоко цѣнить то нѣжное участіе и сочувствіе, которыми она поддерживала бодрость духа государя, который до этого испытанія столь долго и незаслуженно огорчалъ ее своимъ пренебреженіемъ. Во всемъ, что оставило слѣдъ въ письмахъ и воспоминаніяхъ, за исключеніемъ Стурдза-Эльдингскихъ, гдѣ отражается *очарованіе* Александромъ, имѣется несомнѣнное свидѣтельство, что честная и восторженная Елисавета пренебрегалась суетнымъ и вѣтренымъ Александромъ, нахо-

дившимъ удовлетвореніе своимъ слабостямъ и тщеславію въ средѣ, не требующей подъема къ избранной личности и нравственной чистоты.

Дальнѣйшее движеніе Кутузова.

Какъ сказано выше, отступающій Кутузовъ 4 сентября находился за Москвой-рѣкой, на Рязанской дорогѣ, у селеній Боровскаго Моста и Кулакова, и о томъ, что такое направленіе его войскъ не могло быть также упомянуто и указано самимъ главнокомандующимъ въ его донесеніи государю, отправленномъ съ полк. Мишо до прибытія войскъ въ означенныя селенія, не можетъ быть сомнѣнія. Въ донесеніи Кутузовъ сообщаетъ, что дѣлаетъ движеніе на Тульскую дорогу. Рѣшеніе перемѣнить направленіе, для принятія положенія, одновременно сближающаго его со средствами пополненія и продовольствія войскъ, и облегчающаго возможность тревожить сообщенія Наполеона, несомнѣнно было самое благоразумное и указывалось обстоятельствами дѣла. Увѣряютъ, что оно было вызвано мнѣніями Бенингсена и Толя, что очень вѣроятно, но нисколько не устраняетъ возможности возникновенія самостоятельно той же мысли у главнокомандующаго, на томъ основаніи, что неоспоримо правильныя заключенія изъ даннаго положенія чаще всего одновременно являются многимъ здравомыслящимъ людямъ. Несомнѣнно только то, что предварительное отступленіе по Рязанской дорогѣ привлекло вниманіе французовъ на это направленіе, по которому послѣ быстраго движенія Кутузова (5 числа) за рѣчкой Пахрой по направленію къ Подольску, въ которомъ его прикрывалъ корпусъ Раевскаго, и продолжали завлекать французовъ казачьи полки, принимаемые ими за тылъ отступающаго русскаго войска. Передвиженіе послѣдняго, не безпокоимаго наступающими французами, дозволило воспользоваться роздыхомъ подъ Подольскомъ и достигнуть 9-го числа Красной Пахры на старой Калужской дорогѣ, въ положеніи, облегчающемъ продовольствіе войска, ограждающемъ Тулу отрядомъ Раевскаго отъ внезапнаго нападенія французовъ и угрожающемъ, по близости къ Смоленской дорогѣ, сообщеніямъ послѣднихъ.

Удачному исполненію этого, не безъ основанія прославленнаго фланговаго движенія, послужили прежде всего

цѣлесообразныя распоряженія самого главнокомандующаго, увлекаемость и легковѣріе Мюрата, начальствующаго наступающими французами, но несомнѣнно также новыя затрудненія, причиняемыя всѣмъ сообщеніямъ французовъ образовавшимися летучими отрядами русскихъ войскъ и ополченцевъ, извѣстныхъ и прославившихся подъ названіемъ партизановъ.

Партизаны. Мысль и починъ дѣятельности этихъ летучихъ отрядовъ приписываются гусарскому офицеру-стихотворцу Давыдову, которому вѣроятно были внушены примѣромъ веденія подобнымъ способомъ войны въ Испаніи, гдѣ онъ причинялъ большія затрудненія и потери французскимъ войскамъ. Наши отряды составляли, такъ сказать, сборныя дружины изъ конницы, казаковъ, ополченцевъ и простыхъ крестьянъ-добровольцевъ, привлеченныхъ ненавистью къ нашествію, потерей очага и нерѣдко удалью и надеждой наживы на счетъ враговъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ болѣе крупные отряды въ составъ назначались пѣшія войска, но всѣ они находились подъ начальствомъ опытныхъ и довѣренныхъ офицеровъ, привлеченныхъ надеждой нанесенія безпрестанныхъ и неожиданныхъ затрудненій врагу, и привлекательностью самостоятельной, полной неожиданныхъ случайностей дѣятельности. Кромѣ Давыдова, въ числѣ такихъ партизановъ особенной смѣлостью и увлеченіемъ отличался Фигнеръ, и рядомъ съ этими получили извѣстность Дороховъ, Сеславинъ, зять фельдмаршала кн. Кудашевъ и другіе. Зная край, получая извѣстія отъ крестьянъ, и не стѣсняемые ничѣмъ въ своихъ передвиженіяхъ, они производили неожиданныя нападенія на французскіе обозы и небольшіе отряды, въ особенности на тѣ, которые дѣлали поиски для добыванія продовольствія для французовъ, и на отсталыхъ и мародеровъ. При исполненіи фланговаго движенія была испытана польза отряженія небольшихъ отрядовъ, какъ напримѣръ Ефремова по Рязанской дорогѣ, увлекшаго до Бронницъ Мюрата, принимавшаго этотъ отрядъ за часть главныхъ русскихъ силъ. Небольшой отрядъ находился также на Серпуховской (т.-е. Тульской) дорогѣ; но главные поиски были направлены къ Можайску и были произведены ген. Дороховымъ, успѣвшимъ захватить много

плѣнныхъ и зарядныхъ ящиковъ и произвести большую тревогу среди французовъ своими набѣгами на Смоленской дорогѣ. Въ этомъ же направленіи находился отрядъ Давыдова, первый изъ образовавшихся партизанскихъ, дѣйствующій между Гжатскомъ и Вязьмой, и не покидавшій эту мѣстность со времени Бородинскаго сраженія. Къ сѣверу отъ Москвы, отъ Рузы, Волоколамска и Клина, находился отрядъ Винценгероде, и такимъ образомъ находящіеся въ Москвѣ и ея окрестностяхъ французы были объяты почти сплошнымъ кольцомъ летучихъ отрядовъ, заслоняющихъ наши главныя силы и передвиженія, и служащихъ вмѣстѣ съ этимъ дѣятельными развѣдчиками движеній французовъ и постоянными нарушителями ихъ безопасности. Кромѣ этихъ услугъ, партизанскіе отряды много способствовали усиленію и возбужденію народной войны, находящей въ этихъ отрядахъ опору, поощреніе и нѣкоторымъ образомъ школу, такъ какъ многіе крестьяне принимали участіе въ ихъ дѣйствіяхъ и служили какъ бы звеномъ между партизанами и безчисленными самозванными воинами, образовавшимися изъ разоренныхъ и озлобленныхъ крестьянъ наиболѣе пострадавшей отъ нашествія мѣстности. Это воинственное движеніе, въ которомъ несомнѣнно проявилось гордое народное самосознаніе, предпочитавшее борьбу и грозную опасность позорному признанію чужеземнаго владычества, невольно вызываетъ удивленіе и свидѣтельствуетъ о бодрости народнаго чувства, способнаго вызвать истинно-народную войну. Но отдавая ему дань удивленія, нельзя не оговорить особенностей подобныхъ народныхъ движеній, среди которыхъ разнуздываются страсти и дичаютъ люди. Не только крестьянская, въ тѣсномъ смыслѣ народная война, но и вся ея совокупность въ партизанскихъ отрядахъ, въ щайкахъ отдѣльныхъ селеній или одиночныхъ поискахъ на французовъ—приняла разбойничій обликъ и безчеловѣчную свирѣпость. Смѣшеніе тѣхъ, которые имѣли, главнымъ образомъ, въ виду услуги русскимъ войскамъ и затрудненія французамъ, и тѣхъ, которые охраняли свои семьи и очаги, съ людьми, искавшими въ разнузданности народной войны прикрытія для своихъ грабежей и звѣрскихъ наклонностей, было неизбѣжно, но нисколько не оправдываетъ послѣд-

нихъ; а восхваленіе жестокаго истребленія, не съ оружіемъ въ рукахъ, но измѣнническими и жестокими способами, громаднаго числа большей частью безоружныхъ противниковъ, слишкомъ часто встрѣчаемое у нѣкоторыхъ нашихъ историковъ этого времени, невольно возмущаетъ человѣческое чувство.

Французы обличаютъ движеніе на Калугу.

Удачное отвлеченіе вниманія Мюрата отъ движенія Кутузова на Калужскую дорогу не могло надолго ввести въ обманъ Наполеона и его штабъ, тѣмъ болѣе, что естественное опасеніе за свои сообщенія по Смоленской дорогѣ невольно привлекло ихъ вниманіе на это направленіе. Было поручено маршалу Бессіеру, съ значительнымъ своднымъ отрядомъ, сдѣлать развѣдки къ югу отъ Москвы по Калужской дорогѣ, въ то время, когда Мюратъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, спѣшилъ перейти съ Рязанской на Серпуховскую дорогу. Это первое появленіе наступленія французовъ по новому направленію, избранному Кутузовымъ, произошло только 13 сен., когда Бессіеръ занялъ Десну, а Мюратъ вмѣстѣ съ Понятовскимъ началъ приближаться отъ Подольска. Обезпокоенный появленіемъ русскихъ въ близкомъ разстояніи отъ его сообщеній, Наполеонъ поручилъ охрану ихъ значительному отряду подъ начальствомъ ген. Орнано. Мюрату было предписано напирать на Кутузова, Бессіеру его поддерживать, чтобы побудить русскихъ этимъ наступленіемъ, способнымъ быть принятымъ за наступленіе всѣхъ французскихъ силъ, удалиться отъ пути французскихъ сообщеній. Эта цѣль была только отчасти достигнута рѣшимостью фельдмаршала къ отступленію, несмотря на предложенія Барклая выжидать нападенія у Красной Пахры, а Бенингсена идти навстрѣчу наступающимъ; эти предположенія, устраненныя крайней осторожностью Кутузова и желаніемъ его воспользоваться всѣми прибывающими къ войскамъ средствами съ удаленіемъ отъ Красной Пахры, не ослабила вліянія русскаго войска, чрезъ посредство партизановъ, на затрудненіе сообщенія французовъ по Смоленской дорогѣ. Главнокомандующій былъ убѣжденъ, что устраненіе поспѣшности въ столкновеніи съ Наполеономъ усиливало наше войско всѣми прибывающими къ нему подкрѣпленіями и запасами, и вмѣстѣ съ этимъ способствовало потерѣ благопріятнаго времени и случая французами, раз-

сѣянныя части которыхъ истреблялись народной войной, а сосредоточенныя въ Москвѣ и окрестностяхъ страдали отъ разныхъ лишеній и неустройствъ, отражающихся главнымъ образомъ въ невозможности содержанія лошадей, что неизбѣжно приводило конницу, артиллерію и обозы въ совершенное разстройство. Примѣненіе этого образа дѣйствій Кутузовъ называлъ *усыпленіемъ французовъ*, и если нельзя отрицать въ немъ участія нѣсколько преувеличенной старческой осторожности, устраняющей блескъ смѣлыхъ предпріятій, то въ искупленіе этого неудобства является сбереженіе силъ и жертвъ войны и устраненіе роковыхъ опасностей, при пособіи которыхъ цѣль борьбы была достигнута путемъ болѣе вѣрнымъ.

Тарутинскій лагерь.

15 сент. наши войска отступили отъ Пахры на предварительно избранное расположеніе у села Тарутина, за рѣку Нару, служившую до извѣстной степени прикрытіемъ расположенію раскинутаго по склону къ ней лагеря, за которымъ шли лѣса и находилась Калужская дорога, служившая надежнымъ путемъ сношеній и снабженій лагеря, получающаго чрезъ его посредство всѣ средства, которыя послужили къ возрожденію изнуреннаго войска. Передвиженіе въ Тарутино не могло помѣшать стремленію наступающихъ французовъ пытаться перерѣзать путь отступленія Кутузова, благополучно осуществленнаго, несмотря на эти попытки, разными частями 22—24 сентября. На пути слѣдованія русскихъ войскъ, въ селѣ Вороновѣ, значительномъ имѣніи гр. Ростопчина, съ роскошной барской усадьбой, хозяиномъ были выряжены крестьяне (1700 душъ) для бѣгства въ отдаленныя его Симбирскія вотчины, а роскошная усадьба, со всѣми въ ней находящимися драгоцѣнностями, была предана огню по распоряженію Ростопчина, прибившаго на стѣнѣ церкви велерѣчивое французское объявленіе къ ожидаемому приходу враговъ, чтобы выразить имъ ненависть и презрѣніе, побудившія его уничтожить дорогой семейный очагъ, чтобы онъ не осквернился ихъ присутствіемъ.

Выходка Ростопчина въ Воронов.

Многимъ русскимъ пришлось приносить подобныя жертвы въ эту лихую годину, лишаясь при этомъ имущества, трудомъ нажитаго, а не полученнаго отъ причудливой, несообразной съ заслугами щедрости Павла Петровича, но ни одному не представилось необходимымъ сопровождать ее такой вычурной выходкой.

Тарутинскій лагерь, по своему положенію въ близости лѣсовъ, способствующихъ внезапному нападенію, не представлялъ безусловно безопасной стоянки, и потребовалъ устройства засѣкъ въ лѣсахъ и бдительной охраны нашего передоваго отряда Милорадовича противъ расположившихся въ 7 верстахъ отъ Тарутина французовъ, въ числѣ 25.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Мюрата. Несмотря на нѣкоторыя свои неудобства, почти 3-недѣльная стоянка русскихъ войскъ въ Тарутинскомъ лагерѣ, въ который они вступили въ числѣ около 80.000 чел. со включеніемъ казаковъ, рекрутовъ и ополченцевъ, представляетъ самое благополучное время всей Отечественной войны, въ которое благопріятный исходъ ея обозначился и упрочился, вслѣдствіе успѣшнаго развитія предположеній и распоряженій осторожнаго и мудраго главнокомандующаго, и плодовъ, которые начали приносить пожертвованія сословій и разгоравшаяся народная война.

Участіе Кутузова въ благопріятномъ оборотѣ.

Нѣкоторые несомнѣнные недостатки Кутузова,—осунувшагося, не щеголяющаго собственнымъ геройствомъ, не поощряющаго кровопролитвенныхъ затѣй, одной громкой *славы ради*, не надрывающагося надъ занятіями, но зорко устраняющаго чужое вліяніе, когда оно ему представлялось опаснымъ для его собственнаго обаянія—всѣ эти недостатки не могли не умалять уваженія нѣкоторыхъ строгихъ судей, и отчасти оправдывали брезгливое недоброжелательство государя. Несмотря на это, менѣе близорукая оцѣнка этого безусловно мудраго полководца не можетъ ему отказать въ дани удивленія и признательности, потому что его недостатки вызывали лишь второстепенныя неудачи и уязвляли соперниковъ или нетерпѣливыхъ честолюбцевъ (Барклая, Бенингсена, Ермолова и Евгенія Виртембергскаго), а качества направили выборъ и обезпечили успѣхъ мѣръ, которымъ отечество обязано неожиданно-благополучнымъ исходомъ борьбы.

Не даромъ онъ утверждалъ, что Наполеонъ можетъ его разбить, но не обмануть, а послѣдній въ 1814 году сказалъ плѣненному въ Шампоберѣ ген. Полтарацкому, по случаю удачнаго фланговаго движенія на Калужскую дорогу, что это движеніе «du fin merle» (тонкой птицы) Кутузова привело его въ крайнее затрудненіе. Но не только тонкость и проницательность, но и увѣренность и стойкость, съ которой онъ отстаивалъ свои рѣшенія, невозмутимость, съ которой онъ выносилъ неодобренія государя, не скрывая передъ нимъ своей увѣренности въ правотѣ своихъ предначертаній, придаютъ ему такой прочный обликъ свѣтлаго, стойкаго и послѣдовательнаго ума, отстаивающаго самый надежный образъ дѣйствій для избавленія отечества отъ постигшихъ его бѣдствій, что нужно большое ослѣпленіе или предубѣжденіе, чтобы не преклониться передъ мудростью Кутузова.

При назначеніи своемъ главнокомандующимъ, онъ засталъ государя, войско и общественное мнѣніе одинаково возбужденными и удрученными чувствомъ униженія отъ успѣховъ нашествія и огорченія отъ размѣровъ бѣдствій, причиняемыхъ этими успѣхами. Не взвѣшивая условій успѣха и размѣровъ предназначенныхъ для его обезпеченія средствъ — всѣ требовали возмездія наглому нашествію. Предшественникъ его старался удовлетворить эти требованія, неоднократно обѣщалъ государю приступить къ ихъ исполненію, но *не вольно* отступалъ передъ подавляющимъ превосходствомъ Наполеона. Когда Кутузовъ прибылъ въ Царево-Займище, онъ не видѣлъ возможности противостоять требованію рѣшительнаго сраженія, хотя сознавалъ, что условія успѣха не дозрѣли и что борьба должна еще продолжаться, чтобы дождаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Увѣренный въ доблести и самоотверженіи войска и въ прекрасномъ его руководствѣ въ сраженіи Барклаемъ, Багратіономъ и доблестными корпусными начальниками, онъ рѣшился сразиться въ Бородинѣ, но въ то же время давалъ распоряженія о направленіи запасовъ и заготовленій на Калужскую дорогу!

Рѣшившись сразиться при Бородинѣ съ соперникомъ и съ войсками, которыхъ превосходство боевое и численное онъ несомнѣнно признавалъ, онъ предвидѣлъ, что рѣшается

на поединокъ за честь народную, которую войско несомнѣнно отстоитъ, но въ которомъ предводителю нужно только ободрятъ его, не сбивая сложными передвиженіями и не задаваясь праздной затѣей вознаградить численный недостатокъ опасными усложненіями и заявлять притязаніе этой затѣей на возможность превзойти Наполеона. Необходимыя распоряженія явились во время при защитѣ Шевардина, при подкрѣпленіи Багратіона, Тучкова и Раевскаго, и наконецъ для налета на тылъ вице-короля; все остальное справедливо ожидалось само собой отъ доблести войска и неустрашимыхъ сподвижниковъ. Лично онъ довольно долго пребывалъ для ободренія въ опасномъ мѣстѣ, въ Горкахъ, но особеннаго вліянія на ходъ сраженія-поединка не имѣлъ. Всѣ сподвижники его это знали и потому не для того, чтобы кичиться передъ ними одержанной побѣдой, онъ рѣзко оборвалъ намекающее на пораженіе донесеніе Барклая, передаваемое ему Вольцогеномъ передъ всѣмъ штабомъ, но потому что нужно было тщательно оберегать общественное мнѣніе отъ подобнаго убѣжденія, и можетъ быть удовлетворить досаду наболѣвшаго русскаго сердца передъ кичливыми нѣмцами, заполонившими станъ защитниковъ Родины.

Нельзя согласиться съ его порицателями, что отрицаніе до вечера 1 сент. возможности оставленія Москвы происходило отъ скрытности и недостатка смѣлости передъ общественнымъ мнѣніемъ и негодованіемъ государя; вѣроятнѣе, если только въ немъ не затаилось надежды на какую-нибудь ошибку Наполеона, которая бы вызвала вѣроятіе успѣшной защиты Москвы, что впрочемъ трудно предполагать при его прозорливости, то имъ руководила забота оградить свое рѣшеніе отъ тѣхъ препятствій, которыя неизбѣжно бы возникли при преждевременномъ оглашеніи. Послѣднее могло обратить затруднительное отступленіе и возстановленіе стройности войска, тяжело испытаннаго страшнымъ Бородинскимъ побоищемъ, въ полную невозможность, вслѣдствіе того упадка духа, которое вызвало бы это оглашеніе. Не менѣе важная причина побудила его не доносить преждевременно о томъ государю, который несомнѣнно опредѣленнымъ и строгимъ требованіемъ сраженія у стѣнъ Москвы положилъ бы непреодолимую преграду его

отступленію на Рязанскую дорогу. Непрестанное требованіе Александромъ сраженія послѣ Смоленска указывало на неизбѣжность такого положительнаго требованія, и нужно было обладать яснымъ и твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости отступленія, чтобы принять *всю* отвѣтственность его на себя, несмотря на несомнѣнное ожиданіе гнѣва государя, недоброжелательство котораго ему было хорошо извѣстно. Въ этомъ случаѣ обычная мягкость Кутузова исчезала передъ увѣренностью свѣтлаго разума, не позволявшей ему принижать себя ни передъ кѣмъ: это былъ тотъ же человѣкъ, который осудилъ рѣшеніе нападенія при Аустерлицѣ, твердо стоялъ за свое *скромное поведеніе* въ Турціи, и приготовлялся неуклонно вести продолженіе обороны противъ нашествія, сберегая и возстановляя боевыя силы, ограждая успѣхъ этой необходимой дѣятельности *усыпленіемъ* врага всѣми средствами, которыя могли увеличить его самообольщеніе, и этимъ выгадать время, чтобы дозрѣла его цѣль — постепеннаго разложенія *великой арміи* и возстановленія русской.

Кутузовъ не могъ не предвидѣть, что самовольное оставленіе Москвы и *усыпленіе* въ ней Наполеона достигается мѣрами, которыя будутъ неблагосклонно приняты Александромъ, и рѣшимость принять всецѣло на себя отвѣтственность за направленіе продолженія борьбы въ неугодномъ государю видѣ требовала непоколебимо яснаго сознанія въ правотѣ своей рѣшимости и неустрашимости гражданскаго мужества. Никто не былъ въ состояніи, кромѣ Кутузова, оказать эту услугу отечеству, а услуга эта имѣла такое рѣшительное вліяніе на окончаніе борьбы, что рядомъ съ ней неумѣстны укоризны за несомнѣнную вялость главнокомандующаго, за его, по дряхлости, неспособность на смѣлыя и блестящія предпріятія, и непоощреніе ихъ въ заносчивомъ Бенингсенѣ и театрально рисующихся Милорадовичѣ и Евгеніи Виртембергскомъ,— всѣ эти недочеты тщательно указаны Ермоловымъ въ его запискахъ и обрызганы пѣной, изрыгаемой Ростопчинымъ; однако, это только доказываетъ, что эти прославленные умники въ этомъ случаѣ не достигли высоты соображеній, руководившихъ Кутузовымъ, въ которомъ русское сердце было чутко и отзывчиво, и въ рѣ-

шеніи огромнаго историческаго явленія руководила любовь къ Родинѣ.

Разложеніе французской и оправленіе русской арміи.

Дѣйствуя уклончиво и раздражая всѣхъ нетерпѣливыхъ поборниковъ *возмездія* пришельцамъ, главнокомандующій одновременно способствовалъ потерѣ времени французами въ Москвѣ и созрѣванію всѣхъ плодовъ народной войны, разрушительное дѣйствіе которой начало особенно опредѣленно отражаться на разложеніи французскаго войска во время нашего пребыванія въ Тарутинскомъ лагерѣ. Во это время единодушная готовность пожертвованій сословій, доставившая къ короткій срокъ деньгами и потребностями для войска около ста милліоновъ рублей и поставившая 200.000 ополченцевъ и рекрутъ, начала приносить плоды и дала постепенно перевѣсъ русскимъ защитникамъ надъ нашествіемъ, сначала тѣмъ довольствомъ, которое явилось въ русскомъ станѣ, въ то время когда лишенія непрерывно возрастали во французскомъ лагерѣ и обезлюдивали его, а вслѣдъ за этимъ и численнымъ превосходствомъ, которое мало-по-малу явилось отъ непрестанно прибывающихъ подкрѣпленій въ самыя войска, облегчаемыя отъ части необходимой собственной охраны ополченскими дружинами, постепенно стянутыми къ границамъ Московской губерніи, вокругъ которой онѣ какъ бы образовали кольцо.

Увлеченіе и усердіе, проявившіяся въ іюлѣ во время пребыванія государя въ Москвѣ, если отчасти и грѣшили обѣщаніями, которыя *не были посильны* и потому не вполнѣ осуществлялись, были несомнѣнно вызваны и поддержаны искреннимъ чувствомъ и много способствовали самоотверженному пожертвованію всего того, чѣмъ *могли* располагать сословія. Послѣдствіемъ этого усердія была быстрота и исправность снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ, съ которымъ конечно не могло бы управиться военное министерство съ своими недобросовѣстными комиссаріатскими чиновниками. Не только зерно, мука, сукно, но и овчины, кожи, вино и все, что можно было достать у помѣщиковъ, крестьянъ и горожанъ, никогда не собиралось съ такой быстротой и исправностью. Псковская

губернія для Витгенштейна, Калужская, Тульская и находящіяся за ними губерніи проявили въ это время усердіе и дѣятельность, которыми было возстановлено истощенное и обезсиленное войско.

Волненіе въ занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ.

Но это была одна только сторона народнаго усердія, приносящаго, отчасти по необходимости, но чаще всего изъ усердія, плоды своего труда. Но этимъ не ограничилось участіе народа въ борьбѣ. Въ Смоленской, Московской, Псковской и части Калужской губерніи не только крестьяне, вызванные на это разореніемъ своихъ очаговъ, но и крестьяне близъ лежащихъ мѣстностей поощрялись примѣромъ сосѣдей, ожиданіемъ или появленіемъ мародеровъ, и во многихъ случаяхъ вызовомъ и приказаніемъ мѣстныхъ помѣщиковъ, которые собирали вооруженныхъ крестьянъ, большей частью для истребленія мародеровъ и отсталыхъ французовъ, но и для того также, чтобы обезпечить порядокъ въ покидаемомъ правительственными лицами краѣ, и главнымъ образомъ, чтобы удерживать крестьянъ въ повиновеніи помѣщичьей власти. Такихъ добровольныхъ воиновъ-правителей появилось болѣе всего въ Смоленской и Псковской губерніяхъ, дѣятельность которыхъ не мало принесла заботъ и потерь французамъ, выместившимъ свои невзгоды на двухъ попавшихъ имъ въ плѣнъ смоленскихъ помѣщикахъ, Энгельгардтѣ и Шубинѣ, которыхъ они разстрѣляли. Псковскіе помѣщики, предводители крестьянскихъ шаекъ, кромѣ поисковъ на воюющихъ или бродящихъ въ Витебской губерніи французовъ, нерѣдко занимались усмиреніемъ крестьянъ, которыхъ присутствіе французовъ приводило въ броженіе. Въ Московской губ. крестьяне вооружались сами безъ понужденія помѣщиковъ, вызываемые къ тому продолжительнымъ пребываніемъ въ ней французовъ и производимыми ими грабежами и безчинствами. Въ Калужской губ. сѣверо-восточная оконечность была вызвана къ народной войнѣ приближеніемъ французовъ къ Тарутинскому лагерю, но нѣкоторыя части ея, увлеченныя примѣромъ и общимъ настроеніемъ, втянулись въ борьбу и начали дѣлать поиски въ Смоленскую губ., не имѣющіе оправданія защиты очага, но указывающіе на признаки расшатанности гражданскаго мирнаго строя, послѣдовавшей отъ озло-

бленія бѣдствіями войны, вызвавшаго разнузданность проявленій звѣрства. Конечно отпоръ вооруженною рукой обидчикамъ пришельцамъ былъ несомнѣннымъ правомъ поселянъ, и вредъ, причиняемый французамъ истребленіемъ командъ, собирающихъ для своего продовольствія послѣднія крохи обездоленнаго населенія, не требуетъ оправданія; но жестокое истребленіе и надругательства надъ безоружными и сдающимися врагами, по тому самому уже неврагами, были несомнѣнно признаками озвѣрѣнія народонаселенія, вполнѣ подтверждающагося тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ такой же расправы съ трудомъ и не всегда могли избавиться русскіе офицеры, и однажды сдѣлались ихъ жертвой 40 тептярскихъ казаковъ, плохо выговаривающихъ по-русски и потому принятыхъ за враговъ. Нужно полагать, что не только французскіе мародеры, но и помѣщики-предводители крестьянскихъ шаекъ способствовали поддержанію кровавыхъ буйствъ, не только тѣмъ, что водили ихъ на поиски на французовъ, но и своими усмиреніями строптивыхъ, которыя въ такое смутное время не могли производиться съ надлежащей осмотрительностью, и пріучали къ жестокостямъ и насиліямъ. Осужденіемъ крайностей народной войны конечно не оспаривается ни законность самозащиты населенія, ни отрицается главная виновность французовъ, вызвавшихъ ее своими безчинствами. Оговорка о ея мрачныхъ сторонахъ дѣлается съ исключительной цѣлью устранить смѣшеніе права самозащиты съ тѣми проявленіями разнузданности, которымъ предаются злобныя личности, сдерживаемыя разными побужденіями въ мирное время, пользующіяся въ смутное время безнаказанностью, чтобы предаваться тѣмъ неистовствамъ, къ которымъ склоненъ дикій звѣрь, гнѣздящійся если не во всѣхъ, то во многихъ людяхъ. Если бы при оцѣнкѣ заслугъ народной войны не включали часто и означенныхъ явленій, эта оговорка не имѣла бы оправданія.

Кутузовъ конечно не оправдывалъ всѣхъ крайностей народной войны, не щадя въ своихъ отзывахъ даже предводителей партизанскихъ отрядовъ, въ томъ числѣ и зятя своего кн. Кудашева, обзывая его дѣйствія разбойничьими,

но сознавалъ весь вредъ и всю опасность этихъ дѣйствій для французовъ, истребляемыхъ ими въ большомъ количествѣ, въ то время когда онъ пополнялъ свои войска, и потому былъ подкрѣпляемъ этой дѣятельностью въ убѣжденіи, что вызовъ болѣе рѣшительными дѣйствіями скорѣйшей развязки борьбы не желателенъ и не выгоденъ для насъ. Всякій лишній день пребыванія Наполеона въ Москвѣ приближалъ его выступленіе къ холодному времени года, и стоилъ ему потери около 500 человѣкъ, погибающихъ во время поисковъ за продовольствіемъ и при разъѣздахъ. Въ то время какъ всѣ жизненныя потребности нашихъ войскъ обильно удовлетворялись, край, въ которомъ французы должны были пополнять недостатокъ запасовъ, кое-гдѣ обнаруженныхъ въ подвалахъ подъ обгорѣлыми домами, гдѣ они находили чаще предметы роскоши, нежели необходимое для своего пропитанія; этотъ подвергаемый поборамъ край оскудѣвалъ, и вызывалъ необходимость болѣе отдаленныхъ поисковъ, сопряженныхъ съ бо́льшей потерей людей и вознаграждаемыхъ все болѣе скудной добычей. Все это было ясно Кутузову, и потому онъ не только остерегался сократить своимъ вызывающимъ поведеніемъ благопріятныя условія проволочки пребыванія французовъ въ Москвѣ, но всѣми возможными способами (ложными разглашеніями, умышленно попадающими въ руки французовъ неблагопріятными свѣдѣніями о положеніи нашего войска и проч.) старался вселить въ нихъ увѣренность, что наше безнадежное состояніе должно привести насъ къ необходимости принять починъ мирныхъ предложеній.

Наполеонъ медлитъ и хозяйничаетъ въ Москвѣ.

Въ ожиданіи ихъ Наполеонъ старался водворить управленіе и нѣкоторый порядокъ въ Москвѣ, и пополнить составъ частей прибывающими выздоравливающими и пересылаемыми отъ маршала Виктора (вступившаго въ Россію и занявшаго часть Литвы) подкрѣпленіями, что отчасти возстановило его пѣхоту, но не могло пополнить недостатокъ лошадей и еще большій недостатокъ для нихъ корма. Войско его при такихъ условіяхъ было почти совершенно лишено конницы, остатокъ которой довольствовался сбитыми и изнуренными лошадьми, почти негодными для развѣдочной службы. Лучшія лошади, въ

томъ числѣ и захваченныя у мѣстныхъ крестьянъ, называемыя *конья* (des cogniats) французами, были забраны подъ орудія и зарядные ящики, которые были пополнены благодаря запасамъ и орудіямъ, не вывезеннымъ Ростопчинымъ. Найденные въ городѣ товары дали возможность возстановить исправность одежды и обуви войска, которое Наполеонъ всѣми средствами, частыми смотрами, строгими наказаніями стремился привести въ прежній стройный порядокъ, совершенно расшатанный мародерствомъ, бродяжничествомъ и въ особенности грабежами въ обгорѣлой Москвѣ. Привычка къ добычѣ и надежда на обогащеніе этимъ путемъ, при легкости укрывательства среди огромнаго обгорѣлаго города, настолько подорвали дисциплину во французскомъ войскѣ, что Наполеону не удалось вполнѣ ее возстановить, вслѣдствіе чего при выступленіи изъ Москвы войско походило на переселяющійся со всѣмъ своимъ имуществомъ таборъ, и трудно было узнать въ немъ ту блестящую *великую армію*, которая перешла Нѣманъ 3½ мѣсяца тому назадъ. Не только внѣшній видъ и порядокъ, но и подчиненность до того ослабѣла, что оскорбленіе офицеровъ нижними чинами и самое неприличное поведеніе послѣднихъ передъ окнами своего императора сдѣлались обычными явленіями. Но главнаго своего качества это войско, въ особенности пѣхота, значительно оправившаяся въ Москвѣ, не успѣло совершенно утратить, состоя въ большинствѣ изъ старыхъ, испытанныхъ солдатъ, и боевыя его достоинства, выносливость, подвижность и увлекаемость дѣлали его еще опаснымъ противникомъ.

Кромѣ возстановленія порядка и обнаруженія настоящаго положенія противника, обычныхъ заботъ управленія и проч., у Наполеона по прошествіи нѣкотораго времени безъ всякаго проявленія склонности со стороны Александра выступать съ мирными предложеніями, должно было проявиться безпокойство отъ непрочности положенія, въ которомъ онъ находился среди пустыннаго, обгорѣлаго города, въ разобщеніи со своими средствами, среди страны, непримиримо-ненавистно относящейся къ его войску, постоянно подвергающемуся неожиданнымъ нападеніямъ, а въ неблагопріятныхъ условіяхъ и без-

пощадному истребленію — и вслѣдствіе этого положенія, утративши надежду на *повинную*, которой онъ ожидалъ съ русской стороны, ему пришлось прійскивать способа взойти въ сношенія съ Александромъ, не обнаруживая своего безпокойства и нетерпѣнія завязать мирные переговоры.

Александръ тяготится военнымъ затишьемъ.

Государь, твердо рѣшившійся не допускать тѣни уступчивости передъ нашествіемъ, послѣдовавшимъ послѣ унизительныхъ требованій подчиненности своихъ государственныхъ видовъ честолюбивымъ замысламъ Наполеона, не только не былъ склоненъ итти навстрѣчу примирительнымъ попыткамъ Наполеона, но проявлялъ даже нѣкоторую поспѣшность способствовать своими настояніями быстрому и рѣшительному обороту войны, отъ котораго, какъ было выражено въ привезенныхъ флигель-адъютантомъ, полковникомъ Чернышевымъ главнокомандующему въ Красную Пахру 15 сент. указаніяхъ государя отъ 30 августа, ожидалось имъ совершенное истребленіе полчищъ Наполеона, дабы «безъ пораженія въ конецъ и совершеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могли» по подлинному предписанію Александра. Согласно привезеннымъ Чернышевымъ указаніямъ, такой исходъ похода долженъ былъ постигнуть французовъ, окруженныхъ при ихъ отступленіи направленными имъ въ тылъ войсками, въ то время когда Кутузовъ долженъ былъ ихъ тѣснить изъ сердца Россіи къ западной границѣ. Въ начертанныхъ, по указанію государя, сложныхъ приказаніяхъ Кутузову, Чичагову, Витгенштейну и Штейнгелю, предполагалось поручить Штейнгелю войсками, находящимися на сѣверѣ, оттѣснить Макдональда и отвлечь Сенъ-Сира, чтобы предоставить Витгенштейну возможность обратить свои силы въ тылъ отступающему Наполеону; въ то время какъ Чичаговъ, въ соединеніи съ Эртелемъ, освобождался при помощи подчиняемыхъ ему войскъ Тормасова отъ Шварценберга и Ренье, и получалъ возможность, такимъ же образомъ, какъ Витгенштейнъ съ сѣвера, наступать съ юга въ тылъ Наполеона, который, при благополучномъ и своевременномъ исполненіи указанныхъ передвиженій всѣми войсками,

разбросанными на далекомъ разстояніи, обрекался по предположенію Александра истребленію съ великой арміей.

Планъ-мышеловка Александра.

Чернышевымъ, прибывшимъ въ лагерь Кутузова съ большимъ опозданіемъ и затрудненіями, вслѣдствіе занятія Москвы и ея окрестностей французами, были не только привезены подробныя письменныя предписанія для всѣхъ отрядныхъ начальниковъ, которые должны были исполнять сложное движеніе всѣхъ войскъ для окруженія отступающаго Наполеона; онъ имѣлъ сверхъ этого полномочіе государя представить главнокомандующему словесныя объясненія, необходимыя для исполненія совокупнаго движенія всѣхъ русскихъ силъ къ сборному мѣсту, на которомъ предполагалось «совершенное истребленіе» непріятельскаго войска. Императоръ видимо придавалъ большое значеніе единовременному и совокупному дѣйствію всѣхъ далеко разсѣянныхъ войскъ, и какъ бы предвкушалъ плоды черезчуръ сложнаго и громаднаго предпріятія, которымъ Наполеонъ долженъ былъ обратиться въ прахъ. Замысловатость согласованія движеній на огромномъ пространствѣ обращала *сложное движеніе* передъ огнемъ непріятеля, измышленное Вейротеромъ предъ Аустерлицемъ, и неодобренное Кутузовымъ, въ неизмѣримо *сложнѣйшее* движеніе, которое главнокомандующій не рѣшился изъ осторожности открыто осудить, предпочитая подвергнуть его обсужденію, въ присутствіи Чернышева, на совѣщаніи съ Бенингсеномъ и Коновницынымъ. Ни для кого изъ присутствующихъ не подлежало сомнѣнію, что такой блистательный успѣхъ надъ Наполеономъ представлялъ столь же желательную, сколь и гадательную случайность, которую нужно было поставить *цѣлью* похода, и потому главнокомандующимъ было дано разрѣшеніе Чернышеву продолжать свое путешествіе къ начальникамъ остальныхъ войскъ, съ предписаніями, присланными государемъ для совокупнаго движенія, въ которомъ Кутузовымъ были только на 5 дней измѣнены указанные сроки выступленій, согласно съ опозданіемъ прибытія самого Чернышева въ его лагерь на этотъ срокъ.

Опытный предводитель русскихъ войскъ, какъ видно изъ его донесеній государю во время перехода на Калужскую дорогу, сознавалъ и цѣнилъ всю выгоду новаго по-

ложенія своего войска, угрожающаго сообщеніямъ Наполеона, и опирающагося на обильныя и обезпеченныя средства возстановленія собственныхъ силъ, въ то время, когда всѣ дѣйствія разсѣянныхъ имъ отрядовъ, разростающаяся народная война и плотное окруженіе ополченіемъ наполеоновскихъ войскъ въ Московской губерніи обрекало ихъ на нищету и вымираніе. Но тотъ же воинскій опытъ внушалъ ему недовѣріе къ успѣху заранѣе придуманныхъ сложныхъ соображеній, могущихъ сокрушиться на непредвидѣнныхъ препятствіяхъ, какъ это почти всегда случается, ибо не слѣдуетъ забывать, что выборъ точнаго времени для соединенія разбросанныхъ армій только тогда вполнѣ свободенъ, когда и природа и стоящіе противъ нихъ противники находятся у нихъ въ *подчиненіи*. Такія условія и надежды въ особенности мало вѣроятны съ такимъ геніальнымъ противникомъ, какъ Наполеонъ, котораго, несмотря на увѣренность въ своей прозорливости, онъ не надѣялся обойти какъ звѣря въ тенетахъ, довольствуясь собственнымъ огражденіемъ отъ его хитростей, и зная, что такой полководецъ, какъ его противникъ, не теряетъ своихъ способностей въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, оставаясь скорѣе на пути опаснымъ препятствіемъ, нежели обреченной жертвой. Дѣйствія Наполеона при Березинѣ вполнѣ подтвердили этотъ взглядъ.

Въ очень осторожныхъ оборотахъ Кутузовъ выразилъ государю свой взглядъ на возможность неудачи очень желательныхъ его предначертаній, въ то время, когда было рѣшено приведеніе ихъ въ исполненіе. Онъ писалъ по этому случаю: «Сказать должно, что отдаленныя диверсіи отъ главнаго дѣйствія войны не могутъ имѣть надъ нею такого вліянія какъ ближнія; для того если бы случились препятствія въ подробномъ исполненіи плана, даннаго адмиралу Чичагову, то въ такомъ случаѣ все однако же не долженъ онъ терять изъ вида перейдти на непріятельскую операціонную линію, или соображаясь съ арміей графа Витгенштейна, или сколь можно скорѣе приблизиться къ окрестностямъ Могилева; симъ заботливѣе сдѣлается положеніе главныхъ непріятельскихъ силъ и тѣмъ скорѣе вынужденнымъ онъ будетъ оставить сердце Россіи и проч.». Старый, испытанный и заслуженный полково-

децъ считалъ желательнымъ успѣхомъ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ оно было поставлено въ Московской губ., отдаленіе нашествія французовъ изъ сердца Россіи. Онъ желалъ, чтобы благоразумныя и согласныя съ Витгенштейномъ распоряженія Чичагова этому способствовали. Александръ надѣялся достигнуть болѣе рѣшительной и блестящей развязки борьбы, благодаря своимъ соображеніямъ и увѣренности въ дарованіяхъ Чичагова, которому онъ указывалъ передать предводительство надъ всѣми войсками на югѣ, съ устраненіемъ Тормасова, признавая его болѣе способнымъ къ исполненію указанныхъ предначертаній, *по рѣшимости его характера* (какъ выражено государемъ Кутузову) и на него, главнымъ образомъ, возлагалъ надежду «*искоренить французовъ до послѣдняго*».

Изложеніе послѣдовавшихъ событій укажетъ, до какой степени были основательны надежды государя на рѣшительность характера Чичагова.

Наполеонъ ищетъ мирныхъ переговоровъ.

Отсутствіе встрѣчи *боярами* при вступленіи въ Москву, опустѣніе города и его пожаръ не сразу отрезвили Наполеона и не убѣдили его въ исключительности и безпощадной жестокости вызванной имъ борьбы. Первое время пребыванія въ Москвѣ онъ ожидалъ обычныхъ послѣдствій занятій непріятельской столицы, т.-е. мирныхъ предложеній, но какъ таковыхъ не являлось, онъ рѣшилъ сдѣлать попытки завести переписку съ Александромъ, въ надеждѣ, что она приведетъ къ мирнымъ переговорамъ. Первая попытка была произведена чрезъ попавшаго въ плѣнъ въ Москвѣ помѣщика Яковлева, брата бывшаго посланника въ Касселѣ при Іеронимѣ Бонапарте, котораго Наполеонъ потребовалъ къ себѣ и попытался убѣдить въ собственной правотѣ въ возникшей борьбѣ, и въ искреннемъ своемъ желаніи прекратить ее на условіяхъ безобидныхъ для Александра. Яковлевъ тщетно отказывался отъ передачи государю навязываемаго ему Наполеономъ письма, отговариваясь своимъ скромнымъ положеніемъ, которое лишало его доступа ко двору, сознавая всю неумѣстность вовлеченія его, незначительнаго чи-

новника и землевладѣльца, въ затѣваемое Наполеономъ сближеніе съ его государемъ. Вынужденный для полученія свободы принять для передачи государю письмо, Яковлевъ, прибывши въ Петербургъ, нашелъ возможность доставить его чрезъ Аракчеева государю, оставившему его безъ отвѣта. Другая попытка императора французовъ вступить въ сношеніе съ государемъ сдѣлана была при посредничествѣ начальника Воспитательнаго Дома Тутолмина, которому онъ поручилъ донести государю объ обстоятельствахъ положенія Москвы, конечно въ томъ смыслѣ, который представлялся желательнымъ французамъ, но и это донесеніе не вызвало никакого отзыва изъ Петербурга. Эти попытки относятся къ первымъ днямъ пребыванія въ Москвѣ, немедленно послѣ прекращенія пожара.

Къ тому же времени относится совѣщаніе Наполеона съ маршалами, вызванное опустѣніемъ и пожаромъ города, лишающими его занятіе значенія завоеванія столицы государства, и посвященное соображеніямъ объ осуществленіи новой попытки овладѣть или, по крайней мѣрѣ, угрожать другой столицѣ, Петербургу, походомъ на Сѣверо-Западъ, къ Витебску и Пскову.

Эта мѣстность, еще не разоренная войной и менѣе отдаленная отъ Москвы, которую онъ считалъ твердой опорой для поддержанія сношеній со средствами подкрѣпленія и снабженія своихъ войскъ, представлялась ему единственной благопріятной для новаго наступленія, но повидимому его доводы не нашли отголоска въ его сподвижникахъ, утомленныхъ и разочарованныхъ плодами похода, сказавшимися исключительно въ лишеніяхъ и гибели $^2/_3$ несмѣтной переступившей чрезъ Нѣманъ арміи. Позднее время года и приближеніе холодной погоды сами по себѣ представляли значительное затрудненіе для новаго похода на дальній Сѣверъ, тѣмъ болѣе, что войска были утомлены, значительно расшатаны въ подчиненности и почти *обезлошадены*; кромѣ этихъ неудобствъ, имъ нужно было считаться съ тревогой, которую имъ неизбѣжно долженъ былъ причинять Кутузовъ своимъ преслѣдованіемъ, и потому сѣтованія самого Наполеона на маршаловъ, потерявшихъ будто бы военную предпріимчивость (je les ai faits trop riches!) и его панегириста Тьера, приходящаго въ

восторгъ отъ всякаго распоряженія и предположенія своего героя (combinaison или manœuvre savante, profonde и проч.), кажутся несправедливыми. Великая армія достигла Москвы чрезмѣрно *умаленная* и разрозненная съ источниками, дающими ей жизнь; она стояла противъ войскъ, находящихся въ средоточіи своихъ источниковъ, и потому новыя широкія предпріятія не представляли ей никакого вѣроятія успѣха. Расчетъ на потрясающее вліяніе занятія столицы, на склонность Александра просить мира оказался ошибочнымъ; надежда вынудить склонность къ этому безпощадными поборами въ занятомъ краѣ (столь дѣйствительными въ Германіи) оказалась еще ошибочнѣе: въ покинутомъ и разоренномъ краѣ побѣдители бѣдствовали болѣе побѣжденныхъ. Оставался единственный исходъ, отступленіе—если положеніе не было уже совершенно безъисходнымъ!

Послѣ непрерывныхъ и продолжительныхъ торжествъ надъ противниками, прійдти Наполеону къ унизительному сознанію, что напряженныя приготовленія нѣсколькихъ лѣтъ большинства европейскихъ народовъ, привлеченныхъ имъ для разгромленія Россіи, послужили только къ гибели посвященныхъ этому безразсудному предпріятію несмѣтныхъ жертвъ, было невозможно, не попытавши найти менѣе унизительный исходъ. Отвѣтовъ отъ Александра на посланныя изъ Москвы письма не получалось; Кутузовъ сталъ въ положеніе, безопасное для себя и угрожающее для французовъ; появленіе партизановъ и разростающаяся народная война увеличивали стѣсненіе и лишенія его войскъ, которыхъ онъ велъ въ Москву, считая ихъ торжествующими побѣдителями, и которыя оказались въ ней въ положеніи осажденныхъ. Но побѣдитель въ столькихъ бояхъ не разъ былъ побѣдителемъ и въ мирныхъ переговорахъ, и потому пожелалъ испытать то искусство, которое принесло ему торжество Тильзитскаго договора. Ему пришлось испытать различіе между неуязвимымъ положеніемъ послѣ блестящей побѣды и возможностью неудачи среди крайне затруднительнаго положенія, послѣ побѣды весьма сомнительнаго свойства.

Вскорѣ послѣ вступленія русскаго войска въ Тарутино, 23 числа, доставили кн. Кутузову письмо маршала

Бертье, сообщающее о желаніи Наполеона отправить къ главнокомандующему Лористона съ важными порученіями. Письмо это поставило Кутузова въ крайнее затрудненіе: онъ считалъ всякіе переговоры съ Наполеономъ тѣмъ болѣе желательными, чѣмъ они были безплоднѣе, вызывая потерю драгоцѣннаго для французовъ времени, но вмѣстѣ съ этимъ чувствовалъ себя связаннымъ даннымъ ему при отъѣздѣ изъ Петербурга запрещеніемъ государя вступать въ мирные переговоры съ французами. Въ это время при немъ находился кн. Волконскій, присланный съ тѣмъ неблагосклоннымъ рескриптомъ, который послѣдовалъ послѣ извѣщенія государя объ оставленіи Москвы. Упустить благопріятный случай безплодныхъ, но желательныхъ переговоровъ было невозможно, но сдѣлать это нужно было съ тѣмъ большей осторожностью, что онъ сознавалъ, что его благоразуміе имѣетъ надъ собой присланнаго наблюдателя и не встрѣтитъ свыше заслуженной оцѣнки. Это побудило его затянуть отсылку отвѣта, потомъ задержать Лористона до вечера при въѣздѣ въ русскій станъ, который былъ умышленно шире раскинутъ, освѣщенъ многочисленными кострами съ обильно приготовляемой пищей и оглашаемъ веселыми солдатскими пѣснями, чтобы представить французскому генералъ-адъютанту наше положеніе въ самомъ блестящемъ состояніи.

Посылка Лористона къ Кутузову.

Кутузовъ принялъ Лористона наединѣ, нарядившись по этому случаю первый разъ во время похода въ мундиръ, и выслушалъ его жалобы и предложенія, не только потому, что желалъ доставить французамъ новый поводъ усугублять свою ошибку потери времени въ московской стоянкѣ, но и потому что считалъ поучительнымъ выслушать желанія и жалобы представителя Наполеона, долженствующія освѣтить въ его глазахъ настоящее положеніе французовъ. Лористонъ былъ привезенъ въ избу главнокомандующаго, съ которымъ сначала объяснялся наединѣ, а потомъ въ присутствіи кн. Волконскаго. Онъ жаловался на жестокій образъ веденія народной войны, противъ обузданія которой Кутузовъ объявилъ себя безсильнымъ, такъ какъ въ ней проявлялся взрывъ народнаго негодованія противъ иноземнаго нашествія, отъ котораго русскій народъ вѣками былъ избавленъ. Но завѣдомо безплодная жалоба

служила только вступленіемъ къ изложенію настоящей цѣли появленія Лористона, посланнаго для того, чтобы завязать мирные переговоры, уговориться о заключеніи перемирія и, если окажется возможнымъ, постараться самому проникнуть къ императору Александру. Въ перемиріи, посредничествѣ въ мирныхъ переговорахъ было положительно отказано Кутузовымъ, одновременно сославшимся на полномочія свои отъ государя, исключающія всякіе мирные переговоры, и отвѣтственность передъ народомъ, угрожающую народною ненавистью и проклятіемъ потомства, если бы его сочли пособникомъ мирныхъ переговоровъ. Опредѣливши такъ рѣзко свое отношеніе къ попыткѣ примиренія, Кутузовъ не желалъ лишиться выгодъ *усыпленія* французовъ этими переговорами, и потому способствовалъ *обольщенію* переговорами. Отказавши въ посылкѣ курьера и отклоняя проѣздъ кн. Волконскаго черезъ Москву для ускоренія передачи черезъ него государю письма отъ Наполеона, онъ, казалось, сдѣлалъ возможное, чтобы усыпить французовъ надеждой и продолжительностью ожиданія мирныхъ переговоровъ, но не оградилъ себя отъ негодованія государя.

Въ глазахъ фельдмаршала, было полезно пребываніе нашего войска въ изобиліи, въ обученіи прибывающихъ въ видѣ рекрутовъ подкрѣпленій, и въ снаряженіи къ зимнему походу постоянно возрастающей *арміи*, къ которой прибыли новыя подкрѣпленія съ Дону, между тѣмъ какъ противъ его лагеря находились войска Мюрата, съ изнуренными и сбитыми лошадьми, съ крайне скуднымъ продовольствіемъ, среди котораго *конина* начала вступать въ свои права, что свидѣтельствовалось всюду проникающими донцами; при такихъ условіяхъ продолжать пребываніе въ Тарутинѣ оставалось желательнымъ и лучшимъ положеніемъ, при настоящихъ обстоятельствахъ. Тяжелое впечатлѣніе гибели Москвы начало сглаживаться, вслѣдствіе бодраго, даже веселаго настроенія въ лагеряхъ (пиры съ пѣсенниками и проч.), вслѣдствіе сознаваемаго благопріятнаго оборота въ ходѣ военныхъ событій, воочію подтверждаемаго бѣдственнымъ состояніемъ стоящихъ противъ нашего лагеря мюратовскихъ войскъ. Приписываемое Кутузову восклицаніе въ скорбную ночь съ 1-го на 2-ое

сентября: „заставлю ихъ какъ турокъ ѣсть конину!“ стало оправдываться... и служить оправданіемъ фельдмаршалу передъ непредубѣжденнымъ судьей Но судьѣ нужно безпристрастіе, а въ отношеніи историческаго дѣятеля еще необходима способность судить его за общій выводъ его подвиговъ и заслугъ, не задерживаясь на частныхъ его погрѣшностяхъ и житейскихъ слабостяхъ.

Послѣдними главнокомандующій, такъ сказать, самъ влагалъ оружіе въ руки своихъ противниковъ. Такимъ его дѣйствіемъ нужно считать его отношеніе къ Барклаю де-Толли въ Тарутинскомъ лагерѣ. При вступленіи въ этотъ лагерь, раздѣленіе на двѣ арміи было устранено Кутузовымъ, соединившимъ всѣ корпуса въ одну армію подъ начальствомъ Барклая, предоставивши Милорадовичу, временно начальствовавшему 2-ой арміей, начальство надъ передовыми войсками, что доставляло ему случай щеголять соперничествомъ съ Мюратомъ въ показной храбрости, нарядности и легкомыслiи. Но этимъ не ограничилось измѣненіе въ управленіи войсками. Кутузовъ, желая принять въ немъ болѣе непосредственное участіе, назначилъ въ сотрудники себѣ, въ званіи дежурнаго генерала, способнаго и угодливаго ген. Коновницына, устраняя отъ участія въ управленіи не только начальника штаба арміи ген. Ермолова (выместившаго свое неудовольствіе язвительными сужденіями), но и считавшагося главнокомандующимъ соединенной арміи Барклая. Послѣдній, уязвленный осужденіемъ своего образа дѣйствій до назначенія Кутузова, и заслужившій всеобщее восторженное уваженіе своимъ геройскимъ поведеніемъ въ Бородинѣ и при слѣдованіи чрезъ Москву, не могъ снести невнимательнаго отношенія фельдмаршала къ его положенію въ войскѣ, и попросился въ отпускъ, который послѣдній охотно разрѣшилъ, завидуя тому заслуженному уваженію, которымъ пользовался Барклай въ войскѣ.

Тяжелыя испытанія Барклая.

Испытанія послѣдняго не были исчерпаны перенесенными огорченіями; на кружномъ пути чрезъ русскіе города, направляясь на покой въ свое лифляндское имѣніе, онъ испыталъ незаслуженныя оскорбленія за мнимую свою *измѣну*. Достигнувъ своего скромнаго пріюта, онъ послалъ государю 8 ноября оправдательную записку, на которую

получилъ милостивый и въ общемъ лестный отвѣтъ, но только отчасти справедливый. Государь указывалъ на несоотвѣтствіе плана отступленія, будто бы безусловно имъ *одобреннаго* (но которому несомнѣнно противорѣчатъ его наступательныя требованія), съ недостаточной распорядительностью въ необходимыхъ приготовленіяхъ на пути отступленія, грѣшившихъ, по его мнѣнію, довѣрчивостью Барклая къ исполнителямъ его приказаній. Затѣя Дрисскаго лагеря; нетерпѣніе государя отъ замедленія наступательныхъ дѣйствій; недовольство Багратіономъ, отступившимъ не по указанному пути передъ превосходными силами Даву и короля Вестфальскаго, все свидѣтельствовало, что Александръ не сознавалъ подавляющаго численнаго превосходства Наполеона, и давалъ распоряженія *на угадъ*, въ то время когда Барклай, безъ опредѣленныхъ намѣреній, подчинялся съ сожалѣніемъ тяжкой необходимости отступленія. Поэтому укоризны государя относительно *ошибокъ въ планѣ* напрасны, такъ какъ самъ планъ не былъ достаточно прочно установленъ; точно также какъ жестоки и неумѣстны упреки за оставленіе лагеря, въ которомъ герой чувствовалъ себя не только неоцѣненнымъ, но и оскорбленнымъ пренебреженіемъ своего начальника. Такое утвержденіе, какъ выраженное въ отвѣтѣ государя, что: „Несмотря на всѣ понесенныя вами непріятности, вы должны были остаться, потому что есть случаи, когда слѣдуетъ поставить себя выше всего въ мірѣ (Il fallait, car il y a des cas où on doit se mettre audessus de toute chose au monde), слишкомъ отзывается не чуткимъ участіемъ, но общимъ мѣстомъ свѣтскаго разговора. Въ вознагражденіе за не вполнѣ заслуженные упреки государь почтилъ Барклая въ своемъ письмѣ вполнѣ заслуженными увѣреніями въ уваженіи и дружбѣ.

Государь не раздѣляетъ увѣренности Кутузова въ пользѣ Тарутинскаго стоянія.

Взглядъ фельдмаршала на желательность продленія безплоднаго для французовъ пребыванія въ Москвѣ и возрожденія постоянно пополняемыхъ русскихъ силъ въ Тарутинѣ, не раздѣлялся государемъ, не бывшимъ, впрочемъ, очевидцемъ изнуреннаго ихъ состоянія послѣ Бородина, и не наблюдавшимъ настоящаго положенія французовъ. Но для Кутузова присылка Лористона, донесенія партизановъ, донскихъ казаковъ и зрѣлище ихъ лагеря въ Винковѣ въ

7 верстахъ отъ Тарутина, гдѣ конина входила въ основаніе ихъ питанія, все свидѣтельствовало, что нашествіе переживаетъ предсмертныя судороги, избавляющія Россію отъ напрасныхъ жертвъ и отъ опасности.

Тяжелое впечатлѣніе потери Москвы и тѣхъ опасеній за безопасность Петербурга, которыя вызвали приготовленія къ его очищенію и вывозу всего, что необходимо было спасти отъ непріятеля, не успѣло еще изгладиться, и потому понятно нетерпѣливое ожиданіе Александра послѣдствій того выгоднаго положенія Кутузова на Калужской дорогѣ, о которомъ фельдмаршалъ доносилъ въ первыхъ числахъ сентября, выясняя всѣ его выгоды. Это нетерпѣніе успѣло высказаться еще до прибытія кн. Волконскаго съ письмомъ Наполеона, а послѣ извѣщенія о появленіи въ Леташевкѣ (деревнѣ за Тарутинымъ, въ которой проживалъ фельдмаршалъ) французскаго генералъ-адъютанта Лористона, высказалось еще опредѣленнѣе.

Въ первомъ рескриптѣ отъ 4-го октября, требуя немедленныхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля, государь пишетъ, между прочимъ Кутузову: «на вашей отвѣтственности будетъ, если непріятель будетъ въ состояніи отрядить значительную часть силъ въ Петербургъ, гдѣ осталось немного войскъ... Вспомните, что вы еще должны отвѣчать оскорбленному отечеству за потерю Москвы...» Во второмъ рескриптѣ отъ 9 октября высказывается неудовольствіе за допущеніе Лористона съ предложеніями и свиданіе Бенингсена съ Мюратомъ, упоминаются наставленія Кутузову при его назначеніи, совершенно устраняющія возможность мирныхъ переговоровъ, возобновляется строгое запрещеніе свиданій генераловъ и заключается словами: «все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань, и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество».

Кромѣ негодованія за оскорбленное отечество, заслуживающаго умиленнаго уваженія, и нѣкотораго умышленнаго непониманія желательности *усыпленія* непріятеля, въ рескриптахъ просвѣчиваетъ личное недоброжелательство и

негодованіе противъ фельдмаршала, котораго рескрипты стараются выставить какъ бы главнымъ виновникомъ постигшихъ Россію бѣдствій. Насколько негодованіе государя противъ Кутузова было, такъ сказать, на сторожѣ, можетъ послужить доказательствомъ не только рядъ рескриптовъ, начиная съ перваго, вызваннаго донесеніемъ Ростопчина объ оставленіи Москвы, но еще одинъ второстепенный случай назначенія Кутузовымъ поднадзорнаго князя Яшвиля начальникомъ незначительнаго отряда, состоящаго большей частью изъ ополченія. Проживающій въ Калужской губ. генералъ-маіоръ Яшвиль былъ замѣшанъ въ происшествіи 12 марта 1801 года, точно такъ же, какъ ген. Бенингсенъ, бывшій главнокомандующимъ въ Прусской войнѣ и находящійся тогда въ Тарутинѣ главнымъ помощникомъ фельдмаршала. О назначеніи Яшвиля въ ряды защитниковъ Отечества, въ которые призывались и привлекались всѣ способные и усердные его сыны, государь поспѣшилъ написать 3 сентября Кутузову: «Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ я, что вы употребили на службу находящагося въ ссылкѣ извѣстнаго Яшвиля... Вы сами себѣ приписали право, которое я одинъ имѣю, что поставляя вамъ на замѣчаніе, предписываю немедленно послать Яшвиля смѣнить...» Посылая этотъ рескриптъ Аракчееву, никогда не испытавшему подобнаго униженія, несмотря на всѣ свои мерзости, государь на обложкѣ написалъ карандашемъ: «какое нахальство». Такимъ образомъ, судьей защитника Отечества, доблестнаго и заслуженнаго фельдмаршала, какъ бы выставлялся подлый трусъ и кровопійца Аракчеевъ, герой зеленой рощи, т.-е. экзекуцій шпицрутенами... Отвѣтъ Кутузова на рескриптъ, краткій и безъ оправданія, служитъ новымъ опроверженіемъ преувеличенной его врагами угодливости, ограничиваясь краткимъ рапортомъ: «Вашему Императорскому Величеству имѣю счастіе донести, что отставной генералъ-маіоръ Яшвиль въ деревню свою возвратился».

Въ то время когда благоразуміе главнокомандующаго способствовало развитію русскихъ силъ и разрушенію полчищъ Наполеона, въ теченіе одной недѣли ему пришлось испытать огорченіе трехъ немилостивыхъ рескриптовъ своего государя, и получить ихъ въ то время, когда

внѣшній признакъ его мнимо уклончиваго веденія войны пересталъ существовать. Военныя дѣйствія противъ французовъ возобновлялись, и отчасти возобновлялись по настояніямъ нѣкоторыхъ сподвижниковъ главнокомандующаго, но главнымъ образомъ потому, что всѣ признаки взаимнаго отношенія воюющихъ сторонъ обличали, что борьба приближается къ своей роковой развязкѣ. Такимъ образомъ, рѣзкія укоризны государя, столь ласково-обходительнаго въ свѣтскомъ кругу съ дамами и иноземцами, обращенныя къ главному своему сотруднику въ священномъ дѣлѣ защиты отечества и сопровождаемыя *выговорами*, неумѣстными въ обращеніи съ дряхлымъ и заслуженнымъ фельдмаршаломъ... еще грѣшили несвоевременностью!

Возобновленіе военныхъ дѣйствій.

Военныя дѣйствія возобновились до полученія отъ государя укоризненныхъ требованій ихъ возобновленія, вслѣдствіе водворяющагося убѣжденія въ русскомъ лагерѣ, что настало благопріятное для того время. Оплошное пребываніе отряда Мюрата въ лагерѣ подъ Винковомъ, примыкающемъ съ лѣвой стороны къ лѣсной мѣстности, ничѣмъ не прегражденной и не посѣщаемой разъѣздами изнуренной конницы, представляло несомнѣнное удобство для внезапнаго нападенія съ этой стороны. Кромѣ того, ходили слухи о приближеніи корпуса маршала Виктора, которое желательно было предупредить, и получились донесенія отъ партизановъ о приготовленіи французовъ къ выступленію. Но преобладающимъ побужденіемъ къ нападенію была извѣстность, что слишкомъ спокойное пребываніе отряда Мюрата въ лагерѣ было отчасти вынуждено плохимъ состояніемъ его войскъ. Такое тихое пребываніе болѣе нежели 20.000-наго отряда французовъ вблизи отъ нашихъ главныхъ силъ, было до этого времени поощряемо Кутузовымъ, избѣгающимъ возобновленія военныхъ дѣйствій, и отдавшимъ приказаніе избѣгать перестрѣлки съ непріятельскими патрулями и разъѣздами. Такое совершенное прекращеніе военныхъ дѣйствій между двумя лагерями, въ то время когда продолжалась ожесточенная борьба между партизанами, крестьянами

и французскими отрядами, подала поводъ французскимъ писателямъ называть это затишье «безмолвнымъ соглашеніемъ (convention tacite) не сражаться, довольно странное опредѣленіе *обязательства* умолчаніемъ. Если такое состояніе и было желательно для Тарутинскаго лагеря, чтобы воспользоваться въ полной степени благопріятными условіями *возрожденія*, то нельзя упустить изъ вида, что излишняя наклонность къ тому дряхлаго Кутузова пріучила находящіяся въ Тарутинѣ войска къ нѣкоторой оплошности, вслѣдствіе возможности пользоваться безопасно значительными удобствами. Приготовленіе къ возобновленію военныхъ дѣйствій не замедлило это обнаружить.

Первая мысль воспользоваться безпечнымъ пребываніемъ Мюрата въ лагерѣ родилась у ближайшихъ сотрудниковъ Кутузова, Толя и Коновницына, но не нашла сочувствія въ главнокомандующемъ, покуда ген. Бенингсенъ не принялъ участія въ планѣ нападенія части войска на лѣвый флангъ французовъ, съ намѣреніемъ поддержать такое нападеніе своевременнымъ наступленіемъ остальныхъ частей. Послѣ представленія записки Бенингсеномъ главнокомандующему о желательности такого предпріятія, послѣдній не охотно далъ на это свое согласіе и поручилъ главное руководство предположеннаго нападенія самому Бенингсену.

Предпринимаемое нападеніе на лагерь Мюрата предполагалось произвесть на разсвѣтѣ 5 октября, для чего было рѣшено 4-го въ 6 часовъ вечера выступить изъ Тарутинскаго лагеря, для обхода французскаго лагеря лѣсомъ. При самомъ началѣ исполненія обнаружилось, что желательное *усыпленіе* французовъ отразилось и на русскихъ. Когда Кутузовъ прибылъ 5-го вечеромъ, чтобы присутствовать при началѣ приказаннаго на это время выступленія тѣхъ частей, которыми должно было завязаться дѣйствіе, оказалось, что ничего не готово для выступленія, такъ какъ отправленное начальнику штаба ген. Ермолову приказаніе о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ не достигло своего назначенія, потому что означенный генералъ пировалъ на обѣдѣ въ 3 верстахъ отъ своего жилья у ген. Кикина, гдѣ посланный съ приказаніями не сумѣлъ его отыскать. Въ своихъ запискахъ Ермоловъ оправдываетъ свое безпеч-

ное отсутствіе отстраненіемъ его Кутузовымъ отъ дѣятельности, въ которой его замѣнилъ болѣе угодный ген. Коновницынъ. Несомнѣнно, что эта подробность указываетъ на успѣшность Кутузовскаго усыпленія даже на русскихъ, и на неизмѣримую разницу между Наполеоновскими пріемами и Кутузовскими. Важныя приказанія перваго пересылались нѣсколькими послѣдовательными ординарцами, за исполненіемъ порученій ихъ наблюдали зорко; ничего подобнаго не было у Кутузова, вялаго и изнѣженнаго, и потому онъ очень благоразумно уклонялся отъ открытой борьбы съ Наполеономъ на полѣ брани, сознавая его превосходство. На это обстоятельство указывается здѣсь не исключительно вслѣдствіе вліянія его на успѣхъ предпринятаго нападенія, но потому что оно отражаетъ ту безпечную распущенность, которая во многихъ случаяхъ русской дѣйствительности получаетъ роковое значеніе. Въ данномъ случаѣ, не заставши въ условленный часъ готовыхъ къ выступленію войскъ, онъ разразился безсильной старческой бранью и отложилъ наступленіе на слѣдующій день. Выступленіе произошло въ условленномъ порядкѣ, но ночное передвиженіе до опушки лѣса, отъ которой должно было произойти нападеніе на французскій лагерь, замедлилось и запуталось для большей части предназначенныхъ на первоначальное наступленіе войскъ.

Нападеніе на французскій лагерь.

Самый кружный путь предназначался казакамъ гр. Орлова-Денисова, успѣвшимъ раньше своими поисками познакомиться съ этими мѣстами, и въ подкрѣпленіе имъ были даны конница Мелера-Закомельскаго, нѣсколько легкихъ орудій и одинъ егерскій полкъ. Послѣ самаго дальняго обхода, этотъ отрядъ, предназначенный нападенію въ тылъ французскому лагерю, направляясь чрезъ Стромилово и Дмитріевское, пришелъ одинъ своевременно къ мѣсту назначенія. Слѣдующій отрядъ, состоящій изъ корпуса Багговута и слѣдующаго за нимъ корпуса гр. Строганова, замедлился и отчасти заблудился въ лѣсу. Къ тому времени когда они ожидались для поддержанія дѣйствій гр. Орлова-Денисова, изъ лѣса показались вмѣсто всего корпуса Багговута егерская бригада Пиллара, съ корпуснымъ начальникомъ во главѣ, и Тобольскій полкъ, подъ предводительствомъ начальника всей дивизіи Евгенія Вир-

тембергскаго. Чтобы не упустить удобнаго случая ранняго нападенія врасплохъ на французскій лагерь, Орловъ-Денисовъ съ 10 казачьими полками съ гикомъ и крикомъ бросился на Тетеринскій лагерь, при первомъ появленіи у опушки другихъ частей. Ему удалось предупредить сборъ французовъ и захватить у нихъ 38 орудій и 40 зарядныхъ ящиковъ, и одна изъ его сотенъ успѣла проскакать черезъ весь Тетеринскій лагерь и присоединиться къ выступающей изъ лѣса пѣхотѣ. Дальнѣйшее нападеніе казаковъ было задержано обычной погоней за добычей, заставившей выступить въ строй весь французскій лагерь и помѣшавшей воспользоваться въ полной мѣрѣ послѣдствіями внезапнаго нападенія, отъ котораго казаки ожидали плѣненія самого Мюрата. Вмѣсто такой удачи, первымъ пѣхотнымъ частямъ корпуса Багговута, появившимся изъ лѣса противъ Тетеринки, пришлось испытать сильный огонь орудій, одной изъ первыхъ жертвъ котораго былъ доблестный корпусный командиръ. Постепенно появлявшіяся части того же корпуса, лишенныя своего храбраго начальника и встрѣчающія французовъ, готовыхъ къ сильному отпору, не могли произвести ожидаемаго разгрома лагеря, тѣмъ болѣе, что поддержка корпуса гр. Строганова запоздала точно такъ же, какъ и корпуса Остермана, долженствовавшаго служить связью наступающихъ съ остальными войсками Тарутинскаго лагеря. Когда эти запоздавшіе полки Багговута, Строганова и Остермана оказались на мѣстахъ, съ которыхъ они должны были неожиданно разгромить французовъ, послѣдніе были въ боевомъ порядкѣ для отпора и получили возможность отступить безъ значительныхъ потерь, кромѣ испытанныхъ при нападеніи казачьихъ полковъ.

При предполагаемомъ успѣхѣ нападеній праваго крыла войска, руководимаго лично Бенингсеномъ, остальные корпуса подъ начальствомъ Дохтурова и при личномъ руководствѣ Кутузова должны были довершить пораженіе Мюрата. Но Кутузовъ не только медлилъ, но не хотѣлъ сдаваться на настоянія другихъ генераловъ, указывающихъ на необходимость движенія изъ Тарутина остальныхъ корпусовъ, чтобы раздавить принужденнаго къ отступленію Мюрата. Старый фельдмаршалъ отговаривался безполезностью этого

новаго напряженія, послѣ неудачнаго опыта сложныхъ передвиженій первыми корпусами на правомъ крылѣ; кромѣ этого онъ могъ, до извѣстной степени, быть охлажденнымъ въ исполненіи рѣшительныхъ дѣйствій, вслѣдствіе полученія во время дѣла донесенія отъ кн. Кудашева, находящагося съ отрядами на Серпуховской дорогѣ, о рѣшительныхъ приготовленіяхъ французовъ къ выступленію; и наконецъ въ этой нерѣшительности, уклоняющейся отъ напряженія, чтобы загладить безсвязно начатое дѣло, онъ былъ просто послѣдователенъ съ тѣмъ способомъ веденія войны съ нашествіемъ, который признавалъ менѣе губительнымъ для русскихъ, и соединяющимъ безопасность съ обезпеченнымъ успѣхомъ. Отказавши въ поспѣшномъ нападеніи, которое должно было обратить Тарутинское сраженіе въ кровопролитное побоище, онъ разрѣшилъ наступленіе лѣваго крыла противъ отступающихъ французовъ, при чемъ этой части войска пришлось итти почти какъ на парадѣ, не встрѣчая упорнаго сопротивленія, о чемъ было имъ упомянуто въ донесеніи государю. Такое наступленіе, послѣ потери Мюратомъ 38 орудій и испытанной имъ необходимости удалиться съ поля сраженія, было достаточнымъ, чтобы удостовѣрить, избѣгая лишняго кровопролитія, несомнѣнность успѣха. Такой образъ дѣйствій согласовался съ нравомъ, возрастомъ и убѣжденіемъ несомнѣнно дряхлаго, но непоколебимо здравомыслящаго полководца. Но хотя при такомъ способѣ веденія войны можно было достигнуть рѣшительнаго успѣха въ достиженіи ея цѣли, зато нельзя было одерживать блестящихъ, громкихъ и кровопролитныхъ побѣдъ, которыхъ требовали отъ Кутузова его сподвижники, соперники и недоброжелатели. Въ числѣ послѣднихъ болѣе всего вознегодовалъ Бенингсенъ, приписавшій нерѣшительность главнокомандующаго коварному намѣренію лишить его славы блестящей побѣды, показавшій при свиданіи послѣ битвы Кутузову своею холодностью и уклончивостью, что приписываетъ своему начальнику неуспѣхъ предпріятія, и не устыдившійся, несмотря на исходатайствованныя ему награды у государя, обратиться къ послѣднему съ жалобами и обвиненіями на фельдмаршала, имѣющими всѣ свойства низкаго доноса. Онъ поносилъ его бездѣятельность подъ Тарутинымъ, сибаритизмъ, рас-

путство и проч., но доносъ былъ пересланъ государемъ тому же фельдмаршалу и имѣлъ единственнымъ послѣдствіемъ удаленіе Бенингсена изъ войска.

Тарутинское дѣло можно признать неудачнымъ, по сравненію съ ожиданіями Толя, Коновницына и Бенингсена, но тѣмъ не менѣе оно имѣло огромное значеніе для рускаго войска въ Отечественную войну, какъ первое безусловно удачное наступательное дѣйствіе противъ нашествія, обнаружившее слабыя стороны разлагающагося французскаго войска, и имѣющее въ подтвержденіе своего успѣха необходимые *оправдательные документы*, въ видѣ 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ и 1500 человѣкъ плѣнныхъ, и 500 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, при потерѣ съ нашей стороны около 1200 человѣкъ. Послѣдующія сраженія съ французами во многихъ случаяхъ происходили при тѣхъ же условіяхъ, то-есть они должны были поневолѣ отступать, теряли орудія и много плѣнныхъ, но такого кровопролитія какъ при Ейлау и Бородинѣ большей частью не случалось, и потому они считали себя въ правѣ утверждать, что были побѣждены не русскими, а стихіей, т.-е. стужей, забывая, что при Мало-Ярославцѣ, Краснымъ и Березинѣ были страшныя кровопролитія, а суровыхъ морозовъ не было, и что во всю вторую половину похода успѣхи русскихъ гораздо болѣе обезпечивались *разстройствомъ* отступающихъ, нежели морозомъ, а также, что упрекать противника въ умѣніи пользоваться невыгоднымъ состояніемъ своего врага, дѣтская уловка.

Согласно распоряженію государя, пожелавшаго, чтобы *огорченный* донесеніемъ потери Москвы полковникъ Мишо получилъ въ вознагражденіе порученіе привезти ему донесеніе первой побѣды, этотъ дѣльный и храбрый офицеръ былъ отправленъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о Тарутинскомъ сраженіи. Мишо оказался при этомъ случаѣ столь же ловкимъ царедворцемъ, какъ и бравымъ полковникомъ, и нашелъ случай выразить всеобщее желаніе войска о принятіи государемъ предводительства надъ нимъ. Государь, сознаваясь, что при настоящемъ благопріятномъ оборотѣ дѣлъ, его честолюбіе вѣроятно нашло бы себѣ пищу въ ожидаемомъ торжествѣ надъ врагомъ, все-таки объявилъ, что сознаніе собственной не-

опытности, противоставленной такому искусному полководцу, какъ Наполеонъ, вынуждаетъ его пожертвовать честолюбіемъ, оставляя начальство надъ войскомъ въ рукахъ достойнѣйшаго, князя Кутузова. Таковъ смыслъ разговора, переданнаго Мишо: если въ немъ въ дѣйствительности отразился настоящій и искренній отголосокъ мнѣнія государя, то нужно признать, что извѣстіе о Тарутинскомъ боѣ послужило отчасти устраненію предубѣжденія его противъ Кутузова.

Заслуги Александра и Кутузова въ благопріятномъ оборотѣ.

Въ дѣйствительности не Тарутинское сраженіе, а весь ходъ борьбы съ нашествіемъ, насколько на немъ отразилось вліяніе направленія, ему даннаго Кутузовымъ, служитъ къ оправданію его рѣшеній, къ представленію въ яркомъ свѣтѣ смѣлой его личной отвѣтственности за эти рѣшенія, и безошибочнаго предсказанія, что сдача Москвы ни въ какомъ отношеніи не послужитъ къ упроченію успѣха нашествія. Незабвенная заслуга Александра заключалась въ твердомъ провозглашеніи непримиримости борьбы, не допускающей никакихъ уступокъ на счетъ народной гордости и государственнаго достоинства. Его вызовы народнаго усердія въ борьбѣ и неусыпныя попеченія о всѣхъ необходимыхъ для успѣха борьбы приготовленіяхъ и снаряженіяхъ подняли народный духъ и оживили дѣятельность военнаго вѣдомства. Но этимъ ограничилось его благотворное участіе въ борьбѣ за Отечество. Попытки руководства ходомъ военныхъ дѣйствій нельзя признать удачными, и самые взгляды на ходъ дѣлъ и на достоинство исполнителей — правильными. Вліяніе Пфуля, Вольцогена, Винценгероде, преувеличенныя опасенія за Петербургъ и проч.; затѣя Дрисскаго лагеря и нетерпѣливое требованіе побѣдъ отъ Барклая и Кутузова противъ превосходныхъ силъ несомнѣнно превосходнаго полководца — не обличаютъ правильной опѣнки переживаемыхъ событій. Рѣзкое осужденіе Кутузова за отступленіе отъ Москвы и пріемъ Лористона съ мирными предложеніями обнаруживаетъ даже явное непониманіе того благопріятнаго оборота въ борьбѣ, который неизбѣжно получался отъ *застрявшаго* въ Москвѣ Наполеона. Безвы-

ходность положенія французовъ въ Москвѣ, конечно, прежде всего обезпечивалась твердымъ рѣшеніемъ государя не искупать освобожденія столицы цѣною мирныхъ соглашеній, требуя возмездія за попранное Отечество; но для того, чтобы получить желаемое возмездіе, нужно было выждать послѣдствій безразсуднаго увлеченія Наполеона, завлекшаго его въ первопрестольную столицу Россіи, цѣной утраты прочной связи съ источниками своихъ средствъ и могущества. Для того чтобы такое безразсудство вполнѣ отразилось на судьбѣ заблудившагося *баловня побѣдъ*, нужно было, чтобы всѣ неблагопріятныя послѣдствія его неосторожности получили полную возможность воздѣйствія на французское войско, о чемъ какъ бы совершенно забывалъ Александръ, и что было неусыпной заботой Кутузова.

Главной причиной безвыходности положенія французовъ были, не пожаръ Москвы, какъ тщеславился Ростопчинъ и провозгласили глашатаи *искупительной жертвы*, но ихъ разрозненность съ своими источниками и непримиримая враждебность русскихъ, окружающихъ ихъ стоянки и истребляющихъ ихъ отряды. Все что было предпринимаемо Наполеономъ, неусыпнымъ и даровитымъ правителемъ, оказывалось безуспѣшнымъ, потому что, стоя въ Москвѣ, онъ по отчужденію и отклоненію съ нимъ сношеній долженъ былъ испытывать ощущеніе попавшаго въ западню. Онъ разставилъ корпуса принца Евгенія Богарнэ и Нея ближе къ границамъ Тверской и Владимірской губерній, въ то время когда Мюратъ и Бессьеръ стояли на границѣ Калужской, а Жюно Смоленской, чтобы доставить возможность войскамъ добывать необходимый кормъ для лошадей, и вывести часть войскъ изъ Москвы, среди которой они предавались постоянному грабежу. Для установленія болѣе обезпеченныхъ сношеній съ Смоленскомъ и для полученія этимъ путемъ подкрѣпленій, лошадей, продовольствія и прочной опоры въ случаѣ отступленія, принимались всѣ обычныя мѣры и жертвовались Наполеономъ необходимыя денежныя средства. Но отдаленіе Москвы отъ Смоленска, Литвы и Польши (не говоря уже о Франціи) лишало распоряженія Наполеона ихъ дѣйствительности, въ то время когда парти-

заны и народная война держали французскія войска, такъ сказать, въ осадномъ положеніи, подвергали въ продовольственномъ отношеніи большимъ лишеніямъ, и приводили отсутствіемъ кормовъ ихъ конницу въ совершенную негодность. Всѣ эти неудобства по мѣрѣ истощенія края и возрастающаго озлобленія его жителей непрерывно росли, и съ наступленіемъ суроваго времени года должны были достигнуть наибольшаго развитія; но не обгорѣлая Москва ставила Наполеона въ безвыходное положеніе, потому что уцѣлѣвшей $^1/_5$ части было достаточно для стоянки. Это сознавалъ Кутузовъ и объ этомъ онъ заботился, въ то время когда его сподвижники и самъ государь его осуждали за мудрую медлительность...

Наполеону въ Москвѣ становится жутко.

Наполеонъ не могъ не сознавать всей невыгоды своего положенія, какъ только онъ убѣдился, что занятіе части областей отъ границы до Москвы и самой столицы не признаются Россіей достаточными доказательствами, что партія имъ выиграна и что ему слѣдуетъ вручить ея цѣну. Пустынность города и пожаръ вызвали въ немъ большое разочарованіе и побудили, какъ было упомянуто, обсужденіе со сподвижниками возможности похода на сѣверо-западъ, дабы угрожать Петербургу. Изнуреніе войска и недовѣріе маршаловъ къ новой и опасной затѣѣ охладили его предпріимчивость, и нѣкоторое время, подъ угнетающимъ вліяніемъ боязни обнаружить необходимость отступленія, Наполеону пришлось пробавляться тщетной надеждой успѣха его мирныхъ попытокъ. Отсутствіе отзывовъ на посланныя Яковлевымъ и Тутолминымъ письменныя привѣтствія, которыя Наполеонъ полагалъ достаточными, чтобы вызвать со стороны Александра мирныя проявленія; безсиліе попытокъ устраненія сознаваемыхъ имъ неблагопріятныхъ условій содержанія войска вокругъ Москвы и по пути сообщенія съ Вильной, и прибывающія неблагопріятныя извѣстія отъ разсѣянныхъ отдѣльныхъ корпусовъ, все напоминало о неизбѣжности выступленія изъ Москвы. Отрядъ Мюрата находился въ опасномъ положеніи; корпуса Макдональда и Сенъ-Сира еле удерживались въ оборонительномъ положеніи, первый на нижнемъ теченіи Двины, второй въ Полоцкѣ. На югѣ Шварценбергу и Ренье угрожало соединеніе Дунайскихъ

войскъ Чичагова съ войскомъ Тормасова, что дѣлало ихъ угрожающими для безопасности тыла французовъ. Это вынудило направленіе прибывающаго корпуса Виктора въ мѣстность западнѣе Смоленска, для поддержанія Сенъ-Сира и охраны сообщеній Литвы съ Москвой. Всѣ эти обстоятельства вызвали новое обсужденіе Наполеономъ со своими совѣтниками способа выхода изъ положенія, дѣлающагося несомнѣнно затруднительнымъ. Наступающіе приморозки среди исключительно до того теплой осени послужили тому поводомъ 1 октября. Наполеонъ мечталъ о походѣ на сѣверо-западъ къ Витебску, для приближенія къ источникамъ своихъ подкрѣпленій и снабженій, въ неосновательномъ предположеніи, что найдетъ въ этой мѣстности достаточно обезпеченныя и безопасныя условія для выжиданія въ зимнихъ квартирахъ возобновленія будущей весной наступательныхъ дѣйствій, судя по обстоятельствамъ, на Петербургъ или на Кіевъ. Другое предположеніе удобнаго наступленія на Калугу, при разбитіи Кутузова и приближеніи Виктора къ Ельнѣ, для связи съ сообщеніями на Смоленскъ, разсчитывало на возможность устроиться французамъ въ изобиліи на зиму въ Калужской губерніи, почему то предполагаемой ими исключительно для этого благопріятной. Наконецъ статсъ-секретарь гр. Дарю настаивалъ на возможности безопасно перезимовать въ Москвѣ. Мнѣнія маршаловъ раздѣлились, при чемъ самые рѣшительные и неустрашимые на войнѣ Даву и Ней положительно высказались за отступленіе на Калугу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что предположенія Наполеона о возможности устроиться на зиму подъ Смоленскомъ или Калугой были неискренни, служа только иносказательнымъ, менѣе оскорбительнымъ для его самолюбія, способомъ выраженія необходимости отступленія. Взглядъ его на недостатокъ безопасности такихъ зимнихъ квартиръ былъ имъ ясно высказанъ еще въ Смоленскѣ при наступленіи, и какъ эти оба предположенія, такъ и слишкомъ смѣлое предложеніе Дарю, окрещенное *львинымъ* (conseil de lion) всѣ совершенно упускали изъ вида, что русскія войска, партизаны и крестьяне зимою будутъ точно также напрягать всѣ усилія для ихъ уничтоженія, какъ они это съ успѣ-

хомъ неусыпно дѣлали всю осень. Отдаленіе отъ Франціи среди враждебнаго населенія ставило французское войско въ случаѣ всякой неудачи въ такое же гибельное положеніе, въ какомъ послѣдовательно оказались въ Испаніи войска Дюпона, Массены и Мармона, съ той только разницей, что погибающія войска съ одинаковымъ затрудненіемъ могли восполняться новыми войсками среди гористой, пересѣченной мѣстности первой, какъ и въ отдаленной Россіи, но что въ Россіи среди войскъ находился ихъ Кесарь, и что гибель ихъ была гибелью той галеры, которая какъ галера римскаго Кесаря *несла его и его судьбу!*

Нужно полагать, что самъ Наполеонъ не придавалъ существеннаго значенія разнообразнымъ предположеніямъ избранія новой военной *позиціи*, подъ предлогомъ, что Москва утратила свое значеніе, какъ онъ это выразилъ въ своемъ письмѣ къ Марэ и въ бюлетенѣ—всѣ эти разглагольствованія служили щитомъ обидному признанію неудачи безразсуднаго нашествія, и вмѣстѣ съ этимъ давали пищу общественному мнѣнію для ожиданія новыхъ подвиговъ съ его стороны, въ то время когда онъ малодушно тѣшился мыслью, что Кутузовъ не посмѣетъ принять починъ нападенія (въ письмѣ къ Мюрату), а Александръ не устоитъ на намѣченномъ имъ безпощадномъ преслѣдованіи возмездія за оскорбленное Отечество.

Несостоятельность всѣхъ предположеній, обсуждаемыхъ французами и украсившихъ бюлетени Наполеона, важна для насъ только для болѣе яркаго освѣщенія основательности оцѣнки положенія дѣлъ Кутузовымъ, и значенія его заслуги, оградившей дозрѣваніе всѣхъ плодовъ предпріятія Наполеона, избѣгая добываніе ихъ новыми потоками русской крови и новыми жертвами своей страны.

Безплодность обсужденія 1-го октября положенія французовъ.

Обсужденіе отступленія, подъ видомъ перехода на зимнія квартиры, не привело повидимому французовъ къ ясному и положительному заключенію; но это не представляло неудобства, потому что въ умѣ Наполеона отступленіе по Калужской дорогѣ настолько было рѣшено, что начали стягивать корпуса Нея и принца Евгенія Богарнэ

отчасти въ Москву, отчасти на новую Калужскую дорогу черезъ Боровскъ, въ надеждѣ предупредить русскихъ въ занятіи Мало-Ярославца, и поспѣть въ Калугу прежде нихъ. Стягивали войска безъ особенной поспѣшности, хотя распоряженія о вывозѣ раненыхъ и нѣкоторыхъ тяжестей были сдѣланы нѣсколько дней ранѣе, какъ для Жюно въ Можайскѣ, такъ и для Мортье въ Москвѣ. Среди этихъ приготовленій пытались, по возможности, обезпечить передвиженіе орудій и ихъ снарядовъ, что вызвало захватъ мѣстныхъ мелкихъ крестьянскихъ лошадей, называемыхъ французами конями (des cogniats), и этимъ путемъ нашли возможнымъ снарядить 600 орудій (изъ которыхъ многія, какъ и зарядные ящики, были кремлевской добычей) и соотвѣтствующее количество ящиковъ, но впряженныя въ эту грозную артиллерію лошади были крайне изнурены безкормицей, и въ общемъ она приводила въ отчаяніе своего начальника, стараго заслуженнаго генерала Ларибуассіера. Часть конницы находилась у Мюрата, часть была спѣшена (болѣе 400 ч.) вслѣдствіе гибели лошадей, и только часть гвардейской конницы сидѣла на сносныхъ лошадяхъ. Въ несравненно лучшемъ состояніи находилась пѣхота, отдохнувшая, отчасти вознаградившая свою убыль прибывшей дивизіей Пино, выздоровѣвшими и временно разбревшимися людьми, и которой вообще болѣе пошли въ прокъ тѣ средства продовольствія и возобновленія изношенныхъ вещей, которыя доставила Москва, но которыя не могли никоимъ образомъ замѣнить недостатокъ годныхъ лошадей и корма для послѣднихъ, лишавшій выступающія изъ Москвы французскія войска необходимыхъ условій подвижности и безопасности.

Состояніе выступающихъ французовъ.

Въ томъ видѣ, въ которомъ пришлось великой арміи покидать *завоеванную* столицу, унося своеобразные *трофеи*, въ видѣ слитковъ золота и серебра отъ церковныхъ украшеній, старыхъ польскихъ и турецкихъ знаменъ, герба съ сенатскаго зданія и креста съ колокольни Ивана Великаго, она состояла изъ 105—107 тысячъ человѣкъ, то-есть одной четвертой части того числа, съ которымъ Наполеонъ переступилъ нашу границу менѣе нежели четыре мѣсяца тому назадъ. Передъ выступленіемъ, онъ часто производилъ смотры своимъ войскамъ и прини-

малъ нѣкоторыя мѣры для укрѣпленія Кремля и для обезпеченія безопасности оставляемаго 10.000-наго отряда подъ начальствомъ маршала Мортье, дабы придать своему выступленію видъ временнаго отсутствія вслѣдствіе оглашаемыхъ маневровъ, которыми, не надѣясь обойти Кутузова, онъ старался обольстить общественное мнѣніе западной Европы.

Выступленіе 7-го октября изъ Москвы.

Если у Наполеона оставались какія-нибудь колебанія относительно направленія и окончательности отступленія, то они были неожиданно прекращены 6/18 октября прибытіемъ ординарца Мюрата, во время производимаго имъ смотра войскамъ. Прискакавшій офицеръ извѣстилъ о нападеніи русскихъ на лагерь Мюрата, и это вынудило Наполеона прервать смотръ и заняться немедленными распоряженіями для выступленія изъ Москвы на слѣдующій день всѣхъ войскъ, кромѣ отряда Мортье, которому вскорѣ было поручено истребленіе военнаго достоянія Кремля, взорваніе его стѣнъ и поджогъ общественныхъ зданій, за исключеніемъ Воспитательнаго Дома, но не исключая двухъ собственныхъ домовъ графа Ростопчина. Часть корпуса принца Евгенія Богарнэ должна была направиться на Ѳоминское для установленія связи съ Жюно и Смоленской дорогой и занятія новой Калужской дороги, а остальныя войска направлялись на Вороново, къ которому отступали отъ Чернышенскаго лагеря оттѣсненные Мюратъ и Бессьеръ.

Выступленіе главныхъ французскихъ силъ изъ Москвы произошло 7/19 октября по старой Калужской дорогѣ, навстрѣчу отступившему Мюрату, по направленію къ Тарутинскому лагерю. Это выступленіе, какъ и весь походъ Наполеона въ Россію, представляло особенности, несвойственныя стройнымъ воинскимъ порядкамъ, обыкновенно только отчасти нарушаемымъ опасностями и лишеніями военнаго времени, но порожденныя въ войскахъ Наполеона не столько имъ установленнымъ обычаемъ, что война должна питаться войной, но главнымъ образомъ той ужасной распущенностью, которую водворили во французскихъ войскахъ примѣры обогащенія своихъ начальниковъ на счетъ побѣжденныхъ; при чемъ ожесточенныя отношенія къ озлобленнымъ туземцамъ, развившіяся во французскихъ

войскахъ въ Испаніи и Россіи, породили совершенно разбойничьи нравы, среди которыхъ грабежъ и всякія насилія вошли въ обычай. Не исполнивши своихъ пышныхъ обѣщаній своимъ сподвижникамъ о тѣхъ выгодахъ, которыя ихъ ожидали въ Москвѣ, Наполеонъ оказался безсильнымъ воздержать ихъ отъ тѣхъ выгодъ, которыя имъ могли доставить распущенность и грабежъ. Эти явленія не прекращались, по свидѣтельству самихъ французовъ, во все время ихъ пребыванія въ Москвѣ, и сопровождали войска своими послѣдствіями и послѣ ихъ выступленія изъ Москвы, способствуя ихъ разложенію при отступленіи.

Уходя изъ Москвы, французы также ревниво отнеслись къ спасенію плодовъ своего грабежа, какъ Наполеонъ къ своимъ своеобразнымъ трофеямъ, думая явить въ нихъ свидѣтельство своего военнаго торжества и занятія непріятельской столицы. Масса французовъ не сознавала, что обременяя себя ихъ жадности она тѣмъ вѣрнѣе обрекла себя на гибель, точно также какъ императоръ не предвидѣлъ, что ни одна былинка его *трофеевъ* не достигнетъ границы Россіи.

Французы выступаютъ въ видѣ громаднаго табора.

Все что оказалось въ рукахъ грабителей, драгоцѣнные металлы, дорогія вещи и одѣянія, пищевые запасы, разнородные экипажи, лошади, скотъ, и все, что они успѣли захватить, обременило отступленіе безчисленнымъ обозомъ. Кромѣ нагруженнаго награбленнымъ добромъ огромнаго обоза, придававшаго отступающимъ французамъ видъ переселяющагося народа, за ними потянулось значительное число проживавшихъ въ Москвѣ иностранцевъ, съ семействами и тѣмъ имуществомъ, которое уцѣлѣло послѣ грабежей, и наконецъ всякій непотребный сбродъ, приставшій къ нимъ въ Москвѣ. При такихъ условіяхъ, французскій лагерь много утратилъ своей воинской осанки и подвижности, и обратился въ непрерывную вереницу въ нѣсколько рядовъ разнообразныхъ экипажей и телѣгъ, нагруженныхъ всякимъ сбродомъ и добромъ, затрудняющихъ и задерживающихъ переходы тѣснинъ и мостовъ.

Выѣзжая изъ города, Наполеонъ не безъ затрудненія проѣхалъ среди пестраго и обременительнаго табора, и долженъ былъ вынести новое тяжелое впечатлѣ-

ніе въ предвидѣніи ожидающей такое нестройное войско судьбы, и нужно полагать, что это тяжелое чувство столь же горько было для него, какъ необходимость оповѣстить Францію и Европу своимъ 26-мъ бюлетенемъ о своемъ рѣшеніи занять новую *военную позицію*, за утратой Москвой такого значенія!

Подъемъ настроенія въ нашемъ станѣ.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ настроеніе было несравненно бодрѣе еще до пораженія Мюрата 6-го числа, а послѣ этого счастливаго столкновенія сдѣлалось еще болѣе увѣреннымъ въ благополучномъ оборотѣ военныхъ событій. На Александра, впечатлительнаго и склоннаго къ сознательному преувеличенію въ своихъ благосклонныхъ проявленіяхъ, извѣстіе Тарутинскаго сраженія произвело настолько радостное впечатлѣніе, что онъ съ легкостью женскаго своенравія перешелъ отъ рѣзкихъ и незаслуженныхъ укоризнъ Кутузову къ самымъ лестнымъ рескриптамъ. Нужно полагать, что начало наступательныхъ дѣйствій главныхъ нашихъ силъ окончательно успокоило государя, устраняя опасенія относительно безопасности Петербурга, но не сдерживало нетерпѣливаго требованія отъ Кутузова (въ очень лестномъ рескриптѣ) скорѣйшаго изгнанія врага, съ той только разницей, что вмѣсто прежде употребляемыхъ рѣзкихъ напоминаній, Александръ послѣ Тарутина сталъ высказывать увѣренность ожидаемыхъ успѣховъ. Такая перемѣна государя, отъѣздъ подавленнаго его неудовольствіемъ Барклая, вскорѣ послѣдовавшее удаленіе безпокойнаго Бенингсена и прибытіе безопаснаго Тормасова (8-го числа) вполнѣ ободрили настроеніе фельдмаршала.

Кутузову предстояло, вслѣдствіе выступленія французовъ изъ Москвы, пережить второй рѣшительный переворотъ въ борьбѣ съ Наполеономъ: первый, при уступкѣ первопрестольной столицы, былъ сопряженъ съ оскорбительной для народной чести жертвой; второй обращалъ эту жертву въ искупительную.

Движеніе французовъ началось 7-го, и было предупреждено упомянутымъ занятіемъ Ѳоминскаго частью корпуса Евгенія Богарнэ. Наполеонъ настигъ войска 8-го

въ селѣ Троицкомъ на старой Калужской дорогѣ, по направленію къ Воронову, къ которому отступилъ Мюратъ. До своего выѣзда изъ Москвы, въ своихъ распоряженіяхъ остающемуся въ ней маршалу Мортье, въ приказахъ интендантству и въ разговорахъ Наполеонъ утверждалъ, что онъ покидаетъ городъ на время, чтобы пораженіемъ Кутузова отмстить за Тарутинское сраженіе. Нѣкоторые французскіе историки тщетно стараются доказать искренность этихъ заявленій, которымъ противорѣчатъ предшествующія выступленію совѣщанія о лучшемъ направленіи при отступленіи, и самая допущенная имъ обстановка этого выступленія. Когда предпринимается наѣздъ для *проученія* врага, то конечно это не дѣлается въ безобразной обстановкѣ переселяющагося дикаго народа. Выступающіе французы не вѣрили возвращенію и не желали его, и потому выходили изъ Москвы какъ перекочевывающая навсегда орда. Желалъ ли Наполеонъ избавиться отъ обиднаго признанія крушенія своего безразсуднаго предпріятія, или надѣялся первоначальнымъ движеніемъ по старой Калужской дорогѣ ввести въ заблужденіе своего противника, оказывается безразличнымъ, такъ какъ ни его сподвижники, ни общественное мнѣніе, ни его противникъ — никто не поддался обольщенію, которое осталось самообольщеніемъ или было признакомъ упадка духа и нерѣшительности. Не обманувъ никого, Наполеонъ будто бы рѣшилъ окончательно покинуть Москву уже по прибытіи 8 въ Троицкое, вслѣдствіе чего послалъ Мортье приказанія о взрывѣ Кремля, поджогѣ зданій, истребленіи военныхъ запасовъ и отправленіи части раненыхъ. Здѣсь въ Троицкомъ было рѣшено направить чрезъ Горки въ Ѳоминское остальную часть корпуса Евгенія, корпусъ Даву и гвардію, а Ней долженъ былъ дождаться Мюрата и слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ тѣмъ же путемъ на новую Калужскую дорогу. Въ это же время, вѣроятно съ цѣлью отвлеченія вниманія нашего главнокомандующаго, было ему послано письмо маршала Бертье, помѣченное «Москва», съ увѣщаніями объ укрощеніи разорительнаго образа веденія войны, не имѣвшее конечно никакого другого послѣдствія кромѣ любезнаго отвѣта о безсиліи измѣнить возмущенное нашествіемъ народное чувство, но доста-

вившее посылкою съ этимъ письмомъ полковника Бертеми въ Тарутинскій лагерь, возможность Наполеону удостовѣриться въ продолженіи пребыванія нашихъ главныхъ силъ въ этомъ лагерѣ. Эта увѣренность поддержала надежду французовъ успѣть незамѣченными перейти на новую Калужскую дорогу и предупредить Кутузова въ занятіи Калуги, прослѣдуя мимо него чрезъ Боровскъ и Мало-Ярославецъ.

Неудачныя разрушенія Мортье въ Москвѣ.

Такая удача вознаградила бы конечно за ошибку ненужной потери времени Наполеономъ въ походѣ на Троицкое и Горки, но не могла бы обезпечить, какъ разглагольствуютъ французы, спокойной и обильной стоянки въ Калугѣ и окрестностяхъ, въ которыхъ они бы остались, какъ и въ Москвѣ, окруженными враждебными войсками и народомъ. Но этимъ не ограничивалось самообольщеніе Наполеона, полагавшаго, что выступленіемъ на старую Калужскую дорогу, обѣщаніями возвратиться въ Москву, письмомъ Бертье къ Кутузову, послѣдній введется въ обманъ. Онъ забывалъ, что съ его обезсиленной *обезлошаденной* конницей, было почти невозможно ввести въ заблужденіе относительно своихъ движеній противника, располагающаго многочисленными всюду проникающими партизанскими отрядами, бодрой конницей и неутомимыми казаками.

Передвиженіе французскаго войска удалось и произошло 9, 10 и 11 октября, въ которыя числа постепенно поспѣли въ Ѳоминское назначенныя для наступленія на Мало-Ярославецъ войска, куда прибылъ 10-го самъ Наполеонъ.

Въ то же время, т.-е. 10 и 11-го октября Мортье исполнялъ приказанія Наполеона въ Москвѣ, отправляя часть раненыхъ и остающіяся войска, и истребляя, насколько ему дозволила поспѣшность выступленія, историческіе памятники, государственное и военное достояніе. Ему удалось въ то же время взять въ плѣнъ неосторожно поспѣшившаго вступить въ Москву подъ видомъ парламентера, генер. Винценгероде, вмѣстѣ съ его адъютантомъ Нарышкинымъ. Взрывъ Кремля и пожаръ арсенала оказались менѣе гибельными, нежели надѣялся Наполеонъ, но достаточными, чтобы увѣковѣчить этотъ поступокъ безсильной злобы, и придать новое оживленіе усердію народ-

ной войны. Этимъ подвигомъ заключилось гибельное пребываніе французовъ въ Москвѣ, начатое неудачнымъ призваніемъ *бояръ* для величанія передъ ними, чтобы окончиться бѣгствомъ въ видѣ орды, удаляющейся съ награбленнымъ добромъ, и знаменующей свое удаленіе безцѣльными разрушеніями.

Но ни письмо, посланное чрезъ Бертеми, ни выступленіе по старой Калужской дорогѣ не послужили осуществленію попытки Наполеона, напрасно потерявшаго нѣсколько дней на кружное движеніе чрезъ Царицыно, Горки, Игнатово и Ѳоминское. Въ его распоряженіи было войско, утратившее одно изъ главныхъ своихъ достоинствъ—подвижность, вслѣдствіе безобразнаго обоза, обременяющаго его движеніе. Къ тому же, оно было обречено неисправностью своей конницы подвигаться почти ощупью, въ то время когда русскіе партизаны и казаки отовсюду слѣдили за его движеніями, ставили въ положеніе, лишающее его лучшаго его качества и вѣроятія успѣшно укрыться. Первое появленіе французскихъ войскъ на новой Калужской дорогѣ было обнаружено генераломъ Дороховымъ, до появленія на ней главныхъ силъ, и донесеніе его вызвало отправленіе 10 окт. изъ Тарутинскаго лагеря корпуса ген. Дохтурова, по направленію къ Ѳоминскому, не доходя котораго, благодаря бдительности партизановъ, Дохтуровъ въ Аристовѣ получилъ болѣе точныя свѣдѣнія о движеніи французскихъ войскъ. Доставленные партизаномъ Сеславинымъ вечеромъ того же дня плѣнные показали, что главныя французскія силы, выступившія четвертый день тому назадъ, приближаются къ Ѳоминскому, а вслѣдъ за этимъ прибыло донесеніе Дорохова о вступленіи французовъ въ Боровскъ, на полу-пути между Ѳоминскимъ и Мало-Ярославцемъ. Дохтуровъ немедленно донесъ объ этомъ движеніи главнокомандующему и выдвинулъ свою конницу по направленію къ передвигающимся французскимъ войскамъ, чтобы не выпускать ихъ изъ вида. Это донесеніе вызвало умиленную радость въ дряхломъ фельдмаршалѣ, ясно усматривающемъ въ выступленіи французовъ въ обратный походъ начало неизбѣжной ихъ гибели, и побудило поспѣшное отправленіе Платова съ казачьими полками въ Мало-Ярославецъ, куда

поспѣшно направился 11-го Дохтуровъ съ своимъ корпусомъ. Онъ достигъ этого города 12 числа, несмотря на препятствія, встрѣченныя на пути отъ сожженнаго моста въ селѣ Спасскомъ, гдѣ пришлось его возобновлять въ ночь 11-го на 12-ое, послѣ чего онъ поспѣлъ сначала съ одними егерями, а потомъ и со всѣмъ корпусомъ. Кутузовъ также выступилъ 11-го изъ Тарутина, но безъ особенной поспѣшности, послѣ полудня, выжидая болѣе точныхъ свѣдѣній о движеніи французскихъ войскъ, которыя всѣ согласовались со свѣдѣніями, полученными чрезъ Дохтурова, которому Сеславинъ сообщалъ, что видѣлъ во время своихъ разъѣздовъ Наполеона, слѣдующаго со своей свитой по новой Калужской дорогѣ. Поздно вечеромъ опустѣлъ Тарутинскій лагерь, послѣ шумнаго и благотворнаго пребыванія нашихъ войскъ, вступившихъ сюда три недѣли тому назадъ въ числѣ 62.000 изнуренныхъ людей, и выступившихъ въ числѣ 97.000 оправившихся людей, не считая 20.000 казаковъ. Кромѣ обновленія и пополненія въ своихъ нѣдрахъ защитниковъ независимости и чести Россіи, Тарутинскій лагерь получилъ знаменательное значеніе предѣла злоключеній Отечества, изнемогавшаго въ неравной борьбѣ съ искуснѣйшимъ и счастливѣйшимъ полководцемъ новѣйшихъ временъ, нагрянувшимъ на него во главѣ небывалаго до того по количеству и качеству войска; и отсюда испытавшимъ оборотъ счастья, начавшаго измѣнять ему съ тѣмъ же постоянствомъ, съ которымъ оно осѣняло его шестнадцать лѣтъ въ непрерывныхъ и оглушительныхъ удачахъ.

Мало-Ярославецъ.

Въ Тарутинѣ опредѣлилась остановка упадка благополучія Россіи подъ ударами до того всесильнаго Наполеона; въ Мало-Ярославцѣ испыталъ онъ первый толчокъ, направившій его на путь безостановочнаго паденія. Здѣсь впервые его предположенія и искусные *маневры*, столь часто ему служившіе, оказались безсильными и безплодными, встрѣтивши одновременно прозорливаго противника, не давшаго имъ осуществиться, и отпоръ, настолько твердый и кровопролитный, что пришлось поневолѣ отказаться отъ всякой надежды уклониться отъ намѣченнаго ему гибельнаго пути отступленія. Въ виду упорнаго истолкованія французами причинъ неудачи похода

въ Россію и гибели войска пожаромъ Москвы и морозами при отступленіи, является необходимость настаивать на указаніи неудавшихся маневровъ Наполеона, непреодолимости преградъ, поставляемыхъ русскими его дальнѣйшимъ предпріятіямъ, чтобы вполнѣ выяснить, что прозорливость его противниковъ и непреодолимый отпоръ предводимыхъ ими войскъ бросили его на тотъ путь, на которомъ его ожидала гибель, и этимъ путемъ несомнѣнно его побѣдили, такъ какъ побѣда не состоитъ неизбѣжно въ поголовномъ избіеніи врага въ сраженіи, но и въ приведеніи его при помощи сраженія въ несомнѣнно гибельное положеніе.

Несмотря на всю поспѣшность Дохтурова стремиться къ занятію Мало-Ярославца, прибывшіе передъ свѣтомъ 12-го его передовые егеря застали этотъ незначительный городокъ, расположенный надъ склономъ къ болотистой рѣчкѣ Лужѣ, уже занятымъ двумя французскими егерскими батальонами дивизіи Дельсона, изъ корпуса принца Евгенія, успѣвшими возобновить разрушенный на Лужѣ мостъ и занять беззащитный городокъ. За дивизіей Дельсона слѣдовали остальныя дивизіи того же корпуса, двѣ дивизіи корпуса Даву и Наполеонъ съ гвардіей. Остальныя французскія войска отчасти находились между Ѳоминскимъ и Можайскомъ, отчасти еще были задержаны на пути изъ Москвы и на старой Калужской дорогѣ, откуда очень поспѣшно слѣдовалъ въ Мало-Ярославецъ Милорадовичъ, остававшійся до этого какъ бы ширмой передъ французами, находящимися въ Вороновѣ, откуда Даву (замѣнившій здѣсь Мюрата) слѣдовалъ нѣкоторое время за отступающимъ Милорадовичемъ, но вскорѣ послѣдовалъ за Наполеономъ.

Предупредившій Дохтурова въ Мало-Ярославцѣ Дельсонъ едва успѣлъ его занять, когда стали появляться русскіе полки и орудія, которыя, благодаря расположенію городка на откосѣ по вогнутой дугѣ берега рѣки Лужи, могли своимъ огнемъ дѣйствовать сокрушительно на переправу французовъ чрезъ рѣку. Немедленно по прибытіи къ городу Дохтуровъ распорядился установкой орудій для дѣйствія противъ наступающихъ французовъ, и направилъ прибывшихъ своихъ егерей въ городъ для его занятія.

Вслѣдъ за этимъ весь день прошелъ въ упорныхъ нападеніяхъ постепенно прибывающихъ войскъ на Мало-Ярославецъ, въ тѣснотѣ котораго происходили безпрестанныя схватки, при чемъ одна сторона поочередно вытѣсняла другую, оставляя по пути много раненыхъ и убитыхъ, и возвращаясь снова съ свѣжими прибывающими войсками. Французы много теряли народа отъ обстрѣливающихъ переправу чрезъ Лужу русскихъ орудій, но успѣли съ своей стороны занять въ городкѣ немногія каменныя постройки, въ томъ числѣ церковь, что давало имъ прочную опору противъ наступленія въ городъ свѣжихъ русскихъ частей. По мѣрѣ увеличенія численности войскъ съ обѣихъ сторонъ, происходили не только рукопашныя схватки отрядовъ, постепенно вводимыхъ въ переполненный трупами городъ, переходившій семь разъ изъ рукъ въ руки; но выставлялись орудія съ нашей стороны передъ выходомъ изъ него на Калужскую дорогу, а французами на берегу Лужи, и всѣ эти орудія были направляемы на войска противника, когда они наступали или вытѣснялись изъ города, вскорѣ объятаго пламенемъ.

Въ началѣ сраженія, съ нашей стороны были налицо только полки Дохтурова, а послѣ приближенія довольно медленно подвигающихся главныхъ силъ Кутузова, сдѣлавшаго даже привалъ не доходя 5 верстъ до города, вслѣдствіе настоятельнаго требованія Дохтуровымъ подкрѣпленія, ему былъ отправленъ корпусъ Раевскаго. Въ то время когда прибывающіе русскіе полки были лично вводимы въ огонь такими испытанными и неустрашимыми генералами какъ Ермоловъ, Коновницынъ, и руководимы такими начальниками какъ Дохтуровъ и Раевскій, Кутузову казалось можно было не безпокоиться о томъ, что съ нашей стороны будетъ исполненъ долгъ безукоризненно. Но по мѣрѣ приближенія къ мѣсту кровопролитнаго боя, обозрѣвая его и удостовѣрясь въ приближеніи съ французской стороны многочисленныхъ частей, въ числѣ которыхъ отдѣлялись новые наступающіе полки, главнокомандующій, обыкновенно сдержанный и покойный, невольно увлекся обозрѣваніемъ подъ огнемъ орудій и долго оставался среди опасностей, рѣшительное значеніе которыхъ для судьбы Отечественной войны настолько потрясло и вооду-

шевило дряхлаго воина, что онъ сталъ вызывать личное участіе своего любимца Коновницына, всегда имъ умѣряемаго (какъ это случалось ему и съ другими такими заносчивыми сподвижниками какъ Евгеній Виртембергскій и проч.), посылая его въ средоточіе кровопролитныхъ схватокъ, устлавшихъ городъ трупами.

Упорство и кровопролитіе борьбы въ Малоярославцѣ.

Съ французской стороны упорство и заносчивость не уступали рѣшительности съ нашей стороны, и наступающія одна послѣ другой дивизіи Евгенія Богарнэ, Дельсона, Брусье, Пино и гвардейская были вводимы одна за другой въ огонь и положили много своихъ жертвъ среди разрушаемаго огнемъ города, который къ вечеру остался въ рукахъ французовъ, несмотря на усилія введеннаго въ дѣло корпуса Бороздина, и личнаго предводительства гренадеръ Коновницынымъ. Занявшихъ разоренный городъ французовъ и итальянцевъ Пино поддерживали перешедшіе Лужу полки изъ корпуса Даву, и послѣ неудачи Бороздина и Коновницына, пытавшихся вытѣснить ихъ изъ города, русскимъ войскамъ пришлось расположиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него по обѣимъ сторонамъ Калужской дороги, обстрѣливая своими орудіями мѣстность между своимъ расположеніемъ и городомъ, при появленіи французовъ на этомъ пространствѣ. Наполеонъ прибылъ въ полдень къ сражающимся, но такъ же мало какъ и Кутузовъ спѣшилъ вводить въ огонь новыя силы, руководясь вѣроятно тѣми же самыми соображеніями какъ и русскій фельдмаршалъ, ограничиваясь обозрѣніемъ и нѣкоторыми распоряженіями при расположеніи орудій.

Перестрѣлка затихла только поздней ночью, и упорное сраженіе вполнѣ затихло только послѣ 18-часоваго кровопролитія. Сражались такъ упорно среди выгорѣвшаго городка (изъ 200 его домовъ сгорѣло 180), что его улицы и околица были устланы трупами и ранеными, по которымъ двигались сражающіеся и орудія какъ по мостовой, давя мертвыхъ и умирающихъ. Съ обѣихъ сторонъ было введено въ дѣло около 24.000 человѣкъ, изъ которыхъ по 6000 осталось погибшими съ каждой стороны на полѣ сраженія. Сражающіеся соперничали самоотверженіемъ и упорствомъ, и ихъ предводители не щадили себя. Съ нашей стороны былъ тяжело раненъ глав-

ный виновникъ своевременнаго обличенія попытки Наполеона обойти Кутузова, ген. Дороховъ, никогда не оправившійся отъ полученной раны, отъ которой онъ скончался два года спустя. Съ французской стороны былъ убитъ начальникъ дивизіи Брусье и ранено два генерала. Но вынесенное предводителями французовъ и русскихъ впечатлѣніе, несмотря на доблестное поведеніе ихъ войскъ, было настолько неопредѣленно, что ни у Кутузова ни у Наполеона не явилось убѣжденія въ умѣстности возобновленія сраженія на другой день, несмотря на то, что нашъ лагерь усилился прибытіемъ къ концу сраженія Милорадовича, прошедшаго съ своимъ отрядомъ 50 верстъ въ одинъ день. Это подкрѣпленіе вызвало восторженную похвалу Кутузова, сказавшаго Милорадовичу: «ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы», но не усмотрѣвшаго въ этомъ своемъ усиленіи, давшемъ ему несомнѣнное численное превосходство надъ Наполеономъ, причины переходить въ наступленіе.

Продолжительный и упорный бой, происходившій на тѣсномъ пространствѣ, позволявшемъ постепенно вступать въ него съ обѣихъ сторонъ отдѣльными дивизіями, обстрѣливаемыми съ русской и французской стороны многочисленными орудіями, похитилъ много жертвъ, но не могъ оказать рѣшительнаго и явнаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Вопросъ о томъ, за кѣмъ остается Калужская дорога, оставался открытымъ. Несмотря на несомнѣнное превосходство силъ Кутузова, на хорошее состояніе конницы и сознаніе, что *съ нашей стороны* долженъ былъ послѣдовать толчокъ рѣшительнаго оборота дѣлъ, главнокомандующій не спѣшилъ на поле сраженія и не способствовалъ приданію дѣлу болѣе широкихъ и рѣшительныхъ размѣровъ. Не желая уступить Мало-Ярославца и открыть дорогу въ Калугу, онъ точно также не желалъ вызвать подъ нимъ рѣшительнаго сраженія. Онъ даже не испыталъ возможности, извлечь во время боя какую-нибудь пользу отъ стоявшихъ влѣво отъ города многочисленныхъ казаковъ Платова, въ виду которыхъ проходили французскія наступающія войска, ни разу не тревожимыя праздно стоящей конницей. Эта неподвижность вызвала порицаніе Кутузова, слѣдствіемъ котораго явилось ночное нападеніе Платова, но несомнѣнно

что она могла бы нарушиться во время сраженія 12/24 числа, если бы главнокомандующій объ этомъ позаботился, и если бы его распоряженія не были исключительно направлены къ избѣжанію *пораженія*, а не къ погонѣ за побѣдой.

Кутузовъ остается выжидателемъ.

Со стороны Кутузова, кромѣ природной наклонности къ расчету, усиленной опытомъ и старостью, и предпочтенія къ избранному имъ пути къ побѣдѣ надъ напрасными кровопролитіями, имѣлась также увѣренность, что война приняла такой оборотъ, который естественнымъ своимъ теченіемъ приведетъ французовъ къ гибели. Этимъ объясняется его упорная уклончивость передъ рѣшительными дѣйствіями, и никакія настоянія его любимца Толя и поздравленія Бенингсена, обѣщавшаго продолженіе на другой день нападенія французовъ и побѣду надъ ними, не могли его подвинуть на разрѣшеніе возобновленія нами дѣйствія на другой день. Довольствуясь ожиданіемъ обѣщаннаго Бенингсеномъ французскаго нападенія, къ которому онъ отнесся не безъ насмѣшки, онъ отвѣтилъ Толю на его настоянія словами: «вотъ смыслишь, опытный генералъ доноситъ, что непріятель хочетъ завтра атаковать меня, а ты предлагаешь, чтобы я поступилъ какъ отчаянный гусаръ. Нѣтъ, лучше приготовимся его встрѣтить...». Даже встрѣтить предполагаемое наступленіе Наполеона Кутузовъ не желалъ на первоначально занятомъ тѣсномъ расположеніи, между городомъ и находящимся въ незначительномъ разстояніи оврагомъ, и перевелъ главныя силы за оврагъ, оставивши Милорадовича на мѣстѣ, первоначально занятомъ 12 числа.

Совѣщаніе у Наполеона.

Ночью происходило совѣщаніе во французскомъ станѣ въ Городнѣ, куда возвратился Наполеонъ отъ берега Лужи. Въ этомъ совѣщаніи, въ которомъ принимали участіе Бертье, Мюратъ, Бессьеръ и Мутонъ (графъ Лобау), и въ которомъ несомнѣнно обнаружилось, что рѣшимость произвести нападеніе была потрясена, обычная угодливость и льстивость сподвижниковъ французскаго императора подверглась не малому искусу. Всѣ желали удаленія изъ Россіи, потерявши всякую надежду на успѣшный исходъ предпріятія, но большинство ихъ до того свыклось съ безмолвнымъ поведеніемъ, что не могло откровенно высказать свое мнѣніе безъ лести и оговорокъ. Начали съ

утвержденія несомнѣнности побѣды, приходя однако къ заключенію желательности отступленія къ Смоленску, но когда очередь высказаться дошла до Мутона, онъ объявилъ безъ обиняковъ, *что нужно отступать по кратчайшей и извѣстнѣйшей дорогѣ на Можайскъ къ Нѣману, и какъ можно скорѣе.* Послѣднія слова онъ повторилъ нѣсколько разъ, не встрѣтивши прямого опроверженія со стороны Наполеона, ограничившагося отвѣтомъ, что прежде рѣшенія этого вопроса онъ желаетъ осмотрѣть поле сраженія.

Этотъ осмотръ подтвердилъ основательность мнѣнія Мутона, обнаруживши всю слабость французскаго стана, лишеннаго охраны разъѣздовъ конницы, доведенной безкормицей до совершенной негодности,

Наполеонъ едва избѣгаетъ плѣна.

Въ то время когда французскій императоръ отправлялся на разсвѣтѣ 13-го отъ Городни къ Мало-Ярославцу, онъ былъ застигнутъ однимъ изъ казачьихъ отрядовъ, отправленныхъ по приказанію Кутузова на поискъ въ тылъ расположенія французовъ. Только случай спасъ отъ плѣна Наполеона, очутившагося съ немногочисленной свитой среди налетѣвшихъ казаковъ, не узнавшихъ въ сумеркахъ того, съ кѣмъ они столкнулись. Подоспѣвшій отрядъ французской конницы выручилъ своего императора, но остальные казачьи отряды успѣли захватить нѣсколько французскихъ орудій и значительную добычу въ ихъ лагерѣ. Оплошность французскаго стана достаточно подтвердила основательность мнѣнія Мутона, и указала на невозможность расчитывать на успѣхъ наступленія съ войсками, разстройство которыхъ слишкомъ явно выступало наружу.

Попытки обхода Кутузова и сбитія его съ быстро занятой Калужской дороги не удались, внѣ всякихъ вліяній *суроваго климата*, изъ котораго французы сдѣлали козла отпущенія: оказалось явно невозможнымъ не только обмануть и разгромить русское войско, но даже промедлять свое отступленіе, въ виду невозможности оградить въ его сосѣдствѣ свою безопасность. Все, что рѣшился Наполеонъ сдѣлать для своего достоинства и начинавшей блекнуть славы, ограничилось сохраненіемъ занятаго положенія въ теченіе 13-го числа; Кутузовъ послѣдовалъ этому примѣру.

Совѣщаніе во французскомъ лагерѣ и убѣжденіе въ отсутствіи какой бы то ни было безопасности среди послѣдняго могли только подтвердить принятое при выступленіи изъ Москвы рѣшеніе Наполеона—пробираться къ границѣ, слѣдуя по наименѣе гибельному направленію. Такое значеніе имѣла попытка попасть въ обильно-снабженную Калугу и оттуда все-таки слѣдовать въ Смоленскъ по неразоренному краю. Всѣ остальныя французскія толкованія объ оборотѣ, который взятіе Калуги могло бы дать войнѣ, объ увѣренности побѣды при возобновленіи сраженія, отъ котораго Наполеонъ будто бы отказался единственно изъ опасенія за судьбу своихъ раненыхъ при побѣдѣ среди враждебнаго населенія и проч., все это принадлежитъ къ области самохвальства, взрощеннаго 16-тью годами успѣховъ, и отъ котораго французы не могли отвыкнуть до пораженій франко-прусской войны. Можно было расчитывать на успѣхъ только при ожиданіи оплошности русскихъ, которая не оправдалась. И потому, послѣ встрѣченнаго упорнаго сопротивленія въ Мало-Ярославцѣ, разсѣявши свои корпуса отъ послѣдняго города до Можайска, встрѣтивши на Калужской дорогѣ Кутузова въ превосходномъ числѣ (90.000 русскихъ противъ 60.000 французовъ) въ то время, когда остальные его отряды всюду подвергались нападеніямъ партизановъ и казаковъ, Наполеонъ не могъ болѣе надѣяться на благопріятный оборотъ войны: онъ былъ слишкомъ здравымъ судьей для такого самообольщенія, а совѣщаніе въ лагерѣ доказало невозможность обольстить своихъ сподвижниковъ. Отступленіе отъ Мало-Ярославца сдѣлалось неизбѣжнымъ, и 13 числа не произошло нападенія ни съ русской ни съ фрнацузской стороны, несмотря на то, что 12-го вечеромъ было обѣщано наступленіе французскимъ императоромъ. Съ нашей стороны, Кутузовъ довольствовался прегражденіемъ французамъ Калужской дороги, и возможностью донести государю объ этомъ успѣхѣ,—скрашивая его взятіемъ французскихъ орудій Платовымъ при обычномъ поискѣ и другимъ казачьимъ генераломъ Иловайскимъ 9-мъ у Понятовскаго подъ Медынью, якобы взятыхъ въ Мало-Ярославецкомъ сраженіи. Кромѣ захваченныхъ орудій и плѣнныхъ, казакамъ удалось захватить записку Бертье, изъ которой явствовало, что фран-

цузы стремились пробиться кружнымъ, неразореннымъ путемъ черезъ Медынь, Можайскъ, Ельню въ Смоленскъ. Кутузовъ не желалъ ничего, кромѣ ихъ отступленія и прикрытія отъ нихъ менѣе разоренной мѣстности по пути отступленія: въ этихъ соображеніяхъ, съ преувеличенною осторожностью, которой повидимому не ожидалъ его противникъ, онъ отступилъ въ Демчино, что, несмотря на постоянныя ободренія главнокомандующаго, навело трепетъ на жителей Калуги, смущенныхъ отступленіемъ, явно противорѣчащимъ поданной имъ надеждѣ безопасности ихъ города.

Эта новая черта осторожности дряхлаго главы нашей обороны, постоянно руководимаго своей непоколебимой мудростью, чуждой погони за громкими успѣхами, окончательно лишаетъ его блеска неустрашимаго витязя, и несомнѣнно могла служить предлогомъ для строгихъ сужденій его порицателей, несмотря на то, что не принесла никакого ущерба дальнѣйшимъ успѣхамъ войны.

Объ арміи отступаютъ.

Четырнадцатаго октября, получивши донесеніе объ отступленіи русскихъ, Наполеонъ распорядился отступленіемъ войскъ, находящихся подъ Мало-Ярославцемъ, къ Боровску: стоявшему тамъ Нею къ Верею и потомъ къ Можайску; Понятовскому прикрывать движеніе другихъ корпусовъ, отступая къ Гжатску; Мортье ускорить движеніе къ Можайску, а Жюно отъ Можайска къ Вязьмѣ. Всѣ эти распоряженія, стягивающія разсѣянные французскіе корпуса на ближайшій путь отступленія по направленію къ Смоленску, ясно доказываютъ, что во французскомъ лагерѣ не считали возможнымъ искать цѣною предполагаемыхъ вѣрныхъ побѣдъ мнимо спасительнаго обезпеченнаго убѣжища въ пресловутой Калугѣ. Даже крайне *скромное поведеніе* Кутузова, отступившаго къ Демчину, не могло послужить поощреніемъ къ продолженію наступленія, расчитывающаго на *безпрепятственный* переходъ на болѣе благопріятный путь. Вообще, крутой оборотъ въ столь успѣшномъ до Мало-Ярославца военномъ поприщѣ Наполеона внушалъ его противнику, искренне признающему превосходство противоставленныхъ ему воен-

ныхъ дарованій, такое недовѣріе, что онъ не могъ измѣнить своихъ крайне осторожныхъ пріемовъ, давая болѣе вѣры тѣмъ донесеніямъ о его движеніяхъ, которыя согласовались съ испытанной его находчивостью и смѣлостью, нежели тѣмъ, въ которыхъ отражалось крайне затруднительное положеніе, къ которому привели его безразсудное предпріятіе *нашествія* и отмѣнно разсудительныя дѣйствія его противника.

Кутузовъ, получивши извѣстіе Милорадовича объ отступленіи французовъ и распорядившись ихъ преслѣдованіемъ легкими отрядами и казаками Платова, тѣмъ не менѣе придалъ значеніе слухамъ объ ихъ движеніи на Медынь, и поспѣшилъ направить 16-го Паскевича съ отрядомъ на Медынскую дорогу, отступивши самъ съ остальными войсками къ Полотнянымъ заводамъ, на Юхновской дорогѣ, и вмѣстѣ съ этимъ на дорогѣ изъ Медыни въ Калугу. Милорадовичу съ передовымъ отрядомъ было приказано слѣдовать прямо на Медынь, но полагая этотъ городъ во власти французовъ, онъ направился къ Адамовскому, находящемуся ближе къ Полотнянымъ заводамъ. Всѣ эти распоряженія указываютъ на не оправдавшуюся вѣру Кутузова въ смѣлую предпріимчивость Наполеона, но одновременно съ этой ошибкой, поощряемой крайней осторожностью стараго фельдмаршала, мы имѣемъ ясное доказательство его прозорливости въ его письмѣ къ Витгенштейну, въ которомъ, извѣщая о Мало-Ярославецкомъ сраженіи, онъ пишетъ: „непріятель повидимому беретъ обратное направленіе къ Боровску, пробираясь фланговымъ маршемъ къ Гжатску. Полагаю ему нанести величайшій вредъ параллельнымъ движеніемъ...“, обнаруживая такимъ образомъ свою надежду преслѣдованіемъ непріятеля съ *фланга* заставить его обратиться на опустошенную Можайскую дорогу.

Французы отступаютъ по Смоленской дорогѣ.

Своимъ рѣшительнымъ движеніемъ на Боровскъ и отозваніемъ Понятовскаго обратно съ Медынской дороги Наполеонъ подтвердилъ неосновательность его разнообразныхъ предполагаемыхъ движеній, которыми пытался заслонить тяжелое признаніе безсилія долѣе держаться въ Россіи въ положеніи завоевателя. Состояніе его войскъ, всюду встрѣчаемое сопротивленіе и непримиримо-враждебное на-

строеніе страны, не оставляли никакого вѣроятія успѣшности похода на Витебскъ или *завоеванія* пути отступленія на Калугу. Приходилось отступать по кратчайшему, разоренному пути съ разстроеннымъ войскомъ, сопровождаемымъ всякимъ сбродомъ, съ которыми предстояло пробиваться среди направляемыхъ на путь отступленія русскихъ войскъ, имѣя въ тылу напирающія силы Кутузова. При такихъ условіяхъ, отступленіе неизбѣжно должно было обратиться въ бѣгство, бѣдственность котораго должна была увеличиться отъ неблагопріятнаго времени года, оставаясь и помимо этихъ крайнихъ условій бѣдствіемъ несомнѣннымъ и неизбѣжнымъ.

Началомъ рѣшительнаго крушенія предпринятаго похода Наполеона на Россію нужно считать 14 октября, когда онъ началъ отступать на Смоленскую дорогу, на которую онъ выступилъ 16, а 18-го уже подошелъ къ Гжатску. 17-го числа отступающіе французы проходили чрезъ Бородино, еще сохраняя видъ войска, но войска разстроеннаго и угнетеннаго сознаніемъ крушенія своего похода. Поля страшнаго побоища представляли слѣды кровавой борьбы 26-го августа, своими трупами, обломками и снарядами, покрывавшими все пространство между сожженными деревнями. Обезлюденіе послѣднихъ, лишившее возможности уборки тѣлъ, послужило къ сохраненію всего ужаса мѣсту безпримѣрнаго побоища, чрезъ которое пришлось уныло прослѣдовать отступающему французскому войску, какъ бы для того, чтобы освоиться съ зрѣлищемъ ожидающихъ его бѣдствій. Пѣхота его сохраняла нѣкоторую бодрость и стройность, но лошади были въ жалкомъ состояніи, недостаточно обезпечивая конницу и артиллерію. Захваченные въ Москвѣ запасы приходили къ концу, и войскамъ приходилось испытывать тѣмъ болѣе лишеній, что по пути лежали разоренныя и сожженныя деревни, а поиски въ сторону отъ пути затруднялись поспѣшностью отступленія, изнуреніемъ лошадей и въ особенности отрядами партизановъ и озлобленными крестьянами.

Кутузовъ, выславши Орлова-Денисова, Платова, Паскевича и Милорадовича, имѣвшихъ впереди отряды Сеславина и Фигнера, заслонилъ отъ Боровска до Егорьевскаго и нѣсколько западнѣе этого селенія всю мѣстность

на юго-западъ отъ пути отступленія французовъ отъ Городни къ Гжатску, а самъ, не спѣша съ преслѣдованіемъ отступающихъ, перешелъ на западъ отъ Полотняныхъ Заводовъ и только 19-го, получивши отъ находящагося въ отрядѣ Милорадовича Ермолова удостовѣреніе, что наши главныя силы, прикрытыя вышеизложенными передовыми отрядами, могутъ направиться къ Вязьмѣ, выступилъ къ Кременскому по направленію къ означенному городу. Такимъ образомъ, Наполеону не только была преграждена возможность выбора пути отступленія, но выдвинулись всѣ условія, чтобы обратить его отступленіе въ бѣдственное бѣгство, и привести невиданное до того времени по численности, благоустройству, внѣшнему блеску и сопровождавшей его славѣ вооруженіе къ тому ничтожному, беззащитному, голодному и оборванному отряду, который въ декабрѣ обратно перешелъ русскую границу, переступленную въ іюнѣ въ числѣ болѣе 600.000 человѣкъ, при нагломъ провозглашеніи своего императора, *что Россія увлечена рокомъ*...

Плѣнъ Винценгероде и Нарышкина.

Но этотъ императоръ не напрасно провозгласилъ въ заключеніе этого похода, что отъ возвышеннаго къ смѣшному одинъ шагъ, который онъ въ это время неоднократно переступалъ.

Послѣдній выступающій отрядъ его войскъ, согласно данному имъ маршалу Мортье приказанію, долженъ былъ взорвать Кремль и поджечь общественныя зданія, что если и не представляло ничего величественнаго, имѣло несомнѣнно очень грозное и враждебное значеніе, но не получивши своего полнаго развитія только по неудачѣ взрыва и пожара, обратилось въ злобную и безсильную выходку. Отступающимъ французамъ, взамѣнъ затѣяннаго зла, удалось, какъ упомянуто выше, захватить въ плѣнъ неосторожно вступившаго въ Москву ген. Винценгероде съ адъютантомъ Нарышкинымъ. Представленному въ Вереѣ, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ, Наполеону, раздраженному неудачей попытки пробиться въ Калугу, Винценгероде пришлось выслушать оскорбленія и брань отъ французскаго императора за извѣстное свое усердіе и упорство въ враждебности къ французскому игу, окончившіяся угрозой его разстрѣлянія въ качествѣ уроженца западной Германіи, вошедшей въ

Рейнскій союзъ, и жителей которой онъ считалъ своими подданными. Эта выходка, не имѣвшая вѣроятно основаніемъ твердаго рѣшенія, сорвавшаяся при дурномъ настроеніи необузданнаго нрава Наполеона, тѣмъ не менѣе по неприличію и грубости несомнѣнно была... шагомъ къ смѣшному, и вызвала въ императорѣ Александрѣ негодующее письмо отъ 18 октября къ главнокомандующему. Признавая за Винценгероде права парламентера (въ сущности не вполнѣ ясныя), государь приказывалъ Кутузову требовать отъ французовъ выдачи этого генерала, или, въ крайнемъ случаѣ, его обмѣна на плѣннаго французскаго ген. Ферріера. Въ случаѣ же разстрѣлянія нашего генерала, требовалъ разстрѣлянія Ферріера передъ русскими аванпостами и объявленія французамъ, что впредь за каждаго разстрѣляннаго русскаго будутъ у насъ разстрѣливать пять французовъ, начиная съ старшаго въ чинѣ изъ находящихся въ плѣну.

Случайное освобожденіе отрядомъ Чернышева плѣннаго Винценгероде устранило всякія послѣдствія плѣна.

Планъ государя встрѣчаетъ затрудненія.

Несмотря на то, что военныя дѣйствія французскаго вторженія и русской обороны происходили отъ устьевъ Двины до южныхъ притоковъ Вислы и западныхъ Днѣпра, судьба войны рѣшалась исключительно борьбой между войсками, предводимыми Наполеономъ и Кутузовымъ. Между Смоленскомъ, Москвой, Тарутинымъ и Мало-Ярославцемъ произошли невиданно кровопролитныя битвы, ведомыя необузданной заносчивостью французовъ противъ непоколебимой стойкости русскихъ; здѣсь поданы самые блестящіе примѣры самоотверженія, не только въ бою, но и жертвою имущества и очага; здѣсь же, наконецъ, былъ противоставленъ нашествію одинъ изъ трехъ тогдашнихъ полководцевъ—Кутузовъ, соперникъ эрцгерцога Карла и Веллингтона, который былъ способенъ, наравнѣ съ своими соперниками, ставить преграды величайшему полководцу всѣхъ вѣковъ—Наполеону. Въ сравненіи съ значеніемъ борьбы, пожравшей 60.000 жертвъ въ Бородинѣ, одну изъ громаднѣйшихъ столицъ Европы, и готовой пожрать почти безъ остатка *великую армію* — военныя дѣйствія между Эссе-

номъ и Штейнгелемъ, съ одной стороны, и Гравертомъ и Іоркомъ, съ другой, при вѣчно отсутствующемъ ихъ начальникѣ Макдональдѣ, такъ же мало вліяли на судьбу войны, какъ бездѣйствіе Витгенштейна противъ Сенъ-Сира и нерѣшительныя дѣйствія сначала Тормасова, а потомъ Чичагова, противъ Шварценберга и Ренье. Но если эти дѣйствія и ихъ исходъ были въ полной зависимости отъ судьбы борьбы между Наполеономъ и Кутузовымъ, то это не лишало ихъ извѣстнаго значенія, благодаря невольному участію въ нихъ пруссаковъ и австрійцевъ, которыхъ успѣхи русскихъ должны были обратить изъ враговъ въ союзниковъ. Кромѣ того, Александръ надѣялся, своими указаніями и руководствомъ, привести разсѣянные на огромномъ пространствѣ отряды въ достаточно согласное движеніе, чтобы осуществить лелѣемую имъ надежду окружить и полонить сдѣлавшагося ему ненавистнымъ Наполеона.

Дѣйствія войскъ, ближайшихъ къ источнику самообольщеннаго руководства, войска рижскаго гарнизона подъ начальствомъ ген. Эссена и прибывшаго изъ Финляндіи подъ начальствомъ графа Штейнгеля, первыя обнаружили затрудненіе осуществленія сложныхъ соображеній, расчитанныхъ на точное и согласованное исполненіе на большихъ разстояніяхъ, и требующихъ продолжительнаго времени, въ теченіе котораго непредвидѣнныя обстоятельства даютъ неожиданный оборотъ ходу дѣла...

До полученія указаній государя относительно общаго направленія всѣхъ русскихъ силъ для окруженія и взятія Наполеона, главныя русскія силы низовьевъ Двины были сосредоточены въ Ригѣ подъ начальствомъ ген. Эссена въ числѣ около 20.000 человѣкъ, противъ которыхъ былъ направленъ Макдональдомъ для осады этого города, какъ только подоспѣютъ ожидаемыя изъ Пруссіи осадныя орудія, прусскій корпусъ ген. Граверта. Этотъ корпусъ въ ожиданіи осады бездѣйствовалъ точно также, какъ французская дивизія Гранжана, находящаяся подъ начальствомъ маршала Макдональда въ Динабургѣ. Ожидаемыя орудія прибыли въ Руэнталь (недалеко отъ Митавы), но въ это время, въ концѣ августа, пришло распоряженіе Наполеона не осаждать Риги, которой было сдѣлано Гравертомъ не имѣвшее послѣдствій предложеніе сдаться безъ оса-

ды. Вскорѣ Гравертъ былъ замѣненъ ген. Іоркомъ, не замедлившимъ выказать свое недоброжелательство французамъ и сочувствіе русскимъ, съ которыми военныя дѣйствія здѣсь принимали все болѣе и болѣе мирный оборотъ.

Прибытіе изъ Финляндіи 8 сентября войскъ подъ начальствомъ гр. Штейнгеля придало нѣкоторое оживленіе военнымъ дѣйствіямъ на низовьяхъ Двины, но удачи эти дѣйствія не имѣли, отчасти отъ сложности предположенныхъ предпріятій, но и по винѣ распоряженій гр. Штейнгеля.

Первымъ препятствіемъ къ исполненію сложнаго предпріятія, порученнаго прибывшему изъ Финляндіи корпусу въ содѣйствіи съ отдѣляемымъ изъ Риги отрядомъ ген. Левиса, была малочисленность этихъ отрядовъ, сравнительно съ предположеніями государя. Штейнгелю удалось высадить всего 10.000 чел., вмѣсто ожидаемыхъ 15.000, вслѣдствіе разныхъ невзгодъ на морѣ, задержавшихъ остальную часть его корпуса, а Левису не представилось возможнымъ отдѣлить изъ рижскаго гарнизона болѣе 11.000 человѣкъ— всего же у обоихъ генераловъ было немного болѣе 20.000, вмѣсто ожидаемыхъ государемъ 35.000 ч. При этихъ условіяхъ, овладѣть прусскими орудіями и очистить край отъ корпуса Макдональда, чтобы потомъ идти на соединеніе съ войсками Витгенштейна, и имѣть возможность частью соединенныхъ силъ оттѣснить къ границѣ Сенъ-Сира, а потомъ не допустить маршала Виктора войти въ связь съ Наполеономъ, въ тылъ котораго нужно было готовиться дѣйствовать и проч. и проч... все это оказалось не по силамъ находящимся въ этой мѣстности войскамъ. Желаніе очистить Митаву и Курляндію отъ войскъ Макдональда и овладѣть прусскими орудіями въ Руэнталѣ побудило наши войска выступить изъ Риги 15 сент., отрядивши часть на Митаву наступать на Іорка чрезъ Таможню, Экау къ рѣкѣ Аа, по направленію къ Руэналю. Не доходя этого мѣста около Низотена, Штейнгель былъ разбитъ 17 сентября ген. Іоркомъ, оказавшимся, благодаря неумѣлымъ распоряженіямъ своего противника, сильнѣе его числомъ людей въ бою. На другой день, Штейнгель долженъ былъ отступить по направленію къ Ригѣ, куда прибылъ 20-го числа, потерявши въ безплодномъ поискѣ въ Курляндію

около 2.500 человѣкъ. Возвращеніе его въ Ригу, испытавшую уже бѣдствіе сожженія предмѣстій въ напрасномъ ожиданіи осады, и получившую въ это время извѣстіе о сдачѣ Москвы французамъ—произвело самое удручающее впечатлѣніе: судьба борьбы съ Наполеономъ представлялась рѣшенной въ пользу этого баловня судьбы!

Штейнгель не менѣе города чувствовалъ себя удрученнымъ исходомъ своего неудачнаго похода, и просилъ Эссена разрѣшить ему идти усиленными переходами на соединеніе съ Витгенштейномъ, чтобы отчасти исполнить предначертанныя ему государемъ дѣйствія. Эссенъ принялъ рѣшеніе на свою отвѣтственность, не ожидая разрѣшенія государя на отправленіе Штейнгеля въ Полоцкъ на усиленіе Витгенштейна, и отослалъ 23 числа финляндскій корпусъ на Придруйскъ и Полоцкъ.

Неудача первыхъ шаговъ сложныхъ предначертаній, данныхъ разсѣяннымъ русскимъ отрядамъ, находила нѣкоторое вознагражденіе въ той неурядицѣ и въ томъ разстройствѣ, которыя не допускали стройныхъ и согласованныхъ дѣйствій между французскими маршалами Макдональдомъ, Сенъ-Сиромъ и Викторомъ, также слишкомъ разсѣянными, чтобы съ пользой опираться другъ на друга и способствовать исполненію порученій Наполеона, не менѣе сложныхъ и столь же непосильныхъ исполнителямъ, какъ даваемыя Александромъ своимъ генераламъ.

Находящіяся въ Полоцкѣ подъ начальствомъ Сенъ-Сира французскія войска, послѣ прекращенія въ началѣ августа наступленія Витгенштейна, стоящаго неподвижно въ Соколицѣ, воспользовались этимъ для укрѣпленія окрестностей города и нѣкотораго устройства своихъ жилищъ. Но заботливость и распорядительность маршала не могли измѣнить крайне скудныхъ средствъ края, вскорѣ совершенно истощеннаго поборами и грабежами французовъ. Недостатокъ продовольствія и осень отразились болѣзнями и смертностью среди французскихъ войскъ, изъ которыхъ болѣе всего пострадалъ баварскій корпусъ Вреде. Численность войскъ Сенъ-Сира быстро понижалась, въ то время когда наши войска пополнялись и правильно снабжались изъ Псковской губ. всѣмъ необходимымъ и къ началу октября достигли 40.000-наго состава, значительно

превосходя противоставленныхъ французовъ, у которыхъ, кромѣ огромной убыли людей, было полное разстройство конницы отъ недостатка корма для лошадей. Требованіе Наполеона о недопущеніи Витгенштейна на сообщенія между Смоленскомъ и Вильною вынудило Сенъ-Сира требовать подкрѣпленія отъ праздно стоявшаго въ Динабургѣ Макдональда, отклонившаго это требованіе подъ предлогомъ, что онъ не можетъ безъ крайней опасности себя ослабить до размѣра, который сдѣлалъ бы его слабѣе рижскаго гарнизона; а отправлять очень малочисленный отрядъ изъ Динабурга въ Полоцкъ чрезъ враждебную страну признаетъ слишкомъ опаснымъ. Бездѣйствіе Макдональда дозволило Штейнгелю достигнуть 3 октября Десны съ своими двѣнадцатью съ небольшимъ тысячами человѣкъ, не встрѣчая никакого затрудненія отъ присутствія французскихъ войскъ въ Динабургѣ. Самъ же Макдональдъ вышелъ изъ Динабурга при извѣстіи о сраженіи при Экау, оставивши въ крѣпости незначительный отрядъ, и простоялъ съ своими войсками, разсѣянными между Балтійскимъ моремъ и Иллускомъ, въ совершенномъ бездѣйствіи до глубокой осени.

Дѣйствія Витгенштейна.

Изъ двухъ противоставленныхъ въ Полоцкѣ полководцевъ, Витгенштейнъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для исполненія возложеннаго на него порученія, начальствуя надъ болѣе многочисленнымъ войскомъ, снабженнымъ всѣмъ необходимымъ и ожидающимъ содѣйствія отряда Штейнгеля, направляемаго на путь отступленія Сенъ-Сира. Русскія войска должны были отбросить послѣдняго отъ Полоцка и раздѣлиться послѣ этого: Штейнгель для преслѣдованія французовъ, а Витгенштейнъ для соединенія съ Чичаговымъ. Несмотря на подавляющее превосходство силъ Витгенштейна, онъ не вполнѣ успѣлъ исполнить возложенное на него порученіе, встрѣтивши со стороны Сенъ-Сира упорное сопротивленіе и находчивую распорядительность, свойственную этому несомнѣнно одаренному маршалу, отъ котораго 6 августа онъ испыталъ непреодолимое сопротивленіе при своей первой попыткѣ взятія Полоцка.

Вторая попытка должна была произойти при совершенно другихъ условіяхъ, обезпечивающихъ конечную ея уда-

чу, но успѣхъ былъ купленъ дорогой цѣной и обнаружилъ несостоятельность раздутыхъ воинскихъ заслугъ Витгенштейна, провозглашеннаго за разбитіе одной дивизіи Удино его побѣдителемъ и спасителемъ *Петрограда*.

Первое наступленіе на укрѣпленный станъ Сенъ-Сира и на городъ, съ двухъ сторонъ рѣки Полоти, главнокомандующимъ съ лѣвой стороны и княземъ Яшвилемъ съ правой, произошло съ перемѣннымъ счастьемъ, подвергшимъ опасности самого главнокомандующаго; несмотря на то, что часть французскихъ укрѣпленій была нами занята, но не будучи своевременно поддержано ожидаемыми войсками Штейнгеля на другомъ берегу Двины, занятіе оказалось безсильнымъ для вытѣсненія французовъ изъ Полоцка, отъ котораго Витгенштейнъ отступилъ на ночь въ Громы, изъ которыхъ онъ началъ свое наступленіе. На другой день, когда возобновилось сраженіе, Сенъ-Сиръ убѣдился, что на пути его отступленія, на другомъ берегу Двины, приближался нашъ финляндскій корпусъ, и что ему предстояло отбиваться со своими изнуренными и наполовину малочисленнѣйшими противниковъ войсками противъ наступающихъ со всѣхъ сторонъ русскихъ. При такихъ условіяхъ, отступленіе изъ Полоцка сдѣлалось неизбѣжнымъ, и потому маршалъ распорядился постепенной переправой чрезъ Двину всѣхъ тяжестей, занявши предварительно частью войскъ противоположный берегъ, на который послѣдовательно переводились французскіе полки, продолжая упорную оборону противъ наступающихъ, несмотря на затрудненіе такого отступленія передъ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ, среди безразсудно зажженныхъ посреди города какимъ-то безтолковымъ подчиненнымъ Сенъ-Сира бараковъ. Наступленіе Витгенштейна, начавшееся въ 4 часа пополудни, продолжалось до 2 часовъ ночи, когда городъ оказался окончательно занятымъ нашими войсками. Взятіе его торжественно отпраздновалось въ тотъ же день, какъ знаменательное явленіе поворота военнаго счастія на нашу сторону, какъ начало *наступленія* на враговъ, и дало главнокомандующему право распечатанія конверта съ рескриптомъ государя, разрѣшенное послѣ взятія Полоцка, о производствѣ его въ полные генералы.

Празднуемое занятіе Полоцка, несмотря на отступленіе раненаго Сенъ-Сира и на неурядицу въ его войскахъ, не могло немедленно сопровождаться преслѣдованіемъ французовъ, уничтожившихъ мосты при переходѣ чрезъ Двину. Сенъ-Сиръ воспользовался этимъ, чтобы поручить Вреде нападеніе на Штейнгеля, принужденнаго отступить и укрыться на правый берегъ Двины, гдѣ, получивши подкрѣпленіе, онъ рѣшился снова перейти на берегъ, на которомъ находились французы. Это обстоятельство, освѣщающее степень *поверхности*, полученной нашимъ главнокомандующимъ надъ французскимъ маршаломъ, объясняетъ, почему преслѣдованіе послѣдняго могло начаться только 12-го числа. Между тѣмъ среди разстроенныхъ и отступающихъ французскихъ войскъ наступилъ разладъ между начальникомъ баварцевъ ген. Вреде и ген. Леграномъ, временно замѣняющимъ раненаго Сенъ-Сира. Вреде не захотѣлъ не только подчиняться французскому генералу, но и слѣдовать по одному направленію съ нимъ, и, захвативши съ собою конную французскую бригаду Корбино, послѣ пораженія Штейнгелемъ въ Бабиничахъ, направился съ своимъ обезлюденнымъ баварскимъ корпусомъ, безъ знаменъ и почти безъ орудій (часть которыхъ была захвачена русскими войсками), съ жалкими остатками вошедшихъ въ Россію баварцевъ, по направленію къ Вильнѣ. Наступая по слѣдамъ Леграна, Витгенштейнъ соединился съ Штейнгелемъ 17 числа подъ Ушачемъ, встрѣчая по пути признаки изнуренія и разстройства французовъ, оставляющихъ за собой много обезсиленныхъ и голодныхъ людей, палыхъ лошадей и брошенныхъ фуръ. Навстрѣчу отступающему Леграну поспѣшалъ маршалъ Викторъ, соединившійся съ нимъ у Чашниковъ. Наполеонъ разсчитывалъ, что свѣжія войска Виктора не только поддержатъ остатки корпусовъ Удино и Сенъ-Сира, жалкое состояніе которыхъ было ему такъ же мало извѣстно, какъ имъ тщательно скрывалось состояніе главныхъ силъ, и онъ надѣялся, что соединившись они будутъ въ состояніи отбросить Витгенштейна и снова занять Полоцкъ.

Чашники и Смольна.

19 числа, когда наши войска подошли къ Чашникамъ, главнокомандующій не ожидалъ здѣсь встрѣтить, кромѣ Леграна, также и корпусъ Виктора у Смольны, что измѣняло его

положеніе, такъ какъ послѣдній корпусъ, не испытавшій еще потерь и лишеній другихъ французскихъ корпусовъ, находился въ прекрасномъ состояніи. Нападеніе передового нашего отряда заставило Леграна отступить и просить подкрѣпленія у Виктора, не рѣшавшагося ввести въ дѣло свой корпусъ, приберегая его какъ послѣднюю опору отступающему Наполеону. Онъ отступилъ на Сенно, а Витгенштейнъ остался до 9-го ноября въ Чашникахъ. Вся дѣятельность его ограничилась здѣсь занятіемъ отрядомъ ген. Гарпе этого мѣста и ожиданіемъ точныхъ свѣдѣній о Дунайской арміи, съ которой ему было назначено соединиться, чтобы преградить отступленіе Наполеона, о выходѣ котораго изъ Москвы ему стало извѣстно при прибытіи въ Чашники.

Маршалъ Викторъ не проявлялъ болѣе предпріимчивости и рѣшительности, нежели нашъ главнокомандующій, и въ этомъ отношеніи они какъ бы соревновали въ изображеніи тщетности данныхъ издали указаній для сложныхъ военныхъ предпріятій. Русскій главнокомандующій считалъ себя связаннымъ несвоевременными и недостаточными свѣдѣніями о движеніяхъ другихъ главнокомандующихъ, а французскій маршалъ совѣщался съ вылѣчившимся и прибывшимъ Удино, передвинулся изъ Сенно въ Черею, а послѣ полученія настоятельнаго требованія Наполеона, перешелъ 1-го ноября въ наступленіе и 2-го сдѣлалъ нѣсколько безуспѣшныхъ наступленій на Смольну, въ которой Витгенштейнъ удержался, а Викторъ, по совѣту осторожнаго Удино, отступилъ обратно въ Черею. Французскіе маршалы были смущены отступленіемъ своего императора, чуя бѣду въ неясныхъ объясненіяхъ причины этого отступленія, такъ какъ дѣйствительность отъ нихъ тщательно скрывалась, а между тѣмъ, въ повелѣніи Бертье къ Виктору о наступленіи сказано: «отъ сего зависитъ спасеніе арміи: всякое промедленіе будетъ бѣдствіемъ». Витгенштейнъ не могъ сообразить, гдѣ находится Чичаговъ, съ которымъ ему слѣдовало соединиться, удостовѣрясь, что Минскъ и Борисовъ находятся еще въ рукахъ французовъ, и что главныя ихъ силы, подъ начальствомъ Наполеона, угрожаютъ его разъединенному войску наступленіемъ со стороны Орши. Оставаясь неподвижнымъ въ Чаш-

никахъ, Витгенштейнъ показалъ отчасти благоразумную осторожность, но еще болѣе ту невольную нерѣшительность, которая обыкновенно проявлялась во всѣхъ военачальникахъ, противоставляемыхъ Наполеону, отъ которой не были совершенно избавлены ни эрцгерцогъ Карлъ ни Кутузовъ, и корень которой нужно признавать въ неизмѣнномъ и продолжительномъ успѣхѣ, ознаменовавшемъ всѣ военныя предпріятія этого баловня судьбы... Осторожность же Удино вполнѣ искупилась его заслугами при переходѣ чрезъ Березину.

Дѣйствія на Юго-Западѣ.

Точно такъ же какъ на сѣверѣ вдоль Двины, предначертанія двухъ враждовавшихъ императоровъ на Волыни не получили того стройнаго исполненія, которымъ бы осуществлялись *желательныя* событія, почти всегда принимающія подъ вліяніемъ неожиданныхъ случайностей исходъ благопріятный или гибельный, но не путемъ указанныхъ составителями *плановъ кампаній*.

Наполеонъ требовалъ отъ своихъ маршаловъ дѣятельнаго наступленія, на которое ослабленныя численно и изнуренныя недостаточнымъ содержаніемъ его войска не были болѣе способны; въ предначертаніяхъ Александра, предполагалось непремѣнно разбитіе французовъ и преслѣдованіе ихъ одной частью противоставленныхъ имъ русскихъ, тогда какъ вторая часть освобождалась для взятія Наполеона и истребленія его войска. Между тѣмъ оказывалось, что французы, будучи не въ силахъ дѣйствовать наступательно, не испытывали однако пораженія при всякой встрѣчѣ съ русскими. Но озабоченные все возростающими лишеніями, по мѣрѣ углубленія въ страну и разоренія занятаго края, войска Наполеона простояли на Волыни весь августъ и часть сентября, въ такомъ же бездѣйствіи какъ и на берегахъ Двины.

Въ первыхъ числахъ сентября начали приближаться войска съ Дуная къ стоявшимъ не тревожимыми австрійцами за Стырью послѣ сраженія у Городечны войскамъ 3-ей арміи подъ начальствомъ Тормасова. Наканунѣ прибытія войска Чичагова, было произведено нападеніе при Чаруковѣ на австрійскій отрядъ, производящій развѣдку съ

цѣлью обнаружить направленіе прибывающихъ дунайскихъ войскъ. Это нападеніе, произведенное 8 сентября подъ предводительствомъ лихаго кавалериста генерала графа Ламберта, вполнѣ удалось и доставило намъ плѣнныхъ и штандарты захваченныхъ врасплохъ австрійцевъ; это дѣло, само по себѣ ничтожное, замѣчательно тѣмъ, что эти штандарты, единственные когда-либо взятые нами у австрійцевъ, были тогда же возвращены государемъ при письмѣ австрійскому императору.

Соединившіяся войска Чичагова и Тормасова, въ числѣ 60.000 человѣкъ, значительно превосходили числомъ Шварценберга и Ренье, имѣющихъ нѣсколько болѣе 40.000, и потому признавшихъ болѣе благоразумнымъ отступать передъ наступающими отъ Стыри къ Бугу русскими войсками. Русскіе старались обойти союзниковъ и занять путь сообщенія съ Польшей, но Шварценбергъ, убѣдившись при отступленіи въ численномъ превосходствѣ противниковъ, поспѣшилъ переправить бо̀льшую часть своихъ силъ за Бугъ и потянулся обоими берегами этой рѣки къ Бресту. Такимъ образомъ Волынь, оставшаяся, какъ и Подолія, совершенно покойной, несмотря на подстрекательства изъ Варшавы во все время войны, совершенно освобождалась отъ наступленія наполеоновскихъ войскъ, въ числѣ которыхъ находились и польскіе полки.

Во время наступательнаго движенія соединенныхъ войскъ Тормасова и Чичагова, 17 сентября прибылъ въ ихъ лагерь флигель-адъютантъ Чернышевъ, съ тѣми приказаніями государя, которыя относились къ исполненію совокупнаго дѣйствія всѣхъ нашихъ вооруженій для окруженія и истребленія наполеоновскихъ полчищъ. Въ исполненіе этого приказанія, Тормасовъ долженъ былъ отправиться къ Кутузову для замѣны кн. Багратіона, а руководство соединенными войсками предоставлялось исключительно Чичагову.

Послѣдній не спѣшилъ исполнять въ точности привезенныя Чернышевымъ распоряженія, которыя ему предписывали направляться съ прибывшими съ юга войсками къ Минску, на путь отступленія Наполеона, оставляя прежнюю 3-ю армію противъ Шварценберга и Ренье. Чичаговъ полагалъ необходимымъ обезпечить болѣе прочно свой тылъ,

для успѣшнаго движенія на Минскъ и предполагаемый путь отступленія французовъ. Кромѣ этого онъ считалъ необходимымъ очистить мѣстность между Стырью и Мозыремъ, гдѣ находился нашъ отрядъ генерала Эртеля, болѣе склоннаго къ *усмиреніямъ* мирныхъ жителей, нежели къ военнымъ дѣйствіямъ, и послалъ съ этой цѣлью отрядъ генерала Войнова къ Кобрину, самъ же послѣдовалъ за Шварценбергомъ къ Бресту. Чичаговъ, какъ всѣ дѣятели, выдвинувшіеся при Павлѣ Петровичѣ, отличался рѣшительностью, склонной къ самоуправству и малой осмотрительностью. Онъ приказалъ Ланжерону сдѣлать наступленіе на Брестъ и послалъ Чернышева съ тайнымъ повелѣніемъ смѣнить Ланжерона, если окажется, что онъ замедлилъ наступленіемъ. Въ дѣйствительности промедленіе произошло отъ ожиданія неприбывшихъ частей войска, а когда войска собрались и предполагалось наступать на Шварценберга, находящагося въ Брестѣ, отрѣзавши ему отступленіе на западъ чрезъ предмѣстье Тересполь, Шварценбергъ нашелъ себѣ выходъ на сѣверъ и удалился изъ Бреста къ Дрогочину. Здѣсь Чичаговъ отнялъ начальствованіе одного отряда у ген. Маркова, передавши его сначала кн. Щербатову, а потомъ ген. Сакену, вызванному для этой цѣли изъ Житоміра, гдѣ онъ находился въ опалѣ со времени прусской войны по навѣтамъ генерала Бенингсена.

Чичаговъ съ главной квартирой остался въ Брестѣ въ продолженіе трехъ недѣль, задержанный медленной доставкой продовольствія войскамъ. Онъ воспользовался этимъ временемъ для отряженія легкихъ отрядовъ флигель-адъютанта Чернышева и генер. Чаплица въ предѣлы герцогства Варшавскаго и въ Литву, гдѣ эти поиски навели большой страхъ въ герцогствѣ и послужили къ разстройству вооруженій и военныхъ заготовленій, при чемъ Чаплицемъ былъ взятъ въ плѣнъ полковникъ Конопка съ 13 офицерами и 235 нижними чинами. Набѣгъ Чернышева, кромѣ истребленія запасовъ и страха, наведеннаго на Варшаву, изъ которой стали разбѣгаться болѣе достаточные и знатные жители, имѣлъ послѣдствіемъ движеніе Шварценберга отъ Дрогочина къ Бялѣ, между Брестомъ и Варшавой, побудившее Чичагова отозвать Чернышева изъ гер-

цогства обратно. Для облегченія его отступленія былъ посланъ Чичаговымъ къ Бялѣ навстрѣчу Шварценбергу и Ренье отрядъ ген. Эссена, подкрѣпляемый отрядомъ ген. Булатова, который впрочемъ опоздалъ. Когда Шварценбергъ удостовѣрился, что противъ него выступили не всѣ войска Чичагова, а лишь небольшой отрядъ, онъ направилъ на него 6 октября наступленіе и принялъ мѣры для обхода. Напоръ на Эссена былъ настолько силенъ, что ему пришлось потерять одно орудіе при отступленіи, во время котораго Чичаговъ съ своей стороны предпринялъ движеніе отъ Бреста къ Залѣсью, въ намѣреніи произвести при Бялѣ нападеніе на союзниковъ. Но Шварценбергъ не дождался нападенія и удалился чрезъ Дрогочинъ, а Чичаговъ возвратился въ Брестъ.

Невозможность прямыхъ и своевременныхъ сношеній чрезъ занятыя нашествіемъ мѣстности затрудняла желательное согласованіе движеній между Кутузовымъ, Чичаговымъ и Витгенштейномъ; къ этому затрудненію примѣшивалось другое внушительное препятствіе для свободы движеній нашихъ сѣвернаго и южнаго отрядовъ, это численность союзныхъ войскъ, отъ которыхъ надлежало укрыться Витгенштейну и Чичагову. Ни Викторъ въ соединеніи съ Удино, ни Шварценбергъ въ соединеніи съ Ренье, не могли отброситься съ пути какъ щепки, для точнаго исполненія предполагаемаго соединенія всѣхъ русскихъ вокругъ отступающаго Наполеона. Приходилось согласовать свои движенія съ ослабленіемъ сопротивленія противниковъ, часть которыхъ (Викторъ и Шварценбергъ) не пришли еще въ то разстройство, въ которомъ находились войска отступающія изъ Москвы.

Въ то время когда Витгенштейнъ стоялъ въ Чашникахъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ французовъ, Чичагову приходилось замедляться между Брестомъ и Дрогочинымъ; выжидая продовольствія и недоумѣвая, какимъ способомъ обезпечить себя отъ нападенія Шварценберга, при исполненіи своего движенія къ Минску и Березинѣ. Для отраженія австрійцевъ были назначены корпуса Булатова и Ливена, подъ общимъ начальствомъ ген. Сакена. Къ остальнымъ частямъ, которыя предназначались для движенія на Минскъ, должны были присоединиться отряды,

Эртеля изъ Мозыря, и Лидерса, возвращающагося изъ Сербіи. 15 октября собрались въ Чернавчицахъ части, которыя должны были итти съ Чичаговымъ, но послѣдній началъ двигаться съ тѣмъ большею осторожностью, что онъ сознавалъ недостаточность отряда Сакена для обезпеченія задержанія союзниковъ, усиленныхъ вновь прибывшей французской дивизіей Дюрюта. Поэтому онъ поспѣшилъ его подкрѣпить корпусомъ Эссена, и довелъ его отрядъ до 27.000-наго размѣра, все-таки далеко уступающаго численностью войскамъ Шварценберга, доходящимъ до 50.000 человѣкъ.

Чичаговъ, во главѣ тридцати съ небольшимъ тысячъ человѣкъ, и ожидая увеличенія на походѣ своего войска отрядами Лидерса и Эртеля, медленно подвигался по направленію къ Минску, такъ что 25-го онъ достигъ только Слонима, гдѣ узналъ, что Шварценбергъ успѣлъ двинуться по направленію къ Волковиску, опережая Сакена, поспѣшающаго ему перерѣзать путь, слѣдуя на Бѣловѣжъ и Рудню къ Волковиску же. Сакенъ надѣялся, достигнувши 29 октября въ Порозовѣ Ренье, нападеніемъ на него отвлечь австрійцевъ, направляющихся изъ Волковиска къ Слониму противъ Чичагова. Ренье уклонился отъ нападенія Сакена и отступилъ въ Волковискъ, гдѣ Сакенъ, руководимый евреями-лазутчиками, надѣялся захватить Ренье со всѣми его генералами ночью врасплохъ и взять ихъ въ плѣнъ, какъ это удалось въ Корбинѣ Тормасову. Произведенное въ бурную ночь на 2-ое ноября нападеніе на Волковискъ не имѣло ожидаемаго успѣха: тревога поднялась при первомъ появленіи русскихъ, и никто изъ генераловъ не былъ захваченъ, какъ того ожидалъ Сакенъ. Саксонцы подъ начальствомъ Ренье отступили отъ города и отстрѣливались до самаго утра отъ нападающихъ.

Сакенъ нѣкоторое время оставался въ нерѣшимости, ожидая съ правой стороны нападенія Шварценберга, временно задержаннаго между Волковискомъ и Слонимомъ истребленіемъ сдѣланныхъ Чернышевымъ приготовленій для мостовъ чрезъ Зельве. Задержанные австрійцы доставили возможность Чичагову продолжать свое движеніе на Несвижъ, въ то время какъ тѣснимый Сакеномъ Ренье привлекъ содѣйствіе австрійцевъ. 4-го ноября было

назначено наступленіе на Ренье, ожидавшаго съ полной увѣренностью благополучнаго его исхода, зная, что Шварценбергъ долженъ подоспѣть къ вечеру изъ Изабелина. При самомъ началѣ перестрѣлки послышались оттуда условленные орудійные выстрѣлы, побудившіе Сакена рѣшиться на отступленіе предъ превосходными силами союзниковъ. Послѣдніе пошли по слѣдамъ его къ Бресту и Любомлю, и этимъ были отвлечены отъ наступающаго къ Березинѣ Чичагова.

Послѣдній, продолжая свое движеніе на сѣверо-востокъ, отрядилъ флигель-адъютанта Чернышева съ казачьимъ полкомъ для установленія сообщенія съ Витгенштейномъ, что было исполнено съ исключительной быстротой и ловкостью этимъ дѣйствительно *во всѣхъ отношеніяхъ* изворотливымъ офицеромъ, успѣвшимъ проскочить въ 4 сутокъ около 400 верстъ по краю еще не совершенно очищенному отъ враговъ, и явиться въ Чашники къ гр. Витгенштейну, освободивши по пути близъ Минска встрѣченнаго подъ французскимъ конвоемъ плѣннаго ген. Винценгероде.

Походъ Чичагова изъ Слонима къ Борисову ознаменовался подвигами одного изъ предводителей его передовыхъ отрядовъ, ген. гр. Ламберта. Губернаторомъ французскаго правительства въ Минскѣ Броникowскимъ былъ высланъ для развѣдокъ отрядъ въ 5000 человѣкъ польскихъ и французскихъ войскъ подъ начальствомъ Косецкаго, противъ котораго былъ отряженъ 1 ноября Ламбертъ. Послѣдній, благодаря своей быстротѣ и распорядительности, успѣлъ послѣдовательно захватить въ Новосверженѣ, Мирѣ и Несвижѣ самого предводителя 2-хъ батальоновъ, 13 офицеровъ и 800 рядовыхъ въ плѣнъ и на милліонъ драгоцѣнностей, присланныхъ въ Несвижъ изъ добычи расхищенной Москвы. 3 ноября Ламбертъ настигъ отступающаго къ Минску Косецкаго за Койдановымъ и продолжалъ его тѣснить и обходить Татарскимъ уланскимъ и Александрійскимъ гусарскимъ полками и нѣсколькими казачьими, и натиски до того были дружны и неотразимы, что значительная часть отряда Косецкаго положила оружіе. Плодомъ этого блестящаго 3-дневнаго наѣзда, кромѣ 4000 плѣнныхъ рядовыхъ, 63 офицеровъ, орудій и 2 знаменъ, было

открытіе свободнаго пути въ Минскъ, куда намѣревался отступить Наполеонъ. Ламбертъ вступилъ 4-го въ Минскъ, успѣвши предупредить поспѣшающаго туда, по приказанію французскаго императора, стоявшаго у Бобруйска польскаго генерала Домбровскаго.

Занятіе Минска.

Домбровскому, пріѣхавшему раньше своего отряда въ Минскъ, пришлось поспѣшно удалиться къ своимъ войскамъ, которыя онъ отвелъ въ мѣстечко Березино. Чичаговъ, слѣдовавшій за передовымъ отрядомъ, нашелъ въ Минскѣ, кромѣ большого количества раненыхъ, очень значительные французскіе запасы, и съ этого времени вошелъ въ болѣе постоянныя и своевременныя сношенія съ государемъ, Кутузовымъ и Витгенштейномъ. Въ письмахъ государя находилъ онъ настоянія, исполненныя довѣренности къ его даровитости, содѣйствовать безвыходному заключенію Наполеона среди войскъ Кутузова, Витгенштейна и своихъ. Александръ указывалъ на всѣ тяжелыя послѣдствія удачи бѣгства Наполеона изъ Россіи, позволившаго бы ему возобновить войну вновь набранными войсками. Кутузовъ, призывая его къ заслоненію пути отступленія французовъ, изображалъ ихъ бѣдственное положеніе, совершенно схожее съ тѣмъ, въ которое было имъ приведено турецкое войско на Дунаѣ.

Чичаговъ не нуждался въ понужденіяхъ для поспѣшнаго движенія на перерѣзъ отступающему Наполеону, но это нисколько не обезпечивало его своевременнаго появленія, въ связи съ Витгенштейномъ, въ тылу французовъ, въ роковую для нихъ минуту, когда одновременно сближающіяся войска Кутузова и двухъ другихъ главнокомандующихъ могли бы, такъ сказать, сплющить французовъ. Для успѣха такой окончательной побѣды надъ Наполеономъ, къ которой страстно стремился Александръ, нужно было, чтобы непрерывно насѣдающій на него Кутузовъ не упустилъ его изъ вида въ роковую минуту, а Чичаговъ и Витгенштейнъ не отвлеклись бы ошибочно съ настоящаго пути. Такая точная безусловная удача не могла случиться при разрозненности войскъ и неизвѣстности куда направится бѣгущій Наполеонъ, всегда способный воспользоваться медлительностью Кутузова и слѣпой самоувѣренностью Чичагова.

Рядомъ съ благопріятными обстоятельствами значи-

тельныхъ запасовъ для своего войска и правильныхъ сношеній съ остальными войсками, послѣднему пришлось испытать неудачу своего распоряженія относительно отряда Эртеля, который долженъ былъ прійти изъ Мозыря, для соединенія съ остальными силами Чичагова. Генералъ Эртель подъ разными предлогами не привелъ своего 15.000-наго отряда, который несомнѣнно бы повліялъ на вѣроятіе успѣха борьбы на Березинѣ; но этотъ пресловутый бывшій оберъ-полицеймейстеръ Москвы былъ очень склоненъ упражняться истязаніями мирныхъ гражданъ, но столь же мало склоненъ къ воинскимъ подвигамъ, какъ и образецъ подобныхъ витязей — графъ Аракчеевъ. Эртеля удалили отъ должности и передали его отрядъ Тучкову, но благопріятное время было упущено.

Борисовъ и рана Ламберта.

Направляясь къ Борисову, Чичаговъ снова отрядилъ передовой отрядъ подъ начальствомъ графа Ламберта, а ген. Чаплицу поручилъ наблюдать Березину выше Борисова у Зембина. Остатки отряда Костецкаго подъ начальствомъ Броникowскаго отступили къ Борисову, куда на соединеніе съ ними повелъ свой незначительный отрядъ Домбровскій изъ Березина. Ламбертъ, образцовый *авангардный начальникъ*, поспѣшно двигался къ Борисову, стараясь предупредить подкрѣпленіе тамошняго отряда поспѣшающимъ туда же Домбровскимъ. Прибывшій къ Борисову въ ночь съ 8-го на 9-ое ноября Ламбертъ, хотя и не успѣлъ вполнѣ предупредить прибытіе туда Домбровскаго, все же подоспѣлъ на мѣсто, когда послѣдній не успѣлъ еще дать необходимый роздыхъ прибывшему съ нимъ въ 3 часа ночи отряду и расположить его по бастіонамъ занятаго имъ укрѣпленія. Прибывшій за часъ до разсвѣта Ламбертъ началъ наступленіе на упорно защищающагося Домбровскаго, которому Удино далъ знать, что сохраненіе этого укрѣпленія необходимо французамъ. Кромѣ упорной защиты, взятіе Борисовскаго укрѣпленія усложнялось нападеніемъ прибывающихъ польскихъ войскъ, не успѣвшихъ войти въ укрѣпленіе, и начавшихъ тѣснить нашъ наступающій отрядъ съ двухъ сторонъ, слѣва отъ селенія Дымокъ и справа отъ Чуры-Юшкевича. Благодаря распорядительности его главныхъ помощниковъ, Красовскаго во главѣ егерскаго полка и Магденка съ конной артиллерій-

ской роты, Ламбертомъ не только были отбиты нападенія, но и было взято укрѣпленіе, изъ котораго Домбровскому пришлось удалиться по ту сторону Березины и города, направляясь къ Оршѣ.

Это упорное и блестящее дѣло, которое обошлось намъ убылью въ 1500 человѣкъ изъ 3200, составлявшихъ весь отрядъ Ламберта, служило вѣнцомъ дѣйствій передового отряда гр. Ламберта, уничтожившаго въ нѣсколько дней (отъ 1 до 9-го ноября) отряды Брониковскаго и Домбровскаго, взявшаго въ плѣнъ болѣе 6000 человѣкъ и поспѣшностью своего наступленія обезпечившаго обладаніе минскими французскими запасами и единственнымъ находящимся на Березинѣ укрѣпленіемъ на пути отступленія французовъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ жертвъ наступленія на Борисовское укрѣпленіе находился и блестящій предводитель отряда, раненый въ колѣно и вынужденный временно покинуть строй.

Это несчастное обстоятельство, лишившее войско Чичагова такого бдительнаго и находчиваго начальника передового отряда, не замѣненнаго Чичаговымъ съ достаточной поспѣшностью, необходимой вслѣдствіе близости непріятелей и рѣшительнаго оборота въ войнѣ, не обошлось даромъ этому военачальнику, напоминающему на другомъ поприщѣ Ростопчина. Урокъ этотъ Павловскому птенцу будетъ изложенъ ниже; здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, что этотъ адмиралъ, прихотливо рѣшавшійся смѣнять съ часу на часъ такихъ испытанныхъ и заслуженныхъ генераловъ, какъ Ланжеронъ и Марковъ, и упустившій позаботиться своевременно о безопасности своего передового отряда по прибытіи 10 ноября въ Борисовъ, поспѣшилъ разослать по отрядамъ и партіямъ предписаніе на случай *поимки* Наполеона, съ описаніемъ его примѣтъ и приказаніемъ всѣхъ схваченныхъ людей, походящихъ на это описаніе, приводить къ главнокомандующему. Предписаніе начиналось словами: «Наполеоновская армія въ бѣгствѣ: виновникъ бѣдствій Европы съ нею. Мы находимся на путяхъ его и проч.», не чуждое, по самоуправству, легкомыслію и ерничеству, общихъ съ Ростопчинымъ чертъ учениковъ Павла!

Дальнѣйшее отступленіе французовъ.

Удостовѣрившись въ невозможности силой завоевать болѣе обезпеченный путь отступленія, Наполеонъ обратился, какъ сказано выше, чрезъ Боровскъ и Верею на Можайскъ и Смоленскую дорогу. Такой счастливый оборотъ борьбы съ нашествіемъ, равносильный смертному приговору «великой арміи», несмотря на то, что онъ составлялъ цѣль всѣхъ распоряженій Кутузова, не сразу встрѣтилъ въ немъ вѣру (такая удача надъ такимъ противникомъ невольно представлялась чудомъ), и потому главнокомандующій не спѣшилъ съ преслѣдованіемъ, ожидая, чтобы отступленіе французовъ приняло совершенно опредѣленное направленіе. Между тѣмъ отступленіе дѣлалось до того поспѣшнымъ и сопровождалось такимъ разстройствомъ, что скоро получило значеніе *бѣгства*, со всѣми признаками такого бѣдственнаго конца неудачнаго похода. Приведенныя въ негодность лошади и везомыя ими орудія, снаряды и запасы покидались по пути въ огромномъ количествѣ. Потерявшіе бодрость люди, не обезпеченные необходимымъ продовольствіемъ въ разграбленномъ и озлобленномъ краѣ, выходили изъ подчиненности и рядовъ, и все болѣе и болѣе умножали толпу голодныхъ грабителей, сопровождающую бѣгущее войско. Насколько это бѣгство было стремительно, указываетъ пространство, пройденное отступающими французами съ 14-го до 28-го октября, т.-е. отъ Мало-Ярославца до Смоленска чрезъ Можайскъ, въ самое неблагопріятное время года, въ грязь, гололедицу и наконецъ въ метель, что составляетъ около 30-ти верстъ въ день. Бѣгство сопровождалось сожженіемъ по пути близъ него всѣхъ строеній, для затрудненія преслѣдующихъ русскихъ, но производившимся такъ безпорядочно, что часть отступающихъ французовъ находила на своемъ пути все выжженнымъ и разграбленнымъ до тла. Впереди шелъ Наполеонъ съ гвардіей, которая потому менѣе другихъ частей бѣдствовала, подбирая все, что находилось по пути у жителей и что было заготовлено французскими чиновниками. Всякому послѣдующему отряду жизненныя средства доставались все скуднѣе, доколѣ не истощились до такой степени, что палая конина сдѣлалась почти исключительной пищей несказанно бѣдствующаго войска.

Та часть его, самая испытанная и выносливая, кото-

рая осталась въ рядахъ, сохраняла еще свое испытанное военное достоинство, которое проявила въ бояхъ подъ Вязьмой, Краснымъ и при Березинѣ, и заслужила не только состраданіе, но и славу.

Князь Кутузовъ 17 октября тронулся изъ Полотнянныхъ заводовъ, и несмотря на высказанное наканунѣ въ письмѣ Витгенштейну намѣреніе производить *параллельное* преслѣдованіе непріятеля, введенный въ заблужденіе свѣдѣніями о движеніи французовъ, сдѣлалъ первый переходъ на Адамовское, по направленію къ Можайску; затѣмъ достигъ во второй переходъ Кременскаго, отъ котораго началось его параллельное движеніе къ Вязьмѣ, на Кузово, Сулейку, Дуброву и Быково. Милорадовичу было приказано итти между главными силами и Смоленской дорогой, а Платову съ казаками и дивизіей Паскевича преслѣдовать французовъ по пятамъ и тревожить безостановочно ихъ отступленіе. То же самое было поручено всѣмъ партизанскимъ отрядамъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ всѣхъ прежде упомянутыхъ, находился отрядъ генералъ-адъютанта Кутузова, графа Ожаровскаго, замѣнившаго генерала Винценгероде послѣ его плѣненія. Всѣмъ партизанскимъ отрядамъ было приказано предшествовать, сопровождать и преслѣдовать отступающихъ враговъ, всюду затрудняя ихъ сообщенія и снабженія, истребляя мародеровъ, слабые отряды, нанося имъ всѣми возможными средствами вредъ и затрудненія.

При самомъ началѣ отступленія по Смоленской дорогѣ, преслѣдованіе французовъ затруднялось поспѣшностью ихъ движенія, хотя она сама зависѣла отчасти отъ того неустаннаго преслѣдованія, которое не давало возможности тыловому ихъ отряду воспользоваться роздыхомъ, собрать обозы, отсталыхъ и проч. Такая попытка Даву въ Колоцкомъ монастырѣ ему не удалась, вслѣдствіе наступленія Платова, и была причиной оставленія здѣсь 27 орудій. Вообще же охрана тыла отступающихъ крайне затруднялась совершеннымъ изнуреніемъ лошадей и многочисленностью тянувшагося за войскомъ всякаго сброда. При отсутствіи подвижной конницы и удовлетворительныхъ запряжекъ подъ орудіями, Даву не могъ своевременно отбиваться и отстрѣливаться отъ наѣздовъ нашихъ казаковъ и нашихъ подвиж-

ныхъ орудій, отчего ему постоянно приходилось выставлять въ огонь свою пѣхоту, страдающую отъ огня, изнуренія и теряющую всякую бодрость, несмотря на тотъ порядокъ и подчиненность, которые этотъ суровый маршалъ поддерживалъ въ своемъ корпусѣ, считавшимся образцовымъ во французскомъ войскѣ.

Нетерпѣливая поспѣшность отступленія, среди увеличивающихся затрудненій скуднаго продовольствія и холода, возбуждалась еще ожиданіями облегченія всѣхъ этихъ невзгодъ при достиженіи Смоленска, въ которомъ надѣялись найти довольство, кровъ и свѣжія войска маршаловъ Сенъ-Сира и Виктора. Это нетерпѣніе одинаково заразило все отступающее войско, отъ Наполеона до послѣдняго рядового, и послужило поводомъ размолвки между императоромъ и его самымъ стойкимъ и самымъ исполнительнымъ маршаломъ, героемъ Ауэрштедта и Экмюля. Наполеонъ упрекалъ Даву за его упорство соблюдать нѣкоторый порядокъ при отступленіи и за его остановки для отбитія нападеній, расточавшія, по его мнѣнію, удобное для движенія время. Однако времени не расточали, двигались быстро, но расточали силы людей, отсталыхъ лошадей, орудія и проч. Съ какой поспѣшностью производилось отступленіе, ясно изъ того, что Наполеонъ 19-го былъ уже въ Вязьмѣ, а всѣ остальные корпуса слѣдовали за нимъ на полъ-перехода одинъ за другимъ. Кутузовъ перешелъ 20-го въ Сулейку, а 21 въ Дубровку.

Милорадовичъ, пытавшійся кратчайшимъ путемъ предупредить французовъ въ Гжатскѣ, не успѣлъ въ этомъ и потому возобновилъ эту попытку въ Вязьмѣ. Въ происшедшемъ подъ этимъ городомъ сраженіи снова обнаружилось несогласіе во взглядахъ между главнокомандующимъ и главными сотрудниками въ способѣ веденія борьбы съ отступающимъ непріятелемъ.

Вязьма. Насколько въ избираемыхъ Кутузовымъ пріемахъ борьбы съ надломленнымъ побѣдоноснымъ Наполеономъ участвовало вліяніе дряхлости и недовѣрія къ своей состоятельности въ рѣшительномъ сраженіи съ такимъ противникомъ; насколько было убѣжденности въ неумѣстности большихъ жертвъ людьми для истребленія безъ того погибающаго врага, трудно рѣшить. Въ разсужде-

ніяхъ съ подвижниками онъ охотно указывалъ на это послѣднее соображеніе, вѣроятно потому, что оно согласовалось еще болѣе съ его наклонностями нежели съ благоразуміемъ. Государю онъ не рѣшался высказывать прямодушно свое мнѣніе, не довѣряя его благосклонности къ себѣ и зная его страстное желаніе не только съ честью окончить борьбу съ сдѣлавшимся ненавистнымъ пришельцемъ, но еще получить надъ нимъ настолько рѣшительную поверхность, чтобы повергнуть въ прахъ этого недавняго идола Европы!

Оттого ли, что пристрастное отношеніе къ государственнымъ вопросамъ было не чуждо старому мудрецу, или потому что его прозорливость оцѣнивала эти вопросы дальновиднѣе, несомнѣнно только, что въ паденіи Наполеона Кутузовъ усматривалъ преимущественно торжество Англіи, не обѣщающее никакой пользы Россіи. Этотъ взглядъ онъ высказалъ откровенно Вильсону, назойливо настаивавшему передъ нимъ на болѣе рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ отступающихъ французовъ, и то же мнѣніе нежелательности для пользы отечества продолженія борьбы съ Наполеономъ, онъ высказалъ государю послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи. Но признавая даже правильность взглядовъ главнокомандующаго, нельзя отрицать, что его нерѣшительность подъ Вязьмой, Краснымъ и медлительность при движеніи къ Березинѣ сберегла меньше людей, чѣмъ пришлось ихъ погубить въ продолжительномъ преслѣдованіи во время суровой зимы, которое могло бы оказаться не нужнымъ, если бы въ этихъ мѣстахъ погибла *великая армія*.

Выступая изъ Вязьмы, французскій императоръ поручилъ маршалу Нею задержаться тамъ и, пропустивши вице-короля, Понятовскаго и Даву, стать вмѣсто послѣдняго въ тылъ отступающихъ. 21 октября Ней сталъ у Вязьмы, вице-король и Понятовскій были въ Ѳедоровскомъ, а Даву шелъ изъ Царева-Займища. Милорадовичъ находился въ Спасскомъ, а Кутузовъ въ Дубровнѣ. Точно такъ же, какъ Милорадовичу не удалось предупредить Даву въ Гжатскѣ, не удалось ему напасть на послѣдняго при выходѣ его изъ тѣснины Царева-Займища, гдѣ онъ могъ бы удобнѣе нанести чувствительный уронъ его корпу-

су. Этой попыткѣ помѣшала поспѣшность принца Евгенія Виртембергскаго, явившагося съ своей дивизіей преждевременно на пути Даву, что побудило послѣдняго поспѣшить пройти ночью тѣснину у Царева-Займища. Милорадовичъ удостовѣрился, что корпусъ Даву, ночевавшій въ Ѳедоровскомъ, долженъ 22 числа слѣдовать по дорогѣ въ Вязьму, чтобы соединиться съ остальными частями отступающихъ французовъ, и зналъ изъ обозрѣній, что этотъ корпусъ, тѣснимый Платовымъ и Паскевичемъ, былъ обремененъ огромнымъ числомъ отсталыхъ и обозами, подвигался въ довольно безпорядочномъ видѣ, и потому легко могъ быть отрѣзаннымъ и истребленнымъ, при прегражденіи ему пути къ Смоленску. Расчетъ Милорадовича не удался, отчасти вслѣдствіе бдительности принца Евгенія Богарнэ, но еще болѣе вслѣдствіе уклоненія главнокомандующаго отъ возбужденія крупнаго дѣла съ отступающими французами. Подъ Вязьмой стоялъ Ней, согласно распоряженію Наполеона; Евгеній Богарнэ и Понятовскій, предупрежденные о затруднительномъ положеніи Даву, вслѣдствіе постоянно усиливающагося напора русскихъ войскъ, пришли въ связь съ Даву между Ѳедоровскимъ и Вязьмою, и сдѣлали тщетными попытки отрѣзать послѣдняго отъ остальныхъ французскихъ войскъ. Стремительныя нападенія конницы Уварова, Васильчикова и Корфа, успѣвшей отчасти пробиться между Даву и Понятовскимъ; дѣйствія орудій и трехъ пѣхотныхъ дивизій 4, 17 и 26-ой подъ начальствомъ Милорадовича, не могли осилить сопротивленія нѣсколькихъ французскихъ корпусовъ, которые съ большимъ урономъ людей, орудій и безоружныхъ, находили возможность, охраняемые стоящимъ у Вязьмы Неемъ, протискиваться сквозь объятый пламенемъ городъ и находить убѣжище въ растущихъ за нимъ лѣсахъ. Сраженіе могло бы не ограничиться разстройствомъ и значительной убылью французовъ подъ Вязьмой, если бы главнокомандующій, вмѣсто посылки подкрѣпленій Милорадовичу, принялъ болѣе рѣшительныя мѣры и личное участіе въ сраженіи, не теряя времени въ Быковѣ.

Такое уклоненіе Кутузова отъ рѣшительнаго сраженія, обѣщающаго пораженіе большей части Наполеоновскихъ войскъ, совершенно согласное съ избраннымъ имъ спосо-

бомъ веденія борьбы и болѣе свойственное его осторожности и старческимъ годамъ, вѣроятно не мало противорѣчило намѣченной имъ цѣли — избавленія отечества отъ нашествія при *возможномъ сбереженіи русскихъ войскъ*. Послѣднихъ, конечно, погибло не менѣе въ послѣдующемъ преслѣдованіи пробившихся чрезъ Вязьму французовъ, нежели ихъ могло бы пасть подъ этимъ городомъ, если бы главнокомандующій ввелъ свои войска въ начатое Платовымъ и Милорадовичемъ дѣло, обѣщающее неизбѣжное пораженіе большей части французскихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи расчетъ могъ быть не вѣренъ, но обстоятельства, на которыя разсчитывалъ осторожный старикъ, ему не измѣнили. Уронъ въ сраженіи подъ Вязьмой былъ почти равенъ съ обѣихъ сторонъ, но отразился совершенно различно въ двухъ лагеряхъ: начавшіеся послѣ минованія Гжатска холода, при испытываемыхъ французами лишеніяхъ и неустанномъ преслѣдованіи русскими войсками и народной ненавистью, привели ихъ въ такое разстройство, что войско начало быстро терять свой видъ, обращаясь за исключеніемъ гвардіи въ громадное скопище жалкихъ бродягъ.

Тѣ части отряда Милорадовича (часть конницы и пѣхотная дивизія Евгенія Виртембергскаго), которыя стали между корпусами Даву и корпусами Понятовскаго и Евгенія Богарнэ, не только не успѣли исполнить разъединенія французскихъ корпусовъ, но были даже вынуждены отступить отъ пути изъ Ѳедоровскаго, по которому тянулись французы въ Вязьму. Послѣдніе понесли при этомъ уронъ около 4000 человѣкъ, отчасти въ самой Вязьмѣ, гдѣ ихъ преслѣдовала штыками русская пѣхота. Потеря ихъ плѣнными, орудіями и обозомъ съ этого времени стала расти ежедневно, такъ какъ холодныя ночи, отъ которыхъ они терпѣли послѣ Гжатска, смѣнились послѣ Вязьмы снѣжными метелями и морозами отъ 10 до 12°. При такихъ условіяхъ упавшая духомъ, съ трудомъ обороняющаяся великая армія, при непрерывно возрастающихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, начала терять не только порядокъ и нравы военнаго сословія, но и образъ человѣческій. Исчезло чинопочитаніе, товарищеская услужливость—наконецъ человѣчное отношеніе другъ къ другу. Голодъ, стужа, от-

чаянное напряженіе усилій, чтобы оградить себя отъ вѣчно грозящей гибели, среди озвѣрѣлыхъ своихъ товарищей, или жестокости озлобленныхъ жителей, сдѣлали то, что отступающіе французы шли какъ бы въ какомъ-то бреду отчаянія, теряя всякое самообладаніе, какъ человѣкъ, подвергаемый нестерпимымъ пыткамъ.

Крайнія бѣдствія Французовъ и относительныя Русскихъ.

Не всѣ части отступающихъ войскъ находились въ одинаково бѣдственныхъ условіяхъ. Шедшія въ головѣ при Наполеонѣ находили кое-гдѣ запасы и уцѣлѣвшія жилища, но чѣмъ далѣе отъ головы находились бѣгущія войска, тѣмъ безпомощнѣе было ихъ состояніе, не находя ничего для себя, послѣ расхищенія послѣднихъ крохъ гвардіей. Въ самомъ ужасномъ состояніи находилась нестройная и все растущая толпа всякаго сброда, тянущаяся въ хвостѣ отступленія; здѣсь общія всѣмъ лишенія увеличивались крайнимъ безпорядкомъ и вѣчнымъ страхомъ нападенія преслѣдующихъ казаковъ. Истощеніе всѣхъ другихъ способовъ продовольствія и падежъ изнуренныхъ лошадей сдѣлалъ ихъ падаль единственной, отвратительной пищей погибающаго войска, плохо одѣтаго, безуспѣшно замѣняющаго не ограждающее отъ стужи одѣяніе разнымъ награбленнымъ въ Москвѣ хламомъ, отъ конскихъ попонъ до церковнаго облаченія включительно; и если добавить, что этимъ изнуреннымъ голодомъ, коченѣющимъ отъ холода людямъ, при остановкѣ на ночлегъ не всегда можно было добыть топлива для костровъ, то становится наглядным ихъ бѣдственное состояніе, оставившее о томъ свидѣтельство въ многочисленныхъ трупахъ, разсѣянныхъ по пути отступленія...

Несмотря на то, что наши войска находились въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, одѣтыя въ полушубки, сопровождаемыя обозами съ жизненными припасами, и проходя большей частью нѣсколько южнѣе Смоленской разоренной дороги, имъ пришлось также много терпѣть отъ зимняго, быстраго преслѣдованія непріятеля. Отряды Платова и Милорадовича, слѣдуя непосредственно за отступающимъ врагомъ, болѣе другихъ частей нашихъ войскъ испытывали лишеній, по отдаленію отъ менѣе разоренной дороги, по которой подвигался Кутузовъ. Но и въ лагерь послѣдняго, не-

смотря на принимаемыя мѣры, не всегда поспѣвали своевременно жизненные припасы, и войскамъ часто приходилось терпѣть горькую нужду. Выпавшій послѣ перехода за Вязьму глубокій снѣгъ, затруднившій своевременное движеніе обозовъ, также отразился, вмѣстѣ съ наступившими морозами, перемежающимися съ оттепелями, на затруднительности и изнурительности похода для нашего войска. Кутузовъ торопилъ доставку продовольствія, лично ободрялъ людей во время неизбѣжныхъ лишеній и давалъ дневки при каждой возможности, насколько преслѣдованіе бѣгущаго врага это дозволяло, не рискуя упустить его отъ приготовленнаго ему истребленія. Несмотря на такую бережливость осторожнаго военачальника, исключительныя тягости спѣшнаго зимняго похода отразились разрушительно и на нашихъ войскахъ. Число отсталыхъ больныхъ, раненыхъ и съ отмороженными членами было такъ велико, что это быстро отразилось на численности нашего войска, выступившаго изъ Тарутина въ числѣ 100.000 человѣкъ, изъ которыхъ миновала Смоленскъ едва половина, несмотря на то, что въ сраженіяхъ оно не потеряло болѣе 10.000. Остальные сдѣлались жертвами тягостей изнурительнаго похода, или находились по пути больными въ лазаретахъ.

Ликованіе Александра и испытанія Наполеона.

Изъ вышесказаннаго видно, что послѣ Вязьмы наступило самое бѣдственное время Отечественной войны, рѣшающее судьбу ея и вызывающее самыя напряженныя жертвы съ обѣихъ сторонъ, съ надеждой торжества для Александра, и съ стремленіемъ, со стороны Наполеона, безъ оглядки и безъ заботы о загубленныхъ сподвижникахъ, скорѣе бѣжать изъ Россіи, чтобы собрать новыя силы и поставить свою судьбу на ставку въ новой борьбѣ. Это поглощало всѣ помышленія Наполеона, дѣлало его презрительно равнодушнымъ къ бѣдствіямъ, претерпѣваемымъ его погибающимъ войскомъ, раздражительнымъ и несправедливымъ къ такому испытанному сотруднику, какъ Даву, и наконецъ заглушало въ немъ горечь получаемыхъ извѣстій новыхъ неудачъ. Въ то время когда Александръ получалъ льстивыя и лестныя извѣстія о бѣгствѣ и неизбѣжной гибели не только нашествія, но, казалось, и самого *врага*, Наполеону приходилось испыты-

вать горечь одной неудачи за другой. Въ Дорогобужѣ онъ узналъ объ удавшемся наполовину заговорѣ полупомѣшаннаго генерала Малэ, успѣвшаго при помощи случайныхъ сообщниковъ захватить на нѣсколько часовъ власть въ Парижѣ для провозглашенія республики, увѣрить нѣкоторыхъ въ смерти императора и арестовать министра полиціи Савари. Несмотря на немедленно обнаруженный обманъ и кровавую и немедленную расправу властей съ заговорщиками, этотъ ночной и краткій обманъ части властей столицы невольно вызвалъ горькое замѣчаніе, что повѣривши его смерти, забыли о его наслѣдникѣ, Наполеонѣ II-мъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе объ этомъ *переворотѣ на часъ*, полученное въ глубинѣ Смоленской губерніи, отступая во главѣ жалкихъ остатковъ недавно считавшаго въ своихъ рядахъ 600.000 человѣкъ войска — должно было вызвать въ немъ горькія размышленія. Вскорѣ послѣ этого извѣстія, онъ узналъ, приближаясь къ Смоленску, что Сенъ-Сиръ былъ вытѣсненъ Витгенштейномъ изъ Полоцка, и что Чичаговъ идетъ, съ Дунайскими войсками, на Минскъ, въ которомъ были большіе запасы для французскаго войска... Невольно бѣдственныя зрѣлища всѣхъ сопровождающихъ его отступленіе ужасовъ и мысль о неисправимыхъ неудачахъ его сподвижниковъ обостряли во французскомъ императорѣ нетерпѣніе вырваться изъ этого ада, среди котораго онъ безъ пользы томился, чтобы устремиться въ средоточіе своего могущества. Сдѣлать это немедленно, на первыхъ шагахъ отступленія, пока не было испытано счастіе въ возможныхъ еще бояхъ съ Кутузовымъ, и дѣйствительность отвлеченія русскихъ силъ услугами Шварценберга, Сенъ-Сира и свѣжими силами Виктора, было преждевременно, тѣмъ болѣе, что по его распоряженіямъ, въ Смоленскѣ должны были находиться большіе запасы, при помощи которыхъ, въ укрѣпленномъ городѣ, Наполеонъ надѣялся улучшить состояніе своего войска и задержать преслѣдованіе Кутузова.

Дѣло на Вопь и плѣненіе бригады Ожеро.

Мысль о прибытіи въ Смоленскъ внушала нѣкоторую надежду на облегченіе судьбы всѣмъ сподвижникамъ французскаго императора, но еще до прихода въ этотъ городъ надъ отступающими французами обрушились новыя бѣдствія, губившія ихъ цѣлыми тысячами. Кромѣ холода, голода и постоянныхъ нападеній казаковъ, партизановъ и отряда Милорадовича, они потерпѣли на пути изъ Вязьмы въ Смоленскъ два крупныхъ пораженія. Одно пришлось на долю принца Евгенія Богарнэ, который со своимъ отрядомъ былъ направленъ изъ Дорогобужа на Духовщину, чтобы овладѣть Витебскомъ, и прійти въ связь съ войсками Сенъ-Сира и Виктора. Вслѣдъ за нимъ шелъ Платовъ и наносилъ ему пораженія, настигая его тылъ, отхвативъ у него по пути 3000 плѣнныхъ и 64 орудія. Самое тяжелое испытаніе пришлось этому бѣдствующему отряду претерпѣть 24-го при переправѣ чрезъ рѣку Вопь, не доходя Духовщины. Наводимый мостъ былъ снесенъ напоромъ ледохода, а переправа безъ моста сопровождалась, при напорѣ подоспѣвшихъ казаковъ Платова, такими бѣдствіями и потерями, которыя нанесли не менѣе ущерба, нежели кровопролитное сраженіе. Обозъ, 2000 плѣнныхъ и 23 орудія остались въ рукахъ казаковъ, остальная часть отряда съ 12-ю остающимися орудіями, перемокшая и дрожащая отъ холода, въ совершенномъ безпорядкѣ достигла Духовщины, передъ вступленіемъ въ которую ей пришлось отбиваться отъ казаковъ Иловайскаго, состоявшаго въ отрядѣ генералъ-адъютанта Кутузова, который сопровождалъ отступленіе французовъ съ сѣвера, точно такъ же какъ Орловъ-Денисовъ, Фигнеръ, Сеславинъ и Давыдовъ сопровождали ихъ съ юга. Этимъ послѣднимъ выпалъ на долю другой подвигъ, плодомъ котораго было взятіе въ плѣнъ цѣлой бригады ген. Ожеро, направленной на Ельню, по распоряженію Наполеона изъ Смоленска, когда онъ надѣялся воспользоваться этимъ путемъ, и которую не успѣли своевременно предупредить о перемѣнахъ и неудачахъ, постигшихъ отступленіе великой арміи. Ожеро, сначала застигнутый одними партизанами, не помышлялъ о сдачѣ, тѣмъ болѣе, что стоявшій недалеко отъ него ген. Барагэ д'Илье сдѣлалъ попытку его выручить своими кирасирами; но

послѣдніе были задержаны и опрокинуты призваннымъ партизанами на помощь графомъ Орловымъ-Денисовымъ, подоспѣвшимъ своевременно со своими казаками. Когда Ожеро узналъ отъ Орлова-Денисова, что отрѣзанъ отъ Барагэ д'Илье, и вмѣстѣ съ этимъ освѣдомился о неизвѣстномъ ему до того положеніи отступающихъ соотечественниковъ, ему пришлось положить оружіе, съ 40 офицерами и 2000 рядовыхъ.

Въ то время когда происходили эти крупныя пораженія отдѣльныхъ отрядовъ, преслѣдованіе главныхъ силъ французовъ сопровождалось большимъ урономъ, наносимыхъ ихъ тылу у Дорогобужа, Соловьева и проч. отрядами Юрковскаго и Карпенкова, подбиравшихъ плѣнныхъ и орудія, и находящихъ повсюду множество французовъ, погибшихъ отъ холода и изнуренія.

Ходъ войны, предоставленный Кутузовымъ естественному теченію.

Въ то время когда партизаны и отдѣльные отряды продолжали дѣло истребленія отступающаго войска по частямъ, пользуясь его разстройствомъ, главнокомандующій продолжалъ свое движеніе южнѣе Смоленской дороги, стараясь сберегать людей своего войска, и давая ему дневки при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ своихъ донесеніяхъ государю, онъ старался выставить какъ можно ярче всю пользу такого образа дѣйствій, который доставляетъ ему возможность достигнуть прежде непріятеля въ Оршѣ его путь отступленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему представлялась, и вскорѣ представилась вполнѣ возможность стать на пути отступленія Наполеона, но престарѣлому и дряхлому фельдмаршалу такая встрѣча въ упоръ бѣгущему врагу казалась не особенно желательной, угрожая упорной борьбой и отчаяннымъ кровопролитіемъ, въ то время какъ рядомъ представлялась достовѣрность не только изгнанія, но и гибели врага, безъ возбужденія новыхъ потрясеній въ борьбѣ, ознаменовавшейся безъ того такими неисчислимыми жертвами и безпримѣрными бѣдствіями. Доживающій свои послѣдніе дни доблестный старикъ не могъ гоняться за новыми блестящими подвигами, всегда искупаемыми тяжелыми жертвами, но не всегда достигающими предназначенной цѣли. Потомство и историки могутъ доселѣ обсуждать праздный вопросъ, правильно ли дѣйствовалъ Кутузовъ, предоставляя наи-

болѣе простора естественному теченію событій, получившихъ желательное для избавленія Россіи направленіе, болѣе сдерживая, нежели направляя дѣятельность своихъ сподвижниковъ, храбрыхъ и иногда заносчивыхъ: онъ такъ дѣйствовалъ, полагаясь на народъ, солдата и правое дѣло защиты отечества, и не увлекаясь самомнѣніемъ или вѣрою въ свою звѣзду. Если онъ помнилъ, что его хвалилъ Суворовъ за поведеніе его при штурмѣ Измаила, то не могъ также забыть первой встрѣчи съ Наполеономъ, когда спасъ своимъ образцовымъ отступленіемъ русское войско до самаго Аустерлица, гдѣ его погубили хитроумные нѣмцы и легкомысленный самодержецъ, и долженъ былъ съ гордостью вспоминать о своемъ *скромномъ поведеніи* на Дунаѣ, приготовившемъ вѣрную гибель турецкому войску. Могъ ли при такихъ воспоминаніяхъ и съ такимъ опытомъ дѣйствовать иначе на закатѣ дней своихъ старый воинъ, и еще болѣе испытанный мудрецъ?

Къ такому веденію войны Кутузовымъ невольно и неоднократно приковывается вниманіе, не только потому что оно требуетъ освѣщенія или оправданія, но потому что этотъ вопросъ связанъ съ жгучимъ вопросомъ народнаго самолюбія. Торжество Александра надъ Наполеономъ, и русской обороны противъ французскаго нашествія, было безусловное и рѣшительное, но громкихъ оглушительныхъ ударовъ на полѣ сраженія, въ бояхъ, имена которыхъ могли бы прогремѣть на долгіе вѣка—мы не наносили, что послужило поводомъ французамъ оспаривать нашу славу побѣдителей. Несмотря на неопровержимую достовѣрность истины, что зимнія невзгоды только довершили истребленіе французовъ, когда ихъ пребываніе въ Москвѣ и отступленіе въ благопріятныхъ условіяхъ оказались уже невозможными вслѣдствіе распоряженій Кутузова, послѣднему въ памяти потомства вредитъ отголосокъ упорныхъ утвержденій французовъ, что ни Кутузовъ ни русскія войска не одолѣли нашествія Наполеона, но что его сокрушилъ исключительно генералъ-морозъ. Это уязвляетъ народную гордость, несмотря на несогласіе разума съ кичливымъ французскимъ самохвальствомъ, и она не прощаетъ осторожности Кутузова, лишившей ея воз-

можныхъ громкихъ побѣдъ, способствуя распространенію мнѣнія, что эта осторожность благопріятствовала только продленію борьбы, и потому не могла уменьшить числа обреченныхъ жертвъ. Такое мнѣніе основано на предположеніи взятія Наполеона среди Литвы, какъ въ мышеловкѣ; но совмѣстно ли понятіе мышеловки и мыши съ дебрями Литвы и человѣкомъ свойствъ и дарованій Наполеона? И на чемъ основано предположеніе, что даже разбитый *въ пухъ* французскій императоръ не нашелъ бы возможности бѣжать, не достигнувъ Сморгони, и не увезъ бы съ собой лучшихъ своихъ сподвижниковъ, явившись съ которыми во Франціи онъ нашелъ бы тѣ же средства для возобновленія войны, которыми воспользовался послѣ бѣгства изъ Сморгони? Вообще же, кромѣ безцѣльности *предположеній*, которыми даютъ безсильными пожеланіями обратное дѣйствіе событіямъ, въ такихъ случаяхъ грѣшатъ еще пристрастными оцѣнками. Въ данномъ случаѣ, безусловно пристрастной оцѣнкой Наполеона.

Смоленскъ на обратномъ пути. Покуда русскія главныя силы подвигались на Ельню, Балтушино, Лобково въ Щелканово, котораго достигли 1-го ноября, французы поспѣшно, но съ страшными жертвами, начали достигать 29-го октября Смоленска, находящагося прямо на сѣверъ отъ Щелканова. Первые вступившіе въ городъ французы, въ томъ числѣ гвардія съ ея императоромъ, были разочарованы тѣми скудными запасами, которые оказались въ немъ вмѣсто ожидаемаго изобилія. Запасы настолько не соотвѣтствовали ожиданіямъ, что только одна гвардія отчасти могла воспользоваться правильной раздачей продовольствія. Остальнымъ корпусамъ пришлось прибѣгать къ насиліямъ и грабежу, чтобы удовлетворить, хотя бы отчасти, тѣмъ потребностямъ, которыя были возбуждены перенесенными нестерпимыми лишеніями. Распоряженія Наполеона, оказавшіяся столь же предусмотрительными на бумагѣ какъ и безсильными на дѣлѣ, не могли исполняться въ точности, не только вслѣдствіе разоренія края нашествіемъ, но и вслѣдствіе злоупотребленій его чиновни-

ковъ, вызвавшихъ этимъ негодованіе своего императора, приказавшаго разстрѣлять старшаго изъ провинившихся заготовщиковъ. Городъ не могъ представить достаточныхъ средствъ для успокоенія и обновленія силъ изнуренныхъ французовъ. Выжженный почти до тла, съ разбѣжавшимися жителями, остатокъ которыхъ хоронился въ погребахъ и подвалахъ, Смоленскъ, заваленный снѣгомъ и переполненный больными и ранеными, не могъ не разочаровать отступающія войска, надѣявшіяся найти въ немъ обиліе и продолжительный отдыхъ. Здѣсь была почти та же нищета, что и по пути, и до самыхъ воротъ его не прекращались нападенія русскихъ отрядовъ. Кромѣ недостатка продовольствія и необезпеченности спокойствія для отдыха, войскамъ была еще болѣе внушительная причина не задерживаться въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ, это приближеніе Чичагова и Витгенштейна къ пути отступленія въ Литву. Усилившіеся морозы, разрушительно отражающіеся на людяхъ и лошадяхъ и увеличивающіе тягости пути, служили новымъ побужденіемъ стремиться въ менѣе обездоленныя мѣстности. Во время трехдневнаго пребыванія въ городѣ, Наполеономъ были сдѣланы распоряженія о соединеніи многихъ *обезлошаденныхъ* конныхъ полковъ въ одинъ; о снабженіи орудіями нѣкоторыхъ корпусовъ, растерявшихъ ихъ по пути; о перепряжкѣ орудій и зарядныхъ ящиковъ, въ виду страшной убыли лошадей; но всѣ эти мѣры, вслѣдствіе невозможности устраненія причинъ, служащихъ разложенію войска, не успѣвали устранить зла, опережающаго всѣ распоряженія, стремящіяся къ его устраненію. Лучшимъ доказательствомъ такого состоянія *великой арміи* можетъ служить захваченное русскими черновое донесеніе ея начальника штаба Бертье къ императору отъ 28 октября (9 ноября), изображающее въ самыхъ яркихъ чертахъ распаденіе всякаго строя въ отступающихъ войскахъ.

Одна гвардія, болѣе оберегаемая, ибо находилась во главѣ и на глазахъ у Наполеона, составляла покуда исключеніе среди общаго разложенія, и подвергнувшись меньшимъ лишеніямъ, нежели другія части отступающихъ войскъ, нѣсколько лучше ихъ оправилась во время четы-

рехдневной остановки въ Смоленскѣ. 2-го ноября началось выступленіе французовъ изъ Смоленска, начатое самимъ императоромъ, за которымъ должны были послѣдовательно выступать Евгеній Богарнэ, Даву и наконецъ Ней. Послѣднему было поручено сжечь все, что нельзя было увезти, оружіе, снаряды, обозы, и взорвать старыя укрѣпленія города. Кутузовъ 2-го выступилъ изъ Щелканова на Юрово, сохраняя то же разстояніе отъ главныхъ французскихъ силъ, направляя въ сосѣдство имъ Милорадовича, и разсчитывая на партизановъ и легкіе отряды для изнуренія и даже истребленія французовъ. Онъ полагалъ, что Милорадовичъ успѣетъ отрѣзать имъ дорогу въ Красное, но послѣдній, поспѣвшій 3-го на эту дорогу, увидалъ движущіяся войска, открылъ по нимъ огонь, но не успѣлъ задержать ихъ движенія, не зная даже, что передъ нимъ двигался Наполеонъ съ гвардіей.

Отъ Смоленска до Краснаго. Часть этого отряда пострадала однако отъ русскихъ нападеній и потеряла 6 орудій, самъ же Наполеонъ достигъ Краснаго, въ которомъ сталъ выжидать прихода остальныхъ корпусовъ. Кутузовъ перешелъ 4-го въ Шилово, ближе къ Красному, и привлекъ въ Мерлино Милорадовича, но французовъ не показалось на Смоленской дорогѣ до третьяго часа, когда стали появляться войска вице-короля, на путь котораго была выставлена часть отряда Милорадовича. Французамъ не удалось пробиться силой, но сдаваться въ плѣнъ они также не согласились, отвергнувъ посланное имъ съ полковникомъ княземъ Кудашевымъ предложеніе Милорадовича, и успѣли, пользуясь наступившими сумерками, потерявши 1500 плѣнныхъ и 17 орудій, которыми были заново снабжены въ Смоленскѣ, разсѣяться и отчасти добраться окольными путями въ Смоленскъ и Красное. Дѣло это, благодаря численному превосходству и лучше сохранившейся бодрости русскихъ войскъ, могло бы имѣть болѣе рѣшительный исходъ, если бы Милорадовичъ не былъ сдержанъ приказаніемъ Кутузова избѣгать рѣшительнаго дѣла. Понятно, что подобныя распоряженія, даваемыя, такъ сказать, въ виду неизбѣжной побѣды, должны были возмущать такихъ рѣшительныхъ генераловъ какъ Ермоловъ и Милорадовичъ, и побудили ихъ строго отзываться объ осторожности

главнокомандующаго, и эти отзывы нашли отголосокъ въ потомствѣ.

Наполеонъ, вслѣдствіе затрудненія и потерь, которыя встрѣтилъ Евгеній Богарнэ при соединеніи съ нимъ въ Красномъ, рѣшился не довольствоваться охраной сообщенія съ ожидаемыми отрядами Даву и Нея, предпочитая сдѣлать нападеніе на Кутузова, прибывшаго 5-го числа въ Новоселье, въ 4 верстахъ отъ Краснаго. Французскій императоръ разсчитывалъ отвлечь русскія войска отъ Смоленской дороги, для облегченія движенія Даву и Нея, тогда какъ Кутузовъ съ своей стороны готовился напасть на стоящія передъ Краснымъ войска, не подозрѣвая, что ими предводительствуетъ его грозный противникъ. Полковникомъ Толемъ было предложено, одновременно съ нападеніемъ на предстоящихъ французовъ, направить генерала Тормасова съ главными силами въ обходъ Краснаго къ селу Доброму на Оршинскую дорогу, чѣмъ бы обезпечилось несомнѣнное пораженіе Наполеона. У послѣдняго, кромѣ разстроенныхъ остатковъ корпуса вице-короля (3500 ч.), была въ распоряженіи 15.000-ная гвардія, единственная часть *бывшей* великой арміи, при которой находились относительно подвижныя орудія, тогда какъ конница и лошади подъ другими орудіями едва передвигались. Даву, узнавшій о пораженіи наканунѣ Евгенія Богарнэ, выступилъ ночью изъ Корытни и поровнялся утромъ съ нашимъ передовымъ отрядомъ, въ виду котораго онъ долженъ былъ переходить въ глубокомъ снѣгу Лосминскій оврагъ. Ретивый принцъ Евгеній Виртембергскій былъ готовъ направить огонь пятидесяти орудій для прегражденія пути корпусу Даву, въ которомъ оставалось 7500 чел. и 15 орудій, но порывъ его усердія былъ сдержанъ Милорадовичемъ, объявившимъ ему, что главнокомандующій приказалъ не отрѣзывать отступленія непріятелю и запретилъ завязывать рѣшительное сраженіе. Между тѣмъ Наполеонъ, не выждавъ нападенія князя Голицына, противоставленнаго ему, въ то время какъ Тормасовъ передвигался въ его тылъ, сдѣлалъ подъ собственнымъ предводительствомъ на Голицына настолько рѣшительное нападеніе, что оно значительно облегчило переходъ Даву чрезъ Лосминскій оврагъ, и этимъ вполнѣ

Краснов.

оправдалъ свое восклицаніе: j'ai assez fait l'empereur; il est temps de faire le général! Гвардія подъ его начальствомъ проникла къ Лосминскому оврагу, но была вскорѣ оттѣснена русскими, успѣвши только привлечь одну дивизію Даву къ своему содѣйствію, и очистить путь для отступленія другихъ частей чрезъ Красное. Въ это время произошло довольно необычайное на войнѣ явленіе: Наполеонъ, узнавши, что русскіе направляются на Оршинскую дорогу, сталъ торопиться съ отступленіемъ, въ то время когда Кутузовъ, удостовѣрившись, что сраженіе ведется съ гвардіей, предводительствуемой французскимъ императоромъ, счелъ опаснымъ ставить Тормасова на пути отступленія французовъ, и приказалъ ему остановиться. Въ это время нападеніе Голицына, поддерживаемое Милорадовичемъ, сдѣлалось настолько дѣйствительнымъ, что не только выбило гвардейскую дивизію Фридрихса, оставленную въ Красномъ, но стало тѣснить и преслѣдовать отступающихъ французовъ. Пораженію ихъ много содѣйствовали корпусъ Строгонова, 2-ая кирасирская дивизія и блестящія дѣйствія орудій полковника Никитина. Такой оборотъ дѣла успокоилъ Кутузова на счетъ опасности, которой онъ боялся подвергнуть Тормасова на Оршинской дорогѣ, и онъ приказалъ ему снова спѣшить къ Доброму; но благопріятное время было утрачено, и когда передовой отрядъ барона Розена приблизился къ Доброму, большая часть вышедшихъ изъ Краснаго войскъ успѣла пройти далѣе, и здѣсь были настигнуты только остатки дивизіи Фридрихса. Розенъ разсѣялъ тылъ отступающихъ, при чемъ взялъ много орудій и отбилъ большой обозъ, въ которомъ былъ захваченъ маршальскій жезлъ Даву. Уронъ французовъ въ этотъ день былъ очень значителенъ: въ разныхъ источникахъ исчисляютъ его въ 6 и 9000 человѣкъ; въ 45 и 70 орудій; но во сколько бы его ни считать, несомнѣнно, что неисчислимо еще большую потерю для Наполеона въ этомъ пораженіи составляла совершенная утрата воинскаго порядка въ гвардіи, сохранявшей еще до Краснаго исключительный порядокъ. Однако этотъ крупный успѣхъ не удовлетворилъ сподвижниковъ стараго фельдмаршала, котораго они обвиняли въ упущеніи, изъ нерѣшительности, исключительно благопріят-

наго случая покончить борьбу съ Наполеономъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ.

Выбравшіеся изъ Краснаго французы стянулись въ Ляды и на другой день двинулись въ Дубровну, а наши войска расположились между Добрымъ и окрестностями Краснаго. Если своевременный уходъ гвардіи и Даву изъ Краснаго и избавилъ ихъ отъ опаснаго положенія, въ которомъ они могли оказаться между Тормасовымъ, Голицынымъ и Милорадовичемъ, то все-таки этотъ успѣхъ былъ искупленъ тѣмъ беззащитнымъ положеніемъ, въ которомъ былъ покинутъ оставленный въ Смоленскѣ Ней, прибывшій только 3-го въ этотъ городъ. Ему было поручено истребленіе орудій, снарядовъ и самыхъ укрѣпленій, несмотря на предупрежденіе Даву объ опасности его положенія вслѣдствіе пораженія 4-го вице-короля, сдѣлавшаго отступленіе болѣе опаснымъ и спѣшнымъ. Оставшійся въ тылу маршалъ, не даромъ прозванный французами le brave des braves, исполнилъ до отступленія всѣ возложенныя на него обязанности, и выступилъ въ 2 часа пополуночи, зажегши заложенныя мины подъ башнями стараго укрѣпленія, изъ которыхъ только восемь произвели свое дѣйствіе два часа послѣ его выступленія. Восемь башенъ были отчасти разрушены, произошли смятеніе и пожаръ, которыми появившіеся изъ тайниковъ скрывающіеся немногочисленные остатки жителей Смоленска воспользовались для кроваваго и безчеловѣчнаго вымещенія надъ отставшими французами всей злобы, накипѣвшей отъ неисчислимыхъ обидъ. Жестокая расправа Смолянъ, бросавшихъ своихъ бывшихъ обидчиковъ въ огонь горящихъ зданій и въ проруби подъ ледъ Днѣпра, была остановлена вступленіемъ въ городъ егерскаго батальона подъ начальствомъ маіора Горихвостова.

Отступленіе Нея.

Между тѣмъ отрядъ Нея, въ числѣ 8000 человѣкъ, 12 орудій и всякаго слѣдовавшаго за нимъ сброда, переночевавъ въ Корытнѣ, выступилъ около полудня по направленію къ Красному. Онъ надѣялся встрѣтить тамъ Наполеона, вмѣсто стоявшаго близъ пути Милорадовича, котораго также не успѣли предупредить изъ главнаго штаба, извѣстившагося отъ плѣнныхъ, что одинъ французскій корпусъ долженъ былъ еще выступить изъ Смо-

ленска. Эта оплошность и туманъ дали возможность одной дивизіи Нея перейти Лосминскій оврагъ и захватить 12 русскихъ орудій, которыхъ не успѣли ни вывезти, ни прикрыть пѣхотой. Поднявшаяся тревога побудила Паскевича двинуться на французскую дивизію, которая была имъ отброшена съ урономъ, а прибывающія вслѣдъ за дивизіей Паскевича другія пѣшія и конныя войска привели въ разстройство отрядъ Нея. Милорадовичъ хотѣлъ воспользоваться этимъ разстройствомъ, чтобы склонить Нея къ сдачѣ. Послѣдній не только рѣзко отклонилъ это предложеніе, но изъ осторожности задержалъ подъ благовиднымъ предлогомъ присланнаго съ нимъ офицера, чтобы избѣгнуть разглашенія печальнаго состоянія, въ которомъ находился его отрядъ. Вмѣсто сдачи, не знающій ни усталости ни унынія неустрашимый Ней предпринялъ новое нападеніе на наши войска, настолько стремительное, что его пѣхота надвигалась къ самымъ нашимъ орудіямъ, но тѣмъ не менѣе была оттиснута съ большимъ урономъ, при чемъ особенно отличились Орловскій пѣхотный полкъ и гвардейскій уланскій, захватившій знамя, 6 орудій и 2500 плѣнныхъ.

Но въ этомъ дѣлѣ, какъ въ Красномъ, несмотря на большую убыль французовъ, успѣхъ не былъ полнымъ и не соотвѣтствовалъ нашему численному превосходству. Причину этому нужно полагать отчасти въ рано наступающихъ сумеркахъ, въ неожиданности появленія французовъ предъ концомъ краткаго дня, но несомнѣнно также и вялому руководству Кутузова, озабоченнаго болѣе сбереженіемъ своихъ людей, чтобы было по его выраженію *съ чѣмъ явиться на границу*, нежели дѣятельнымъ *истребленіемъ* враговъ, безъ того быстро вымирающихъ.

Не успѣвшія пробиться на Красненскую дорогу неевскія войска сохранили возможность отступить къ Днѣпру, между которымъ и расположеніемъ, занятымъ французами, не находилось русскихъ войскъ. За Днѣпромъ у Сырокоренья долженъ былъ находиться Платовъ съ своимъ отрядомъ, съ которымъ онъ преслѣдовалъ Нея до предмѣстьевъ Смоленска, не считая себѣ по силамъ тревожить его въ самомъ городѣ. По выступленіи французовъ, онъ двинулся лѣвымъ берегомъ Днѣпра, чтобы не допускать ихъ

на правый берегъ, въ чемъ однакоже не успѣлъ. Послѣ неуспѣха нападенія на стоящихъ между нимъ и Краснымъ русскихъ, Ней съ самыми бодрыми изъ своихъ людей, въ числѣ около 3000 человѣкъ, рѣшился пробираться къ Днѣпру, слѣдуя по ниспадающему къ нему оврагу, единственному его руководителю среди ночи въ предпринятой имъ попыткѣ. По пути его войско отдыхало, разводило костры, двигаясь безсознательно по направленію къ тому Сырокоренью, переправа и сообщеніе съ которымъ, по увѣренію панегириста Кутузова, Михайловскаго-Данилевскаго, были будто бы указаны главнокомандующимъ своимъ подчиненнымъ для особенно бережной охраны. Или нужно подвергнуть сомнѣнію достовѣрность этихъ указаній, или признать крайнюю оплошность исполнителей... Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что переправа Нея чрезъ Днѣпръ у Сырокоренья могла быть устранена при большей бдительности съ нашей стороны, точно также какъ положеніе французовъ въ Красномъ допускало болѣе рѣшительное ихъ пораженіе.

Добравшись съ трудомъ до Днѣпра, Ней съ большими затрудненіями и потерями перевелъ по непрочному и проваливавшемуся льду свой незначительный отрядъ на правый берегъ этой рѣки, по которому ему пришлось пробираться по глубокому снѣгу, безъ конницы и артиллеріи, при безпрестанныхъ нападеніяхъ Платова, преслѣдующаго его съ легкими орудіями на салазкахъ; и при такихъ безнадежныхъ условіяхъ, съ остаткомъ въ 800 чел. отъ всего своего отряда, ему удалось настолько приблизиться къ Оршѣ, что онъ и успѣлъ пробраться въ нее, при помощи вышедшаго ему навстрѣчу отряда вице-короля, въ ночь съ 8 на 9-ое. Наполеонъ считалъ его погибшимъ, искренне обрадовался его спасенію, а французскіе историки превознесли его несомнѣнно смѣлое и настойчивое движеніе чрезъ Сырокоренье и Якубово на Оршу, которому способствовали не только бодрость его духа, но и его исключительное здоровье, какъ подвигъ сверхъестественный.

Дѣла подъ Краснымъ, хотя не составляли общаго и побѣдоноснаго сраженія, представлены были Кутузовымъ государю въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, и послужили поводомъ наградить фельдмаршала названіемъ «Смоленска-

го», Милорадовича Георгіемъ 2-ой степени, а Платова графскимъ титуломъ. Въ дѣйствительности, несмотря на то, что они не представляли рѣшительнаго сраженія (что подало поводъ Ермолову утверждать, что *Красненское сраженіе* было *сочинено* Кутузовымъ), вліяніе столкновеній 5 и 6 ноября между отступающими и преслѣдующими войсками было настолько сокрушительнымъ, что послѣ этихъ столкновеній остатки «великой арміи» утратили послѣднія свойства боевой силы. Уронъ ея въ эти дни былъ также очень великъ, въ сравненіи съ тогдашней ея численностью: 116 орудій, маршальскій жезлъ, 7 генераловъ, 300 офицеровъ и 20.000 рядовыхъ плѣнными, не считая болѣе 6000 убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей стороны уронъ былъ около двухъ тысячъ человѣкъ, и эта умѣренность потери вмѣстѣ съ *умѣренностью* преслѣдованія полнаго увѣнчанія побѣды, лишили этотъ успѣхъ той громкой славы, которой потомство преимущественно вѣнчаетъ ужасныя истребленія людей, оставляющія о себѣ потрясающую память.

Черезъ Оршу къ Березинѣ.

Несмотря на то, что при Красномъ не былъ положенъ окончательный предѣлъ военному предпріятію Наполеона въ Россіи, его положеніе при дальнѣйшемъ отступленіи становилось все болѣе бѣдственнымъ, не только вслѣдствіе окончательнаго разложенія его войскъ, но и отъ того положенія, въ которомъ ему приходилось находиться среди преслѣдующихъ войскъ Кутузова и идущихъ ему навстрѣчу войскъ Чичагова и Витгенштейна. Пользуясь неспѣшностью преслѣдованія Кутузовымъ, онъ могъ продолжать отступленіе чрезъ Ляды, Дубровну въ Оршу, встрѣчая менѣе лишеній въ Литовскомъ краѣ и найдя въ Оршѣ не только нѣкоторые запасы, но даже возможность снабдиться нѣсколькими найденными здѣсь орудіями, лошадьми и снарядами. При такомъ, впрочемъ, весьма умѣренномъ обновленіи своихъ боевыхъ средствъ (36 орудій), онъ имѣлъ оплошность истребить найденный понтонный паркъ, чтобы воспользоваться его запряжками для орудій и зарядныхъ ящиковъ. Это распоряженіе, въ которомъ была упущена изъ вида предстоящая переправа отступающихъ

войскъ чрезъ довольно значительную рѣку Березину, должно было отразиться очень пагубно на ходѣ дальнѣйшаго отступленія.

Преслѣдованіе французовъ, кромѣ партизанскихъ отрядовъ и Платова, было поручено особенному отряду подъ начальствомъ ген. Ермолова; самъ же Кутузовъ, подъ предлогомъ неизвѣстности дальнѣйшаго направленія Наполеона, промедлилъ подъ Краснымъ, во то время какъ послѣдній, достигши Орши 7-го, намѣревался ее покинуть 8-го. По пути онъ узналъ о взятіи русскими Витебска и Минска и о неудачномъ дѣлѣ Виктора при Чашникахъ, и несмотря на эти признаки потери всякой опоры въ Литовскомъ краѣ, и на ничтожность вооруженій этой страны для содѣйствія ему, онъ своими распоряженіями старался ободрить войска и страну, посылая Виктору и Удино распоряженія, которыми онъ старался доказать свое несбыточное намѣреніе остаться на зиму въ этомъ краѣ. Такимъ образомъ, онъ предписывалъ Удино собрать польскіе отряды Домбровскаго и Броникowскаго, и вмѣстѣ съ ними выступить изъ Борисова для вытѣсненія русскихъ изъ Минска, а Виктору поручалъ прикрывать Борисовъ и Вильну. Такія распоряженія вовсе не соотвѣтствовали бѣдственному положенію его войскъ, продолжавшихъ отступленіе среди сырости и грязи наступившей 6-го оттепели, при все растущей убыли людей и лошадей, которыхъ не могли пополнить встрѣчающіяся подкрѣпленія, и при увеличивающихся безчинствѣ и мародерствѣ. Послѣ Орши отъ всѣхъ кавалерійскихъ дивизій оставалось — армейскихъ 200 человѣкъ и гвардейскихъ около 1500. Въ такомъ безнадежномъ состояніи приблизился Наполеонъ 10-го числа къ Толочину, и получилъ отъ Удино донесеніе о взятіи русскими Борисовскаго *тетъ-де-пона* (мостовое укрѣпленіе). Когда это извѣстіе дошло до Наполеона, ему уже были извѣстны неудачи Сенъ-Сира подъ Полоцкомъ и положеніе Виктора при Черѣ; въ то же время онъ испытывалъ преслѣдованіе Ермолова и постоянное стѣсненіе отъ окружающихъ его со всѣхъ сторонъ отрядовъ Платова, генералъ-адъютанта Кутузова Ожаровскаго и Сеславина, и потому, находясь въ такихъ условіяхъ, онъ не могъ мечтать объ основаніи среди ихъ зи-

мовки, но долженъ былъ напрягать всѣ усилія, чтобы вырваться изъ западни, въ которую впутался.

Сближеніе у Березины воюющихъ.

Исключая самого главнокомандующаго, промедлившаго до 8 въ Добромъ и потомъ не спѣша надвигавшагося къ Днѣпру на Копысъ (южнѣе Орши), котораго онъ достигъ 12-го, остальныя части спѣшно преслѣдовали Наполеона или стояли между Борисовымъ и Череей, по двумъ сторонамъ пути, по которому приходилось слѣдовать французамъ, чтобы достигнуть Березины и найти способъ переправиться чрезъ нее. Положеніе бѣгущихъ и изнемогающихъ французовъ дѣлалось почти безнадежнымъ, несмотря на бодрое состояніе корпуса Виктора и остатковъ корпуса Сенъ-Сира и Удино, двигавшихся на выручку своего императора, объ ужасающемъ положеніи котораго они не получали достаточно правдивыхъ сообщеній, будучи къ тому же связаны наступающими съ двухъ сторонъ частями Витгенштейна. Крайняя осторожность Кутузова, потребовавшаго остановки Ермолова въ Толочинѣ, для соединенія съ Милорадовичемъ и выжиданія самого главнокомандующаго, затянула дѣло настолько, что это облегчило нѣкоторую свободу дѣйствій самого Наполеона и отчасти Виктора и Удино, въ виду неизбѣжной несогласованности, по отдаленности другъ отъ друга, Кутузова, Чичагова и Витгенштейна. Несмотря на рѣшительность Ермолова, притворившагося, что получилъ приказаніе Кутузова по минованіи Толочина, хотя ему оставался еще цѣлый переходъ до этого мѣста, и продолжавшаго преслѣдовать съ своимъ передовымъ отрядомъ Наполеона, медленность наступленія Кутузова и несвоевременность сообщеній между нимъ и Чичаговымъ до извѣстной степени развязали руки отступающимъ французамъ. Посылаемыя отставшимъ главнокомандующимъ Чичагову свѣдѣнія о движеніяхъ Наполеона были только предположительныя и дошли къ послѣднему настолько поздно, что послужили ему предлогомъ для оправданія оплошности, несомнѣнно проявленной при нападеніи Удино на Борисовъ и при наблюденіи надъ приготовленіями французовъ къ переправѣ чрезъ Березину. Но нельзя отрицать при этомъ, что недостаточность бдительности и прозорливости Чичагова не избавляетъ главнокомандующаго

отъ его доли отвѣтственности за медлительность, благодаря которой онъ оказался за сто верстъ отъ Березины, когда на ней рѣшалась судьба жалкихъ остатковъ наполеоновскихъ полчищъ.

Оплошное отступленіе Чичагова у Борисова.

Послѣ взятія 9-го ноября Борисова, блестящій руководитель передового отряда Чичагова, графъ Ламбертъ, не былъ немедленно замѣненъ, а замѣнившій его Паленъ направился 11-го къ Докшицѣ, въ то время какъ Чичаговъ оставался въ Борисовѣ, наблюдая и ожидая движенія французовъ южнѣе этого города и собираясь двинуться по направленію къ Оршѣ навстрѣчу Витгенштейну. Въ это время Удино, исполнявшій упомянутое уже приказаніе Наполеона,—двигаться на соединеніе съ Домбровскимъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пробиться чрезъ Борисовъ и открыть путь на Минскъ, приближался къ первому мѣсту, а передовой его отрядъ въ числѣ 4000 ч. съ 12 орудіями, миновавъ Докшицу, напалъ на отрядъ графа Палена. Войско Чичагова стояло въ Борисовѣ, переведя обозы черезъ рѣку и длинную гать въ городъ, по другую сторону котораго, повидимому, его передовой начальникъ ожидалъ не Удино, а Витгенштейна. Паленъ не выдержалъ нападенія французовъ и поспѣшно отступилъ; засимъ все войско Чичагова перешло въ отступленіе, не принимая мѣръ для производства этого передвиженія съ необходимой осторожностью и порядкомъ. Только генералъ-маіоръ кн. Щербатовъ успѣлъ поставить орудія на гати рѣки Схи, для удержанія натиска французовъ, которые воспользовались безпорядочностью отступленія для захвата 1000 человѣкъ плѣнныхъ и обозовъ, въ числѣ которыхъ находился обозъ главнокомандующаго съ его канцеляріей и серебромъ. Чичаговъ, провозглашенный человѣкомъ *съ головой*, оказался, повидимому, *безъ царя въ этой головѣ*, не принявши мѣръ предосторожности при занятіи города и покинувъ его поспѣшно передъ слабѣйшимъ противникомъ, довѣрившись слуху о появленіи нигдѣ не существующаго въ то время стотысячнаго французскаго войска. Отступившіе за Березину русскія войска успѣли сжечь мостъ, а разсѣянные по той сторонѣ, кое-какъ набросавши собранное сѣно, перебрались черезъ рѣку и присоединились къ войску, вмѣстѣ съ частью

егерей отряда Палена, не попавшихъ въ Борисовъ и пробравшихся къ Старому Борисову.

Такимъ образомъ незначительный корпусъ Удино, хотя и не успѣлъ открыть путь къ Минску, очистилъ лѣвый берегъ Березины, и получилъ возможность заняться, не тревожимый русскими, отысканіемъ удобнаго мѣста для устройства мостовъ черезъ Березину. Находящійся на правомъ берегу поспѣшно отступившій Чичаговъ послалъ для наблюденія надъ ожидаемыми попытками переправы французовъ, на сѣверъ къ Брилю Чаплица, и гр. О' Рурка на югъ къ Улѣ, въ то время какъ главныя силы подвинулись также на югъ, къ Шабашевичу. Въ это время Наполеонъ, прибывшій въ Докшицу 12-го, могъ слышать гулъ орудій борьбы Виктора съ Витгенштейномъ, оттѣснившей перваго на Бобръ, между Толочинымъ и Докшицей. Наполеонъ былъ одновременно извѣщенъ объ успѣхѣ дѣла при этомъ послѣднемъ мѣстѣ, о затрудненіяхъ Удино при переправѣ и о слухѣ о мнимомъ приближеніи Кутузова. Вмѣсто послѣдняго, растерзаннымъ ужасными лишеніями и изнемогающимъ въ отчаяніи бѣглецамъ показался корпусъ Виктора, сохранившій до этого времени порядокъ и наружный видъ стройнаго войска. Радость встрѣчи была омрачена ужаснымъ видомъ войска, отступающаго изъ Москвы, а полный нравственный упадокъ, одолѣвшій его, вскорѣ отразился и на корпусѣ Виктора.

Березина. Затрудненія сооруженія мостовъ были несомнѣнно дѣйствительны и разнообразны. Кромѣ присутствія на правомъ берегу рѣки довольно оплошнаго Чичагова, французы были стѣснены отсутствіемъ понтоновъ и заготовленнаго лѣса. Но среди этихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, Удино показалъ болѣе находчивости и распорядительности, нежели можно было ожидать отъ этого маршала, не отличающагося своей даровитостью. Ему, конечно, помогъ случай при нахожденіи неглубокаго мѣста на рѣкѣ у дер. Студянки, гдѣ успѣлъ переправиться бродомъ, по указанію встрѣчнаго крестьянина, генералъ Корбино со своей конной бригадой, при слѣдованіи изъ Докшицы на Зем-

бинъ, для соединенія съ Викторомъ. Корбино 10 ноября присоединился близъ Докшицы къ Удино, и навелъ его на мысль обратиться къ Студянкѣ, гдѣ рѣка не была глубже трехъ футовъ, и потому представляла возможность установить непрочные мосты на костыляхъ, съ тѣми жалкими средствами, изъ разобранныхъ крестьянскихъ построекъ, которыя имѣлись подъ рукой. Поручивши 12-го генералу Обри приготовить лѣсъ для постройки мостовъ противъ Студянки, самъ Удино оставался въ Борисовѣ и, посылая отряды южнѣе въ Ухолоды, старался этими движеніями и таинственными разглашеніями объ устройствѣ переправы въ этомъ направленіи, отвлечь вниманіе русскихъ отъ Студянки. Это тѣмъ болѣе удалось французамъ, что получаемыя Чичаговымъ свѣдѣнія отъ Витгенштейна и Кутузова наводили его на ту же мысль, и это обстоятельство, что то войско, которое должно было главнымъ образомъ стать поперекъ дороги отступленія, *могло* руководствоваться свѣдѣніями далеко отставшихъ отъ отступающихъ французовъ частей, и состояло подъ начальствомъ адмирала, не умѣвшаго освѣдомляться и руководствоваться хорошо обставленной развѣдочной службой *своего* войска, много послужило удачѣ сооруженія переправы французами чрезъ Березину.

Если бы Чичаговъ, оттѣсненный изъ Борисова корпусомъ Удино, оставаясь противъ появившихся французовъ, зорко слѣдилъ за ихъ движеніями, довольствуясь развѣдками на сѣверъ и на югъ Борисова, для избѣжанія ихъ обхода на Зембинъ или Шабашевичи, то его было бы труднѣе ввести въ заблужденіе. Вмѣстѣ съ этимъ несомнѣнно, что если бы преслѣдованіе Кутузовымъ Наполеона, а Виктора Витгенштейномъ было болѣе тѣсно, то движеніе отступающихъ французовъ не могло бы проскальзывать почти незамѣтно, и вызвало бы со стороны Чичагова вниманіе, въ то время когда насѣдающее преслѣдованіе лишило бы ихъ досуга, необходимаго для постройки мостовъ изъ разобранныхъ избъ, при единственной помощи походной кузни. Если преслѣдованіе партизановъ и казаковъ въ это время было дѣйствительно настоятельно и тревожно для отступающихъ, оно было зато совершенно безсильно передъ останавливающимися французски-

ми войсками, не представляя достаточной военной стройности для дѣйствія въ сраженіи. Казаки слишкомъ легко увлекались соблазномъ громить преимущественно обозы, а партизаны были опасны главнымъ образомъ мародерамъ и отсталымъ. Главныя же силы не показали при преслѣдованіи послѣ Краснаго той настойчивости и того увлеченія, которыя такъ много способствовали совершенному разсѣянію отступающаго врага, когда побѣдителями бывали французы. Если главной причиной относительной вялости преслѣдованія можно признавать дряхлость Кутузова и его осторожность, то нельзя упускать изъ вида, что вообще духу русскаго народа чужды заносчивость и опьяненіе побѣдой: послѣдняя легко его обезоруживаетъ. Стойкій и самоотверженный въ оборонѣ, русскій человѣкъ менѣе склоненъ француза и нѣмца къ увлеченію военнымъ духомъ: русскій не такъ кичится побѣдой, и легко сближается съ побѣжденнымъ, въ чемъ могли убѣдиться плѣнные французы въ отдаленныхъ отъ военныхъ дѣйствій мѣстахъ. Не безъ основанія утверждаетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ, что французы могли бы предотвратить народную войну при отступленіи, если бы сумѣли заготовить продовольствіе за *деньги*, не прибѣгая къ насиліямъ...

Дѣйствіе Чичагова. Въ то время когда Удино долженъ былъ 13 ноября выступить изъ Борисова къ Студянкѣ, Чичаговъ направился съ главными силами въ противоположную сторону къ Шабашевичамъ. Часть войска была оставлена противъ Борисова, а Чаплицъ съ небольшимъ отрядомъ былъ отправленъ къ Брилю (противъ Студянки) и ему же было поручено впослѣдствіи возвратиться къ Зембину, для занятія послѣдняго съ длинной его гатью и мостами, которые можно было сдѣлать непроходимыми для французовъ и на которые естественно должно было обратиться главное вниманіе Чичагова, какъ на прямой путь отступленія французовъ на Вильну. Въ то время когда Удино передвигался къ Студянкѣ, часть отступающихъ съ Наполеономъ войскъ вступила въ Борисовъ, а остальная разстроенная и жалкая часть двигалась отъ Докшицы, подъ прикрытіемъ Виктора, успѣвшаго ее заслонить отъ медленно надвигающагося Витгенштейна. Послѣдній, нахо-

дясь 13-го въ Ратуличахъ, въ 30 верстахъ отъ Студянки, поспѣлъ только 16-го для нападенія на находящихся тамъ французовъ. Только Платовъ и Ермоловъ слѣдовали въ недалекомъ разстояніи отъ отступающихъ, но Кутузовъ и даже Милорадовичъ отстали отъ нихъ на нѣсколько переходовъ, и потому вполнѣ участвовали въ упущеніи Наполеона, которое впослѣдствіи приписали одному Чичагову.

Студянка.

Между тѣмъ Наполеонъ отправился въ ночь на 14-ое къ мѣсту, гдѣ должна была устраиваться переправа, и гдѣ съ трудомъ былъ къ утру собранъ необходимый для мостовъ лѣсъ. Берега рѣки, окрѣпшіе въ предыдущіе морозы, сдѣлались топкими вслѣдствіе наступившей оттепели, и по рѣкѣ плыли льдины. Единственнымъ благопріятнымъ условіемъ для устройства переправы было ничтожное число русскаго войска, оставленнаго противъ Студянки въ Брилѣ, подъ начальствомъ полковника Корнилова; всѣ остальныя войска находились южнѣе или на значительномъ разстояніи въ тылу французовъ. Это способствовало ихъ занятію противоположнаго берега, сначала эскадрономъ, переплывшимъ подъ начальствомъ генерала Корбино, за которымъ начали переправляться на плотахъ егеря. Попытка полковника Корнилова, охранявшаго съ небольшимъ отрядомъ берегъ, не могла имѣть успѣха по слабости огня его конныхъ орудій въ сравненіи съ выставленными на высотахъ Студянки орудіями Удино и Наполеоновской гвардіи, заставившими Корнилова отступить въ Стаховскій лѣсъ. Французы получили возможность строить одновременно два моста, одинъ для пѣхоты и конницы, а другой попрочнѣе для орудій и обозовъ. Быстрое сооруженіе этихъ мостовъ изъ жалкаго лѣса разобранныхъ крестьянскихъ построекъ, безъ всякихъ другихъ пособій кромѣ спасенныхъ въ Оршѣ генераломъ Эблé походныхъ кузницъ, съ ихъ желѣзомъ и снарядами, было дѣломъ рукъ этого заслуженнаго стараго героя, который со своими перезябшими и голодными піонерами нашелъ возможность устроить эти мало устойчивые мосты на глубинѣ 6 и 7 футовъ, среди плавающихъ льдинъ, между которыми пришлось бродить и работать неустрашимымъ и самоотверженнымъ строителямъ и ихъ доблестному начальнику.

Въ часъ пополудни былъ готовъ одинъ изъ мостовъ, по которому былъ переведенъ остатокъ корпуса Удино и уцѣлѣвшая конница, въ общемъ около 7000 человѣкъ и только 2 орудія, съ трудомъ переправленныя чрезъ непрочный мостъ. Къ этому времени прибылъ генералъ Чаплицъ къ Брилю и занялъ опушку Стаховскаго лѣса, что не могло помѣшать Удино очистить Зембинскую дорогу отъ занимавшаго ее казачьяго отряда и обезпечить дальнѣйшее отступленіе по этой дорогѣ, по ея гатямъ и мостамъ, объ уничтоженіи которыхъ распоряженія явились несвоевременно и не были исполнены. Не довольствуясь удержаніемъ пути къ Зембину, Удино тѣснилъ Чаплица по направленію къ Стахову, между тѣмъ какъ поспѣвалъ къ 4-мъ часамъ второй мостъ французовъ, и они стали перевозить по немъ орудія и новыя части войска, а наши главныя силы находились— Чичагова у Шабачевичей, Платова у Докшицы, а Витгенштейна у Кострицы; а между тѣмъ опередившій ихъ Викторъ подоспѣвалъ въ Борисовъ на соединеніе съ Наполеономъ, у котораго собиралось около 35.000 войска, не считая столь же многолюднаго сброда, который слѣдовалъ за нимъ.

Оплошность преслѣдователей Наполеона не могла совершенно устранить тѣхъ бѣдственныхъ условій, среди которыхъ происходила его переправа чрезъ Березину. Мосты на костыляхъ два раза обламывались въ ночь на 15-ое и задерживали переправу, въ то время какъ прибывающія войска и слѣдующій за ними сбродъ увеличивали стѣсненіе и затрудненія у Студянки. По мѣрѣ исправленія мостовъ, по нимъ переправлялись остатки прибывшихъ съ Наполеономъ корпусовъ, охраняемыхъ прибывающими частями Виктора, оставившаго для обезпеченія своего тыла дивизію Партуно, которая въ слѣдующую ночь была отрѣзана и взята въ плѣнъ наступающими частями корпуса Штейнгеля.

По мѣрѣ перехода французовъ чрезъ Березину, они строились за Удино, и этимъ усиливали противодѣйствіе Чаплицу и начавшимъ прибывать къ вечеру 15-го другимъ частямъ Чичагова. Послѣдній не рѣшился до слѣдую-

шаго дня перейти въ рѣшительное наступленіе противъ французовъ, условившись при свиданіи съ Витгенштейномъ въ Борисовѣ приступить на слѣдующій день къ одновременному на нихъ нападенію. Этимъ промедленіемъ былъ несомнѣнно упущенъ удобный случай увеличить затрудненія отступленія Наполеона, подъ войсками котораго передъ вечеромъ 15-го числа еще разъ обламывался одинъ изъ мостовъ.

16 числа послѣдовало нападеніе на французовъ на обоихъ берегахъ Березины, Чичагова на правомъ, при содѣйствіи переведенныхъ на этотъ берегъ отрядовъ Ермолова и Платова, а Витгенштейна на лѣвомъ. Нападенія направлялись противъ 10.000 человѣкъ, противоставленныхъ Чаплицу, и 5000 — Витгенштейну. Въ этомъ бою, въ которомъ гибли остатки *великой арміи*, оказывая упорное и гибельное для нашихъ войскъ сопротивленіе, замѣчательно то обстоятельство, что большинство сражающихся съ французской стороны были не французы, а ихъ подневольные союзники поляки и нѣмцы. Съ нашей стороны, обнаружилось неизбѣжное слѣдствіе отсутствія общаго руководства, и потому, несмотря на большую потерю людей съ обѣихъ сторонъ, и численное превосходство нашихъ боевыхъ силъ, сраженіе не помѣшало продолженію отступленія по направленію къ Зембину. Препятствіе этому движенію могъ поставить только Чичаговъ, дѣйствовавшій медленно и нерѣшительно, и оправдывавшійся впослѣдствіи невозможностью преградить путь *стотысячному* войску. Несомнѣнно, что нигдѣ, по выступленіи изъ Москвы, Наполеонъ не имѣлъ подъ рукой 100.000 чел., а подъ Березиной располагалъ лишь обломками разрушеннаго грознаго ополченія, переступившаго чрезъ Нѣманъ. Витгенштейнъ на другомъ берегу рѣки могъ лишь нанести болѣе или менѣе сокрушительный уронъ тылу отступающихъ враговъ, и увеличить число неизбѣжныхъ жертвъ среди сброда безоружныхъ, невольно долженствующихъ оказаться между молотомъ и наковальней при преслѣдованіи нами у березинскихъ мостовъ Данделься и Виктора.

Наступленіе войска Чичагова чрезъ Стаховскій лѣсъ подъ руководствомъ его начальника штаба генер. Саба-

нѣева было затруднено тѣснотой лѣса и огнемъ французскихъ орудій, которымъ нельзя было противоставить достаточнаго количества нашихъ орудій, вслѣдствіе затрудненія ихъ передвиженія въ густомъ лѣсу. Наступленіе требовало для дѣйствительнаго удара появленія густыхъ колоннъ, вмѣсто которыхъ генераломъ Сабанѣевымъ были разсѣяны по лѣсу многочисленные стрѣлки, перемѣшавшіеся съ французскими. Истребляя послѣднихъ, они однако не имѣли возможности очистить опушку лѣса отъ многочисленныхъ французскихъ орудій, истребляющихъ нашихъ людей при появленіи ихъ при выходѣ изъ лѣса, не считая нападенія французскихъ кирасиръ, отъ которыхъ ихъ съ трудомъ отбивалъ Чаплицъ своими гусарами. Вообще же дѣло это было своеобразно поведено Чичаговымъ, позаботившимся о сосредоточеніи очень значительныхъ силъ въ стѣсненной мѣстности, въ которой онъ не могъ ихъ развернуть, и объ обходѣ которой онъ не проявилъ никакой заботы. Въ силу вкоренившагося въ немъ предубѣжденія о мнимомъ численномъ превосходствѣ Наполеона, онъ привлекъ въ свое подкрѣпленіе отряды Платова и Ермолова, оставшіеся во время дѣйствія Сабанѣева противъ Удино и Нея въ тылу и бездѣйствіи, въ такомъ расположеніи, которое могло имѣть смыслъ, если бы Чичаговъ былъ озабоченъ недопущеніемъ Наполеона обратно чрезъ Борисовъ въ Россію, а не преграждениемъ ему свободнаго ухода чрезъ Зембинъ на Вильну. Стоило ли переводить для этого Платова и Ермолова на другой берегъ Березины, оставляя Витгенштейна одного управляться съ Викторомъ и Дандельсомъ на противоположномъ берегу, для того, чтобы подвергнуть Чаплица и Сабанѣева безплодному столкновенію со всѣми пробивающимися отъ Березины къ Зембину французскими корпусами?

Участіе Чичагова въ дѣйствіяхъ у Березины.

Начатое послѣ медленнаго передвиженія отъ Шабашевичей къ Борисову и Стахову, веденное незначительною частью стянутыхъ къ Стахову силъ, это сраженіе не могло преградить отступленія Наполеона и послужило лишь къ значительной убыли людей съ обѣихъ сторонъ, вслѣдствіе безплодныхъ нашихъ нападеній, недостаточно поддержанныхъ орудійнымъ огнемъ, въ ви-

ду тѣсноты выхода изъ лѣса противъ врага, обстрѣливавшаго насъ изъ 40 орудій. Борьба продолжалась до 11 часовъ вечера, причинила намъ уронъ болѣе 2000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ раненый генералъ Чаплицъ, и до 5000 человѣкъ французамъ, въ числѣ которыхъ были ранены маршалъ Удино и генералы Легранъ, Заіончекъ, Клапаредъ, Домбровскій и Княжевичъ, но мы не сумѣли отвоевать своими жертвами путь отступленіями, а французы своими отстояли его.

Участіе Витгенштейна.

Дѣйствія Витгенштейна между Борисовымъ и Студянкой грѣшили той же медлительностью и отсутствіемъ ясныхъ соображеній и своевременныхъ распоряженій, какъ и дѣйствія Чичагова. Находясь 14-го въ Кострицахъ, въ 25 верстахъ отъ Студянки, онъ не только не успѣлъ отрѣзать Виктора отъ соединенія съ Наполеономъ, упустивши передъ тѣмъ изъ вида неожиданно появившагося въ Борисовѣ Удино, но и самое передвиженіе къ старому Борисову и Студянкѣ произвелъ также медленно и нерѣшительно, какъ весь свой походъ отъ Полоцка, когда ему еще могла служить оправданіемъ неизвѣстность о движеніяхъ и средствахъ Наполеона. Теперь же, когда была извѣстна переправа французовъ въ Студянкѣ, его двухдневное передвиженіе къ старому Борисову, потеря времени при обезоруженіи дивизіи Партуно, и отсутствіе единства и распорядительности при нападеніи 16-го на Виктора у Студянки, который могъ успѣшно отбиваться, вслѣдствіе несвоевременнаго сосредоточенія противъ него силъ, которыми могъ располагать Витгенштейнъ—всѣ эти дѣйствія не соотвѣтствовали значенію переживаемыхъ рѣшительныхъ событій, и доставили Виктору возможность въ ночь на 17-ое перевести свои войска черезъ Березину. Сопоставляя образъ дѣйствій воюющихъ сторонъ у Березинской переправы 14, 15 и 16 числа, и принимая въ соображеніе неизмѣримо затруднительнѣйшее положеніе Наполеона, сравнительно съ положеніемъ Чичагова и Витгенштейна, никакое пристрастіе къ правотѣ отечественной обороны не можетъ затмить разумную и неутомимую распорядительность Наполеона, и склонить къ снисходительной оцѣнкѣ дѣятельности нашихъ предводителей, не исключая Кутузова.

Положеніе Наполеона и нерадѣніе Кутузова.

Эти дни были несомнѣнно роковыми для Наполеона и не могли не вызвать наружу всѣхъ двигателей его даровитой природы, и потому исключительная его дѣятельность въ теченіе этихъ дней конечно естественна, но это не лишаетъ ея права на заслуженное прославленіе. На ногахъ день и ночь, слѣдитъ онъ за построеніемъ и исправленіемъ мостовъ, и руководитъ въ теченіе этихъ трехъ дней и ночей всѣми передвиженіями и дѣйствіями своей погибающей арміи. Среди самыхъ отчаянныхъ условій, онъ создаетъ возможность быстраго и относительно успѣшнаго перехода своихъ войскъ чрезъ Березину. Не могъ онъ только предотвратить ту страшную гибель 17-го числа отставшихъ и безоружныхъ, которые остались послѣ неизбѣжнаго, для обезпеченія отступленія, сжиганія мостовъ, и ужасныя подробности этой гибели и послѣдующія бѣдствія дальнѣйшаго отступленія невольно затмѣваютъ блестящій подвигъ его перехода чрезъ Березину.

Предводитель русскихъ войскъ отсутствовалъ при этомъ переходѣ, и этимъ лишилъ подчиненныя ему войска общаго руководства, въ томъ именно случаѣ, когда они въ немъ особенно нуждались. Отсутствіе не только не можетъ служить ему оправданіемъ, но должно несомнѣнно поставляться ему въ вину.

Большой заручкой успѣха переправы французовъ чрезъ Березину послужила возможность ввести въ заблужденіе Чичагова о мѣстѣ переправы, что развязало французамъ руки для спѣшной попытки 14-го постройки мостовъ, которой не могъ препятствовать слабый отрядъ Корнилова, отраженный 14-го и оставшійся 15-го въ совершенномъ бездѣйствіи у Стахова. Съ нашей стороны всѣ начальствующія лица, начиная съ государя и до отрядныхъ начальниковъ, придавали рѣшительное значеніе тому перелому въ борьбѣ съ Наполеономъ, когда онъ очутится между преслѣдующимъ его Кутузовымъ и идущими ему навстрѣчу Чичаговымъ и Витгенштейномъ. Государь видѣлъ въ этомъ способъ истребленія нашествія до *послѣдняго человѣка*; и если Кутузовъ, своимъ здравымъ разумомъ и огромной опытностью, могъ опровергать возможность такого рѣшительнаго успѣха, то ему не слѣдовало забывать, что надежда государя отчасти покоилась на

увѣренности въ его прозорливости и предусмотрительности. Онъ хвалился тѣмъ, что если Наполеонъ можетъ его разбить, то обмануть его не можетъ, и это, рядомъ съ всеобщей увѣренностью въ его проницательности, обязывало его не допустить, чтобы успѣхъ или неудача рѣшительнаго разгрома Наполеона были независимы отъ его личнаго участія. Въ этомъ случаѣ разсчетливая осторожность и общее, хотя бы и разумное руководство были недостаточны, и старому фельдмаршалу было обязательно, по народному выраженію, *тряхнуть стариной* и на время забыть, что Наполеонъ *можетъ* его разбить, памятуя, что онъ *не можетъ* и не долженъ его обмануть, а не предоставлять ему *обманывать Чичагова*!

Старость и осторожность могли его удерживать въ границахъ болѣе полезной нежели блестящей дѣятельности, но это свойство не избавляло его отъ обязанности принимать болѣе *личное* участіе въ развязкѣ всего похода, не полагаясь на нетрезваго балагура Платова и адмирала на сушѣ — Чичагова. Вмѣсто того, чтобы терять нѣсколько сутокъ въ Красномъ и Копысѣ, подъ предлогомъ наблюденія надъ судьбою отряда Нея или надъ сооруженіемъ моста и подвозомъ продовольствія въ Копысѣ, съ цѣлью сбереженія остатка главной арміи, чтобы было, по его выраженію, *съ чѣмъ явиться на границу*, Кутузовъ долженъ былъ предоставить эту скромную дѣятельность ген. Тормасову, который бы прекрасно съ нею управился, и спѣшить вмѣстѣ съ Ермоловымъ, личнымъ руководствомъ сходящихся на Березинѣ своихъ передовыхъ отрядовъ и войскъ Чичагова и Витгенштейна, предупредить возможность неурядицъ и грубыхъ ошибокъ. Такъ бы поступилъ Наполеонъ, но на такой образъ дѣйствій были неспособны противоставляемые ему полководцы, менѣе рѣшительные... особенно тогда, когда слѣдовало спѣшить навстрѣчу этому грозному противнику. Этимъ погрѣшили Чичаговъ и Витгенштейнъ, не менѣе дряхлаго Кутузова, и одинъ Бенингсенъ проявлялъ болѣе смѣлости, къ несчастію довольно неосмотрительно, какъ, напримѣръ, въ Фридландѣ.

Если вообще въ разрѣшеніи *русскаго похода* (campagne de Russie) при переходѣ чрезъ Березину одинъ Наполеонъ

оказался на высотѣ своего призванія, то отъ этого не должна страдать наша народная гордость, при сопоставленіи дѣятельности нашихъ военачальниковъ съ такимъ исключительнымъ, по дарованію и дѣятельности, человѣкомъ, какъ Наполеонъ, который составляетъ единичное явленіе въ исторіи нѣсколькихъ вѣковъ. Точно также русскому сознанію неумѣстно исчислять бѣдствія, испытанныя французами при этой переправѣ, какъ подвиги и побѣду.

Этотъ переходъ чрезъ Березину былъ ужаснымъ заключительнымъ явленіемъ грозной франко-русской борьбы: бѣдствія войны не только продлились, но даже усилились послѣ этого перехода, но военныхъ дѣйствій послѣ перехода больше не могло происходить, потому что войска нашествія перестали существовать. Страшный уронъ, понесенный отступающими отъ огня, потопленія, стужи и плѣна, поглотилъ бо́льшую часть войска и безоружныхъ (около 50.000 человѣкъ), приблизительно по равной части находящихся въ строю и въ слѣдовавшемъ сбродѣ, и рядомъ съ уономъ произошло полное разстройство выручившихъ Наполеона подъ Березиной корпусовъ Удино и Виктора. Эти послѣдніе, не испытавшіе еще до соединенія съ главными французскими силами всѣхъ растлѣвающихъ вліяній, послужившихъ разложенію строя «великой арміи», своей бодростью и стройностью послужили опорой Наполеону въ подвигѣ перехода чрезъ Березину, но поплатились за сліяніе со спасенными остатками отступающихъ соратниковъ утратой собственной бодрости и стройности, обратившись по пути къ Вильнѣ, во время наступившихъ трескучихъ морозовъ, въ такую же нестройную, иззябшую, окутанную въ отрепья толпу, какой была остальная спасенная ими армія. Терзаемая всѣми бѣдствіями невыносимыхъ лишеній и мученій, она брела отъ ночлега до ночлега, разсѣивая по пути, въ видѣ падающихъ отъ изнуренія или коченѣющихъ отъ страшной стужи, безчисленныя жертвы, не представляя болѣе боевой силы, но скорѣе жалкую толпу, подъ вѣчной угрозой налета преслѣдующихъ казаковъ. Не испытавшія тѣхъ же бѣдствій войска Шварценберга, Ренье и Макдональда, состоя почти исключительно изъ подневольныхъ союзни-

ковъ, неизбѣжно должны были, при извѣстіи о гибели «великой арміи», упорно уклоняться отъ продолженія враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ, что и не замедлило послѣдовать.

Замираніе войны и отъѣздъ Наполеона.

Начиная съ 7 ноября, Отечественная война обратилась въ преслѣдованіе окоченѣвшихъ 10.000 человѣкъ, бѣгущихъ по виленской дорогѣ, и въ передвиженія и переговоры съ отступающими нѣмцами на сѣверо и юго-западѣ. Нашествіе, какъ угрожающая грозовая туча, замирало, въ точномъ смыслѣ этого слова — изморомъ; защита, испытавши неисчислимыя лишенія и потери, продолжала, вымирая также отъ невыносимыхъ условій похода въ глубокомъ снѣгѣ, при суровыхъ морозахъ, преслѣдовать обезсиленнаго врага. Предводитель послѣдняго явно призналъ дѣло безвозвратно проиграннымъ, и потому 21 ноября въ Молодечнѣ счелъ необходимымъ это огласить своей имперіи въ пресловутомъ 29-мъ бюлетенѣ, въ которомъ было отчасти объявлено о понесенныхъ потеряхъ и испытанныхъ бѣдствіяхъ, сопровождавшихъ походъ, который онъ упорно старался изобразить переходомъ на болѣе удобныя мѣста для зимовки, при чемъ конечно главнымъ виновникомъ неудачи оказался неожиданный врагъ Наполеона — русскій морозъ. Этимъ не ограничивалось его признаніе неудачи похода: онъ придалъ ему болѣе явное подтвержденіе своимъ отъѣздомъ изъ Сморгонь (23 ноября) въ Парижъ чрезъ Варшаву. Сдѣланныя передъ отъѣздомъ распоряженія и данныя обѣщанія привода 300.000-наго войска для возобновленія борьбы съ Россіей не могли скрасить того обстоятельства, что виновникъ безразсуднаго предпріятія, подвергнувши своихъ соратниковъ и творцовъ своихъ славы и могущества самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ, покидалъ ихъ, чтобы возобновить средства для преслѣдованія своихъ безразсудно-честолюбивыхъ предпріятій!

Заслуженность торжества Русскихъ.

Русскіе военачальники также не были довольны — полонъ Наполеона у Березины не удался. Эта неудача вызвала взаимныя обвиненія между тремя предводителями русскихъ войскъ, въ которыхъ они оказались всѣ три правыми, въ томъ отношеніи, что всѣ три несомнѣнно были виноваты, но болѣе всѣхъ Кутузовъ, какъ стар-

шій властью и отмѣченный дарованіемъ, и меньше всѣхъ, на томъ же основаніи, Витгенштейнъ. Но общественное мнѣніе, оказавши пристрастіе тому и другому, сдѣлало козломъ отпущенія адмирала Чичагова, столь же виновнаго, но менѣе отвѣтственнаго, въ качествѣ *новобранца* на сухомъ пути. Несмотря на нѣкоторое разочарованіе трехъ предводителей, торжество съ нашей стороны было полное и ликованіе было столь же искренно какъ и законно. На чествованіе въ этомъ торжествѣ, право Кутузова и его сподвижниковъ было несомнѣнно, но главная заслуга въ окончательномъ успѣхѣ принадлежала стойкости войска, самоотверженію народа и чуткой любви къ родной землѣ. Кромѣ этихъ стихійныхъ *витязей* Отечественной войны, честь и слава за благополучный ея исходъ въ источникѣ принадлежитъ императору Александру; передъ заслугами его теряются личныя побужденія уязвленнаго тщеславія и суетнаго самолюбія, которыя вызвали, но не заслонили эти заслуги. То самоотверженіе и та стойкость, которыя онъ проявилъ при продолжительныхъ неудачахъ; то настойчивое участіе, которое онъ старался вложить въ военное управленіе и въ руководство военныхъ дѣйствій, неусыпно заботясь объ ихъ успѣшности и о пополненіи состава войскъ—наконецъ, то насиліе надъ своимъ нерасположеніемъ къ Кутузову, которымъ онъ пожертвовалъ, чтобы облечь его исключительной властью, ставящей даже въ нѣкоторую тѣнь самовластіе—всѣ эти заслуги ставятъ Александра на такую высоту, на которой теряются изъ вида всѣ недочеты его легкомысленной, по-женски суетной и впечатлительной личности, хорошія стороны которой нашли исключительное примѣненіе въ роковую и доблестную годину Отечественной войны!

Заслуга Кутузова заключается въ благоразумномъ руководствѣ борьбы съ нашествіемъ и въ умѣніи не только избрать и проводить безопаснѣйшій способъ для достиженія успѣха, но и въ благотворномъ обаяніи его имени и личности для ободренія народнаго духа. Если исключительно доблестными подвигами не была ознаменована его старческая дѣятельность, то взамѣнъ блестящихъ успѣховъ, за нимъ имѣется заслуга безошибочнаго избѣжанія опасныхъ ошибокъ.

Витгенштейнъ совершенно случайно привлекъ вниманіе и прославленіе второстепеннымъ успѣхомъ, которому онъ поспѣшилъ въ походѣ 1813 года противопоставить разочарованіе въ своемъ мнимомъ военномъ дарованіи.

Значеніе благополучнаго исхода нашествія французовъ на наше отечество до того наглядно, что перечисленіе въ подтвержденіе его понесенныхъ послѣдними потерь, среди боя и невѣроятныхъ бѣдствій похода и перехода чрезъ Березину, можетъ только омрачить своими ужасающими подробностями искупленное также тяжелыми жертвами наше торжество. Сколько погибло до перехода и въ самомъ переходѣ, противорѣчиво и мало вѣроятно показано французскими и нашими историками. Нужно ли знать, сколько пало отъ огня, отъ изнуренія и лишеній, и сколько остается на долю самыхъ жалкихъ жертвъ, безоружныхъ, которыхъ затоптали или побросали съ мостовъ въ рѣку, во время невѣроятной давки 16 и 17 ноября? Перебралась ли дѣйствительно половина вооруженныхъ и безоружныхъ чрезъ мосты, или число жертвъ погибшихъ до и послѣ переправы распредѣляется иначе, — для опредѣленія размѣра бѣдствій, испытанныхъ отступающими безразлично, потому что несомнѣнно погибла вся та часть нашествія, которая не осталась въ плѣну у насъ или въ составѣ войскъ Шварценберга, Ренье и Макдональда. По примѣрному исчисленію, такихъ безусловно погибшихъ нужно считать болѣе 200.000 чел., и такая страшная жертва получаетъ еще болѣе грозное значеніе при совершенномъ крушеніи предпріятія, которому она принесена. Рядомъ съ громаднымъ значеніемъ этого явленія, изумительнаго послѣ ряда непрерывныхъ торжествъ Наполеона, какое можетъ имѣть значеніе для русскихъ расчисленіе дѣйствительно убитыхъ или просто подобранныхъ и захваченныхъ враговъ, точно также какъ отношеніе взятыхъ съ боя орудій къ подобраннымъ покинутыми? Наше народное сознаніе довольствуется увѣренностью, что врага обезоружили, а войско его стерли съ лица земли...

Преслѣдованіе отступающихъ французовъ отрядами Ланскаго (отправленнаго 16-го на Зембинскую дорогу, но не успѣвшаго истребить мостовъ на гатяхъ), Чаплица и Платова, началось 17 ноября и продолжало увеличивать бѣдствія бѣгущихъ при страшной стужѣ французовъ и способствовать ихъ гибели. Распредѣленіе частей войскъ по разнымъ путямъ для прекращенія сообщенія отступающимъ съ австрійскими, саксонскими, баварскими и прусскими частями «великой арміи», было сдѣлано Чичаговымъ и Витгенштейномъ до полученія распоряженія Кутузова, котораго извѣстили о переходѣ Наполеона чрезъ Березину, вызвавшемъ его изумленіе, нужно полагать, не совершенно искреннее. Нельзя допустить, что такой опытный и проницательный полководецъ могъ ожидать, что неусыпно дѣятельный Наполеонъ будетъ сообразовать свои попытки перехода черезъ Березину съ промедленіями русскаго главнокомандующаго, который не имѣлъ никакого основанія ожидать въ *случайномъ* полководцѣ Чичаговѣ той бдительности къ этому происшествію, отъ которой онъ самъ считалъ себя избавленнымъ. Странно звучитъ приписываемое ему восклицаніе: «немного не доставало, и нашъ братъ, простой псковскій дворянинъ, взялъ бы Наполеона въ плѣнъ», забывая, что именно одряхлѣвшій псковской дворянинъ отсталъ на сто вертъ отъ французскаго императора.

Дальнѣйшее преслѣдованіе къ границѣ.

Послѣдующія распоряженія фельдмаршала показывали ту же предусмотрительность въ отношеніи избранія направленія разныхъ отрядовъ, для возможнаго обезпеченія ихъ продовольствія и устраненія возможности сообщенія отступающихъ съ находящимися на юго и сѣверо-западѣ войсками союзниковъ. Основательность подобныхъ распоряженій не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: послѣ перехода чрезъ Березину, при морозахъ отъ 20 до 27°, заботу объ истребленіи отступающихъ можно было предоставить легкимъ отрядамъ и невыносимой стужѣ, и обратить главную заботу на сбереженіе собственнаго войска, растратившаго по пути половину своего состава для излеченія въ лазаретахъ, и не допускать освѣженія состава разлагающихся отступающихъ войскъ войсками, сохранившими болѣе стройности. Совершенная утрата дисциплины во французскомъ

лагерѣ, несмотря на то, что люди испытывали менѣе нужды со времени перехода въ Литву, выразилась не только въ отчаянномъ озвѣрѣніи отъ безнадежно испытываемыхъ невыносимыхъ страданій, ожесточившихъ людей до утраты образа и подобія человѣческаго, но также пагубно отразилась въ совершенномъ неумѣніи воспользоваться для улучшенія своего положенія заготовленными въ Вильнѣ и окрестностяхъ огромными запасами. Отъѣзжавшій во Францію Наполеонъ былъ обрадованъ при встрѣчѣ съ Марэ (герцогъ Бассано) извѣстіемъ о заготовленіи обильныхъ запасовъ въ Вильнѣ, достаточныхъ для 40-дневнаго продовольствія войска. Но разстройство послѣдняго было настолько безнадежно, что охватило его предводителей, такъ что послѣдніе болѣе не могли разумно распоряжаться, а вышедшая изъ подчиненія толпа доведена была до такого озвѣрѣнія, что бросалась на добычу, давя и терзая другъ друга, неспособная ни къ мирному дѣлежу ни къ сбереженію захваченнаго. Взломъ, грабежъ, поджогъ сдѣлались обычными пріемами ея быта.

Растерянность и безпомощность находили примѣръ у самого Наполеона, скрывавшаго передъ Шварценбергомъ дѣйствительное положеніе своихъ войскъ, въ надеждѣ поддержать обаяніе своей непобѣдимости. Въ то время когда своимъ приближеніемъ онъ еще могъ стѣснить русскія войска, преслѣдующія «великую армію», ему было сообщено, по приказанію Наполеона, что послѣдній, разбивъ русскихъ и переправясь чрезъ Березину, идетъ къ Вильнѣ, предоставляя его усмотрѣнію, не сочтетъ ли онъ полезнымъ приблизиться къ верхнему Нѣману. Точно также непредусмотрительно была выслана изъ Вильны недавно прибывшая туда дивизія Лоазона, навстрѣчу отступающимъ войскамъ. Причиной такой несвоевременной высылки, при страшныхъ морозахъ, нужно признать не безполезное желаніе подкрѣпить отступающія войска, но, вѣроятнѣе, требованіе Наполеона обезопасить дорогу, по которой онъ долженъ былъ бѣжать изъ Сморгонь. Насколько эта предосторожность могла одновременно быть необходимой и недостаточной, могутъ указать два случая его проѣзда отъ Сморгонь до Вильны. Говорятъ, что въ одномъ изъ полковъ дивизіи Лоазона, состоящемъ изъ итальянцевъ,

былъ заговоръ схватить Наполеона при этомъ проѣздѣ и выдать русскимъ. Другой несомнѣнный случай, это—нападеніе Сеславина на Ошмяны 24-го числа, за нѣсколько часовъ до проѣзда французскаго императора, и его стоянка въ ночь проѣзда въ Таборишкахъ, причемъ огни костровъ Сеславина были видимы проѣзжающему императорскому поѣзду. Такимъ образомъ, только совершенная случайность избавила Наполеона отъ плѣна, несмотря на пожертвованную дивизію для обезопасенія пути.

Высланная для этой цѣли дивизія Лоазона и два конныхъ полка потеряли отъ стужи большую часть своихъ людей (около $^3/_4$) и лишили мѣстопребываніе французскихъ властей и запасовъ необходимой опоры для поддержанія порядка при удовлетвореніи нужды бѣгущей безъ оглядки толпы жалкихъ нищихъ и калѣкъ, которые при появленіи въ городъ обратились въ шайку грабителей, разоряющую городъ, и въ разъяренной погонѣ за добычей безпощадно истребляющую другъ друга...

Оставленные въ такомъ упадкѣ порядка и духа, войска и ихъ начальники не могли воспользоваться указаніями, оставленными Мюрату и Бертье бѣжавшимъ императоромъ, полагавшимъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ у встрѣченнаго въ Мѣдникахъ Марэ, что въ Вильнѣ можно было сосредоточиться и оправиться, благодаря находящимся въ ней запасамъ. Собственнымъ примѣромъ онъ обнаружилъ, что одними запасами при полномъ разложеніи бывшей арміи нельзя пособить нуждѣ, точно такъ же, какъ нельзя болѣе пользоваться въ Литвѣ обаяніемъ всемогущества убѣгающему впереди *привидѣнія* (fantôme) бывшей «великой арміи» бѣглецу, закутанному въ польскую шубу, тщательно объѣхавшему Вильну и явившемуся на зарѣ 26 ноября въ Англійской гостиницѣ въ Варшавѣ. Здѣсь, среди разглагольствованій передъ своимъ представителемъ де-Прадтъ о причинахъ неудачи своего похода, сорвалось у него пресловутое изреченіе: «отъ величественнаго къ смѣшному—одинъ шагъ», и разглагольствованія завершились обѣщаніемъ явиться весной съ новыми войсками въ надеждѣ, что Пруссія и Австрія примутъ болѣе положительно его сторону. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха въ Варшавѣ, онъ поспѣшно продолжалъ

свое бѣгство чрезъ Дрезденъ и Майнцъ въ Парижъ, куда поспѣлъ 7/19 декабря, два дня послѣ появленія оглушительнаго 29 бюлетеня, огласившаго міру крушеніе русскаго похода.

Вильна на обратномъ пути.

Въ это время полумилліонное войско, увлеченное имъ въ Россію и покинутое въ Сморгоняхъ, доживало свои послѣдніе дни среди невыразимыхъ лишеній и унизительнаго нравственнаго упадка. 27 ноября жалкая эта толпа, недостаточно охраняемая остатками дивизіи Лоазона и баварскаго корпуса Вреде, подъ общимъ начальствомъ Нея, приближалась къ Вильнѣ, преслѣдуемая партизанскимъ отрядомъ Сеславина, недостаточнымъ для занятія города, но вслѣдъ за которымъ начали приближаться другіе отряды Дунайской арміи, предназначенной Кутузовымъ преслѣдованію отступающихъ французовъ, въ то время когда Главная армія, передвигаясь лѣвѣе, назначалась прегражденію сообщеній Шварценберга съ бѣгущими французами, до появленія здѣсь жалкихъ ихъ остатковъ, въ числѣ 4.300 человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Этотъ ничтожный остатокъ небывалаго до того времени по численности, стройному порядку и громкой воинской славѣ предводителя ополченія, сопровождаемый въ нѣсколько кратъ болѣе многочисленной толпой безоружныхъ, обременявшей эту тѣнь „великой арміи“, представлялъ самое жалкое сборище жертвъ лишеній и бѣдствій бѣгства, одѣтыхъ въ отрепья среди невыносимой стужи. Все это сборище явилось въ городъ, въ которомъ лживыя оповѣщенія французскихъ властей упорно поддерживали мнѣніе, что сюда приближаются побѣдоносныя войска, чтобы пользоваться плодами побѣды среди заготовленнаго въ Литвѣ изобилія. Безпомощное состояніе бѣглецовъ и громъ орудій преслѣдующихъ русскихъ войскъ произвели потрясающее впечатлѣніе на жителей столицы Литвы, въ особенности на еврейскую ихъ часть, внезапно избавившуюся отъ всякаго страха и состраданія къ недавно явившимся къ нимъ грозными завоевателями. Въ то время какъ утратившая всякую силу для водворенія порядка французская власть не могла устроить правильной раздачи продовольствія, что вызвало грабежъ и всякаго рода насилія среди обезумѣвшихъ отъ мученій бѣглецовъ, жители города съ презрѣ-

ніемъ и ужасомъ выгоняли ихъ отовсюду и вызвали этимъ новыя безчинства. Жертвами этого негостепріимнаго отпора обывателей вообще и евреевъ въ особенности, наглядно подтвердившихъ изреченіе Бренна — *горе побѣжденнымъ*, оказались не одинъ сбродъ, слѣдующій въ разложившемся войскѣ, но и многочисленные раненые, къ которымъ съ неменьшимъ жестокосердіемъ отнеслись жители Вильны.

Никакой защиты противъ этой неурядицы и бѣдствій главнокомандующій Мюратъ не оказался способнымъ противоставить; онъ самъ спѣшилъ бѣжать по направленію къ Ковно, распорядившись увозомъ довольно значительной казны въ 11.000.000 фр. Приближеніе русскихъ войскъ, сначала подъ начальствомъ Сеславина, а потомъ Платова и Чаплица, вызывало всеобщее стремленіе къ бѣгству, въ ожиданіи котораго остатки наполеоновской гвардіи, въ числѣ 1400 чел., расположились на выѣздѣ изъ города. Нею было предписано прикрывать отступающихъ одиночныхъ, а Дарю поручено увезти казну и распорядиться спѣшной раздачей продовольствія, одежды и обуви. Все это было мало исполнимо и произошло несогласно съ предписаніями, точно такъ же, какъ не могли исполниться передаваемыя Шварценбергу и Макдональду приказанія о прикрытіи Польши и Данцига.

Сначала Мюратъ и Бертье препирались между собой, сваливая другъ на друга власть и отвѣтственность; немного одумавшійся Мюратъ началъ было распоряжаться, но гулъ орудій приспѣвающихъ русскихъ и совершенное безначаліе среди французовъ склонили его на зарѣ 28 числа спѣшить удалиться подъ прикрытіемъ 4400 человѣкъ вооруженныхъ, остатка тѣхъ полумилліонныхъ полчищъ, которыя по выраженію ихъ повелителя въ прошломъ іюнѣ, представляли увлекающій Россію къ погибели *рокъ*.

Выступающіе изъ Погулянки (загородный трактиръ) французы не могли, несмотря на поспѣшность ухода, помѣшавшую Нею истребить остающіяся орудія и запасы, избавиться отъ преслѣдованія и нападенія казаковъ подъ начальствомъ Орлова-Денисова. Ихъ затрудненіе въ отступленіи сдѣлалось безнадежнымъ, когда имъ пришлось взбираться по гололедицѣ на встрѣченную на Ковенской

дорогѣ Понарскую гору. Изнуренныя и плохо кованыя лошади не могли одолѣть этого препятствія: орудія, обозы и казна сдѣлались добычей налетѣвшихъ казаковъ, а Мюратъ, маршалы и разсѣянные остатки отступающихъ французовъ съ трудомъ спаслись бѣгствомъ.

Быстрота, съ которой подоспѣлъ Чаплицъ вслѣдъ за тревогой, произведенной появленіемъ партизанскаго отряда Сеславина и казаковъ, послужила избавленію Вильны отъ послѣдствій безчинства, причиненнаго ввалившейся голодной и изступленной толпой французовъ. Чаплицъ, поддержанный передовымъ отрядомъ Витгенштейна, легко проникъ въ городъ, слабо защищаемый частью отряда Нея. Находившіеся въ городѣ французы отчасти обратились въ бѣгство; очень многіе попались въ плѣнъ; не мало ихъ пострадало отъ озлобленія евреевъ, которые натерпѣлись отъ нихъ во время ихъ пребыванія въ городѣ. Изъ числа послѣднихъ, озлобленіе евреевъ особенно обрушилось на старую гвардію, испытавшую здѣсь единственное сраженіе во весь походъ, въ свалкѣ съ жидами на Виленскихъ улицахъ.

Быстрое занятіе города русскими войсками, кромѣ того, что избавило его отъ дальнѣйшаго разгрома, спасло огромные запасы, заготовленные въ немъ французами, въ числѣ которыхъ было много оружія, орудій и военнаго снаряженія. Число плѣнныхъ было также очень велико, около 15.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ треть больныхъ и раненыхъ.

Приближеніе Кутузова и его опасенія.

Кутузовъ, до занятія Вильны, приблизился къ ней 24 ноября, отдѣлившись впередъ отъ своихъ войскъ въ Радошкевичѣ, гдѣ пробылъ два дня, разсылая распоряженія, побуждаемыя опасеніемъ, что Наполеонъ способенъ дать передъ Вильной грозный отпоръ, противъ котораго онъ приказывалъ начальникамъ предохранить начальствуемыя ими войска болѣе медленнымъ и осторожнымъ наступленіемъ и возможнымъ сосредоточеніемъ силъ. Эти крайне осторожныя указанія давались когда Наполеонъ уже покинулъ войска, потерявшія всякій строй, и послѣ того какъ начальникъ ихъ тыла Викторъ (находившійся, такъ сказать, на глазахъ нашего передового отряда) доносилъ, что удерживать напоръ русскихъ его окончательно рас-

таявшему отряду не представляется никакой возможности. Это обстоятельство приводится здѣсь какъ новое доказательство, что пребываніе Кутузова вдали отъ передовыхъ дѣйствующихъ отрядовъ неизбѣжно обращало его какъ бы въ начальника запаснаго отряда, а не въ главнокомандующаго. Послѣдствія такого неудобства ярко обнаружились при Березинѣ, и не оказали вреднаго вліянія при занятіи Вильны только потому, что его приказанія не успѣли задержать быстраго наступательнаго движенія нашихъ передовыхъ отрядовъ.

Медлительность и осторожность дряхлаго фельдмаршала были наконецъ побѣждены извѣстіемъ взятія Вильны, въ которой онъ живалъ прежде подолгу, будучи два раза въ ней военнымъ губернаторомъ; онъ поспѣшилъ отправиться въ этотъ городъ, гдѣ его встрѣтилъ съ рапортомъ Чичаговъ (свиданіе было натянутое и недружелюбное), начальствующія лица и представители мѣстнаго населенія. Поспѣшность, съ которой онъ отправился навстрѣчу торжества и свѣтско-житейской обстановки, послѣ крайней медлительности при возможности встрѣчи съ войскомъ, предводимымъ Наполеономъ, несомнѣнно производитъ неблагопріятное впечатлѣніе, если не примириться съ мыслью, что въ Кутузовѣ свѣтлый государственный умъ былъ господствующимъ достоинствомъ, и что въ немъ неумѣстно искать пылкаго и заносчиваго богатыря. Если онъ поспѣшилъ воспользоваться въ Вильнѣ блескомъ своего исключительнаго положенія счастливаго противника Наполеона, то рядомъ съ этимъ нужно высоко цѣнить его умѣніе умиротворить и привлечь край, только что вышедшій изъ явнаго противъ насъ возстанія, и цѣнить не менѣе его первое донесеніе государю изъ Вильны, мудрость котораго была оставлена послѣднимъ безъ вниманія.

Послѣдующія передвиженія французскихъ и союзныхъ войскъ не имѣли никакого значенія въ смыслѣ военныхъ дѣйствій; они удалялись, не требуя болѣе борьбы съ ними; удалялись какъ отливъ въ морѣ или тучи послѣ грозы, утративши свою грозную силу и теряя свой обликъ.

Бѣжавшій изъ Вильны непріятель достигъ 1 декабря Ковно, въ которомъ также находились запасы, казна въ 2.500.000 фр. и вообще средства, не послужившія къ облегченію положенія отступающихъ, такъ какъ преслѣдованіе русскихъ не позволяло имъ оправиться. Мюратъ не рѣшился оборонять городъ и наскоро воздвигнутыя въ немъ укрѣпленія, предоставляя эту заботу Нею. Но здѣсь, какъ и въ Вильнѣ, скопленіе бѣгущихъ и причиняемый ими безпорядокъ дѣлали совершенно тщетными попытки воспользоваться жалкими остатками вооруженныхъ людей гвардіи и дивизіи Лоазона, несмотря на исключительную дѣятельность и бодрость маршала, поддержаннаго такими выдающимися сотрудниками, какъ генералы Жераръ и Маршанъ, собравшими людей вокругъ 20 орудій въ предмостныхъ укрѣпленіяхъ вдоль замерзшихъ Виліи и Нѣмана. При появленіи на другой день Платова съ 8 орудіями, поощренія и примѣръ Нея и его сотрудниковъ не могли удержать отъ бѣгства ихъ людей, окончательно разсѣявшихся, когда казаки были посланы черезъ ледъ для ихъ обхода. Казакамъ удалось перехватить значительную часть убѣгающихъ, а Ней, когда окружающіе его бѣглецы окончательно разсѣялись, пробрался чрезъ лѣсъ въ Вильковишки и, къ немалому изумленію находящагося тамъ главнаго интенданта «великой арміи» генерала Дюма, вошелъ къ нему, неузнаваемый въ простомъ изношенномъ сюртукѣ и съ отросшей бородой. На вопросъ Дюма, неузнавшаго въ этомъ видѣ одного изъ самыхъ ретивыхъ боевыхъ маршаловъ, Ней назвалъ себя:—«Кто вы?..» «Арьергардъ великой арміи—Ней».

Изморъ военныхъ дѣйствій союзниковъ французовъ.

Этими словами заключилась эпопея *Русской кампаніи*!

Прекращеніе военныхъ дѣйствій оставленнымъ для удержанія австрійцевъ и саксонцевъ войскомъ произошло при менѣе грозныхъ условіяхъ, по расположенію австрійцевъ уклоняться отъ безполезнаго кровопролитія, въ борьбѣ съ случайнымъ врагомъ, и по безсилію Ренье предпринимать съ одними поляками и саксонцами самостоятельное наступленіе, если бы даже его подчиненность Шварценбергу ему это дозволила. Самъ же Шварценбергъ, послѣ

удаленія Дунайской арміи по направленію къ Березинѣ, хотя имѣлъ противопоставленнымъ одинъ немногочисленный корпусъ Сакена, но не увлекся преслѣдованіемъ Чичагова, отчасти вслѣдствіе искусныхъ передвиженій Сакена, продовольственныхъ затрудненій, суровой погоды и малаго расположенія предпринимать трудныя и рѣшительныя движенія, съ опасностью подвергнуть ввѣренныя ему войска большимъ потерямъ. Въ своемъ наступательномъ движеніи Шварценбергъ не проникалъ далѣе Слонима, а Ренье Ружанъ, и несмотря на прибытіе дивизіи Дюрюта изъ корпуса Ожеро, въ его войскахъ оставалось не болѣе 35.000 человѣкъ—настолько стѣсненіе въ продовольствіи вслѣдствіе разъѣздовъ казаковъ и наступившіе суровые морозы пагубно отразились на благосостояніи людей, въ числѣ которыхъ оказывалось много съ отмороженными членами. Эти обстоятельства до того обезсилили войско Шварценберга, что Сакенъ могъ безнаказанно отрядить по требованію Чичагова часть своихъ силъ подъ начальствомъ ген. Эссена для его подкрѣпленія. Этотъ отрядъ, не найдя возможности пробиться по прямому пути на занятый французами Пинскъ, уклонился безъ всякой пользы для предназначенной цѣли на востокъ къ Овручу.

Между тѣмъ бѣгство французовъ за Березину представило возможность направить противъ Шварценберга часть Главной арміи подъ начальствомъ Милорадовича, для оттѣсненія его за австрійскую границу. При сближеніи передовыхъ русскихъ и австрійскихъ отрядовъ оказалось, что удаленіе австрійцевъ изъ русскихъ предѣловъ не потребуетъ военныхъ дѣйствій. При встрѣчѣ нашихъ войскъ подъ начальствомъ графа Ожаровскаго съ австрійцами подъ начальствомъ ген. Мора, произошли переговоры и дружелюбныя объясненія между венгерскими гусарами и нашими казаками, доказавшіе, что имъ внушали свыше мирное настроеніе. Войска Шварценберга, постепенно отступая къ Бѣлостоку, Брестъ-Литовску, къ 13 декабря очутились у Пултуска, гдѣ простояли въ продолженіе мѣсяца. Ренье также переправился черезъ Бугъ и расположился съ саксонскими войсками у Венгрова, а польскія войска, подъ начальствомъ Понятовскаго, расположились вокругъ Варшавы.

Силы союзниковъ, дѣйствующія отдѣльными отрядами, сдѣлались, одновременно съ гибелью главныхъ силъ Наполеона, не участвуя въ ихъ бѣдственномъ отступленіи по главному пути военныхъ дѣйствій, столь же безполезными для продолженія борьбы за французовъ, какъ и безопасными для русскихъ. Не одна осторожная наклонность Шварценберга и Макдональда къ бездѣйствію была тому причиной; настроеніе австрійскихъ и, въ особенности, прусскихъ войскъ не менѣе того способствовало постепенному и охотному ихъ устраненію изъ борьбы, въ которую они были вовлечены однимъ страхомъ испытать, въ случаѣ успѣха Наполеона, безвозвратный ущербъ въ государственномъ своемъ составѣ.

Въ австрійскихъ войскахъ, подъ вліяніемъ менѣе разрушеннаго государственнаго строя и осторожности предводителя, болѣе дипломата, нежели военачальника, нельзя было ожидать смѣлыхъ проявленій недружелюбныхъ намѣреній противъ французовъ, пока ихъ дѣла шли хорошо; но въ прусскомъ лагерѣ, въ которомъ не могли помириться съ внезапно утраченной въ борьбѣ съ Наполеономъ нѣкогда громкой воинской славой и съ непрерывнымъ рядомъ испытанныхъ притѣсненій и униженій отъ французовъ, въ прусскомъ лагерѣ, въ которомъ не раздѣляли надеждъ Меттерниха и Шварценберга, что успѣхъ Наполеона улучшитъ положеніе его союзниковъ, народное чувство обострилось въ непримиримую ненависть къ французамъ. Такое настроеніе въ лагерѣ было вѣрнымъ отраженіемъ воодушевленія народонаселенія государства, менѣе пестраго по составу, нежели народности Австріи, и болѣе проникнутаго военнымъ и народнымъ духомъ, вслѣдствіе преобладанія въ его строѣ требованій военнаго могущества, а въ народонаселеніи—германскаго племени.

Произвольное замиреніе съ Русскими Прусаковъ.

Въ концѣ франко-русской борьбы, настроеніе Пруссіи нашло исходъ въ своеобразномъ явленіи уклоненія, безъ разрѣшенія государственной власти, всего прусскаго отряда отъ продолженія дѣятельнаго участія въ составѣ арміи Наполеона.

Такое проявленіе народнаго увлеченія и своеволія среди прусскихъ войскъ, служившихъ до того образцомъ

военной подчиненности, несомнѣнно указываетъ на силу ненависти, вызванной французскими своеволіями, и расшатанность прусскаго государственнаго строя вслѣдствіе ожидаемой конечной его гибели отъ перваго порыва негодованія Наполеона. Ему способствовало поощреніе императора Александра, вызвавшаго дипломатической перепиской и сношеніями своихъ начальствующихъ лицъ иностраннаго происхожденія съ начальникомъ прусскаго корпуса, генераломъ Іоркомъ, скорѣйшее отпаденіе Пруссіи отъ вынужденнаго французскаго союза. Въ то время когда данное при выступленіи Мюрата изъ Вильны предписаніе Макдональду объ отступленіи дошло 6/18 декабря къ этому маршалу, ничего не знавшему до того времени о бѣдствіяхъ, постигшихъ «великую армію», была завязана переписка Рижскаго военнаго губернатора, маркиза Паулуччи, и графа Витгенштейна съ ген. Іоркомъ, склоняющая его разорвать подчиненность французскому маршалу и прекратить участіе въ его военныхъ дѣйствіяхъ. Совершенное крушеніе французскаго нашествія выставлялось зарей освобожденія Пруссіи и Европы отъ французскаго порабощенія, и смѣлый починъ въ разрывѣ съ этимъ игомъ прославлялся какъ высокій подвигъ передъ отечествомъ.

Не довольствуясь возбужденіемъ народнаго чувства въ прусскихъ генералахъ, были сдѣланы неудачныя попытки обойти и отрѣзать отступленіе франко-прусскому корпусу Макдональда. Послѣдній, съ французской своей дивизіей и частью прусскихъ войскъ подъ начальствомъ Массенбаха, успѣлъ опередить идущаго ему на перерѣзъ ген. адъютанта Кутузова, отбросивши стоящаго на пути ген. Властова, и остановился въ Тильзитѣ въ ожиданіи остальныхъ прусскихъ войскъ, отставшихъ подъ начальствомъ ген. Іорка. Одному изъ отрядныхъ нашихъ начальниковъ, ген. Дибичу, удалось во время поисковъ за отступающимъ Макдональдомъ узнать о направленіи движенія его тылового отряда и стать на его пути въ Колтыньянахъ, гдѣ появились вскорѣ пруссаки подъ начальствомъ ген. Клейста. Дибичъ попытался войти съ нимъ въ переговоры, въ томъ смыслѣ, въ которомъ они велись старшими русскими генералами, но съ участіемъ Дона. Клаузевица и другихъ офицеровъ нѣмецкаго происхожденія, многочисленныхъ въ

нашихъ сѣверо-западныхъ войскахъ; однако Клейстъ уклонился отъ переговоровъ, ссылаясь на близость своего прямого начальника ген. Іорка. Такой отвѣтъ послужилъ указаніемъ смѣлому и находчивому ген. (будущему фельдмаршалу), что онъ встрѣтился, со своимъ полутора-тысячнымъ отрядомъ, съ главными прусскими силами, но это ни мало его не смутило, и онъ тѣмъ настойчивѣе сталъ домогаться переговоровъ, для отклоненія прусскаго отряда отъ участія въ дѣйствіяхъ французской арміи. Эти переговоры продолжались нѣсколько дней, при своеобразной обстановкѣ одновременнаго передвиженія къ прусской границѣ слабаго русскаго отряда и прусскаго корпуса до Таурогена. Здѣсь 18 декабря, послѣ свиданія начальниковъ въ Пошерунской мельницѣ, было заключено условіе, по которому корпусъ Іорка обязался прекратить участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, оставаясь нейтральнымъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, удаляясь отъ театра войны даже въ случаѣ, если бы заключенная конвенція не была утверждена Александромъ и Фридрихомъ.

Перемиріе между Дибичемъ и Іоркомъ.

Этотъ своеобразный договоръ, вызвавшій сильное и сочувственное возбужденіе среди нѣмцевъ и прославившій Іорка, заслуживаетъ вниманія исключительно какъ признакъ силы народнаго увлеченія въ Пруссіи, отразившагося въ войскѣ до забвенія военнаго долга, и если имѣлъ полезное вліяніе на поддержаніе возбужденія въ Германіи, рядомъ съ этимъ оказался совершенно безполезнымъ въ военномъ и государственномъ отношеніи.

Русскимъ и прусскимъ генераламъ было, конечно, извѣстно неистощимое доброжелательство императора Александра къ Прусскому королевскому дому, точно также какъ было явно его нетерпѣніе ускорить дѣятельное проявленіе этого участія союзомъ съ Пруссіей, имъ освобожденной и возвышенной. Но рядомъ съ этимъ было извѣстно, что столица Пруссіи и главныя ея крѣпости были заняты французскими войсками, готовыми причинить ей тяжелое возмездіе въ случаѣ явнаго ея сближенія съ Россіей, и потому король откладывалъ заключеніе союза на нѣкоторое время, и отказалъ посланному къ нему Іоркомъ адъютанту Зейдлицу въ испрашиваемомъ разрѣшеніи заключенія военной конвенціи съ русскими генералами. Этотъ от-

казъ былъ привезенъ въ лагерь Іорка до заключенія конвенціи 18-го декабря, но не отклонилъ прусскаго генерала отъ его выходки (или подвига?), вѣроятно потому, что одновременно съ сообщеніемъ Зейдлица о признаніи королемъ заключенія договора преждевременнымъ, имъ были привезены подробности о всеобщемъ воодушевленіи и страстномъ нетерпѣніи народа и Двора выступить на рѣшительную борьбу съ ненавистными французами, а русскій генералъ сообщилъ ему перехваченное письмо Макдональда къ Марэ, съ очень недоброжелательнымъ отзывомъ о подчиненныхъ ему прусскихъ военачальникахъ. Соблазнъ участвовать дѣятельнымъ починомъ въ отложеніи отъ оскорбительнаго французскаго соратничества и раздраженіе на маршала, намѣревающагося *смѣнить* нѣкоторыхъ ненадежныхъ прусскихъ начальниковъ, побудили Іорка пренебречь волей своего короля и нарушить долгъ подчиненности. При свиданіи на Пошерунской мельницѣ, послѣ прочтенія депеши Макдональда, Іоркъ сказалъ присланному для переговоровъ Клаузевицу: Ihr habt mich (я вашъ), и заключилъ конвенцію, составленіе которой разными настоящими и бывшими прусскими офицерами, несмотря на торжественное одобреніе императора Александра, невольно представляется исключительно *нѣмецко-прусскимъ* подвигомъ.

Повидимому, въ своей поспѣшности усердно служить возстановленію прусской державы въ прежнемъ ея могуществѣ, Александръ упустилъ изъ вида неумѣстность похвалы прусскаго ген. за нарушенный имъ вѣрноподданническій и военный долгъ, и горячо восхвалялъ Іорка въ своемъ письмѣ за этотъ поступокъ.

Заключивши конвенцію о *нейтрализаціи* своего корпуса, Іоркъ предписалъ ген. Массенбаху, находившемуся вмѣстѣ съ французской дивизіей при маршалѣ Макдональдѣ, осторожно удалиться изъ Тильзита и присоединиться къ остальнымъ частямъ прусскаго корпуса, что удалось означенному ген. исполнить незамѣтно ночью. Съ своимъ же прямымъ начальникомъ, Макдональдомъ, Іоркъ развязался письмомъ, въ которомъ объявилъ, что забота о безопасности ввѣреннаго ему корпуса, среди окружающихъ его русскихъ отрядовъ, вынудила его

заключить конвенцію объ удаленіи съ этимъ корпусомъ въ часть Восточной Пруссіи, которая должна быть занята русскими войсками. Въ заключеніи письма упомянуто, что онъ не заботится о приговорѣ общественнаго мнѣнія.

Узнавши 19 декабря объ отложеніи прусскаго корпуса, французскій маршалъ немедленно поспѣшилъ отступленіемъ съ оставшейся французской дивизіей Гранжана по направленію къ Кенигсбергу. Витгенштейнъ, за три дня до этого числа достигшій Юрбурга, тщетно пытался перегородить отступленіе Макдональду, успѣвшему 23-го числа достигнуть Кенигсберга, подобравши на пути значительное число разсѣянныхъ французскихъ отрядовъ, что доставило ему возможность вступить въ означенный городъ во главѣ 20.000 человѣкъ.

Указываемъ на это обстоятельство не для прославленія Макдональда, не показавшаго вообще во всю *русскую кампанію* никакихъ особенныхъ доблестей, и не потому, что желаемъ умалить заслуги гр. Витгенштейна и Платова, захватившихъ при его преслѣдованіи плѣнныхъ и орудія, но для того, чтобы указать, что пресловутое *отложеніе* ген. Іорка не оказало въ военномъ отношеніи большей услуги для дальнѣйшихъ успѣховъ нашихъ войскъ, нежели осторожное и уклончивое отступленіе кн. Шварценберга. Нѣмцамъ можно было величать *выходку* прусскаго генерала *патріотической*, точно также какъ французы, не безъ основанія, съ военной точки зрѣнія, поносятъ ее предательской *измѣной;* для насъ же, русскихъ, важно пристрастное отношеніе Русскаго Царя къ этой чисто *нѣмецкой* заслугѣ, въ которой и русскіе участники были нѣмцы; и въ этомъ пристрастіи нужно отмѣтить не только *рыцарское* усердіе Александра къ благополучію прусскаго королевскаго дома, но и несомнѣнное отраженіе вліянія многочисленныхъ выходцевъ изъ разгромленной Пруссіи, нашедшихъ пріютъ и служебное положеніе въ Россіи. Начиная съ выдающагося и даровитаго государственнаго дѣятеля, барона Штейна, и многихъ военныхъ, какъ Винценгероде, Тетенборнъ и проч. — всѣ нѣмцы имѣли доступъ къ государю, и если даже не внушали особеннаго довѣрія, тѣмъ не менѣе своими сношеніями и настояніями, при его склонности очаровывать свѣтской тароватостью, не

мало завлекали его по пути служенія, вмѣсто отечеству, европейскимъ и, главнымъ образомъ, нѣмецкимъ нуждамъ. Этимъ объясняется возможность сдѣлки между Дибичемъ и Іоркомъ и одобреніе ея государемъ, въ то время когда прусскій король не утверждалъ ея и безуспѣшно отставлялъ Іорка отъ начальствованія корпусомъ. Іоркъ не подчинился приказу короля подъ іезуитскимъ предлогомъ неполученія подлиннаго приказа о его замѣнѣ Клейстомъ (также не подчинившемся этому приказу), зная, что королевскій адъютантъ Нацмеръ былъ умышленно задержанъ съ этимъ приказомъ гр. Витгенштейномъ, чтобы доставить предлогъ Іорку къ неповиновенію, несмотря на то, что содержаніе приказа было ему подтверждено чтеніемъ прусскихъ газетъ.

Такимъ образомъ, ослушные подчиненные прусскаго короля не только не стѣснились предвосхитить у него право рѣшенія возможности перехода изъ французскаго лагеря въ русскій, нашли такому своеволію одобреніе Александра, но стали въ скоромъ времени свидѣтелями непосредственнаго обращенія его представителей къ подданнымъ нѣмецкихъ владѣтелей съ призваніемъ къ борьбѣ съ французскимъ игомъ. Этими чертами обрисовывается вполнѣ то отношеніе къ судьбѣ континентальныхъ династій и народовъ, въ которое вступилъ Александръ послѣ гибели французскаго нашествія — не довольствуясь положеніемъ радѣтеля и покровителя, онъ выступалъ отчасти какъ хозяинъ въ дѣятельности возстановленія потрясеннаго Наполеономъ строя.

Въ этомъ оборотѣ его дѣятельности, отъ священной обязанности беззавѣтнаго служенія независимости своего отечества къ предпріятіямъ международныхъ искусственныхъ соперничествъ и своекорыстныхъ вожделѣній династій, обозначился рѣзкій рубежъ между его заслугами передъ Россіей, заслуживавшими восторженное поклоненіе, и послѣдующей его дѣятельностью, въ которой онъ переставалъ служить отечеству, безжалостно и пренебрежительно отягощая его и злоупотребляя его жертвами ради личнаго, но мнимаго преобладанія въ европейскихъ дѣлахъ, въ которыхъ орудовали Меттернихъ и Англія.

Наклонность взять на себя призваніе *спасителя* по-

трясенной Наполеономъ Европы проявлялась съ первыхъ годовъ царствованія Александра, но вполнѣ она опредѣлилась только послѣ неудачнаго французскаго нашествія, и послужила предметомъ пререканій съ Кутузовымъ, оказавшимся слишкомъ зависимымъ и дряхлымъ противникомъ, чтобы повліять на молодого и честолюбиваго самодержца.

Разногласіе Кутузова и Александра въ дѣлѣ продолженія борьбы.

Стараясь выяснить заслуги фельдмаршала кн. Кутузова, не скрывая его слабостей и не навязывая ему тѣхъ яркихъ качествъ военачальника, которыми снискивается громкая слава завоевателей, главной нашей заботой преобладало желаніе сдѣлать наглядным, насколько проницательный умъ Кутузова и благоразумная его распорядительность послужили благополучному исходу грознаго Наполеоновскаго нашествія. Пользуясь при необходимости хорошо ему знакомый выносливостью русскаго солдата, руководя яснымъ своимъ разумомъ и твёрдой волей своихъ подчиненныхъ, Кутузовъ тѣмъ не менѣе сознавалъ, что для успѣшной борьбы съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, слѣдовало не изощряться въ способахъ превзойти его предпріимчивость и поразительно быструю дѣятельность (въ которыхъ онъ не имѣлъ соперниковъ), но зорко слѣдить за его ошибками, не оставляя ни одной безъ возмездія. При нашествіи въ Россію, Наполеонъ считалъ достаточнымъ для успѣха его обезпечить достовѣрность побѣды въ открытомъ полѣ, надѣясь, въ награду за побѣду и какъ бы въ *выкупъ* независимости побѣжденной страны, воспользоваться всѣми ея средствами для обильнаго содержанія и обогащенія своихъ сподвижниковъ, заручившись ея содѣйствіемъ для удовлетворенія своимъ притязаніямъ относительно Англіи.

Повидимому, ему остались памятными лишь плоды побѣдъ въ Италіи и Германіи, при совершенномъ забвеніи горькаго плода *завоеванія* Испаніи.

Нашествіе въ Россію, съ самоотверженіемъ переносящую всѣ грозныя послѣдствія опустошительной войны, безъ всякой попытки избавленія отъ бѣдствія унизительной покорностью, не было понято Наполеономъ, точно также какъ онъ не сумѣлъ своевременно замѣтить, что самолюбіе Александра, безпощадно имъ уязвляемое со времени 1808 года, вызвало въ немъ непримиримую вражду.

Въ то время когда у его противника накипѣла злоба за издѣвательства призрачными посулами раздѣла всемірнаго могущества, рядомъ съ препятствіями расширенію предѣловъ на счетъ Турціи и Польши, ослѣпленный Наполеонъ считалъ возможнымъ предлагать Александру чрезъ Чернышева и Балашова воевать по-пріятельски, угощая его завтракомъ передъ лагеремъ. Плодомъ такого ослѣпленія было продолжительное пребываніе въ Москвѣ и безплодныя попытки мирныхъ переговоровъ...

Кутузовъ, послѣ вызванной требованіемъ народной чести упорной, но неудачной попытки отбросить силой опустошительный потокъ нашествія, какъ только французы застряли въ Москвѣ, убѣдился, что они сами себѣ роютъ могилу, и что потому остается лишь пользоваться сдѣланной ими ошибкой. Не даромъ онъ утверждалъ, что Наполеонъ можетъ его разбить, но не обмануть, и что онъ заставитъ французовъ питаться кониной, какъ недавно довелъ до такого состоянія турокъ.

Государю такой оборотъ борьбы казался унизительнымъ; онъ требовалъ отъ главнокомандующаго болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, забывая о недоступности силъ, находящихся въ его распоряженіи. Это разногласіе усиливало недоброжелательство Александра къ Кутузову, не склонному къ тратѣ безъ нужды людей, тогда какъ Александръ, несмотря на человѣколюбивыя свои заявленія, своими постоянными требованіями рѣшительныхъ дѣйствій, отчасти вызываемыми опасеніями за Петербургъ, являлся настоящимъ ихъ расточителемъ.

Быстрый благопріятный оборотъ войны, послѣдовавшій послѣ выступленія французовъ изъ Москвы, вынудилъ болѣе снисходительное отношеніе государя къ главнокомандующему, но не искоренилъ всѣхъ поводовъ къ недоразумѣніямъ, источникомъ которыхъ служилъ взглядъ на борьбу съ нашествіемъ Наполеона: Кутузовъ, какъ большинство русскихъ, видѣлъ въ ней *Отечественную войну*, воодушевителемъ и вдохновителемъ которой фельдмаршалъ, какъ и вся Россія, съ гордостью признавалъ своего Царя. Дѣйствительно, послѣдній съ такой ревностью и съ такимъ горячимъ сердечнымъ участіемъ вступилъ, по настоянію Шишкова, въ общеніе съ народнымъ чувствомъ

и горемъ, что въ немъ Отечество увидѣло несокрушимаго поборника чести и независимости *матери родной земли*. Никакія искупительныя жертвы не казались чрезмѣрными для этой цѣли, и въ этомъ Александръ проявлялъ такое яркое самоотверженіе, что служилъ блестящимъ олицетвореніемъ Родины. Но для Кутузова, какъ для Россіи, борьба шла за ея независимость и честь, при полномъ равнодушіи не только къ правамъ царствующихъ внѣ ея предѣловъ домовъ, но и къ соперничеству двухъ честолюбій—Наполеона и Александра. Образъ дѣйствій послѣдняго показалъ, что въ то время когда для всей Россіи Отечественная война была священной, но исключительной борьбой за Родину, для Александра она была лишь однимъ изъ явленій его борьбы съ Наполеономъ для возстановленія стараго строя въ Европѣ.

Кутузовъ въ Вильнѣ.

Появившись 29 ноября въ Вильнѣ, Кутузовъ, несмотря на то, что согласно желанію Александра успокаивалъ быстро перешедшую отъ возстанія къ угодничеству Литву, полагалъ заботу о ней настолько подчиненной соображеніямъ, вызываемымъ благополучнымъ исходомъ борьбы, купленнымъ безпримѣрными жертвами Родины, что его ясному уму и русскому сердцу прежде всего представлялось желательнымъ посвятить плоды неожиданной побѣды успокоенію потрясенной страны и залѣченію неисчислимыхъ язвъ нашествія. Торжество надъ такимъ страшнымъ врагомъ казалось достаточнымъ возмездіемъ за посягательство на независимость Россіи, а страшныя бѣдствія и лишенія, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, убѣждали Кутузова, что главная забота государственной мудрости, въ согласіи съ благодарнымъ участіемъ къ доблестямъ и жертвамъ народа, требовала отнестись участливо къ *его* испытаніямъ.

Подсчетъ всѣхъ бѣдствій и лишеній, понесенныхъ страной, не могъ еще быть произведенъ, хотя они были очевидны; убыль же военныхъ силъ, находящихся подъ начальствомъ фельдмаршала, могла быть приведена въ ясность, и ею нельзя было не руководствоваться въ своихъ дальнѣйшихъ соображеніяхъ старому и опытному Кутузову. Въ своемъ донесеніи государю отъ 1 декабря, онъ старался въ осторожныхъ выраженіяхъ выяснить необходимость за-

служеннаго войсками отдыха. Распоряженія его Платову, Чичагову, Витгенштейну и Тормасову были направлены на очищеніе до предѣловъ государства страны отъ нашествія, и на истребленіе его во время отступленія. Послѣдовательныя наступательныя дѣйствія онъ полагалъ недоступными умаленнымъ на $^2/_3$ войскамъ, и не признавалъ цѣли наступленія, взвѣшивая его съ исключительной *русской* точки зрѣнія. Для успѣха же изгнанія остатковъ погибающаго врага, Кутузовъ считалъ не нужнымъ изнурять малочисленную главную армію, которую полагалъ расположить на нѣкоторое время на западной границѣ, между Вильною и Нѣманомъ, предоставляя Чичагову и Витгенштейну добивать французовъ, послѣ отдыха до 3 декабря, необходимаго для полученія запасовъ.

Отвѣтомъ государя на донесеніе главнокомандующаго о полномъ торжествѣ надъ врагомъ, но торжествѣ, купленномъ такими жертвами, что первымъ правомъ побѣдителя было право на заслуженный отдыхъ, было неумолимое требованіе новыхъ жертвъ и безостановочнаго продолженія военныхъ дѣйствій обезлюденными и изнуренными войсками, потерявшими въ быстромъ 1000-верстномъ преслѣдованіи непріятеля въ суровую зиму, около половины своего состава одними больными и отсталыми, и болѣе $^2/_3$ орудій и лошадей. Не довольствуясь выраженіемъ своего требованія о продолженіи наступленія, *несмотря ни на какія препятствія*, считая, *что положеніе дѣлъ... не позволяетъ остановиться... ни на самое короткое время въ Вильнѣ*... Александръ поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ въ послѣдній городъ для обезпеченія исполненія своихъ требованій, не довѣряя дѣятельности дряхлаго фельдмаршала, котораго онъ ублажалъ лестными выраженіями въ рескриптахъ, обласкалъ при пріѣздѣ въ литовскую столицу 11 декабря, но съ которымъ онъ никогда не могъ прійти въ соглашеніе.

Александръ въ Вильнѣ.

Поспѣшность государя въ его пріѣздѣ въ Вильну и въ его настояніяхъ продолженія военныхъ дѣйствій, не взирая на печальное состояніе войска и изнуреніе страны, нужно признать концомъ его доблестной службы народной независимости и возвращеніемъ къ руководству борьбой Европы съ Наполеономъ и возстановленію Польши. Во

время тяжелой годины Отечественной войны, виновникъ послѣдней былъ вмѣстѣ съ этимъ его личнымъ обидчикомъ и потому общимъ ему и отечеству врагомъ. Легкомысленное заигрываніе съ иноземцами и пренебреженіе къ соотечественникамъ невольно должны были уступить мѣсто сердечнымъ къ послѣднимъ отношеніямъ, дѣля съ ними общее горе и униженіе. Гибкому и свѣтскому Александру не стоило труда увлечь и обворожить страну и самому на время проникнуться умиленіемъ и восторгомъ (преимущественно выражаемыми барынямъ Г-жамъ Стааль и Стурдза) къ своимъ соотечественникамъ. Но при первомъ оборотѣ счастья, неблагодарность къ сотрудникамъ, равнодушіе къ непомѣрнымъ бѣдствіямъ отечества предоставили снова первенство вліянію пришельцевъ, заботѣ о Пруссіи, мести Наполеону и исполненію обѣщанія возстановленія Польши.

Дружественныя отношенія съ прусскимъ дворомъ тайно поддерживались Александромъ въ то время, когда этотъ дворъ велъ хотя бы несомнѣнно *невольную* войну съ Россіей, но все же на счетъ которой этотъ дворъ, несмотря на явное пренебреженіе къ нему Наполеона, разсчитывалъ оправиться въ случаѣ успѣха французовъ, получивъ съ нихъ вознагражденіе за свое участіе въ войнѣ. При поворотѣ счастья, поспѣшность искать сближенія съ Пруссіей побудила государя вызвать конвенцію съ Іоркомъ, къ немалому страху его короля, трепетавшаго возмездія французовъ за эту выходку. Тайные переговоры съ Чарторійскимъ о возстановленіи Польши также были возобновлены, и въ связи съ этими видами нужно оцѣнивать то голубиное незлобіе къ возставшей Литвѣ, которое проявилъ Александръ и требовалъ у своихъ подчиненныхъ. Увлеченіе прежними предпріятіями и страстное желаніе отплатить Наполеону за всѣ испытанные страхи (когда вывозили все драгоцѣнное изъ Петербурга) и всѣ униженія, побудили легкомысленнаго честолюбца внезапно забыть недавнюю заботу о независимости отечества и спасеніи престола. Имъ овладѣло страстное желаніе подписать миръ въ Парижѣ (отдать визитъ), и распоряжаться возстановленіемъ престоловъ и народовъ.

При такомъ настроеніи, благоразуміе и усердіе къ благу

отечества маститаго полководца, оказавшаго незабвенную услугу Россіи, но сослужившаго ее по своему крайнему разумѣнію, а не по указкѣ своего государя (таковъ былъ грѣхъ всѣхъ его заслугъ), не могли найти сочувствія въ Александрѣ. Изъ устъ мудраго старика изливалась мольба за многострадальное Отечество, обязанное ему спасеніемъ.

Онъ говорилъ государю: «Вы дали обѣтъ не положить оружія, доколѣ одинъ вооруженный непріятель будетъ находиться на Вашей землѣ. Вторая часть обѣта исполнена, исполните же первую!» Но такой исходъ Отечественной войны былъ совершенно чуждъ намѣреніямъ Александра, и заслуженный фельдмаршалъ ни въ чемъ не могъ быть выразителемъ его стремленій. Гораздо ближе подходило къ послѣднимъ мнѣніе выраженное извѣстнымъ проходимцемъ Армфельдомъ, выбывшимъ изъ своего прежняго отечества Швеціи съ печальной славой, но пріобрѣвшимъ большое вліяніе на государя своимъ нахальствомъ и рѣчистостью. Армфельдъ высказался по этому предмету слѣдующимъ образомъ... «Пока этотъ человѣкъ (т.-е. Наполеонъ) существуетъ, никогда мы не будемъ въ состояніи разсчитывать на покой; поэтому нужно вести войну на смерть — нашъ добрый государь раздѣляетъ этотъ взглядъ, вопреки мнѣнію тѣхъ презрѣнныхъ людей, которые хотѣли бы остановиться на Вислѣ...» Армфельдъ обзывалъ презрѣнными людьми Кутузова, Шишкова и Румянцева, явныхъ поборниковъ прекращенія тягостной войны, и въ этой оцѣнкѣ ничего бы не было обиднаго отъ такой низменной личности для славныхъ поборниковъ мира... если бы отзывы государя не отражались въ брани этого и другихъ пришельцевъ. Лаская Кутузова и оказывая ему большой внѣшній почетъ, Александръ не стѣснялся повидимому съ иноземцами отзываться о немъ презрительно.

Встрѣча Александра и Кутузова.

Прискакавшаго съ обычной быстротой въ трескучій морозъ въ открытыхъ саняхъ Александра Кутузовъ встрѣтилъ торжественно съ рапортомъ, почетнымъ карауломъ любимаго его Семеновскаго полка, одѣтый въ парадную форму, у порога дворца. Государь его обнялъ и удалился съ нимъ въ особый покой, въ которомъ имѣлъ съ нимъ

длинную бесѣду, не лишенную, какъ полагаютъ, укоризнъ за вялость и нерѣшительность его дѣятельности. Были ли умѣстны какія-либо укоризны съ его стороны, четыре мѣсяца послѣ того какъ онъ собирался въ Петербургѣ отростить бороду и бѣжать питаться картофелемъ въ Сибири—укоризны, обращенныя въ Вильнѣ къ главнокомандующему, угнавшему и истребившему почти безъ остатка полчища, отъ которыхъ онъ собирался бѣжать — не трудно рѣшить, и Александръ наружнымъ проявленіемъ почета фельдмаршалу какъ бы подтвердилъ ихъ неумѣстность. Когда главнокомандующій выходилъ изъ комнаты, въ которой происходила бесѣда, его встрѣтилъ оберъ-гофъ-маршалъ графъ Толстой съ Георгіемъ 1-ой степени на серебряномъ блюдѣ. На другой день, 12-го, когда праздновался день рожденія государя, былъ изданъ милостивый манифестъ, предающій забвенію всѣ вины возставшей Литвы и объявлявшій предводителей войска *спасителями Европы*, несмотря на то, что большинство ихъ болѣе гордилось званіемъ спасителей отечества. Въ знакъ вниманія къ Кутузову, государь согласился присутствовать на балѣ, несмотря на то, что не принялъ такого же приглашенія мѣстнаго польскаго общества, объявляя веселіе неумѣстнымъ рядомъ съ неисчислимыми бѣдствіями, которыми переполненъ былъ городъ. Это не помѣшало ему плясать и плѣнять польскихъ барынь на балу у Кутузова, который старался съ своей стороны тѣшить своего повелителя, повергая при его входѣ непріятельскія знамена къ его стопамъ, стрѣляя во время здравицъ непріятельскимъ порохомъ и проч.

Но милость государя и согласіе были только внѣшнія; государь въ откровенныхъ разговорахъ съ англійскимъ ген. Вильсономъ объявилъ Кутузова не заслужившимъ Георгія 1-ой степени и осуждалъ руководство войны, а Кутузовъ старался убѣдить Александра въ нежелательности продолженія обременительной и безполезной для Россіи войны, утверждая, что рѣшительная побѣда надъ Наполеономъ послужитъ величію Англіи, а не Россіи. Среди приближенныхъ государя, Кутузову сочувствовали Государственные Канцлеръ и Секретарь, т.-е. гр. Румянцевъ и Шишковъ, и въ этомъ случаѣ вся глубоко потрясенная и изнуренная Россія сочувствовала маститымъ и вѣрнымъ

своимъ слугамъ. Всѣ пришельцы и радѣтели о чуждыхъ Россіи нуждахъ и заботахъ оглушали государя своими искательными и льстивыми представленіями о великомъ его призваніи возстановителя потрясеннаго европейскаго строя; большинство же имѣющихъ доступъ къ государю какъ всегда заботились лишь о своемъ успѣхѣ при дворѣ или на военномъ поприщѣ. Александръ оставался твердъ въ своемъ намѣреніи продолжать, во что бы то ни стало, наступательныя дѣйствія, и выказывалъ, какъ и всегда, большое усердіе и настойчивую дѣятельность въ своихъ занятіяхъ и стараніяхъ объ усиленіи и умноженіи военныхъ силъ. Кромѣ этой обычной своей дѣятельности, въ Вильнѣ, при страшномъ скопленіи больныхъ и раненыхъ и совершенной недостаточности средствъ ухода за ними, ему представился новый случай усердно примѣнять свои человѣколюбивыя и благотворительныя наклонности, безъ различія, къ своимъ и къ пострадавшимъ врагамъ, которымъ онъ оказывалъ особенное вниманіе. Но ужасное обиліе жертвъ войны и не менѣе ужасное положеніе, въ которомъ онѣ находились (мертвые и умирающіе часто были нагромождены въ тѣсныхъ и смрадныхъ помѣщеніяхъ) повидимому не произвело никакого вліянія на его желаніе немедленно открыть новый источникъ бѣдствій и новую жатву смерти среди безжалостно загребаемаго молодого поколѣнія Россіи.

Увѣщеванія дряхлаго противника, несмотря на поддержку Румянцева и Шишкова, остались безплодными передъ Александромъ, который не находилъ или не желалъ даже подыскивать основательныхъ опроверженій, кромѣ выставленной въ отвѣтѣ на донесеніе фельдмаршала отъ 1 дек. необходимости пользоваться разстройствомъ врага: у этого обходительнаго прельстителя были всегда въ запасѣ другіе способы обезоружить своего противника. Вмѣсто того, чтобы огорчать дряхлаго и разслабленнаго противника упорнымъ споромъ, онъ его ласкалъ, обнималъ, приводилъ въ умиленіе и этимъ обезоруживалъ. Государь не довольствовался такой побѣдой, чтобы только избавиться отъ спорщика, онъ воспользовался ей еще для того чтобы вовлечь лишеннаго бодрости и стойкости дряхлаго главнокомандующаго въ продолженіе наступленія въ качествѣ его предводителя, оставаясь самъ главнымъ руково-

дителемъ этого движенія, и передавши значительную часть распоряженій по войскамъ и военному вѣдомству Начальнику Главнаго Штаба, князю Волконскому, своему помощнику, пріученному къ безотвѣтной исполнительности и къ перенесенію всѣхъ шероховатостей въ обхожденіи государя, разоблачавшагося при немъ отъ свѣтской обворожительности.

Пріѣздъ государя въ Вильну послужилъ такимъ образомъ не для того, чтобы ознаменовать неожиданно успѣшное окончаніе Отечественной войны торжественной благодарностью за окончаніе неисчислимыхъ бѣдствій, причиненныхъ ею, и проведеніемъ царской властью рѣзкой черты между тяжкой годиной и наступающимъ мирнымъ благополучіемъ. Александръ не только не довольствовался истребленіемъ полчищъ нашествія, но не скрывалъ передъ иноземцами своего неудовольствія на дряхлаго Кутузова, злословя съ назойливо надоѣдавшимъ послѣднему во время похода требованіями бо́льшей предпріимчивости англійскимъ ген. Вильсономъ. Убѣдившись, что среди пренебрегаемыхъ имъ русскихъ генераловъ (спасшихъ, по его же словамъ, не только Россію, но и Европу) не было совершенно достойнаго соперника Наполеону, что дѣйствительно не могло подлежать сомнѣнію, государь пожелалъ самъ вступить немедленно въ распоряженіе военными дѣйствіями. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ его историками, приписывающими его волѣ починъ немедленнаго начала войны; съ этими историками отчасти не соглашаются нѣкоторые нѣмецкіе писатели, ревниво охраняющіе заслуги своихъ соотечественниковъ въ дѣлѣ возстановленія независимости Германіи; мы же позволимъ себѣ усомниться не только въ умѣстности поспѣшности возбужденія борьбы за эту независимость, но и въ соблюденіи Александромъ своихъ обязанностей относительно истекающей кровью и изнемогающей отъ принесенныхъ жертвъ Россіи, къ которой онъ предъявлялъ новыя требованія, не давая ей возможности передохнуть.

Мѣры для продолженія войны.

До пріѣзда въ Вильну, 20 ноября былъ изданъ манифестъ о небываломъ рекрутскомъ наборѣ, по 8 человѣкъ съ 500 душъ, съ нѣкоторыми оправдательными разъясненіями причинъ этой новой, непомѣрной тягости на-

родной. Смыслъ манифеста, недоступный конечно народу, на котораго должны были обрушиться его бѣдствія, былъ таковъ, что хотя «рогъ сильнаго сломленъ», т.-е. нашествіе поражено и враги истреблены, но Россія не можетъ терпѣть *злобы*, присвояющей себѣ право «располагать престолами царей» и проч. Намъ кажется, что отъ такого бѣдствія, какъ ущербъ въ царственныхъ правахъ Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ и Бурбоновъ, Россія менѣе *терпѣла* нежели отъ рекрутскихъ наборовъ, грабежей и пожаровъ, причиняемыхъ войнами за права этихъ домовъ, за которые терпѣть эти бѣдствія столь же безропотно, какъ за свою родную землю, было не выносимо, при томъ горѣ и разореніи, которыя вносили наборы въ крестьянскій бытъ. Этимъ манифестомъ было оповѣщено, что Россія не заслужила еще ни покоя ни награды, и что ей еще долго и тягостно предназначено служить Европѣ, т.-е. ея династіямъ.

Слѣдующіе манифесты государя, кромѣ манифеста 12 дек., относящагося къ полякамъ, служили какъ бы *заключеніемъ* подвиговъ богатырской борьбы съ нашествіемъ, но имѣли исключительно церковное, а не общественное значеніе: это были манифесты 25 дек., установляющій увѣковѣченіе празднованія въ этотъ день, въ торжественномъ церковномъ служеніи, избавленія отъ нашествія «Галловъ и съ ними двунадесяти языкъ», и манифестъ о построеніи въ Москвѣ храма во имя Спасителя съ той же цѣлью.

Позволяя себѣ порицаніе Александра за поспѣшность, съ которой онъ устремился на возстановленіе положенія прусскаго королевства, безъ достаточнаго уваженія къ положенію своей родины, мы нисколько не расположены умалять его заслугъ въ Вильнѣ и вообще въ государственномъ управленіи, когда онѣ относились къ благотворительнымъ предметамъ и еще болѣе къ военному вѣдомству, которому онъ посвящалъ много усердія и труда. Вниманіе въ Вильнѣ къ печальному состоянію госпиталей и плѣнныхъ было самоотверженное и бдительное. Настойчивость и послѣдовательность его дѣятельности въ области умноженія, обученія и передвиженія военныхъ силъ заслуживали удивленія и составляли неотъемлемую его заслугу. Но если его требованія и примѣръ могли вызвать, сообразно съ мѣстными средствами, бо́льшую заботу

о больныхъ и раненыхъ и нѣсколько облегчить ихъ участь, то такая похвальная дѣятельность не могла оправдать поспѣшности въ умноженіи новыхъ жертвъ войны.

Забота объ умноженіи воинскихъ запасовъ и поспѣшномъ ихъ передвиженіи (всегда сопряженномъ, особенно зимой, съ громадной убылью людей) не должна была ослѣплять государя относительно численной недостаточности русскихъ войскъ на западной границѣ, для предпріятія наступательной войны. Поспѣшно удаляться, въ суровыхъ условіяхъ зимняго похода, отъ своихъ запасовъ и средствъ, было вполнѣ неблагоразумно, и тяжело отразилось на дѣйствующихъ войскахъ. Такъ называемая *главная армія*, достигшая Вильны въ составѣ 27.000 человѣкъ, дошедши весной 1813 года до границъ Силезіи, не насчитывала въ своемъ составѣ болѣе 17.000 человѣкъ. Но надъ всѣми этими соображеніями должна была преобладать забота о предварительномъ заживленіи сочащихся кровью и гноемъ язвъ Отечества, прежде требованія отъ него новыхъ тяжкихъ жертвъ! Язвы же эти были глубоки и многочисленны!

Бѣдствія и жертвы Россіи.

Усиленіе и пополненіе войскъ выбрало послѣдовательно съ осени 1811 года до конца 1812 года наборами около $^1/_{14}$ всего рабочаго населенія (считая по 200 чел. рабочихъ на 500 душъ) и столько же ополченіемъ съ помѣщичьихъ крестьянъ. Большинство этихъ людей никогда не вернулось къ своимъ очагамъ. Если Кутузовъ нѣсколько умалялъ дѣйствующія войска въ декабрѣ 1812 г., опредѣляя ихъ въ 97.000 человѣкъ, и ихъ находилось налицо до 120.000, со включеніемъ передовыхъ отрядовъ и войскъ Тучкова на Волыни, то не нужно забывать, что при открытіи военныхъ дѣйствій войска наши, со включеніемъ запасныхъ и Дунайскихъ войскъ, насчитывали не менѣе 300.000 человѣкъ, и были безпрестанно пополняемы! Сколько же ихъ погребено и сожжено рядомъ съ французскими костями?

Жертва жизнью людской конечно самая ужасная жертва, но не единственная, понесенная страной. Снаряженіе ополченія и рекрутъ обошлось ей приблизительно въ сто милліоновъ рублей, считая жертвы лошадьми, скотомъ и хлѣбомъ; пожары и разоренія въ Московской и Смолен-

ской губерніяхъ принесли болѣе 350.000.000 рублей убытка. Чтобы опредѣлить громадность потерь, по сравненію съ тогдашними средствами и цѣнностями, нужно упомянуть, что весь государственный расходъ за 1811 годъ составлялъ около 280.000.000 рублей, по сравненію съ которымъ убытокъ *двухъ губерній*, въ настоящее время (1899 г.), по сравненію съ теперешними государственными расходами, соотвѣтствовалъ бы 2.300.000.000 рублей! Помимо всѣхъ этихъ жертвъ и бѣдствій, государственное казначейство для покрытія расходовъ было вынуждено выпустить на 100.000.000 рублей новыхъ ассигнацій. Совокупность такихъ бѣдственныхъ испытаній казалось обязывала къ осмотрительному ихъ взвѣшиванію, предварительно рѣшенія о наложеніяхъ новаго бремени на страну.

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, русскіе историки ставятъ Александру въ исключительную *заслугу* рѣшимость не прекращать военныхъ дѣйствій противъ Наполеона, и превозносятъ въ этой рѣшимости мудрую предусмотрительность.

Оспаривать полное согласіе такого рѣшенія съ завѣтными желаніями государя относительно Польши, Пруссіи и первенства въ Европѣ, нѣтъ никакого основанія, но нельзя опускать при этомъ изъ вида возможность всѣхъ тѣхъ чуждыхъ русскимъ нуждамъ вліяній, которыя не переставали воздѣйствовать на Александра. Король прусскій, отдавая ген. Іорка подъ судъ, *страха ради Іудейска*, въ то же время упрашивалъ русскаго императора не останавливать наступленія своихъ войскъ, надѣясь укрыться за ними отъ наводнившихъ его королевство французовъ. Кромѣ того, всѣ прусскіе выходцы и англійскій генералъ Вильсонъ неусыпно радѣли о выступленіи русскихъ войскъ на службу европейскихъ династій. Что всѣ эти вліянія не оставались безъ отраженія на рѣшимости государя, искусно вліяя на его самолюбіе, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и потому можно усомниться, что *мудрая предусмотрительность* была исключительнымъ двигателемъ его воли.

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ выразить сомнѣніе въ пользѣ такой предусмотрительности, которая выдвигала далеко отъ точки опоры малочисленныя и не оправившіяся

послѣ безпрерывно тяжкаго зимняго похода военныя силы. Указанная государемъ цѣль въ его отвѣтѣ Кутузову на донесеніе послѣдняго отъ 1-го декабря не можетъ признаваться основательной. Немедленное преслѣдованіе жалкихъ остатковъ *великой арміи* было въ ущербъ прочнаго возстановленія собственной боевой силы, и не могло оказать значительнаго вліянія на дальнѣйшую судьбу могущества Наполеона, опиравшагося конечно не на жалкіе остатки войска, стягиваемаго въ Пруссіи Макдональдомъ и принцемъ Евгеніемъ. Наполеонъ самъ покинулъ эти остатки на произволъ судьбы, не придавая имъ значенія. Онъ бѣжалъ собирать новыя грозныя средства борьбы въ своей еще многолюдной, богатой и покорной Имперіи, опирающейся на Рейнскій союзъ и Италію. Новая Наполеоновская гроза должна была наступать со стороны Рейна, и спѣшить ей навстрѣчу съ слабыми остатками нашихъ войскъ, пережившими грозу Отечественной войны, было крайне неосмотрительно. Мы не успѣли склонить Австрію къ участію въ предпринимаемой борьбѣ, и потому, выдвигаясь рядомъ съ ней, вдоль занимаемаго нами герцогства Варшавскаго и приморской Пруссіи, ставили безопасность своихъ слабыхъ силъ въ зависимость отъ доброжелательства австрійскаго правительства, котораго нельзя было получить у Меттерниха дешевой цѣной. Вся польза нашего слишкомъ спѣшнаго движенія на западъ ограничивалась нѣкоторымъ частичнымъ очищеніемъ Пруссіи отъ французскихъ постоевъ, развязывающимъ ей въ этихъ частяхъ возможность готовиться къ борьбѣ съ Наполеономъ. Но выступающія наши силы были недостаточны не только для взятія прусскихъ крѣпостей, занятыхъ французскими гарнизонами, но и для очищенія Берлина отъ занимающаго его корпуса маршала Ожеро.

При такихъ обстоятельствахъ, поспѣшное движеніе на Западъ обезпечило лишь Александру занятіе Польши и заслонило отчасти Пруссію для ея приготовленій къ борьбѣ. Для главной же своей цѣли, предупрежденія Наполеона въ его готовности къ новой борьбѣ, Александръ оказался несостоятельнымъ, и напрасно поспѣшилъ въ Саксонію навстрѣчу французамъ: оказалось, что онъ былъ менѣе ихъ приготовленъ къ борьбѣ и потерпѣлъ пораже-

ніе, встрѣтивши ихъ въ бо́льшемъ числѣ нежели то, при которомъ самъ находился. Если бы русскіе выжидали нападенія на Нѣманѣ или даже на Вислѣ, численное отношеніе воюющихъ сторонъ несомнѣнно оказалось бы въ обратномъ отношеніи, и избавило бы русское оружіе отъ незаслуженнаго униженія Люценскаго и Бауссенскаго сраженій.

Поспѣшность Александра обострила положеніе Европы.

Вообще, намъ кажется, что большинство русскихъ историковъ составили совершенно произвольное представленіе о возможной дальнѣйшей судьбѣ соперничества Александра съ Наполеономъ, если бы первый не поспѣшилъ *пожать плоды гибели великой арміи* преслѣдуя совершенное сокрушеніе Наполеона, и предпочелъ соглашеніе съ нимъ, подобное (и вѣроятно столь же удачное) Тильзитскому. Поспѣшныя заключенія о вѣроятной судьбѣ подобныхъ рѣшеній вообще могутъ служить только предметомъ гаданій, и къ тому же грѣшатъ смѣшеніемъ положенія послѣ бѣгства французовъ, и тѣхъ поступковъ Наполеона, которые послѣдовали когда обозначилась рѣшимость Александра безостановочно преслѣдовать успѣхи, уничтожившіе *великую армію*, а Австрія поспѣшила воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ на ряду со связанными борьбою Россіей и Франціей, и силилась внушить обѣимъ державамъ необходимость своего посредничества, не лишеннаго угрожающаго значенія. При указанныхъ обстоятельствахъ, Наполеонъ, понимая, что ему легче *проучить* Австрію, нежели Россію, могъ выразить желаніе помириться дорогой цѣной съ послѣдней, чтобы развязать себѣ руки относительно Австріи и Германіи вообще; но чтобы онъ такъ охотно предложилъ выгодныя мирныя условія Александру послѣ гибели своего нашествія на Россію, только ради того, чтобы устранить продолженіе борьбы съ нимъ, это совершенно невѣроятно, потому что предполагало бы въ Наполеонѣ безропотное признаніе неудачи своего предпріятія, безъ всякой попытки возмездія. Не только для его тщеславія, но и для прочности его положенія во Франціи и Европѣ, ему нужно было представлять неудачу русскаго похода случайностью, исправленіе которой было въ зависимости отъ его воли и сообразно съ его средствами.

Но громко объявляя о возмездіи, онъ не могъ итти навстрѣчу приговора надъ своимъ безразсудствомъ, и напряженно готовясь къ нему, Наполеонъ, безъ вызова Александра, кинувшагося ему и возстанію Германіи навстрѣчу, однако не показалъ бы той поспѣшности, къ которой оказался вынужденнымъ, и отчасти обязаннымъ, потому что этотъ вызовъ много способствовалъ усердію, съ которымъ Франція считала своимъ долгомъ отвѣтить на вызывающее положеніе, принятое русскимъ императоромъ, выступившимъ въ Германію съ проповѣдью крестоваго похода противъ французскаго преобладанія.

Если бы Александръ не вовлекся, или не былъ вовлеченъ нѣмецкими вліяніями въ новую громадную борьбу, чуждую его Родинѣ, а позаботился прежде всего о возстановленіи ея военныхъ и денежныхъ средствъ, не спѣша ихъ расточать, намъ кажется, что Наполеонъ не особенно поспѣшилъ бы съ новымъ походомъ на Вислу, если бы даже Александръ старался утвердиться въ Польшѣ. Нельзя допустить, чтобы онъ началъ *второй русскій* походъ съ сотней-другой тысячъ новобранцевъ, которыхъ обзывали поросятами (cochons de lait) немногіе оставшіеся у него старые *ворчуны* (grognards), безъ конницы, съ небольшимъ числомъ орудій, немедленно послѣ совершенной гибели громаднаго и образцоваго вооруженія, которое онъ тщательно приготовлялъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Онъ невольно былъ бы задержанъ снаряженіемъ новаго похода. Но готовиться къ нему пришлось бы рядомъ съ новыми неудачами въ Испаніи, гдѣ Велингтонъ вытѣснялъ его войска; готовиться, утративши ореолъ непобѣдимости, не въ виду безмолвно покорной Германіи, но свидѣтелемъ все усиливающагося ропота и ненависти. Если до разгрома въ Россіи онъ съ трудомъ вынудилъ безплодное участіе 30.000 австрійцевъ и 20.000 пруссаковъ, то послѣ него ему нужно бы было еще бережнѣе относиться къ своимъ сомнительнымъ союзникамъ. Если бы русскій императоръ не пожертвовалъ русской кровью и достаткомъ для ускоренія перелома въ судьбѣ Наполеона, этотъ переворотъ совершился бы тѣмъ не менѣе. Возможно, что это случилось бы позже и не въ полной мѣрѣ, но все же гибель *великой арміи* осталась бы невозвратимой,

какъ потеря Египта, какъ истлѣвшія суда, заготовленныя въ Булони для высадки въ Англію, какъ утрата Испаніи, между тѣмъ какъ неизбѣжное волненіе Германіи осталось бы непримиримымъ, а бдительность Меттерниха настолько неусыпной, что нельзя было ожидать, что раненый въ Россіи левъ избѣгнетъ подлаго удара ослинаго копыта.

Заносчивое честолюбіе Александра и податливость иноземному вліянію позаботились о другомъ оборотѣ развязки!

Выступленіе въ заграничный походъ.

Угасающій фельдмаршалъ не только долженъ былъ молчаливо присутствовать при преждевременномъ возобновленіи борьбы Александра съ Наполеономъ, но и былъ вовлеченъ во внѣшнее участіе въ этой борьбѣ, въ которой онъ болѣе не былъ полноправнымъ распорядителемъ, служа болѣе знаменемъ или хоругвью, нежели воодушевляющей властью. Слава, пріобрѣтенная имъ въ истребленіи нашествія, вынуждала государя терпѣть воркотню умирающаго полководца, не руководствуясь ни его умомъ, ни его опытомъ, но озаряя блескомъ этой славы вступленіе недостаточныхъ своихъ военныхъ силъ въ западную Европу, для вовлеченія ея въ непримиримую борьбу съ Наполеономъ. Эти слабыя войска выступили изъ Вильны 28 дек. и переступили въ Меречѣ съ Александромъ и Кутузовымъ 1-го января 1813 года границу герцогства Варшавскаго, въ то время когда отряды Чичагова и Витгенштейна подвигались въ восточной Пруссіи.

Это рѣшительное нашествіе Александра ознаменовалось тѣмъ, что русскій самодержецъ, вступая во владѣнія прусскаго короля, безъ всякаго гласнаго соглашенія съ послѣднимъ, обратился сначала къ его подданнымъ, а потомъ его же именемъ сталъ обращаться и къ подданнымъ другихъ владѣтелей, призывая ихъ къ вооруженію и къ борьбѣ съ ненавистнымъ французскимъ владычествомъ, какъ бы заявляя этимъ, что Александръ признаетъ себя судьей и вершителемъ судьбы странъ, въ которыя онъ вступалъ произвольно. Окруженный нѣмецкими выходцами и какъ бы вдохновленный одновременно ихъ пламенной заботливостью о возстановленіи независимости ихъ Отечества и собственной непримиримой местью къ На-

полеону, Александръ, не ожидая признанія другими владѣтелями своихъ правъ на руководство судьбой Европы, со времени перехода своей границы послѣ разгрома *великой арміи* какъ бы провозгласилъ себя руководителемъ Европы. Для Россіи такое честолюбіе принесло, рядомъ съ несомнѣнными потѣхами народному тщеславію, и можетъ быть отчасти временной *славой*, горькіе плоды: не только вслѣдствіе вызванныхъ этой славой жертвъ, но еще болѣе тѣмъ несомнѣннымъ отчужденіемъ къ Родинѣ, которую воспитывала въ Александрѣ его блестящая дѣятельность въ Европѣ. Никогда, послѣ выступленія его на громкую службу послѣдней, Россія не увидѣла болѣе своего государя годины испытанія, того, въ которомъ отражалось народное сердце, радость и скорбь; того, который цѣнилъ и уважалъ свой народъ, и умѣлъ вызывать его безпредѣльную преданность и пользоваться ею для его же блага!

Военно-правительственная дѣятельность государя.

Въ виленскомъ его пребываніи, предшествующемъ долговременному отсутствію государя изъ Россіи, его дѣятельность ознаменовалась лучшими свойствами его правительственныхъ мѣропріятій. Забота о правильномъ пополненіи и снабженіи войска всѣмъ необходимымъ; указанія князю Горчакову, управляющему военнымъ министерствомъ, о попеченіи, здоровьѣ и сбереженіи солдата, о благоустройствѣ госпиталей и проч.; все это соотвѣтствовало лучшимъ проявленіямъ его благодушія, самые драгоцѣнные плоды котораго расточались однако нѣмцамъ и полякамъ, такъ что самыя лучшія мѣропріятія, относящіяся къ Россіи, какъ бы предназначались главнымъ образомъ для того, чтобы успѣшнѣе служить чужеземцамъ.

Не очень легко было достигнуть успѣшности въ возстановленіи преслѣдуемаго Александромъ порядка въ Европѣ, не только по недостаточности его военныхъ средствъ, но и по той сѣти недоразумѣній и противорѣчій, изъ которой ему пришлось выбиваться. Если припомнить при этомъ, что государь такъ слѣпо бросился въ эту сѣть, въ полной увѣренности на свои силы, *пять мѣсяцевъ* послѣ выражаемой въ Петербургѣ смиренной покорности судьбѣ, и если сопоставить эту *увѣренность*, несомнѣнно проистекшую изъ гибели французскаго нашествія, съ тѣми

пренебрежительными отзывами, которыми онъ оцѣнивалъ заслуги главнаго руководителя этой гибели — Кутузова — невольно приходится изумляться непослѣдовательности человѣческаго разума.

Крайнее усложненіе отношеній Александра къ занимаемымъ странамъ.

Преслѣдуя съ самаго начала своего похода двойственную цѣль вовлеченія Пруссіи въ борьбу съ Наполеономъ и занятія Варшавскаго герцогства для осуществленія своихъ давнишнихъ видовъ на Польшу, Александръ пошелъ изъ Мерича, средоточія своихъ войскъ вблизи границы Пруссіи, на Плоцкъ, въ то время когда войска Чичагова и Витгенштейна вытѣсняли Макдональда и Мюрата (вскорѣ покинувшаго по примѣру Наполеона войско, оставивши его на попеченіе Евгенію Богарнэ) изъ Кенигсберга и вообще восточной Пруссіи, а Штейнъ, подъ ихъ прикрытіемъ и при содѣйствіи генер. Іорка, учреждалъ своеобразное мѣстное правленіе, вооружающее народонаселеніе, безъ всякаго полномочія короля. Такое *недоразумѣніе* между подлежащими властями въ занимаемой русскими войсками части Пруссіи было не единственнымъ затрудненіемъ въ русско-прусскихъ сношеніяхъ. Они были не менѣе запутаны между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Александромъ. Тотъ же самый адъютантъ короля Нацмеръ, который повезъ въ корпусъ Іорка приказъ о передачѣ начальства Клейсту и о преданіи суду Іорка, повезъ письмо государю съ предложеніемъ короля о заключеніи съ Россіей оборонительнаго и наступательнаго союза и просьбой продолжать безостановочно наступленіе къ Вислѣ и Одеру. Но этимъ не ограничились противорѣчія въ образѣ дѣйствій Фридриха-Вильгельма. Одновременно съ посылкой Нацмера къ Александру, былъ посланъ Гацфельдъ къ Наполеону съ предложеніемъ выставить новый прусскій отрядъ къ его услугамъ.

Образъ дѣйствій самого Александра относительно Польши не могъ признаваться согласнымъ ни съ видами Пруссіи ни съ видами Австріи. Находясь на пути къ Плоцку, онъ вошелъ въ переписку съ Чарторійскимъ о судьбѣ Польши, которую послѣдній полагалъ возможнымъ возстановить въ видѣ самостоятельнаго королевства, избравъ королемъ великаго князя Михаила Павловича. Державы, бывшія участницы въ раздѣлѣ Польши, не могли

знать ни этого предложенія, ни уклончиваго отвѣта государя, не соглашающагося на самостоятельность королевства (главнымъ образомъ, будто бы изъ-за невозможности присоединенія къ нему стараго русскаго достоянія), ни смутныхъ его обѣщаній Чарторійскому; но онѣ не могли не обратить вниманія на ту поспѣшность, съ которой русскіе поспѣшили занять Варшаву, и на тѣ пріемы при занятіи ея, которыми наши предводители старались установить мирныя отношенія съ поляками.

Занятіе Варшавы и ея герцогства.

24 января Александръ вступилъ въ Плоцкъ, а 26-го стояло 30.000 нашихъ войскъ подъ Варшавой, подъ предводительствомъ генераловъ Милорадовича и Сакена. Польскія войска подъ начальствомъ Ренье и Понятовскаго выступили изъ нея не дождавшись прибытія русскихъ войскъ, а австрійскія войска Шварценберга, несмотря на свою тогдашнюю многочисленность (42.000 человѣкъ), уступили безъ боя Варшаву, заключивши предварительно 18-го перемиріе, обезпечившее имъ свободное отступленіе, и разошлись по разнымъ направленіямъ. Покинутый своимъ правительствомъ и защитниками, городъ выслалъ въ Мокотово депутацію, а вслѣдъ за этимъ Милорадовичу были поднесены хлѣбъ-соль и ключи города, тѣмъ же самымъ лицомъ, который вручилъ ихъ въ 1794 году Суворову. Милорадовичъ, согласно желанію государя, успокоилъ жителей Варшавы относительно милостиваго расположенія къ нимъ побѣдителей, избавилъ ихъ отъ постоя войскъ, обезоруживши, по распоряженію Кутузова, народную стражу, и принявши всѣ необходимыя предосторожности для безопасности русскихъ войскъ. Походъ черезъ Польшу наглядно указывалъ, въ какомъ настроеніи остались вольные и невольные союзники французовъ послѣ гибели ихъ нашествія. Въ прусскихъ городахъ и мѣстечкахъ, черезъ которые проходилъ нашъ главный штабъ (Лыкъ и проч.), проявлялось искреннее чувство восторга при встрѣчѣ Александра и Кутузова, въ которыхъ нѣмцы видѣли предвѣстниковъ избавленія своего народа.

Предводитель австрійскихъ войскъ Шварценбергъ послужилъ выразителемъ другого разряда подневольныхъ союзниковъ, который пользовался отсутствіемъ и затрудни-

тельнымъ положеніемъ зачинщика борьбы, чтобы немедленно войти въ соглашеніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Образъ дѣйствій австрійскаго ген. служилъ не только выраженіемъ настроенія австрійскаго правительства и подчиненныхъ ему народностей, но и всей Европы, не исключая Франціи. Извѣстно, что несмотря на податливость, съ которой всѣ учрежденія и правительственныя лица послѣдней поспѣшили доставить средства Наполеону для отпора надвигающагося подъ предводительствомъ Александра движенія народовъ, стремящихся свергнуть ненавистный наполеоновскій гнетъ, во время переговоровъ и совѣщаній въ Парижѣ съ своими соратниками и сотрудниками, французскому императору пришлось выслушивать исключительно увѣщанія о заключеніи мира. Вся Европа то того была изнурена и утомлена войнами, что какъ бы ухватилась за чудовищную *осѣчку* русскаго похода, чтобы заявить свои права на временную передышку; не будь неосторожной поспѣшности Александра, не только Европа, но и сама Франція не могла бы такъ быстро быть поставлена на ноги Наполеономъ.

Польша. Наконецъ давно желательный походъ чрезъ Польшу давалъ указанія Александру, чего онъ могъ ожидать отъ своихъ затѣй сближенія съ ея народными радѣтелями, и попытокъ возстановленія ея *независимости* подъ его властью! Привѣтствовали русскихъ въ Польшѣ почти одни жиды, а подчинялись ради безопасности всѣ мѣстныя власти, въ то время какъ настоящіе представители правительства и ихъ вдохновители, магнаты, тщательно укрывались отъ встрѣчи съ русскими. Мы приписывали это явленіе слѣпому пристрастію къ Наполеону, отъ котораго поляки *тщетно* ожидали своего возрожденія, котораго онъ не желалъ искренно для ихъ отечества. Наполеонъ, вѣроятно, не желалъ, но *могъ* его возродить, не обращая ихъ въ французовъ; но могъ ли *желающій* ихъ возрожденія Александръ возстановить ихъ независимость, безъ сліянія съ Россіей? вотъ во что, но безъ основанія, не вѣрили прозорливѣйшіе поляки.

Недостатокъ усердія поляковъ идти навстрѣчу его вызовамъ, нерѣшительность прусскаго короля при заключеніи союза съ Россіей, наконецъ, слишкомъ опредѣленное и какъ бы мало доброжелательное отношеніе австрійскаго правительства къ предпринимаемой имъ борьбѣ, хотя и нѣсколько смущали Александра, но не могли разрушить того почти праздничнаго настроенія, въ которомъ онъ находился во время предпринимаемаго крестоваго похода противъ Наполеона. Бодрый, нарядный, съ ранняго утра на конѣ, Александръ своимъ радостнымъ видомъ ничѣмъ не напоминалъ перенесенныя имъ недавно удручающія обстоятельства и впечатлѣнія, и отражалъ скорѣе радость принятой на себя обязанности стать во главѣ борьбы противъ Наполеона, нежели сознаніе отвѣтственности за страшныя бѣдствія, вызываемыя этой борьбой.

Постепенное очищеніе Пруссіи отъ французовъ.

Затрудненія для вовлеченія Пруссіи въ борьбу постепенно устранялись той долей насилія надъ волей короля, которую производило, подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ и корпуса Іорка, самостоятельное вооруженіе освобождавшихся отъ присутствія французскихъ войскъ частей прусской державы. Наступленіе русскихъ отрядовъ, сначала подъ предводительствомъ Чичагова, 2 февраля замѣненнаго Барклаемъ де Толли и Витгенштейномъ, шло тѣмъ быстрѣе, что немногія собравшіяся войска изъ спасшихся изъ Россіи, и находящіяся въ Пруссіи изъ состава корпусовъ Ожеро и Гренье, частью укрылись въ Данцигѣ, Торнѣ и другихъ крѣпостяхъ, частью были стянуты вице-королемъ Евгеніемъ сначала въ Познань, а потомъ въ Магдебургъ, оставивши въ Берлинѣ у Ожеро не болѣе 6000 человѣкъ. Данцигъ былъ обложенъ отрядомъ ген. Левиса, Торнъ самимъ Барклаемъ де Толли, а передовые отряды Витгенштейна, подъ начальствомъ гр. Воронцова, Чернышева, Бенкендорфа и Тетенборна, подвигались, не только тѣсня отступающихъ французовъ, но облегчая также народныя вооруженія и распространяя увѣренность въ нѣмцахъ, что русскія войска такъ же успѣшно послужатъ своимъ появленіемъ истребленію французовъ у нихъ, какъ имъ это удалось въ Россіи.

Такое заносчивое веденіе наступленія могло воспользоваться малочисленностью французскихъ войскъ, нахо-

дящихся подъ распоряженіемъ принца Евгенія Богарнэ, и одержать нѣсколько частичныхъ успѣховъ, какъ это удалось 1 февраля Винцегероде противъ Ренье подъ Калишемъ, Чернышеву 30 января у Циркена, Вартѣ противъ кн. Гедройца, а гр. Воронцову 29 января у Рогазена также противъ польскаго отряда, и побудило принца Евгенія Богарнэ отступить къ Франкфурту и Кросоену, а Ренье къ Глогау. Но вообще такое спѣшное движеніе вовнутрь Германіи, при малочисленности нашихъ войскъ и неизбѣжномъ промедленіи ожидаемыхъ подкрѣпленій при наступленіи весенней распутицы, не было одобряемо осторожнымъ Кутузовымъ, который соглашался на движеніе гр. Витгенштейна къ Одеру только при содѣйствіи прусскихъ корпусовъ Іорка и Бюлова, соединеніе которыхъ съ Витгенштейномъ довело бы его войско до 60.000 чел., причемъ ему тогда разрѣшалось переправиться черезъ Одеръ, чтобы отрѣзать Евгенія отъ Магдебурга. Но оказалось, что эти генералы не получали необходимаго разрѣшенія отъ своего короля, и что эти войска не имѣютъ того состава, въ которомъ ихъ предполагалъ главнокомандующій, который поэтому вынужденъ былъ приказать имъ остановиться въ Дрезденѣ. Въ это время прусскій король былъ еще связанъ своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ, гдѣ находились французскія войска, почему поневолѣ пришлось русской главной квартирѣ остановиться 12 февраля въ Калишѣ, довольствуясь посылкой передовыхъ отрядовъ на Силезскую границу и нѣсколькихъ партизановъ за Одеръ для обезпокоиванія непріятеля.

Переговоры Пруссіи съ Наполеономъ и впечатлѣніе самоуправства Александра.

Между тѣмъ прусскій король, на ряду съ переговорами о вознагражденіи Наполеономъ за поставки Пруссіей на 94 милліона франковъ продовольствія въ 1812 году французскому войску, успѣлъ выговорить въ свою пользу нейтрализацію Силезіи, и воспользоваться этимъ для переѣзда въ концѣ января изъ Берлина въ Бреславль. Относительно же своихъ правъ полученія уплаты за поставки, которыми Пруссія, по расчету короля, погашала остатокъ долга военнаго вознагражденія въ 48 милліоновъ, и должна была получить 46 милліоновъ наличными отъ Франціи, кромѣ права на освобожденіе занятыхъ послѣдней крѣпостей въ обезпеченіе уплаты военнаго вознагражденія, съ

лихвою погашеннаго поставкой на 94 милліона — ничего, кромѣ издѣвательства Наполеона, не было достигнуто переговорами въ Парижѣ. Ни денегъ ни крѣпостей не хотѣли выдавать, подъ самыми неблаговидными предлогами. Это одновременно задѣвало расчетливость и самолюбіе короля, терзающагося страхами и колебаніями, между увлеченіемъ надеждой возстановленія бывшаго положенія королевства, которое обѣщалъ Александръ, негодованіемъ, которое вызывало въ немъ хозяйничанье послѣдняго въ польскихъ областяхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ королевства, и тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ вступали въ его владѣнія, возбуждая его подданныхъ къ вооруженію, обращаясь къ нимъ съ воззваніями отъ имени Александра. Недоброжелатели послѣдняго при прусскомъ дворѣ выставляли это на видъ королю, но усердное и краснорѣчивое посредничество бар. Штейна, увлеченіе и пожертвованія страны, принявшія страстное и все увлекающее теченіе, отразившееся въ придворныхъ сферахъ, наконецъ одержали верхъ.

Штейнъ въ Кенигсбергѣ и народное вооруженіе.

Починъ народнаго вооруженія, данный Кенигсбергомъ подъ руководствомъ барона Штейна, выражавшійся въ самостоятельныхъ постановленіяхъ и пожертвованіяхъ мѣстныхъ управленій, увлекъ постепенно остальныя прусскія области, привлекая молодежь просвѣщенныхъ слоевъ, поступающую въ огромномъ количествѣ добровольцами въ ряды войска, и вызвалъ одновременно пожертвованіе женщинами своихъ уборовъ и ихъ восторженное отношеніе къ борьбѣ за независимость, оказавшее большое вліяніе на молодежь страны... Хладнокровный, расчетливый и мнительный король не устоялъ противъ общаго теченія, и разрѣшилъ Гарденбергу заключеніе въ Бреславлѣ 15 февр. съ русскимъ представителемъ Аншетомъ договора, подтвержденнаго на другой день въ Калишѣ княземъ Кутузовымъ и ген. Шарнгорстомъ, присланнымъ въ главную квартиру Александра, по желанію послѣдняго, взамѣнъ ген. Кнезебека.

Калишскій договоръ.

Главныя условія Калишскаго договора заключались: 1) въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ для возстановленія прусской монархіи въ предѣлахъ, согласныхъ съ обезпеченіемъ спокойствія обѣихъ державъ; 2) Россія

поставляетъ 150.000, а Пруссія 80.000 человѣкъ; 3) не заключать ни мира ни перемирія съ Наполеономъ, и 4) употребить всѣ средства для склоненія Австріи къ принятію участія въ войнѣ и выговорить у Англіи субсидіи для Пруссіи. Кромѣ этого, было оговорено, въ какихъ размѣрахъ должно было возстановиться могущество Пруссіи, исключая изъ способовъ вознагражденія включеніе Гановера.

Государь выразилъ ген. Кнезебеку живую радость по поводу успѣха соглашенія, заключеннаго побѣдителемъ французовъ съ ихъ жертвой, въ ея пользу и въ ущербъ себѣ, и ложившагося тяжелымъ бременемъ на его народъ и правительство, усматривая въ немъ шагъ къ страстно преслѣдуемой цѣли, и получая нѣкоторое успокоеніе относительно безопасности нашихъ передовыхъ отрядовъ далеко проникшихъ въ глубь Германіи (Чернышевъ подступалъ къ Берлину) безъ достаточной поддержки войсками Іорка и Бюлова. Эти набѣги, тревожившіе французовъ, заставили вице-короля сосредоточить много войскъ у Берлина, и этимъ сдѣлать доступнѣе наступленіе въ Саксонію чрезъ Силезію, въ которой народное воодушевленіе, наплывъ добровольцевъ и вооруженія приняли широкіе размѣры, благодаря присутствію короля и руководству ген. Шарнгорста.

Рѣшеніе вступить въ Саксонію.

Быстро возрастающія вооруженія Пруссіи, вскорѣ достигшія 100.000-наго размѣра, и не остывающее ея воинственное воодушевленіе, вселили въ Александрѣ, въ большинствѣ прусскихъ генераловъ и въ нашемъ Витгенштейнѣ, такое самообольщеніе, что, судя по слабости противоставленныхъ имъ французскихъ войскъ, они не достаточно взвѣшивали размѣръ опасностей, которымъ подвергали себя необдуманной поспѣшностью движенія навстрѣчу грозы, собирающейся за Рейномъ. Рѣшено было выступить въ Саксонію и за Эльбу, несмотря на предостереженія благоразумнаго Кутузова, рѣзко выразившаго свое мнѣніе объ этомъ движеніи. Старый фельдмаршалъ, называвшій себя иногда простымъ псковскимъ дворяниномъ, въ этомъ случаѣ выразился какъ простой псковской мужикъ, сказавши: «Самое легкое идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови!»

Передъ изложеніемъ развитія военныхъ и дипломатическихъ обстоятельствъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности условій, въ которыхъ находились не только военныя, но и государственныя обстоятельства главныхъ участниковъ борьбы. Повидимому, Александръ, увлеченный своимъ соперничествомъ съ Наполеономъ, не желалъ принять ихъ въ соображеніе, а ему болѣе нежели другимъ владѣльцамъ нужно было ихъ внимательно взвѣшивать, потому что онъ принялъ починъ въ немедленномъ вызовѣ новыхъ потрясеній, преслѣдуя насильственную перестановку устоевъ новаго порядка Европы. *Положеніе Европы.*

Въ состояніи послѣдней, скованной страхомъ передъ чудовищнымъ военнымъ могуществомъ Наполеона, преобладало утомленіе и отвращеніе къ войнѣ. Разгромъ его полчищъ въ Россіи облегчилъ проявленіе перваго порыва чувства, заглушивши нѣсколько страхъ передъ побѣжденнымъ—непобѣдимымъ. Первые плоды новаго положенія принадлежали Россіи, по тому обаянію, которое заслужила она въ Европѣ, по той безопасности, которую ей отчасти обезпечивало отдаленіе отъ Франціи, и по неизгладимому впечатлѣнію, полученному въ Европѣ отъ неожидавшагося ею крушенія нашествія. Германскія державы почувствовали отраженіе неудачи *русскаго похода* въ томъ просвѣтѣ, который посулилъ надежду избавленія отъ ига, и, конечно, стали бы искать способа пожать плоды французскихъ затрудненій, подобно тому какъ Австрія попыталась въ 1809 году воспользоваться испанскими затрудненіями. Послѣднія не прекратились, но страшно усугубились для Наполеона поразившей его неудачей въ Россіи.

Нельзя было ожидать, что изворотливый и смѣлый австрійскій министръ Меттернихъ останется безучастнымъ свидѣтелемъ новаго оборота въ положеніи Европы. Покойно и безслѣдно послѣдняя не могла пережить поворота въ судьбѣ Наполеона: слишкомъ много ненависти и униженія онъ посѣялъ въ ней, и плоды не могли долго остаться безъ созрѣванія. Конечно, безъ всякаго участія Россіи, Германія вѣроятно не была бы въ состояніи успѣшно произвести попытку возмездія; но это не лишало Александра и Россію права на отдыхъ и оправку, предоставляя Германіи и Англіи починъ и главныя жертвы, на что Россія пріобрѣла право 1812-мъ годомъ.

Кромѣ того выдающагося положенія, въ которое была поставлена Россія въ концѣ 12-го года пораженіемъ французовъ, позволявшаго ей не спѣша выжидать просьбъ и предложеній другихъ державъ, не кидаясь имъ навстрѣчу, признаки миролюбія во всей Европѣ должны были убѣдить Александра въ неумѣстности преждевременности возобновленія борьбы.

Во Франціи, послѣ возвращенія Наполеона изъ Россіи, несмотря на всѣ его старанія отвлечь общественное мнѣніе преувеличеннымъ вниманіемъ къ тѣмъ безтолковымъ обстоятельствамъ и жестокимъ казнямъ, которыя сопровождали заговоръ ген. Малэ, и упорнымъ толкованіемъ, съ его точки зрѣнія, неудачи *русскаго похода*, французскій императоръ не могъ заглушить того потрясающаго впечатлѣнія, которое произвели бѣдствія и потери этого похода, хотя послѣднія не были еще вполнѣ извѣстны. При установившемся порядкѣ имперскаго управленія, онъ не могъ ожидать противодѣйствія при предъявленіи самыхъ неумѣренныхъ требованій, ни со стороны сената, ни со стороны законодательнаго корпуса. Онъ зналъ, что получитъ столько конскриптовъ, сколько потребуетъ, и вынудитъ разныя мнимо-добровольныя жертвы людьми лучшихъ семействъ, откупившихся отъ конскрипціи (gardes d'honneur), и лошадьми отъ городовъ. Но ни своими правительственными мѣропріятіями, ни безконечными своими разъясненіями, что будто одинъ морозъ виновникъ неудачи—онъ не могъ преодолѣть всеобщаго унынія, ни заглушить громкаго ропота семействъ, обезлюденныхъ безпрестанными наборами. Ропотъ и уныніе заразили ближайшихъ сотрудниковъ его, точно также какъ громко проявлялись въ покинутыхъ имъ войскахъ, въ которыхъ не только Мюратъ и Ней, но и большинство начальниковъ и рядовыхъ громко осуждали ненасытное честолюбіе Наполеона, и съ презрѣніемъ отзывались о его бѣгствѣ изъ Сморгонь.

При такомъ настроеніи, обсужденіе мѣръ для возстановленія погибшаго войска не могло обойтись безъ поставленія на видъ императору необходимости заключенія мира, котораго жаждала и требовала Франція.

Среди приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ были люди, болѣе или менѣе откровенные, но одинаково убѣжден-

ные въ необходимости заключенія мира. Архиканцлеръ Камбасересъ, Коленкуръ, Савари (герцогъ Ровиго) и министръ финансовъ Моліенъ, все лица, несомнѣнно ему преданныя, не могли скрыть этой необходимости. Со стороны не замедлили проявиться такія же напоминанія о необходимости мира. Первый подалъ голосъ въ пользу мира его союзникъ и тесть императоръ Францъ, приславшій къ нему генерала Бубна съ предложеніемъ посредничества. Эти мирныя заявленія конечно не отклонили Наполеона отъ преслѣдованія самымъ настойчивымъ образомъ осуществленія мѣропріятій, которыя должны были ему доставить необходимое число людей (500.000), лошадей (отъ 40 до 50.000) и недостающія по смѣтѣ расходовъ на 1813 г. въ казначействѣ деньги (830.000.000 фран.). Его находчивость и неутомимость въ самомъ непродолжительномъ времени доставили или обезпечили для ближайшаго будущаго необходимыя средства, которыя потомъ должны были приспособляться къ намѣченной цѣли его строго обученнымъ правительствомъ, при личномъ его неусыпномъ участіи и наблюденіи.

Совѣщаніе у Наполеона о мирѣ.

Проявленіе среди его ближайшихъ совѣтниковъ откровенныхъ мнѣній о необходимости заключенія мира побудило Наполеона собрать совѣтъ изъ лицъ, болѣе другихъ знакомыхъ съ международными дѣлами, для обсужденія необходимости и лучшаго способа достиженія умиротворенія. Въ этомъ совѣщаніи участвовали подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, Камбасересъ, Талейранъ, Коленкуръ, Шампаньи (герцогъ Кадоръ), Марэ (герцогъ Бассано) и два старшихъ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ, одинъ Камбасересъ не занималъ никогда никакой должности по дипломатической части, остальные были, такъ сказать, настоящими или бывшими столпами этого министерства. Вопросъ былъ поставленъ Наполеономъ въ такомъ смыслѣ: въ виду желательности достиженія мирнаго соглашенія, какому способу дать предпочтеніе—непосредственному ли обращенію съ мирными предложеніями къ императору Александру или принятію мирнаго посредничества императора Франца. Камбасересъ, Талейранъ и Коленкуръ высказались за обращеніе къ Александру, остальные четыре лица за приня-

тіе посредничества Франца, и Наполеонъ согласился съ мнѣніемъ послѣднихъ, вѣроятно считая эту мѣру, въ виду своего свойства съ австрійскимъ императоромъ, менѣе щекотливой для своего достоинства.

Эти совѣщанія въ Тюльерійскомъ дворцѣ, равно какъ и поспѣшность, съ которой Шварценбергъ (конечно съ согласія своего правительства) вошелъ въ соглашеніе съ Милорадовичемъ для мирнаго удаленія своихъ войскъ въ предѣлы Австріи, были такими осязательными указателями всеобщаго мирнаго настроенія, что на нихъ смѣло можно ссылаться при утвержденіи, что въ началѣ 1813 года не было никакой опасности для Россіи нарушенія ея покоя, если бы Александръ пожелалъ имъ воспользоваться для возстановленія ея войска и нѣкотораго успокоенія послѣ чрезмѣрнаго напряженія. Рядомъ съ этими соображеніями, нельзя было упустить изъ вида, что всѣ условія государственнаго строя и естественныхъ особенностей двухъ имперій, Русской и Французской, потребовали большой осмотрительности первой, и затрудняли ей предпріятія, требующія поспѣшности и дѣятельности внѣ ея границъ. Россія находилась сравнительно Франціи въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ климата, населенности, производительности и благоустройства. Самыми слабыми особенностями ея были крайне отсталые, полу-азіатскіе правительственные порядки и мало устроенные пути сообщенія. Когда требовалось напряженіе для полученія бо́льшаго количества людей и всего необходимаго для ихъ снаряженія, не говоря уже о томъ, что въ менѣе населенной и богатой странѣ эти сборы ложились болѣе тяжелымъ бременемъ на народъ, они еще сопровождались бо́льшимъ его угнетеніемъ и бо́льшей растратой людей и достатковъ. Несмотря на самыя суровыя мѣры, а отчасти благодаря имъ, собранные люди и принадлежности доходили медленно до назначенія, растрачивая по́ пути отъ трети до половины своего состава. При этомъ не нужно забывать, что тогдашняя Россія по народонаселенію не превышала половины народонаселенія тогдашней Франціи и вассальныхъ ея народовъ, со включеніемъ Италіи и Рейнскаго Союза.

До похода 1813 года, Россія извѣдала на опытѣ, что при самомъ бо́льшомъ напряженіи своихъ средствъ, она

не въ состояніи вооружить болѣе половины того числа, которое могъ поставить на ноги Наполеонъ: въ 1812 году онъ наступалъ съ 600.000 солдатъ, въ то время когда мы съ трудомъ собрали половину—300.000 чел. Но даже для выступленія въ такомъ неблагопріятномъ отношеніи съ нимъ, мы встрѣчали еще затрудненія въ разстояніяхъ, въ болѣе суровомъ климатѣ (поздняя весна и ранняя осень) и во всеобщей отсталости. При такихъ условіяхъ, пытаться предупреждать и обгонять французовъ своей предпріимчивостью было совершенно безнадежно. Происшествія 1813 г. совершенно подтвердили эти обстоятельства, вполнѣ оправдывая несочувствіе Кутузова къ этому походу вообще, и въ особенности къ поспѣшности, съ которой онъ увлекался въ глубь Германіи съ недостаточными силами. Опытъ доказалъ еще разъ, что борьба съ Наполеономъ, при тогдашнемъ размѣрѣ его имперіи, была возможна лишь совокупнымъ силамъ остальной Европы.

Положеніе Россіи въ Европѣ.

Выступленіе на продолженіе открытой борьбы съ Наполеономъ, не обезпечивши себя содѣйствіемъ Австріи, Пруссіи и Англіи, было неосторожнымъ увлеченіемъ Александра, ибо при этомъ не только была совершенно упущена изъ вида недостаточность средствъ для борьбы, но и не было яснаго сознанія, что послѣ полнаго разгрома нашествія, одна Россія могла, безъ ущерба собственному достоинству и народнымъ нуждамъ, выжидать дальнѣйшаго развитія пробужденія въ Западной Европѣ стремленія къ возмездію за претерпѣваемое ею угнетеніе Франціей.

Въ Россіи, всѣ слѣды Тильзитскаго порабощенія и униженія были смыты кровью искупительныхъ жертвъ Отечественной войны. Наглая опека надъ нашими международными отношеніями, олицетворяемая кичливыми представителями Наполеона въ Петербургѣ и заискивающей любезностью съ ними Александра, замѣнилась недопущеніемъ

сношеній съ ненавистными насильниками. Торговля разорвала путы континентальной системы, и этимъ наглядно смыла слѣды чужеземной опеки. Наконецъ возмущенное нашествіемъ и разореніемъ Родины народное чувство получило грозное удовлетвореніе — небывалымъ разгромомъ безсмѣтныхъ полчищъ нашествія.

Не таково было положеніе Западной Европы: она испытывала еще французскій гнетъ во всей его тягости, и не могла предъявить правъ, купленныхъ такой искупительной жертвой, каковую принесла Россія, и не сумѣла подвергнуть французское владычество такому тяжкому уроку, каковой оно испытало въ предѣлахъ Россіи. Эти обстоятельства должны бы имѣться Александромъ въ виду, при его притязаніи руководить судьбой Европы, и внушить ему щадить тяжко испытанное отечество. Тщеславіе и поспѣшность не допустили такой осмотрительности, и этимъ вызвали жестокіе уроки Люцена и Бауцена, и поставили дальнѣйшій ходъ борьбы въ зависимость отъ видовъ австрійскаго правительства...

Калишскій договоръ, несомнѣнное народное воинственное настроеніе Пруссіи, самоотверженно жертвующей всѣмъ для искупительной борьбы съ угнетателями, и наконецъ все большій упадокъ силъ Кутузова, оказали значительное вліяніе на дальнѣйшій образъ дѣйствій Александра, преслѣдующаго съ неменьшимъ увлеченіемъ, но съ меньшею осмотрительностью, освобожденіе нѣмецкой родины нежели своей собственной. Явились въ русскомъ лагерѣ нѣмецкіе совѣтники, и вмѣстѣ съ этимъ войска стали передвигаться болѣе на Западъ, несмотря на малочисленность наступающихъ войскъ и неопредѣленность отношенія австрійскаго правительства къ такому поспѣшному движенію навстрѣчу неизбѣжному появленію новыхъ французскихъ вооруженій. Движеніе нашихъ войскъ чрезъ Силезію, свиданіе государя въ Бреславлѣ (3/15 марта) съ прусскимъ королемъ, занятіе 20 февр. (4 марта) Берлина Репнинымъ, все это передвиженіе наше на Западъ принимало видъ ликующаго освобожденія Родины, совершенно понятное у пруссаковъ, столько претерпѣвшихъ отъ французскаго ига, но не оправдывавшаго легкомысленнаго углубленія нашихъ слабыхъ силъ въ такое отдаленіе отъ запасовъ и средствъ своихъ.

Прусскій патріотъ ген. Шарнгорстъ увлекалъ впередъ; русскій воевода Кутузовъ оспаривалъ умѣстность такого движенія, но силы и вліяніе русскаго воеводы угасали, и по мѣрѣ отступленія французскихъ отрядовъ, русско-прусскія войска стали появляться въ Саксоніи, и въ теченіе марта постепенно заняли ее, перейдя Эльбу, такъ что не только Дрезденъ, но и Лейпцигъ и Альтенбургъ оказались въ рукахъ союзниковъ. Но это занятіе, отдаливши русскихъ отъ ихъ границъ, и облегчивши французамъ встрѣчу съ *освободительнымъ* движеніемъ, нисколько не способствовало послѣднему, такъ какъ Саксонія не проявила того народнаго воодушевленія, которое поставило на ноги всю Пруссію. Французы, кромѣ многочисленныхъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, имѣли возможность стянуть болѣе 40.000 человѣкъ у Магдебурга, что вызывало нѣкоторую осмотрительность при наступленіи союзниковъ на Саксонію, изъ опасенія подвергнуть Берлинъ опасности со стороны вице-короля, предводительствующаго французами. На это обстоятельство обращается вниманіе потому, что оно указываетъ, что еще до прибытія изъ Франціи главныхъ силъ подъ начальствомъ Наполеона, превосходство силъ союзниковъ въ Пруссіи и Саксоніи не было подавляющимъ.

Движеніе наше въ Саксонію облегчаетъ встрѣчу съ французами.

Рѣшительное наступленіе на Саксонію началось, вскорѣ послѣ заключенія Калишскаго договора, силами Витгенштейна и двумя прусскими корпусами подъ начальствомъ Блюхера, но безопасность и польза этого наступленія могла оспариваться не только потому что оно подвергало опасности Берлинъ со стороны Магдебурга (принца Евгенія Богарнэ) и Ганзейскіе города, возбужденные нашими летучими отрядами противъ французскаго владычества, но еще болѣе потому что ставило въ Западной Саксоніи немногочисленныя союзныя войска въ опасное положеніе между ожидаемою изъ-за Тюрингенскаго Лѣса 150.000-ною арміею Наполеона и войсками вице-короля, стоящими у Магдебурга. Кромѣ этихъ многочисленныхъ силъ (около 200.000 ч.) въ Сѣверной Германіи, отряды грозы этихъ областей, жестокихъ утѣснителей и разорителей — маршала Даву и ген. Вандама — стали видимо умножаться прибывающими подкрѣпленіями и подвергать всѣмъ бѣдствіямъ

Завоеваніе Германіи Союзниками. Центральный совѣтъ Штейна.

мщенія возмущенные союзниками Ганзейскіе города. Витгенштейнъ и Блюхеръ подвигались на юго-западъ съ начала марта, при чемъ первый оттѣснилъ вице-короля, попытавшагося было двинуться къ Берлину, а Блюхеръ, при занятіи Дрездена и Саксоніи, не успѣвшій предупредить напрасныхъ насилій Даву, безъ нужды взорвавшаго дрезденскій мостъ, сумѣлъ однако своими рѣзкими воззваніями и распоряженіями, не признающими власти короля и его правительства, возмутить народныя честь и преданность саксонцевъ. Это поведеніе Блюхера не было исключительно послѣдствіемъ его слишкомъ рѣшительнаго нрава, но служило отраженіемъ освободительнаго движенія, опираясь на мѣры, установленныя особой конвенціей 7 марта въ Калишѣ, въ силу которой занимаемыя союзниками области, если владѣльцы ихъ не были членами союза, поступали въ управленіе Центральнаго Совѣта (учрежденнаго 23 марта) съ цѣлью полученія средствъ для борьбы съ Наполеономъ и устраненія прежняго правительства отъ власти. Это учрежденіе, созданное по мысли и желанію бар. Штейна, стало подъ его предсѣдательствомъ могущественнымъ рычагомъ въ освободительномъ движеніи Германіи, но не могло конечно считаться вполнѣ безопаснымъ для тѣхъ охранительныхъ началъ, которыя члены союза стали ревниво и сурово отстаивать по окончаніи борьбы съ Наполеономъ.

Освободительные пріемы.

Обыкновенно, при вступленіи въ области *не* союзныхъ государей, представители союзниковъ призывали *народъ* къ вооруженію, объявляя ихъ владѣтелей недостойными власти. Такой пріемъ несомнѣнно былъ очень дѣйствительнымъ для ускоренія вооруженія страны, которое при посредствѣ неизбѣжныхъ соглашеній между правительствами было бы достигнуто гораздо медленнѣе, но избавило бы правительства союзниковъ (будущихъ союзниковъ Священнаго Союза) отъ справедливыхъ нареканій за вопіющее противорѣчіе ихъ образа дѣйствій въ 1813 году и въ послѣдующіе года. Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ 1813 года, отражается поспѣшность и необдуманность Александра.

Вскорѣ не стало послѣдняго препятствія, задерживавшаго порывы русскаго царя навстрѣчу Наполеона. Главныя силы русскихъ войскъ, съ государемъ и угасающимъ

главнокомандующимъ, выступили 26 марта изъ Калиша, по пути слѣдованія въ Саксонію. 6-го апрѣля достигли Бунцлау, и здѣсь все болѣе хворающій и дряхлѣющій Кутузовъ слегъ въ постель, съ которой не привелось ему болѣе вставать. Государь и король прусскій остановились три дня въ Бунцлау и почтили своими посѣщеніями и участіемъ умирающаго полководца, которому Александръ во все время похода 1813 года оказывалъ особенное внѣшнее вниманіе и уваженіе, доходящее до *гласнаго* признанія его заслугъ, направляя къ нему всѣ внѣшнія проявленія восторговъ въ Силезіи, на которыя нѣмцы оказались очень тароватыми. Сколько было искренности въ этихъ проявленіяхъ, мы не беремся опредѣлить, не забывая выраженія письма фельдмаршала къ своей супругѣ о силезскихъ восторгахъ «нѣсть пророкъ честенъ въ отечествѣ своемъ!», выраженіе заимствованное изъ Священнаго писанія, но получающее особое значеніе въ устахъ тонкаго старца. Не могъ онъ не понимать, какой *вѣсъ* придавался его мнѣніямъ, когда ему сообщались чрезъ кн. Волконскаго, *одновременно*, полученныя донесенія и сдѣланныя по нимъ государемъ распоряженія.

Угасающій въ Бунцлау Кутузовъ не могъ надолго задержать нетерпѣнія Александра, поощряемаго торжественными и восторженными встрѣчами, которыми чествовали и кружили голову освободителю Германіи, которой впрочемъ предстояло еще не мало испытать бѣдъ до достиженія освобожденія. Съ особенною торжественностью онъ былъ встрѣченъ 12 апрѣля при вступленіи въ столицу злосчастной Саксоніи, на долю которой палъ въ 1813 г. тяжкій жребій, испытанный нашими Смоленской и Московской губерніями въ 1812 г. Торжество это было послѣднимъ до наступленія осеннихъ побѣдъ послѣ цѣлаго ряда неудачъ, послѣдовавшихъ немедленно послѣ смерти угасшаго въ Бунцлау 16 апрѣля фельдмаршала, незабвеннаго избавителя отечества, свѣтлѣйшаго князя Голенищева-Кутузова Смоленскаго.

Смерть Кутузова.

Государь отнесся къ его кончинѣ и памяти съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, и такимъ образомъ личные, земные счеты были, такъ сказать, прилично сведены.

Вдовѣ его онъ написалъ лестное и краснорѣчивое пись-

мо, а тѣло его приказалъ торжественно похоронить въ Казанскомъ соборѣ, увѣшанномъ доспѣхами Отечественной войны! Но можетъ ли признать потомство, что на памяти этихъ двухъ главныхъ сподвижниковъ незабвенной и доблестной годины не остается никакой тѣни, и что ни одинъ изъ нихъ не остался въ долгу у другого? Несмотря на то, что ихъ дѣятельность озарилась блескомъ дѣяній и того и другого, нельзя забыть, что Кутузовъ никогда ничего не сдѣлалъ сознательно для умаленія славы царствованія своего государя, украсивши его двумя громкими подвигами истребленія турецкихъ войскъ на Дунаѣ и французскихъ въ ихъ отступленіи, а что Александръ противъ своего желанія доставлялъ ему случаи для совершенія этихъ подвиговъ, и неохотно признавалъ его заслуги. Будучи виновникомъ его пораженія подъ Аустерлицемъ, ему же мстилъ за него; и воспользовавшись его свѣтлымъ умомъ при Дунайскихъ и Смоленскихъ изумительныхъ успѣхахъ, подвергалъ его пересудамъ легкомысленнаго Чичагова и чужеземнаго пристрастнаго судьи, юнаго англійскаго генерала Вильсона! Рѣзко его осуждалъ за неуспѣхъ придуманной имъ Березинской ловушки, несмотря на предупрежденіе опытнаго Кутузова, что такой разбросанный и сложный маневръ едва ли могъ удасться, но не повѣривъ ему, онъ затѣмъ приписалъ эту неудачу его неспособности. Впослѣдствіи, подъ Лейпцигомъ, Александръ могъ убѣдиться, что легче, при подавляющемъ численномъ превосходствѣ, обступить кругомъ Наполеона, нежели взять его въ плѣнъ.

Пользуемся кончиной славнаго предводителя Отечественной войны, чтобы напомнить о его отношеніяхъ къ государю, которому онъ придалъ много блеска своею дѣятельностью, не заслуживши достойной себѣ оцѣнки. Обстоятельству этому мы придаемъ значеніе не для огражденія славной памяти Кутузова, не нуждающейся въ защитѣ, но для поясненія той черты нрава Александра, которая подчиняла прочность положенія государственной дѣятельности его сотрудниковъ, не значенію ихъ государственныхъ заслугъ, а умѣнію сохранять *пріятныя* отношенія съ государемъ, ухаживая за его слабостями и льстя его самолюбію, какъ это обыкновенно водится при ухажи-

ваніи за свѣтской женщиной. Этимъ объясняется немилость Сперанскаго и Кутузова; прочность положенія такихъ личностей какъ Голицынъ и Волконскій; и незыблемость положенія Аракчеева.

Смерть Кутузова не только положила предѣлъ натянутымъ и неискреннимъ отношеніямъ его съ государемъ, но еще избавила послѣдняго отъ докучливаго совѣтника, не одобрявшаго нетерпѣливое стремленіе Александра къ разрѣшенію не назрѣвшихъ еще вопросовъ въ европейскихъ *конъюнктурахъ*, и опасавшагося встрѣчи съ силами Наполеона, при малочисленности нашихъ войскъ и отдаленіи ихъ отъ нашихъ границъ. Ничто болѣе не мѣшало государю испытать неосновательность докучливаго старика, если бы онъ этого пожелалъ, но повѣрка оправдала не увлеченіе Александра, а осторожность Кутузова.

Александръ вмѣсто опоры освобожденія его глашатый.

Выше было упомянуто, что послѣ изгнанія французскаго нашествія, никакая опасность не угрожала нашему отечеству, нуждающемуся въ отдыхѣ и уврачеваніи отъ испытанныхъ бѣдствій. Спѣшить на встрѣчу ожидаемаго пробужденія угнетенной Европы, для возстановленія прежнихъ династій и границъ, было тѣмъ менѣе настоятельно, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что наши западные сосѣди не преминутъ воспользоваться невзгодой Наполеона для улучшенія своего положенія. Это было несомнѣннымъ ихъ правомъ относительно во зло употребившаго свои успѣхи насильника, и ихъ обязанностью относительно своихъ народовъ. Поспѣшность Александра, подстрекаемая окружающими его нѣмецкими выходцами, не допустила Пруссію проявить самостоятельно свое народное воодушевленіе и несомнѣнную жизненность, навязавши ей свой починъ, близкій съ подлиннымъ надъ ней насиліемъ. Пруссія къ тому времени была до того обезсилена и унижена, и находилась въ такой зависимости отъ *благодѣяній* Александра, пожертвовавшаго во время тяжкихъ ея испытаній немало русскихъ милліоновъ для покрытія ея государственной и королевской нищеты, что не могла противодѣйствовать натиску русскаго вліянія, подъ давленіемъ котораго оставалась до

окончанія борьбы съ Наполеономъ. Положеніе Австріи не было въ той же степени бѣдственно и зависимо какъ Пруссіи, и во главѣ ея правительства стояла личность на столько одаренная и самостоятельная, что увлечь Австрію помимо ея воли не было возможности: съ Меттернихомъ не только приходилось считаться, но и являлась нерѣдко необходимость слѣдовать по указанному имъ пути.

Австрія. Вѣнскій дворъ, несмотря на брачный и военный союзъ съ Наполеономъ, не могъ помириться съ тѣмъ умаленіемъ своихъ владѣній и значенія, которое причинили 20-лѣтнія неудачныя войны съ Франціей. Могущество послѣдней вынуждало терпѣть обидное униженіе, зорко слѣдя за прочностью этого могущества, чтобы не упустить удобнаго случая къ возстановленію утраченнаго величія... Разгромъ *великой арміи* въ 1812 не могъ не вызвать попытки со стороны австрійскаго правительства извлечь одновременно пользу изъ удачи *навязаннаго* ему врага и бѣдствія *навязавшагося* ему союзника. Передъ началомъ борьбы, австрійскій министръ рѣзко отзывался о легкомыслiи Александра, ожидалъ пораженія Россіи и поживы на ея счетъ. Ошибившись въ ожиданіи, онъ соотвѣтственно съ этимъ направилъ свою дѣятельность. Осторожность и послѣдовательность, съ которыми Меттернихъ приступилъ къ осуществленію этой задачи, могли служить ручательствомъ русскому правительству въ успѣхѣ предпріятія, и въ твердой рѣшимости австрійскаго правительства не упустить удобнаго случая урѣзать крылья французскимъ орламъ. Къ сожалѣнію, осторожный и послѣдовательный образъ дѣйствій Меттерниха не согласовался съ нетерпѣливымъ желаніемъ немедленнаго возмездія у Александра, не принимавшаго въ соображеніе ни собственной, ни сосѣдской неподатливости для борьбы, ни несправедливости требовать у другихъ народовъ большей отзывчивости къ испытаннымъ имъ лично и его державой бѣдствіямъ и оскорбленіямъ, нежели та, которую онъ самъ проявилъ къ Австріи и Пруссіи въ 1805, 7 и 9 годахъ. Вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ образомъ дѣйствій Австріи, дабы получить болѣе прочную опору для собственной дѣятельности, Александръ опередилъ своей дѣятельностью осторожнаго Меттерниха, и этимъ подвергъ себя съ начала

жестокимъ ударамъ Наполеона, а потомъ подчиненію рѣшающему голосу Австріи, когда она подоспѣла съ своими вооруженіями и осторожно избавилась отъ союза съ Наполеономъ.

Если бы вмѣсто обвиненія Австріи въ двуличной политикѣ, Россія послѣдовала ея примѣру, заготовивши средства къ рѣшительной борьбѣ, послѣ полнаго соглашенія съ сосѣдями, не торопясь итти въ Саксонію подъ сокрушительные удары Наполеона, дѣла бы приняли другой оборотъ, потребовавшій вѣроятно меньше жертвъ и меньшаго кровопролитія. Такое благоразуміе требовало исключительно государственныхъ побужденій, при полномъ устраненіи личныхъ счетовъ тщеславія и самолюбія. Къ несчастію для Россіи, Александръ никогда не дозрѣлъ до уровня стойкаго государственнаго дѣятеля, поглощеннаго своимъ долгомъ и призваніемъ.

Не менѣе его свѣтскій Меттернихъ, тщеславно увлекающійся успѣхами въ великосвѣтскихъ гостиныхъ у свѣтскихъ женщинъ успѣлъ строго разграничивать свои личныя увлеченія и государственныя потребности въ международныхъ сношеніяхъ. Такая способность настоящаго государственнаго дѣятеля обезпечивала ему возможность вести разсѣянную свѣтскую жизнь и рядомъ съ этимъ вести твердой рукой послѣдовательное и здравое преслѣдованіе того, что онъ признавалъ, хотя бы ошибочно, государственнымъ благополучіемъ. Немедленно послѣ крушенія *русской кампаніи*, Меттернихъ усмотрѣлъ въ этой громадной неудачѣ поворотъ въ судьбѣ Наполеона, и почувствовалъ, что это міровое явленіе упрочиваетъ почву для выхода Австріи изъ угнетеннаго и униженнаго положенія. Для успѣха упроченія почвы подъ потрясенными Наполеономъ державами, по его здравому взгляду, нужно было воспользоваться *неожиданно* благопріятнымъ исходомъ нашествія на Россію для обузданія Франціи и водворенія мира въ Европѣ, а не для удовлетворенія честолюбца, притязающаго примѣнить къ своимъ видамъ на увеличеніе своихъ владѣній крушеніе безразсудныхъ предпріятій геніальнаго корсиканца!

Но Александру трезвый взглядъ на водвореніе благополучнаго строя вслѣдъ за казавшейся недавно почти неиз-

бѣжной гибелью отечества былъ заслоненъ стремленіемъ отмести Наполеону (отдача *визита* въ Парижѣ), возстановленія хотя бы частичнаго Польскаго королевства и облагодѣтельствованія прусскаго королевскаго дома. Эти стремленія не могли всецѣло взойти въ составъ государственныхъ потребностей Австріи и Европы, и породили двойственность взглядовъ Александра и Меттерниха, которую первый и его поклонники обозвали *двуличностью* австрійской политики.

Послѣдняя же, въ дѣлѣ водворенія прочнаго положенія Европы, пользуясь ущербомъ могущества Наполеона, была ясна и послѣдовательна, и могла несмотря на это казаться двухсмысленной одновременно Александру и Наполеону, потому что ни тотъ, ни другой не находили въ ней твердой опоры для своихъ честолюбивыхъ видовъ.

Выше было сказано, какъ австрійское правительство постепенно обратило въ мирное отступленіе изъ предѣловъ Россіи свое подневольное участіе въ *нашествіи* на нее и немедленно приступило къ принятію мѣръ для того, чтобы ущербъ могущества Франціи не остался безполезнымъ для облегченія состоянія Европы. Въ этихъ видахъ, Меттернихъ сталъ одновременно заботиться объ усиленіи военныхъ средствъ Австріи и о прекращеніи борьбы между Франціей и Россіей, въ которую послѣдняя почти насильно вовлекла Пруссію и пыталась вовлечь Австрію. Послѣдняя не желала унизиться до подневольнаго отношенія къ Александру, *купившему* на то право относительно Пруссіи тѣмъ, что если не сумѣлъ ее отстоять въ 1807 году, то искупилъ это въ послѣдствіи щедрыми благодѣяніями. Метернихъ ясно видѣлъ, что Наполеонъ будетъ нуждаться во времени для своихъ военныхъ приготовленій, и потому будетъ преслѣдовать обезпеченіе времени для своихъ вооруженій путемъ мирныхъ переговоровъ. Перерывъ военныхъ бѣдствій, необходимый для *передышки* истерзанныхъ народовъ, долженъ былъ конечно оказаться болѣе полезнымъ тому правительству, которое наилучше съумѣетъ имъ воспользоваться. Наполеонъ его вызывалъ въ надеждѣ на свои правительственные пріемы и способности, но это не смущало Меттерниха, который не опасался никакого соперника въ искусствѣ

переговоровъ; нетерпѣливый Александръ, желая вѣроятно показать, что съ его властью надъ безотвѣтнымъ народомъ онъ не нуждается въ долгихъ приготовленіяхъ, только обнажилъ свое самообольщеніе, оказавшись при испытаніи готовымъ къ борьбѣ послѣ другихъ державъ.

Залогъ успѣха дѣйствій Меттерниха.

Между тѣмъ Меттернихъ чрезвычайно искусно воспользовался миролюбивымъ проявленіемъ Наполеона, вызваннымъ не только желаніемъ отсрочки борьбы, но и несомнѣннымъ требованіемъ общественнаго мнѣнія Франціи и даровитѣйшихъ ея государственныхъ дѣятелей. Предложеніе посредничества доставило Меттерниху возможность осторожно, шагъ за шагомъ, развязать узы союзнаго договора 14/26 марта 1812 года; избавиться отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, по открытіи ихъ въ Саксоніи, продолжая переговоры объ условіяхъ умиротворенія Европы, въ то время когда Наполеонъ и Александръ взаимно истребляли свои полчища, а Австрія неусыпно вооружалась.

Несомнѣнно, что заслоненный такимъ искуснымъ переговорщикомъ Александръ могъ бы также не спѣшить съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, дождавшись одновременно неопровержимаго доказательства неосуществимости мирнаго соглашенія и окончанія военныхъ приготовленій Россіи, невольно запаздывающихъ, въ сравненіи съ гуще населенными и развитыми странами. Ясность образа дѣйствій Меттерниха дѣлала это вполнѣ возможнымъ, такъ какъ онъ не прибѣгалъ къ уловкамъ и изворотамъ, которые могли бы вызывать опасеніе неожиданнаго оборота въ его политикѣ, пользуясь исключительно тѣмъ направленіемъ, которое ему придавалъ самъ Наполеонъ для обольщенія Австріи, и направивши его, послѣдовательнымъ развитіемъ французскаго предложенія, къ совершенному сокрушенію скрывающейся подъ этимъ предложеніемъ западни.

Меттернихъ спѣшилъ высылать переговорщиковъ для мирнаго соглашенія, Шварценберга и Бубну къ Наполеону, Лебцельтерна къ Александру, и настойчиво домогался установленія съ обоими возможныхъ условій мирнаго соглашенія. При веденіи этихъ переговоровъ, онъ не допускалъ, чтобы искренность мирнаго настроенія Наполеона или

Александра могла, въ какой бы то ни было степени, стѣснять выгоды посредническаго положенія Австріи, обрушивая невыгоды на тѣхъ, которые *умствовали лукаво*. Такимъ путемъ онъ избавился отъ обязательствъ союзнаго договора; устранилъ предложенія Наполеона за Силезію и Иллирію отказаться отъ посредничества и перейти во враждебныя отношенія къ Россіи и Пруссіи; не только цѣпко держался посреднической дѣятельности, но старался въ нее вовлечь королей Саксоніи и Баваріи, что ему отчасти удалось съ первымъ, до его невольнаго возвращенія въ Дрезденъ, по требованію Наполеона, послѣ изгнанія имъ союзниковъ изъ Саксоніи. Замѣчательно при этомъ, что обвиняемый соперниками честолюбцами въ двуличности Меттернихъ былъ несравненно искреннѣе своихъ обвинителей, стремясь къ устраненію бѣдствій, порождаемыхъ соперничествомъ двухъ императоровъ и жаждой возмездія Германіи, на условіи умиротворенія Европы, въ которомъ могло бы уложиться возрожденіе Германіи, при бережномъ отношеніи къ честолюбіямъ Наполеона и Александра.

Осуществленіе такого благополучнаго исхода изъ всеобщаго потрясенія Европы преграждалось неискренностью мирныхъ стремленій Наполеона, ненавистью Александра къ послѣднему, рядомъ съ такими видами на Польшу для себя и Саксонію для прусскаго короля, обнаружить которые ни Наполеону, ни Александру не было возможности, не выдавая всей неуступчивости ихъ честолюбія. Но лживость миролюбивыхъ предложеній Наполеона заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не допускалъ малѣйшаго ущерба прежняго его преобладающаго положенія въ Европѣ, полученнаго послѣ военныхъ успѣховъ, сохраняя за собой право предписывать условія мира, при нѣкоторой внимательности лишь къ одному Александру. Послѣдній же, выставляя себя поборникомъ независимости Европы, былъ поглощенъ жаждой мести, желаніемъ пріобрѣтенія Польши и обладательствованія не только прусскаго короля, но и шведскаго наслѣднаго принца, которому въ порывѣ любезности обѣщалъ въ Або французскій престолъ.

Искусство Меттерниха главнымъ образомъ обнаружи-

лось въ той ловкости и твердости, съ которыми онъ утвердился въ посредническомъ положеніи, созданномъ Австріи Наполеономъ, использовавши его для устраненія зависимости положенія, установленнаго союзомъ 14 марта 1812 г., оправдываясь недостаточностью своей военной силы при началѣ 1813-го года. Принявши посредничество, ему умышленно придавалось такое значеніе, что изъ него истекало право откладывать разрѣшеніе всѣхъ другихъ текущихъ недоразумѣній, впредь до разрѣшенія судьбы этого посредничества. На этомъ основаніи Меттернихъ считалъ союзъ прерваннымъ на время посредничества, и настоятельно требовалъ отъ Наполеона возможныхъ условій умиротворенія, безъ установленія которыхъ посредничество не имѣло подъ собою почвы. Попытки французской политики выбить Меттерниха изъ этого положенія оказались столь же безуспѣшными, какъ и обѣщанія присоединенія Иллиріи и Силезіи для подкупа Австріи. Приписывая такую безуспѣшность вялости своего скромнаго представителя въ Вѣнѣ—Отто—французское правительство, въ лицѣ своего императора, попыткой посылки туда блестящаго придворнаго адъютанта, графа Нарбонна, пыталось побудить Австрію къ болѣе сообразному французскимъ видамъ образу дѣйствій. Блестящему Нарбонну не удалось склонить Меттерниха оставаться по прежнему покорнымъ орудіемъ французской политики, и онъ добился только своими настояніями и ловкой полемикой признанія австрійскаго министра, что тотъ придаетъ посредничеству значеніе третейскаго суда, считая себя въ правѣ требовать принятія тѣхъ мирныхъ условій, которыя австрійское правительство признаетъ справедливыми и этимъ самымъ получаетъ право перейти въ положеніе военнаго посредничества, вступая въ союзъ съ согласившейся на принятіе условій стороной противъ отвергнувшей эти условія.

Послѣднія были изложены Бубною Наполеону и Меттернихомъ Нарбонну, вызывая порывы негодованія съ французской стороны. Австрійское правительство надѣялось склонить Александра къ заключенію мира, при условіи уничтоженія герцогства Варшавскаго, для раздѣла его между Россіей, Пруссіей и Австріей; уступки Эрфурта,

Ганзейскихъ городовъ и Данцига, также отчасти въ пользу Пруссіи, и отказа Наполеона отъ протектората надъ Рейнскимъ Союзомъ. Кромѣ того, требованіемъ допущенія представителей Испанской Юнты на предполагаемомъ мирномъ конгрессѣ молчаливо выражалось согласіе на возстановленіе независимости Испаніи. Несмотря на громадное могущество, которое предоставлялось такими условіями французской имперіи, Наполеонъ призналъ ихъ оскорбительными для своей *чести*, которую онъ полагалъ несовмѣстной съ какой бы то ни было уступкой изъ прежде захваченныхъ земель или званій. Такое притязаніе на обращеніе всякаго своего поступка или прихоти тщеславія въ какой-то коренной законъ, не подлежащій измѣненію, какъ законъ природы, было конечно безразсудно, и оправдывало обвиненіе его въ умопомѣшательствѣ, не исключая признанія въ такой гордой несговорчивости своеобразнаго величія. Александръ не высказывался положительно относительно мирныхъ условій, не довѣряя и не желая возможности соглашенія съ Наполеономъ, и опасаясь высказать преждевременно размѣры своихъ притязаній. Такимъ образомъ оба соперника, по неискренности своего участія въ мирныхъ попыткахъ Австріи, не только упустили случай отстранить всѣ грозныя явленія войнъ 1813, 14 и 15 годовъ, но и утратили вмѣстѣ съ этимъ возможность, путемъ предварительныхъ переговоровъ, поставить предѣлъ посредническимъ притазаніямъ Австріи и не допустить ея до возможности получить рѣшающій голосъ, когда судьба завязавшейся борьбы стала зависѣть отъ ея участія.

Искренне предпринятые Россіей немедленно послѣ разгрома *великой* арміи переговоры были бы встрѣчены Австріей какъ заря освобожденія Европы, и были бы поведены Меттернихомъ съ достаточной осторожностью, чтобы избѣгнуть немедленнаго столкновенія съ Франціей. При такихъ условіяхъ, если бы даже Наполеонъ упорно стремился новой войной съ Россіей возстановить свое прежнее обаяніе непобѣдимости, послѣдняя могла бы избѣгнуть продолженія изнурительнаго зимняго похода до Калиша, и успѣшнѣе приготовиться къ продолженію борьбы, опираясь не только на Пруссію, но и на Австрію. При

своевременномъ сближеніи съ послѣдней, Александръ былъ бы удержанъ отъ весенняго похода въ Саксонію, такъ печально окончившагося. Бережное отношеніе Австріи къ Россіи ясно обнаружилось при отступленіи Шварценберга изъ Варшавскаго герцогства; и при осторожномъ и умѣренномъ образѣ дѣйствія со стороны Александра, могло бы привести къ прочному соглашенію, соотвѣтствующему несомнѣнному расположенію Австріи къ державѣ, успѣвшей уничтожить обольщеніе непобѣдимости Наполеона. Затруднительность такого соглашенія имѣла корень не въ опасеніи неискренности служенія Австріи Европѣ въ совершенномъ сверженіи гнета Франціи (какъ это доказалъ весь ходъ переговоровъ Меттерниха съ послѣдней), но въ невозможности Александру откровенно высказать свои притязанія личной мести, возстановленія Польши и возведенія Бернадота на французскій престолъ.

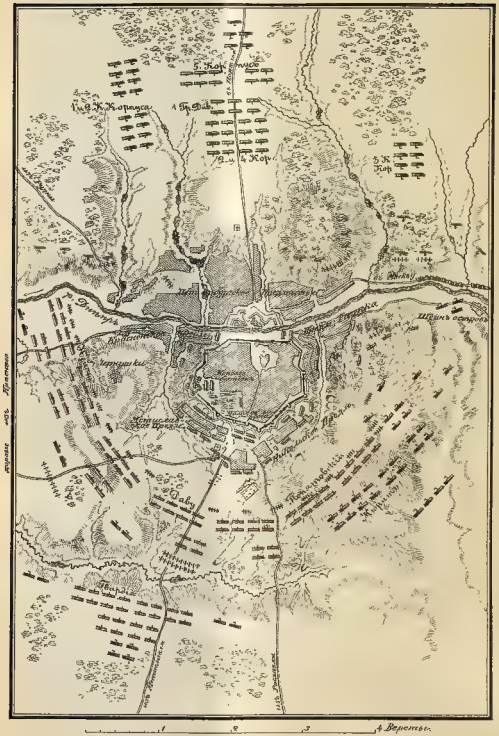
Эти виды побудили его поспѣшить занятіемъ Польши, продолженіемъ борьбы рядомъ съ покорной Пруссіей, и лишили его благоразумнаго вліянія Меттерниха, которое несомнѣнно нашло бы опору въ Кутузовѣ. Когда же послѣдняго не стало, Александръ получилъ возможность испытать одновременно своевременность своего вступленія въ западную Саксонію и блестящія военныя способности Витгенштейна.

Подробное обсужденіе неумѣнія оцѣнки Александромъ услуги, которую Австрія могла бы ему оказать, вызывается мнѣніемъ, что ошибка не только выдвинула эту державу въ господствующее положеніе въ предстоящей борьбѣ, но и въ такое же положеніе на континентѣ на продолжительное время.

И тогда Александръ, пренебрегшій благопріятнымъ вліяніемъ Меттерниха въ 1813 году, подчинился ему до конца царствованія въ слѣпомъ охранительствѣ относительно общественныхъ проявленій народной жизни. Это соотвѣтствовало патріархальному *отлеживанію* отъ болѣзни вмѣсто ея *пользованія*. Но Меттернихъ указывалъ въ докладахъ Францу, что такова горькая нужда Австріи, въ нажитой ею въ борьбѣ съ Франціей нищетѣ, а Александръ, въ Польшѣ и Греціи, стремился, по выраженію Щедрина, *и капиталъ пріобрѣсть и цѣломудріе соблюсти.*

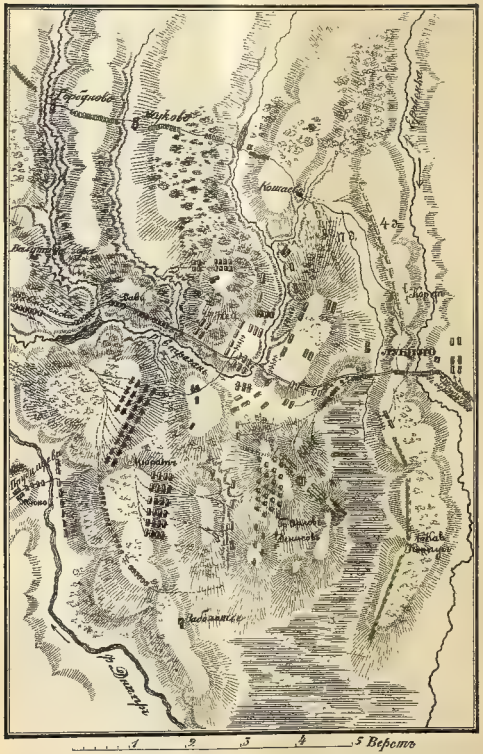
Планъ сраженія при **Клястицахъ.**

Планъ сраженія при **Смоленскѣ** 5 августа.

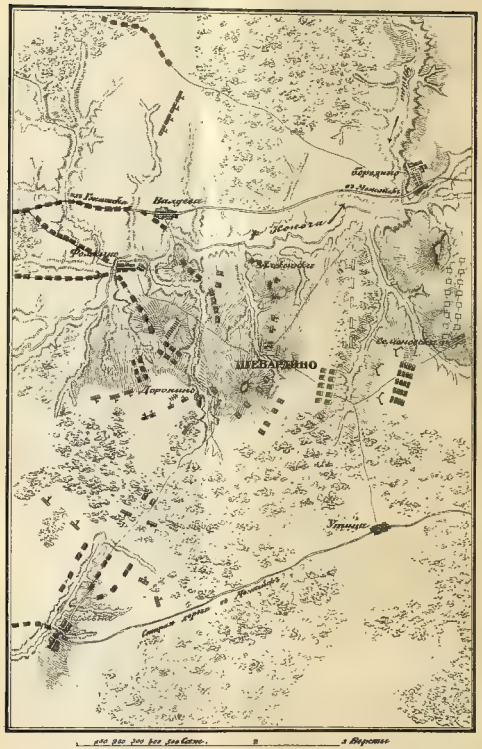


План дѣйствія предъ **Лубинскимъ** сраженіемъ.

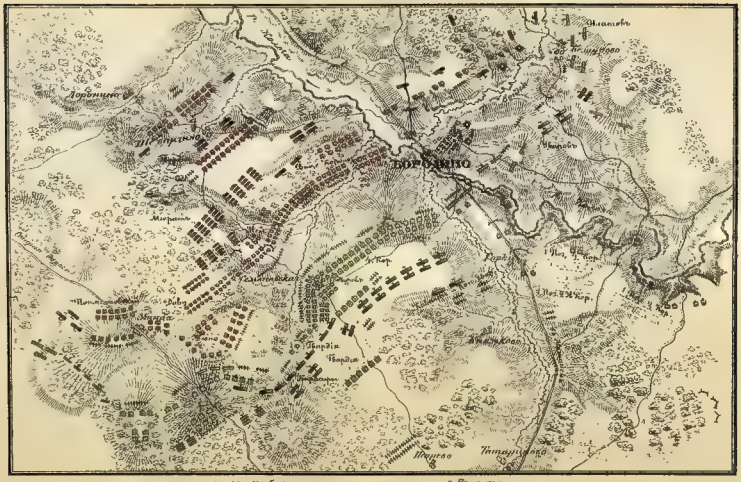
Планъ сраженія при **Лубинѣ.**



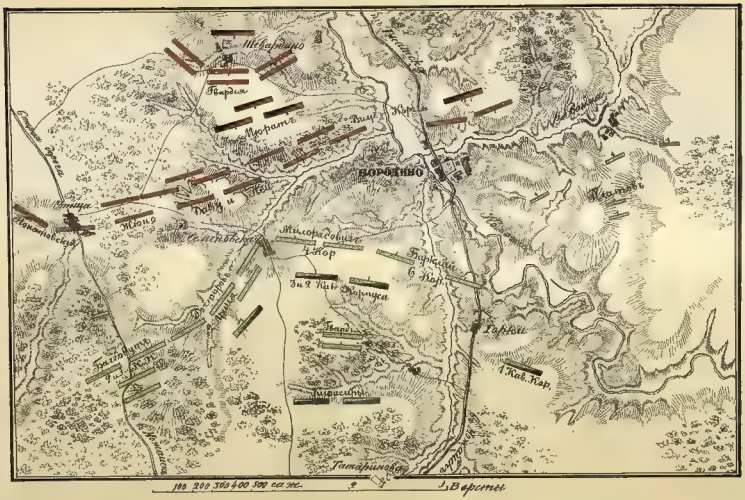
Планъ атаки редута при **Шевардинѣ**.



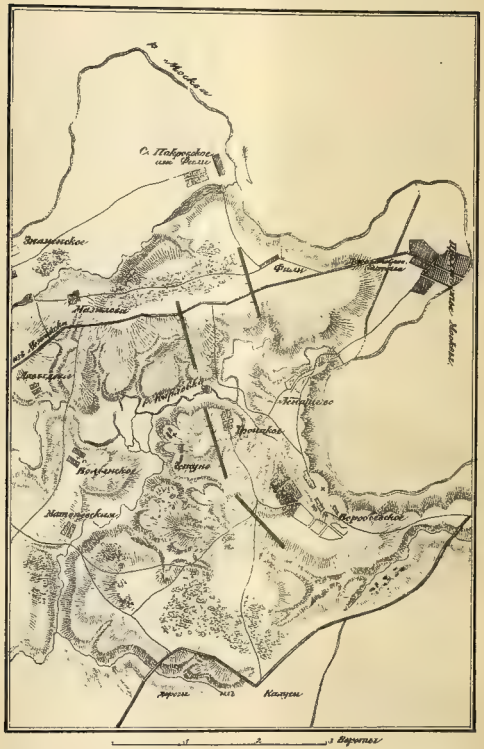
План сраженія при **Бородинѣ** (въ 3-мъ часу).



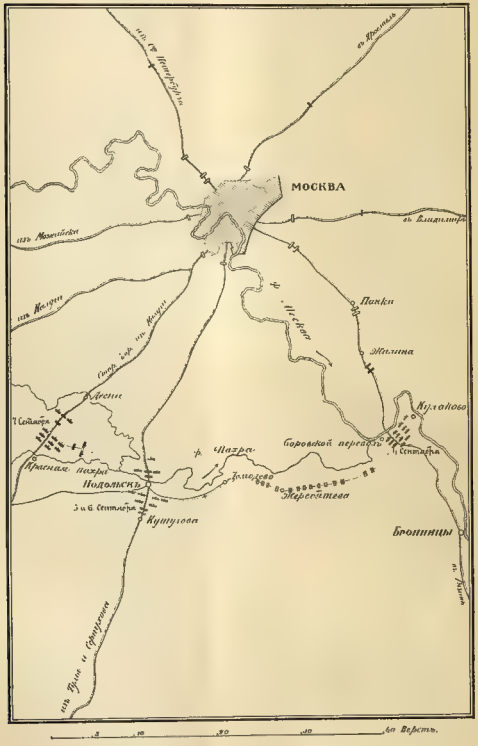
Расположенія войскъ послѣ Бородинскаго сраженія.



Планъ позиціи при **Москвѣ**.



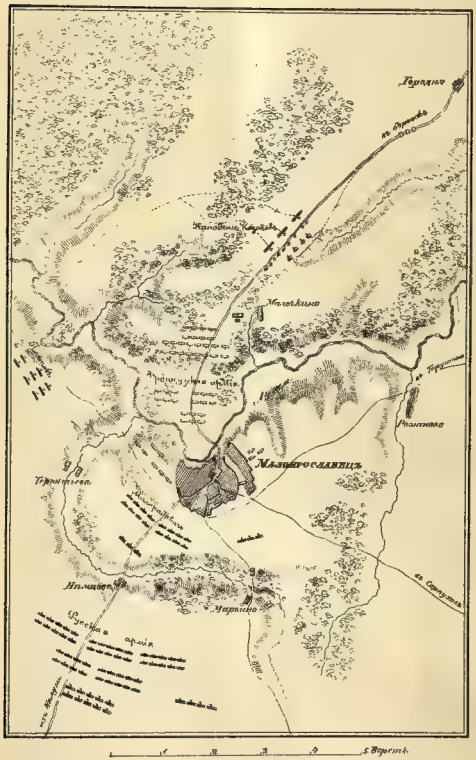
Карта движенія съ **Рязанской** дороги на **Калужскую**.



План сраженія при **Тарутинѣ**.

План сраженія при **Малоярославцѣ** (въ началѣ).

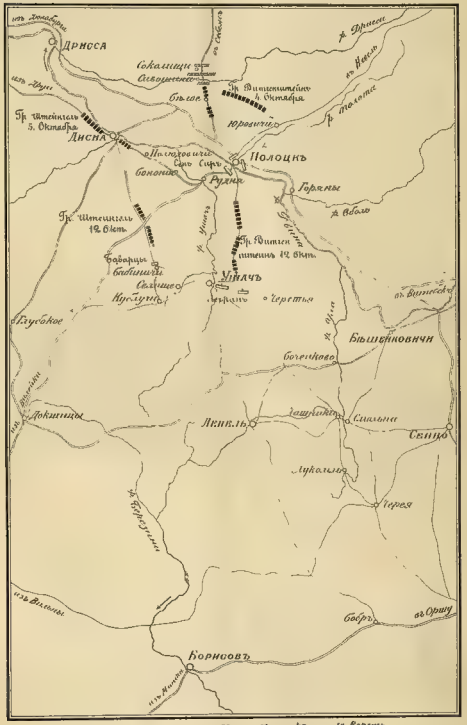
Планъ ночного нападенія казаковъ съ 12 на 13 октября.

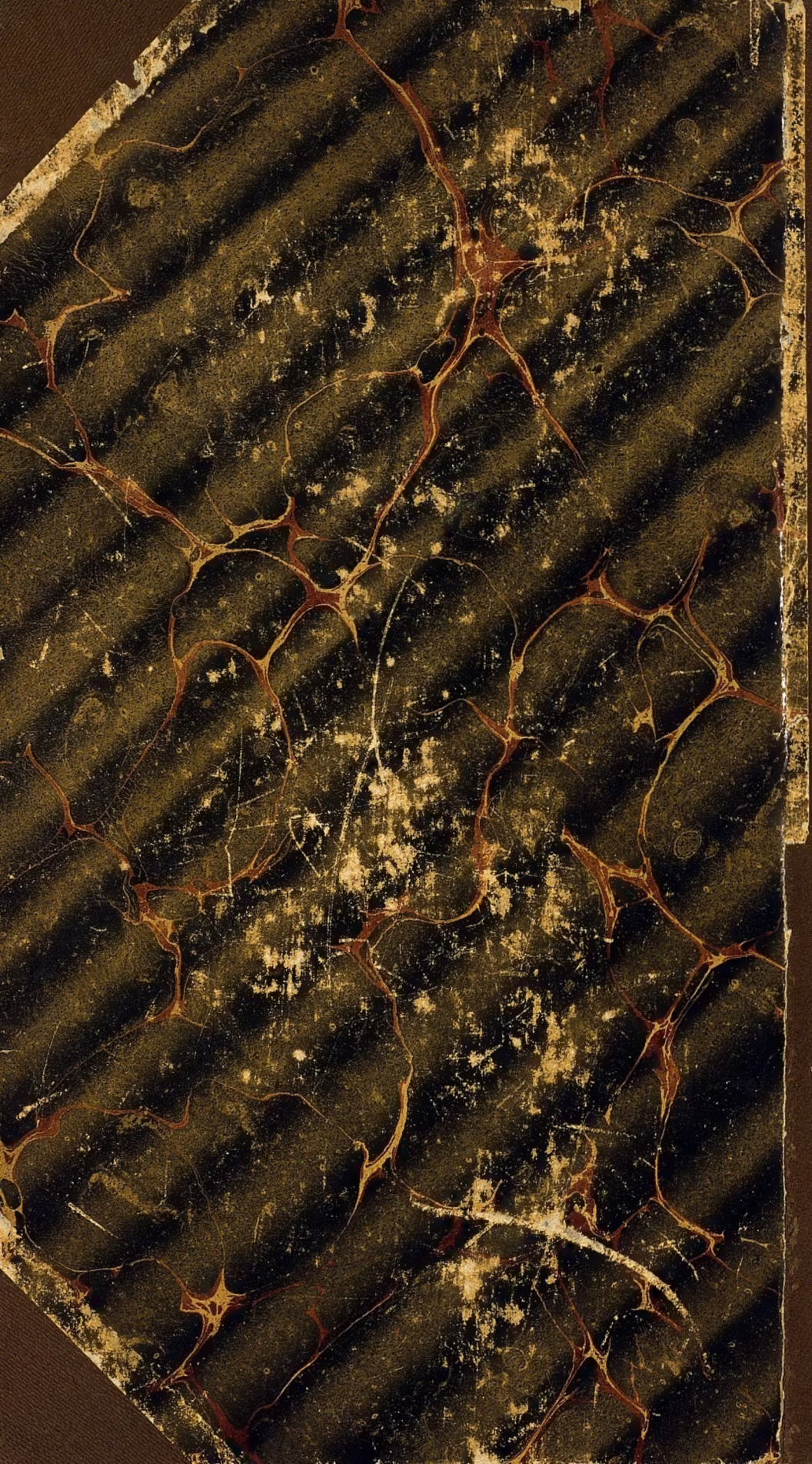


Карта расположенія войскъ при началѣ **Вяземскаго** сраженія.

Планъ сраженія при **Полоцкѣ** 6-го октября.

Карта дѣйствій Гр. **Витгенштейна** въ октябрѣ.



План дѣла у **Борисова** 11-го ноября.

Цѣна 2 р. 50 к.